
ТАША ЯНСУ

ЮЖНАЯ ВЕРШИНА

Отважная воительница Вик и маг с загадочным прошлым Гейл неразлучны с детства и берутся за любые задания, с которыми могут справиться. Однажды им поручают миссию, после которой обнаруживается, что Гейл — принц и Хранитель волшебного замка Южная Вершина.

Замок наделяет своего Хранителя огромной силой, с которой не так-то просто совладать. Поскольку Гейл всю жизнь странствовал и не учился быть королем и Хранителем, одна за другой возникают проблемы: на него покушаются, его земли отбирают, магия Вершины плохо подчиняется ему... Чтобы справиться с этим, Гейл решает найти таинственного полукровка Орохина, обладающего способностью странствовать между мирами, но неверные решения приводят к катастрофическим последствиям...

Мальчишка был странный, и Вик поняла это с самого начала. Один из старейшин деревни, Седой, отсутствовавший несколько дней, привел его к себе поздно ночью — мальчика с черными глазами, которые на фоне огненно-рыжих с золотыми прядями волос выглядели диковато — и утром представил соседям как своего внука, приехавшего погостить. К утру волосы мальчика стали черными, и Вик почти засомневалась, что действительно видела их настоящий цвет: той же ночью Седой постучал в домик бабули Лизи с чем-то помочь, проснувшись Вик тайком увязалась следом, но рассмотреть происходящее в доме Седого удалось только мельком — все окна были зашторены, и лишь один крошечный, небрежно задернутый уголок позволил увидеть незнакомого мальчишку со странными волосами. Вик непременно решила бы, что ей это лишь приснилось, если бы не знала кое-что интересное о старике-Седом — он был магом, но притворялся обычным человеком, и она была полна решимости разоблачить его.

То, что Седой — маг, она узнала случайно. Прошлый год был засушливый, ближайшие родники пересохли, а в реке вода была слишком грязной и годилась лишь на огород да скотине. Маг-хранитель деревни, недотепа-Потти, все силы тратил на то, чтобы сколдовать чистой воды и наполнить ею бочки деревенским. Чистую воду тратили на питье и умывание. В тот год урожая едва хватило, чтобы уплатить налоги да спокойно перезимовать. Сады многих жителей засохли, один лишь сад Седого обошелся без страшных последствий — все его деревья, кусты и редкие виды цветов уцелели, и одна лишь Вик знала, что дело не в его трудолюбии или везении, она видела. В тот день, точнее, вечер она несла ему похлебку — бабуля Лизи, соседка, у которой Вик проводила времени больше, чем дома с вечно пьяным отцом, велела сделать это еще после полудня, но Вик умудрилась об этом позабыть и даже подумывала съесть сама — Седой все равно ничего бы не сказал, даже простой благодарности не выразил, а Лизи всегда крепко сердилась, если ее поручение не выполняли. Во двор Седого Вик зашла с заднего хода — растущие там кустарники с необычными листьями наводили на приятные мысли о короткой тропинке в волшебном лесу. Седой стоял на коленях у засохших кустиков и что-то бормотал. Подкравшись ближе, Вик услышала непонятные слова, которые струились подобно странной песне. В воздухе перед Седым зарождалось серебристое сияние, которое оседало на кустиках и продолжало светиться, как крошечные дождевые капли, освещенные солнцем. Седой улыбался, морщинки с его лба исчезли, он показался неожиданно не таким старым, и Вик удивленно выдохнула. Заметив ее, Седой тут же встал и нахмурился. Улыбки его и след простыл, а когда Вик, запинаясь, попросила показать еще что-нибудь, сказал, что ей все привиделось. День нынче жаркий, нечего бродить на улице, немудрено, что мозги перегрелись. Шла бы домой и не задавала такие глупые вопросы.

Вик крепко на него за это обиделась, но еще больше — на ребят, которые не поверили ей, дескать, да какой маг будет гнить в паршивой деревушке так далеко от города? Одно дело недотепа-Потти, не отличавшийся особой сообразительностью, косноязыкий и криворукий, совсем другое — пронизательный умный Седой, даром что ли старейшина? Они еще много дней обзывали ее чудачкой и смеялись, так что решительно не оставалось иного выхода, кроме как поймать Седого с поличным.

Вик вызывалась каждый раз отнести ему обед, следовала за ним тенью, когда он шел по

улице, провожала до дома старейшин и обратно, прячась за заборами и готовясь пуститься наутек при необходимости — однажды он заметил ее, успел схватить за шиворот и унизительно отшлепал прямо на улице у всех на глазах. Но это лишь еще больше придало ей решимости довести дело до конца, и вот теперь появился этот странный мальчик, которому почему-то покрасили его странные волосы.

Появление мальчика у остальных жителей деревни не вызвало никаких удивлений или подозрений, они лишь порадовались, что старику-Седому будет теперь повеселее жить в его большом доме.

Мальчишка был тихий, какой-то пуганный — шарахался от лошадей и коров точно так же, как те шарахались от него; собаки в первое время странно себя вели — ежились, тревожно скулили, а кошки шипели, но потом, похоже, привыкли. Мальчик был весь не то чтобы тощим заморышем, но неженкой, не привыкшим к деревенской жизни ландышем. Он казался таким чистым, с таким достоинством держал себя! Говорил со взрослыми на равных — складывал слова в причудливые фразы, спокойно отвечал и отлично все запоминал, а позже при новой встрече сам вступал в разговор и задавал вопросы, и взрослые, пряча улыбки, с удовольствием с ним разговаривали.

Сверстники относились к нему на удивление хорошо. Наверное, потому что он был внуком Седого, никто не хотел его задирать, чего Вик подспудно ожидала на ежеутренней тренировке старого худощавого Рикарда. Странного мальчика в первый же день позвали другие мальчишки, выделили один из небольших деревянных мечей и подбадривали, хотя мальчик на оружие пялился с недоумением и явно не знал, как держать его в руке — меч то и дело клонился носом к земле, мальчик даже удержать его толком не мог, вот слабак.

Старый Рикард некогда был оруженосцем одного важного лорда и уйдя на покой устроил тренировочную площадку на окраине деревни у леса, чтобы держать себя в форме, как объяснил он. Забава эта понравилась другим старикам, и они частенько устраивали по вечерам шуточные бои, ну а утром Рикарда окружали дети с горящими от восторга глазами и подражали ему. Добродушный Рикард рассказывал много интересного о славных подвигах своего любезного лорда и не отказывался показать детям несколько приемов. Он и Вик отдельно учил, как правильно держать меч и размахивать им, и хвалил чаще, чем мальчишек — у них это получалось хуже, чем у нее, но даже это не помогло против того, чтобы над ней перестали смеяться. Не дело девчонке меч в руках держать, говорили все. Другие девчонки выглядели куда опрятнее и вели себя сдержанней — не носились по деревне, не бегали в лесу, не лазили по деревьям, заборам, крышам, не ходили на утренние тренировки Рикарда... Они готовили, прислуживали за едой, прибирались, нянчились с детьми... Но Вик так не могла. Что-то внутри неудержимо влекло ее вперед, ведь в мире было столько всего интересного! Ну как тут спокойно сидеть в четырех стенах дома, да штопать носки?!

Вик часто ловила на себе взгляды странного мальчика, но становилось так неловко от своей старой одежды, растрепанных волос, вечно чумазого лица, что уши обдавало жаром, и она, поджав губы, спешила отвернуться от его пронирыливых глаз. Не раз ее посещали мысли подойти к нему и показать, что с ней стоит считаться, чтобы не смотрел на нее — на них всех! — свысока! Он даже хлеб ел столовыми приборами, часто кривился и воротил нос от супа бабули Лизи, старался не касаться стариков и маленьких детей, садился только на чистое и смотрел на всех взглядом богатого купца, уставившегося на кучку дерьма перед дверцей своей кареты.

Вик постучала в дверь носком башмака и нахмурилась, приняхиваясь к кастрюльке

супа, который принесла Седому и его внуку по просьбе бабули Лизи. Пахло вкусно, суп был холодный, конечно, но если подогреть, просто объедение, особенно если с поджаренным кусочком хлеба...

Вик постучала снова, вздохнула. Сегодня весь день был суматошный — осень в самом разгаре, много работы в огороде, отец снова пил, а когда не пил — охотился или спал, так что Вик приходилось самой убирать урожай в огороде да ухаживать за скотиной. Из скотины была корова да куча кур и гусей. Скоро придет время превратить большую часть их в мясо, да отвезти в город продавать, и Вик было немного жаль их — за лето она успела привязаться к некоторым особенно сообразительным.

Вик раздраженно постучала еще раз и, снова не дождавшись ответа, поставила кастрюльку на крыльцо и подергала за дверную ручку. Дверь, конечно же, открылась — в деревне почти никто не запирается, место здесь было тихое, да и красть было особо нечего, а если и было чего, недотепа-Потти с помощью магии мог быстро найти негодяя. Конечно, нехорошо входить в чужой дом без хозяев, но тащить суп обратно не хотелось, да и не впервые уже Вик такое проделывала, и ни разу Седой ничего не сказал против.

"Поставлю здесь", — подумала Вик, водружая кастрюльку на небольшую подставку возле красных камней. Красные камни у Седого были не в пример больше и ярче, чем у них, да и нагревались быстрее.

Вик рассеянно огляделась и уже хотела уйти, как звуки шагов за дверью застали ее врасплох, и еще прежде чем одна ошеломительная мысль оформилась в голове, она уже шмыгнула за угол второй комнаты и притаилась.

В дом вошли Седой и его внук.

Вик задрожала от щекощущего чувства азарта, пополам с восторгом и страхом, что с ней будет, если ее заметят, и в то же время с досадой подумала, что могла бы и раньше догадаться так сделать — уличить Седого за магией, когда он считал, что был один, должно было быть проще всего. Но будет ли он колдовать при своем внуке?

— Расставляй шахматы, — велел Седой.

Вик немного выглянула из-за двери. Седой подогрел на красных камнях кастрюльку и разлил суп в две глубокие деревянные тарелки. Мальчик, едва не уронив, водрузил на стол тяжеленную старинную шахматную доску Седого, до которой этот гадкий старик не разрешал Вик даже дотрагиваться, и принялся расставлять не менее внушительные, искусно вырезанные фигурки.

Дом Седого был отдельным предметом любопытства. Стены его были украшены картинами из маленьких разноцветных камней, головами мертвых хищников, особенно красивыми, словно живыми выглядели два ястреба, раскинувшие крылья.

Когда у нее будет свой дом, там непременно будет куча всего интересного, решила Вик. Она с воодушевлением ждала от взросления множество преимуществ. Например, у всех будет своя комната: у бабули Лизи, которая, конечно же, будет жить с ними, поближе к кухне и кладовке, у отца будет большая мастерская, где он сможет спокойно свежевать добычу набором разнообразных острых ножей и выделывать шкуры, и, может, тогда, занятый делом, он будет меньше пить? А у нее, у Вик, будет огромная комната с большими окнами, а стены будут увешаны оружием и трофеями, и пусть тогда какой-нибудь глупый мальчишка посмеет над ней смеяться!

Седой и его внук сели ужинать, перекинувшись от силы десятком слов. Это было странно, Вик вот могла рассказать бабуле Лизи о чем угодно, пусть даже та не была ее

родней — и о глупых ребятах, и об этом странном мальчике, как же его имя?.. и о том, что Рикард ее сегодня поставил в пример, и пусть от этого тупой Тод разозлился на нее и даже толкнул, но она ему ух за это наподдала! Так, что потом смеялись уже над ним.

Гордясь собой, Вик решила подождать еще немного, прежде чем попытаться убежать через окно в комнате. Было слышно, как снаружи накрапывал дождь. Только бы не усилился, иначе она вымокнет, пока добежит до дома.

Седой и его внук прибрались после ужина и уселись за шахматы. Похоже, больше ничего занимательного у них не намечалось. Вик с разочарованием огляделась, размышляя о том, как глупо поступила и что теперь придется сильно постараться, чтобы удрать незамеченной. Стараясь не шуметь, она осторожно направилась к окну, как вдруг услышала кое-что, заставившее ее остановиться, а потом быстро прильнуть назад к своему пункту наблюдения — знакомые бормотания непонятных слов. Она осторожно выглянула из-за дверного проема и замерла: Седой поднял руку над одной из шахматных фигурок и, не дотрагиваясь до нее, сместил до нужной клеточки на другом конце доски. Его внук насупился, засопел. Седой терпеливо ждал его хода, перекатывая палочку жевательной смолянки от одного уголка рта к другому. Его внук глубоко вздохнул и переставил свою фигурку на несколько клеток вперед.

Седой повторил свои действия, но в этот раз срубил фигурку внука. Та поднялась в воздух, зависла над доской. Его внук угрюмо смотрел на нее и вскоре, не выдержав, отвел глаза. Седой вздохнул. Взгляд мальчика блуждал по комнате, и прежде чем Вик опомнилась и спряталась, он заметил ее и замер. С мгновение они испуганно пялились друг на друга. Вик очнулась первой и торопливо прижала палец к губам, призывая молчать. Мальчик открыл было рот, но быстро закрыл, перевел взгляд на доску, жутко вдруг покраснев. Седой нахмурился еще сильнее и вдруг резко посмотрел прямо на Вик. От ярости в его глазах перехватило дыхание. Вик попятилась.

— Опять ты! — рявкнул Седой.

Здоровенная фигурка коня мелькнула в воздухе и врезалась Вик точно в лоб. Мир перевернулся, потолок мелькнул перед глазами, разукрашенный быстро тающими искрами. Что-то больно ударило в затылок, аж до черных пятен в голове. Вик с трудом села на полу, не понимая, где руки, где ноги, но соображение стремительно возвращалось, и вместе с тем так же стремительно нарастал страх — изрыгая гневные ругательства, к ней приближался Седой. Он схватил ее за ухо и безжалостно поволок к двери. Вик с трудом ковыляла, то и дело запинаясь и падая, и казалось, ухо вот-вот оторвется, останется в стальных пальцах Седого.

— Я тебе покажу, мелкая дрянь, как подглядывать! — приговаривал Седой, от души отвечивая ей оплеухи.

Все три недели, что его внук был здесь, он вел себя на редкость терпеливо и спокойно, не лез в утренние тренировки Рикарда со своим мнением и советами, не ругался с бабулей Лизи и другими старухами за непрошеную помощь, и сейчас словно наверстывал упущенное.

Дверь громко захлопнулась метрах в трех от Вик, стало неожиданно темно. Вышвырнутая в грязь под ливень, она тупо пялилась в никуда, чувствуя, как голова пульсирует от боли. Глаза заливала вода, а может то были слезы. Она не знала, сколько так провалялась, пока не поняла, что никто не придет, что она может пролежать здесь до утра и захлебнуться дождем насмерть — никому не было дела. Стало еще горше, хотя до этого казалось, что тоскливей быть не может. Вик поднималась медленно, опираясь о разбитые

локти, утопая пальцами в хлюпающей грязной земле. Пришлось присесть и посидеть немного, пока голова не перестала кружиться и ломоту в теле не сменило оцепенение. Она кое-как добралась домой и спряталась в свой закуток, загороженный старым цветным тряпьем. Отец лишь всхрапнул два раза громче обыкновенного, но не проснулся. Вик содрала с себя мокрую грязную одежду, забралась под одеяло и заснула.

Утро облегчения не принесло. Все тело казалось разбитым, опухшим, особенно лицо. Седой бить умел — переломов не было, иначе она стала бы бесполезной на добрых несколько дней, а так надолго усвоит урок. Отец уже куда-то ушел, куры в курятнике клевали зерно, а коровы в сарайчике не было. Завтракать Вик привычно пошла к бабуле Лиззи, и та, причитая на ее отца, который в этот раз был ни при чем, обработала ушибы и покормила пресной кашей. После Вик, морщась от боли, заставила себя пойти прогуляться по деревне. На тренировку Рикарда она опоздала, и это огорчило больше всего. Она не сразу заметила, что внук Седого пялится на нее, а когда заметила, нахмурилась изо всех сил, задрала подбородок и показушно отвернулась. Полдня она пыталась прибраться в огороде, чувствуя на себе взгляд мальчика, а после по поручению бабули Лизи отправилась к реке, которая текла в лесу неподалеку от деревни — нарвать немного нужных ей трав. Травы давно уже были сложены в корзинку, и, наверное, бабуля Лизи уже их заждалась, но Вик отчаянно не хотелось возвращаться в деревню — здесь, в глубине леса, было тише, спокойней, и голова болела меньше. Порывшись в карманах, как всегда набитых полезной мелочью, Вик достала небольшой крюк и бечевку и решила поудить рыбу, как учил ее отец, когда еще не пил так много и частенько брал с собой в лес.

Воздух был наполнен ароматом воды, звоном птиц, настойчивым писком комаров. Временами Вик нетерпеливо отмахивалась от очередного неприятного укола, который быстро перетекал в раздражающий зуд, но не отвлекалась от своей добычи, долгожданного улова, ради которого надолго замерла, слилась с лесом и даже дышала, как ей казалось, в такт плавному движению реки. Поплавок из сухой деревяшки дернулся, бечевка резко натянулась, и Вик в восторге собралась уже по-настоящему взяться за дело, быстро оглянулась, чтоб не споткнуться, и от неожиданности, вскрикнув, едва не выронила удилище — прямо за спиной, в нескольких шагах от нее стоял тот самый надоедливый мальчишка! Вик опомнилась, поспешно потянула удилище, но рыба уже сорвалась. Вик неверяще быстро вытащила бечевку, медленно обернулась к мальчику, стремительно свирепея.

— Чего тебе надо?! — рявкнула она. — Вали отсюда! Ты только мешаешь!

Мальчик робко стиснул руки на груди. Его вытаращенные черные глазищи заполнились слезами. Он явно не привык, чтобы на него так орали.

— Из-за тебя все! — не унималась Вик.

Сорвала бечевку с удилища и со всего размаху швырнула деревяшку в воду. Ее затрясло — от злости и от боли из-за резких движений. Ударить бы, вклепить этому мальчишке! Он даже пикнуть не успеет, отпора тем более не даст, слабак! Вот только Седой ох как не обрадуется, если его драгоценный внучок объявится с фингалом на все лицо.

— Прости, — пробормотал мальчик. — Я не хо...

— Что мне с твоего «прости»?! — Вик разъяренно повернулась к нему. — Ты как сюда пришел, все мне портишь! Пошел прочь! Всю рыбу распугал!

Она выдохлась, соображая, что шумит тут громче всех, и если и было кого пугать, то уже наверняка никого нет.

Никого нет. Рядом никого нет. Никогда рядом с ней никого не было с тех пор как

умерла мать, «это ты виновата», твердил отец, когда был пьян, и сейчас Вик остро как никогда это понимала. Отец, когда пил, всегда так говорил, а пил он часто, не пить он уже не мог.

Вик отвернулась, вытирая слезы дрожащими пальцами.

— Уйди, а? — попросила она. — Честное слово, уйди, не то как врежу.

Шумно дыша, чтобы справиться со слезами, она села задницей прямо на землю. Удрученно почесала грязные волосы, с досадой разглядывая реку. Мальчик тоже присел, только на корточки и подтянув свои чистенькие штаны, и с сочувствием гораздо уверенней повторил:

— Прости. Тебе вчера сильно досталось из-за меня.

Вик сердито покосилась на него. Разумеется, он виноват! Конечно, не следовало прятаться в доме Седого и подглядывать, но все обошлось бы, будь этот дурак не таким глупым!

— Наверное, все болит? Я... я могу помочь, — кусая губы, выдавил мальчик.

Он опять выглядел так, будто вот-вот расплачется.

— Как? — Вик оглядела его и презрительно хмыкнула.

— Можно мне... — не договорив, мальчик потянулся к ней, но остановился под ее ледяным взглядом. — Я... это быстро, я... я недолго, — крупно сглатывая и отчаянно отводя взгляд, пробормотал мальчик. Он ярко покраснел и почему-то все еще не убежал, хотя по всему было видно, как сильно ему этого хотелось.

Вик, сурово раздувая ноздри, милостиво кивнула и чуть подалась вперед. Мальчик осторожно коснулся ладошками ее лба и висков и зажмурился. Краем глаза Вик уловила золотистое свечение, а затем головная боль прошла. Теплая ладошка накрыла ее ухо, и боль в ухе тоже исчезла. Вик недоуменно посмотрела на мальчика, который открыл глаза и отстранился, довольно улыбаясь.

— Что ты сделал? — вырвалось у нее.

— Я тебя вылечил, — не без гордости ответил мальчик.

Вик удивленно потрогала свою голову, ухо.

— Ого, — потрясенно сказала она и уважительно посмотрела на мальчика. — Так ты маг, как и Седой, да еще и целитель!

Настроение стремительно улучшалось. Конечно, ничего удивительного что и внук Седого оказался магом. Надо попросить его показать что-нибудь магическое остальным ребятам, доказать свою правоту!

Погодите-ка...

— Ты можешь исцелять! — обрадованно воскликнула она и вскочила на ноги. — Идем скорее! Бабуля Лизи уже третий день разогнуться не может! Ты должен помочь ей!

Мальчик промолчал, только прижал руку к лицу и сгорбился, отворачиваясь.

— Что? — испугалась Вик. Схватила его за руку, убирая от лица. — Что это?!

Она чуть не отшатнулась, разглядев черные белки глаз, сливающиеся по цвету с радужкой, и пульсирующие под кожей в уголках глаз черные венки, которые бугрились и стекали вниз по лицу.

— Это, эм, — пробормотал мальчик, отчаянно покраснев. — Седой говорит, что у меня много магии, и потому мне трудно себя контролировать, особенно когда я волнуюсь или злюсь.

— Я уж подумала, это из-за того, что ты меня сейчас полечил, — не своим голосом

сказала Вик, успев насмерть перепугаться — Седой точно прикончил бы ее, если бы с его внуком что-нибудь случилось. Интересно, почему мальчик не зовет его дедушкой?

— Я волновался — боялся, что не справлюсь и сделаю тебе хуже, — пояснил мальчик.

— Тогда зачем полечил, если сомневался?! — возмутилась Вик.

— Седой ударил тебя из-за меня! Я должен был что-то сделать! Я не хочу, чтобы ты меня ненавидела! — выкрикнул мальчик и громко шмыгнул носом.

— Я тебя не ненавижу. — Вик смутилась. — Просто ты вечно такой весь из себя, нос задираешь, а сам слабак, а взрослые носятся с тобой, будто ты принц какой-нибудь, меня даже с утренних тренировок гоняют, а я... — Она замолчала, насторожилась, услышав странный шум. Мальчик смотрел на нее во все глаза и явно ничего не замечал.

— Ты слышал? — одними губами спросила Вик. Мальчик недоуменно повертел головой. — Снова. — Вик дернулась. Она вся наострилась и вскинулась, осознав, что это и откуда. — Это со стороны деревни!

— Что?

— Идем, быстрее!

Вик схватила мальчика за руку, и они побежали назад, домой. Мальчик не поспевал. Вик кляла его за медлительность, но руку не отпустила. Еще издали они заметили черный дым, еще издали слышали крики и топот лошадей. Пробираясь кустами, Вик невольно замедлилась, заставила мальчика пригнуться.

— Тихо! — шепнула она.

Рука мальчика была ледяная, он издавал странные звуки, Вик боялась обернуться и посмотреть на него. Она лихорадочно обежала взглядом окраину деревни и только сейчас заметила, что успела достать небольшой нож, подаренный некогда отцом, который она носила на поясе с собой. Множество огромных, облаченных в серые одеяния чужаков, спешившись с лошадей, бежали по улице, размахивая самым настоящим оружием — с каждым взмахом землю орошала неестественно яркая на солнце кровь, свист каждой пущенной стрелы обрывался чьим-то криком, а то и вовсе лишь пустым звуком падающего за смертью тела или треском занимающегося огня. Часть врагов неслась галопом на лошадях по маленьким улицам, отрубая бегущим людям головы на ходу. Голова старухи с выбившимися из-под платка длинными седыми волосами катилась вниз по улице и остановилась, уткнувшись в колесо брошенной повозки с горящим сеном. Кто-то из врагов задирает молодым женщинам юбки и валил на землю. Женщины визжали и плакали. Вик сглатывала и дышала ртом. Первобытный холодный ужас как стремительный туман на болотах заполнил ее тело, призывая бежать, но сдвинуться с места она не могла. Тихо поскуливая, плакал за спиной Гейл.

Гейл. Так его зовут, вдруг вспомнила Вик не раз уже услышанное имя.

— Уйдем отсюда, пожалуйста, нас тоже убьют, — заикаясь, рыдал Гейл.

— Не дайте никому сбежать! — гаркнул один из врагов, с виду главный: хоть одежда на нем не отличалась от прочих, он был верхом и по большей части отдавал приказы, временами направляя коня на бегущего ребенка, словно это его забавляло. — Найти мальчишку, остальных убить!

Ползли, прячась под опрокинутыми повозками, за плетнями и заборами дети, кому-то удалось убежать в лес, но за ними тут же погнались. Маленькая девочка с красным от слез личиком, истошно вопя, семенила в сторону Вик и Гейла, и побежавший за ней враг заметил их, застывших истуканами.

— Мальчишка! — закричал он. — Вон тот мальчишка! Я нашел его!

Тут маленькая девочка, захлебываясь в пронзительных криках, споткнулась и упала прямо под ноги преследователю. Тот не успел замедлиться, запнулся об нее, чуть не упал, разозленно обернулся, достал из ножен меч и опустил на девочку. Визг прекратился. Кровь захлестала, как из зарезанного поросенка, неестественно белела неиспачканная рука девочки. Она была вытянута вперед и все еще подрагивала, будто девочка пыталась зацепиться за траву и уползти, и именно это — судорожно дергающиеся пальчики словно бы пробудили Вик. Она вскочила с места, где они с Гейлом прятались, все так же крепко сжимая его руку до онемения пальцев, и резко посмотрела на него.

Эти чужаки пришли за ним.

Если отдать его им, они отпустят ее и всех остальных?..

Нет. Они не остановятся, поняла Вик, вспомнив приказ их лидера. Они поймают Гейла, этого маленького загадочного мага, а остальных так или иначе прикончат. Должно быть, он был очень важен. Поэтому Седой так разозлился, вдруг поняла Вик. Во время игры в шахматы он ожидал от Гейла совершенно другого хода, и испугался, что Вик могла понять, что Гейл тоже был магом. Вместе с этим Вик поняла еще кое-что — Седой вовсе не был дедушкой Гейла. Гейла отправили к нему, чтобы спрятать — точно так же, как Седой прятал свою магию.

— Вик? — позвал Гейл беспомощным зареванным голосом.

Он в отчаянии смотрел на нее так, будто она могла совершить чудо и остановить это безумие. Вик, сглотнув, встала увереннее на дрожащих ногах, разжала его руку, выставила перед собой нож и шагнула вперед.

— Вик?! — звенел за спиной испуганный голос Гейла.

— Беги, дурак, — велела Вик. — Я их задержу.

К врагу тем временем присоединились еще несколько и, услышав ее слова, расхохотались. Они указывали на нее пальцами и обзывали смелым коротышкой, и задетая Вик с досадой поняла, что краснеет.

— Ну все, за дело, — утирая лицо, все еще смеясь, сказал один из врагов и первым пошел на Вик, с ленцой поигрывая огромным мечом, словно тот был легкой деревянной игрушкой. Он был совсем уже близко, и замахнулся мечом, но опустить не успел — замер с раскрытым от изумления ртом и торчащим из груди наконечником стрелы. Меч выпал из его разжавшихся пальцев, сам он качнулся и грузно упал — Вик едва успела попятиться на непослушных ногах. Враги растерялись, огляделись. Вик тоже резко посмотрела в сторону стрелявшего. Дыхание перехватило. Отец натянул тетиву и запустил новую стрелу, попав в плечо другому врагу.

— Викки, беги! — хриплым голосом крикнул он, тут же берясь за третью.

За ним горстка деревенских мужиков с вилами, топорами, а кто и с настоящим оружием, во главе с Рикардом, давали отпор врагам. Яркая вспышка света за спинами деревенских смельчаков заставила Вик сощуриться: Седой, прижимая к животу связку маленьких серых колбасок, вытянул свободную руку вперед, и яркие серебряные шары градом посыпались на врагов, расплавляя их одежду, кожу, кости...

Враги, не ожидавшие такого, заметно растерялись, но уже в следующий момент сгруппировались — часть поспешила расправиться с деревенскими, часть двинулась на Седого, а стоявшие к Вик и Гейлу ближе всех, вспомнили о своей задаче, но Вик опередила их и, снова взяв Гейла за руку, со всех ног побежала к отцу, к Рикарду, к Седому.

Они прошмыгнули, как мышки, между огромными страшными врагами — отец продолжал стрелять. Ни одна стрела не пролетела мимо цели, и Вик чуть не засмеялась и не раскричалась от гордости — ох, как же давно отец не выглядел прежним собой! Как давно не называл ее ласковым именем! Скорее, скорее бы добежать до отца, уткнуться носом ему в грудь, обнять изо всех сил, зная, что он защитит! Но вот к нему сзади подбежал враг и занес над ним меч, и Вик закричала, предупреждая. Отец словно бы не услышал — он продолжал стрелять. Меч прошел в его груди насквозь, лук и стрела выпали из его рук.

Вик распахнула в немом ужасе рот, споткнулась и устала на то, обо что споткнулась.

— Идем, Вик! — тоненько прокричал рядом Гейл.

Они все еще держались за руки изо всех сил. Вик рассеянно кивнула и побежала дальше. Ну не могла эта голова под ногами принадлежать недотепе-Потти, чушь какая-то, наверняка это вовсе не голова, а какой-нибудь камень. Точно ведь, и отец ранен не так сильно, ей просто привиделось, он сейчас встанет и снова пустит стрелы в этих негодяев. Вик с надеждой оглянулась в последний раз, но тут же зажмурилась и припустила вперед еще быстрее, отказываясь верить в увиденное — что враги, такие же маги, как Седой, за считанные секунды расправились с мужчинами.

Почему же Седой бездействует?! Почему не защищает их?!

Седого окружал мерцающий на солнце полукруглый барьер, за его спиной воздух переливался всеми оттенками зеленого, образуя неровный прямоугольник. Несколько врагов безуспешно пытались пробить барьер Седого оружием и магическими атаками. Он больше не прижимал связку серых колбасок к животу — одну руку выставил перед собой, а второй рисовал огненные символы в воздухе, — и Вик неожиданно поняла, что это были его кишки. Кольнуло тошнотой, но это быстро прошло — некогда было на это отвлекаться, потому как лидер врагов, атаковавший Седого, заметил их и приказал:

— Взять мальчишку!

Вик и Гейл испуганно замерли. Сквозь барьер Седого неожиданно стремительным ярким всполохом брызнули огненные шары, попадая точно во врагов.

— Гейл, сюда! — высоким хриплым голосом крикнул он.

Вик опомнилась и поволокла застывшего истуканом мальчика к Седому. Они промчались мимо врагов. Зажмурившись, Вик смело побежала к барьеру, ожидая расшибить себе лоб, но к глубокому изумлению прошла сквозь него — вместе с Гейлом.

— С-Седой, — заикаясь, позвал Гейл. — Они их уб-убили, они...

Он прерывисто тоненько заскулил. Слезы не переставая катились по его лицу. Седой взглянул на него лишь мельком и перевел взгляд на Вик. Вик поджала губы, сердито выпятила подбородок. Прошла, наверное, вечность, и было очень странно, что солнце на небе ничуть не сдвинулось. Это походило на затянувшийся плохой сон. Определенно все это было лишь затянувшимся плохим сном.

Губы, подбородок Седого были перепачканы кровью. Кровь была на его одежде спереди. От него воняло, он едва стоял на ногах, кожа была странно серой, он словно бы похудел и серьезно заболел. Он вдруг кашлянул, и кровь огромным сгустком пролилась по его подбородку. Он часто задышал, не обращая внимания на то, что вокруг них столпилось множество врагов — их было гораздо больше, чем казалось поначалу, а может, прибыло подкрепление?

— Вик, хватай Гейла и бегите в Дверь, — негромко сказал Седой, кивнув в сторону

колышущегося в воздухе зеленоватого прямоугольника. — Она приведет вас к моему старому другу. Расскажи ему обо всем, что здесь произошло. Они не должны найти Гейла, слышишь меня? Никто не должен знать о его магии, прячь его, защищай своей жизнью, если потребуется, клянись своим отцом и матерью! Клянись!

— Я клянусь, — дрожащим голосом взвалила на себя бремя ответственности Вик. Всхлипнула. — Отцом и матерью.

— Не подведи меня. Не подведи нас всех. Гибель этой деревни не должна быть напрасной.

Взгляд Седого потеплел. Он хотел еще что-то сказать, но в последний момент закрыл рот, передумал. Нахмурился — враги за барьером принялись колдовать, да так, что казалось, будто стеклянный купол снаружи омывали разноцветной водой. По мерцающей поверхности пробежала рябь, остались трещины. Рука Седого, которой тот чертил огненные символы, почернела, запахло так, будто рядом кто-то поджаривал ломтики свинины, но он не останавливался.

— Прости, что взвалил на тебя это бремя, — сказал он так тихо, что Вик потом еще долго не могла решить, слышалось ей или нет. — Бегите! Я собью их с вашего следа. — Он странно хохотнул, его лицо исказилось в гримасе безумия, глаза засверкали.

Вик попятилась, с опаской поглядывая на зеленое колышущееся полотно в воздухе. Она, конечно же, слышала про Двери, хотя ни разу не видела их воочию, но они как правило находились в больших городах и уж никак не должны были выглядеть такими маленькими и невзрачными.

Огромная трещина прошла сверху барьера до земли, барьер стремительно покрывался трещинами поменьше. Седой сжал черную руку в кулак. Его взгляд, полный ярости и отчаяния, был направлен на врагов, и, быть может, показалось, по его щеке скользнула слеза. Вик решительно тряхнула головой, схватила хнычущего Гейла за руку, втокнула его в Дверь и вбежала следом, снова ожидая, что во что-то врежется. Она успела оглянуться и увидеть зарождение ослепительной огненной вспышки, прежде чем словно бы провалилась, внезапно потеряв опору под ногами. Мир перевернулся, разбился — разбилась и она, а потом в то же мгновение все они собрались в то, чем были. Следующий же шаг встретился с землей, и от неожиданности Вик пробежала немного, чтобы не упасть. К желудку подкатила тошнота, но все обошлось. Глубоко часто дыша прохладным свежим воздухом, она огляделась.

День здесь только начинался. Сквозь кроны деревьев алела занимающаяся заря, трава, доходившая до щиколотки, была мокрая от росы. Изредка перекликались одинокие звонкие птицы. На полянке неподалеку находился небольшой дом. Дверь его резко распахнулась, и на Вик с Гейлом уставилось существо, похожее на человека, но слишком волосатое, чтобы им быть. Оно прицелилось в Гейла из арбалета. Вик тут же вспомнила последние слова Седого и, обмирая от страха, встала перед ним, этим сопливым мальчишкой, который все хныкал и хныкал.

— Кто вы такие? — строго спросило существо. Его голос был низким, он выговаривал слова отчетливо, на общем языке. Оно вышло из тени дома, сделало несколько шагов к ним и остановилось, когда Вик направила на него дрожащей рукой нож своего отца. Она усилием воли подавила злые слезы и, мучительно подбирая слова, ответила:

— На нашу деревню напали. Нас отправил сюда Седой. Сказал, вы его старый друг.

— Седой? — удивилось существо и опустило арбалет. Растерянно потерло лоб. Белки

его больших глаз были темно-желтыми, а зрачки почти вертикальными. Нос был короткий и широкий, густые брови и поросль на лице придавала ему облик одичавшего отшельника, впрочем, наверное, он им и был, по крайней мере, других существ здесь не наблюдалось. Его руки были странной формы и будто бы в пушистых перчатках. Приглядевшись, Вик поняла, что перчаток не было. Позади существа взволнованно дергался длинный хвост.

"Это же уркас", — поняла Вик и с интересом во все глаза уставилась на незнакомца. Она впервые видела самого настоящего уркаса, и это открытие заставило ее на миг позабыть о пережитом. Гейл за спиной тем временем перестал хныкать и начал икать. Уркас, вздохнув, сказал:

— Похоже, этого старого пройдохи больше нет в живых, раз он отправил вас ко мне, а сам остался.

Он отвернулся и грубовато добавил:

— Идемте в дом. Я как раз собирался позавтракать.

Вик растерянно опустила нож, который продолжала стискивать перед собой. Уркас скрылся в доме, оставив дверь открытой. Вик осторожно вернула нож в ножны на поясе и повернулась к Гейлу. Посмотрела на него со смесью жалости и отвращения. Вздохнула и потрясла за дрожащее плечо.

— Эй, вставай.

Черные глаза Гейла испуганно сверкнули.

— Идем говорю, — увереннее сказала Вик и потянула его за руку. — Тот старик, кажется, хороший, может, и нам что перепадет от его завтрака? Да утри сопли, не думаю, что его можно этим разжалобить.

Гейл послушно втянул носом воздух и потер лицо предплечьем. Вик удовлетворенно хмыкнула и повела его за собой.

Десять лет спустя

Вик осторожно пригнула тонкую ветку, стараясь не сломать. Пойманный в силки рекчик зачирикал, дернулся. Вик накрыла ловушку широкой ладонью, нащупала судорожно бьющееся горлышко и сжала, сворачивая шейку. Вытащила силки, отпустила ветку, и та выпрямилась, встала звонкая, стройная, певуче заблестела на солнце молодыми ярко-зелеными листьями. Вик не стала доставать рекчика из силка, засунула прямо так в мешок и как можно бесшумнее выбралась из оврага. Огляделась, вспоминая, как вернуться в лагерь, прислушалась.

С самого начала этот старый лес ей не понравился. Сквозь густые верхушки деревьев рассмотреть небо удавалось с трудом. То и дело доносились утробные вздохи со стороны Черной топи, проросшей высокими ломкими растениями; земля вокруг нее пузырилась, стонала, и если приложить к ней ладонь, можно ощутить непрерывную дрожь глубоко внутри. Вик не хотела думать о том, что там могло быть. Ритмичный шелестящий хруст впереди, будто растирали крупные засохшие листья, привлек ее внимание. Вик замедлилась, заметив кое-что еще. Присела на корточки и уставилась на свежий след низшей твари. Рогана, если точнее. Вик нахмурилась, бросила быстрый взгляд вперед, на доносившийся шум.

Роганы? Днем? Невозможно.

Но следы были свежие, а звуки их присутствия она ни с чем не перепутала бы — уж больно часто в последние месяцы доводилось с ними сталкиваться. К тому же то, что прежде роганы попадались только ночью, не означало, что они были исключительно ночными тварями. Чтобы утверждать это, следовало бы их изучить, но сделать это было невозможно — будучи проклятыми, они могли жить только в Нижнем мире и обращались в прах, если слишком долго находились в Срединном.

Вик осторожно отступила. Лучше обойти это место. Она была вооружена, как и всегда, но судя по звукам, роганов было не меньше трех. Ввязываться в бой с ними да без прикрытия — чистое самоубийство, но если ее заметят, ничего другого не останется. Вик почти пожалела, что не настояла на том, чтобы Гейл пошел с ней, и в то же время выдохнула с облегчением — Гейл хоть и справлялся с разведкой в лесу не хуже нее, был довольно шумным. Будь он здесь, роганы обнаружили бы их еще прежде, чем Вик увидела бы их следы.

Вик вернулась в лагерь наемников, разбитый на окраине деревни, которую они нанялись защищать от нападения роганов, оставила добычу у общего костра и поспешила к главе наемников Флипу.

Жаркий солнечный день был душным и обещал не менее жаркий вечер. Большая часть наемников откровенно отлынивала от обязанностей — сбившись в кучки они играли в карты, напивались и горланили песни, показушно размахивали оружием и сверкали полуголыми торсами перед деревенскими девушками, которые носили воду из протекавшей рядом с деревней реки. Те хихикали и смущались, а самодовольные идиоты провожали их похотливыми взглядами. На саму Вик подобным взглядом остерегались смотреть с первого же дня, как они с Гейлом присоединились к наемникам — тем требовались разведчики,

умевшие ориентироваться в лесу.

Вик усмехнулась и фыркнула, заметив Гейла, который разговаривал с хорошенькой девушкой и улыбался как-то по-особенному. Эту улыбочку Гейл примерял каждый раз, как хотел охмурить очередную красотку, и каждый раз она срабатывала. Он был красив особой, породистой красотой, и иногда Вик забывала, что его длинные до плеч черные волосы на самом деле покрашены и что большая часть его заработка уходила на протирки от веснушек и красивую одежду.

Вик быстро посерьезнела, увидев Флипа в компании новых друзей из деревни. Флип отсалютовал ей большой темной бутылкой. Он был навеселе, лицо сильно покраснело от выпитого, а, может, просто обгорело на солнце.

— Эй, как ни посмотрю, ты вечно хмуришься! — воскликнул он. — Давай же, улыбнись! Ты такая милашка, когда улыбаешься!

Он хотел приобнять Вик за плечи, но под ее ледяным взглядом его пыл быстро охладел. Флип подобрался весь, даже живот втянул, огляделся. В его глазах появилась осмысленность. Он вздохнул, потер красное опухшее лицо ладонью.

— Что мы вообще здесь делаем? — уже тише спросил он. — Две недели на такой жаре, и ни одного рогана. Деревенские простакки наверняка спутали их с обычным лесным зверем, зуб даю. Эти сволочи вообще ночные твари, можно просто выставлять охрану вечером и не торчать здесь целыми днями.

— Я видела свежие следы в лесу, — сказала Вик. — Не похоже было, будто солнечный свет их беспокоил. Не сегодня-завтра они нападут, мы не должны снижать бдительности. — Она возмущенно, одними глазами указала на творящееся в лагере безобразие.

— Ну а чего ты хочешь?! — возмущенно зашипел Флип. — Мои ребята нанимались сражаться с низшими тварями, а не бездельничать днями напролет!

— Вы нанимались, чтобы защитить деревню от нападения низших тварей, — осадила его Вик. — Мы могли устроить им ловушки в лесу, как я предлагала.

— Ты, настырная девка, ничего не понимаешь, — сварливо сказал Флип. — Нынче никто в здравом уме добровольно не полезет лес.

Вик мрачно оглядела его сверху вниз, скрестив руки.

— Ты, конечно, отличный воин и разведчик, — поспешил поправиться Флип. Он с раздосадованным видом убрал бутылку в суму и встал так, что теперь возвышался над ней. — Но вот что тебе скажу — девахам в бою не место, а если и место, так то чтобы молодцов наших ублажать, да обеды им готовить. И чего тебе дома не сидится? Нашла бы себе мужика, завела детишек... Другое дело, если б ты была волшебница и колдовать умела, да заклинания всякие складывать.

Вик иронично выгнула бровь.

— Если ты закончил излагать мудрые изречения, почему бы тебе не заняться делом? Мы слишком мало знаем об этих тварях, что если они нападут днем, в то время как большая часть воином будет празднично шататься по окрестности? Нельзя недооценивать противника.

Флип хмуро кивнул.

— Твоя правда.

Хмель заметно сошел с него, он будто по новому взглянул на свой отряд и, с отвращением поморщившись, гаркнул им со всей силы немедленно притащить задницы на свои места и вооружиться. Те подчинились, не скрывая недоумения и раздражения. Гейл проводил свою девушку разочарованным взглядом и с упреком взглянул на Вик, но, увидев

выражение ее лица, посерьезнел и кивнул.

Спустя часа два в ярком свете дня из леса стремительно хлынула стая роганов.

Они походили на вставшие на задние лапы крупные псины, тощие, со впалыми животами и торчащими большими ребрами. Искривленные большие когтистые лапы сильно утолщались на сгибах, и оттого их худоба казалась еще очевиднее. Они издавали скрипучие звуки, от которых мороз пробежал по позвоночнику — словно переговаривались между собой. На длинной вытянутой морде сверкали две пары желтых глаз, пасть была полна клыков, на голове торчали несколько наростов, похожих на рога. Они были вооружены костяными топорами, связкой тонких костяных копий, у одних за спиной можно было угледеть лук и колчан со стрелами, другие нацепили на уязвимые места скрепленные друг с другом костяные пластины — своеобразные доспехи.

Вик и Флип переглянулись. Флип, усмехнувшись, кивнул ей. Вооруженный арбалетом, он остался в этой части отряда, а Вик поспешила к передовой, где уже распоряжался Гоб, правая рука Флипа и их с Гейлом старый знакомый, который и позвал их подсобить. Вик и Гейл обычно работали вдвоем, чтобы минимизировать вероятность разоблачения его способностей, но плату обещали хорошую, да и задание казалось простым.

Вик быстро оглядела приготовившихся воинов, кивнула Гейлу, который проверял свое оружие и защиту. Гейл ответил возмущенным взглядом, но кинул ей шлем и сделал знак рукой — отойти для разговора. Вик притворилась, что не заметила этого. Она переглянулась с Гобом, надела шлем. Гоб обнажил меч, удерживая во второй руке щит, и скомандовал всем занять позиции.

Богатую деревню Старобережье, что находилась на западной половине Юга, несколько раз атаковали роганы. Поначалу то был один роган, который напал на стадо коз и уволок сразу две, сильно ранив пастуха. После пришли еще трое, но крестьяне были готовы и закололи их вилами и разрубили топорами. Роганы превратились в прах много раньше, чем до деревни добрались вызванные Синие стражи. Историю о низших тварях они восприняли со смехом и неверием, кто-то, быть может, и поверил, но никто не собирался отправлять отряд Синих стражей для защиты далекой деревни у самого леса. Поняв, что помощи от стражей не дождутся, крестьяне обратились за помощью в гильдию ближайшего города и наняли отряд наемников для защиты.

Впервые низшую тварь Вик увидела пять лет назад, еще когда учитель Руп, уркас, приютивший их с Гейлом, был жив. То была мелкая и неимоверно быстрая зубастая тварь размером с курицу. Теперь же низшие твари заметно подросли и все больше передвигались группами, а не поодиночке. Маленькие низшие твари не выходили из леса, потому об их существовании было практически неизвестно — с тех пор как появились низшие твари, в лес ходить остерегались, крупные же обычно нападали по вечерам или по ночам. Они наступали лишь на деревни, стоявшие возле лесов, которые росли у границы с Дикими землями. В тех лесах испокон веков временами появлялись Двери — о причинах этого споры велись до сих пор, — и вели они в Верхний или Нижний мир, а также в разные точки Срединного. Учитель Руп настоятельно велел держаться от них подальше — кто знает, какая тварь может оттуда вылезти? Он обучил Вик и Гейла многому из того, что знал сам, ну а уж в лесу ориентироваться Вик смогла бы даже ночью с закрытыми глазами. Гоб был их старым знакомым, с которым они не раз выпивали в таверне и обменивались новостями. Он и

попросил их временно присоединиться к наемникам — помочь разобраться с делом роганов, нападавших на Старобережье.

В отличие от Гейла, предпочитавшего стрелять издалека, Вик сражалась с роганами вплотную, орудуя мечом, который сама выковала два года назад. Меч был страшный, но добротный, и что важнее — с легкостью перерубал прочную кожу низших тварей. Она не разменяла бы его ни на какой другой, будь тот хоть весь состоящий из золота и инкрустированный драгоценными камнями.

Мимо, чудом не задев, пролетела стрела и следом — пара метательных топориков. Вик успела увернуться и одновременно отразить удар противника. Роганы были свирепы, вертлявы и неожиданно гораздо многочисленней, чем Вик видела когда бы то ни было. Но что хуже всего — они разделили наемников на два отряда и, разбивая красные кристаллы и высекая этим огонь, подожгли сарайчики и постройки, которые временно использовались для наблюдений.

Сквозь языки огня было видно, как носились крестьяне и колдовал маг-хранитель деревни, стараясь потушить пожар. Часть наемников, включая лучников, не подпускали к ним роганов, но те словно бы и не думали нападать на них — они теснили отделенную половину наемников к реке, в то время как из леса выбегали все новые и новые роганы.

— Отступаем! — прокричал Флип. Он вел оборону на правом фланге, и было видно, что строй копейщиков стал прогибаться под натиском тварей. — Их слишком много!

— Отступать больше некуда! — ответил Гоб. — Держим строй, сколько можем! И будем надеяться, что нам придут на помощь, — уже тише добавил он.

— Нужно прорываться, — возразила Вик. Она запыхалась, разгорячилась и понимала, что в таком стремительном темпе они долго не продержатся — если уповать на товарищей и ничего не предпринимать, их либо всех перебьют здесь, либо загонят в реку и перебьют там. — Их вожак где-то рядом. Завалим его — полдела сделано, роганы растеряются, останется лишь добить их.

В любом организованном нападении был направляющий, и роганы не могли быть исключением — уж слишком слаженными были их действия, уж слишком ловко они воспользовались замешательством наемников и разделили их, будто заранее все просчитали.

— Как ты намереваешься сделать это? Их же полчища и все на одну морду!

Вик не успела ответить — неожиданно подвернулся шанс и нельзя было упускать ни секунды.

Роганы разделились, пытаясь добить пока еще держащий строй копейщиков справа и разжечь сильнее огонь в селении — этим старательно занималась часть роганов с левого фланга, где теснились деревянные постройки. В результате в центре, посреди тракта, вливающегося в деревню, и широкого луга образовалась брешь. Там, на небольшом холмике стоял тот, кто руководил действиями нападавших, с небольшой охраной. Время от времени туда подбегали роганы, вероятно, посыльные, чтобы получить приказы.

Вик, не раздумывая, бросилась вперед, в ставку противника. Она двигалась так, как учил Руп — особым способом, пригибаясь низко к земле, перекатываясь и чуть ли не стелясь. Зелье скорости, которое она недавно хлебнула, все еще делало ее достаточно быстрой, чтобы избегать ранений. Вик была так, чтобы лишь убрать противника с дороги и старалась по возможности не тратить на это время и силы.

— Лучники! — радостно закричал тем временем Флип. — Мы спасены!

— Вик, осторожно! — закричал кто-то позади, кажется, Гоб. — Наши стреляют!

Вик, ловко лавируя между роганами, не замедлившись и не оглядевшись, круто заскользила вперед, подхватив лежавший на земле щит. Споткнулась о чей-то труп и, падая, успела сгруппироваться и прикрыться щитом. Обрушился град стрел, несколько с громким перестуком попали по щиту.

— Туда не стрелять! Не стрелять! — во все горло заорал Гейл. Его голос Вик ни с чем бы не спутала. — Разве вы не видите?! Там Вик!

Вик мельком посмотрела в сторону деревни. От огня не осталось и следа, маг-хранитель деревни продолжал колдовать, к ним на выручку спешили разделенные прежде наемники. Но удивляться и радоваться было некогда — впереди виднелся высокий, даже какой-то грациозный со своей ломкой фигурой роган. Значит, не привиделось, впрочем, ее глаза еще ни разу не подводили. Это был вожак роганов. Много позже, обдумывая, как сразу распознала в нем вожака, она припомнила, что на нем были доспехи, немного отличные от остальных, и на рогах его были украшения, которые тускло переливались на солнце.

Вик ринулась на него. Их оружия звонко сцепились. Вожак роганов был не менее сильным и вертлявым, чем остальные, но что доставляло гораздо больше проблем — его оружие было из какой-то иной кости, более прочной и остро заточенной. Его защищали два рогана, к которым то и дело присоединялся третий, а то и четвертый, и Вик, разошедшись не на шутку, никак не могла сравнять счет, и чем больше проходило времени, тем отчетливей она понимала, что если все продолжится в таком же темпе, она выдохнется и погибнет.

Закаленная сталь звенела в воздухе, лилась кровь низших тварей вперемишку с желтоватой слизью, сливалась в лужицы и ручейки, хлюпающие под ногами; знакомым свистом проносились стрелы с черным оперением, находя цели и расчищая путь одуревшей уже от сражения Вик. Вожак роганов, оставшийся без поддержки, ее чудовищного натиска выдержать не смог — с очередным ударом лишился руки, а с еще одним — жизни. На мгновение над полем битвы установилась мертвая тишина. Вик выдернула застрявший меч, которым почти разрубила рогану голову, и, тяжело дыша, огляделась.

Как она и предугадала, с потерей лидера роганы дрогнули. Люди же, напротив, воспряли духом и яростно наступали. Вик обернулась, нашла взглядом Гейла. Тот тоже приближался, то и дело останавливаясь, чтобы пустить стрелу в рогана — не подпустить к ней. Поймав ее взгляд, его рассерженные черные глаза сверкнули обещанием скорой расправы за безрассудство. Вик вдруг разобрало веселье, потянуло улыбнуться, что она и сделала, устало вытирая предплечьем пылающее мокрое лицо. Где-то успела потерять шлем, плотная стеганка, заменявшая доспехи, была вся в прорехах, меч неожиданно показался ужасно тяжелым, царапины и раны щипало от крови и пота. Но все это были пустяки. Осталось самое легкое — добить оставшихся роганов.

Вик удобней перехватила меч, примериваясь к следующей жертве, как вдруг споткнулась, упала на колено — не шевельнуться, бедро пронзила жгучая боль. Стрелы свистели совсем близко — роганы отступали и отстреливались. В их рядах нарастал гул, раздался пронзительный тонкий скрип, несколько роганов вдруг круто развернулись и помчались в сторону Вик. Она собрала силы, размашисто полоснула мечом воздух перед собой как раз вовремя, чтобы роганы отпрянули. По инерции ее крутануло, она рухнула на землю, кое-как села и задышала пепельным воздухом, с трудом подавляя кашель. Дальнейшее пронеслось как в тумане — Гейл и еще несколько наемников как раз добрались до нее и дали бой роганам. После наемники погнались за остатками вконец разгромленных,

бегающих в лес врагов, а Гейл обернулся к Вик. Вик приняла вид непринужденный, отдыхающий, попыталась отломить древко стрелы, чтобы так очевидно не торчала, но тут же оставила в покое — нога разнылась так, что хотелось взвыть в ответ и что-нибудь долго безудержно кусать.

— Ты тупица! — обвиняюще вскричал Гейл. — Мы не сражаться нанимались, а лес разведывать! Думаешь нам за это доплатят?!

— Разумеется, ты разве не вчитывался в договор, который мы подписали?

— Но мы не обязаны были! Вдобавок стоило мне только отвернуться, как ты тут же влезла в очередную скверную историю!

— Это мои слова, — обиделась Вик.

— Ты мне еще тут пожалуйся! — сердито перебил Гейл и с досадой пнул ее в сапог вытянутой больной ноги. Вик скрипнула зубами.

— Эй, эй, осторожней!

— Ты только посмотри на эту дуреху, — пожаловался Гейл подошедшему Гобу. — Вот всегда она так. Пережить град стрел, сражаться в самой гуще врагов, поразить их вожака и нелепо получить стрелу перед самой победой способна только она. Ты бы еще свою дурную голову подставила!

— Мне кажется или это твоя стрела? — не обращая внимания на его нытье, Вик притворно пригляделась к оперению стрелы.

— Да как ты смеешь?! — возмутился Гейл.

Гоб, закатив глаза, ушел разбираться с делами раненых и убитых. Вик, несколько раз глубоко вздохнув, схватилась за стрелу, сломала древко как можно ближе у раны и вытащила. Кровь хлынула, от боли сознание на какой-то миг померкло, но она быстро пришла в себя. К боли невозможно было привыкнуть, но можно было привыкнуть как к чему-то неизбежному, через что необходимо пройти. Гейл уже достал сложенные полоски чистой ткани из своей сумки на поясе, присел рядом на колени и прижал их к ране, останавливая кровь. Он бросил быстрые взгляды по сторонам, затем его руки засветились золотым сиянием.

— Нет, нет, стой, — опомнилась Вик, стиснула его руку.

Золотое свечение прекратилось. Гейл удивленно посмотрел на нее. Удивление сменилось возмущением и досадой.

— Мы договорились, — напомнила Вик. — Я ранена, многие это видели. Будет странно, если рана вдруг исчезнет.

— Ты можешь притвориться, что хромаешь, — глазом не моргнув, предложил Гейл.

Вик покачала головой.

— Не надо. Я в порядке. Помоги лучше другим раненым.

Она отняла у него бинты, быстро замотала рану и закопошилась, пытаясь встать. Гейл тут же подскочил и помог ей, глядя с такой тревогой, что почти стало стыдно, но это быстро прошло, в конце концов, рана действительно была пустяковой — крупные сосуды были не задеты, а мелкие царапины тем более в счет не шли.

— Это ты помог справиться с огнем? — вполголоса спросила Вик.

— А что мне оставалось? Если бы ты как всегда не влезла не в свое дело, мне не пришлось бы так рисковать, — сердито упрекнул ее Гейл.

Вик промолчала, хотя ее так и подмывало высказаться в ответ. Если бы Гейл не прятал свои способности, убитых и раненных было бы намного меньше.

Гейл, убедившись, что она в обморок падать не собирается, отправился помогать раненым. Вик, тяжело опираясь о меч, поковыляла к лагерю, не обращая внимания на восхищенные восклицания наемников и крестьян.

Лагерь казался разгромленным, но все было не так плохо, как выглядело. По крайней мере их с Гейлом палатка стояла на месте не тронутая, уж не Гейл ли приложил к этому руку? Вик вздохнула, покачала головой. Ее мутило, и она малодушно подумала, что, возможно, следовало принять его помощь, но позади были раненые, которые гораздо больше нуждались в исцеляющем волшебстве Гейла. Он научился управляться со смертельными ранениями, не раскрывая свои способности. Конечно, все еще порой, когда эмоции обуревали его, сквозь кожу начинали проступать черные вены, а когда он слишком старался с магией, черная краска с волос исчезала, являя миру естественный рыжий с позолотой цвет.

Вик не помнила, как вползла в палатку, сняла с себя верхнюю одежду и занялась раной уже всерьез. После рухнула в постель и была готова забыться целебным сном, но сон почему-то не шел. Она могла выживать на пределе и сражаться, сколько было нужно, а после — спала долго и беспробудно много часов подряд. Конечно, Гейл утверждал, что она просыпалась, справляла нужду, глотала воду и еду и снова засыпала, но Вик ничего этого не помнила. Помнила лишь присутствие Гейла рядом, и лишь благодаря этому — чувству, что спину прикроют, — позволяла себе настолько расслабиться.

Чувство это возникло не сразу. В первое время, когда учитель Руп приютил их — “на время”, как он сказал, и время это продлилось до самой его смерти два года назад, — Гейл чаще всего откровенно раздражал Вик. Колдовать он, как выяснилось, толком не умел — лишь исцелял раны да пускал силу вразнобой, когда сильно пугался, к примеру. Не раз, просыпаясь ночью от кошмаров, он случайно поджигал что-нибудь в доме Рупа, за что потом огребал заслуженное наказание. Учитель Руп магом не был, зато знал очень многое обо всем и в первое время подолгу что-то объяснял Гейлу. После этого дело пошло куда лучше, и пока Вик вместе с учителем уходила в лес охотиться, Гейл по его советам учился концентрировать внимание на своей магии.

Они были всего лишь детьми, но Вик с раннего детства умела работать, найти пропитание, а Гейл нет. Прошло несколько лет, прежде чем он тоже научился всему необходимому. Прошло много времени, прежде чем Гейл впервые прикрыл ей спину, и с тех пор становился только сильнее, и вот уже не нуждался в ее защите, словно оперившийся молодой птенец, наконец, уверенно встал на крыло.

Вик немного смутилась от сентиментальных мыслей о прошлом, в котором Гейл пялился на нее, как на ожившее божество, каждый раз, как она готовила еду, делала работу по дому, огороду, ухаживала за немногочисленной скотинкой учителя Рупа, пока сам Гейл только мешался. Она не считала, что делает что-то сверхъестественное, магические способности самого Гейла — вот что заслуживало восхищения, и Вик старалась прощать ему бестолковость во всем остальном. Вдобавок она поклялась Седому защищать его и прятать, хоть порой и мелькали предательские горькие мысли, что никакой беды не случилось бы, если бы Седой не привел его в деревню. Вскоре стало само собой разумеющимся, что она защищала Гейла, прятала его рыжие волосы краской, которой иногда хватало на месяц, а иногда всего на несколько дней. Учитель Руп хоть и замечал связанные с Гейлом странности, с расспросами не лез, даже учебники по магии какие-то подсовывал, а позже Вик сама стала искать подобные книжки. Стараясь не вызывать подозрений, она выстраивала дружеские отношения с продавцами в магазинах магических артефактов,

ведьмами, зельеварами. В первое время она заступалась за Гейла, когда его в очередной раз собирался кто-нибудь отметелить — задиры-мальчишки на улице в ближайшей деревне к лесу, где жил учитель Руп, агрессивные пьяницы в городской таверне, куда их однажды сослал Руп на все лето, пока сам проводывал старых друзей, разозленная за разбитую посуду хозяйка, сам учитель Руп... Иногда казалось, что способность Гейла ввязываться в переделки шла в комплекте с его магической силой. Когда Гейл научился стоять за себя, было трудно перестать опекать его — он хотел сам справляться с трудностями. Пожалуй, тогда они и начали отдаляться друг от друга — Гейл, казалось, понял, что Вик отнюдь не спустившееся ему на помощь божество, почему-то принявшее облик девочки, и часто огрызался, когда она пыталась в чем-либо ему помочь. После он выглядел пристыженным и безмолвно выпрашивал прощение через ответную помощь или ее любимую еду. Они оба выросли, научились выживать и сражаться, они изменились, и красивый насмешливый Гейл больше не напоминал прежнего маленького перепуганного мальчика, который всего боялся, плакал от любого пустяка и когда пугался, прижимался к ней так сильно, будто только это могло его спасти.

Вик не раз задумывалась, откуда же он взялся и почему так важно было его прятать, но сколько она ни пыталась подбить Гейла на разговор о его прошлом, он каждый раз отшучивался, менял тему, уходил от прямых вопросов, в конце концов, с невозмутимой физиономией заявлял, что не помнит и лучше бы Вик отвалить. Иногда Вик казалось, что она говорит в бездонную пустоту, внемлющую ей через черные, блестящие издевкой глаза.

Навес у входа еле слышно зашелестел. Вик скорее ощутила присутствие Гейла, чем услышала, и закрыла глаза, притворяясь спящей. Дыхание было тяжелым, болели ребра, болело все тело, и с каждым вдохом боль усиливалась, и именно это, как она сейчас поняла, мешало ей заснуть. Заварить бы обезболивающий настой, но сил шевельнуться не было. Она и не подозревала, что ее настолько отделали в бою, пока не пришло время отдыха, и не шевельнулась бы сейчас ни за что на свете.

— Вик? — тихо позвал Гейл. — Ты спишь?

Он дотронулся горячими пальцами до ее руки, и Вик едва не дернулась от неожиданности, но упрямо продолжила притворяться спящей. Она не была настроена на привычные уже жалобы и стенания об очередной деревенской красотке, которую Гейлу скоро придется вынужденно покинуть с разбитым сердцем, или, что хуже, на долгий нудный разговор о своем опрометчивом поступке.

Гейл тем временем положил руку на повязку на бедре Вик. Знакомое тепло исцеления заструилось в месте соприкосновения. Вот ведь самодовольный идиот! Опять делает все по своему и не считается с ее мнением! Уж теперь-то пора было отбросить притворство, но Вик со странным холодком в груди поняла, что не может шевельнуться — ни пальцем, ни рта раскрыть. Сердце билось слишком сильно, отдаваясь в голове. Ее бросило в ледяной пот. Она не видела Гейла — веки так потяжелели, что она не могла открыть глаза, — но слышала и чувствовала, и это немного уняло панику.

Гейл тем временем сместил ладонь выше, коснулся живота, груди. Тепло сопровождало его плавное движение, ладонь задержалась над колотившимся сердцем. Вик почти видела мысленным взором, как он нахмурился. Его ладонь скользнула выше, по лицу. Он легонько похлопал ее по щеке. Вик вздрагивала от усилий позвать его по имени, но язык словно онемел, а во рту страшно пересохло. Кажется, она все же что-то промычала, задыхаясь от внезапного и резкого пронизывающего холода.

— Да что это с тобой? — пробормотал Гейл. — Вик, проснись.

Он тщетно пытался ее разбудить. Вик резко шумно дышала, цеплялась сжатыми пальцами за старый плед, будто так могла остановить странное чувство соскальзывания.

— Эй, ты меня слышишь?

Гейл, обхватив ее лицо обжигающими ладонями, пытался сделать что-то магическое, но чем бы это ни было, оно не получилось, и он досадливо ругнулся и быстро провел ладонями по ее телу, прощупал, словно пытался что-то найти. Вик стиснула зубы. Ее колотило. Она отстраненно чувствовала пальцы Гейла на своем дергающемся от всхлипов горле. Движения мало-помалу удавались ей, она даже смогла разжать веки и посмотреть на Гейла.

Взгляд Гейла полоснул черным безумием. Его руки тряслись и бестолково суетились, то приобнимая Вик за плечи, то направляя в нее знакомую горячую волну исцеления. Это сбивало ползущий по нутру лед боли, но ненадолго. Вик сдавленно выдыхала, замечая под золотистыми всплывками магии Гейла, как сильно он побледнел, и рисунок черных вен на его коже выступал отчетливей с каждым ее судорожным вздохом. Самоконтроль Гейла разваливался на глазах. Вик, поклявшаяся прятать его сущность, становилась причиной, из-за которой наемники скоро поймут, что связались с магом. В любой другой день эта мысль рассмешила бы ее, но сейчас было не до шуток. Холод поднимался все выше, сжимал сердце в ледяном кулаке все крепче. С комом в горле Вик осознавала, что становится легкой как перышко. Все легче и легче, кажется, вот-вот ее сдует неосторожным вздохом. Сознание уплывало, дыхание становилось все реже и прерывистей.

— Нет, нет, еще не все, — пробормотал Гейл, снова сжимая ее лицо в ладонях. — Еще не все, роган тебя задери, ты не посмеешь меня вот так вот бросить.

Он больно ударил лбом в ее лоб, пальцами заставил приоткрыть рот и выдохнул, чуть ли не прижимаясь к ней губами. Нестерпимый жар скользнул ей в рот, волной хлынул вниз, и надвигающийся холод замер. Его быстрое таяние отзывалось физической зудящей болью, но и она быстро уходила. Вик словно качало на крупных волнах, куда-то уносило, а обжигающий Гейл обнимал ее плечи, удерживал за затылок и шею, и весь светился ровным золотистым сиянием. Его взметнувшиеся волосы колыхались, то спадая на прикрытые глаза, то яростно взмывая вверх. Длинные ресницы трепетали, черные вены взбухли под светлой кожей. Вик вяло моргнула несколько раз прежде чем окончательно прикрыла глаза и наконец заснула.

воспоминания Вик об учителе Рупе

Жадно глотая жидкую кашу из непонятной крупы, Вик украдкой то и дело пыталась оглядеться, но, наталкиваясь на пристальный взгляд уркаса, тут же утыкалась назад в тарелку. Гейл сидел слишком близко и выглядел так, будто его вот-вот вырвет. К своей порции он не притронулся, сидел, вжав голову в плечи, и потерянно смотрел в никуда.

Стол был маленький, явно не рассчитанный на троих. Уркас сидел очень прямо, движения его были скупы и расчетливы. Стены домика были увешаны мешочками, травами, на прибитых полках громоздились сосуды: большие с крынку молока и маленькие, с крохотную чашечку; одни были широкие, другие — узкие как палец и были вставлены в специальную подставку. Красные кристаллы, на которых уркас разогрел еду, выглядели новенькими, через два шага слева от двери вниз в подвал вела лестница, чуть поодаль была открытая дверь, наверное, в другую комнату, и если приглядеться, можно заметить висящее там, на стене, оружие.

На крючках у входной двери свисали куртки, пояс с ножнами, ниже к стене был приставлен арбалет.

Уркас протянул руку за хлебом. Мелькнули его острые когти. Вик опомнилась и сосредоточилась на каше.

После того, как она доела свою порцию, уркас убрал посуду и поставил на стол большую миску со свежими, еще теплыми маленькими булочками и посудину с вареньем из непонятных фруктов. Налил в большие кружки горячее молоко, искоса поглядывая на потерянного Гейла. Они с Вик оба искоса поглядывали на Гейла и ловили друг друга на этом.

Вик с огромным наслаждением, тщетно пытаясь не казаться такой обжорой, принялась за булочки. Она не могла припомнить, чтобы прежде ей доводилось есть такую вкусную еду. Продукты, из которых была сделана еда уркаса, выглядели незнакомыми, но внушали доверие своим аппетитным видом. Она тщательно подобрала со стола упавшие крошки, облизала пальцы и вопросительно посмотрела на уркаса.

— Значит, вашу деревню уничтожили, а Седой погиб, — уточнил тот, словно только и дожидался, когда она наестся.

Вик огорченно кивнула и, старательно вспоминая произошедшее, рассказала уркасу все, что знала. К концу рассказа она расплакалась, но чувствовала себя куда легче.

— Седой сказал, что нужно защищать и прятать его, — она указала взглядом на неподвижного Гейла. — Это его внук, Гейл.

— Внук, — ровным голосом повторил уркас. Судя по всему, он совершенно в это не поверил. — Ну и задачку же ты мне подкинул, старый дурак, — недовольно проворчал он, порывисто вставая с места.

Вик испуганно огляделась, вскочила следом, крепко сжимая руки перед собой.

— Я умею работать по хозяйству, — вырвалось у нее, — и со скотиной обращаться умею, и в огороде могу помогать!

Уркас обернулся, вопросительно поднимая густые брови.

— Я... я могла бы помогать вам с хозяйством! Мы могли бы, — сглотнув, поправилась Вик, лихорадочно вспоминая, что же умел делать этот маленький нытик, который все никак ни на что не реагировал. — Не выгоняйте нас, господин!

Уркас хмыкнул, отвернулся.

— Приберись со стола и помой посуду, — велел он. — После отправимся в деревню, найдем для вас новое жилье.

Вик беспомощно посмотрела на Гейла, снова на уркаса.

— Но Седой сказал, что его нужно прятать!

— Мне все равно, что он там сказал, — рыкнул уркас. — Я не намерен проводить остаток жизни, присматривая за человеческими детьми. Если из-за вас мой покой нарушат, я лично отдам вас в руки тех людей.

Пробуждение выдалось не из приятных, но не настолько, как можно было ожидать, учитывая вчерашнее.

Вик быстро оглядела себя и привела в порядок. Нахмурилась. Раны на ноге не было. Не было ни одной царапины. Гейл действительно ее исцелил, несмотря на уговор. Вик сделала несколько шагов, пытаясь как можно достоверней приваливаться на раненую ногу, прежде чем выйти из палатки. Безжалостный яркий свет заставил несколько раз недовольно зажмуриться. Вик медленно осмотрелась. Судя по расположению солнца, был уже полдень. Большинство наемников сидело вокруг остатков большого костра, и Гейл был среди них и, развалившийся, привычно безалаберный, о чем-то разговаривал с соседями.

Вик хмуро отметила, что наемников стало много меньше, чем казалось поначалу, когда сражение только-только было выиграно. Рядом прошел Флип и, заметив ее, остановился и уставился с таким видом, будто не ожидал ее увидеть.

— Ты жива, — странным голосом сказал он. — Понятно, почему он так беззаботен. — Флип кивнул в сторону Гейла и сплюнул.

— Ты чем-то недоволен? — с усмешкой спросила Вик.

— Стрелы роганов были пропитаны неизвестным ядом. Местные знахари подоспели слишком поздно. Ты одна выжила, но к тебе они не заходили — твой братец их не впустил. Не странно ли все это?

В сердце кольнул его пропитанный недоверчивым раздражением тон, взгляд еле сдерживаемой ярости — не привыкла Вик, чтобы товарищи на нее так смотрели, и уж точно не заслужила после всего.

— Откуда мне знать? — Она как можно спокойней пожала плечом. — Я всегда была довольно крепкой.

Флип насупился, подозрительный, взъерошенный, недовольный, отступил.

Гейл увидел ее и приветливо помахал. Подобрался и похлопал по месту рядом, приглашая присоединиться. Вик, качая головой, поплелась к нему, ловя на себе странные взгляды других наемников. После битвы и долгого сна тело все еще ломило, ей даже не пришлось сильно стараться, чтобы прихрамывать. Она опустилась на постеленную шкуру возле Гейла и нахмурилась, замечая кое-что, чего, как она надеялась, не заметили остальные — волосы Гейла посветлели, кое-где на солнце сверкали золотые нити.

— Гейл, — шепнула она, — твои волосы.

— Мои волосы что? — пропел Гейл.

— Не прикидывайся дурнем.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — невинным голосом сказал Гейл.

Его ровное лицо на первый взгляд ничего не выражало, но Вик знала его достаточно хорошо, чтобы понимать — дело странным образом почему-то оборачивалось так, что в итоге трепку получит именно она.

— Ладно, неважно, — сдалась она и потерла пальцами виски.

Гейл повернулся к ней, бесцеремонно обхватил ладонями голову, оттянул нижнее веко, надавил на подбородок, заглянул в рот. Наемники, ставшие невольными свидетелями его манипуляций, оживились в веселом недоумении. Щеки Вик запылали. Она тщетно пыталась отодвинуться и прекратить унижительный осмотр, но упорства Гейлу было не занимать.

— Следов нет, — довольно сказал он.

Вик сердито потерла рот и лицо предплечьем.

— Каких еще следов?

— На каждом раненном ядовитой стрелой появились отметины, — пояснил Гоб и переглянулся с остальными. — Знаешь, будто плесень на коже. Ты единственная уцелела. Мы, конечно, рады этому, но... — Гоб уткнулся в похлебку и замолчал.

— Но?

Гоб делал вид, что слишком увлечен похлебкой, остальные наемники отводили глаза. В конце концов тощий долговязый Плющ сердито и обвиняюще посмотрел на Вик.

— Единственный, кто знал способ, как это остановить, все время крутился возле тебя, вместо того, чтобы помочь другим раненым, — сказал он и плюнул в сторону Гейла. Плевок не долетел считанные сантиметры, и Вик почти призадумалась, целился тот или нет. — Заявил, что владеет древним лекарским искусством, но помочь остальным отказался.

— Они бы все равно умерли, а ее я еще мог спасти, — перебил его Гейл.

— Хочешь сказать, что это не противоядие местных знахарей сработало?

— Боги, конечно нет! Эти деревенщины корень лопуха от корня одуванчика отличить не могут! И что более убедительно — мой пациент жив, а их — нет.

— Поосторожней, — предостерег Гоб, бросив быстрые взгляды по сторонам. — Эти деревенщины могут затаить на тебя обиду.

Несколько крестьян в отдалении наблюдали за наемниками. Как и всегда после того, как все было закончено, в их взглядах появлялось отчуждение и недоверие — они дожидаться не могли, когда же, наконец, чужаки уйдут с их земель. Крестьяне богатой деревни ли, бедной, живущие в центре страны или на границе — везде были одинаковы.

— Мне-то что с их обид? — разозлился Гейл и вскочил с места. Маска спокойствия разом слетела с него, и выглядел он изрядно уставшим и злым. — Это из-за их задания ваши товарищи погибли, а я не собирался из вежливости и уважения к их знахарям просто сидеть сложа руки и смотреть, как моя сестра умирает! Свою задачу мы выполнили, даже сверх того. Отдайте нашу долю и мы уйдем.

— Гейл! — Вик встала следом, оглядела набычившихся разозленных наемников. — Что за бред ты несешь? Так нельзя!

— А позволять им так смотреть на тебя и подозревать во всякой ерунде можно?! Слышала бы ты, что они говорили о тебе, когда узнали, что ты выздоравливаешь! И без того сплетничали о твоих словах насчет нападения роганов днем! А тут еще и это!

Вик опешила. Все избегали смотреть ей в глаза, и на душе стало так горько, что она никак не могла сказать то, что хотела. Слова вылетели из головы, она с трудом сглотнула.

— Я бы, наверное, и сама заподозрил неладное, — все же попыталась она всех помирить.

— Еще какое неладное, — мрачно отозвался подошедший Флип. — Как я и говорил, девке на поле боя не место. Может, ты и не маг, но с тобой явно что-то не так. Ты знаешь слишком много о повадках низших тварей...

Вик почти открыла рот, чтобы возразить — для того, чтобы разобраться в поведении тварей, особых способностей не требовалось, нужно было лишь проявить внимательность и изучить новости и слухи из других селений.

— ... и яд их обошел тебя стороной, — продолжал Флип. — Мои люди напуганы, крестьяне тоже. Мне с трудом удалось отговорить их позвать Синих Стражей из города: с

твоей помощью мы победили в бою, и я не могу этого не признать.

Он расцепил скрещенные руки, неохотно приблизился к ней и протянул небольшой мешочек с деньгами.

— Вот ваша доля. А теперь уходите.

— С радостью, — процедил Гейл и быстрым шагом ушел в их с Вик палатку, оставив ее скомкано и неловко прощаться с остальными.

***

Когда Вик добралась до палатки, начиная чувствовать слабость, Гейл уже сложил их вещи в дорожные мешки и лихорадочно собирал свои не успевшие высохнуть травы.

— Они сами не знают, что за бред несут, — выпалил он, завидев Вик. Его натянутая улыбка дрожала. — Ты бы умерла, если бы я пришел проведать тебя чуть позже. И пяти минут не продержалась бы. Как подумаю... Ты была очень плоха, что мне оставалось делать?

— Ты просидел возле меня всю ночь, не обращая внимания на других, — напомнила Вик. — Выжила только я. Они думают, что ты не захотел помочь их друзьям. По правде, они о чем только не думают.

— Я рад, что вы успели мирно побеседовать. — Гейл обиженно поджал губы. Швырнул ей одну из сумок. — Пора убираться отсюда. Двинемся в большой город, как уже давно хотели. Нужно пополнить запасы. Я извел на противоядие все свои средства и все напрасно.

— Так как же я выжила? — удивилась Вик.

Гейл подошел к ней совсем близко, склонился к уху, доверительно проговорил:

— Благодаря силе моей любви к тебе, разумеется, — и коротко куснул мочку.

Не ожидавшая такого Вик дернулась, роняя вещи, и схватила не успевшего увернуться хохочущего Гейла за волосы.

— Ай, Вик, только не волосы, я их час укладывал! — немедленно заныл тот.

Вик хмыкнула и перехватила его за ухо, нитье тут же перетекло в жалобный скулеж, и лишь после того, как Гейл слезно извинился и поклялся такого больше не делать, Вик милостиво разжала пальцы.

— Ты совсем что ли? Шуток не понимаешь? — Гейл обиженно и показушно шмыгал носом и тер покрасневшее ухо.

Вик с трудом подавила смешок, мелькнула мысль, что Гейл специально это затеял, чтобы отвлечь ее от невеселых мыслей и, видят боги, у него это получилось. Но уже через мгновение Вик сердито подумала, что поспешила с выводами: Гейл с любопытством посмотрел на нее и расплылся в глупой ухмылке.

— Видела бы ты свое лицо, когда я это сделал. Так быстро краснеешь от таких невинных вещей. Пора лишить тебя девственности, иначе однажды тебя утащит единорог на жертвоприношение лесным тварям из легенд.

— Гейл! — возмутилась Вик и вот теперь уже точно покраснела.

— Хотя рогааны вот тоже считались легендами. — Гейл притворно задумался. — А вот те на — настоящими оказались. Я беспокоюсь за тебя, сестрица.

— За себя побеспокойся, — проворчала Вик и попыталась отвесить ему пинка. Гейл расхохотался как идиот и выбежал из палатки. Боги, и с кем ей приходится иметь дело?..

Сокрушенно вздыхая, Вик поплелась следом.

***

К вечеру она совсем выдохлась, но не признаваться же в этом Гейлу. Засмеет. Или, еще хуже, забеспокоится.

Гейл несся вперед стремительно, как часто бывало, когда он был увлечен какой-то мыслью. Вик досадовала, утирала горячий пот со лба и огорченно трясла опустевшей фляжкой воды. Они поднимались на большой холм, и когда запыхавшаяся Вик, наконец, достигла его вершины, увидела по левую руку внизу озеро. Она долго не могла сообразить, где они находятся. Гейл уже развел костер на берегу, достал еды, и Вик только сейчас заметила, что солнце садилось. Она медленно добрела до костра, уронила сумку и устало растянулась прямо на земле. Гейл неодобрительно покачал головой и сел возле нее на корточки.

— Как себя чувствуешь?

— Я так плохо выгляжу?

Гейл нахмурился.

— Все в порядке, — заверила Вик. — Просто устала. Ты залечил мои раны, но я все равно еще не совсем оправилась. Тебе нужно смириться с тем, что не все на свете можно исцелить.

— Например, разбитое сердце, — проворчал Гейл. — Я к тебе со всей душой, могла бы и поблагодарить. Просто чудо, что никто ничего не заметил, когда я исцелял тебя.

— Да, нам повезло, — согласилась Вик и с осуждением добавила: — Ты точно так же мог бы спасти других, уверена, ты придумал бы способ сделать это незаметно. Почему ты даже не попытался?

Гейл странно посмотрел на нее.

— Я даже не уверен, как именно мне удалось спасти тебя. Когда я сделал это в первый раз, думал, что все обошлось, но... Через несколько минут все повторилось, и мне снова пришлось приложить все силы. С каждым разом время между этими приступами увеличивалось, а к утру они закончились. Ты что, не помнишь?

Вик вздохнула, отрицательно покачала головой.

В любом случае уже поздно было что-либо исправлять. Хорошо что Флип отпустил их с миром, а ведь мог бы позволить крестьянам позвать Стражей, и тогда способности Гейла уж точно оказались бы раскрыты.

Вик заставила себя встать и велела:

— Приготовь краски. Твои волосы надо покрасить. Ты снова потерял контроль над своей магией, да?

— Ты умирала, — трагичным тоном возразил Гейл. — Я впервые с таким столкнулся, представь себе мою душевную травму, когда я понял, что ты не бессмертна.

— Ты давно уже должен был понять, что все живые существа рано или поздно умирают. — Вик закатила глаза.

Раздеваясь на ходу, она направилась к озеру. Искупаться было бы неплохо, и плевать, что вода холодная.

— Просто, — промямлил Гейл и сцепил перед собой руки, словно замерз, — я как представлю... — Он осекся, дрогнул. Вик обернулась и непонимающе посмотрела на него, ожидая продолжения. Смятенное лицо Гейла медленно прояснилось. — Ха-ха, не обращай внимания, это я сам с собой. Просто... просто будь осторожней.

— Я купаться иду, а не с тварями сражаться.

— Я не про сейчас, а вообще.

— Засунь свои предостережения куда подальше, — проворчала Вик. Такие разговоры всегда ее смущали, она хотела поскорее нырнуть уже в воду и очистить не только тело, но и голову. — Это за тобой надо вечно приглядывать.

Но, похоже, она себя переоценила. Выходила из воды, стуча зубами, дрожа всем телом, путаясь в ногах, один раз чуть не упала, и это было бы слишком, особенно на глазах откровенно наблюдавшего Гейла. Он швырнул ей кусок полотенца и смотрел, как она обтиралась.

— Чего уставился? — спросила Вик. Гейл помотал головой, отвел глаза и протянул плоску.

— Краска готова.

Вик кивнула и, наскоро одевшись, подсела к нему сзади. Зачерпнула пальцами немного густой темной жижи. Одобрительно хмыкнула и начала втирать краску в волосы Гейла.

Они надолго замолчали. Тишину прерывал треск костра, негромкие всплески с озера, естественный шорох движений.

— Звезды, — вдруг негромко сказал Гейл. Вик хмуро посмотрела в небо. — Они падают. Говорят, можно загадать заветное желание, и оно точно исполнится.

— Загадал? — ехидно спросила она. Гейл снисходительно повернул к ней лицо.

— Конечно.

— Наверняка попросил у богов помощи охмурить очередную красотку. — Вик прыснула. — Все еще хочешь переспать с девушками в каждом городе и деревне, где мы побывали?

Улыбка Гейла стала приклеенной.

— Как ты догадалась? — елеиным голосом спросил он. — Ну вот, теперь оно не сбудется, раз его произнесли вслух.

Он обиженно поджал губы и отвернулся.

Да что это с ним сегодня? Они и прежде попадали в опасные переделки, чем этот раз отличался от всех прочих? Не воспринял же он то, что она едва не погибла, слишком близко к сердцу?

Хотя, если подумать, он и на смерть учителя Рупа отреагировал болезненно, а к ней был привязан крепче, чем к нему, должно быть, сильно напугался. Надо бы с ним помягче и терпеливее.

Вик несильно дернула его за мокрую прядь.

— Я уверена, что твое желание исполнится. Ну какая дамочка устоит против тебя, в особенности когда твои волосы снова станут черными? Гейл? Ну прости, я не буду больше смеяться, честно. Эй?

Плечи Гейла мелко затряслись. Он... Этот идиот смеялся! Какого шмака она тут так старается?! Она крепче ухватилась за скользкие от краски волосы и процедила:

— Что смешного?

— Я не это загадал, успокойся, — отдышавшись от смеха, ответил Гейл. — Зачем загадывать то, что и сам легко можешь сделать? Тем более что это все детские сказки. Ну какое звездам дело до наших желаний? Это ведь небесные светила, а не живые могущественные существа и даже не магические артефакты!

— Вот как, — сухо сказала Вик.

Она покраснела, досадуя на себя за то, что задней мыслью впрямь начала обдумывать

желание. Конечно же, Гейл прав, это все детские сказки, но как порой хотелось верить, что где-то существуют высшие силы, и если правильно подобрать момент, то можно попросить их об услуге.

— Но я все равно загадал, — добавил Гейла, и в голосе его звучала неподдельная улыбка. — И ты тоже загадай.

— Да, конечно, — скептически отозвалась Вик, поклявшись больше не вестись на его глупые шуточки. — А теперь перестань вертеть головой, — строго велела она. — Я почти закончила.

Он послушно замер, и хотя краска уже закончилась, Вик хорошенько помассировала ему голову, прежде чем обернула тряпицей и подтолкнула его к костру.

— Садись ближе. Не хватало еще застудить твою бедовую башку.

Она подхватила грязную после краски плоску и собралась было к озеру, как Гейл неожиданно схватил ее за руку, останавливая. Глаза его странно блестели. Вик попыталась отдернуть руку, но Гейл не пускал.

— Эй, надо помыть, пока не засохло. Ты чего? Гейл, ты чего?

— Ничего, — пробормотал тот. — Просто я... так испугался. Ты была такой холодной, сердце сначала билось так быстро, а потом едва-едва. Я так испугался, — повторил он.

— Ну и дурак. Что со мной могло случиться? Да я бы и без твоей помощи выжила, — как можно уверенней сказала Вик. Что-то происходило с Гейлом и следовало его немедленно успокоить, пока снова не потерял контроль над своей магией. — Боги, ты должен прекрасно помнить, как однажды все отравились твоим супом, кроме меня.

— Не сравнивай это с несварением!

— Ты прав, мой организм просто привык за столько лет к твоей готовке, после нее мне никакая отравка не страшна. — Вик потрепала Гейла по обмотанной тряпицей голове. Высыхающая краска неприятно стягивала руки, но успокоить Гейла сейчас было важнее. — Ты должен понимать, что такие случаи могут повториться, и что вряд ли мы доживем до старости с таким образом жизни. Что важнее — как мы распорядимся отпущенным нам временем. Твари из Нижнего Мира все чаще выбираются на свет, ничем хорошим это не закончится, если что-нибудь не предпринять.

— Ты как всегда лезешь не в свое дело. Подумай лучше вот о чем: будут монстры — будет работа. Будут деньги. Да, их сейчас все больше, и, может быть, когда-нибудь — когда и их будут считать детскими сказками — из Нижнего мира выползут даже тэйверы, но это произойдет не сегодня и не завтра, и не в нашей жизни. И вообще пусть важные лорды и короли с этим разбираются, обеспечивать защиту Срединного мира — это их обязанность. Мы всего лишь наемники.

— Но это наша родина, — возразила Вик. — Наша земля.

— Ну и что ты предлагаешь? Что ты можешь сделать?

— «Ты»? — Вик прищурилась. — Что ж, прекрасно.

— Я не это имел в виду! — зачастил Гейл, просяще хватая ее за плечи. — Подожди, не уходи, я не то хотел сказать! Ты же знаешь, куда ты, туда и я! Кто будет тебя исцелять, если тебя снова ранит?

— Я никогда не просила тебя... — начала закипать Вик.

— Я знаю! Но! — Гейл задрожал. Его пальцы начали светиться и обжигать. — Ты сама всегда все делаешь, а мне даже такой мелочи не позволяешь! Это нечестно!

— Ты маг, вот что нечестно! С самого начала нужно было отправиться в школу магов,

где ты всему научился бы! Ты даже контролировать себя до сих пор толком не можешь! И никогда ничего мне не рассказываешь! Кто ты? Откуда ты? Откуда у тебя эти силы? Почему о них нужно молчать? Я о тебе ничего не знаю! — Вик в отчаянии, не обращая уже внимания на грязные руки, оттолкнула Гейла.

— Я... — Гейл крупно сглатывал. Попытался улыбнуться. — Не помню.

— Мы ведь можем хотя бы попытаться найти твою семью. — Плечи Вик беспомощно опустились. — Ну почему ты такой тупой?

— Ты — моя семья, — ответил Гейл. Улыбнулся робко и незащищенно.

Ну что на такое можно было сказать? Вик со вздохом притянула его к себе, заставляя согнуться из-за разницы в росте, и прижала его голову себе к плечу. Тряпица пропиталась краской, и плечо теперь неприятно мокло. Цепкие до боли пальцы Гейла осторожно разжались и погладили Вик по бокам, тихонечко смыкаясь в объятии на спине. Они застыли так на некоторое время. Вик чуть качнулась, отодвинулась первой.

— Ну все, хватит.

Гейл помотал головой и вжался в нее еще крепче. Вик хлопнула его по спине и уставилась в небо. Одна за другой расчерчивали тонкую дугу падающие звезды, и она загадывала одно желание за другим. Чтобы у них все было хорошо, чтобы Гейл нашел уже девушку, которую полюбит больше всех на свете, и угомонился — того гляди, их скоро в городах узнавать будут из-за его шашней с местными красотками. Чтобы сама Вик нашла себе любимого человека и осталась жить в каком-нибудь маленьком домике, в родных четырех стенах, в своей теплой постели, и чтобы миру по возможности не угрожала серьезная опасность. Пожалуйста?

Вик с надеждой посмотрела в небо. Гейл, наконец, отодвинулся, утирая мокрое лицо, и она улыбнулась ему широко и по-доброму. Гейл усмехнулся в ответ, немного смущенный, и подсел к огню.

воспоминания Вик об учителе Рупе

В поселении были уркасы, и Вик, широко распахнув глаза, чтобы ничего в их облике не упустить, крутила головой, оглядываясь по сторонам.

— Руппи! — радостно воскликнула молодая девушка-уркас и, подскочив к старому уркасу, приютившему Вик и Гейла, приобняла его за плечи.

Вик прыснула и на недовольный взгляд старого уркаса удивленно округлила глаза: тот не представился, и из всех воображаемых грозных имен, которые подходили бы ему, не было ни одного вроде «Руппи».

— Ринда, — нахмурившись, отозвался уркас.

— Кто это с тобой? Человеческие детеныши? — Ринда подозрительно обнюхала воздух и скривилась.

Роста она была невысокого, с песочного цвета шерсткой, в открытом одеянии из сплетения кожаных ремешков, с длинными волосами, которые были разукрашены цветами и разноцветными перышками.

— Да, один старый кусок вукиша подкинул.

— Никогда бы не подумала, ты же людишек терпеть не можешь. — Ринда хихикнула и помахала на прощание. — Удачи! Если что, всегда можешь обратиться за советом!

— Конечно, — буркнул уркас. — Идемте.

Вик поспешила за ним, оглянувшись на Гейла, который уныло плелся позади.

Странно это все было. Разве Руппи не был близким другом Седого? Почему же Ринда сказала, что он ненавидел людей?

Постепенно осмотревшись, Вик заметила, что в деревне жили и люди. К ним-то и вел их старый уркас.

Большой серый дом, к которому они пришли, оказался сиротским приютом.

— Откуда? — хмуро, не глядя на Вик и Гейла, спросила тощая человеческая девушка с забранными в неряшливый пучок волосами.

— Из Серого Гракта. Друг попросил пристроить.

— Понятно. Всегда там склочничают, разнесли бы уже этот шмаков город к рябьм потрохам.

Девушка смерила детей брезгливым взглядом.

— Мест нет, — предупредила она. — По двое на койку.

Из дома вышла тощая девочка с синяками под глазами и огромной царapiной на лбу. Следом волочилась плюшевая игрушка, которую она едва держала кончиками пальцев.

Вик взволнованно дернула старого уркаса за руку.

— Руппи, я не хочу сюда.

Девушка невольно вытаращилась. Лицо ее вытянулось. Она кашлянула, будто пыталась скрыть смех.

Старый уркас смерил Вик нечитаемым взглядом и резко убрал руку. Кивнув на стройку неподалеку, спросил:

— Когда закончат?

Девушка пожала плечом.

— Через месяц, если помогут боги.

— Ясно, — бросил старый уркас. — Ничего не поделать, приведу этих позже.

Они с девушкой распрощались, и уркас повел Вик и Гейла дальше — к базару.

День запомнился мельтешением новых лиц, новых домов, многочисленных штучек, выставленных на прилавках на продажу. Вик разглядывала происходящее во все глаза, жалея, что не может поделиться увиденным ни с кем из тех, кого она знала всю жизнь и любила.

Вик покрепче ухватила за подол плаща старого уркаса (к которому люди обращались не иначе как «почтенный Рупигро») и руку Гейла, чтобы не потеряться.

Они добрались до города Шинра к вечеру следующего дня. Город встретил их знакомыми гостеприимно распахнутыми главными воротами. На оживленных улицах мельтешил разноцветный народ, сверкали красочные палатки торгашей, нараспев призывающих купить у них товар, высились основательные и солидные магазины купцов; дети крутились возле манежей с диковинными зверушками, носились, чуть не сбивая с ног взрослых; приятный аромат окутывал ларьки со сладостями, цветами, безделушками...

Гейл с удовольствием оглядел радушный город. Но где же... где же подходящий постоялый двор? Голову заполнили соблазнительные картины с горячей ванной, мягкой постелью, красивой девушкой... Вскоре Гейл рассчитался с хозяином гостиницы, зорко проследив, чтобы ему отдали сдачу, взял ключи и потянул усталую мрачную Вик наверх.

— Две комнаты, — довольно сказал он. — Просто и дешево, все как мы любим.

Дел было много и, поскольку многочасовая ходьба совершенно вымотала Вик, не оправившуюся до конца от ран, Гейл решил самолично заняться всем необходимым, чем обычно занималась она, пока он знакомился с местными красотками. Он наказал ей отдыхать, оставил вещи в своей комнате и поспешил занять столик в таверне внизу, заказать еду, послушать новости, купить Вик бумажные вестники, посмотреть доску объявлений и выбрать какое-нибудь интересное задание.

За делами незаметно наступил вечер. В помещении набилось еще больше народу. Гейл задумчиво разглядывал эту разношерстную толпу и досадовал — Вик все не шла и ее порция еды давно остыла. Конечно, она побурчит еще несколько дней — о низших тварях и ответственности, о том, что исцелять ее не нужно и что способности Гейла растрачиваются впустую, но потом они снова помирятся, как всегда. Все будет как всегда. Он приободрился. Вик никогда не могла долго на него сердиться.

— Скучал по мне? — выдохнул нежный голос ему в ухо.

Гейл умудрился не вздрогнуть и ничем не выдать, что был застигнут врасплох. Мысли о Вик слишком сильно его отвлекли. По-хорошему следовало схватить поднос с едой и пойти к ней в комнату, но прямо сейчас перед ним возникла упругая аппетитная грудь и приятный женский запах, смешанный с цветочным ароматом, зашекотал ноздри, аж в носу засвербило от желания чихнуть, но Гейл удержался. Красотка Джен сама шла к нему в руки, видимо, не забыла об их последней встрече.

Гейл рассчитался за еду, подумав, все же взял поднос с порцией Вик и направился на второй этаж, где располагались комнаты. Джен кокетливо вцепилась в его локоть и непринужденно рассказала о новостях города за последние месяцы.

— Давненько тебя не было видно в наших краях, господин Гейл, — с улыбкой протянула она.

— Да, дела, подвиги, сражения, — ответил тот, ухмыляясь.

Он остановился у нужной комнаты, перехватил поднос одной рукой, собираясь постучать, как дверь неожиданно открылась, и навстречу ему шагнула Вик. Тяжелый поднос, заставленный едой, качнулся в его руке, соскользнул и громко на весь коридор опрокинулся на пол.

— Какого шмака? — осведомилась Вик, переводя взгляд с Гейла на поднос.

Она улыблась, сменила одежду и выглядела посвежевшей и отдохнувшей. Влажные

короткие волосы были зачесаны назад, несколько неровных прядей лежали на лбу.

— А... Я принес тебе еды, — пробормотал Гейл. Перемялся с ноги на ногу, почесал затылок.

Джен тем временем коротко поклонилась.

— Здравствуй, госпожа Вик. — В этом заведении помощницы хозяина всех гостей называли господином или госпожой, будь те хоть последними оборванцами в городе. Джен тронула Гейла за локоть. — Не волнуйтесь об этом, господин Гейл, я сейчас принесу веник и все уберу.

Она поспешила вниз. Платье красиво облегалo ее стройный стан, она казалась легкой воздушной чаровницей из сказок.

Гейл проводил ее голодным взглядом. Вик заперла дверь своей комнаты и прислонилась к стене рядом с ним.

— Нашел нам работу?

— Нет еще.

— Зато компанию себе на вечер уже присмотрел.

Вик усмехнулась и шутливо двинула локтем ему в бок. Гейл невинно пожал плечом. Между тем Джен быстро вернулась с веником, совком и ведром для мусора, и Вик, дружелюбно кивнув ей, зашагала к лестнице.

— Не помешало бы ей платьем обзавестись да хотя бы в городе носить, — негромко сказала Джен. — Где это видано, чтобы девушка воином была, да в мужской одежде щеголяла? Не удивлюсь, если она с мужчиной ни разу не бывала, да и кто позарится на такую? Ладно, волшебницей была бы, слыхала я, что таких боевой магии даже обучают.

Гейл смолчал, надеясь, что Вик уже достаточно отошла, чтобы не слышать этого, и в то же время задней злобной мыслью рассчитывал, что она все это услышала. Где бы они ни были, куда бы они ни шли — встречали по одежке, оценивали по внешности. Даже если Вик одним ловким ударом в корне переворачивала устоявшееся в рядах воинов утверждение, что не женское это дело — сражаться, волна восхищения быстро спадала, и насмешки продолжали виться вокруг нее, невозмутимой, не замечавшей.

А может она замечала, но не обращала внимания?

Но Гейл не мог перестать на нее за это злиться. Словно оскорблениями сыпали его, а не Вик.

Вскоре Джен закончила уборку, и они, наконец, вошли в его комнату.

— Добрый ты человек, господин Гейл, — сказала Джен, грациозно усаживаясь на его кровать.

За комнату свою Гейл заплатил сверх цены за дополнительные привилегии, и сейчас разливал приготовленное вино по кубкам, да разрезал на тонкие ломтики сыр. Он нигде не нашел обещанные сладости и с досадой размышлял — идти ссориться из-за напрасно уплаченной монеты со служанкой, приготовившей ему комнату, или лучше заняться делами с Джен.

— Что? — рассеянно спросил он.

— Говорю, добрый ты, — повторила девушка. — О сестре заботишься, оберегаешь от невзгод в пути. Как ей только в голову взбрело заниматься воинским ремеслом? Из-за ее блажи тебе ни вздохнуть спокойно, ни осесть где-нибудь в городе, здесь, к примеру.

Гейл медленно выдохнул, обнаруживая, что стиснул нож до боли в руке.

— Слушай, Дженни, — с трудом сдерживаясь от ярости, процедил он и обернулся к

беспечной идиотке, которая уже расшнуровывала завязки на платье. — Ты понятия не имеешь, через что нам с ней пришлось пройти, так что не смей больше оскорблять ее. На будущее скажу лишь, что тебе следует подбирать слова и думать, что говоришь, прежде чем раскрывать рот.

— Извини, — пробормотала, вдруг сильно побледнев, Джен.

Она внезапно вскочила и дернулась было к двери, но быстро обернулась. Она выглядела насмерть перепуганной.

— Что случилось? — недоуменно спросил Гейл.

— Ничего. — Джен наиграно рассмеялась. Облегчение ярко отразилось на ее лице, проступило зернистым потом на высоком красивом лбу. — Померещилось. Ерунда какая-то. Знаешь, я вспомнила, мне сегодня нужно еще столько всего сделать, времени совершенно нет, хозяин будет ругаться, ну, до скорого, — торопливо сказала она и, все так же не поворачиваясь к нему спиной, открыла дверь и чуть ли не выбежала из комнаты.

Гейл растерянно огляделся. Подошел к зеркалу, висевшему на стене рядом с корытом и ведрами для умываний, нахмурился, оттягивая кожу у висков — на лице пульсировали медленно исчезающие выпуклые черные венки.

Так, это уже ни в какие ворота не лезло. Сказанное Джен неожиданно так разозлило, что магия опять вышла из подчинения.

Как бы эта тупая девица не распространила слухи среди работников постоянного двора. Гейл досадливо поморщился. Планы на вечер — псу под хвост. Ну что ж, из-за того, что одна пташка упорхнула, не стоило портить себе остаток дня, рассудил он и налил в лохань воды из ведер. Вода была горячая, и, ойкая и айкая, Гейл кое-как забрался в лохань.

Испорченное настроение быстро приходило в порядок. Гейл погрузился в воду по ноздри, жадно выдувая крупные пузыри и думая, чем же заняться теперь.

Как это чем? Спуститься вниз и присоединиться к Вик, может, заказать себе что-нибудь на десерт, раз уж с лакомством другого сорта ничего не получилось.

Гейл тщательно намылился и ополоснулся. Вытерся полотенцем, постирал грязную одежду и развесил на бечевке вдоль стены. Насвистывая песенку, быстро оделся в свежее и занялся волосами — нужно было уложить их, пока они еще были влажные. Гейл так и эдак поворачивался к зеркалу, любуясь ими — черные, как воронье крыло, они прекрасно сочетались с глазами и красиво контрастировали со светлой, не испорченной шрамами и прыщами кожей. Вот только опять начала проступать эта уродская светлая щетина. Гейл, нахмурившись, размышлял — соскоблить ее сейчас или еще дня два будет незаметно? А что если отпустить модные нынче усики? Но цвета они, должно быть, тоже будут рыжего, и тогда их тоже придется, как и волосы, красить.

Сокрушенно качая головой и пытаясь представить, как на нем будут смотреться усы и борода — и тогда, наверное, к ним придется купить шляпу другого фасона, — Гейл спустился вниз, выискивая взглядом Вик.

Вик обнаружилась за дальним столом у окна, и рядом с ней сидел какой-то незнакомец и что-то говорил. Вик прыснула и громко заливисто рассмеялась. Это что перед ней — несколько кружек пива? Уж не решил ли подозрительный незнакомец опохмелить ее и воспользоваться?! Вне себя от праведной злости, Гейл поспешил предотвратить преступление. Вик заметила его прежде, чем он успел гневно открыть рот.

— Гейл? Что ты здесь делаешь?

— Кто это? — перебил Гейл, вперив яростный взгляд в незнакомца.

— О, это...

— Лок. Кор Лок к вашим услугам, господин Гейл. Мы с вашей сестрой как раз обсуждаем условия договора.

— Я нашла нам задание, — с гордостью сообщила Вик.

Она вся сияла, а шмаков Лок — Кор Лок — лыбился любезной улыбочкой, вот только от глаз Гейла не ускользнуло, как он протирал тонкие длинные пальцы льняной салфеткой, и многочисленные амулеты, скрытые под плащом, невзрачным на вид, но, на опытный взгляд Гейла, дорогим. Он был невысокий, худощавый, узкоплечий, на голове его был подвязан платок на манер проходимцев из Востока. Он дружелюбно кивнул, жестом приглашая сестру.

— Не присоединитесь к нам?

— Отчего же нет? — отозвался Гейл, игнорируя недоуменный взгляд Вик, и, толкнув ее боком, уселся рядом.

На столе между кружками была разложена карта, потрепанная края которой Вик машинально приглаживала.

— Можете заказать что-нибудь, я оплачу, — предложил Лок.

— Ох, не стоит, мы сами в состоянии оплатить себе еду. — Гейл оскалился в улыбке, подозвал жестом служанку. Краем глаза он заметил, что Вик извиняюще улыбнулась, что Лок понимающе кивнул, и что они вообще вели себя так, будто были давно знакомы.

— Так вот, — откашлявшись, начала Вик. — Мы с братом согласны взяться за работу и...

— Кто сказал, что я согласен? — мигом среагировал Гейл.

Вик удивленно посмотрела на него.

— Прежде ты не подвергал сомнению мой выбор.

— Да, но сейчас я здесь и хочу точно знать, что нас ожидает и какова будет оплата.

— Оплата будет достойной, не сомневайтесь, — любезным голосом сказал Лок. — Задание несложное — нужно всего лишь забрать одну маленькую вещицу. Я намеревался сам его выполнить, вот только идти необходимо ночью, а гулять одному в лесу в темноте, мм, несколько опасно.

Гейл презрительно хмыкнул. Словно бы не заметив, Лок спокойно продолжал:

— Мы с госпожой Вик обсуждали путь, по которому лучше всего будет пройти.

— Хм, почему же именно ночью вы хотите идти, а не днем? — спросил Гейл.

— Мы отправимся туда днем, а прибудем к нужному месту как раз к ночи, — влезла Вик.

Гейл смерил ее ледяным взглядом. Вик непонимающе нахмурилась.

— И почему же именно ночью нужно прибыть к тому месту? — повторил он.

— Магическое условие, — пожав плечом, ответил Лок и пригубил пива из своей кружки. Причмокнул от удовольствия. — Надо же, какой приятный напиток.

Вик хихикнула.

— О, вы еще здешний вишневым пунш не пробовали, смею уверить, здесь его готовят изумительно.

— Верю на слово. — Лок улыбнулся и что-то записал в лежавшую на столе неприметную книжицу. — Сколько всего чудесного мне еще предстоит узнать. Госпожа Вик, вы не окажете мне любезность устроить экскурсию по этому городу?

— С удовольствием.

— Нет! — глубоко возмутился Гейл. — Это не входит в задание, и мы вообще еще не

решили, беремся за него или нет!

— Да что с тобой? — удивилась Вик. Встала с места, решительно выталкивая его из-за стола. — Выйдем-ка, дружок, нужно поговорить. Прошу прощения, господин Лок, мы сейчас вернемся.

Лок добродушно отсалютовал кружкой. Вик, клешнями вцепившись в руку Гейла, потащила его на улицу и зашипела:

— Что на тебя нашло?! Хочешь клиента напугать?! Такой любезный господин!

— Твой любезный господин хочет воспользоваться тобой! — не уступая ей в возмущении, воскликнул Гейл. — Видела его масляную улыбочку?! Да он к тебе клинья подбивает!

— Тебе какая разница?! То, что твое свидание сорвалось, не означает, что я должна потратить весь вечер на то, чтобы выслушивать твое нытье!

— Я!.. — Гейл вспыхнул. — Я никогда не ною!

— Мне перечислить?

— Это к делу не относится! Этот пронырливый тип явно что-то задумал! Он подозрительно себя ведет!

— В чем?

— Он... — Гейл сглотнул.

Неужели Вик не замечала очевидного? Дорогая одежда, манеры... Этот господин был не так прост, наверняка родом из Востока, а какого шмака житель Востока забыл на их Юге?

— Он подозрителен и мне не нравится.

— Он не обязан тебе нравиться. А насчет подозрительности... Всем нам есть что скрывать. — Вик пристально посмотрела ему в глаза. Помолчав, добавила: — Гейл, он маг.

Гейл недоверчиво фыркнул.

— Ты мог бы, — продолжила Вик, — попросить его научить тебя несколькими магическими формулам или заклинаниям. Нам впервые попало задание от мага, грех не воспользоваться таким шансом.

— Я не стану его ни о чем просить, — отрезал Гейл.

— Я попрошу за тебя, — не унималась Вик и вдруг немного покраснела. — Точнее, я уже попросила, так что...

— Вик! — возмущенно и беспомощно воскликнул Гейл и схватился за голову. — Ты иногда!.. Иногда!.. Такая глупая!

— Это ты идиот! — рассердилась Вик. — Хватит вести себя, как сопливый мальчишка! Сам же хотел свои способности улучшить! Но мы только и делаем, что постоянно от кого-то бежим!

— Мы ни от кого не бежим!

— Да? Может, тогда нам стоит остановиться? Да хотя бы в этом городе! — Вик раскинула руки. — Чем он плох?

— Ты хочешь здесь остаться? — сдавленным голосом спросил Гейл. В горле вдруг пересохло, пальцы заохлодели.

Вик смирила его странным взглядом.

— Думаю, после этого задания нам нужно серьезно поговорить. Обсудить наше будущее.

Огорошенный ее словами Гейл растерянно прислонился к стене.

— Да, я... — вполголоса начал он. Откашлялся. — Ты права, я не должен упускать

такой шанс, тем более, он из Востока, так что вряд ли... ну... М-может, расскажешь, что за задание? — попытался он сменить тему.

— Это займет несколько дней, — помедлив, ответила Вик. — Оплата щедрая. Речь идет о некоем артефакте, нам всего-то лишь надо сопроводить этого господина в один лес и помочь его забрать. Он очень любезен и интересен — побывал во многих местах, ты видел его записную книжку? Он записывает туда много интересных наблюдений, мне тоже надо бы так делать, он очень занятный господин.

— Да-да, — проворчал Гейл. — Не доверяю я ему. И раз уж мы беремся за его задание, тебе бы отдохнуть как следует, а не разгуливать по городу.

Вик хмыкнула и ушла. Гейл мрачно уставился на тоненькую кромку Зельды и половину Зелы. Маленькая красная луна Зед ярко сияла на небе. Под порывами усилившегося ветра быстро набежали тучи, на улице стало темно и неуютно. Помедлив, Гейл вернулся в таверну, прошел мимо стола, за которым Вик и господин Лок что-то с увлечением обсуждали, и направился в свою комнату.

воспоминания Вик об учителе Рупе

Каждое утро Рупигро вставал до рассвета и будил детей. Вик, зевая и проклиная жестокого старикашку, плелась к сарайчику: подоить двух коров, проводить их к стаду, наложить еды маленьким мохнатым пигликами, курицам, почистить шкуру хромающего наздака и насыпать ему пол-ведра семян из огромной бочки, приготовить завтрак, в то время как Рупигро заставлял Гейла медитировать.

Гейл не противился. Вик тоже предпочла бы сидеть сидеть на полу со скрещенными ногами и прикрытыми глазами и подозревала, что Гейл просто продолжает спать. Он все больше оживал и уже не выглядел таким зашуганным и несчастным. Постепенно он учился работе по дому, но, конечно же, не мог сравниться в этом с Вик, потому на ней лежало больше обязанностей.

После завтрака Рупигро возился со своими животными и копался в небольшом поле за домом. Он показывал, что нужно делать Вик и Гейлу, и, оставив их работать, уходил на прогулку или тренировался: разминался, забирался на дерево — деревья в этом лесу как на подбор были высоченные и толстенные — и фехтовал каким-нибудь оружием, перепрыгивая с ветки на ветку, балансируя каким-то чудом. Наверное, все дело в хвосте, решила Вик, с огорчением понимая, что ей в жизни не достичь подобной ловкости.

Но когда это подобные мысли ее останавливали?

Спустя несколько дней Вик, улучив свободную минутку вечером, вскарабкалась на дерево и попыталась повторить увиденные приемы Рупигро. Это было очень захватывающе и — болезненно. Благо, упала Вик с небольшой высоты и серьезно не пострадала, но неудача лишь раззадорила.

Рупигро никак не отреагировал на ее синяки и ушибы. Гейл заволновался и быстро ее исцелил — Рупигро и на это ничего не сказал. Он вообще ни о чем не спрашивал и заговаривал лишь по делу, но Вик замечала, что он внимательно наблюдает за ними, и подспудно осознавала, что сейчас-то и решается их с Гейлом дальнейшая участь — оставит ли Рупигро их в своем доме или отправит в сиротский приют.

Очередным жарким полуденным днем она ушла из поля, где они с Гейлом дергали сорняки, сказав, что хочет пить. Утолив дома жажду, Вик подкралась к заднему двору, где Рупигро вспоминал свои боевые навыки, и осталась наблюдать.

Рупигро был поразительно ловким. Он фехтовал против невидимого противника, изгибаясь в немыслимые позы, то чуть ли не стелясь по траве, то подпрыгивая на месте выше роста. Сделав очередное сальто, он вдруг швырнул деревянный меч, и тот вонзился в забор в двух пальцах от лица Вик.

Тяжело дыша, Рупигро уставился на нее.

Вик моргнула.

— Это было здорово, — искренне сказала она и вылезла из укрытия. — Даже Рикард так не умеет, точнее, не умел.

Она помрачнела, сцепила грязные пальцы перед собой.

До нее вдруг дошло, что если бы Рупигро промахнулся, то меч врезался бы ей в лицо и, скорее всего, убил.

Но какая, к шмаку, разница? Все, кого она знала и любила, погибли.

И все же до сих пор в это не верилось: иногда казалось, что ее просто сослали в гости к какому-то мрачному старику и его нелюдимому приемышу.

Рупигро тем временем достал новый деревянный меч из кучи оружия, разложенного у другого края забора, и неожиданно кинул его Вик. Та, растерявшись, с трудом успела его поймать.

— Попробуй ударить меня, девочка, — предложил Рупигро, вставая напротив нее.

— Меня Вик зовут, — напомнила та, послушно замахиваясь мечом.

Она держала оружие так, как учил Рикард, и неожиданное удивление и одобрение в глазах Рупигро воодушевило ее.

Она старательно кружила вокруг старого уркаса, пытаясь делать обманные выпады, ударять нечестными приемами. Она вся запыхалась, развеселилась, и Рупигро тоже уже не казался таким угрюмым.

— Неплохо, — сказал он, когда Вик, умирая от усталости, растянулась на земле.

Он уставился на нее сверху вниз, легонько пнул в плечо.

— Идем, девочка. На поле еще много работы.

— Я хочу еще, — пыхтя и отдуваясь, заявила Вик. — Мне нравится, ты такой быстрый и так много всего умеешь.

Рупигро хмыкнул и, протянув руку, помог ей встать.

— Посмотрим.

На миссию они выдвинулись на следующий же день. Из Шинры отправились в соседний город Разотар, в котором находилась Постоянная Дверь. Кор Лок вписал имена Вик и Гейла в свой пропуск, который предъявил Синим Стражам, проверяющим всех, кто хотел отправиться в другой город. Они отстояли небольшую очередь к Двери и вскоре очутились на другом конце страны в Синтаре, рядом с которым и находился нужный Локу лес. В городе провели четыре дня — Лок объяснил, что магическое условие заключалось в том, чтобы дождаться полного безлуния. Гейл успел познакомиться и расстаться с очередной девушкой, а Вик на выданный Локом аванс купила новую стеганку и подобрала замечательные кожаные ножны для старого отцовского ножа. За прошедшие десять лет пришлось поменять лишь рукоять, само лезвие оказалось на диво надежным. После вынужденного отдыха они неспеша миновали один небольшой городок и четыре деревни, прежде чем добрались до Сизого леса.

В лесу шли медленно — из-за Лока, который с интересом останавливался возле примечательных для него кустов или букашек, расспрашивал о них Вик и то и дело записывал что-то в свою толстую тетрадку.

На вечернем привале Вик отправилась на разведку — проверить завтрашний маршрут и под этим предлогом оставила Гейла и Лока наедине, надеясь, что Гейл засунет свою гордость куда подальше и примет, наконец, помощь в изучении магии от Лока, дружелюбно настроенного ее стараниями.

Вик выбралась из оврага и огляделась, вспоминая, как вернуться в лагерь.

Им с Гейлом уже доводилось бывать здесь, и место на карте, отведенное этому лесу, было дополнено ее заметками и схемами ручьев и ориентиров, но несмотря на все это сейчас лес казался незнакомым. Он сильно изменился с тех пор, как Вик в последний раз была здесь чуть больше двух лет назад. Сквозь густые верхушки деревьев увидеть небо удавалось с трудом. Со стороны Большой Топи то и дело доносились громкие утробные вздохи, а здесь, у старой сломанной сосны, земля странно себя вела — часть травы пожухла, часть сгнила и под ней виднелись странные шевелящиеся отростки, отвратительные даже на вид. Если присмотреться, можно было увидеть множество более старых подобных отростков, будто иссохших и разломанных, но и они продолжали корчиться. Вик попыталась вспомнить, не слышала ли о чем-то подобном в последнее время, но на ум ничего не приходило. Следует рассказать людям об этих новых тварях, подумала Вик. Хоть они и выглядели безобидными, но кто знает, что в действительности из себя представляли?

Донесся ритмичный шелест шагов. Вик украдкой скользнула навстречу и вскоре увидела неторопливо идущего человека в длинном плаще и с посохом. Абсурдная мысль, что это новая низшая тварь так спокойно разгуливает в лесу днем поразила ее настолько, что она застыла на несколько секунд, не зная, как среагировать. Фигура тем временем споткнулась и выругалась на чистейшем общем языке. Вик мысленно отвесила себе оплеуху. Боги, кажется, Гейл прав, и она вконец заиклилась на низших тварях. Вик фыркнула, выпрямилась, перестав таиться, и окликнула:

— Эй!

Фигура встрепенулась и обернулась. Это оказалась невысокая девушка с длинными светлыми волосами и смуглой кожей. Резкие черты лица озарила приветливая улыбка, но

лучистые глаза цепко и быстро оглядели, почти физически ощупали, и Вик поежилась от неприятного чувства. Такой испытывающий взгляд был ей знаком. Она сама частенько его использовала и не могла сейчас винить одинокую девушку в излишней подозрительности.

— Куда вы направляетесь? — спросила она. — Вы одна?

— Да, — мелодичным голосом отозвалась девушка. — Я ищу кое-кого, но, похоже, немного заблудилась.

— Я могу помочь, — предложила Вик. — Мы с товарищами разбили лагерь неподалеку. Девушка заметно напряглась.

— Мы вас не обидим, — как можно искренней добавила Вик. — Честное слово. нас всего трое, мы не разбойники, просто наемники. Послушайте, госпожа, сейчас небезопасно бродить в лесу в одиночку, кто знает, какие твари могут выползти из Нижнего мира?

— Твари из Нижнего мира? — Девушка покачала головой. — Что за глупости? В любом случае, уж поверьте, я смогу за себя постоять. — Она выставила перед собой посох, и верхушку его охватил ровный синий огонь.

— Вы волшебница? — взволнованно спросила Вик.

— Да. — Девушка снисходительно посмотрела на нее. Наклонила посох к свободной руке, и синий огонек соскользнул в ее ладонь.

— Тогда вы должны знать, что на некоторых низших тварей волшебство не только не действует, но и притягивает.

— Низшие твари — всего лишь страшилки из детских сказок. — Девушка вернула огонек на посох и насмешливо улыбнулась.

— В таком случае вас не должно напугать то, что за вашей спиной стоит одна из них, — быстро проговорила Вик, доставая меч из ножен, и рванулась к девушке.

Та успела ахнуть и взмахнуть посохом, чтобы обрушить на Вик синий огонь, но Вик, ловко увернувшись от такого предсказуемого удара, пробежала мимо и одним точным движением распоролла черную скользкую кожу на груди низшей твари, подкравшейся к девушке совсем близко. Тварь застрекотала, черная кровь и внутренности плеснули на подол длинного плаща девушки. Та взвизгнула, отскочила. Тварь извивалась на земле в предсмертных конвульсиях, ее клешневидная пасть судорожно дергалась.

— Ч-что это было?!

— Как долго вы в лесу? — нахмурившись, спросила Вик, вытирая испачканный меч о траву.

— Весь день, — пролепетала девушка. — С главного тракта до края леса подвезли на повозке, а дальше шла пешком несколько часов.

Она зябко поежилась, огляделась и, сжимая посох обеими руками, уже много любезней обратилась к Вик:

— Вы... Ваше предложение еще в силе?

Вик кивнула и улыбнулась. Они представились друг другу, девушка назвалась Лоис, убрала синий огонь с посоха и окончательно расслабилась. По дороге к лагерю Вик рассказывала новой знакомой о низших тварях, и теперь уже Лоис не отмахивалась так пренебрежительно от детских сказок, а слушала очень внимательно.

Как все удачно складывалось, довольно думала Вик. Надо будет деликатно подвести Лоис к мысли о том, что лучшей благодарностью за помощь будет парочка уроков по магии, и у Гейла появятся аж два учителя. Хоть бы Лок не был против пополнения в их компании...

Еще на подходе к лагерю Вик поняла, что поступила опрометчиво, оставив раздраженного всю дорогу Гейла наедине с Локом.

— Ты разлил, ты и убирай! — вопил Гейл.

— Это ты толкнул меня.

— Это ты показал мне то заклинание!

— Что ж, неплохо бы научиться им сначала пользоваться, прежде чем шарахаться вокруг себя без разбору. О, с возвращением, Вик.

— Что случилось? — спросила Вик.

— Из-за этого идиота сорвался наш ужин, — громко пожаловался Гейл. — Кто это с тобой?

— Привет, господин Лок.

— Добрый вечер, Лоис.

— Вы знакомы? — в один голос воскликнули Гейл и Вик и переглянулись.

— Да, это моя ученица.

— Это тот человек, которого я и искала, — сказала Лоис, благодарно улыбаясь Вик. — Какая удача, что я тебя встретила! Мало того, что она спасла мне жизнь, — обращаясь уже к Локу, добавила она, — так еще и выполнила обещание помочь в поисках!

— Да, в Вик кроются удивительные способности, — сказал Лок и коротко тепло улыбнулся Вик.

— Кто бы мог подумать, что у такого зануды может быть такая прелестная ученица, — замурлыкал Гейл и галантно раскланялся, обретая то самое выражение лица для подобных случаев.

— Учитель, я достала нужные ингредиенты раньше, чем рассчитывала, — проигнорировала его Лоис, — и думала успеть присоединиться к вам в Сине, но оказалось, что вы уже ушли.

— Помнится, я оставил тебе письмо, но подождать моего возвращения ты, конечно же, не могла, — со вздохом сказал Лок.

Лоис невинно хлопнула ресницами, затем достала из кармана небольшое ожерелье и протянула Локу.

— Я искала вас с помощью заклинания поиска, но в этом лесу творится что-то непонятное. Первые два часа заклинание вело меня, но после перестало действовать, хотя колдовать я все еще могла.

Лок и Гейл переглянулись.

— Что ж, мы продолжим наш урок, а после ужина обсудим подробней мой план, — сказал Лок.

— Отлично! — преувеличенно просиял Гейл.

Он петушился и пытался произвести на Лоис впечатление, и Вик едва сдержалась, чтобы не треснуть его по башке, чтоб перестал паясничать. Вместо этого она со вздохом принялась за уборку разлитого котелка. Благо, овощи не успели положить. Она добавила воды из фляжки, промыла и вернула в котелок мясо, сходила за водой к роднику и нарезала и положила в похлебку овощи, краем глаза наблюдая за Локом и Гейлом. Теперь в присутствии Лоис Гейл казался более спокойным и собранным. Во время ужина он всячески пытался за ней ухаживать.

— Вот, можешь взять мою, — предложил он свою глубокую тарелку.

— Не нужно, у меня есть своя.

— Какая красивая!

— Это обычная деревянная тарелка, господин Гейл.

— Нет-нет, ты только взгляни на эти узоры! Наверняка это посуда, изготовленная великим мастером!

Лоис, не обращая на него внимания и восхищая этим Вик все больше, наложила в эту самую тарелку суп и протянула Локу.

— Учитель, держите.

— Спасибо, Лоис.

— Вы похудели, надеюсь, вы правильно питались?

— Если сливочное пиво и стейк с кровью считаются правильной едой, то да. — Гейл хохотнул, но тут же заткнулся, едва Лоис бросила на него такой взгляд, будто посчитала, что Гейл заставил Лока выпить отраву. Не менее разъяренно она уставилась на Лока.

— Вы же обещали, что будете есть то, что лекарь вам прописал! Никакого жареного мяса! Никаких хмельных напитков!

Лок с достоинством подносил ложку ко рту и не обращал на нее внимания. Вскоре все занялись едой, и когда с супом было покончено, а травяной напиток еще был слишком горяч, Лок проговорил:

— Наша задача — добыть камень истины. Захоронен он в этом лесу, возле кладбища первых людей. Несколько месяцев изучения карт, легенд и слухов привели меня сюда, но в одиночку мне его не достать.

— Почему вы выбрали именно их? — Лоис скептически посмотрела на Гейла, который тем временем усердно похлопывал себя по лицу, втирая в кожу очередную присыпку на ночь.

— Мне нужны люди, которые хорошо ориентируются в лесу. Вик убедила меня в своих познаниях и продемонстрировала умение владеть оружием.

Гейл удивленно оглянулся на Вик и сдвинул брови. Вик ответила возмущенным взглядом, и нет, нет, она не хотела даже думать, о чем он думал, когда оставлял их с Локом наедине! Как можно быть таким развратником?!

— Также она рассказала, почему стоит остерегаться прогулок в лесу, особенно по ночам. Признаться, в это я с трудом верю. — Лок усмехнулся.

— Вы о низших тварях? — напряженным голосом спросила Лоис.

— Да. Я склонен полагать, что так называемые очевидцы спутали низшую тварь с каким-нибудь хищником. Ты же знаешь этих деревенщин, — небрежно добавил он. — Сами что-то выдумают, сами же в это поверят.

Вик покосилась на Гейла, который заметно напрягся на оскорбление.

— Это не выдумки, — сказала Лоис.

— От тебя я не ожидал такого, — укоризненно сказал Лок. — В отличие от деревенщин ты закончила школу и академию магов, уж тебе-то должно быть прекрасно известно, что низшие твари, как и тэйверы, скованы Первым Проклятием и если выберутся из Нижнего мира, тут же обратятся в прах.

— Но я видела одну из них своими глазами!

— Ты приняла какое-то животное за низшую тварь. И хватит об этом.

Лоис закатила глаза, скрестила руки, но смолчала.

Вик переглянулась с возмущенным Гейлом и отрицательно покачала головой. Придет время, и господин Лок сам убедится в ошибочности своих суждений, правда, Вик надеялась, что путешествие их пройдет спокойно и господину ни в чем не придется переубеждаться.

— Я провел в таверне Шинры неделю, разыскивая подходящих наемников, — продолжил Лок. — Камень хорошо спрятали и связали рядом магических условий, если следующей ночью ничего не получится, придется ждать еще несколько месяцев. Также смею напомнить, — обратился он к Вик и Гейлу, — что все мы подписали контракт. Если с вами что-то случится, я не буду за это ответственен, но если я буду ранен, из вашей оплаты вычитается сумма, должная на лечение, так что в ваших же интересах беречь и охранять меня.

Вик согласно кивнула. Обычный договор для подобного рода заданий, где наемники сопровождали заказчика.

— Меня в контракте не упоминали? — как бы невзначай поинтересовалась Лоис.

Господин Лок медленно повернулся к ней и смерил нечитаемым взглядом.

— Дорогая Лоис, помнится, в письме я дважды упомянул, что тебе следует дожидаться меня в таверне, но ты по какому-то странному течению мысли — коего мне не уловить никакими стараниями — решила составить мне компанию в лесу, тогда как единственной твоей задачей было найти и купить нужные предметы для моей коллекции. Со своей стороны я условия выполнил, и твоя комната все еще дожидается тебя в обговоренной таверне. В контракте с уважаемыми наемниками твою персону я не указывал, поэтому у тебя есть два выхода, вернее, три. Первый — ты возвращаешься в город. Второй — ты заключаешь с уважаемыми наемниками контракт, по которому они обязуются защищать тебя, и оплачиваешь их услуги из своего кошелька. Третий — ты следуешь за нами, но в случае опасности полагаешься лишь на себя.

— Но я же ваша ученица!

— В контракте, который мы с тобой заключили перед началом твоего обучения, говорится, что ты в ответе за свои действия. Кто я такой, чтобы лишать тебя столь увлекательного мероприятия по обнаружению, во что выливаются действия, коли проигнорировать мудрые слова твоего наставника?

— Вот зануда, — еле слышно с толикой восхищения сказал Гейл.

Плечи Лоис опустились. Она чуть склонила голову, признавая поражение.

— Господин Лок, время не ждет, давайте обсудим наш план, — попросила Вик и достала свою старую карту.

Лок в свою очередь вытащил из сумки многочисленные свитки и пергаменты и деловито разложил их на земле.

Они просидели над картами леса до глубокой ночи, когда непроглядная темень окружила мир, а в небе загорелись яркие даже сквозь лесную чащу огоньки звезд. Гейл установил магический защитный барьер, следуя советам Лока. Эти двое еще долго о чем-то шептались. Лок посмеивался, Гейл недовольно бурчал, но к знаниям теперь уже тянулся и не прекращал попыток впечатлить на диво стойкую Лоис. Вик надеялась, что за время задания Гейл многому научится у Лока и, возможно, переменит решение насчет обучения. Конечно, в школы и академии его не возьмут — по возрасту не подходит, но в некоторых магических гильдиях проводили курсы магии для желающих, она узнавала. Также она знала, что некоторые маги берут себе в спутники ученика, а то и нескольких, и сейчас подобная парочка как раз была у них перед носом. Быть может, господину Локу не помешает еще один

ученик?

— Постарайтесь выспаться, — посоветовала Вик Локу и Лоис перед сном. — Завтра мы должны успеть вовремя добраться до хижины Чиари, где вы с Лоис останетесь, пока мы с Гейлом будем добывать тот ваш камень. Надеюсь, ловушек там немного.

— Боюсь, что предостаточно. — Лок невесело усмехнулся. — Также есть высокая вероятность попасть в, мм, преследующую ловушку, потому я и намереваюсь прибыть в хижину заранее и поставить магическую защиту. Едва пересечете ее, будете в безопасности, и никакая тварь вас не тронет, будь то магическая или обыкновенная.

— Даже низшая? — уточнила Вик.

— Даже тэйверы, будь они неладны. — Лок закатил глаза. — Постарайтесь немедленно вернуться, после того, как заберете камень. Осторожность не повредит.

— Само собой, — отозвался Гейл. — Ночные прогулки под луной совершать куда приятней в компании какой-нибудь прелестной девушки, — он подмигнул Лоис, — а не в попытках сбежать от голодных тварей.

— Я не пошла бы на это с тобой, даже если бы мне заплатили, — с отвращением пробормотала Лоис и протянула Вик горячий напиток. — Попробуй.

— Очень неплох, — одобрила Вик.

— Спасибо за рецепт. Кажется, я поняла, как это делается.

— У тебя замечательно получилось. — Вик улыбнулась. — Пойду посторожу первой. Гейл, я разбужу тебя, так что иди поспи.

Она мягко сжала плечо надувшегося Гейла и направилась к высокому дереву на краю поляны. В два счета вскарабкавшись на нужную ветку, оперлась спиной о могучий ствол и огляделась. Непроизвольно вздрогнула — темный в безлунные лес казался не только незнакомым, но и по-настоящему диким. За магическим барьером то и дело разносились незнакомые звуки — трескотня, отдающаяся неприятным чувством, будто муравьи пробрались под одежду. Вик откинулась затылком о шершавую кору дерева. Покосилась вниз, услышав шорох — Гейл взбирался следом. Вскоре он залез на ее ветку и уселся плечом к плечу.

— Не могу заснуть, — негромко сказал он.

Вик лениво посмотрела на него и снова уставилась в лес. Она ощущала пристальный, раздражающий взгляд Гейла и, не выдержав, спросила:

— Ну что?

— Вик, ты мой самый близкий человек... — словно только и дожидаясь, начал Гейл.

— Хватит подлизываться, дурья башка. Говори прямо — чего хотел?

— Эй, можно не так грубо?

Вик отвесила ему щелбан по носу.

— Что ты там устроил с господином Локом, стоило мне лишь отвернуться? Он ведь наш клиент, будь уважительней и не фамильярничай с ним.

Гейл обиженно потер нос.

— Его этим не проймешь, кажется, он лишь забавляется, глядя на нас. И этим бесит меня еще больше.

— Ты сказал, что он богатый знатный господин, — не сдавалась Вик, — а значит, нам может пригодиться его благосклонность, так что уж постарайся держать себя в руках. Много заклинаний успел изучить?

— Целых два. Одно из силовой магии, из-за которого наш ужин едва не пропал, и

барьер защитный, — с гордостью сказал Гейл.

— Отлично, — похвалила Вик. — Так о чем ты хотел поговорить?

Гейл вздохнул, нахмурился.

— У меня дурное предчувствие. Зря ты согласилась на задание этого подозрительного типа. Я все думаю, почему он отправился искать наемников так далеко?

Вик пожала плечом.

— Мы уже говорили об этом, всем есть что скрывать, — выразительно напомнила она. — Он чудной, конечно, но это невероятная удача, что нам попался клиент, который согласился поучить тебя. Кто еще в здравом уме будет терпеть твои выходки и глупые шутки?

— Ауч. А вот это было действительно больно.

— Я разужнаю у него, — продолжала Вик, — не захочет ли он взять себе еще ученика, а ты все же приглядиись к нему. Вряд ли тебе еще подвернется такая возможность.

— Ты ведь отправишья с нами, если я вдруг стану его учеником? — неожиданно спросил Гейл.

— Обсудим все, как выполним задание, — помолчав, ответила Вик. — А теперь иди спать. Завтра трудный день.

Гейл кивнул. Он выглядел расстроенным, и Вик почти пожалела, что была с ним так строга, но в ее планы не входило нянчиться с ним всю жизнь, как навязал ей, тогда еще маленькой девочке, один полоумный старик, ничего толком не объяснивший.

дневник Лока: о новом ученике

Объем магии моего временного ученика так же удивителен, как не способности к ее контролю. Он четко разделяет свою магию на целительную и всю остальную, потому ему сложно сходу разграничить защитную и атакующую магию. Судя по поведению его магии, он считает, что это одно и то же и без разницы, в какую сторону направить контроль.

Говорит, что умеет медитировать, показал, как это делает. Его аура сильно колеблется, если бы он позволил присоединиться к нему в совместной медитации, думаю, я смог бы направить его в нужную сторону.

Нынешний уровень погружения в медитацию (учитывая, что он самоучка и занимается этим, когда чувствует, что близок к срыву) ужасен, ему бы усидчивости да терпения. Юная Вик говорит, что их учитель заставлял Гейла заниматься медитациями каждый день, а то и по несколько раз, но после его смерти тот стал отлынивать.

Он очень, очень нетерпелив и слишком взрослый для обучения. Сколько ему? Двадцать? Двадцать два? Староват для обучения.

Вик шла первой, прокладывая путь по едва приметной старой тропе в глубины леса. Следом шагали Лок и Лоис, шарахавшаяся от всего шевелившегося, но довольно уверенная после вчерашней встречи с тварью. Замыкал шествие Гейл. Иногда раздавались вскрики Лоис, иногда доносились не внушающие доверия страшные звуки впереди, и Вик тут же меняла маршрут. Лишь раз она не успела вовремя среагировать, и им пришлось вступить в бой со стайкой низших тварей. Благо, их оказалось немного, но в сражении сильно мешала нерасторопность Лока, действительно застигнутого врасплох. Приходилось то и дело отвлекаться на его защиту.

Твари были размером с небольшого зайца. Стремительные, зубастые, брызгающие зеленой слюной. Лок, путаясь в словах, пытался атаковать магией, но половина заклинаний рассыпалась из-за его страха и потери концентрации (он был слишком потрясен встречей лицом к лицу с тем, что считал невозможным), а другая — не действовала на вертких низших тварей. Тут и там сверкали синие огни, прожигаящие тварей насквозь: Лоис ко всеобщей неожиданности атаковала врагов с хладнокровием и точностью, которой позавидовал бы и Гейл со своими стрелами. Вик мельком оглянулась на него, но тот был слишком сосредоточен на том, чтобы прикрывать спину ей и самому не попасть под удар. Сама же Вик рубила тварей направо и налево. После схватки с хитрыми роганами, облаченными в броню и снаряженными оружием, разделять других низших тварей казалось теперь плевым делом, и эти мысли едва ее не погубили. Стоило лишь отвлечься, как одна из тварей прокусила ей руку, в то же мгновение другая едва не повалила на землю, к счастью, Гейл как всегда подоспел вовремя.

Раны от укуса непривычно сильно болели, но Вик ощутила это, лишь когда бой был окончен, оставшиеся твари разбежались, и они вчетвером поспешили дальше. Назойливый Гейл на привале отвел ее за кусты, подальше от все еще ошарашенного Лока и Лоис, которая взбудораженно и довольно говорила учителю, что, похоже, низшие твари живут не только в сказках. Убедившись, что этой парочке нет до них дела, Гейл прикоснулся к ранам Вик. Его ладони засветились, знакомое тепло заструилось по коже. Гейл осуждающе покачал головой.

— Ну и чего ты так на них напирала? Можно подумать, без этого нас бы там прикончили.

— Я немного увлеклась, но это лишь потому, что я знала, что ты меня прикроешь. — Вик обезоруживающе, как она надеялась, улыбнулась.

Гейл скептически вздернул брови.

— Отлично. В следующий раз я просто буду стоять и смотреть, может, тогда до тебя дойдет, что стоит быть осторожной.

Вик добродушно хмыкнула и, взяв его за руку, повела назад к Локу и Лоис.

На остатке пути им больше не встретились низшие твари, точнее, теперь Вик была вдвое внимательней и заблаговременно уводила группу подальше от нежелательных встреч. До хижины Чиари они добрались даже скорее, чем она рассчитывала. Жилище было просторным, с несколькими комнатами. В каждой комнате было по очагу, в чуланчике у входа лежали заготовленные дрова, кухня радовала многочисленной утварью и съестными припасами.

— Удивительно, — резюмировала Лоис. — Здесь же никто не живет, откуда это все?

— Охотники оставляют, — ответила Вик. — Мы уже здесь бывали и тоже оставили после себя еду и дрова. Рассказывают, что Чиари приехал сюда из Востока и был местным землевладельцем еще в эпоху тэйверов, полтора столетия назад. Сами тэйверы хоть и относились к нему с пренебрежением, но часто обращались за помощью. Чиари был одним из Наездников. Редкий дар. Понимал животных и умел подчинять их себе.

Лок и Лоис переглянулись.

— Ты много знаешь о мире магов, хотя пустая, — заметил Лок.

— С кем поведешься. — Вик насмешливо фыркнула, кивая в сторону Гейла, который уже раскладывал их вещи. — Хоть этот болван ничего в ней не смыслит, ему природа отвалила огромный запас магии.

Лок расхохотался, хлопнул ее по плечу.

— Ты мне нравишься, Вик. Ты способная и сообразительная. Не хочешь отправиться со мной и Лоис в столицу Юга?

— Я? — удивилась Вик. Кажется, в ее гениальном плане по обустройству Гейла что-то пошло не так. Минуточку... — В Ренджендар? — переспросила она.

— Да.

Лок исподлобья заглянул ей в глаза своими мерцающими, золотистыми и медленно снял плащ, под которым обнаружились... крылья. Весь его облик подернулся призрачной дымкой, которая быстро рассеялась, и Вик к великому изумлению обнаружила, что перед ней стоит, улыбаясь, шэйер. На его лице проступили очертания узоров, на руках проросли светлые чешуйки, ногти удлиннились, заострились, глаза запали глубже, лицо сузилось, обрело выражение хищной птицы.

— О, святые боги, — благоговейно прошептала Вик.

Она оглянулась на Гейла и Лоис, но те никак не среагировали, лишь мельком посмотрели в их сторону. Досада на Гейла за то, что умолчал о таком, быстро улетучилась под неподдельным восхищением. Вик много читала и слышала о великодушных мудрых шэйерах и впервые видела одного из них, боги, она ведь отругала его во время сегодняшнего сражения с низшими тварями! Так, когда еще она непочтительно с ним разговаривала? Шмак, еще и обращалась неподобающим образом! Она кашлянула, отступила, сдержанно чуть поклонилась.

— Для меня честь познакомиться с тобой, с вами. Уважаемый господин.

Лок накинул на себя плащ, вновь обращаясь в человека.

— Отнюдь, это для меня большая честь встретить среди людей столь достойного представителя, как ты.

Вик смолчала, хотя сказанное им было полнейшей глупостью. К тому же ее занимали куда более важные вопросы.

— Я не заметила, чтобы вы колдовали всю дорогу, как же ваш плащ работает? — поинтересовалась она. — Неужели это артефакт столь могущественной силы?

— Верно. — Лок небрежно поправил складки плаща. — Я коллекционер. Собираю артефакты и не только.

— Вот как?

— Да. Я считаю, что некоторая информация сродни артефактам.

— Такая же труднодоступная? — Вик улыбнулась. Лок кивнул.

— И эффективная. Я видел, как вы двое ловко расправились с низшими тварями и не

выказали ни малейшего удивления. Это натолкнуло меня на мысли, что вы неплохо в них разбираетесь. Я хотел бы узнать подробней об этих, мм, существах.

— Что именно вас интересует?

Лок помедлил, подбирая слова.

— Тебе должно быть известно, что королева Дерайна, Хранительница Восточной Вершины, отдала свою жизнь, чтобы наказать тэйверов за болезнь, которую те наслали на ниргенов. Для этого она наложила на них Первое Проклятие — то самое, благодаря которому наши предки избавили Верхний и Срединный миры от тварей. Твари, как и позже тэйверы, нашли спасение в Нижнем мире. То, что они нынче спокойно бродят по лесам Срединного мира, наводит меня на невеселые мысли. — Лок задумчиво потер подбородок. — Вик, скажи, когда вы с Гейлом впервые встретили низших тварей?

Вик призадумалась.

— Нас с Гейлом вырастил учитель Руп — старый отшельник, живший в лесу. Мы с Гейлом были совсем детьми, когда попали к нему. Учитель Руп присматривал за нами и обучал всему, что знал сам, в том числе воинскому ремеслу, хотя вечно жаловался, что мы нарушаем его уединение. — Вик усмехнулась, но быстро посерьезнела. — В то время нам не попадались никакие низшие твари. Они стали появляться лет пять назад. Я вижу, что леса начали... меняться с их приходом. Первые низшие твари были совсем крохотными, но сейчас... Господин Лок, до того, как встретиться с вами, мы с Гейлом состояли в отряде наемников и обороняли одну деревню от нападения роганов — так их прозвали. Обычно твари выходят из леса по ночам, но в тот раз напали днем, когда их меньше всего ожидали.

Вик подробней рассказала о них Локу.

— В городах, отдаленных от лесов, не верят в низших тварей, считают их сказками, придуманными, чтобы пугать детей. Боюсь, если так продолжится, о них узнают слишком поздно.

— После того, как мы добудем камень истины, у меня появится шанс выступить в королевском Совете, — сказал Лок. — Нужно будет убедить их в необходимости отправить сюда верховных магов и разобраться, почему твари стали выползать из Нижнего мира.

Вик согласно кивнула.

— Есть еще одна вещь, которая меня волнует. Откуда у роганов оружие? Неужели тэйверы снаряжают их и отсылают в Срединный мир из мести или ради добычи каких-нибудь ресурсов?

Лок с изумлением взглянул на нее.

— Откуда такие занятные мысли появились в твоей голове?

— Только не смейтесь, понимаю, что мои познания весьма скромны, но я считаю, что низшие твари слишком глупы для создания таких сложных ядов. Все отравленные, кроме меня, в том бою полегли, я же спаслась лишь благодаря Гейлу, ах, не спрашивайте, он сам зачастую не понимает, как это делает, — тут же ответила она на безмолвный вопрос Лока. — К тому же невозможно точно предугадать, где и когда появится нужная Дверь, а если твари не вернуться вовремя в Нижний мир, то рассыплются в прах. Должно быть, это невероятное везение, что роганы, будучи в Нижнем мире, из раза в раз находили Дверь, ведущую в Срединный, именно в тот лес, около именно той деревни, а потом в нужное время в том же лесу находили Дверь, ведущую в Нижний мир, да еще успевали пролезть в нее целой стаей. Думаю, кто-то им помогает, ну а кто еще в Нижнем мире на такое способен, кроме тэйверов?

— Боюсь, ты их переоцениваешь, — со смешком сказал Лок. — Видишь ли, практически никто не знал о готовящейся мести госпожи Дерайны. Тэйверы были застигнуты врасплох, большая их часть была уничтожена, а тех, кто успел сбежать в Нижний мир, в первый же день должны были разорвать на куски высшие твари.

— Надеюсь, что так, — отозвалась Вик. Она много читала и слышала и о тэйверах. — Боюсь представить, что с нами всеми будет, если однажды они выберутся из Нижнего мира. Вы, шэйеры, ведь можете пребывать там без последствий для здоровья, верно? Неужели никто не отправился туда, чтобы проверить, сработало ли проклятие госпожи Дерайны?

Лок со снисходительной улыбкой покачал головой.

— В этом нет необходимости. Вдобавок после победы над тэйверами мой народ решил, что не станет вмешиваться в жизнь Срединного мира. На землях Востока остались лишь несколько кланов, да странники вроде меня путешествуют по миру.

— Похоже, слухи о вашем народе правда, — звенящим от возмущения голосом сказала Вик. — Вы несколько самоуверены в своих суждениях и склонны недооценивать чужие силы. За пять лет из крошечных низших тварей выросли чудовища с человеческий рост, что же будет дальше? И неужели вы думаете, что они останутся на Срединном мире? Быть может, напомнить вам, что последняя война, затронувшая все страны, случилась именно из-за конфликта вашего народа с тэйверами, и что их проклял именно ваш народ? Так почему вы прячетесь в Верхнем мире, оставляя нас отдуваться?

Вик замолчала, заметив, что гневными словами привлекла внимание Гейла и Лоис. Кор Лок уставился на нее странным взглядом и побледнел. Шмак, не стоило так с ним разговаривать, сама же советовала Гейлу быть повежливеей... Вик глубоко вздохнула и тихо добавила:

— Я лишь хотела сказать, что не стоит недооценивать тэйверов. Что-то происходит, и мы не можем это игнорировать и оставаться в стороне.

Лок задумчиво кивнул. Потер подбородок, глядя словно бы в никуда. Вик неловко перемялась с ноги на ногу.

— Вик, — наконец, сказал Лок и посмотрел на нее, — я хочу попросить тебя поехать со мной. Твои скромные познания наталкивают меня на бесценные мысли, да и Гейл так скорее согласится стать моим учеником. У него огромный потенциал, грешно с такой силой попусту тратить время на всякую ерунду.

Вик смерила Гейла скептическим взглядом. Тот как раз отрыл в одном из сундуков какую-то цветастую одежду и демонстрировал Лоис.

— Я подумаю, — ответила она. — Но после. Сначала нужно достать этот камень.

— Надеюсь на положительный ответ, — кивнул Лок.

Вик разложила перед собой свою карту, карты и записи Лока, чтобы досконально запомнить маршрут, и рассеянно слушала споры магов о магическом барьере, который те хотели создать вокруг хижины Чиари.

***

— Почему мы должны идти в лес ночью? — зябко ежась под мелким дождем проворчал Гейл, в очередной раз споткнувшись.

Вик с последними крохами терпения процедила:

— Потому что камень появится после полуночи при абсолютном безлunii. Чем ты

слушал? И прежде чем ты задашь еще один глупый вопрос — да, его сияние продлится очень недолго.

— Нам придется моргать по очереди, чтобы не пропустить? Подожди, ты тоже это слышишь? — Крупно вздрогнув, Гейл резко обернулся.

— Боги, ну чего ты как в первый раз? Это лес. Он должен шуметь.

— Но сегодня он шумит как-то... по особенному...

— Гейл, ты достал! — прошипела Вик. Остановилась и ткнула пальцем себе в спину. — Иди назад к поляне, одна справлюсь!

— Но...

Вик не дослушала его жалкое лепетание. Отвлекшись на Гейла, она и не заметила, что они уже добрались. Все ориентиры были на месте: полуразрушенный храм по левую руку, отколовшаяся статуя рыбы прямо напротив, и за невысокой железной оградой, там, где было кладбище первых людей, сверкнул алый огонек.

Вик бросило в холодный пот. Они едва не проворонили свое задание!

— Туда, — сказала она и, не дожидаясь Гейла, припустила в том направлении со всех ног.

По словам Лока камень охраняли древние силы, и лишь некоторое время после того, как границы всех трех миров одновременно ослабнут, камень можно будет забрать. Ближайшим подобным явлением значилось абсолютное безлуние.

“Если сегодня не удастся забрать камень, придется ждать много месяцев, чтобы попытаться снова”, - напомнило в голове голосом Лока, и Вик поднажала. Громко чавкала грязь под ногами, тяжело вздыхала мягкая земля, проседали с каждым шагом все глубже ноги, провалиться еще не хватало... Пришлось замедлиться. Заготовленной палкой Вик быстро начала нашаривать дорогу.

— Оставайся на месте, — велела она, не слушая возмущения сильно отставшего Гейла.

Она целиком сосредоточилась на дороге, глядела себе под ноги до рези в глазах, изредка проверяя, на месте ли камень. До него оставалось всего ничего, как вдруг за щиколотку ее что-то схватило.

— Что за?.. — пробормотала Вик и инстинктивно отпрыгнула прочь, отбиваясь палкой от протянувшейся к ней костлявой руки.

— Твою мать, что за новые бестии?! — завопил позади Гейл. — Уйдите!

Вик оглянулась и на мгновение перестала дышать. Бесчисленные костлявые руки поднимались из-под земли, восставали почерневшие от времени кости, поломанные, водянистые, с ползающими по ним жучками и личинками. Первые люди своих мертвецов хоронили, не сжигали, и Вик была искренне возмущена и напугана тем, что детские сказки о восстающих из-под земли трупах оказались правдой. Тем не менее, задание следовало выполнить.

— Камень! — опомнилась она и метнулась вперед, в самую гущу мертвецов.

— Подожди! — крикнул Гейл, бросаясь за ней и отбиваясь на ходу.

Вик же на это тратить времени не стала — лишь уворачивалась, изредка палкой или факелом сбивая ожившие останки с ног, но те быстро вскакивали и двигались все быстрее.

Камешек находился в пасти одной из статуй древних божеств, устроившихся полукругом у развалин каменного фонтана, и мерцал кровавым светом. Вик с разгону перескочила через фонтан, сбивая факелом черепашку мертвяка, вставшего на пути. Не удержала факел, но и хорошо — рука освободилась, и она тут же схватила холодный камень и вырвала из пасти

статуи. Мертвяки вздрогнули разом и ринулись на нее, игнорируя Гейла.

— Вик! — закричал Гейл.

Вик торопливо отступала, спрятав остроугольный камень за пазуху. Подпрыгнула, ухватилась за свисающий сук огромного старого дерева, взобралась на него, отмахиваясь от наступающих скелетов. Тут в ее палку вцепились, вырвали, дерево жалобно стонало: его толкали, точили и разрывали снизу зубами и костями. Дерево задрожало, закрипело и начинало медленно крениться.

Гейл застыл в двадцати шагах, вскинув руки. Вдруг мир разорвало огненным потоком. Мертвяки, треща костями, рассыпались в пепел. Обдало нестерпимым жаром. Вик съежилась, изо всех сил вцепившись в дерево. Пойманной птицей билась испуганная мысль, что все — Гейл сорвался и прикончит ее тоже, не рассчитав силы. Но время шло, а мысль все билась, как и сердце — больно между ребрами. Вик рискнула осторожно открыть глаза. Гейл, распростерший руки в стороны, сидел на коленях, запрокинув голову к небу. Задрожал, согнулся, закашлялся. Обугленная земля наполнилась нестерпимым смрадом спаленных мертвяков. Запах поджаренной гнили струился в воздухе, вызывая тошноту. Там и тут горели островки земли. Вик осторожно слезла с качающегося дерева, прижимая камень к груди. Она чувствовала себя оглохшей из-за неестественной тишины.

— Гейл? — не узнавая свой голос, позвала она. — Что ты сделал?

Гейл вздрогнул, заморгал. Кое-как поднялся на ноги. Вик поспешила к нему. Гейл растерянно озирался вокруг, остановил на ней взгляд.

— Вик? П... прости.

— Да нет, — теперь уже растерялась Вик. — Ты спас нас, не стоит извиняться.

— Я... я так испугался, не смог сдержать страх и св... свою магию, — глотая буквы сказал Гейл. Его черные глаза, казалось, поволокло пепельной дымкой. Он смертельно побледнел. — Я мог убить тебя.

— Да, но в итоге спас.

Вик с силой сжала его плечо и заставила посмотреть в глаза. Ласково улыбнулась, хотя ее пробил неприятный озноб — она действительно была на шаг от гибели, но сейчас Гейла следовало успокоить, он и так на грани истерики. Она легонько встряхнула его за плечо, помедлив, убрала прядь порыжевших волос со лба.

— Ты уничтожил этих тварей и спас меня, Гейл, — уверенно повторила она и мягко дернула его за ухо. — Эй, слышишь меня? Все хорошо.

— Да, — с усилием отозвался Гейл, не сводя с нее прояснившихся глаз.

Он накрыл ее руку, заставил разжать пальцы и выпустить ухо и даже изобразил подобие ухмылки.

— Ты точно в порядке?

— Уж поболее тебя, — шутливо ответила Вик. — Давай, поднимайся, надо уходить. Надеюсь, эти мертвяки оставили нас в покое и кроме них здесь больше нет ловушек.

Гейл, опираясь о нее, послушно встал и заторопился след в след. Сейчас, когда яркая вспышка огня не резала мрак, тьма, казалось, стусилась еще больше, и привлеченные твари взволнованно зашевелились. Идти с каждым шагом становилось все тяжелее, воздуха не хватало, и Вик дышала ртом, глубоко и часто. Гейл выглядел не лучше и снова отставал.

— Еще немного, — сказала она, заведя светящиеся в темноте линии защитного барьера.

Нужно лишь пересечь их, и они будут в безопасности, там их встретят, уже виднелись

две знакомые фигуры по ту сторону барьера, нужно лишь добраться... нужно...

— Вик? — полуобморочным голосом позвал Гейл, цепляясь за ее руку. — Что-то не так... Вик?..

Спотыкаясь, она недоуменно обернулась и неловко рухнула на колени, едва успев опереться рукой. Глаза слипались, будто веки были измазаны клеем.

— Идем, шевелись, — тянул ее Гейл. — Некогда тут разлеживаться.

Он сам едва полз, перекаtywался, заставлял двигаться Вик. По лицу его проступили черные вены. Его тело начало светиться — медленно, импульсами, а может просто мерещилось. Гейл до боли вцепился в предплечье Вик и потянул за собой. Он двигался все быстрее и с каждой секундой будто бы становился сильнее и мог сопротивляться все больше.

— Это была еще одна ловушка, — пыхтя, проговорил он. — Похоже болотный яд, мы надьшались, но когда? Не помню, я ничего не заметил, а должен был!

— Не могу больше, — прохрипела Вик, судорожно держась за землю и думая, что если моргнет, то больше уже не откроет глаза, и эта мысль неожиданно поразила и напугала сильнее всего.

— Мы почти дошли, ты только представь, как это будет глупо, сдохнуть в двух шагах от барьера! — Гейл, подумать только, хихикнул.

— Главное не засыпать, главное... — бормотала Вик, уже сама себя не слыша.

Гейл что-то сказал, но она уже не понимала ни слова, лишь чувствовала его горячие руки, которые продолжали ее тянуть.

Что примечательно, Срединный мир — единственный, в котором видны одновременно все 3 луны: ясноокая Зела, средняя Зельда с кольцами и маленькая кровавая Зед. Благодаря этому в Срединном мире можно творить некоторые заклинания, повязанные на мощнейших стихийных и природных элементах. Теоретически здесь даже можно открывать Двери не только сквозь пространство, но и время, и переходить в прошлое или будущее, но, поскольку явления, связанные с лунами, достаточно редки, для создания и испытания необходимых магических формул требуется слишком много времени, да и не всякий разум будет способен разобраться в хитросплетениях подобных заклинаний.

В нашем Верхнем мире видно лишь Зелу, в Нижнем, насколько мне известно — одну лишь Зед. В Срединном мире можно наблюдать такие занимательные явления, как:

- 1) ночь Красного глаза — когда Зед располагается перед Зелой и в ее ярком свете становится черной, сама же Зела обретает красное сияние, что выглядит весьма зловеще;
- 2) абсолютное безлуние — ночь, когда все три луны успели умереть, но не успели возродиться;
- 3) коронованная Зед (я назвал бы ее ошляпованной) — когда Зед располагается перед Зельдой, и кольца последней словно бы венчают вершину Зед;
- 4) лунные затмения во всех их проявлениях;
- 5) солнечные затмения во всех их проявлениях (самое редкое — абсолютное, в котором участвуют все три луны).

Расчетом ближайших небесных явлений занимаются астрономы Цитадели Звезд, они же и выдают прогнозы в ежемесячном вестнике «Миры и звезды», который создают на печатных станках в мастерских Востока и распространяют по Срединному и Верхнему миру. Вестник пользуется большим спросом среди магов-Создателей, поскольку позволяет просчитать подходящее время для каких-либо чародейств.

Гейл распахнул глаза и сел так резко, что голова затрещала от боли. Сердце сильно колотилось, было жарко и дурно. Последние события молнией пронеслись перед глазами.

Вик. Где она?!

Гейл быстро огляделся, что вызвало новые вспышки головной боли, и с чувством выругался от облегчения: Вик обнаружилась у маленького столика, заставленного всяческими снадобьями. Она обернулась и недобро свела брови, как и всегда, когда он грязно ругался. Она выглядела вполне здоровой, хотя и бледной, с темными кругами под глазами. От сердца отлегло, и Гейл откинулся назад на подушку и сполна отдался терзающим его страданиям.

— Моя голова, — жалобно прохныкал он. — Все тело ломит, хочу пить. Так паршиво мне никогда прежде не было.

Вик присела на краешек кровати и протянула ему большую горячую кружку. Быстро проглотив ее содержимое, Гейл так и не понял, что там было. То ли чай, то ли настой, то ли горячительная смесь... Главное, оно согрело нутро и окончательно привело в чувство.

— Как мы выбрались из леса? — утолив жажду и отдышавшись, спросил он. — Я ничего не помню.

Почти. Он прекрасно помнил ужасное чувство, когда Вик перестала отзываться и шевелиться. Эту черную панику не хотелось вспоминать, ведь Вик сейчас, как и всегда, была рядом. Гейл украдкой ткнул пальцами ее колено, проверяя, и с тихой радостью вздохнул, когда она, заметив это, взяла его за руку.

— Ты дотащил меня до барьера, где Лок и Лоис уже поджидали нас, — ответила Вик и потрепала его по волосам. Выцепила прядь и ощутило дернула.

Смутно вспоминая, что на последних шагах освещал собой лес, как полуденное солнце, Гейл осторожно спросил:

— Как все плохо?

— Цвет волос сошел полностью. Впервые такое. Точнее... Когда ты расправился с мертвяками, цвет уже начал сходить, но сейчас... — Вик вздохнула и замолчала.

Сердце провалилось к желудку. Гейл с трудом сглотнул кислую слюну.

— Что... что сказал Лок?

— Ничего. — Вик покачала головой. — Я сама очнулась несколько часов назад. Он рассказал, что они с Лоис были за барьером и видели, как сбежалось множество низших тварей, и что такого ужаса он в жизни не испытывал. Но эти твари не могли пройти дальше... понимаешь, Гейл, ты, ну, светился, и это словно бы не пускало их. Лок говорил, что они остановились всего в нескольких шагах от нас, а потом один, самый крупный, выше человека ростом, смог шагнуть в зону твоего света. Ты тащил меня и был ослаблен, и если бы не Лоис, мы бы погибли.

Вик вздрогнула, сжала крепче его руку.

— Ты потерял сознание, когда довел нас до барьера. Твари не могли пересечь его и стояли у границы до самого утра. Лок был поражен увиденным.

Она натянуто рассмеялась, но была так бледна и все еще напугана, что Гейл ни на миг не поверил, будто бы в этой ситуации было над чем посмеяться.

— Знаешь, что забавно, Гейл? Талантливые и сильные маги живут в городах, изучают

магию в своих школах, академиях, цитаделях, а после — устраиваются работать все там же, в городах, где больше перспектив. Лучшие из воинов-магов идут в Красные и Синие стражи, а те, кто похуже — сторожить границу с Дикими землями. И кто же остается на защите маленьких городов и деревень? А ведь именно на них приходятся атаки тварей. Те, кто может помочь, попросту не знают, что здесь творится, не верят, а доказать им сложно, пока своими глазами не увидят, как Лок. Если бы только удалось показать им...

— Я слишком сильно ударился головой и чего-то не понимаю, или ты действительно хочешь убедить магов в существовании тварей? — Гейл чуть не расхохотался.

— Вообще-то это идея Лока, но да, — словно бы само собой разумеющееся, ответила Вик.

— То, что он шэйер и говорит долгими нудными речами, не означает, что стоит принимать на веру каждое его слово.

— Но мы не можем просто сидеть сложа руки и позволять этому продолжаться! — возмутилась Вик. — Тварь ростом в косую сажень! А ведь это все низшие твари! Что если однажды сюда проберутся и высшие?

— Но почему этим должны заниматься мы? — умоляюще взвыл Гейл. — Почему мы, а не кто-нибудь другой?

— Кто-то же должен!

— Но ты ведь даже не маг!

— Зато у меня есть ты, — железно припечатала Вик. — А теперь еще и Лок, и Лоис. Лок сказал, что может добиться слова при королевском совете. Хватит разлеживаться! Сам же хотел поскорее с этим закончить и отправиться в большой город! К тому же мы никогда не были в столице, вряд ли нам еще когда-нибудь подвернется такая возможность.

— Но нам ведь и здесь неплохо! — попытался возразить Гейл, натянуто улыбаясь. Щеки болели от усилий.

— Если хочешь разделиться, тебя никто не держит, — сухо сказала Вик, вставая с кровати. Быстрым движением расправила закатанные штанины и надела высокие сапоги. — Попутешествуем порознь, встретимся через год-два в какой-нибудь таверне. Полезно будет отдохнуть друг от друга, да и ты уже не такой слабак, как раньше, думаю, сможешь за себя постоять.

Да она смеется над ним! В последнее время именно он не раз вытаскивал ее задницу из беды!

— Очень смешно, — удивляясь своему терпению, ровным голосом отозвался Гейл и, не обращая внимания на ломоту в теле, встал и быстро оделся. — Ну, я готов, чего ты там копошишься?

Вик закатила глаза и довольно хлопнула его по плечу.

— Для начала нужно поесть и покрасить твои волосы. По правде, ты действительно выглядишь пугающе с такими волосами и глазами.

— Все-то ты продумала, — проворчал Гейл, позволяя ей забраться с руками в его волосы.

Она аккуратно поворачивала его голову теплыми ладонями, перебирала длинные пряди ловкими пальцами, и он немного согнулся, чтобы ей было удобней. С волосами было много хлопот, может, все же состричь их? Но с длинными ему шло больше, а радостей в жизни и так было немного, не лишать же себя еще одной?

— Чудные у тебя все же волосы, мягкие какие, ишь ты. Похоже, тот ромашковый отвар

работает. Погоди, дай еще тебя потрепать, раз уж лошадей не завели.

Она со смешком дернула его волосы, пропуская между пальцами.

— Я тебе не лошадь, — проворчал Гейл, выворачиваясь из-под ее рук. Почему-то это смущало. Ее руки. — Не нравится он мне.

— Кто?

— Лок, конечно. Чую, доставит он нам еще много проблем.

— Знаешь, а ведь он — твой шанс убраться из земель Юга, — заметила Вик. — Без пропусков за границы нас не пустят, а Лок — шэйер и, судя по всему, весьма влиятельный. Быть может, удастся вместе с ним отправиться на Восток или Север, и там ты сможешь спокойно жить, не опасаясь ничего и не пряча свои способности?

Гейл задумчиво кивнул.

Быть может, она права, и он напрасно себя накручивает? Быть может, действительно удастся воспользоваться Локом и перестать уже постоянно убегать?

Дневник Лока: об особенностях во внешности магов

Как правило, ничто не случайно в том, что касается телесного облика мага, ибо по обыкновению это проявление каких-либо особых магических способностей или пережитых ситуаций.

Обычно отпечатки сии обнаруживаются в цвете кожи, волос. Расскажу, что доподлинно известно мне.

Ранняя седина служит сигналом того, что ток магии по магическим путям (что располагается на ином уровне осознания, потому его невозможно разрезать, к примеру, ножом, как то было бы с кровеносными путями) нарушен, либо маг пережил полное магическое истощение, либо были затронуты его жизненные силы (что приводит к непрерывной усталости, ранней старости и скорой смерти).

Полная белизна волос свидетельствует о том, что маг был проклят, и отныне ограничен в магических способностях. Порой в тяжелых случаях он становится словно бы «ни здесь, ни там» — вроде жив, но живым себя не чувствует.

Особым пунктом выделю цвет волос магов из Дома Золотых — они, да, золотые. Представители этого Дома — люди, обладающие исключительной способностью к абсолютному исцелению. Еще в старую эпоху некоторые из Золотых согласились на то, чтобы их тела изучили — то было во времена войн, и целители были наперечет. К сожалению, механизм их способностей так и не был раскрыт, выяснилось лишь, что дело в лаарах — магических частицах, которые, увы, не поддаются анализу, ибо даже у нас, шэйеров, до сих пор недостаточно знаний и средств для более тонкого подхода.

Дорога в Ренджендар была долгой, но увлекательной. В первой же деревне, до которой они добрались, Лок нанял повозку, и Вик была очень за это благодарна, хотя они с Гейлом старались не подавать виду, как сильно миссия вымотала их. Две клячи не только еле тащились, но и были настолько стары и невозмутимы, что никак не реагировали на Гейла. Многие животные на дух его не переносили, потому они с Вик путешествовали пешком, а не на лошадях

Их маленький отряд вернулся в Синтар и, переночевав там и выдержав очередь к Постоянной Двери, переместился в Шиндантар — один из четырех Великих городов внутреннего кольца.

— У вас здесь, в Срединном мире, довольно занятная система перемещений, — заметил Кор Лок. — Как интересно древние распорядились местами магии, заключив в них Постоянные Двери.

Вик согласно кивнула, стараясь откровенно не пялиться по сторонам: она впервые очутилась в городе внутреннего кольца и не могла перестать сравнивать его с городами внешнего и уж тем более — с провинциальными городишками. Проезжая и пешеходная части были не в пример шире, люди — на порядок опрятнее, одежда изысканнее. Вик залюбовалась узором, украшавшим фасад какого-то здания. Она знала, что из суеверного страха перед тэйверами большинство городов Юга с Постоянной Дверью остерегались переименовать и что-то в них серьезно переделать, хотя с проклятия тэйверов прошло уже больше ста лет. Быть может, это здание соорудили именно тэйверы, и когда-то рука одного из них касалась камня точно на том же месте, которое сейчас трогала она? Взбудораженной Вик стало немного не по себе, и она поспешила за спутниками.

Постоянную Дверь всегда охраняли несколько Синих Стражей и пропускали лишь тех, у кого был нужный документ. Документ этот выдавали не просто так, а по делу: наемникам в зависимости от задания клиента, торговцам для перевозки товаров из одного края страны в другой, магам за особые заслуги. К примеру, у Лока был специальный пропуск мага цитадели Востока, который позволял ему странствовать по миру. Пропуск действовал пять лет, и Локу по окончании этого срока надлежало вернуться в цитадель и продлить время пребывания в Срединном мире и разрешение посещать другие страны, либо же вернуться в Верхний мир, где Лок и значился жителем.

— Но вот, к примеру, кланы шэйеров, живущие в Срединном мире на Востоке, — продолжал Лок, — числятся жителями Срединного, и уже для того, чтобы попасть в Верхний, им нужно оформить пропуск и изложить причины пребывания там. Особо подозрительных могут допросить основательно, иногда и с применением зелий правды.

— Пыточных? — ужаснулась Вик.

В отличие от Гейла, которому это было не интересно, и Лоис, которая все это уже знала, она с интересом впитывала каждое слово мудрого шэйера, и такое внимание ему, кажется, льстило.

— Нет, нет, такое мы не практикуем, — со смешком ответил Лок. — Это давно устаревшие зелья, которые только в Срединном мире используются, и то уже не везде. Есть более щадящие и безопасные методы выведать тайну, но, увы, я не смею распространять эти знания. Даже если бы и хотел, — он обнажил предплечье, на котором сплелись

многочисленными обручами символы на языке богов, — я связан словом и кровью.

Вик с восхищением посмотрела на него и перевела кислый взгляд на Гейла, которого больше донимала мода на усики и мнение Лоис на этот счет.

Гейл, несмотря на неприкрытое недовольство поездкой, о том, чтобы разделить, тему не поднимал, и даже наличие двух магов, у которых можно было поучиться заклинаниям и контролю над силой, не улучшало его настроения. Вик помалкивала. Ей не хотелось ругаться с ним перед, пожалуй, важнейшим событием в их жизни — приездом в столицу.

Их очередь переходить через Постоянную Дверь в Ренджендар наступила на удивление быстро. Вик в волнении держала Гейла за руку и смотрела во все глаза на Дверь, забранную в высокую каменную арку, изукрашенную вырезанными узорами и драгоценными камнями. По поверхности Двери то и дело скользила мягкая рябь, словно это был маленький зеленоватый пруд, по чьей-то волшебной воле поставленный стоймя. Лок пропустил Лоис, затем пошли Вик и на удивление спокойный, даже скучающий Гейл. Он шагнул вперед первым, и Вик, зажмурившись, следом. Мир словно бы опрокинулся, съезжился и разжался вместе с ней, нога неожиданно наступила на твердую поверхность. Вик машинально сделала несколько шагов, выдохнула и резко открыла глаза.

— Ну как вы? — со смешком спросил Гейл. Его хмурое в последние дни лицо немного разгладилось.

— Ненавижу Двери, — простонала позеленевшая Лоис, прижимая руку к животу. Перемещение через Дверь плохо ей давалось, и Вик с тревогой подумала, что стоило, пожалуй, немного отдохнуть в Шиндантаре. — Терпеть не могу переходы, нет ничего хуже.

— А как же нападение тварей в лесу? Тебе оно больше понравилось? — поддразнил ее Гейл.

Пока они с Лоис перечисляли, что по дурноте своей сравнится с переходом через Дверь, Вик огляделась, пытаясь свыкнуться с мыслью, что она в самом деле очутилась в Ренджендаре — столице Юга. Она слышала голос Лока — он показывал пропуск Синим Стражам, слышала смешки Гейла и предложение поскорее найти постоялый двор и отдохнуть, но все ее внимание было обращено на далекие башни легендарной Южной Вершины.

— Замок как замок, ничего особенного, — сказал Гейл, легонько толкнув ее плечом, и встал рядом.

— Можно подумать, ты много замков видел. — Вик фыркнула и озадаченно посмотрела на небо. — Странно, здесь еще светло.

— Мы пересекли далекое расстояние, — заметил Лок и повел их по широкой улице. — Тут хоть и не так стемнело, как в Шиндантаре, но все равно поздновато для посещения замка. Я отправлюсь туда завтра и запишусь на аудиенцию к наместнику короля герцогу Огусту. Лоис, помнится мне, где-то здесь находится очаровательная таверна, смежная с постоялым двором, там еще подают чудесную свиную отбивную под кисло-сладким соусом с базиликом и...

— Если вы про ту, с которой вас отнесли в лазарет из-за болей в животе, то это на улице Красного фонтана, — перебила Лоис и возвела глаза к небу.

— Кажется, у них разные воспоминания об одном и том же месте, — шепнул, пряча ухмылку, Гейл.

Вик кивнула, стараясь так очевидно не пялиться по сторонам, но все равно боялась моргнуть. Гейл, Лок и Лоис шли себе, как ни в чем ни бывало, словно красоты столицы

ничуть их не волновали, и собственная восторженность немного досадовала, но Вик ничего не могла с собой поделаться — она впервые шла по такой широченной улице, что по ней спокойно разминулись бы шесть экипажей. По тротуару, вымощенному красными и позолоченными кирпичами, прогуливались люди, одетые в элегантные наряды. Дамы и кавалеры, ухоженные и прекрасны, словно цветы в чьем-то любимом саду; дети — чистенькие, приодетые во множество крохотных вещичек, начиная с шапочек, бантиков, заколочек на волосах, заканчивая маленькими пряжками на искусных сапожках, ботиночках, сандалиях на ногах. Сейчас было начало лета, день клонился к закату и заметно похолодало. Те, кто был одет полегче, спешно уходили, те же, кто оделся по погоде, расхаживали лениво, никуда не торопясь. Некоторые дети прыгали от плитки к плитке, выложенной в замысловатый узор под ногами. Эта широкая улица устремлялась к замку, по обеим сторонам от нее высились величественные дома. Некоторые были забраны в небольшие железные ограды, к другим приходилось подниматься по лестнице, и почти у каждого над или перед дверью на окованной металлом вывеске значилось название магазина ли, лавки, салона. Черепицы были красными, а на фронте крупными алыми кристаллами поблескивали символы Юга.

Улица разветвлялась на улочки поменьше, временами мелькали узкие проулки, незнакомые кустарники благоухали ароматом пышных цветов, клумбы мерцали светящимися листочками, фонари тоже загорались — один за другим, и кристаллы в них были не дешевыми, желтыми, а светлыми, как сияние Зелы.

— Удивительно, — пробормотала медленно шедшая Вик, когда Гейл, вздохнув, потащил ее за руку, чтобы не отставать от Лока и Лоис, которая уверенно направляла их, сворачивая то в один проулок, то в другой, и вскоре вывела к большому многоэтажному зданию.

- “У Барри”, - с гордостью и нежностью представил Лок. — Рекомендую попробовать трескарианскую зелень. Ее подают в салате Джень — так зовут тамошнего повара, она готовит изумительные блюда. Главное отличие трескарианской зелени от всех прочих в том, что она кисло-сладкая, но через некоторое время рецепторы на языке начинают по новому распознавать вкус пищи, и вот тогда-то и следует брать жареные куриные крылышки под сливочным соусом, потому как они становятся совершенно невероятными! А, после трескарианской зелени кожа будет светиться несколько часов. — Он несолидно захихикал.

— Просто не обращайтесь на него внимания, — пробормотала слегка покрасневшая Лоис и повела их внутрь.

***

После ужина и отдыха Вик намеревалась прогуляться по столице, пока совсем не стемнело, но начался дождь, и эту затею пришлось оставить на завтра. Они с Гейлом сняли одну на двоих угловую комнатенку на четвертом этаже — цены были неприятно высокие, и Вик с досадой подумала, что стоило бы поискать варианты подешевле. Вечер провели под мягкий шум дождя, обставившись едой и горячительными напитками в комнате Лока, который продолжил обучать Гейла магическим шуткам, не в силах скрыть удивления:

— Не могу поверить, что тебе неизвестны основы исцеления от яда. Как же ты вылечил Вик?

— Какая разница, если это сработало? — досадливо ответил Гейл.

— Да такая, что в другой раз тебе может так не повезти, — встряла Лоис.

Они с Вик, расположившись с картой столицы на полу, пытались составить маршрут для завтрашней прогулки. Вдобавок Вик, заметив на прилавке таверны на первом этаже книгу о Ренджендаре, взяла ее на время и теперь рассматривала достопримечательности на твердых бумажных страницах и пыталась найти их на карте.

— Я никак не пойму, почему же ты с таким даром не отправился в школу магов? — продолжила Лоис.

Повисла неловкая тишина.

— Прошу прощения за мою глупую ученицу, — откашлявшись, сказал Лок. Лоис с возмущением посмотрела на него. — Мы никогда не можем предугадать, куда заведет нас завтрашний день, потому что мы такие, чтобы удивляться хитросплетениям чужих судеб? Что имеет гораздо большее значение, так это желание Гейла изучить магическую сторону своей сущности. Его магия не раз спасала вас, но твоих нынешних знаний, Гейл, однажды может не хватить, и произойдет нечто непоправимое. Чтобы избежать этого, ты должен раскрыть все свои сильные стороны и научиться контролю.

Вик пристально посмотрела на Лока. После миссии с камнем тот ничего не спросил насчет внешности Гейла, хотя не мог не заметить, что из-за магии проявился настоящий цвет его волос, да и на лице наверняка проступили черные вены. Это переполняло ее подозрениями, но с другой стороны Лок — шэйер, наверняка он за свою долгую жизнь навиделся всяческих чудес и мало чему теперь мог удивиться. Не считая нераспробованных им блюд, конечно же.

Гейл сильно разволновался от слов Лока и совсем забыл о вопросе Лоис.

— Иногда я боюсь своей магии, — поежившись, признался он и сделал большой глоток из кружки. — Там, на кладбище первых людей, я думал, что не смогу ее контролировать и убью Вик, а потом когда мы тащились к барьеру... Я так испугался. На самом деле я... — Он неожиданно откровенно уставился на Лока и севшим голосом тихо сказал: — В последние годы, используя магию, я постоянно боюсь, что не смогу с ней совладать. Медитации, которые показал мне учитель Руп, помогают все меньше. Ты можешь научить меня контролировать магию?

Лок медленно согласно кивнул.

Вик вздохнула, перевела взгляд на окно, омываемое потоками воды. Дождь разыгрался не на шутку, клонило в сон. Вскоре они с Гейлом распрощались с Локом и Лоис и поплелись к себе в комнату.

— Рада, что вы с Локом нашли общий язык, — сказала Вик, готовая немедленно повалиться в постель и не размыкать глаз до утра.

Гейл хмыкнул, покачал головой.

— Я лишь использую его, прежде чем наши пути разойдутся.

— Почему ты так не хочешь быть его учеником? Если проблему низших тварей воспримут всерьез, Лок получит еще больше влияния и власти. Он наверняка останется в столице, и ты под его покровительством сможешь спокойно пребывать здесь, как его ученик, и, возможно, и я... Гейл, я просто не могу поверить, что нам так повезло!

— Замолчи, — неожиданно раздраженно сказал Гейл, но тут же опомнился. — Прости.

Вик растерянно посмотрела на него, чувствуя, как от обиды щиплет в глазах.

— Ты вечно думаешь лишь о себе, — гневно сказала она. — Точнее мы оба вечно думаем лишь о тебе, а что насчет меня? Я хочу жить своей жизнью, делать то, что считаю правильным, а не прятать твою магию просто потому, что... я даже не знаю, почему! Иногда

я чувствую себя пособницей в преступлении, скрывая твой секрет! Ты наделен таким сильным даром, но прячешь его, вместо того, чтобы приносить миру пользу, и ничего мне не объясняешь!

Гейл насупленно смотрел себе под ноги и молчал.

— Отлично! — бросила Вик, резко отвернувшись.

Они разошлись по своим углам, не проронив больше ни слова, а глубокой ночью Вик неожиданно проснулась от шороха и тихих ругательств. Не вставая с постели, она наблюдала за тем, как Гейл сбивал ладонями пламя на своем одеяле. Давненько с ним такого не случалось, не может быть, чтобы тот разговор так сильно его задел. О чем он только думает? Что вообще творится у него в голове?.. С этими мыслями Вик снова погрузилась в сон.

***

Ночью дождь продолжал моросить, и Вик надеялась, что к утру он остановится, но этого не случилось. С утра вообще многое пошло не по плану: горячую воду долго не могли принести, ранняя вылазка в город сорвалась из-за разбитого сапога и вместо прогулки пришлось искать сапожника; за завтраком Вик больно прикусила язык, а яблочный сидр немилосердно кислил, и она невольно подумала, что к вечеру, должно быть, все станет хуже некуда.

— Я отправил прошение о встрече с наместником короля герцогом Огустом, — сказал за завтраком Лок.

Он аккуратно нанизывал на вилку одну фасолину за другой, макал в соус на небольшом блюде перед собой, отправлял в рот и говорил, лишь тщательно разжевав.

— Поскольку у герцога множество обязанностей, он сможет принять нас только через четыре дня.

— Четыре дня, — расстроено повторила Вик.

Эдак с такими ценами за комнату в столице никаких денежных запасов не хватит, может, подыскать здесь работу? Она хотела привычно перекинуться взглядом с Гейлом, но, вспомнив вчерашнюю ссору, лишь упрямо поджала губы. Гейл, тщетно пытавшийся извиниться, осторожно положил на ее салфетку хрустящее печенье, зная, что она их любит.

— Да, и это время мы проведем с пользой для нас всех. — Лок многозначительно посмотрел на мрачного Гейла.

— Стоп-стоп, — решительно перебила его Лоис. — Мы только прибыли в столицу, давайте немного передохнем, в конце концов, мы это заслужили. Учитель Лок, ты мог бы провести нас по местам, которые мы с Вик и Гейлом хотели бы посмотреть.

— Разумеется, — сказал Лок, аккуратно промокая губы салфеткой, и улыбнулся. — К тому же сегодня на главной площади будет небольшое представление, на котором мы просто обязаны присутствовать.

— Представление? — переспросила Вик.

— Да, приехали ойле-локо-дан со своим зверинцем, будут выступать здесь несколько дней, — подтвердил Лок. Встал, блаженно вздохнув, и задумчиво пробормотал: — Говорят, из Востока, интересно, есть ли среди них мои знакомые?.. Идем, Лоис, нужно подготовиться к прогулке.

Они ушли, Вик же тем временем взбудораженно обернулась к Гейлу и в восторге зашептала:

— Ты слышал?! Не может быть, чтобы нам так повезло! Боги, это невероятно!

Гейл робко улыбнулся, и Вик тут же вспомнила, что должна бы еще злиться на него, но переполнившая радость была слишком велика.

— Ты хочешь пойти, — скорее подтвердил, чем спросил Гейл со странно мягкой улыбкой.

— Конечно! — воскликнула Вик и тут же поправила: — Мы — хотим пойти. Помнишь, как учитель Руп рассказывал нам об ойле-локо-дан? О диковинных животных и растениях из Диких земель, о красивых танцовщицах, вытворяющих невероятные фокусы! А ведь большинство их пустые! И выделяют такое без магии! Гейл, я просто... У меня не хватает слов, чтобы выразить, как я рада! Я даже помыслить не могла, что мы с тобой однажды воочию сможем это увидеть! Идем же скорее! Нужно одеться, подготовиться, как бы Лок и Лоис без нас не ушли! — смеясь, Вик вскочила, увлекая несопротивлявшегося Гейла за собой.

***

Они отправились исследовать столицу после полудня, когда дождь уже прекратился, и солнце стало заметно припекать. По дороге к главной площади Вик задала давно донимавший ее вопрос:

— Лок, почему Югом все еще правит герцог Огуст? Не могу поверить, что наследника престола до сих пор не нашли, неужели это так трудно даже для вас, магов?

— Заклинание поиска не сработает, если на том, кого ищут, артефакт сокрытия первого уровня. — Лок задумчиво потер подбородок. Он все еще был в человеческом облике и выглядел самым невысоким.

— Но неужели сам наследник даже не попытается вернуться? — допытывала Вик. — Несколько лет назад герцог Огуст публично казнил преступников, повинных в гибели родителей принца — королевы Райры и ее супруга, не помню его имени, из рода Золотых на Севере, кажется? — Вик нахмурилась, пытаясь вспомнить, но прежде все эти новости казались такими далеким, а оттого несущественными, что никогда особо ее не занимали. — Так почему бы принцу не явить себя и не занять принадлежащее ему место?

— Кто знает, — проронил Лок.

— Быть может, он давно мертв?

— Это вряд ли. — Лок усмехнулся. — С тех пор, как он исчез, прошло много лет, но сила Хранителя не проявилась ни в ком ином из королевской семьи, а значит он все еще жив.

Вик пожала плечом. Как будто что-то в действительности изменилось бы, сиди на престоле не наместник, а наследник: территории Юга принадлежали аристократам, и на деле именно они и Всеобщий Свод Законов, которым ведали члены Малого Совета, ставили правила. Король состоял в Совете и мог повлиять на исход какого-либо вопроса, но Вик понимала, что его власть не распространяется так далеко, как то было во времена тэйверов. Тогда над всеми стоял император-Хранитель, и ему подчинялись четыре короля по четыре стороны страны, но с проклятием тэйверов многое изменилось.

— О, взгляните сюда, — воодушевленно сказал Лок, — это площадь святейшего Хайдора, основателя Южной Вершины. Ее не посмели снести даже после проклятия тэйверов. По сию пору в ночь кровавой Зед у памятника Хайдора можно найти жертвенные

дары. В последние годы, правда, они сильно измельчали — все больше мелкая живность вроде кошек, кур... Последнее крупное подношение было приурочено к пропаже наследника — огромный черный бык. В народе верят, что это дурное знамение, и ждут не дождутся, когда официально будет объявлен новый Хранитель, что обозначит смерть нынешнего, пропавшего.

— Я этого не знала, — удивленно сказала Лоис.

— Дорогая, тебе еще столь многому предстоит научиться, — с умилением отозвался Лок. — Если моя затея удастся, ты, как моя протеже, получишь доступ к королевской библиотеке, и я очень рассчитываю на твою помощь в моих исследованиях.

— Вы же знаете, что для меня честь учиться у вас? — вдруг остановившись, уточнила Лоис.

— Конечно, — с благожелательной улыбкой отозвался Лок, не сбавляя шаг. Он шел спокойно и уверенно, будто бывал здесь уже не раз. — А вот фонтан святой троицы — его с трудом удалось уберечь и отреставрировать. Головы фигур были снесены во время великой войны больше ста лет назад, но смею вас заверить, воссозданы с мельчайшей точностью.

Лоис, насупившись, шла чуть позади. Вик задумалась о ее странном вопросе. Если они и в дальнейшем будут работать сообща над проблемой тварей, стоит разузнать у нее подробней о Локе. Тише обычного Гейл шагал позади всех, и Вик то и дело замедлялась, чтобы сравняться с ним. Гейл казался задумчивым и отстраненным, красоты города его не впечатляли, но он с улыбкой слушал восхищения Вик.

На главной площади, заставленной лабиринтами всевозможных ларьков, собралась большая толпа, и пробраться через нее стоило немалых усилий. В центре на возвышении выступали танцовщики ойле-локо-дан в разноцветных одеяниях и музыканты с инструментами, чьи звуки соединялись в переливчатой мелодии, то поднимавшейся грохотом ввысь, то спадавшей звонким дождем в самые низины.

Вик вцепилась в руку Гейла и, глупо хихикая, опьяненная царящим вокруг праздником и ароматом вкусной еды, потащила его к прилавку со сладостями. Гейл повеселел и расслабился, Вик взглядом отыскала Лока и Лоис, стоявших у фонтана, и помахала им, но те не заметили — они словно бы о чем-то недовольно спорили. Вик забралась на камень у изножья статуи, чтобы удобней было смотреть на танцовщиков, рассеянно огляделась и замерла, не веря своим глазам: в окружении стражей в легендарных красных доспехах на почетных передних местах у возвышения могли расположиться лишь члены королевской семьи. Немолодой седовласый мужчина скорее всего был герцогом Огустом, а рядом с ним находилась, видимо, принцесса со своим мужем, о котором столь лестно сплетничали служанки постоялого двора. Вик в изумлении прищурилась — волосы принцессы были ярко-рыжие с золотыми прядями. Вик растерянно бросила взгляд на темную макушку Гейла, который старательно поглощал сладкий лед и рассматривал веселившихся людей.

Танцующие ойле-локо-дан ускорились, выгибаясь в немыслимые позы, то стекаясь в одну точку и вставая друг другу на плечи, то разбегаясь в стороны и стреляя в воздух снопом разноцветного пламени. Музыка стремительно грохотала и звенела. Рыжеволосая с золотыми прядями принцесса восторженно захлопала. Лок и Лоис на периферии зрения пробирались к Вик и Гейлу. Гейл поднял голову, нахмурился и что-то сказал. Вик непонимающе сдвинула брови. Гейл, закатив глаза, ловко взобрался на камень рядом с ней и ухватился за изогнутую руку статуи для удобства.

— Я говорю — что это ты там такого увидела?

Он посмотрел было туда, где устроилась королевская семья, но в этот момент Лок, который находился уже в нескольких шагах от них, крикнул:

— Гейл! — и бросил в него какой-то небольшой предмет.

Гейл шатнулся от неожиданности, но устоял и поймал тот самый красный камень, который они с Вик с таким трудом добыли на кладбище первых людей. В тот же миг алая вспышка охватила его, столь яркая, что Вик невольно зажмурилась и, потеряв равновесие, спрыгнула с камня, едва на кого-то не налетев. Быстро проморгавшись, она с тревогой посмотрела на Гейла и на какое-то время позабыла, как дышать.

Взметнувшиеся волосы Гейла обрели прежний цвет, рыжий с золотом, в уголках глаз появились черные вены, стекающие вниз по лицу, как дорожки слез. Гейл, зажмурившись, крепко сжимал в кулаке камень, продолжавший пульсировать короткими алыми вспышками. Его охватило пламя, и статуя там, где он стоял и держался, почернела. Музыка, достигшая в эту секунду апогея, резко затихла. Народ, привлеченный вспышкой, обернулся к ним, впился сотнями, тысячами глаз.

— Это Хранитель, — раздались изумленные голоса.

— Хранитель вернулся!

Гейл распахнул глаза, испуганно огляделся. Камень выпал из руки, в тот же миг огонь потух, растрепанные волосы упали на лицо, и он раздраженно откинул их со лба. Черные венки исчезли.

— Вик, я... — растерянно начал он, но Вик оттеснили, и она не расслышала дальнейших его слов.

Народ повалил к Гейлу, откуда-то появившиеся Синие Стражи пытались навести порядок, шум нарастал. Взбудораженные люди кричали что-то о Хранителе, возносили хвалу богам, а Гейл, попятившись, вжался в статую. Неожиданно рядом с ним очутился шэйер и распахнул огромные крылья. Вик не сразу поняла, что это Лок, сбросивший человеческий облик. Люди шарахнулись, галдеж усилился, ойле-локо-дан были забыты, Лок что-то говорил Гейлу, который побледнел так, будто собирался упасть в обморок.

Толпа людей за спиной восторженно ахнула — рассекая ее, сюда стремительно приближался красный клин королевской охраны. Идущие первыми Красные Стражи расступились, встали в два ряда, образуя своеобразный коридор, и вперед шагнули герцог Огуст и вцепившаяся в его руку взволнованная принцесса с такими же волосами, как у Гейла, только много длиннее. Синие Стражи окружили Гейла и Лока, не подпуская к ним людей, которые постепенно затихли.

— Позвольте представить вам, — начал Лок неожиданно звучным и сильным голосом (сейчас он ничем не напоминал того, добродушного и любезного, прежнего себя), — принца Гейлорда, Хранителя Южной Вершины.

дневник Лока: о Дверях

Из Постоянной Двери можно переместиться в другой город, но лишь в пределах своей страны. В другие страны ведет та, которая находится в столице. Естественно, туда можно отправиться пешком, но это займет много времени.

Постоянная Дверь открыта в две стороны: в первую входят те, кто перемещается в другой город, а из второй выходят те, кто сюда прибыл. В обычный день в обе стороны тянутся очереди, некоторые особо предприимчивые занимают место заранее, доплачивая Стражам, чтобы после их пропустили в определенное время. Обозы же с товаром или целые караваны перемещаются с пяти утра до десяти и с шести вечера до полуночи. Для удобства расчета времени на одной из сторожевых башен у Двери устанавливают магические часы.

После этих слов принцесса, игнорируя оклик герцога, быстро приблизилась к Гейлу, совершенно не обращая внимания на Лока, будто бы видеть шэйера было для нее не таким уж большим делом. Огромные черные глаза наполнились слезами, губы задрожали. Их с Гейлом сходство было очевидным. Она медленно протянула руку и коснулась его щеки, дотронулась до волос. Гейл не шелохнулся. Воцарилась тишина.

— Брат... С возвращением, — очень тихо произнесла принцесса, убрала руку и склонилась в глубоком реверансе.

Отсюда было толком не разглядеть лица Гейла. Вик поняла, что затаила дыхание, и с шумом вздохнула. Народ вокруг нее тоже зашевелился, ожил.

— Принц вернулся!

— Хранитель Вершины! Слава богам!

— Где он пропал столько лет?

— Почему его так долго не могли найти?

Следом за принцессой подошел герцог Огуст, муж принцессы — черноволосый, с изящными усиками, и прихрамывающий высоченный Красный Страж. Лок скромно отступил в сторону, но крылья так и не сложил, и острым взглядом то и дело осматривал толпу, словно был наготове — в любой момент отразить неожиданную атаку. Он что-то говорил, Гейла совсем не было видно. Вик заморгала, судорожно вздохнула — воздуха почему-то стало не хватать. Она огляделась. Толпа снова неистовствовала, перед глазами маячили искривленные от радости и гнева лица, рябили цветастые одеяния, с подмостков, где находились ойле-локо-дан, заиграла веселая музыка, и Вик, не выдержав, поспешила прочь.

***

Она торопливо шла по улицам, едва не сбивая прохожих с ног. Неожиданно город, прежде такой мирный и прекрасный, показался вдруг слишком шумным и пестрым. Он наполнялся все нарастающим гулом, кажется, даже сюда доносились изумленные возгласы о найденном принце, хотя Вик ушла уже далеко вперед.

Как все было глупо и нечестно! Все эти годы она рисковала жизнью, тащила за собой жующего соплю отпрыска древнего королевского рода, в то время как тот в любой момент мог вернуться домой, предстать перед семьей, показать всем свою силу — и его приняли бы! Окружили бы лучшими воинами для защиты, сама принцесса отвесила бы поклон и взяла за ручку! Никаких голодных недель, мерзнущих рук и ног, бесконечных царапин и ушибов, никаких холодных ночей, где в целом мире были лишь они вдвоем, дрожа и трясаясь от страха неопределенности, Гейл, тварь его задери, ведь знал все это! Он не стал ничего отрицать!

От беспомощной обиды щипало в глазах. Вик замедлила шаг, затравленно огляделась и с изумлением поняла, что вернулась к постоялому двору, где они остановились. Зайдя внутрь, она заказала крепкого пива и сделала пару больших быстрых глотков, но слезы все жгли, а обида лишь разгоралась сильнее. Краем глаза Вик заметила Лоис, севшую

неподалеку, но и не слишком близко. И хорошо, иначе Вик не знала, что могла сгоряча наговорить.

Как давно Лок и Лоис догадались? Неужели Лок с самого начала все знал и лишь потому подошел к ней с заданием? Почему ему нужен был камень истины, если он и так нашел Гейла? К чему было это притворство?

Так, следовало успокоиться и дождаться возвращения Лока, а там решить, что делать дальше.

Вряд ли Гейл вернется, зачем ему его старые вещи, если теперь он может позволить себе любые притирки для лица, любые одежды и самое лучшее оружие на всем Юге? Хотя вряд ли оно ему теперь понадобится...

Вик сделала последний глоток и медленно отодвинула кружку. Подумав, отправилась в комнату.

Почему этот идиот ничего ей не рассказал? За столько лет она что только не думала о его возможном происхождении, но мысль о том, что Гейл — наследник престола, даже не приходила ей в голову, уж слишком невероятным это казалось, и в то же время сейчас все встало на свои места. Вик удивилась, почему даже не подумала о столь очевидном, слышала ведь слухи, что принц пропал, и могла бы предположить...

Стук в дверь вытолкнул ее из размышлений.

Наверное, Лоис что-то понадобилось. Вик открыла дверь и обомлела.

— Вик, прости меня, — с жаром сказал Гейл. Бледный, с красными пятнами на лице, он стоял, запыхавшись, и с силой держался за дверную ручку.

После стольких лет вранья... Да как он смеет так просто показываться ей на глаза?! Вик собиралась со всей силы захлопнуть дверь, но Гейл ее опередил, быстро протиснувшись внутрь.

— Пожалуйста, выслушай меня! — взмолился он несчастнейшим дрожащим голосом.

Будто его в самом деле все это волновало. Поганый лгун. Вик в мгновение ока обнажила нож, который носила на поясе, и одним гладким движением прижала его к шее Гейла.

— Какого шэндера? — прошипела она. — Играть со мной вздумал?

— Я бы никогда!.. — По лицу Гейла — ну надо же! — покатались слезы. — Пожалуйста, дай мне все объяснить!

— Что тут объяснять?! — возмущенно крикнула Вик. Убрала нож от греха подальше. Руки так и тряслись. — Ты заигрался, ясно?! На несколько гребанных лет! Что, весело было? Дворцовая жизнь так тебе надоела? Обычной жизни захотелось? А тебя вон как приняли! Может, меня еще считают твоим похитителем?!

— Ты лучше меня знаешь, как тяжело нам пришлось! — повысил голос Гейл и раздраженно потер лицо. — Послушай, Вик, тебе надо успокоиться.

— Мне надо успокоиться?! — взорвалась Вик. — Боги! Я столько лет тащила сопляка, который оказался королевским отпрыском и в любой момент мог вернуться домой, где его все ждали! Все так встретили тебя! Думали, что ты в плену, что ты потерял память — я уж наслушалась по дороге! Ты хоть соображаешь, какую глупость натворил?! Я уже не говорю о том, что ты лгал мне столько лет! Я думала, что знаю тебя, но все было ложью с самого начала!

— Я никогда не лгал тебе, я лишь умолчал о своем прошлом!

— Ах, вот как это теперь называется! “Умолчал о прошлом”! — поддразнила Вик высоким от напряжения тонким голосом, едва не срываясь на визг, но остановиться не

могла. Гейл был рядом добрую половину ее жизни, смотрел на нее с восхищением, исцелял от ран, прикрывал от врагов — и сам же ударил в спину! — Убирайся, видеть тебя не хочу!

Разговор был окончен. Она отвернулась, скрестив руки. Если он не уйдет сам, придется надрать ему уши и выставить за дверь, будь он хоть трижды принцем.

— Вик...

— Пошел. Вон. Гребаный эгоистичный ублюдок. Найди себе шута поинтересней, чтоб играть в твои игры!

Гейл в два шага приблизился и отвесил пощечину. Вик от неожиданности не успела среагировать. Она попятилась, хватаясь за лицо, и ошарашено уставилась на Гейла.

— Я никогда не играл с тобой, — холодно сказал бледный как полотно Гейл. — Поговорим, как остынешь. Буду внизу.

— Это приказ, Ваше Величество? — с издевкой спросила Вик.

Лицо Гейла перекосилось. Он развернулся и вышел, хлопнув дверью. Вик медленно опустила голову, с силой кусая губы. Щека болезненно пульсировала и горела. Никогда еще ни при каких обстоятельствах Гейл не осмеливался вот так ее ударить.

Вик бездумно подошла к окну и посмотрела вниз. Перед таверной стояли несколько Красных стражей. Вик налила холодной воды из кувшина в медный тазик, умыла горящее лицо, перепоясалась мечом, накинула тонкий плащ и вышла. Гейл стоял внизу, опираясь о стену и игнорируя собирающихся зевак. Хозяин таверны, запинаясь, объяснял ему что-то об оплате за комнату — мол за счет заведения, и, о, какая честь, великий господин. Гейл жестом прервал его, едва заметил Вик.

— Хотел поговорить? — подбоченясь и скрестив руки на груди, небрежно спросила она. Стлотнула. Все в таверне пялились на них, на нее, осмелившуюся так дерзко заговорить с наследным принцем. Такое внимание было непривычно и неудобно.

Гейл пристально посмотрел на нее, кивнул и пошел вперед. Вик неспешно шла позади. Наверное, простым людям не полагалось идти вровень с представителем королевского рода, наверное, стоило бы придержать перед Гейлом дверь, подмести перед ним дорожку... От подобных полных яда мыслей хотелось плевать и бить кулаком все попадавшие на пути стены. Вик с огромным трудом держала себя в руках.

Рядом по обе стороны от них шагали четыре Красных Стража и пятый замыкал строй. Они шли, привлекая к себе внимание. Казалось, весь город уже знал, что принц вернулся. Вик никогда прежде не видела разом такое количество людей. Они пробирались через живое человеческое озеро целую вечность. Им улыбались, кто-то махал рукой и что-то выкрикивал, кто-то опустился на колени и рыдал, кто-то швырнул тухлый овощ им под ноги.

Гейл вел их проулками весьма уверенно, людской гомон постепенно утих и остался позади. Они добрались до смотровой башни, и Гейл, приказав вылезшим оттуда Синим и своим Красным Стражам оставить их одних, повел Вик наверх по винтовой лестнице.

Вид сверху открывался изумительный, но наслаждаться красотой было не время. Вик вопросительно обернулась к Гейлу.

— У меня были причины скрываться и хранить все в тайне даже от тебя, — без предисловий начал тот, непривычно серьезный и по-прежнему ужасно бледный. — С тех пор, как я получил силу, меня не раз пытались похитить, и многие погибли, защищая меня. После того, как одной из жертв стал отец, мать тайно отправила меня в деревню к Седому — ты ведь уже поняла, что он был не простым старейшиной? Вскоре до нас с ним дошли вести о том, что мою мать, королеву, также убили. Это было незадолго до нападения на

деревню. — Гейл нахмурился. — Меня всегда учили никому не доверять, относиться ко всем с подозрением, потому я и тебе не доверял поначалу, но после, когда мы с тобой через столько прошли... когда ты не раз рисковала ради меня своим здоровьем, а то и жизнью... Мне не хватило духу все рассказать. Я боялся, что мне придется вернуться в замок, а я этого не хотел. Сколько себя помню, ко мне там всегда относились, лишь как к сосуду силы Хранителя, да вечно пытались убить. Жизнь с тобой и учителем Рупом, а после — путешествия с тобой были сложными и порой выводили из себя, но я не променял бы это ни за что на свете. — Гейл запрокинул голову к небу и рассмеялся, мягко жмурясь. — Это было лучшее время моей жизни. Я был свободен и волен поступать, как хочу, а в замке... Что ж, ты ведь уже заметила, как они со мной носятся? — Гейл хмыкнул и кивнул вниз, на оставшихся там Красных Стражей. — Помню, после смерти дедушки, бывшего короля, они часто менялись. Поначалу я думал, что они чем-то провинились, а потом узнал, что сила перешла ко мне, и враги решили воспользоваться тем, что я юн и еще не вошел в полную силу. Меня не раз хотели взять в плен или убить, но всегда находились те, кто защищал меня. Тогда, в деревне, те люди... — Гейл поежился. — Они приходили за мной. Их наняли, чтобы схватить меня, но Седой здорово попутал заказчикам карты.

Вик медленно кивнула. Задней мыслью она всегда знала, что из-за Гейла уничтожили ее деревню, и сейчас это подтвердилось. Обвинять его в этом — был ли теперь смысл? Обвинял ли он себя? Какие вообще мысли витали в его голове?..

— Ты знаешь, кто хотел тебя убить? — вместо всего этого спросила она.

— Лицемерные ублюдки, приближенные к королевской семье. — Гейл кисло улыбнулся. — Несколько лет назад герцог Огуст их публично казнил, но что-то подсказывает мне, что на этом дело не кончено. Представляю, с каким восторгом мои враги снова придумывают план, как от меня избавиться и прибрать все в свои руки.

— Но разве сила Хранителя, а значит и Южная Вершина, не передаются из поколения в поколение? Как же они собираются захватить власть, если замок все равно не будет им принадлежать? — спросила Вик, одновременно лихорадочно вспоминая все, что знала о Хранителях и Вершинах. — Вершина и Хранитель связаны Первой Клятвой, они подпитывают и укрепляют друг друга. Я читала, что Северную Вершину два раза разрушали до основания, но каждый раз ее Хранитель восстанавливал замок в первоизданном виде. Также я слышала, что Вершины могут помочь своему Хранителю творить заклинания, которые с точки зрения магических законов невозможно создать, например, переместиться в любое место мира, внушить чувства, прикончить кого-то на расстоянии силой мысли...

Она выдохнула, замолчала. Гейл не казался удивленным. Как часто к подобным удивительным вещам он относился с пренебрежительным спокойствием? Как часто она изливала ему свои восторги, а он лишь помалкивал? Словно уже все знал, поняла Вик, но делал вид, что ему это не интересно.

— Существует один артефакт, — медленно, взвешивая каждое слово, сказал Гейл. — Называется жертвенный кинжал. Он принадлежал моей семье, но много лет назад был утерян. Этот кинжал... Тот, кто убьет им мага, заберет его силу себе. Именно этим кинжалом был убит нирген-хранитель Северной Вершины, и его сила перешла к человеку, ты наверняка слышала эту легенду?

— Я удивлена, что ее слышал ты, — поддела Вик. Гейл неуверенно улыбнулся, и Вик поспешила нахмуриться. — Но что насчет тебя? Теперь, когда все раскрыто... Ты ведь останешься здесь и будешь править? — уточнила она.

Гейл вдруг лукаво улыбнулся.

— На самом деле я...

— Постой-ка, — перебила Вик. Неожиданная мысль сверкнула в голове так ярко и отчетливо, что пришлось на секунду зажмуриться. — Это же королевский престол. Ты — король. Ты король Южной Вершины, Гейл! — с восторгом воскликнула она.

— Э, да, — осторожно подтвердил Гейл. Снова улыбнулся. — Но это не имеет значение — это по-прежнему я, и, по правде, я не...

— Как же я сразу не додумалась! — снова в нетерпении перебила Вик, схватила его за плечи и возбужденно встряхнула. — Ты ведь можешь помочь нам с Локом и Лоис против тварей из Нижнего мира! Уж теперь-то — с тобой! — все точно получится!

— Что? — слабо пробормотал Гейл. Улыбка сползла с его лица.

— Лок хоть и получит теперь место в королевском Совете и шанс поднять тему низших тварей в награду за твое возвращение...

Уж не на это ли в действительности рассчитывал хитрый шэйер, когда весьма туманно рассказывал о своих планах?

— ... но это не гарантирует того, что Совет тут же согласится отправить магов на защиту земель. На это уйдет слишком много времени, может, годы, а невинные жители между тем будут страдать, — торопливо сказала Вик. Лихорадочный план действий, еще не полностью сформированный, кипел в голове и требовал немедленного выхода. — Я все думала, как же нам растормозить эти ленивые задницы в столице, ведь низшую тварь так просто сюда в знак доказательства не привести — она рассыплется в пыль, если будет слишком долго находиться в Срединном мире, но теперь... Как все стало просто! Нужен кто-то достаточно влиятельный и сильный, чтобы взять дело в свои руки, кто сам сталкивался с низшими тварями и знает об опасности, которая нам угрожает!

— Дай угадаю...

— Это ты! — воскликнула Вик. — Сам знаешь, что всего пять лет назад низшие твари были совсем крохотными, а теперь появились огромные, и они все дольше могут находиться здесь! Некоторые торговцы из других стран говорят, что там творится нечто подобное, и что на Западе хуже всего — ведь там находится прямой путь в Нижний мир, а королевская семья по слухам погибла и некому защищать тамошние земли! Боги, Гейл, а мы ведь можем навестить к ним с визитом и помочь! Между четырьмя Вершинами и Хранителями всегда была связь! Ты... ты ведь тоже теперь часть этого! — потрясенно прошептала Вик.

От неожиданно открывшихся возможностей голова шла кругом, аж глаза увлажнились — столько всего можно сделать!

— В твоих руках огромная власть. Мы должны... Ты должен навести здесь порядок, Гейл.

— Я никому ничего не должен, — процедил Гейл.

Вик только сейчас заметила, как сильно он помрачнел.

— Как ты умудрилась перевернуть все с ног на голову?! Не собираюсь я ничего менять и наводить! Я несколько лет шастал по лесам и деревням и ничему такому королевскому не обучен! Какая разница, кому принадлежит сила Вершины, если правитель из него никудышный?!

— Но ты ведь раньше и мечом махать толком не умел, — не отступала Вик. — А сейчас дашь фору даже мне.

— Не преувеличивай.

— Не думаю, что все ожидают, что ты, едва сев на трон, тут же начнешь мудро править. У тебя будут советники, которые будут помогать тебе, пока ты не постигнешь азы правления. Ты умен и схватываешь все на лету, когда в чем-то заинтересован. Что до желающих убить тебя... Теперь-то ты не ребенок, и даже без магии можешь дать отпор многим воинам. Вдобавок у тебя наконец появится возможность спокойно научиться магическим премудростям.

— Хватит, перестань! Тебе кажется, что все так просто! Ничего ты не понимаешь! — крикнул Гейл, яростным взглядом впившись в нее. — Я ненавижу это место и этих людей и не могу дождаться момента, когда мне предоставится шанс отсюда улизнуть и вернуться к нашим странствиям! И уж поверь, больше я не дам себя поймать!

Он выдохнул, упрямо поджал губы. Вик молча изучала его худощавое лицо, тонкие черты, густые черные брови и непроглядные, как капли тьмы, глаза.

Он не отступит, поняла Вик, но, может быть, ради нее он согласится хотя бы попробовать? Не сводя с него глаз, она заговорила совсем тихо:

— Просто весь мир... реки и озера, леса, поля да луга, где мы часто ночевали под открытым небом... Помнишь, ты однажды сказал, что полная Зела похожа на золотую монету? Я тогда еще не знала, как золотые монеты выглядят, не видела их ни разу. А еще однажды ты сказал, что рад, что пошел за мной в тот день к реке, и что мы выжили. Ты тогда напился, так что вряд ли помнишь, но не волнуйся, — она усмехнулась, — у меня отличная память. Знаешь, во многих местах, где мы бывали, я... В каждом городе оставляла надписи на стене в комнате постоялого двора, где мы ночевали, и если вернуться в один из них, наверное, они все еще там. Наша карта исписана и разрисована, ты все порывался ее выбросить и купить новую, но не надо, Гейл, потому что это наши места. Я просто хочу все это сохранить. Я хочу знать, что сделала все, что от меня зависело, чтобы мир вокруг не исчез. Ты владеешь великой силой. — Вик несмело улыбнулась. — Ты говоришь, что не хочешь здесь оставаться, что хочешь вернуться к нашим странствиям, но никаких странствий не будет, если мир рухнет.

— Он простоял тысячи лет, что с ним станет еще лет за пятьдесят? — скептически спросил успокоившийся Гейл. — В любом случае на наш век должно хватить. К тому же чем больше низших тварей, тем больше у наемников работы.

Весь день сегодня катился к шмаку с самого утра, но последний пласт разочарования наложили эти слова.

Как можно быть таким... таким... безответственным и эгоистичным?

Вик со вздохом покачала головой, устало прикрыла глаза, сдаваясь.

— Ты можешь идти, Гейл, — наконец, сказала она. — Ты прав, я совсем тебя не понимаю. Если тебе так этого хочется — иди, я не в праве тебя удерживать, да и кто я для тебя? У меня такое чувство, будто ты все это время лишь пользовался мной.

Гейл порывался возразить, но Вик остановила его жестом.

— Иди. Сбеги и вернись к той жизни, что тебе по душе. Я же останусь здесь с Локом и Лоис и постараюсь помочь убедить всех о надвигающейся беде. Помнишь, мы хотели поговорить после миссии Лока? Я как раз собиралась обсудить то, что нам следует разлучиться, но, боги, не думала я, что все будет так.

Каждое слово ворочалось на языке все тяжелее. Вик с трудом сглотнула, понимая, что близка к слезам. Кажется, этому дню суждено стать одним из худших в ее жизни.

— Ты простила меня за то, что я молчал? — взволнованно спросил Гейл.

Вик задумалась, прислушиваясь к себе. Сейчас гнев утих, да и не могла она никогда долго сердиться на Гейла, особенно если он смотрел такими глазами и с виду был готов расплакаться. Он прав — он все тот же, ее глупый младший братишка. Разница лишь в том, что на этот раз все было слишком серьезно.

Вик протянула руку и шутливо дернула его за ухо.

— Что за лицо ты соорудил? Только не вздумай тут разрыдаться, иначе меня обвинят в том, что я довела будущего короля до слез, и того гляди, упекут в темницы.

Гейл ойкнул, схватил ее за руку.

— Ты простила меня? — требовательно спросил он.

Вик вздохнула.

— Будто это имеет для тебя значение, ты же все равно скоро отсюда сбежишь и вряд ли нам еще доведется встретиться.

— Но... но что если я останусь, ну, на некоторое время и помогу тебе с тварями? — сбивчиво предложил Гейл.

Вик удивленно посмотрела на него. Гейл смущенно потер затылок.

— Думаю, ты права, не должно быть сейчас здесь все так плохо, как мне запомнилось, да и девушки тут красивые, и еда королевской кухни должна быть вкуснее той, что ты готовишь, когда приходит твоя очередь, — сварливо добавил он.

— Гейл... — только и сумела выдавить Вик, не зная, возмутиться или обрадоваться.

— Только у меня есть условия, — перебил тот. — Вы двое, — он кивнул за спину Вик, и та, резко обернувшись, увидела Кор Лока. Либо шэйер умел бесшумно передвигаться, либо она была слишком расстроена этим разговором и не заметила его. — Да-да, я про тебя тоже, Лок, предатель, не думай, что я прощу то, как подло ты меня подставил. В общем вы двое, не забудьте вписать мое имя в летописи под названием «кто спас мир от низших тварей», ладно?

Вик и Лок переглянулись и закатили глаза.

— Далее — Лок, тебе придется в ускоренном темпе научить меня разным магическим штучкам, ну а тебе, — Гейл раздраженно ткнул пальцем в Вик, — тебе придется вступить в мою личную Стражу и защищать мою жизнь от посягательств, потому что должен быть в этом гадюшнике хотя бы один человек, которому я могу доверять. Так что если ты не справишься, я не стану помогать в вашей глупой затее, откажусь от престола и уйду так, что вы никогда меня не найдете.

— Как ты себе это представляешь? — возмутилась Вик. — В Красные Стражи берут только боевых магов!

— На самом деле нет, — неожиданно подал голос Лок. — Не существует такого правила, в котором в Стражи запрещено брать не обладающих магией разумных существ. Сто лет назад после изгнания ниргенов в Дикие земли и проклятия тэйверов множество законов было пересмотрено. Тогда на волне траура и ликования было решено наделить всех равными правами, но эти светлые идеи изначально были обречены. У магов всегда были и будут больше прав, чем у пустых, такова жизнь. Потому пустым не пробиться в Стражи. Боевые маги могут быть слабее во владении оружием, но один пущенный в цель огненный шар все компенсирует. Разве что, — Лок задумчиво потер подбородок и взглянул на Вик, — хм, есть у меня одна мысль.

— Я вижу, ты прекрасно осведомлен во многих вопросах, и раз уж вы с Вик такие

большие друзья и преследуете одну цель, думаю, ты сможешь ей помочь, — елеинным голосом сказал Гейл.

Он выглядел недовольным и ершился.

Он решил попытаться и остается здесь, и Вик едва сдерживалась, чтобы на радостях его не обнять.

— Ну что ж, Ваше Величество, — довольно протянула она, — готовы подушечку вашей королевской заднице, она вам пригодится.

— Сейчас же этим займусь, — усмехнулся в тон ей Гейл.

— Может, скрепим уговор клятвой? — предложил Лок. — Или пропишем пункты в контракте?

Вик и Гейл удивленно посмотрели на него.

— Что за глупости, — сказала Вик и, переглянувшись с Гейлом, сплюнула на ладонь. Гейл, пряча улыбку, согласно кивнул, сделал то же самое, и они скрепили уговор крепким рукопожатием.

Меня всегда восхищало двоемыслие в законах, принятых в начале Новой Эпохи, в частности — закон о равенстве прав магов и пустых.

С начала времен положение магов в обществе всегда было выше, поскольку их возможности позволяют им делать то, на что не способны пустые ввиду отсутствия магического запаса и, следовательно, умения направлять магию в нужные формулы для получения того или иного результата.

Встречаются, конечно, исключительные пустые, столь наблюдательные и чувствительные, что способны обращаться с магией чуть ли не на равных с магами (в данном случае они могут использовать кристаллы-накопители и артефакты). Известна такая организация, как «механики» (они же «подпольщики», т. к. вынуждены скрываться). Они сильно помогли нам в войне против тэйверов в конце Золотой Эпохи. Состояли в этой организации преимущественно пустые, наделенные талантами создавать оружие, которое могло использовать стихийную магию (что находится повсеместно: в воздухе, воде, земле, огне...), а то и вовсе обходиться без магии. Разумеется, их существование ставило власть магов под угрозу, потому после расправы над тэйверами их объявили преступниками, что творят бесчинства, идущие вразрез с законами магии.

Итак, положение пустых не изменилось: хоть им и дозволяется то же, что и магам, на деле они попросту не способны получить, скажем, те же должности.

Юная Вик, к примеру, может беспрепятственно подать прошение о вступлении в ряды Красных Стражей. Критерии отбора следующие:

- 1) сила тела (выносливость, быстрота реакций, сила, здоровье);
- 2) сила разума (умение с должным мастерством читать, считать и писать, ориентироваться в пространстве, знание истории, географии, основ стратегии и тактики);
- 3) сила духа (контроль над своими мыслями и чувствами);
- 4) сила души (поскольку жизненная энергия всем присуща, здесь выделена лишь магическая составляющая: собственная магия либо умение владеть артефактами (базовые навыки: защита, нападение)).

Первые три пункта у юной Вик совпадают, магической составляющей я могу ее обеспечить.

В начальных школах пустые и маги обучаются вместе, но после их пути расходятся. Потенциально сильные маги отправляются учиться в Академии, а после — работать либо продолжать обучение в Цитадели. Пустые же — отправляются работать либо идут в подмастерья. При должном везении (особых способностях, наличии учителя, который различит эти способности и даст рекомендации) пустой способен пробиться выше, но, к сожалению, это большая редкость.

В первое десятилетие Новой Эпохи еще были попытки построить Академии для пустых но вскоре это признали бессмысленным. Пустые преимущественно рождаются в малообеспеченных слоях населения, где приветствуется физический труд, оттого им некогда заниматься более, мм, тонкими материями.

К тому же то не выгодно магам, коль они хотят сохранить свою власть — и без того подпольщики здорово пошатнули основы общества, кто знает, чем бы это обернулось, если бы маги вовремя не спохватились?

Отношения между Вик и Гейлом, то, как они с такой легкостью заключили столь важный контракт, не укладывалось в голове. Ни один здравомыслящий шэйер не станет полагаться на силу слова — договор непременно следовало заключить на бумаге с надлежащей подписью, а еще лучше связать клятвой, обозначить пункты на всевозможные случаи, все обдумать, но эти двое так просто пренебрегали столь очевидно важными вещами!

Надо поразмыслить над этим, а еще лучше — обсудить с Лоис. Она частенько показывала ситуацию под другим углом и помогала увидеть большее, прежде недоступное взору шэйера. Локу было уже семьдесят три года, и не мог он даже будучи учеником называть себя глупцом (то было не хвастовство, всего лишь факт), но порой юной Лоис приходилось объяснять очевидные для человека вещи, которые после этого и ему, шэйеру, становились понятными. Люди не переставали его изумлять и тем — очаровывать, и Лок в очередной раз подумал, что человеческая культура заслуживала куда большего интереса, чем полагали в Верхнем мире.

Лок кашлянул, привлекая к себе внимание. Чтобы не потерять доверие юных товарищей, следовало принести извинения и изложить причины своего поступка.

— Я должен объясниться с вами, — начал он. — Многие пытались найти Гейла с тех пор, как он исчез десять лет назад, и также многие маги пытались выдать себя за него. Герцог Огуст попросил меня помочь разобрать записи найденных им свитков, и мы обнаружили, что ведут они к камню истины, который может отыскать что угодно и обнажить любую правду. Огуст поручил мне найти его, но еще прежде я пытался создать заклинание поиска, способное разыскать того, кто связан с Вершиной. То было давно, мм, почти сорок лет назад.

Лок помрачнел, вспомнив, что его усилия тогда так и не пригодились: пропавшая Шеклин, его близкая подруга, обнаружилась в Срединном мире лишенная рассудка и вскоре покончила с собой.

— Я решил действовать по своему усмотрению, — продолжил он, — и довел заклинание до конца. Поскольку времени до полного безлуния было достаточно, я решил этим воспользоваться и таким образом наткнулся на вас. — Он обвел взглядом притихших Гейла и Вик. — Все сложилось так удачно, что мне не стоило труда уговорить вас пойти со мной.

— Так все было ложью? — побледнев, спросила Вик. — Твои слова о низших тварях и что нам следует вмешаться?

Лок провел ладонью перед собой в жесте Гаат, мысленно призывая ее, их с Гейлом, к спокойствию и доверию.

— С той минуты, как я столкнулся с ними лицом к лицу, это перестало быть для меня лишь глупыми россказнями, — сказал он. — Я действительно исполнен решимости разобраться во всем этом — с вашей помощью.

Он снова обвел их взглядом. Вик заметно расслабилась и с облегчением кивнула, но Гейл не сводил с него пристальных недобрых глаз. Похоже, у Хранителей и впрямь наблюдался иммунитет к жестам магии. Лок мысленно пометил себе записать об этом в тетради, отведенной для изучения способностей Хранителей Вершин.

На всякий случай нужно выразиться конкретнее, решил он. Заклинание поиска сработало, Хранитель Южной Вершины вернулся на законное место, но нельзя было расслабляться из-за успехов, прямо сейчас Лок чувствовал — он ступал по тонкому льду, как не раз говорила Лоис. И ступать ему предстоит очень долгое время, кисло подумал он, судя по выражению глаз Гейла.

— Прошу прощения, что скрывал все это, — чуть склонив голову, сказал Лок. — Узнав тебя получше, Гейл, я понял, что ты будешь, мм, недоволен тем, что столь тщательно скрываемый секрет твой раскроется. Мне следовало действовать очень осторожно, чтобы ты ничего не заподозрил.

— Я с самого начала знал, что с тобой что-то не так, — едко отозвался Гейл и бросил хмурый взгляд на Вик. — Тебе удалось одурачить эту тупицу, но это не значит, что и я буду плясать под твою дудку.

— Эй! — возмутилась Вик, пихая его в бок. Гейл лишь коротко взглянул на нее и терпеливо вздохнул.

— Что ж, пора возвращаться. Мне с трудом удалось убедить герцога отпустить меня на время. Я распорядюсь насчет вас, — он внимательно оглядел Вик и Лока, — и оставлю стражу для сопровождения.

— А ты быстро привык к своей новой роли, — фыркнув, заметила Вик.

— И так же быстро отвыкну, едва отсюда удеру, — осек ее Гейл и весело ухмыльнулся и подмигнул. — Теперь все зависит от тебя.

— Как будто когда-то было иначе, — проворчала Вик.

Наблюдая за их шутливой перепалкой, Лок в который раз ощутил рядом с ними знакомый зуд собственной неуместности и вновь мыслями откатился в далекое время своей юности, когда еще обучался в начальных классах магической школы и весь мир казался таким светлым и простым.

***

События пронеслись так быстро, что Гейл только и успевал, что моргать и кивать, хотя его особо ни о чем не спрашивали. В замке его встретила сестра в сопровождении постоянно опускающей глаза миловидной служанки и четырех Красных Стражей, одной из которых была светловолосая девушка. Сестра успела оправиться от неожиданной встречи и теперь беспрестанно улыбалась, провожая его по коридорам в наспех подготовленную комнату.

— В той, что прежде принадлежала родителям, живем мы с мужем и детьми, — извиняющимся голосом сказала она, поудобней перехватив его за локоть. — Дети тоже живут с нами, я думаю, они еще слишком маленькие, чтобы переехать в свою комнату, хоть дядя и настаивает на обратном.

— Дети? — ужаснулся Гейл и в очередной раз оглядел приятно округлую, женственную фигуру Красты.

Единственное, что он помнил о сестре, так это беспрестанный рев, пухлое веснушчатое лицо, перемазанное слезами и соплями, и дырку на месте переднего зуба.

— Да, — счастливо улыбнулась Краста. — Близнецы, Клэрия и Кэлдар. Я тебя с ними познакомлю.

У двери в нужную комнату она отпустила его руку, вверив подошедшему слуге, который почтительно склонился и пробормотал приветствие.

Гейла стремительно привели в порядок, ни на миг не оставляя одного: ни в огромной ванной, помогая мыть волосы и окатывая горячей водой, ни в комнате, снимая мерки для одежды и облачая временно в вещи лорда Жатриена, мужа Красты. Одежда лорда оказалась великовата, но узковата в плечах и некрасиво топырилась на бедрах, хорошо что это безобразия перекрывал излишне длинный дублет.

Гейл краем глаза замечал постоянное присутствие Красных Стражей, слышал тихие шепотки и хихиканье слуг, разносящих сплетни во все уголки замка, и старался держать лицо непроницаемым, ничем не выдавая своего раздражения.

Семейный ужин прошел в трапезном зале за узким длинным столом, который в памяти Гейла запечатлелся как бесконечно огромный, много больше, чем был на самом деле. За ужином присутствовали герцог Огуст, принцесса Краста со своим мужем и Лок — и за это Гейл был ему безмерно благодарен, хотя ни за что не признался бы.

Лок за ужином чувствовал себя столь уверенно, будто бы обедать с королевской семьей было для него привычным делом. Он своим любезным тоном расспрашивал Красту о ее детях, перекинулся ничего не значащими словами о погоде с лордом Жатриеном и плавно направил разговор в сторону Гейла и необходимости представить его Малому и Большому Совету, придворным, объявить народу о его возвращении, что было чистой формальностью — столица гудела от новостей, вряд ли кто-то остался неосведомленным, а также назначить день коронации и успеть все к ней приготовить.

Равномерный тон его добродушной болтовни немного расслабил, даже аппетит проснулся, и к десерту Гейл приободрился.

Не могло быть все так паршиво, как он себе представлял. Вик права. Он уже не ребенок и сможет за себя постоять. К тому же тех предателей давно казнили. И все же Гейл хорошо помнил, почему в тот день, узнав об этом из бумажных вестников, которые принес учитель Руп, так ничего и не предпринял для своего возвращения домой. Навязчивая мысль-предостережение “никому не доверяй” не оставляла в покое, а следом немедленно появлялись другие — о том, что все было спланировано, а настоящие враги затаились и дожидались подходящего момента.

Возможно, они смотрели на него прямо сейчас.

Гейл внимательно оглядел людей и шэйера, сидевших за столом, заставленным снедью, особенно задержав взгляд на лорде Жатриене, который ему не понравился с первой встречи, и герцоге Огусте, родном дяде, который был приближен к его семье больше кого бы то ни было.

Огуст мог узнать от его матери, где она спрятала Гейла, и отправить за ним тех наемников...

Гейл внутренне содрогнулся и усилием воли заставил себя сосредоточиться на десерте.

После ужина все вежливо раскланялись и разошлись. Чувствуя смертельную усталость от сегодняшних переживаний, Гейл задумчиво слонялся по коридорам своих апартаментов. Прежде они казались огромными, впечатление производили и сейчас, но уже не внушали полный восхищения трепет.

Стены здесь были разукрашены барельефами легенд прошлого. Гейл знал, что появились они в тот же день, что и замок, хотя не мог бы точно сказать, откуда это узнал.

Тенью за Гейлом шествовали Красные стражи. Их присутствие могло показаться незаметным, и Гейл отдавал должное их бесшумному шагу и безмолвию, но наостренное за

много лет чутье то и дело дергало изнутри, напоминая, что сзади кто-то подкрадывался. Гейлу стоило немало усилий перестать оглядываться и расслабить плечи.

Он остановился у последнего изображения битвы тэйверов с шэйерами.

Вживую Гейл их, тэйверов, никогда, конечно, же не видел, но облик их с детства будоражил воображение и волновал. Королева Хейла, его пра-прабабка, была внебрачной дочерью племянника Хранителя-тэйвера от его наложницы-человека. Каким-то чудом она выжила и унаследовала силу Хранителя. Первое Проклятие, наложенное на тэйверов, ее не коснулось — она была полукровкой. Исключительной полукровкой, ведь обычно те рождались неспособными к жизни уродцами либо вырастали с ненасытной жаждой крови, доводящей их до безумия. Полукровок было принято убивать сразу при рождении, но Хейла избежала этой участи. Внешне она больше походила на человека, и мать в детстве отрубилась ее крылья, чтобы все поверили, что рождена была обычная человеческая девочка. Портрет Хейлы в полный рост находился в зале предков, но Гейл и без этого помнил его в мельчайших подробностях. Высокая девушка с длинными рыжими волосами, черноглазая, с выступающими черными венами на белом лице, которые сильно походили на узоры на лицах тэйверов. По рассказам бабушки у Хейлы в приступы ярости мгновенно вырастали клыки и образовывались крылья, сотканые из магии, и Гейл до сих пор не знал, шутил тот или нет. Он задумчиво покусал ноготь, вздохнул и чуть не вздрогнул от неожиданности, когда раздался голос дяди:

— Нам повезло родиться в эту эпоху.

Гейл медленно обернулся. Огуст пристально смотрел на подсвеченную светло-желтым кристаллом стену, на которой облаченный в доспехи свирепый тэйвер наносил удар поверженному шэйеру.

— Шэйеры в Верхнем мире, тэйверы в Нижнем, если кто-то из них уцелел после проклятия. Потерявшие рассудок ниргены в Диких землях, уркасы на Западе, где растут необходимые им целебные травы. В распоряжении нас, людей, практически весь Срединный мир, могли ли мы помыслить о подобном еще полтора века назад?

Гейл хмыкнул. Краем глаза заметил еще двух Красных Стражей, остановившихся на почтительном расстоянии от них.

Герцог Огуст повернулся к нему. Он сильно постарел за прошедшие десять лет, волосы его поседели и поредели, лицо избородили морщины.

— Я счастлив, что ты вернулся, Гейлорд, — сердечно сказал он. — Нам так и не выдалась свободная минутка для разговора. Признаться, я надеялся, что увижу тебя здесь, и рад, что не прогадал.

— Я тоже рад видеть тебя, — отозвался Гейл. — О чем ты хотел поговорить?

— Нам многое нужно обсудить, — сказал Огуст и снова повернулся к стене. — Никогда не устаю рассматривать эти картины и каждый раз нахожу что-то новое.

Гейл смолчал. Через несколько дыханий Огуст произнес:

— Мне жаль, что на твою долю выдалось столько испытаний. Я рассчитывал, что ты вернешься, узнав о казни тех преступников, убийц твоих родителей, но мои надежды не оправдались. Где ты скитался столько лет? Что перенес?

— Долго рассказывать. — Гейл улыбнулся краешком губ, но тут же вернул строгое, непроницаемое выражение лица. — Я хочу, чтобы та девушка, моя спутница, стала Красным Стражем, это моя... моя благодарность ей за помощь в странствиях.

- “Помощь”? Так это теперь называется? — усмехнулся Огуст.

Гейл едва удержался от яркой вспышки гнева, но дядя, кажется, ничего не заметил — его взгляд всецело был прикован к стене с изображением тэйверов.

— Почему бы тебе не пристроить ее в более безопасное место, раз так хочешь держать при себе? К служанкам, к горничным?

— Таково ее желание, — пожав плечом, ответил Гейл и добавил, чтобы уж наверняка не вызвать ненужных подозрений: — Что творится в головах женщин, известно только женщинам.

— Хм. — Огуст в задумчивости потер подбородок. — Сейчас идет обучение новых Красных Стражей, думаю, завершение его будет лучше приурочить к твоей коронации — нам предстоит перераспределить личную охрану теперь, когда ты снова с нами. Если твоя подруга сможет влиться в середину обучения, то пусть хотя завтра приступит. Тебе нужно будет лишь замолвить словечко за нее перед начальником Красных Стражей, Хемлем Древногом, либо подождать год, пока не придет время нового набора.

— Я поговорю с Хемлем, — сказал Гейл, ощутив, как кожа покрылась неприятными мурашками.

Он помнил этого пугающего огромного старика, который громогласным ревом гонял Стражей на тренировку. Интересно, прежний детский страх овладеет им или прошедшие десять лет, полные опасностей, придадут уверенности и смелости? Гейл мысленно усмехнулся, осознавая, что почти предвкушает встречу, и с изумлением вдруг понял по-настоящему, что он — король, Хранитель, сильнейший маг на Юге. И что все обязаны подчиняться его слову.

Погруженный в мысли, он не сразу заметил пристальное внимание дяди.

— Мы столько лет искали тебя, но нигде не могли найти. Я надеялся, что ты вернешься сам, когда тебе исполнится восемнадцать, и ты обретешь полную силу. Вижу недоверие в твоих глазах, подозрительность ко всему. Я не враг тебе, Гейлорд. — Дядя развел в стороны руки с раскрытыми ладонями. — Я делал все, что было в моих силах, чтобы достойно править страной до твоего возвращения, и буду помогать тебе до тех пор, пока ты будешь чувствовать в этом необходимость.

Гейл снова ничего не сказал, но немного расслабил плечи, обнаружив вдруг, что опять напрягся.

Дядя вздохнул и неуверенно протянул руку. Гейл настороженно позволил ему коснуться аккуратно уложенных волос у щеки.

— Ты так вырос, — севшим голосом сказал дядя. — Ты так похож на свою мать, мою дорогую сестру. Помню, как качал тебя на коленях, как ты расспрашивал меня обо всем. Ты начал разговаривать очень рано, был таким веселым и любознательным мальчиком! Наверное, ты меня совсем не помнишь?

— Помню, — помолчав, ответил Гейл.

Он помнил больше, чем хотел бы, и каждая минута пребывания в замке словно по щелчку открывала в памяти сундучок за сундучком с очередным хорошенько запрятанным воспоминанием.

Он убегал от маленькой Красты по этим коридорам, и она всегда отставала и принималась реветь, а он, хихикая, спешил вперед, все быстрее и быстрее, касаясь рельефных узорчатых стен кончиками пальцев.

Он забирался на колени матери и крепко-крепко обнимал ее за талию, сколько мог дотянуться. Он сейчас не мог вспомнить ее лица и как ребенок боялся идти в зал предков,

чтобы окончательно убедиться, что ее больше нет.

Он, спотыкаясь, бежал встречать отца, отлучившегося помочь целителям, и утыкался в его ноги. Отец брал Гейла на руки, и, прижавшись к нему, можно было почувствовать запах трав или лекарственных средств. Позднее, у учителя Рупа, Гейл не раз вспоминал, что уже слышал тот или иной запах, но поделиться этим не смел даже с Вик, и от этого еще острее ощущал свою уязвимость и беспомощность.

Он радостно называл дядюшку “Огюстом” и заливисто хохотал, когда тот, наклонившись, принимался его щекотать.

Глаза щипало от слез, и когда дядя раскрыл руки, Гейл не стал отстраняться. Нахлынуло все разом: и глупая детская обида на отца за то, что погиб, на мать за то, что отправила в деревню к Седому, на дядю, который не сумел найти, на себя за то, что не решился тогда, после известия о казни преступников, раскрыться.

“Не доверяй никому”, - напутствовала на прощание мать. Не раз говорил Седой.

Но вот он здесь — живой, невредимый. Дома. И любимый дядя и сестренка рядом, тоже живые и невредимые, и хоть прошло много лет, детская привязанность знакомо затеплилась в сердце, и Гейл в сентиментальном порыве неловко обнял дядю. Переждал, задержав дыхание, пока приступ слез не прошел.

— Как твоя связь с замком? — похлопав его по спине и отодвинувшись, спросил Огуст.

— Не знаю. — Гейл задумался. — Пока ничего особенного не чувствую. Дядя, в странствиях у меня не было свободного времени и нужных книг для изучения магии. Кор Лок согласился в краткие сроки обучить меня всему, что полагается знать магу.

— Раз вы уже все решили, что я могу на это сказать? — усмехнулся дядя. — А теперь иди отдыхать, завтра тебе предстоит много дел.

***

Дождавшись, пока Гейл уйдет, Лок вошел в коридор и приблизился к герцогу Огусту.

— Вы ничего не хотите мне сказать? — сухо спросил герцог.

Лок невинно улыбнулся.

— Я думал, вы будете счастливы узнать, что я нашел не только камень истины, но и принца, что и являлось настоящей целью ваших поисков, не так ли?

— Я счастлив, — признательно склонил голову герцог и задумчиво пригладил седые усы. — Не думал, что существует заклинание абсолютного поиска.

— По идее должно, но, боюсь, никто еще не облачил его в магическую формулу.

— Вам все же следовало сказать мне, что вы намеревались сделать, — осуждающе сказал Огуст.

Он пристально разглядывал Лока, будто пытался прочесть его мысли, и Лок на всякий случай мысленно коснулся своих ментальных щитов, проверяя. Недооценивать людей, которые воспользовались переполохом более ста лет назад и теперь правили на Юге и Севере — что могло быть глупее?

— Я мог бы подготовиться и оказать вам соответствующую помощь.

Лок покачал головой, тоже не сводя с него взгляда.

— В этом не было необходимости. Все прошло в точности, как я спланировал.

— Так как же вам удалось отыскать принца?

— В основу заклинания поиска я приложил единственную вещь, что по силе своей

превосходит какие бы то ни было клятвы, ибо само по себе является фундаментом всех клятв, — с улыбкой пояснил Лок. — Я не был уверен, что заклинание сработает, в конце концов, мы так мало знаем о возможностях Вершин и их Хранителей. Еще находясь здесь, в замке, прежде чем отправиться на поиски, я активировал заклинание поиска, погрузившись в магический поток Вершины. Вершина и Хранитель связаны Первой клятвой, это даже не личная вещь, а нечто много большее.

— Это было рискованно, — заметил Огуст. — Вы могли затеряться в столь могучей силе.

Лок задумчиво покачал головой.

— Да, но, похоже, замок понимал мои намерения — вернуть его Хранителя. Я ощутил нечто... нечто вроде поддержки, и магический поток открылся мне. Я увидел Гейлорда еще прежде, чем мы с ним действительно встретились. Я увидел место, где он тогда находился, и записал все указатели, а после проложил туда путь.

— Удивительно.

Лок согласно склонил голову.

— Что же вы попросите в награду за то, что нашли принца? — продолжал Огуст. — Уверяю вас, я сделаю все, что в моих силах.

— Что ж, я воспользуюсь вашим щедрым предложением, и, думаю, вы не откажетесь поддержать мою кандидатуру на должность члена королевского Совета.

— Вы хотите место в Совете? Здесь? — удивился Огуст.

— Да. Проблема, которую я хочу поднять на заседании, в скором времени может затронуть и Верхний мир, потому я считаю свое вмешательство в жизнь Срединного мира правомерным.

На лице Огуста мелькнуло любопытство.

— Что это за проблема, осмелюсь спросить?

— Это прозвучит невероятно, и вряд ли вы мне поверите, скорее, сочтете сумасшедшим, — невесело ответил Лок. — Я и сам смеялся над деревенщинами, которые рассказывали мне об этом, пока не столкнулся с, мм, проблемой лицом к лицу.

— Вы меня заинтриговали. Я знаком с вашими рекомендациями и опытом работы, иметь столь достойного представителя шэйеров, мудрого и могущественного народа, в составе Совета — большая честь. Считайте, что место там — вопрос формальности. С нетерпением жду вашего выступления.

Они почтительно расшаркались друг перед другом в ответных любезностях и, наконец, разошлись.

дневник Лока: о Вершинах

Я вернул Хранителя Южной Вершины в замок и в качестве награды попросил дозволения принимать участие в королевском Совете: меня все еще глубоко интересуют людские законы и обычаи, и лучше всего разобраться в них мне будет именно там, где все решается; также это позволит мне остаться непосредственно в Вершине — мне уже выделили комнату гораздо богаче той, что принадлежала мне в Верхнем мире и Цитадели Востока, я уж не говорю об Академии магов Востока, где я преподавал и познакомился с Лоис.

Поначалу я помещал заметки о Вершинах и их Хранителях в дополнительных страницах дневника “Срединного мира”, но теперь же решил отвести им отдельную тетрадь, и вот почему...

С самого детства меня интересовал Срединный мир, а также особо находящиеся там Вершины. Мой народ считает Вершины храмом, который надо защищать, потому отношение других народов к их Вершинам вызывает в нас лишь недоумение. Наш Хранитель живет в Верхнем мире и спускался в Срединный лишь раз — в день, когда получил свою силу. В его Вершине постоянно находятся доверенные слуги, следящие за чистотой и порядком, но внутри никто не живет. Попасть туда сложно, без нужных документов и личного разрешения короля — невысказано. Даже если все удастся, и ты попадешь в замок, ничего особенного в нем не обнаружишь, ибо замок служит только Хранителю и лишь ему раскрывает свои секреты. Мне невероятно повезло, я, возможно, единственный шэйер (после нашего короля, разумеется), кто может докопаться до сути Вершин. Я уже соприкоснулся однажды с ее силой, Южная Вершина разрешила мне воспользоваться ее связью с Хранителем, чтобы вернуть его ей.

Разумны ли они? Обладают ли своим мышлением или чувствами? Что есть Вершина? Какими дарами наделяет своего Хранителя? Вопросы, что не прекращают меня волновать и будоражить, поистине бесконечны — найдя ответ на один, я тут же обнаруживаю еще десяток. Мне следует набраться терпения и ступать теперь вдвое осторожно. Юный Гейл сильно обижен на меня за то, что я раскрыл его тайну, и, по правде, я не уверен, из-за чего он сердит больше — оттого ли, что ему пришлось вернуться в замок, к которому он не питает теплых чувств из-за трагического прошлого, или оттого, что юная Вик узнала обо всем этом таким способом. Боюсь представить, что он сделал бы со мной, не будь Вик столь милостива. По правде, меня очень беспокоит заключенный между ними договор. Юная Вик сильна и талантлива в обращении с оружием, но ей предстоит конкурировать со множеством отборных боевых магов. Нам с Лоис придется здорово постараться, чтобы помочь ей, но все в конечном итоге будет зависеть лишь от нее. Проведя с нею и Гейлом много дней, я практически уверен, что Гейл не посмеет нарушить слово в случае ее победы, что ж, будем на это надеяться.

Вик откинула мокрыми ладонями волосы со лба, зачесала их назад и придирчиво оглядела себя в зеркало. За прошедший месяц черты лица заострились, а под глазами выросли темные круги недосыпа. Было раннее утро, и все в женской половине общежития еще спали, но Вик было не до сна — нужно проработать контроль над артефактами.

Она состригла волосы еще короче в первый же день, как переступила порог казарм Красных Стражей и попала в самый разгар обучения новичков: начальник Красных Стражей, здоровенный хромоногий старик Хемль, не смог отказать будущему королю в личной просьбе и принял Вик в группу, несмотря на то, что она была пустой и не закончила никакую школу. После обучения новоиспеченных Красных Стражей распределяли с учетом их способностей: для тех, кто проявил себя лучше всего, проводили бои с личной Стражей королевской семьи, и если новичок побеждал старичка, то сменял его, а если нет, отправлялся в отряд запаса и при необходимости мог сменить личного Стража; других же отправляли по запросу аристократов в разные уголки Юга; разочаровавшиеся или не сумевшие пройти обучение до конца уходили в Синие или Серые Стражи, а то и вовсе подавались в Цитадели.

Вик выскользнула за дверь умывальни, бесшумно вернулась в комнату и убрала мыльные принадлежности в тумбочку у аккуратно сложенной кровати. Накинула поверх легкой рубахи безрукавку и направилась к арене, где проводились тренировки. Шагая по полупустым коридорам с изредка попадавшимися на пути зевающими слугами, она достала из поясной сумки магические артефакты, которые дал ей Лок, и книжицу с записями от руки, которую тот написал вместе с Лоис — там хранились советы по обращению с артефактами.

Магические артефакты были весьма ценны. Изготовление их занимало много времени, а в некоторых случаях сопровождалось риском для жизни. Артефакты делились на категории по уровню и способу воздействия и были занесены в специальные справочники. Одни хранились в какой-либо семье магов и передавались из поколения в поколение, другие были забраны под стекло в зале артефактов Академии магов, Цитадели или Вершины, третьи считались утерянными, четвертые переходили из рук в руки и по большей части не несли особой ценности.

Первым Вик надела амулет силы из клыка неизвестного ей существа на прочном шнурке, вторым — серебряный браслет с гравировкой бегущего оленя, придающий скорость движениям. Несколько колец с крупными камнями — их хватало на один-два удара стихийной магии, и следующие несколько часов они были бесполезны, пока снова не накапливали магию. Два кольца с голубым камнем били воздушной волной, один с зеленым — позволял поднять пласт земли и швырнуть в противника. Синий камень пускал воду, а красный, с трещиной посередине, через раз вспыхивал огнем. Наловчившись использовать их, Вик с радостью обнаружила, что можно швыряться не просто стихийной магией, но и создавать из нее нужные формы. Это требовало нешуточной концентрации и детальной картинки у себя в голове.

Добираясь до арены, где проходили тренировки, Вик вспомнила их с Локом разговор вечером того ужасного долгого дня, когда обнаружилось происхождение Гейла. Они собирали вещи, чтобы последовать в Южную Вершину, куда Гейл в сопровождении Красных

Стражей ушел первым.

— Это не считается нарушением правил? — подозрительно разглядывая разложенные на кровати артефакты и опасаясь к ним притронуться, спросила Вик.

— Это считается наделением тебя магической силой, чтобы ты могла сразиться с другими претендентами на равных, — ответил Лок. — Должен тебя предупредить: использовать артефакты — дело нелегкое. С одним еще можно легко совладать, но с двумя и больше — куда труднее, нужно много концентрации и, разумеется, практики. Если не научишься справляться с несколькими одновременно, можешь сразу сказать Гейлу, что уговор отменяется — тебе не выстоять против боевого мага, будь ты хоть трижды искусным воином. Самый минимум, который тебе нужен — артефакт силы, скорости и одно из стихийных колец для атаки.

— Но будет ли от этого вообще толк? Наверняка, у других ребят тоже куча своих артефактов. Если на экзамене нам придется биться друг с другом, мне даже измором их взять не получится.

— Не переоценивай боевых магов, — усмехнувшись, посоветовал Лок. — Конечно, они умеют использовать множество заклинаний, но лишь тремя-четырьмя владеют в совершенстве. Далее, не у всех есть артефакты, поскольку не все могут позволить себе их приобрести. Видишь ли, в чем дело, по моим наблюдениям практически все пустые при должной сноровке могут использовать любые артефакты, но среди магов мало тех, кому удастся применить найденные или купленные. Это если сделать на заказ или получить в наследство, артефакт гарантированно признает мага хозяином и будет ему подчиняться, в противном случае проявит капризный нрав. Теория о том, что артефакты обладает подобием разума, не была опровергнута, так что лучше на всякий случай не отметать ее и держать артефакты ближе к себе — стараться с ними подружиться, возможно, это повлияет на ваше сотрудничество.

***

Концентрические кольца мест для зрителей расступались ровной рябью от центра арены. Высокие стены тянулись к небу, от величины сооружения захватывало дух. Вик невольно пыталась представить, как арена выглядит сверху, особенно во время тренировок личных Стражей, когда воздух искрит от магических атак и звенит от пения скрещенного оружия.

Обычно по утрам кроме нее тренировался один, редко два боевых мага — то были новички из мужского общежития. Вот и сегодня один, высокий, светловолосый, уже бежал по кругу.

Новички ее недолюбливали, и Вик понимала их чувства: она была пустой среди магов, пришла в середине обучения, сам Хранитель Вершины замолвил за нее словечко, да так решительно, что старый Хемль не стал возражать, а оттого цеплялся к ней больше, чем к кому-либо, видать, мстил своеобразно за покоцанную гордость.

Вик усмехнулась, но быстро посерьезнела. Закрывает глаза, сосредоточилась, взывая чувствами к артефактам. Первым отозвался амулет силы, вторым — амулет скорости. С ними было проще всего. Тело наполнилось мощью и небывалой, приводящей в восторг легкостью. Казалось, сорвись она сейчас в бег, в один миг добежала бы до окраины города. Вик шевельнула пальцами. Сегодня она хотела удерживать всю тренировку это состояние и использовать кольцо водной стихии. Хорошо бы попросить какого-нибудь мага помочь... Вик не заметила, когда успела открыть глаза и уставиться на светловолосого парня.

Его звали Джул, и его старшая сестра служила королевской семье уже несколько лет, в частности принцессе Красте. Она была одной из лучших, и на Джула наверняка возлагали много ожиданий.

Заметив, что Вик смотрит, он бросил на нее короткий нечитаемый взгляд и вновь сосредоточился на своей тренировке. Его глаза были ярко голубыми, а когда он использовал магию, казалось, в их глубине вспыхивали искры.

Они закончили тренироваться, когда в арену вошли уборщики, которые готовили специально огороженные площадки для занятий магией или воинским искусством. Они всегда приходили в одно и то же время, а это значило, что до завтрака оставалось десять минут. Вик и Джул поспешили в столовую, стараясь не пересекаться взглядами. Впереди был очередной длинный день, наполненный тяжелыми, но интересными занятиями.

После завтрака их поджидала теория службы Красных Стражей от Хемля и тренировки рукопашного боя, а потом — тренировки владения оружием, и последнее — комбинированная с магией тренировка, во время которой их могли поставить в команду либо оставить поодиночке. Комбинированные тренировки Вик не любила: во время них она как никогда ощущала собственную неполноценность и понимала, что находится здесь лишь из-за покровительства будущего короля. Если во время других тренировок с ней считались и порой словно забывали о ее пустоте, то здесь на Вик смотрели неприкрыто презрительными, а то и недобрыми взглядами. В пару с ней вставали редко, один лишь смешливый тощий Битти не отказывался. Казалось, он забавлялся этим, а может ему было все равно, в чье ухо непрерывно трещать слухами и сплетнями.

После занятий новички разбредались кто куда: одни жили в столице и шли домой, другие уходили гулять или пользовались королевской библиотекой до отбоя. Вик же немного тренировалась самостоятельно и после шла искать Лоис — Лок отправился на Восток и собирался навеститься в Верхний мир, его не было здесь уже две недели. Лоис обычно можно было найти в той же библиотеке на втором этаже или в королевском саду, или в отведенных им с Локом смежных комнатах, как сегодня.

За прошедшие недели Вик почти привыкла к тому, что жила теперь на территории замка главной столицы и могла беспрепятственно разгуливать по Вершине (конечно, ее не пропускали дальше второго этажа, и многие комнаты и галереи были под запретом). Тем не менее, каждый раз, преодолевая невообразимо роскошную лестницу, чтобы добраться до библиотеки, Вик замедлялась и стыдливо, чувствуя взгляды постоянно шныряющих повсюду слуг, сдерживалась от того, чтобы не крутить головой, разглядывая творившееся в замке безумие великолепия. Перила, даже перила были украшены золотом и камнями! По роскошному мягкому красному ковру было страшно ступать недостойным пыльным сапогом! Короли и королевы прошлого и их многочисленные родственники в картинах, облаченных в золотые рамы, провожали ее презрительным взглядом и, казалось, следили за каждым движением. Но особенно впечатляла громадная хрустальная люстра, свисающая с потолка на толстых золотых цепях. Сколько же денег она стоит? Что если цепи не выдержат, и она упадет?

— Ты только погляди, кто вернулся! — пропела Лоис, едва открыла дверь и увидела Вик.

Она жестом указала на подошедшего Лока. Тот, улыбаясь, протянул руки.

— Слышал, ты делаешь успехи.

Вик фыркнула. Вложила ладони в его, от души сжала пальцы.

— Это сильно сказано.

Лоис захлопотала вокруг зоны, отведенной под кухню. Они с Локм как раз собирались ужинать, и Лоис достала из маленького шкафчика еще одну кружку и налила исходящий клубами аромата травяной напиток из чайничка, стоявшего на горячих красных камнях. Лок вернулся к корзинке, которую распаковывал. Он достал неизвестные Вик фрукты, обернутые в бумагу сыры, сладости в круглой картонной коробке...

— Вы должны это попробовать, — довольно объявил он.

Вик и Лоис переглянулись, с трудом сдерживаясь от смеха, и как можно серьезней подошли к этому важному делу.

***

Вик вкратце рассказала о своих успехах и поделилась мыслями, которые ее тревожили.

— Обучаться на Красного Стража оказалось интереснее, чем я полагала, но я понимаю, что вся эта затея глупая и бессмысленная, и это так удручает. В рукопашке и владении оружием я в числе лучших, но комбинированные с магией тренировки порой приводят меня в отчаяние, хоть я и научилась более-менее сносно управляться с артефактами.

— Ты к себе слишком строга, — сказала Лоис. — За столь короткий срок ты наловчилась использовать три артефакта за раз, это очень хороший результат.

— Если ты сможешь управиться еще с одним, боевым магам придется сильно постараться, чтобы одолеть тебя, — добавил Лок, доставая из сумы обруч для головы, украшенный по бокам небольшими металлическими крылышками

— Это же шлем Дерайны! — в потрясении воскликнула Лоис и обвиняюще посмотрела на Лока. — Ты украл его!

— Как можно? Я взял его на время.

Вик, только вставшая было с места, опустилась на стул. Ноги не держали. Шлем Дерайны — легендарной Хранительницы Восточной Вершины, которая наложила на тэйверов Первое Проклятие ценой жизни. Этого не могло быть. Ей попросту все это снится.

Глубоко убежденная в этом Вик протянула руку, чтобы хотя бы во сне потрогать шлем. Серебристый металл отозвался холодной твердью под пальцами.

— Ты должен вернуть его, — сказала тем временем Лоис. — Если кто-нибудь узнает...

Лок оскорбленно взглянул на нее.

— Неужели ты полагаешь, что я не продумал свои действия? Я подменил этот шлем на точную копию, никто даже не заподозрит, да и негоже такому мощному артефакту пылиться без дела. Что сказала бы госпожа Дерайна, узнав, как распорядились ее снаряжением?

— Но шлем могут опознать тут! Он в первой категории артефактов, о них рассказывают в Академии магов на первом же году обучения!

— Не опознают. Я наложу на них скрывающие чары, которые развеются лишь с моей смертью.

— Но эти чары каждый день будут вытягивать из тебя силы!

— Ну, я все равно в ближайшие несколько месяцев ничего эдакого не планирую, кроме как изучать королевскую библиотеку и вашу человеческую культуру, обучать юного Гейла, да убеждать королевский Совет в реальности угрозы проникновения низших тварей в

Срединный мир.

Вик слушала их вполуха. Легендарный артефакт нагрелся под пальцами, на искусственных металлических крылышках можно было разглядеть мельчайшие перышки.

— Почему шлем Дерайны называют шлемом? — вслух удивилась она. — Это же обруч.

— Изначально это был обычный шлем воина-шэйера, — начал пояснять Лок. — Дерайна славилась как искусный воин и в бою лезла в самое пекло, хотя была одной из тех, к кому могла перейти сила Хранителя, и ей следовало себя поберечь. Ее подопечный нирген, очень талантливый создатель артефактов, перековал шлем и наделил его способностью защищать носителя от чужой магии. Это было за несколько лет до того, как его народ постигла ужасная болезнь.

— Не уверена, что могу принять и использовать этот шлем, — с комом в горле сказала Вик. От происходящего ее зазнобило. — Это вещь самой Хранительницы Дерайны. Кто я такая, чтобы вот так просто взять и надеть его?

— Ты та, кто может заставить Хранителя Южной Вершины взяться за ум и исполнить свой долг, — заметил Лок. — Если все получится, ты станешь Красным Стражем, и тогда уж юному Гейлу не отвертеться.

Вик поджала губы, неуверенно взяла шлем обеими руками.

— Как он?

— Недоволен и обижен, что ты отказалась с ним видеться. — Лоис с облегчением усмехнулась. Видимо, тема со шлемом Дерайны сильно ее тревожила, и она была только рада заговорить о чем-то другом. — Ему приходится заново осваивать королевский этикет и приличествующие манеры, совершать визиты, вести себя, как подобает чудом найденному принцу.

— Вот как.

— Да. Проведала бы ты его. Он скучает по тебе.

— Этот козел поставил мне практически невыполнимое условие, — возмутилась Вик. — Я из кожи вон лезу, чтобы он сидел на троне, если увижу, боюсь, не сдержусь и врежу по его наглой королевской роже! Мне кажется, это его месть за все затрецины и пинки, которые я ему заслуженно отвешивала во время наших странствий!

— Он очень привязан к тебе и просто хочет видеть тебя рядом, — миролюбиво сказала Лоис.

— Смерти моей он хочет! — еще больше разозлилась Вик. — Его единственная задача — держать свою часть уговора, полоскать ручонки душистым мылом и вести себя, как подобает настоящему королю без дурацких капризов!

— Так ему и скажу, — фыркнула Лоис.

— Да, и добавь к этому, — Вик неловко взъерошила волосы, — чтобы передал мне немного денег. Мою стеганку надо подлатать, а в тренировочных нормально не двинуться. Многие тренируются в своем снаряжении, — добавила она и снова помрачнела. — Предположим, я каким-то чудом пройду экзамен и стану Красным Стражем, но я не смогу защищать его, как должно, с помощью одних лишь артефактов.

— Но ты делала это несколько лет, — заметил Лок.

— К тому же не одна только сила решает исход поединка, — подхватила Лоис. — Уж тебе это должно быть хорошо известно. Да Гейл и сам отличный воин. Скорее, это он будет спасать своих незадачливых личных Стражей, чем они его.

***

Следующим утром Хемль объявил о том, что экзамен пройдет за два дня до коронации. Тренировки ожесточились, каждый день по одной из дисциплин проводили настоящие испытания. С теоретической частью Вик разбиралась неожиданно легко: благодаря урокам учителя Рупа, в свое время вдолбившего в нее и Гейла необходимые на его взгляд знания, и вечерним разговорам с Локом, который был осведомлен об удивительно многих вещах. Он словно бы заранее знал, какая тема предстоит завтра и вел беседу в нужное русло. С рукопашным боем и обращением с оружием было еще проще, и вновь Вик с благодарностью вспомнила учителя Рупа, который, казалось, вымещал на них с Гейлом раздражение за вынужденное опеку и со злорадством гонял их с раннего утра делать физические упражнения да палками махать. Позже палки сменили настоящие ножи и мечи, булавы, топоры, лук и стрелы, а к упражнениям добавились чтение и письмо, частые прогулки в глубины леса на несколько дней, да вылазки в город за продуктами и учебниками. Лишь теперь, вспоминая прошлое, Вик в полной мере осознала, насколько им с Гейлом повезло попасть к учителю Рупу. По строгости и требовательности Хемль с заместителями и рядом с ним не стояли, потому она с легкостью выдерживала придирки, умела выделять среди них лишь действительно важное и работать над этим.

Товарищи по обучению и раньше смотрели на нее с презрением, теперь же, когда она с завидным успехом проходила испытания, их недовольство было практически ощутимым. С ней по-прежнему заговаривали лишь по необходимости, один только Битти вел себя, как ни в чем ни бывало, казалось, приближающийся экзамен на личного Стража ничуть его не беспокоил. Не раз Вик краем уха слышала неприятные сплетни: то ее считали любовницей принца, потому тот попросил за нее, то полагали, что она знает королевские секреты, потому ее надобно держать ближе ко двору. Конечно же, никому не могло прийти в голову, что будущий король Южной Вершины попросту грязно ее шантажировал, грозясь сбежать из замка, если она не будет под рукой в нелегкое время его правления. А на какую роль еще она могла сгодиться? Разве что в служанки при замке податься.

Вик фыркнула, чуть не рассмеялась. Ее напарник в комбинированном тренировочном бою, видимо, принял это на свой счет и перешел в яростное наступление, используя магию. Его меч словно бы вырос и сиял огнем, который мог с легкостью оцарапать кожу или доспех, если бы работал на Вик. Шлем Дерайны плотно обхватывал голову, давил ощутимой тяжестью и защищал от магии — Вик уже проверила это с Лоис, но тем не менее полагала, что не стоит лезть на рожон, рассчитывая на него.

Противник между тем использовал атаковую огненную магию. Квадратные площадки в одной части арены, на которых сражались разделенные на пары новички, были окружены магическим барьером из больших серых кристаллов. Вик успела отскочить, огненный шар с ревом врезался в едва видимое глазу магическое препятствие. Целый ворох огненных шаров устремился к ней, не подпуская ближе. Вик сосредоточилась на кольце воздуха и воздушным кулаком отразила следующую атаку. Огненный шар распустился веером, опалил жаром. Нырнув под него, Вик, пользуясь замешательством противника, в мгновение ока подобралась к нему и несколькими точными ударами выбила победу. Пытаясь отдышаться, она огляделась. Справилась одной из первых, отлично. Она протянула руку, чтобы помочь товарищу встать, но тот ее проигнорировал.

Один из помощников Хемля подошел к ним, чтобы выпустить из барьера, сам Хемль был занят тем, что разговаривал с Джулом, который также вышел из боя победителем. Джул казался недовольным собой. И чего ему нейдет? Уж ему-то с его умениями место в

Красных Стражах точно обеспечено. Насчет себя Вик не была так уверена, даже зная, что входит в пятерку лучших новичков: Хемль неприкрыто выражал недовольство этим, и Вик подспудно ожидала, что во время экзамена ей попадется такое задание, с которым будет не справиться, и это откинет ее с первых мест на последние.

Когда тренировка закончилась, Хемль собрал учеников вокруг себя.

— Сейчас будущего короля охраняют личные Стражи принцессы Красты, а ее — временная замена из запаса. Из-за коронации сроки вашего обучения пришлось сдвинуть, уже сейчас вы сдаете экзамены, — Хемль кивком указал на своих помощников, которые во время уроков наблюдали за новичками и что-то записывали в книжицы. — После турнира, в котором примут участие все Красные Стражи, вас по итогам всех дисциплин распределят по членам королевской семьи, направят аристократии, запросившей Стражу, включают в запасной отряд либо отправят домой. А теперь можете разойтись. Встретимся завтра в обычное время.

Он развернулся и ушел, сопровождаемый своими помощниками. Новички, зашевелились, загудели, возбужденно обсуждая прошедшую тренировку и грядущий турнир, разбились на небольшие группы (за столько времени, разумеется, многие успели найти себе друзей) и постепенно разошлись. Вик же медленно направилась к стене арены. Коснулась большого прямоугольного камня.

Было пасмурно, мелко накрапывал дождь, но это не веская причина отлынивать от дел: если время до завтрака было отдано тренировке с артефактами, то время до ужина — тренировке обычной. А после предстояла встреча с Локом и Лоис. Вик дернула уголками губ в ухмылке, проверила закрепы и застежки на стеганке — крепкой, но самой обычной, без украшений, как то было у многих здесь новичков, — поясе, сапогах и медленно, постепенно ускоряясь, побежала по протоптанной, усыпанной щебнем дорожке. Под доспехами было мокро от пота и затекшей дождевой воды. Стало жарко, казалось, пар вот-вот хлынет из-за ворота. Дождь усилился, воздух посвежел и бежать стало легче.

Вик сделала два круга, после, разгоряченная, подошла к стойке с оружием под навесом, взяла лук и стрелы и отправилась бить по мишеням. Ее безмерно радовала возможность спокойно тренироваться в таком огромном пространстве, с такими удобными мишенями, с таким количеством разнообразного оружия. Может, попросить Битти составить ей компанию? Все же месить оружием воздух было не так увлекательно, как противника.

Закончив с тренировкой, она вернулась в казармы. Повесила стеганку на пустующее место на стеллажах оружейной, захватила сменную одежду, полотенце и кожаный пояс для артефактов — она не расставалась с ними ни на миг. Женская половина купален пустовала, вода в небольшом бассейне, как и всегда была чистой и обжигающей. Вик погрузилась в воду до глаз, выдувая носом пузыри, и уставилась на кожаный пояс с артефактами, лежавший рядом на крупных камнях в крапинку, которыми были выложены купальни.

Конечно же, товарищи по обучению ненавидели ее за такие незаслуженные привилегии. Эти их ощутимые взгляды, умолкающие разговоры при ее приближении, дурацкие глупые сплетни... Это... это было нечестно. Они ничего не знали, не понимали, а объяснить им она ничего не могла, иначе подвела бы Гейла, который где-то здесь, в замке, проходит свое собственное обучение, в окружении слуг, Стражей, семьи... Неожиданно одиночество обрушилось на нее тяжелым комом снега, несмотря на то, что здесь, в купальнях, было жарко. Вик поджала задрожавшие губы, зажмурилась с силой и, задержав дыхание, ушла в воду с головой. Секунды тянулись вечностью, донесся звон главных часов, возвещавших о

начале ужина. Вик вынырнула, отфыркиваясь и отплевываясь. Невеселые мысли могли быть сколько угодно неприятными, но остаться без любимого ягодного пирога на ужин было бы уж слишком. Вик фыркнула и, подбирая вещи на ходу, поспешила прочь из купален.

Дневник Лока: о Красных Стражах

Красными Стражами становятся молодые люди — от двадцати до тридцати пяти, редко до сорока лет. Считается, в этом возрасте они наиболее энергичны и неутомимы на ранние подъемы и поздние отбой. Начальник Стражей Южной Вершины — Хемль Древног является своего рода исключением. Годов ему пятьдесят два, но он столь силен и могуч, что никто не осмеливается ему перечить, не то что предлагать покинуть пост. Происходит он из горных людей, потому конституция его отличается особой мощью и крепостью строения. Горные боевые маги в большинстве своем вступают в Серые Стражи, полагая, что защита границ от Диких земель важнее защиты сильнейшего мага в мире.

Мы с Лоис составили для юной Вик расписание, по которому ей следует пользоваться артефактами без вреда для здоровья. Надеюсь, она в точности следует нашим указаниям.

Юная Вик к моей радости, переходящей в восторг, отлично справляется с обучением. Уж не знаю, кем был их с Гейлом учитель, но он привил Вик необычную технику боя. Я не бывал на Западе, но видел запись воспоминаний знаменитого ученого-шэйера Рен Диена, на которого я равняюсь. Я долго не мог понять, что же напоминают мне движения Вик в моменты, когда она берется за свой меч и встает в защитную стойку. Эта стойка — одна из девяти классических форм владения оружием, принятых у касты воинов уркасов. Благодаря столь непривычным для людей позициям Вик берет верх над более высокими противниками. Ее способности удерживать равновесие поражают, как и скорость реакции в критические моменты. Вик рассказывала, что учитель Руп, решив тренировать ее всерьез, около года давал ей пить особый настой, рецепт которого так и остался ей неизвестен, думаю, в состав его входили травы, столь ценимые уркасами.

Всех претендентов называют новичками, даже если они по возрасту много старше нынешних Красных Стражей.

После неудачного экзамена снова попробовать вступить в Красные Стражи можно лишь спустя пять лет.

— Не открывай глаза и сохраняй состояние небытия.

Гейл постарался скрыть вздох за старательным глубоким дыханием. Если в первое время серьезный настрой Лока веселил, то сейчас только раздражал.

В чем вообще заключалось состояние небытия?

Учитель Руп учил концентрироваться на чем-то одном и отпускать все прочие мысли. Концентрация здорово помогала, когда Гейл терял контроль над магией, и та растекалась в стороны, в первую очередь обнажая его истинный облик. В последние годы контролировать ее стало сложнее, и Гейл понимал, что это оттого, что он достиг пика силы, едва ему минуло восемнадцать.

Половину жизни он подавлял и прятал магию, а теперь из него хотят за два месяца сделать Хранителя Южной Вершины.

Шмаков замок, чтоб его шэндеры разобрали на кирпичики! Как все было хорошо, пока их с Вик не нашел предатель-шэйер!

Гейл с ненавистью вперился в темноту закрытых глаз.

— Сегодня мы попробуем сделать совместную медитацию, — продолжал как ни в чем ни бывало Лок. — Такое обычно не практикуется среди магов Срединного мира, поскольку всегда имеется определенный риск, но у нас случай особый, да и времени до коронации почти не осталось.

Невозможность увидеть, чем там сейчас занят Лок, беспокоила. Судя по шороху, он сел напротив — наверняка, как обычно, скрестив ноги, — и Гейл чуть не дернулся от знакомого покалывания в кончиках пальцев раскрытых расслабленных рук.

Занятия с Локом начинались с раннего утра, до завтрака. Лок утверждал, что медитировать лучше всего будучи полусонным, и заявлялся в его покои еще и поздно ночью, перед сном. Но это не мешало ему проводить медитации и во время дневных занятий, как сейчас. После завтрака дядя Огуст знакомил Гейла с государственными делами. В специально выделенном для этого кабинете находился большой стол из красного мрамора. Гейл помнил, как за ним сидел дедушка, перебирая многочисленные бумаги, и при мысли, что вскоре ему придется занять это место, становилось не по себе.

На столе находился золотой ящичек, и каждое утро дектраа-ло короля помещал туда бумаги с делами, требующими королевского рассмотрения. Дектраа-ло, как узнал Гейл, означало “правое крыло” на тэйверском языке — то был главный советник короля. Деактраа-ло герцога Огуста, бывшего наместником, был лорд Жатриен, с первой встречи не понравившийся Гейлу. Надо будет разузнать о нем подробнее... Вскоре, после коронации, Гейлу предстояло выбрать своего деатраа-ло, и тот почти не сомневался, что им станет дядюшка — кому еще здесь он мог доверять?

Испытание Вик начнется со дня на день, вспомнил он, и в груди привычно тоскливо заныло.

Не для того он заключил с ней дурацкое пари, чтобы потом не видеться два месяца!

За королевскими делами следовал ланч в соседней зеленой комнате, где после теоретической части, которую читал наставник по этикету, обучали королевским манерам, репетировали встречу гостей, тренировали голосовые связки, учили танцевать нужные светские танцы...

После этих пыток начинался обед, и эта часть дня Гейлу нравилась больше всего. Компанию ему составляли Краста с мужем и гости, все прибывающие и прибывающие на грядущую коронацию. Гейл важно кивал в ответ на приветствия напыщенных лордов с модными нынче усиками и игриво улыбался их прекрасным дамам. Прекрасные дамы смущенно опускали глаза, дамы же постарше и не такие прекрасные кидали на него осуждающие взгляды и перешептывались за пышными веерами, чем только не украшенными. Один такой веер стоил на придирчивый взгляд Гейла больше, чем годовое жалование Джен из Шинры.

После обеда Гейл провожал Красту и ее детей к королевскому саду на прогулку, а сам, понутив голову, шел в библиотеку, где его уже поджидал Лок для очередных занятий. За несколько минут до того, как часы в библиотеке пробили бы четыре пополудни, Гейл спешил в Шестую башню, ибо начиналось время Малого Совета — самая унылая и скучная часть дня, и длилась она до самого вечера. После королевского ужина, в котором традиционно присутствовали члены главной королевской семьи, появлялось немного свободного времени перед сном, которое опять же было занято обучением магии.

— Юный Гейл, сосредоточься, я не чувствую тебя в Потоке.

О каком-таком Потоке он все время говорит? Почему бы ему не показать Гейлу несколько по-настоящему эффективных заклинаний? Почему бы не научить заклинанию барьера высшего уровня или каким-нибудь огненным метеоритам, о которых Гейл успел начитать перед сном в учебниках факультета боевой магии? Почему они тратят время на это бесполезное никчемное занятие?! Отсиживают ноги и задницы на полу второго этажа в закутке библиотеки?!

Гейл сцепил зубы, чтобы не сорваться, и ощутил, что ковер под ним, кажется, начинает тлеть...

— Гейл! — вскрикнул Лок.

Гейл резко открыл глаза.

Не показалось: ковер действительно загорелся. Они засуетились, вскочили и быстро затоптали занявшееся пламя.

— Да что с тобой? — расстроено и осуждающе спросил Лок.

Гейл набрал побольше воздуха в легкие и, стараясь не повышать голос, процедил свое недовольство. Лок хмуро уставился на него и с терпением в голосе ответил:

— Прежде чем возводить стены, нужно убедиться в прочности фундамента. Ты не знаком с основами, точнее твои знания весьма обрывочны и избирательны. Ты зачастую действуешь на интуиции, но полагаться на нее лишь нельзя. Магия — сложный, многоуровневый предмет. Сейчас наша задача — пройти основы, и уже отталкиваясь от этого изучать более сложные заклинания.

— Но ты сам сказал, что я идеально использовал заклинание высшего уровня — абсолютный свет, когда вытаскивал нас с Вик из тех поганых болот! Почему бы не научить меня еще парочке?

— Тогда тебе просто повезло, — сухо отозвался Лок. — Сила Хранителя переходит через многие поколения, претерпевая преобразования во время перехода от одного к другому, возможно, моя теория о преемственности знаний однажды обретет доказательную основу...

— Можно попроще? — закатив глаза, раздраженно перебил Гейл.

— Конечно. Я думал над твоим так называемым “везением”, возможно, сила Хранителя

обладает неким разумом и перенимает опыт предыдущих Хранителей, потому в критические моменты ты под влиянием эмоций можешь творить то, что даже не знаешь, как объяснить. Но это всего лишь мои догадки. Сейчас твоя главная задача научиться мгновенно использовать магию и контролировать ее на заклинаниях, для начала хотя бы на простейших. — Лок выразительно посмотрел вниз. — Мы еще ничего не сделали, а ты уже успел подпалить ковер. Что же будет, когда ты решишь сотворить настоящее заклинание? Может, мне лучше обнести библиотеку защитным барьером от огня? Или лучше будем заниматься в изоляционной комнате?

Гейл поджал губы.

— Как я уже сказал, нельзя полагаться на одно лишь везение, — продолжал Лок. — Представь что, мм, ты решил стать лучшим фехтовальщиком, но до этого всю жизнь занимался лишь бумажными работами. В твоём теле нет силы, ловкости, быстроты, да и откуда бы им взяться? Ты даже меч в руках держаться не сможешь, поскольку не хватит физических сил...

— Я понял, понял, — перебил его Гейл и уселся на прежнее место, стараясь не обращать внимания на несчастный ковер. — Давай продолжим.

— И почитай на досуге книги, который я тебе рекомендовал, а не про высшую боевую магию, — добавил Лок.

Гейл скривился, но кивнул.

Был ли от этого толк? Что такого он должен чувствовать? Какую-то связь с замком, Поток или что? Боги, как все было просто, когда они с Вик просто странствовали по миру!

***

После очередных занятий измученный Гейл и отвратительно довольный и чем-то взволнованный Лок поспешили в Шестую башню, где вот-вот должен был начаться Малый Совет. В коридорах они столкнулись со взбудораженной и недовольной Крастой.

— Не понимаю, почему я должна присутствовать на Советах теперь, когда ты вернулся, — пожаловалась она Гейлу после раскланиваний с шэйером. Кажется, соблюдение человеческих традиций нравилось Локу не меньше, чем соблюдение этикета за столом. — До этого, понятное дело, вероятным следующим наследником силы стал бы кто-то из моих детей, и до его совершеннолетия мне пришлось бы вести королевские дела, но теперь-то ты здесь, и после твоей женитьбы силу наверняка унаследует твой ребенок.

Гейл поперхнулся воздухом. Лок, шедший строго на два шага позади, фыркнул.

— Хемль решил устроить последнее испытание нашим Стражам сегодня, — как ни в чем ни бывало продолжала Краста. Она схватила Гейла за локоть и повела к Шестой башне по другому коридору. — Из-за дурацкого Совета мне придется это пропустить!

— Последнее испытание сегодня? — растерялся Гейл.

— Ну да. — Краста кивнула. — Хемль хочет составить новые отряды из старичков и новичков, и знаешь что?

— Что? — ватным голосом спросил Гейл.

Уже сегодня они с Вик должны будут, наконец, встретиться, но почему-то от этой мысли он ощутил слабость в коленях, и сердце быстро-быстро заколотилось, подступая к горлу.

— Среди новичков будет младший братец Джелии Билд, — с гордостью сказала сестра.

“Кто это? — кисло подумал Гейл. — И почему ты, замужняя дама с двумя детьми, так этим взволнована?”

— Ах, как было бы чудесно, если бы он тоже стал Красным Стражем! — продолжала Краста.

Она первой протянула ему руку там, на площади, она сопровождала его по замку в первые дни, стараясь не дать ему почувствовать себя неловким и неуклюжим. Она сама была далека от грациозности, но это ничуть ее не смущало, и потому она была особенно очаровательна. Частенько, когда они оставались наедине или в компании Лока она заводила темы, далекие от высокопарных речей, принятых в свете, делилась с Гейлом своими переживаниями или недовольством, или очередными проказами детей, и Гейл в последнее время часто ловил себя на том, что и ему хочется поделиться с ней своими приключениями. Лока же Краста по-видимому не воспринимала частью любимшего сплетничать королевского двора, и он частенько становился свидетелем их разговоров.

— Это было бы так мило! Джелия рассказывала мне о нем, они очень привязаны друг к другу, ты ведь знаешь Джелию?

Гейл отрицательно покачал головой.

— Она — одна из лучших Красных Стражей, — с осуждением сказала Краста, — и не раз тебя охраняла. Тебе следовало бы получше приглядеться к людям, которые тебя окружают.

Гейл закатил глаза. Он не собирался задерживаться в этом замке, и уж точно — забивать голову лишней информацией. Уже сегодня Вик проиграет и не попадет в личную Стражу. Он отчаянно на это надеялся и немного стыдился — сложно было представить сильную и сообразительную Вик проигравшей. Еще сложнее и даже нелепо было представить свою дальнейшую жизнь в замке. Локу же без доказательств или покровительства короля ни за что не убедить Малый Совет в существовании низших тварей. И он, и Вик просто разочаруются в этой глупой затее, Вик поймет, что здесь она ни ко двору, ни к месту, и уйдет вместе с ним из замка.

Но что если она решит остаться?..

Что ж, похоже их пути разойдутся. Рано или поздно это должно было случиться. Но Гейл намеревался приложить все свое красноречие, чтобы переубедить ее.

Гейл со вздохом поправил удушающий бархатный платочек, заткнутый за верхнюю пуговичку. Отвратительно рыжие с золотыми прядями волосы были как приклеенные, гладко зачесанные назад, из-за чего лицо теперь казалось вытянутым, как у лошади. Красная туника с рукавами в три четверти доходила до колен, обтягивающие светлые штаны сковывали движения, как и тугий жесткий жилет, усыпанный камнями. Еще хуже дела обстояли с сапогами — они были по-модному узкие и сильно сдавливали пальцы. В библиотеке, занимаясь с Локом, Гейл позволял себе много вольностей — и платочек шмаков убрать, и жилет с сапогами снять, но здесь, где сотни глаз следили за каждым его движением, приходилось застегиваться на все пуговицы. Каждое утро, видя себя в зеркале, Гейл ужасался, как в первый раз, не в силах привыкнуть к новому облику. Ох, не так он воображал свое королевское величие и вседозволенность...

Тем временем Краста вдруг замедлилась. На ее лице расцвела неудержимая улыбка. Совершенно несолидно, не как подобает принцессе и матери двух детей, она, высоко подхватив платье, помчалась к ближайшему окну. Гейл переглянулся с Локом, и они поспешили за ней.

Лоджия, по которой они шли к Шестой башне, выходила на арену. Отсюда было видно, как внизу обряженные в королевские цвета Красные Стражи шли к главной арене.

— Ха! — невольно вскрикнул Гейл, указывая рукой на последние ряды, которые были одеты в обычную экипировку. — Смотри, Краста! Новички!

— Где? — Поднявшись на цыпочки, Краста тоже их увидела. Ее щеки покраснелись, улыбка так и сияла. — А где твоя подруга? Кроме нее еще есть девушки среди претендентов?

Гейл сглотнул, не смог ответить. Вик находилась в конце строя. Он узнал ее сразу по простой стеганке: без герба, без шипов и украшений, даже без шлема — вместо него ее голову украшал какой-то невзрачный обруч.

— Ох, нам пора, — опомнилась Краста. — Идемте, негоже заставлять членов Совета ждать.

Гейл кивнул и отвернулся от окна.

***

Зал Совета находился в одной из башен Южной Вершины — почему ее прозвали Шестой и с какой башни надо было считать, Гейл так и понял, — и добираться туда нужно было по винтовой лестнице. Зал был огромен, находился аккурат под крышей, и на первый взгляд казалось, что состоит из одних лишь несущих колонн да кристаллов. Гейл ни разу не видел, чтобы шэйер Лок влетал в окно, но подозревал, что именно для таких целей здесь отсутствовали стены, в конце концов, прежде Вершина принадлежала тэйверам.

Множество кристаллов мягко светились у основания колон, у двух отсутствующих стен, на громоздких золотых люстрах. Невысокий невзрачный слуга, который постоянно находился здесь, при необходимости зачаровывал голубоватые кристаллы, чтобы те освещали зал, когда становилось темно, и сероватые — чтобы те образовали невидимый барьер на месте отсутствующих стен для защиты от непогоды.

Прочие стены были украшены гобеленами и трофеями, заставлены шкафами с книгами и свитками, стеклянными хранилищами с артефактами, впрочем, Гейл не был так в этом уверен, но чем еще могли быть эти обычные на первый взгляд вещи? В углу напротив неприметной двери располагался небольшой стол, заставленный многоэтажными тарелочками с пирожными и стеклянными графинами. В центре зала располагался круглый стол, и часть Малого Совета уже расселась по местам и негромко о чем-то переговаривалась.

Лок с речью о низших тварях должен был выступать последним. Если Вик не сумеет выполнить свою часть уговора, выступать не будет смысла: Гейл знал, что Лок уже пытался привить свои мысли важным шишкам при дворе, и что его даже слушать не стали и сочли глупцом. Если Вик проиграет, он не собирался вступаться за Лока.

Гейл сел на свое место во главе стола, по левую руку его устроилась Краста, по правую — дядя Огуст. Остальных стариков Гейл не знал и не старался запомнить. Какой в этом смысл, если править он не собирался? Только голову ерундой забивать да время тратить. Конечно, отсутствия Хемля он не мог не заметить — его кресло за столом Совета занял заместитель, который в скором времени должен был возглавить Красных Стражей, — да и вместо Верховного мага сидел какой-то другой старик.

Гейл снова коснулся тщательно уложенных волос. Отвратительно морковно-рыжих волос с золотыми прядями. Он таращился на карту Юга, расписанную прямо на столе, и мысленно отмечал места, где они с Вик побывали. Закончив на Южной Вершине, он

медленно перевел взгляд на Лока. Тот с раздражающим спокойствием раскладывал свои книжки и бумажки в каком-то определенном порядке. Казалось, он совершенно не сомневался в победе Вик. Гейл с усмешкой наблюдал за ним, за членами Совета, которые все бубнили что-то о коронации да многозначительно поглядывали на него, будто ему интересно было вникать в новости о приезде высоких гостей и о том, в какой очередности их приветствовать. Разве у Совета нет дел поважнее, чем обсуждать очередной повод для веселья и торжеств?

Тут боковая неприметная дверь еле слышно открылась, и в зал Совета проскользнула Лоис. Она была непривычно растрепанной, а лицо ее было бледным и нечитаемым. Не обратив ни малейшего внимания на Гейла и других членов Совета, она подошла к Локу и что-то тихо проговорила ему на ухо. Лок спокойно кивнул. Лоис, все так же не глядя ни на кого, ушла.

Гейл тщетно всматривался в непроницаемое лицо Лока и терялся в догадках, извелся весь — судя по всему, Лок собирался выступить со своим докладом о тварях, это значит, Вик справилась? И теперь будет охранять Гейла? И теперь ему придется остаться в замке, править целым королевством, взять ответственность за благополучие всей страны...

Гейл в ужасе откинулся на спинку кресла.

Он, конечно, знал, что Вик отличный воин, но ведь не настолько, чтобы одолеть опытных воинов-магов, в конце концов, она же пустая!

Тем временем Лок встал, оглядел всех присутствующих внимательным взглядом, по-птичьему склонив голову набок, и заговорил.

Первостепенной задачей магов является обучение контролю и базовым знаниям магических законов. Чем выше запас магии, тем труднее его контролировать, тем сильнее может быть отдача.

Наиболее точный, можно сказать, природный контроль над магией — у магов-пауков, а также у Создателей, которые, вдобавок, обладают поразительным чутьем (незаменимое качество в работе над экспериментами, малейшая ошибка в которых может привести к необратимым последствиям). В отличие от Золотых (о которых я поведаю позже) маги-пауки разбрелись по всему миру и не объединены под одним Домом. Также у пауков и Создателей необычайно велик магический запас и, что примечательно — слабое здоровье (физическое либо умственное, а то и оба аспекта).

Всем прочим магам приходится проводить много часов за медитациями — на данный момент это единственный способ научиться контролировать свою магическую энергию. Поскольку наша, шэйеров, жизнь более продолжительна, мы раскрываем новые ступени в медитациях и достигаем определенных в этом высот. Благодаря своим знаниям и умениям, я могу помочь юному Гейлу поскорее освоить столь необходимые ему навыки.

Для удобства обучения я разделил наши уроки на следующие пункты:

- 1) медитации;
- 2) изучение языка богов и заклинаний;

Должен заметить, что элементарным знаниям языка богов обучают во всех школах: в день благословения ребенку дают его имя на языке богов (пишут на амулете, который ребенок носит до семи лет, чтобы к нему не пристали духи-пакостники). Также в древние времена на язык богов откликались домашние животные, по легенде Наездники — это одержимые какими-либо богами люди, которые подчиняли волю животных благодаря знаниям, ныне забытым.

3) изучение магических формул, как правило то формулы защиты, нападения, исцеления. Последнее в случае юного Гейла необязательно — он весьма в этом хорош и без заклинаний, поскольку его магия в виде волны чистой энергии воздействует на организм необходимым целебным способом. Это дает мне новые темы для размышлений о способностях Хранителей Вершин, поскольку не верится мне, что подобных умений мог достичь такой юнец, причем интуитивно, не имея ни малейшего понятия, что и как это делает.

Джул едва сдерживал гнев, когда увидел, кого выставили сразиться против сестры.

— Тише, парень, ты свой бой выиграл, — заметив это, сказал Хемль.

Они стояли за невысокой оградой и наблюдали за сражением оставшихся претендентов. Арена была разбита защитным магическим барьером на двенадцать отсеков. В каждом сражалась пара воинов-магов, и лишь в одном — пустая боролась против Джелии Билд, одной из четырех лучших Красных Стражей. Никто не сомневался, кто победит в этой битве. Никто даже не ставил на пустышку. Разве что...

Джул покосился на невысокую светловолосую девушку в зеленом плаще. Та взволнованно подалась вперед, едва не вываливаясь из-за ограды.

— Давай, Вик! — вопила она, воздев сжатую в кулачок руку к небу. — Ты можешь!

Джул фыркнул, подумав, подошел к Кейзу, Врамблу и Мимозе, близким друзьям Джелии, которые свое испытание уже прошли и статус личной Стражи в очередной раз подтвердили. Они все были много старше, работали вместе больше пяти лет, и к Джулу относились так, будто он был их общим младшим братишкой.

— С Джелией хотел сразиться я, — не скрывая досады, сообщил он.

— Ты за собой место в личной гвардии короля уже закрепил, — сказал широкоплечий Кейз. — Какая разница?

— Она обещала, что сразится со мной по-настоящему, если я пройду отбор на Красных Стражей, даже собиралась договориться с Хемлем об этом поединке, но, видимо, передумала. Она не принимает меня всерьез? По-прежнему считает, что меня нужно ото всего оберегать? — Джул стиснул прутья невысокой ограды, с тоской разглядывая арену.

Он мечтал попасть сюда с тех пор, как сестра, торжествуя улыбаясь, показала им с дядей свои новые красные доспехи. Быть Красным Стражем — сильнейшим боевым магом, перед которым открыты двери аж в самой Вершине, которому члены королевской семьи доверяют свои жизни — что могло быть почетнее?

— Она всегда будет считать, что тебя нужно оберегать, таков удел всех младшеньких. — Кейз ухмыльнулся и потрепал его по голове.

— Но почему против нее выставили эту девушку? — отмахнувшись от него, недоуменно спросил Джул.

Он оперся рукой об ограду, пристально изучая стремительные сильные движения сестры и не менее стремительные движения пустой, которая пока лишь только защищалась, да уворачивалась.

Он не раз невольно обращал на нее внимание на занятиях и особенно — во время пред-рассветных тренировок, на которые никто кроме них, да порой Битти Ангусты, не заявлялся. Каждое утро, заставляя себя подняться и идти на арену, он ожидал, что уж сегодня она не придет — сдастся, поняв тщетность своих намерений, но она продолжала приходить. Она владела несколькими артефактами и старательно училась их использовать. Джул подозревал, что она получила их от своего друга — Кор Лока, странствующего шэйера, который вернул им Хранителя, а также знал, что та девушка, пришедшая сегодня поддержать пустую, была его ученицей. Что уж говорить, у пустышки были влиятельные покровители, чего стоит один Хранитель Южной Вершины. Кто знает, какие сюрпризы она еще приготовила?

— Видишь судей? — Кейз тем временем кивнул в сторону одиннадцати старцев, которые расположились на верхних ярусах арены и с начала боев, кажется, даже не шевельнулись. — Один из них — Верховный маг Цитадели, прогуливает Малый Совет, как папаша-Хемль, чтобы присутствовать на нашем экзамене. Еще четверо — маги-хранители городов внутреннего кольца. Должен бы присутствовать и Хранитель Вершины, но от него сейчас толку мало. Слышал, он со своей силой не может совладать, и тот шэйер, Кор Лок, обучает его контролю. Остальные шесть сами в прошлом были Красными Стражами. На последнем испытании эти старики оценивают не только мастерство претендента — как он управляется с оружием и магией, как быстро приспосабливается к противнику... — но и нашу пригодность для дальнейшей службы. Даже если по результатам предыдущих экзаменов претендент занял первые места, это, итоговое, испытание может и вовсе отослать его прочь. Неважно, победил он в этом бою или нет, важно, как он распорядился своим оружием, телом и разумом, насколько быстро это сделал и приноровился к своему противнику. В отличие от вас мы, ваши экзаменаторы, с самого начала знали о вас все. Ваши привычки, манеру боя, предпочтения в использовании магии... Ты, Джул, один из немногих, кто одолел своего противника, а это вместе с отличными результатами других дисциплин позволяет тебе вступить в личные Стражи королевской семьи.

В этот момент выставленный блок пустой не сработал. Она растерялась, но успела перекатиться по земле, прежде чем ее настиг бы тяжелый удар зазубренным мечом Джелии. Наблюдая за ней, как и за другими претендентами во время тренировок, Джул подсчитал, что артефакты она могла использовать два-три раза. Джелия тоже должна была это знать и могла спровоцировать пустую, чтобы поскорее опустошить артефакты, но, судя по всему, не желала этим пользоваться. Казалось, она по-настоящему вовлеклась в сражение с девчонкой и получала от этого удовольствие. Ей приходилось быть очень внимательной — пустая была верткой и быстрой, умела обращаться с несколькими артефактами одновременно и сейчас неожиданно перешла в наступление.

Сосредоточенная Джелия на миг отступила, методично отражая ее выпады. В воздухе разлился неуловимый запах свежести, будто надвигалась гроза — Джелия собиралась завершить бой коронным заклинанием. Джул с гордостью и воодушевлением приготовился смотреть, хотя решение сестры его раздосадовало — она снисходила до «дыхания молнии», лишь когда принимала противника всерьез и в знак уважения заканчивала бой одним ударом. Его невозможно было отразить, от него невозможно было увернуться.

— Берегись! — закричала светловолосая девушка в зеленом плаще.

Но пустая вместо того, чтобы уклониться, наоборот рванула вперед. Джелия, чуть отступив, шептала свое несокрушимое заклятие. Джул усмехнулся. Девчонке ни за что не сбежать, даже если она догадается попытаться. «Дыхание молнии» настигнет ее, прежде чем... Он невольно прикрыл глаза рукой — «дыхание молнии» сверкнуло слепящим светом, отголосок его прокатился по земле. Джул ощутил ее дрожь подошвами сапог и услышал недоверчивый голос Кейза:

— Этого не может быть.

Джул, прищурившись, взгляделся между пальцами в происходящее на арене и от изумления шумно выдохнул: пустая умудрилась ударить Джелию и остаться невредимой.

— Что это за магия? — пробормотал Врамбл.

Джелия качнулась, но устояла на ногах. Пустая дрожала и странно было, что она еще не свалилась замертво: ее дешевая стеганка, заменявшая доспехи, обуглилась, кольца-

артефакты почернели, но налобный обруч остался нетронутым, как и сама практически невредимая пустая. Джелия удивленно уставилась на нее, недоверчиво потрогала треснувший в груди доспех, куда пришелся удар пустой. Не будь этих доспехов, ее тяжело ранило бы или даже убило. Джелия побелела, но не от страха — от ярости. Джул невольно поежился. Джелия гордилась и дорожила доспехами, которые достались ей от отца. Это была семейная реликвия, передававшаяся из поколения в поколение. Незадолго до смерти отец самолично попросил перековать доспехи для Джелии, и, насколько знал Джул, ни отец, ни дед в своих многочисленных сражениях не доводили доспехи до такого... состояния.

Джелия набросилась на пустую, не сдерживая своей мощи. Чистая магия вливалась в зазубренный меч, делая его больше, острее. Девчонка пятилась, отступала, уворачивалась. Меч то и дело задевал стенки магического барьера, и там и тут появлялись в нем прорехи, которые не могли затянуться. Взбешенная не на шутку Джелия наносила один удар за другим зазубренным мечом, также полученным в наследство. Он был зачарован прорубать все, даже артефакты прочностью вплоть до второго уровня. Оружие пустой не выдержало такого натиска, переломилось, и Джелия, ни на миг не замедляясь, пронзила противницу прямо в грудь, опрокидывая ее на землю. Так дети пришивают иглой бабочку.

— Стойте! — закричала светловолосая девушка, в отчаянии кидаясь то к одному Стражу, то к другому. — Остановите бой! Она же убьет ее!

Видя тщетность своих попыток воззвать к зрителям, она перелезла через ограду и опроретью кинулась прямо туда, и лишь тогда Хемль скомандовал, обращаясь к Мимозе:

— Достаточно. Остановите их.

Едва дождавшись этого, друзья Джелии перемахнули через ограду следом за светловолосой и поспешили к изрезанному исчезающему барьеру. Джул проводил их взглядом. Скрестив руки и произнеся заклинание зоркости, он смотрел на перекошенное от ярости лицо Джелии, видел, как она пыталась вонзить сияющий от магии меч глубже в грудь поверженной пустой, но, приглядевшись получше, понял, что так лишь казалось со стороны. На самом деле меч даже не оцарапал девчонку — крови не было, а Джелия теперь уже пыталась убрать меч, но не могла — девчонка, вцепившись обеими руками, удерживала его, что было сил. Затем неожиданным ловким движением ног повалила Джелию на землю.

Пораженный Джул, проигнорировав строгий оклик Хемля, тоже перепрыгнул через ограду и поспешил туда.

Джелия вскочила первой, выхватив из сапог маленький кинжал. Пустая едва успела приподняться, отстраняя от себя все еще громоздкий из-за магии зазубренный меч, как Джелия опустила на нее занесенный кинжал. Пустая увернулась, перекатившись по земле. Кинжал вонзился в песок, где мгновением ранее находилась ее голова, и через секунду — нацелился на пустую, но та успела перехватить руку Джелии. Джелия двумя ударами дезориентировала противницу, но та не сдавалась и пыталась лягнуть в ответ и перекатиться. Джелия придавила ее своим весом, сосредоточенно направляя кинжал вниз — видимо, вконец обезумела и хотела проткнуть девчонке голову, когда на нее сзади набросилась та светловолосая девушка. Пустая тут же воспользовалась неожиданной подмогой: заломив запястье Джелии, отобрала кинжал, одновременно сбрасывая ее с себя. В тот же миг Джелия легко, как пушинку, отбросила вскрикнувшую девушку. Подоспевший Кейз едва успел смягчить собой ее падение. Врамб и Мимоза налетели на Джелию с двух сторон, удерживая, но она рвалась завершить поединок и выглядела, мягко говоря, немного не в себе. Джул, внутренне дрожа от ее гнева, пусть тот и был направлен не на него, не

раздумывая встал перед ней, загораживая собой пустую так, чтобы Джелия ее не видела.

— Остынь, сестра, — негромко и твердо сказал он, глядя в ее полные бешенства глаза.

Довести Джелию до такого еще надо было суметь. Но она должна была понимать, что если убьет новичка в этом глупом соревновании, это ляжет дурной тенью на ее репутацию.

«К шмаку доспехи, Джелия, — думал Джул, стараясь передать взглядом своим мысли. — Возьми себя в руки!»

Затуманенные глаза Джелии прояснились. Она перестала вырываться, лишь раздраженно дернула плечами, и Врамбл с Мимозой ее отпустили. Она хмуро обратилась к своей противнице:

— Эй, ты, верни кинжал.

Джул облегченно вздохнул и повернулся к пустой. Запыхавшаяся, растрепанная, не менее раздраженная, она метнула кинжал в Джелию, не сводя яростных глаз почему-то с Джула, будто это он был во всем виноват. Кинжал пронесся совсем рядом с лицом Джула. Джул распахнул глаза от неожиданности. На лице пустой на миг проступило виноватое выражение, но она быстро отвела взгляд и отвернулась.

Тем временем Хемль объявил о завершении боя. Победила Джелия, но не так Джул представлял ее победу. Мимоза, склонившийся к уху Джелии, что-то тихо ей говорил, но она, казалось, не слышала. Она досадовала и злилась, но Джул знал, что уже на себя — за то, что недооценила противницу и позволила себе сорваться. Все случилось так глупо и быстро, что ставило теперь репутацию Джелии под сомнение.

Джул хмуро посмотрел на пустую.

Он знал, что с ней стоило быть осторожней. Джелия тоже должна было это знать. Точнее, тоже знала бы, если бы видела эту пустую на тренировках.

Почему она так стремилась получить должность Красного Стража? Разве ее покровитель, будущий король, а по слухам и любовник, не мог предложить ей любую другую роль при дворе — более безопасную и не менее достойную? Или осыпать ее золотом и драгоценностями? С ее внешностью и упорством чего стоило бы освоить какую-нибудь другую профессию, начать новую жизнь?

— Эй, э... — “пустая” — хотел он машинально к ней обратиться, как привычно уже называли ее в группе, но это было бы слишком грубо. Он замялся, пытаясь вспомнить ее имя и одновременно лихорадочно думая, как бы ловко обойти это препятствие, но оно вдруг всплыло в памяти, и Джул, с облегчением закончил: — Вик, да?

Пустая, Вик, настороженно кивнула. Джул нахмурился еще больше, но подошел к ней ближе, чтобы остальные не могли услышать их разговор. Вик вопросительно уставилась на него. Она была чуть ниже него. Худощавая, словно состояла из одних только мышц и жил, с сильными руками — Джул видел ее далеко не хрупкие запястья и огрубелые пальцы. Она коротко постриглась, когда только присоединилась к претендентам в Красные Стражи, но сейчас ее темные волосы отросли и она подвязала их часть на макушке, забрав передние пряди со лба. У нее были четкие черты лица, красивые полные губы, упрямый нос и вызов в карих глазах.

— Скажу прямо, — без обиняков приступил Джул. — Никому здесь не нравится, что пустой вроде тебя пытается пробиться в Красные Стражи.

— Если бы я всегда поступала так, как от меня ждут, не дотянула бы и до одиннадцати лет, — хмыкнув, отозвалась Вик.

— Ты не понимаешь, — терпеливо попытался объяснить ей Джул. — Тебе, видимо,

кажется, как это здорово — быть Красным Стражем. Или ты думаешь, что чем-то изменишь устоявшееся положение дел, а оно таково, что пустому среди магов ловить нечего. Что ты будешь делать в настоящем сражении, когда боевой маг нападет на тебя, — он кивнул на ее обугленные артефакты, — если даже здесь, на экзамене, лишилась доброй части своего оружия? И ладно бы речь шла только о твоей жизни, но ведь ты не сможешь защитить королевскую семью. Другой, более талантливый воин, мог бы занять это место, но его займешь ты — из-за своего тщеславия, эгоизма, гордыни!

Он не заметил, что не на шутку завелся и подошел к пустой вплотную, но та лишь задрала подбородок и тонким от гнева голосом процедила:

— Ты вправду так думаешь?

Джул растерялся, чуть отступил, хмуро разглядывая ее полное ярости лицо.

— Я не знаю, что мне и думать, — признался он. — Игра не стоит крыла фах-неха, как ни погляди, но ты вцепилась в эту должность так, будто от этого зависит судьба мира, не меньше. Как еще прикажешь мне все это воспринимать?

Вик поджала дрогнувшие губы, будто хотела что-то сказать, но в последний момент передумала. Отвела взгляд, отвернулась и поспешила к подруге.

— Вы точно в порядке, госпожа? — спрашивал ту улыбающийся Кейз.

Он все еще придерживал ее и единственный здесь был доволен произошедшим.

— Вполне, — отвечала девушка. — Я вам очень признательна за то, что смягчили мой полет, и буду еще больше благодарна, как только ваши руки уберутся с моей талии.

Кое-как отделавшись от Кейза, она поспешила к Вик.

— Уходим, — скомандовал тем временем Мимоза, завидев подбежавших помощников Хемля.

Они принесли новые серые кристаллы для магического барьера в этом отсеке, за ними неспешно шли два других претендента в Красные Стражи.

— Джелия, ты как? — с беспокойством спросил Джул.

— Отвали, — хмуро посоветовала Джелия, разглядывая свой кинжал, который пустая ей вернула. Джул вспомнил, что не слышал, как Джелия его перехватила, скорее всего, остановила потоком магии.

Немного обиженный ее грубостью, он специально отстал. Плечом к плечу с ней шагал невозмутимый Мимоза, за ним — радостный сверх меры Кейз рассказывал что-то заинтригованному Врамблу. Светловолосая тем временем достала из сумки, скрытой под плащом, бинт и принялась заматывать царапину на руке Вик, одновременно ведя ее к выходу из арены.

— Тебя не ранило? — спросила Вик. — Я видела, как она тебя швырнула, ты в порядке?

— Помолчи, тебе сильно досталось.

— Лоис, мне нужно знать, что ты в порядке.

— Ну, а ты как думаешь? — Лоис улыбнулась. — Не я же тут еле иду и истекаю кровью.

— Ох, эта пустяковая царапина не стоит внимания, и кое-кто здесь идет еще медленней, вот уж кому точно сильно досталось, — со смешком сказала Вик и бросила на Джула невольный взгляд, но, увидев, что он идет совсем близко и смотрит на нее, быстро отвела глаза и ярко покраснела.

Джул отстал еще немного, чтобы не смущать ее, и, замыкая нехитрый строй, старался не слушать их с Лоис разговор, но обрывки фраз все равно доносились до него. Кажется, они обсуждали детские страшилки про низших тварей. Надо же, какие занятные у девушек могут

быть увлечения...

Джелия, Мимоза и Врамбл покинули арену, следом направились и Вик с Лоис, а Кейз остался с Джулом досматривать бои.

— Здорово же она взбесилась, — усмехнулся Кейз.

Он по большей части любовался прояснившимся небом, чем действительно наблюдал за боями, и отвлекал Джула болтовней.

— Нечасто ее такой увидишь, обычно серьезная, уравновешенная.

— Да, она такая — заводится медленно, но поди потом, заставь уgomониться. — Джул фыркнул, не удержавшись.

— Она даже на мои шутки так не реагирует, — пожаловался Кейз. — Хотя видят боги, бесить я умею. Кто эта Вик? — вдруг, помолчав, спросил он.

Джул тотчас понял, почему Кейз остался здесь, а не ушел с остальными. Да, действительно, с каких это пор друзья сестры стали бы относиться к нему, как к равному, а не как к младшему брату? Это начинало несколько раздражать.

— Она ведь тренировалась всего два месяца среди новичков, да и присоединилась к вам в середине обучения. До этого несколько лет странствовала по миру вместе с принцем Гейлордом и знать не знала, кто он такой на самом деле. Также у нее нет денег на нормальные доспехи, но когда принц Гейлорд отправил ей кругленькую сумму, она взяла лишь несколько монет, а остальное отправила обратно.

— Кажется, тебе известно о ней больше, чем мне, — отозвался Джул. — О чем еще поведаешь?

— Много разных слухов ходит, наслушался же я... Не знаю, чему верить, но девушка она занятная. Понять, правда, не могу, как она уцелела после «дыхания молнии», да еще и от зачарованного меча Джелии не получила ни пореза. Если верить записям, в числе ее артефактов не водится ни одного выше второй категории. Быть может, она пассивный маг и владеет врожденным даром, скажем, «абсолютного щита»?

— Таким даром не владеет никто, — убежденно отрезал Джул. — Это сказки. Даже заклятие «камня жизни» не абсолютно. Точнее абсолютно, но риск остаться навечно в камне слишком велик.

— Ну, так выясни это, — вкрадчиво сказал Кейз.

— Что? — не понял Джул.

— Не “что”, а “как”, - со снисходительным терпением в голосе поправил Кейз и возвел глаза к небу. Джул давно уже не злился на его манеру общаться — привык, а в последнее время даже с интересом ожидал, что нового он выдаст. — Неужели мне всему надо тебя учить? Ты точно никогда не вырастешь из должности младшего братца. Вы с этой девчонкой два месяца тренировались в одной группе, неужели ты не замечал, что она довольно хорошенькая, когда перестает хмуриться и начинает улыбаться? Подойди к ней, включи свое обаяние или что там у тебя? Она клюнет. — Кейз тем не менее окинул его сомнительным взглядом. — Хотя...

— Что не так? — вздохнув, поддержал игру Джул.

— Ну... — Кейз почесал голову, с прищуром еще раз оглядел его сверху вниз и с притворным огорчением вынес вердикт: — Мелковат. Мы с Врамблом так старались, порошок роста тебе в вино подсыпали, а все без толку.

— Я не пью вина, которые наливают не в мой кубок и, видят боги, не зря так делаю.

— Ой, с этим можно поспорить. Так, к чему я веду? Узнай у этой девушки, что она

скрывает. Какой силой на самом деле обладает и почему так рвется в Красные Стражи. Может, слухи правдивы, и она любовница будущего короля? Или ей заплатили за его смерть?

— Но они же столько лет странствовали вместе, неужели не было более подходящего момента?

— Ну, знаешь, как говорят, никогда не бывает бывших наемников. Продажные твари и добавить нечего. Мы — личная охрана короля и ответственны за его благополучие. Нам следует всегда быть начеку, чтобы предотвратить возможные неприятные последствия.

Джул закатил глаза.

Впрочем, излишняя предосторожность здесь действительно не повредит.

— Я разужнаю все, что смогу, — пообещал он и отвернулся, собираясь уходить.

— Эй, мальщ, — окликнул его Кейз.

Джул возмущенно обернулся. Кейз вытянул свою большую ручищу, сжал ее в кулак, добродушно усмехнулся.

— Добро пожаловать в команду. Наконец-то ты с нами.

Джул с трудом удержался от широкой улыбки и как можно сдержанней перестукнулся с ним кулаком.

***

Лок говорил о низших тварях, временами сверяясь с записями. Гейл пристально смотрел на него, пытаясь понять, справилась Вик или нет? Лок за время речи ни разу не ответил на его взгляд, понять что-либо было трудно, но когда он закончил и, все так же не глядя на Гейла, вернулся на место, тот со все возрастающим ликованием понял, что Вик провалилась.

Члены Совета, ожидавшие, что шэйер поднимет более важные, насущные проблемы, тем не менее перебить его не осмелились и выслушали до конца, а сразу после герцог Огуст, исполняющий обязанности дектраа-ло, объявил о перерыве в полчаса.

Бросая на Лока недоуменные взгляды, члены Совета степенно направились кто к столику с едой, кто к стеллажам с книгами, кто к двери — выйти из башни. Лок медленно собирал свои заметки, стараясь не подавать виду, что разочарован, но чего он ожидал? Что члены Совета с радостью согласятся с его речами и немедленно начнут действовать? Или что Гейл вставит слово о появлении низших тварей, тем самым давая понять, что поддерживает его?

Гейл хмыкнул и направился к выходу в неизменном сопровождении двух Красных Стражей. Во время заседания Совета их сменила другая пара, как и охрану Красты и Огуста — на экзамене проверяли не только новичков, но и старичков, — но Гейл все равно не знал их по именам, и уж тем более не собирался спрашивать, как прошли. Возмнят еще, что он проявляет к ним благосклонность...

Он уже шел по парадному вестибюлю, намереваясь добраться до арены, найти Хемля, но тот шагал как раз навстречу и, приблизившись до трех шагов, поклонился с насмешливой угодливостью.

— Выше Величество, не желаете познакомиться с обновленным составом вашей личной охраны?

— Очень даже желаю, как раз поэтому вас и ищу, — расшаркался в ответ Гейл с не

менее насмешливой угодливостью и последовал за ним через хрустальную галерею в зал аудиенции.

Оживленный гомон немедленно утих, едва Стражи заметили Гейла. Они тут же встали в строй, разбившись на небольшие группы по четверо. Большая часть их была в красных доспехах, и Гейл увидел знакомые лица — то были старички, уже служившие в Красных Стражах. Часть новичков была облачена в тренировочные доспехи, часть — в свои. Конечно же, Вик среди них не было, и Гейл в очередной раз ощутил, как волной облегчения скатывается с плеч возложенный груз ответственности.

Отлично. Дело за малым: осталось лишь взять необходимые вещи, которые могут пригодиться (включая некоторые учебники из королевской библиотеки), побольше золотых монет, подобрать подходящий момент и улизнуть. Но прежде — постараться убедить Вик бросить напрасную затею.

Гейл шагнул, заложив руки за спину, и кивал в ответ на речь Хемля, кивал непроницаемым лицам Красных Стражей, кивал своим мечтательным мыслям.

Хемль остановился у последней группы, вернее, первой, если считать от королевского кресла, возвышавшегося на постаменте, к которому вели золотые ступеньки.

— Этим четверых вы, должно быть, уже знаете. Мимоза, Желия, Врамбл и Кей: несколько лет были Стражами принцессы Красты, и после вашего возвращения охраняли и вас. Сегодня они подтвердили пригодность к службе и по решению судей переходят в вашу личную охрану. Поскольку вы не просто член королевской семьи, но и Хранитель Южной Вершины, по закону охранять вас должны шесть Стражей. Двое новичков особенно отличились во всех дисциплинах и блестяще встретили последнее испытание. Было решено, что в качестве награды им позволят вступить в личную охрану короля.

Гейл снисходительно взглянул на этих двух молодых людей, возрастом едва ли старше него. Один светловолосый, широкоплечий, был чем-то похож на единственную девушку в этой команде, и Гейл почти уцепился за некую мысль, которая вдруг всколыхнулась, но взгляд упал на второго новичка, и мысль исчезла в ворохе изумления — второй Красный Страж выглядел столь щедушным, что Гейл засомневался, уж не спутали ли его с кем-то?

— С этого дня они становятся вашими постоянными спутниками, — продолжал Хемль. — В пределах замка вас будут сопровождать двое, за пределами — трое, смена каждые четыре, восемь или двенадцать часов — расписание остается на их усмотрение, но вы, конечно же, всегда можете оставить последнее слово за собой в случае необходимости.

— Отлично, мне сразу стало спокойно, — почти не скрывая сарказма, сказал Гейл и обратился к Хемлю. — Мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз.

— Конечно.

Они отошли в сторонку, чтобы их не слышали, и Хемль коротко ответил на вопрос Гейла, не дожидаясь, пока тот его озвучит:

— Она в двенадцатом отряде. — Весь вид Хемля говорил о недовольстве, он даже позволил себе скрестить руки, но Гейл уставился на него так, что он, помедлив, все же встал, как полагалось, и добавил: — Она хорошо себя проявила, но на последнем экзамене сплеховала.

Они с Вик не виделись два месяца. Гейл сглотнул. Сердце громко колотилось, странно еще, что Хемль ничего не слышал.

Он знал от Лока и Лоис, как сильно Вик старалась все это время и как ей было нелегко — одной среди заносчивых магов. Должно быть, она сильно разочарована и расстроена,

оставшись ни с чем. Гейл почти ощутил неприятное чувство вины из-за того, что предложил заведомо проигрышный, нечестный спор, и легкий страх — от того, насколько близко Вик подошла к своей цели. От победы в их уговоре ее отделял лишь крошечный шаг, и Гейл, глядя сейчас на Хемля, не мог быть точно уверен, не приложил ли тот руку к тому, чтобы не допустить ее в личные Стражи.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал он. — Но она сможет перейти в личные Стражи, если хорошо проявит себя в запасе?

Хемль уставился на него с тем же видом, с каким члены Совета смотрели на Лока во время его речи.

— Скажу вот что, — с нажимом процедил он, — я не могу позволить пустому защищать члена королевской семьи. Я с самого начала вам говорил, что это глупая и никчемная затея, которая ни к чему хорошему не приведет!

— Вик защищала меня добрую половину моей жизни, — невольно повысив голос, раздраженно сказал Гейл. — Уж кого-кого, а ее неопытной по этой части уж точно нельзя назвать.

— Послушайте, мой принц, решение принято не просто так. Трудолюбия в ней и умений хоть отбавляй, соглашусь, но не от одного этого зависит работа на столь ответственной позиции. Она — не маг, и даже множество ее артефактов этого не изменит. Более того, часть их была уничтожена в сражении на последнем испытании, вы подумайте, что с ней будет, если она столкнется с серьезным противником в реальном бою. Да, в правилах не написано, что Стражами могут быть лишь маги, но давайте трезво посмотрим на вещи — пустые никогда не сравнятся с нами. Скажите, мой принц, — Хемль шагнул ближе, — зачем вы так упорствуете? Если вы действительно хотите отблагодарить эту девушку за то, что она защищала вас несколько лет, не разумней ли просто одарить ее всем, что она пожелает, и не подвергать ее ненужным опасностям?

«Именно этого она и желает», — мрачно подумал Гейл, вслух же холодно сказал:

— Это не ваше дело.

— Не мое дело, — покорно кивнул на диво терпеливый Хемль. — Тем не менее, вы — будущий король и в первую очередь должны думать о безопасности Вершины и членов королевской семьи. Что толку иметь при себе Стража, которого придется самому спасать?

Гейл смолчал.

— Мой вам совет, — продолжал Хемль, — наградите ее за помощь вам, и пусть отправится дальше своим путем. Так будет лучше для всех. Ей ведь самой не по душе жизнь здесь: она так ни с кем и не сошлась, все время одна, да в стороне. Нельзя приручить низшую тварь точно так же, как привить деревенщине манеры.

— Вон.

— Что?

— Убирайтесь вон, — процедил Гейл.

— Как пожелаете.

Хемль с нарочитой почтительностью откланялся и вернулся к своим подопечным. Трясаясь от гнева, Гейл поспешил в свои покои, наплевав на Совет — присутствие там было лишь формальностью, все равно дядя разбирался в королевских вопросах лучше. Лишь в своей комнате, оставив назойливую охрану за дверью, он смог, наконец, стиснуть кулаки и вмазать пару раз по воздуху, перестав сдерживаться. На коже лица проступили яркие черные вены, и снова, увидев это в зеркале, Гейл вздрогнул, опомнился. Зарылся пальцами в

ненавистные морковные волосы, с силой потянул и устался себе под ноги, на разукрашенный разноцветными нитями ковер. Успокоившись, медленно приблизился к окну и с тоской устался в пурпурное небо, позолоченное на горизонте опустившимся солнцем.

В ближайшее время вряд ли удастся сбежать незамеченным — за ним следили похлеще, чем за убийцами в рудниках. Надо выждать, пока все здесь не расслабят, но и слишком тянуть не следует: Гейл переживал, что начинает слишком привыкать к мягкой постели, вкусной еде, подобострастному обращению, даже к треклятым бархатным платочкам...

Гейл горестно вздохнул. Все это не имеет ровным счетом никакого значения, если его подозрения окажутся реальны, а настоящие враги нанесут новый удар, и в этот раз не промахнутся.

Надо поговорить с Вик, может удастся убедить ее уйти с ним? Все же без его поддержки их с Локом глупый план ничем не обернется.

Но что если предложить Вик поддержку их с Локом идеи в обмен на то, чтобы она ушла с ним?

Гейл усмехнулся, чувствуя, что настроение улучшается.

Придется, конечно, задержаться здесь подольше, до тех пор, пока Совет не обеспокоится проблемой достаточно сильно, чтобы потом действовать без понукания короля, но если Вик согласится, что ж, можно будет и рискнуть.

дневник Лока: о странных выражениях, которые используют люди

“Игра не стоит крыла фах-неха” — идиома, означающая, что человек, который над чем-то упорно трудится, не получит в результате ожидаемого. Фах-нехи — это крошечные существа, которых часто путают с фехами (также люди часто называют их феями, видимо, путают произношение общего языка со своим человеческим). Считается, что крылья фехов обладают магическими свойствами (бездоказательно, ибо последнего феха видели в пятисотых годах прошлой эпохи), крылья же фах-нехов ничем эдаким не обладают, но ходят сказания о дураках, которые, спутав фах-неха с фехом, тратили множество времени, сил и денег на то, чтобы устроить ловушку и поймать фах-неха. Все их усилия уходили впустую.

Также это может означать, что человек, который над чем-то упорно трудится, не хочет даже подумать о тщетности своих трудов, и он также не получит в результате ничего.

В королевскую оранжерею пропускали лишь тех, у кого было на это специально разрешение, да членов королевской семьи. Вик пришлось прождать несколько минут, пока не пришел Лок, прежде чем она смогла вместе с ним переступить за маленькую калитку в углу, предназначенную для слуг — парадные ворота были закрыты.

Лоис, с которой связался Гейл и велел рассказать Вик и Локу о времени и месте встречи, пришла раньше всех и успела найти себе занятие: она сидела на корточках, колдовала воду и играла с жадно тянущимися к ее руке отростком, похожим на клешню. Рядом на табличке был нарисован запрет поливать это растение.

Вик вздохнула, сжимая и разжимая пальцы в кулак и разглядывая их. Гейл опаздывал. Вик и Лок уселись на низкую скамейку под невысоким, но толстым деревом, привезенным из Севера.

Оранжерея была разделена на несколько отделов, и в каждом искусственно, с помощью зачарованных магических кристаллов удерживалась нужная влажность и температура. К примеру, здесь было ощутимо прохладно, не так сильно, как в дальнем углу, где виднелся снег, но достаточно, чтобы по телу пробежали неприятные мурашки. Названия этого толстого дерева, как и многих других растений, Вик не знала — все они были привезены из других стран и могли расти лишь здесь, где климат совпадал с тем, откуда они происходили. В любой другой день возможность посетить королевскую оранжерею привела бы Вик в восторг, но сегодня она чувствовала себя слишком разбитой, чтобы иметь силы чему-то удивляться и что-то рассматривать. Больше всего сейчас ей хотелось нырнуть под одеяло и проспать до утра, может, даже устроить выходной и не идти на пред-рассветную тренировку.

Вик покосилась на Лока. Она чувствовала себя виноватой за то, что перед Советом ему пришлось испытать унижение отказа на первом же выступлении. Сильно ли он был разочарован в ней? Вдобавок некоторые артефакты были повреждены ужасным заклинанием Джелии Билд и покрылись черным нагаром, который с трудом удалось почистить.

Лоис заметила Гейла первым. Она быстро поднялась, отряхнула руки и широко улыбнулась.

— Ваше Величество, мы здесь!

Она помахала рукой, чтобы привлечь его внимание, и Вик замерла, слушая приближавшиеся из-за спины шаги. Гейл обошел дерево, перешагнув через маленький куст с желтыми цветочками и, отвратительно довольный, отвесил Лоис галантный поклон в ответ на ее реверанс. Красные Стражи остановились неподалеку, и Вик с неловкостью узнала в них Джелию и Мимозу,

— Прекрасно выглядишь, Лоис, — сказал Гейл. — Рад видеть тебя. И вас тоже, — добавил он, с притворным изумлением обернувшись, словно только что заметил Вик и Лока.

В его взгляде лучилось неприкрытое самодовольство. Он широко открыто улыбался. Красивая одежда с преобладающими королевскими цветами — красным и золотым — сидела на нем как влитая. От него пахло какими-то душистыми цветами, его походка изменилась — стала грациозной и легкой, спину он держал идеально прямой, а плечи — идеально развернутыми. Смотреть на него было ну очень уж непривычно, по большей части из-за рыжих с золотом волос — все же Вик привыкла видеть его покрашенным в черный. Волосы были зачесаны назад и не прятали уши и аристократичные черты лица. Что ж, хоть

кому-то прошедшие два месяца пошли на пользу.

Вик выдавила кислую улыбку. В присутствии этого, нового Гейла, рядом с Лоис, которая делала идеальные реверансы, рядом с Локом, который и вовсе теперь входил в королевский Совет, стало отчего-то совсем уж стыдно и неловко.

Гейл тем временем сделал знак рукой, и Красные Стражи отступили подальше.

— Что ж, помнится, мы уговорились кое о чем, — торжествующим голосом напомнил он, уставившись на Вик. — Ты не прошла отбор в личные Стражи.

Вик скривилась и скрестила руки. Гейл слегка прищурился, уставившись на нее, и предсказуемо не выдержал первым:

— Чем теперь займешься?

— Останусь в двенадцатом отряде, конечно же.

Гейл нахмурился, дурацкая довольная улыбка слетела с его лица.

— Я надеялся, что ты передумаешь, и мы двинемся в путь вместе.

— Я говорила, что хочу остаться здесь и сделать все, что в моих силах, чтобы донести до этих магов весь ужас нашего положения, — каменным голосом сказала Вик.

Наверное, не стоило с ним так сурово, учитывая что они два месяца не виделись, но, роган его задери, он ведь уже должен был понять, что она не отступит!

— Может, первая попытка и провалилась, — продолжала она, — но мы должны попытаться снова. От этого зависит слишком многое, и чем больше проходит времени, тем сильнее я в этом убеждаюсь.

Вик посмотрела на Лока, который с потерянным видом повернул к ней голову.

— Юная Вик, ты как всегда права, — мягко улыбнувшись, сказал он и ободряюще кивнул. — Мы попытаемся еще раз, а если не получится — то снова и снова, пока не добьемся того, чтобы маги занялись низшими тварями.

— Но это же попросту глупо! — Гейл негодуя всплеснул руками. — Низшие твари не представляют особой угрозы, с ними могут справиться даже пустые!

— Это пока, — перебила Вик. — Если с ними не разобраться, скоро появятся низшие твари гораздо крупнее, которые смогут жить в Срединном мире гораздо дольше, и однажды их будет не остановить. Ладно бы низшие твари, но если в Срединный мир вернуться тэйверы...

— Боги, хватит сочинять сказки и самой в них верить!

— Это не сказки, — возразил Лок. — Я бывал во многих местах, разговаривал со многими людьми, собирал множество сплетен, и не раз до меня доходили слухи о тэйвере-полукровке, пережившем Первое Проклятие. Дескать, он хочет снять его со своего народа. Возвращаясь с последнего путешествия сюда, я снова столкнулся с этими слухами, но в этот раз, зная, что низшие твари вправду появились в Срединном мире, я задумался — уж не правда ли это? Уж не он ли был причастен к беспорядкам, случившимся на Западе? Если это так, то становится понятно, почему твари могут теперь проникать в Срединный мир — Западная Вершина была разрушена шесть лет назад и до сих пор находится в руинах.

Вик удивленно посмотрела на него.

— Почему же Хранитель не восстановит замок?

Лок покачал головой.

— Это мне неизвестно.

— Это всего лишь слухи, — скучающим тоном сказал Гейл, скептически переводя взгляд с него на Вик. — Тэйвер-полукровка, подумать только! Все полукровки — страшные

монстры, их убивают сразу после рождения, чтобы сами не мучились и других не мучили.

— Хранительница Хейла была полукровкой, — не преминула заметить Вик. — Хочешь сказать, она была страшным монстром?

— Как ты смеешь говорить такое о моей пра-прабабке? — возмутился Гейл. — Это была исключительная женщина!

— Так что же мешало появиться на свет исключительному мужчине?

— Думаю, этот полукровка сможет многое прояснить, если нам удастся поймать его. При условии, что он существует, конечно, — задумчиво изрек Лок. — После бегства Гейла у меня появится больше свободного времени, так что, я смогу отправиться на его поиски.

— Да, а мы с Лоис поищем информацию о тэйверах и полукровках, — поддержала Вик.

— Хорошо бы кому-нибудь отправиться на Запад. — Взгляд Лока выразительно остановился на Лоис. — Разузнать, что там. Слухи сильно разнятся. Одни утверждают, что королевский род прерван, другие — что власть захватили аристократы, а королевская семья бежала... Но факт в том, что Западную Вершину необходимо восстановить как можно скорее.

— Вижу, вы прекрасно можете справиться и без меня, — звенящим от гнева голосом сказал Гейл.

Вик удивленно посмотрела на него.

Почему он так задет? Разве он не должен радоваться за них и за себя?

— С тобой, конечно, было бы еще лучше, — миролюбиво сказала она и усмехнулась. Со вздохом поднялась со скамьи и подошла к Гейлу. — Я уже представляла себе твое правление, и что я иду следом в почетных красных доспехах, с элитным оружием. Как ты изрекаешь мудрые речи, а какой-нибудь идиот кидается на тебя с ножом, но каждый раз, когда я пыталась вообразить, будто бы смело спасаю тебя, в моей голове ты сам одним движением справлялся с противником даже без магии. Скажи, я глупая, да? — Она тоскливо посмотрела на Гейла.

— Я не хочу здесь оставаться, — совсем тихо, не сводя с нее глаз, почти умоляюще сказал он. — И не хочу, чтобы здесь оставалась ты. Давай уйдем, Вик, пожалуйста.

— Я уже все решила. Я остаюсь здесь. С тобой или без.

Она жестко посмотрела на него. На лице Гейла проступило знакомое с детства выражение растерянности и обиды, аж губы задрожали.

— Вот и прекрасно, — звенящим от близких слез голосом сказал Гейл. — Просто отлично, ну и оставайся, ничего у тебя не выйдет, ты просто зря потратишь время. Лок промыл тебе мозги. Он манипулирует тобой, даже артефактов не пожалел, без них ты никто. Земля прав — в бою против мага тебе не выжить. Ты сама себе копаешь могилу, оставаясь в этом гадюшнике, где все смеются над тобой и разносят грязные сплетни, а ты действительно глупая, глупая дура! — выпалил он и стремительно побежал прочь.

Вик проводила его растерянным взглядом. Глаза щипало от несправедливости и обиды, и неужели Гейл вправду так думал?.. Она зажмурилась, потерла лицо, шумно втягивая носом воздух.

— Простите за это... эту сцену, — пробормотала она, поворачиваясь к Локу и Лоис, но не успела открыть глаза, как ощутила крепкое объятие.

Это ошеломило ее, застигло врасплох, как неожиданный удар. Будь это действительно ударом или встретить ее Лоис и Лок равнодушными лицами, она справилась бы со слезами, но теперь они хлынули по щекам. Вик шмыгнула носом и, не в силах больше сдерживаться,

заплакала, вжимаясь носом в плечо Лоис.

Два месяца она из кожи вон лезла — и все впустую. Так может, Гейл прав и ей лучше отступить?..

“Если бы я всегда поступала так, как от меня ждут, не дотянула бы и до одиннадцати лет”, - вспомнились собственные слова, сказанные Джулу.

Интересно, знал бы он правду, как бы отреагировал?..

Раздался шорох расправленных крыльев, накрывших их с Лоис. Лок заговорил:

— Все хорошо, юная Вик. Не принимай его слова близко к сердцу, он очень расстроен...

— Будто это дает ему право так себя вести! — гневно перебила Лоис.

Вик фыркнула сквозь слезы.

— Надеюсь, он извинится перед своим побегом, — продолжала кипятиться Лоис.

— Это вряд ли. — Окончательно успокоившись, Вик отстранилась, смущенно утирая лицо. — Единственное извинение, которое я приму, будет заключаться в том, что он останется здесь. Думаю, он об этом догадывается.

— Не знаю, восхищен ли я твоим упрямством или нахожусь от него в ужасе, — покачав головой, сказал Лок. — Что ж, мои юные друзья, нам предстоит много дел. Но прежде мы хорошенько отдохнем следующие несколько дней — все равно из-за коронации не дадут спокойно работать.

***

У выхода из оранжереи Гейл заставил себя замедлить шаг и выправить тяжелое дыхание. Слезы душили, руки тряслись, он практически чувствовал, как на лице вздувались черные вены. Он слышал, как за ним следовала личная охрана, и их постоянное присутствие злило, как никогда. Чеканя шаги и громко дыша в такт им, Гейл пересек парадный вестибюль, поднялся по лестнице на третий этаж, старательно не обращая ни на кого внимания, поспешил в свою временную комнату. После коронации Краста с семейством собиралась переселиться в другой замок и освободить бывшие комнаты родителей для Гейла и его будущей жены. Надо намекнуть ей, что можно не торопиться.

Гейл оглядел рассеянным взглядом комнату, пытаясь вспомнить, куда дели камень истины, разоблачивший его секрет.

Шмаков Лок. Все проблемы были из-за него.

Шестая башня и артефакты под стеклянным куполом. Наверняка камешек там. Или в зале артефактов на втором этаже рядом с библиотекой. В конце концов, он уже послезавтра станет королем и может приказать принести ему этот артефакт под благовидным предлогом, и ему не посмеют отказать. На блюдечке принесут, еще и расшаркаются в поклонах и реверансах. Лицемерные ублюдки.

Глупая Вик. Выражение ее лица, когда он выговаривал ей напоследок...

Гейл обхватил голову руками и резко сел на корточки. Зажмурившись, так крепко сдавил уши, что голова, казалось, лишь чудом не лопнула. Резко открыл глаза.

Нужно сосредоточиться на побеге. Выбрать несколько самых полезных книг, приготовить неброскую одежду, присмотреть хорошее оружие, не забыть амулет скрытия, столько лет выручавший его, в конце концов, написать сестре и дяде объяснительное письмо — может, они поймут и не будут устраивать поиски?..

Гейл посидел так, старательно думая о том, что еще предстояло сделать, и лишь успокоившись, охая и ахая на отекающие ноги, осторожно поднялся и поковылял к кровати, снимая и разбрасывая одежду прямо на пол.

Вик за это отвесила бы ему парочку здоровых пинков или как следует надрала уши.

Гейл помрачнел, но заставил себя ухмыльнуться. Больше никаких пинков и жестокого обращения с ушами. Отлично.

дневник Лока: о Вершинах

По словам юной Вик первые твари стали появляться пять-шесть лет назад. Одна невеселая мысль пришла мне в голову — падение Западной Вершины случилось тоже шесть лет назад, и по дошедшим до меня слухам, там до сих пор царит полная неразбериха. Неизвестно, что с королевской семьей, но совершенно точно известно, что замок так и не был отстроен и до сих пор лежит в руинах.

Падение одной Вершины оказало влияние на Поток магии в пространстве, пока это не сильно заметно, даже в Верхнем мире на это не обращают внимания — такое случается, когда одна из Вершин выходит из строя, но чем больше проходит времени... И где носит, спрашивается, Хранителя Западной Вершины? Невозможно поверить, чтобы королевский род был полностью истреблен. Уркасы, как и все разумные существа, бывают безмерно болтливы, но те, кого я встретил в своих странствиях, не могут ничего толком рассказать. Слова их разнятся, многие из них подумывают о том, чтобы покинуть Запад навсегда и найти дом в другой стороне. Нужно наведаться туда, как только улягутся проблемы на Юге, но судя по решительному настрою юного Гейла, это случится не скоро...

День коронации только начинался, а Гейл уже чувствовал себя вымотанным, как после двух сражений подряд.

Сначала с самого утра его поджидала засада в лице слуг, подряженных облачить будущего короля в подобающий случаю торжественный наряд. После — быстрый завтрак, за которым дядя, отвратительно бодрый и энергичный, перечислил намеченные на сегодня дела. В сопровождении слуг и членов Малого и Большого Совета, Гейл спустился к парадному входу, где его уже поджидала украшенная цветами карета, кажется, сплошь состоявшая из золота и красного бархата.

Взбудораженный народ был всюду, нестерпимый галдеж стоял на забитых улицах, Синие Стражи высились неумолимым строем, сохраняя достаточно широкое пространство для кареты. Кучер едва управлялся с четверкой беспокойных лошадей. Нахохлившийся в глубине кареты Гейл подозревал, что лошади шарахались по большей части из-за него.

— Брат, — тихо позвала Краста, сидевшая рядом, взволнованно сжимая пышное красное платье на коленях.

Гейл резко посмотрел на нее.

— Выгляни в окно и поприветствуй своих подданных, — так же тихо посоветовала она.

Гейл сжал челюсти так, что заходили желваки. Краста не сводила с него упрямых глаз.

— Вспомни, мы же не раз это репетировали. — Она ободряюще сжала его руку. — Все скоро закончится, наберись сил и терпения.

Гейл дернул уголками губ. Ему не хотелось обижать Красту, потому он не сказал ни слова, подозревая, что иначе вывалит на нее гору грубостей — как уже сорвался на Вик.

Гейл вздрогнул и, чтобы напрочь отбить о ней мысли, решительно высунулся из окна и энергично помахал, улыбаясь так широко, что заболел рот. Толпа восторженно заорала. Кто-то протягивал цветы, пытаясь перелезть через невозмутимых Синих Стражей. Краста, смеясь, дернула Гейла за одежду, и тот, довольный собой, уселся на место, но всю дорогу до главной площади улыбался и махал рукой.

На главной площади, украшенной до неузнаваемости, первосвященник, заведующий храмом богов, водрузил, наконец, Гейлу на голову корону, сопровождая это многочисленными и многозначительными словами о чести, долге, ответственности, предках, славе, будущем... Гейл стоял на коленях на специально сооруженном для этого дня постаменте и терпеливо выдерживал взгляды тысяч глаз.

Солнце стояло в зените, пот катился градом под несколькими слоями парадной одежды, и Гейл жалел, что не догадался снять хотя бы штаны — все равно под двумя платьями (нижним белым и верхним красным) их не должно быть видно, разве что, когда по ступенькам поднимался, но кого оскорбляют волосатые королевские ноги? Напротив, будет повод что обсуждать. Поверх красного платья была накинута длинная черная безрукавка с рубинами, которая не застегивалась; через оба плеча были перекинута широкие ленты — золотая и красная. По модному ныне длинные рукава прятали мокрые от пота сжатые кулаки. Гейл буквально чувствовал, как один за другим начинают завиваться от духоты и пота напомаженные волосы, и не сразу сообразил, что речь первосвященника закончилась. Он медленно поднялся и повернулся к своим подданным.

Главная площадь была заполнена людьми. Они безмолвно глазели на него. На миг город

словно накрыл непроницаемый купол тишины. Гейл слышал ровное биение своего сердца. Открыл рот и произнес заранее заготовленную речь.

***

После почетного круга вокруг главной площади и площади основателя Южной Вершины, Гейл со своей процессией вернулся в замок и по расписанию отправился в аудиенц-зал, где отсидел задницу на неудобном кресле, чувствуя себя деревянным болванчиком, благосклонно кивая и кивая знатным гостям. Длинные торжественные речи, присяги на верность, горы подарков, взволнованные голоса, кто-то даже прослезился... Все силы уходило на то, чтобы держать лицо, выдавать заготовленные реплики и ни в коем случае не заснуть. Благо Лок, находившийся по левую руку, заметил его состояние и, улучив минутку, предложил ему пузырек с бодрящим зельем. Они держались на официально-почтительном расстоянии, будто вовсе не было того последнего ужасного разговора, его ссоры с Вик.

Мелькали лица, богатые одеяния вереницей пестроперых птиц, слуги в парадных ливреях, одинаковых, как рубашки игральных карт, выразительная речь подуставшего, но воодушевленного глашатая... Гейл неволей восторженно, увидев, что у одного из пары очередных гостей были золотые волосы.

“Ронден и Мирсиэла”, - успел вспомнить он провозглашенные имена. Из Дома Золотых, откуда происходил отец. Они прибыли из Севера, где процветал их род, и привезли подарки — в том числе от тамошнего короля, Хранителя Северной Вершины. Златовласой была Мирсиэла, приходившаяся ему далекой сестрой. Она была светлокожа, с голубыми глазами, муж ее был высок, темноволос и очень загорел, будто проводил слишком много времени на улице.

После началась обеденная трапеза. Гейл с трудом заставил себя поесть. Голова уже шла кругом, начало подташнивать от великосветских пустых разговоров. Лишь раз он невольно рассмеялся по-настоящему — когда аккуратные как куколочки близнецы Красты, важно сидевшие неподалеку, вдруг раскричались из-за куска торта и начали швыряться друг в друга едой, попадая и в важных гостей. Краста пришла в ужас и, слившись по цвету со своим красным платьем, голосом, близким к обморочному, велела увести детей. Те немедленно разревелись, а ошеломленный Гейл вспомнил вдруг, что, шмак побери, он на собственной коронации. Это его праздник! Он же собирался расслабиться и так насладиться вниманием и торжеством, чтоб хватило на всю оставшуюся вольную жизнь! Головная боль исчезла, и к завершению обеда настроение улучшилось. Гейл с нетерпением уже ждал дальнейших мероприятий.

После обеда новоиспеченный король с торжественной процессией вышел из парадного входа в верхний двор, также набитый людьми. Он, повеселев и окончательно придя в себя, улыбался и заученно вертел ладонью в приветственном жесте.

Они неспешно добрались до арены и заняли королевское ложе на верхнем ярусе, откуда открывался замечательный вид. В детстве Гейл частенько бывал здесь, нетерпеливо сидел на коленях отца и жадно слушал его замечания о боях Красных Стражей, а порой с восторгом смотрел на его тренировку внизу за высоченной деревянной оградой. Хемль Древног, приставленный следить за ним, еще не был тогда начальником Красных Стражей, но уже

проявлял командирские замашки и не стеснялся рывкать на непоседливого королевского отпрыска. Дедушка тогда еще был жив, и все ожидали, что сила Хранителя после его смерти перейдет к дяде Огусту.

“Глупая сила, — подумал Гейл, покосившись на дядю, который помогал рассестся гостям, приглашенным разделить королевскую ложу. — Вот кому ты должна была достаться. От тебя мне одни лишь беды”.

На низком столике теснились прохладительные напитки, фрукты, сладости, и Гейл, чтобы занять руки, насыпал в чашку немного орешков. Внизу, на арене, выступали ойле-локо-дан. Они устроили представление в тот роковой день, когда предатель-Лок обнажил секрет Гейла перед целой толпой, и после того ошеломительного открытия, разумеется, никуда не уехали, хотя Гейл знал, что они задерживались где-либо максимум на месяц. Они были любимцами публики на массовых праздниках, выступали обычно в крупных городах и, конечно же, не могли упустить столь знаменательное событие аж в столице Юга, а если бы и собрали крупицы скромности и покинули Ренджендар, как намеревались, Гейл был уверен, что за ними отправили бы посыльных с приглашением выступить на празднике в честь коронации.

Тем временем все уселись в определенной последовательности: в центре восседал Гейл, по обе стороны от него устроились члены его семьи и какие-то лорды, чья благосклонность играла важную политическую роль. Гейл помнил, что должен быть вежливым с этими лордами, и надеялся, что не придется обращаться к ним по имени — он не был уверен, запомнил ли хоть кого-то, кроме семейки Золотых из Севера.

Внизу бушевала и редела толпа, некоторые, особо ретивые, пытались пролезть на арену к танцующим и поющим ойле-локо-дан.

“Бедняги Синие Стражи, много же у них сегодня забот”, - ухмыляясь, подумал Гейл, с интересом разглядывая нижние ярусы.

Служанки обносили устроившихся гостей блюдами с угощением, разливали дорогие напитки. От них веяло приятным свежим ароматом, все были красавицы как на подбор. Гейл мечтательно разглядывал их стройные фигуры, облаченные в легкие шелковые одеяния, длинные волосы, убранные в толстые косы и разукрашенные золотыми бусинами, и невольно прислушивался к разговору сестры с сидевшим возле нее господином. Господин держал в руке разрисованную плотную карточку и говорил, внимательно ее разглядывая:

— Эти ойле-локо-дан довольно хороши, было бы неплохо увидеть их в городах у границ.

— Вы же знаете этих прохвостов, — с легкой улыбкой отозвалась Краста. — Они всегда там, где могут больше заработать.

— Оно и верно, — подтвердил господин. — И все же не совсем справедливо по отношению к тем, кто делает огромную работу по сохранению мира в странах. Значит, следующими должны выступить стихийные маги? — перевел он разговор. — Стихийные маги такая редкость... Ваш муж, если не ошибаюсь, считается одним из лучших огненных магов?

— Это верно, — с гордостью ответила Краста.

— Увидим ли мы сегодня на арене его способности?

— Боюсь, это будет неуместно. — Краста нахмурилась и неуверенно обернулась посмотреть на мужа, который в галерке неподалеку обсуждал что-то с другими лордами.

— Также считается, — продолжал господин, — что лучшие и сильнейшие маги — это Хранители Вершин.

Краста неловко бросила быстрый взгляд по сторонам, но ее безмолвный призыв о помощи остался никем незамеченным, а Гейл и вовсе быстро отвел глаза, делая вид, что увлечен происходящим на арене.

— Да, но... — Краста нервно фыркнула. — Вы ведь не ожидаете, что наш король сейчас спустится на арену продемонстрировать свое мастерство?

Сердце Гейла замерло и понеслось галопом, как сорвавшаяся дикая лошадь.

Боги, нет, он только научился не поджигать под собой ковер в момент медитаций!

— Разумеется, нет, — ответил господин. — Это в прежние времена Хранитель Южной Вершины собирал ааро-дарулу — шесть братьев и сестер, своих верных друзей, и шел на сражения с ними плечом к плечу, теперь же их сменила личная охрана из Красных Стражей, а король отсиживается в замке. Прежде Хранитель сражался против тварей из Диких Земель, чтобы доказать свою силу и показать народу, что достоин защищать Южную Вершину, теперь же здесь, на древней арене, устраивают танцевальную площадку для вшивых бродяг, а король — восседает на удобном креслице, взирая на все свысока, — закончил господин, и к этому моменты все разговоры рядом стихли.

Гейл медленно повернул к нему голову.

Он собирался смиренно отсидеть свою коронацию, ни с кем не ввязываясь в споры, никому ничего не доказывая, и, видят боги, ему это удавалось, но ровно до этой минуты.

Да как смеет этот наглый выскочка так вольно разговаривать с его сестрой да еще и вытирать об него ноги в его же присутствии?!

Кровь от гнева, казалось, вот-вот начнет кипеть.

Все смотрели на него, ожидая, что он скажет, и Гейл к ужасу своему понимал, что ни единого внятного слова — кроме ругательств — на ум не шло. Но больше всего досадовало и уязвляло то, что в глубине души он был согласен с этим паршивцем.

— Вы правы, — неожиданно спас положение Лок.

Он весь день крутился где-то рядом и раздражал этим, но сейчас Гейл от облегчения почти готов был простить ему все, включая то коварное предательство.

— Времена изменились. Больше нет причин столь яростно что-то доказывать. Тэйверы отличались жестокостью, в основе всего ставили силу, мнили себя богоизбранным высшим народом. Мы — не тэйверы. Я — шэйер, и у нас свои обычаи и понятия о празднестве, как и у вас, людей. Мы, также как и вы, полагаем нашим долгом защищать нашего Хранителя, более того, относимся к нашей Вершине, как к храму, а не как к месту обиталища королевской семьи. Признаться, даже после стольких лет ваши обычаи не перестают меня изумлять. — Лок позволил себе краткую улыбку, но тут же посерьезнел. — Мне кажется это диким варварством — возвращаться к традициям прошлого, которое даже не принадлежит нам. С вашей стороны, уважаемый барон Фенфрой...

Гейл мысленно повторил имя этого гаденьша на случай, если все же придется обратиться к нему.

— ... очень невежливо задаваться вслух такими вопросами рядом с вашим королем в день его коронации, вас могут... не так понять.

— Ну что ж, — звучно сказал барон, медленно поднимаясь со своего места, и с усмешкой поклонился Гейлу, — я не имел намерений оскорблять вас, мой король...

Гейл нахмурился. Подобные издевательские жесты он прекрасно распознавал — сам не раз ими пользовался, но вот так внезапно получить прямо в лицо в присутствии достопочтенных дам и господ, не имея возможности как следует отметить наглеца, сильно

выбивало из колен.

— ... но слова свои назад не возьму, — продолжал усмехаться барон и подошел к краю ложи.

Барон Фенфрой был невысоким коренастым мужчиной с седыми волосами, загорелым обветренным лицом, руками-лопатами и шагал, немного прихрамывая, чем напоминал Хемля.

Ойле-локо-дан как раз закончили выступление, и теперь стихийные маги развлекали зрителей отточенным мастерством.

— Всегда занятно посмотреть на сильнейшего воина, не так ли? — негромким голосом спросил барон.

Гейл хмуро и недоуменно переглянулся с подошедшим ближе Локом. Тот отрицательно покачал головой.

— Испокон веков все уважали силу, — продолжал барон. — Тэйверы, шэйеры, ниргены, уркасы, люди... Сильнейший мог защитить свой народ, привести его к победе. Сильнейший был всегда на страже интересов своего народа. Так было всегда и, надеюсь, будет. Я слышал, — Фенфрой повернулся к Гейлу, — что вас похитили ребенком, и вы несколько лет странствовали, не зная, кто вы и какой силой владеете. По правде, слухи разнятся: некоторые говорят, что вас никто не похищал, что сбежали вы сами, и лишь благодаря случайному стечению обстоятельств вас удалось найти и вернуть.

Гейл с трудом сохранил самообладание от новой череды унижительных слов. И снова все смотрели и ждали его реакции, и в этот раз он заставил себя собраться и равнодушно сказал, небрежно поведя плечом:

— Да, разные ходят слухи. Как интересно узнавать о себе что-то новое каждый раз.

— Народ разочарован, — кивнув, продолжил Фенфрой. — Мне понятно его недовольство. Как могла могущественная сила Хранителя Вершины перейти в руки недостойного человека, думающего лишь о себе?

Гейл слышал тихое аханье Красты.

— Разумеется, никоим образом, — сам ответил на свой вопрос Фенфрой. — Кто я такой, чтобы ставить под сомнение решение Южной Вершины? Раз вы Хранитель, значит, обладаете всеми нужными качествами. Ваш путь домой был долог и опасен, но теперь вы здесь, на своем законном месте. Надеюсь, ваше правление будет долгим и принесет процветание нашей стране.

— Даже не сомневайтесь, — сквозь зубы выдавил Гейл.

Он чувствовал знакомое приближение ярости, от которой набухали черные вены на коже, и старался успокоиться, глубоко дыша и медленно считая про себя.

— Народ всегда идет за сильным лидером, — все не затыкался барон. — Но быть сильным легко, когда сила дана от рождения, не так ли? Это делает людей самонадеянными и глупыми. Они думают, что могут творить, что заблагорассудится, и забывают об ответственности, которая лежит на их плечах.

Фенфрой повернулся лицом к арене. Гейл видел, что его пальцы стискивают перила балкона до побеления.

— Я прожил достаточно долгую жизнь и пришел к выводу, что истинно сильный лидер — это тот, кто отдает себя своему народу и выполняет свой долг. Прошло уже два месяца, а вы не дали своему народу ничего. Я лично наблюдал за вами несколько дней, я пытался узнать вас, но вы... Вы не пытались узнать меня. Вы забыли мое лицо, как только я

отвернулся. Это навело меня на некоторые мысли о том, какой из вас король. Мысли не самые приятные, и здесь и сейчас вам предоставится великолепный шанс узнать о себе еще кое-что новое. Мой король, я вызываю вас на дуэль!

Голос его прогремел над ареной. Стихийные маги замедлили свои слаженные движения, зрители внизу затихли, здесь, в верхних ярусах, и вовсе все замерли. Воцарилась неестественная тишина.

— Разумеется, с вашей силой Хранителя могут сравниться лишь еще трое магов по три стороны света, — добавил Фенфрой, довольный эффектом. — И поскольку итог нашей схватки предопределен не в мою пользу, предлагаю следующее — мой лучший воин против вашего. Докажите мне вашу силу через любовь и преданность ваших людей.

— Силу определяет лишь сила, не более, — процедил Гейл. — Если воин слаб, он не одолеет более сильного противник, будь тот хоть трижды предан своему делу и влюблен в своего правителя. Что ж, барон Фенфрой, я с удовольствием принимаю ваш вызов. Джелия, — небрежно кивнул он за плечо, — приготовься к битве.

Он ознакомился с личными делами своей новой Стражи. Джелия Билд считалась отличным воином и верой и правдой служила его сестре несколько лет. Во время экзамена Красных Стражей с ней случился небольшой конфуз: судя по кратким заметкам Хемля, она недооценила противника и едва не поплатилась за это. Что ж, он милостиво предоставит ей шанс восстановить свою добрую репутацию.

Он коротко посмотрел на взволнованную Красту, которая не раз уважительно отзывалась о Джелии.

Вдобавок это порадует сестру. Может, из него никудышный король, но он хотел остаться в ее памяти хотя бы хорошим братом.

— Для меня это честь, — с волнением и радостью отозвалась Джелия и сдержанно поклонилась, прежде чем отступить.

Она собиралась уходить, когда один из Стражей перехватил ее за руку. Он заставил нетерпеливую Джелию посмотреть на себя, и что бы Джелия ни увидела в его с виду непроницаемом лице, она заметно успокоилась. Страж кивнул, чуть улыбнулся и разжал руку. Гейл смущенно, будто застукал их целующимися, отвел взгляд.

— Вирон, расскажи Форю о нашем с королем состязании и передай, чтобы выставил на арену Гронга, — приказал Фенфрой своему слуге.

Тем временем остальные гости заметно оживились и принялись заключать пари. Краста рьяно защищала Джелию и уговаривала мужа поставить на нее. Жатриен ласково смотрел на жену, но поставил на Гронга, чье одно только имя уже внушало опасения. Гейл бросил на него неприязненный взгляд. За Гронга поставили еще несколько господ, которые молчали все то время, что Фенфрой говорил. Куда положил монету дядя, Гейл не заметил.

Гейл потянулся, взял предложенную сестрой монету и, выдержав испытующий взгляд Фенфроя, выразительно положил ее в кучку Джелии.

Арену между тем быстро готовили к грядущей схватке: убрали помостки, с которых выступали ойле-локо-дан, подмели блестящие кружочки, разноцветные ленты, цветы, усыпавшие землю, поместили в ящики заготовленные стихийными магами кристаллы для дальнейших заклинаний, расставили большие серые кристаллы для создания защитного барьера вокруг арены, чтобы случайно не ранило зрителей.

Зрители громко зашумели, засвистели, захлопали — на арену вышли Джелия и лучший воин барона Фенфроя. Гейл против воли занервничал. Гронг по сравнению с Джелией был

не просто высоким да крепко сложенным — он был огромен и с такой легкостью держал в руке широченный длинный меч, будто бы тот весил не больше перышка. Его серые доспехи ничем особенным не выделялись, лицо прикрывал сплошной шлем. Мощные сапоги доходили до колен, на руках были толстые перчатки. Должно быть, он изнывал от жары в своем плотном одеянии. Гронг ступал медленно, выглядел громоздким и наверняка был неповоротлив.

«Это хорошо, — размышлял Гейл. — Джелия очень быстра, вряд ли этот чурбан за ней успеет».

Он усмехнулся. Азарт охватил его.

— Барон Фенфрой, уж не заключить ли нам спор? — предложил он. — Чья сторона проиграет, будет прислуживать победителю весь вечер.

— Как вам будет угодно. — Фенфрой вежливо кивнул.

— Я даже разрешу вам после вашего проигрыша выставить против Джелии второго вашего сильнейшего воина, — чувствуя себя справедливым великодушным хозяином, заявил Гейл. — Чтобы вы могли взять реванш.

— Очень любезно с вашей стороны. — Фенфрой снова вежливо кивнул и посмотрел на него снисходительно, как на зеленого мальчишку. — Поскольку у вас сегодня праздник, осмелюсь предложить ответную услугу в случае вашего проигрыша.

— Благодарю. — Гейл осклабился в предвкушении поставить этого старика на место.

***

Гронг и Джелия неспешно зашагали к середине арены. Гейл мысленно пожелал Джелии навалить хорошенько воину заносчивого старика.

Сигнал к началу боя подала Краста, взмахнув красным шелковым платком — Гейл невольно задумался, какого же цвета она носит белье, — и воины замерли друг против друга. Через мгновение Джелия набросилась на Гронга.

Она явно успела наложить на себя заклинание скорости и силы. Ее движения были молниеносны, каждый удар поражал мощью, усиленный магией зазубренный меч выбивал искры из меча Гронга, когда задевал его, но вот уже постепенно самой Джелии приходилось отбиваться. Обманчиво медлительный с виду Гронг на деле легко уклонялся от ее атак и наступал все больше — тяжелый, смертоносный, напористый, как камнепад в горах.

Джелия начала заметно уставать и решила использовать магию. В воздухе повеяло свежестью, которая бывает перед грозой. Гейл ощутил, как шевельнулись волосы на затылке под плотной коркой средства для укладки, а затем яркая вспышка света поглотила мир. Кто-то ахнул, кто-то вскрикнул. Гейл прикрыл лицо ладонью, пытаясь разглядеть происходящее сквозь пальцы, и с изумлением увидел, что на Гронге не было ни царапины после этой ужасающей атаки. Джелия неверяще уставилась на Гронга, который тем временем перешел в стремительное наступление.

Он двигался так быстро, что невозможно было разглядеть его движений. Внезапно упала на землю рука не успевшей парировать Джелии вместе с зазубренным мечом, а сам Гронг очутился за ее спиной. Он обернулся в гробовой тишине, и следующий молниеносный взмах громадного меча переломил бы Джелию напополам, если бы она не успела отшатнуться. Она попятилась, рухнула на арену, кровь из отрубленной руки так и хлестала. Даже отсюда было видно, как она побелела, как дрожала, пока пыталась встать, зажимая руку и не сводя от Гронга глаз. Гронг бросился на нее и нанес очередной сокрушительный

удар. Джелия успела перекатиться по земле, и на том месте, где она находилась, осталась глубокая трещина от страшного удара.

— Остановите бой! — закричал ее брат, Джул, уставившись на королевскую ложу. Он порывался броситься на арену, и если бы второй новичок, задохлик, его не удерживал, точно уже давно припустил бы туда.

Гейл вздрогнул, растерянно огляделся, но никто бой останавливать не торопился — все наблюдали с изумлением, возмущением, отвращением, ужасом, кто-то шептал молитвы, и все без исключения были увлечены происходящим на арене. Три его личных Стража, подавшись вперед, стояли, не шелохнувшись. Гейл не смог поднять взгляд на их лица и лишь в панике посмотрел вниз, и увидел, что Хемль стоит возле Джула и выжидающе смотрит на королевскую ложу, на него.

Он был королем. Приказ остановить поединок, признать поражение, должен был исходить от него. Он был королем — и был ответственен за этот бой. Он был ответственен за... то, что Джелия Билд лишилась руки и вот-вот расстанется с жизнью.

Гейл, боясь моргнуть, неуверенно кивнул. Еще раз и еще.

Хемль резко вскинул кулак, уже заряженный готовым заклинанием, и запустил светящийся белый шар над ареной. Гронг замер, словно по щелчку. Меч, который опускался на огромной скорости на поверженную Джелию, остановился в двух пальцах от ее головы. Гронг медленно наклонился, аккуратно вытер кровь с меча о ее бедро, поднялся и все тем же обманчиво медленным движением вернулся на середину арены. Встал прямо, выставив меч перед собой, оперся о гарду ладонями и застыл. Джул и задохлик рванули к Джелии и помогли ей вернуться за ограду. Гейл спиной чувствовал, как напряглись в горе и бессилии трое личных Стражей. Прижал дрожащие пальцы к губам, стараясь не смотреть на плачущую Красту. Одежда неприятно липла к телу, мокрому от холодного пота.

— Похоже, я выиграл, — заметил Фенфрой.

— Похоже на то, — пробормотал Гейл. Осторожно опустил руки на подлокотники кресла, сглотнул.

— Не желаете взять реванш? — снисходительно спросил Огуст.

Гейл медленно повернулся к своей личной охране, сильнейшим Красным Стражам. Суровые и бледные, они ответили на его взгляд с одинаковой мрачной решимостью. Каждый из них был готов немедленно спуститься вниз и надрать громиле задницу.

(или умереть)

Гейл вздрогнул.

Он сглупил, позволил барону манипулировать им и выставить на посмешище. С этим он еще мог бы смириться, в конце концов, это не должно так сильно задевать того, кто намеревался удрать отсюда в ближайшие дни. Труднее было игнорировать другой ужасающий факт — из-за его глупости сломалась жизнь Джелии Билд. Если она еще жива.

Он должен быть умнее, ступать осторожнее, ни в коем случае не позволить эмоциям взять верх. Сейчас важно было остановиться, пока не стало еще хуже.

Гейл поискал взглядом Лока, но его нигде не было.

В столь важный момент, когда ему как никогда нужна поддержка, этот шэйер снова его предал!

Гейл прикусил щеку изнутри.

От него требовался ответ и немедленный.

Он вздохнул, бессильно прикрывая глаза, а когда открыл, с кривой усмешкой

поворачиваясь к Фенфрою, зрители неожиданно громко радостно завопили — на арене началось заметное оживление.

— Что это? — удивился Фенрой. Даже привстал от изумления, чтобы лучше разглядеть.

Гейл недоуменно нахмурился, подался вперед и замер с раскрытым ртом.

На середину арены неспешно шагала Вик.

дневник Лока: о магах-Золотых

Дом Золотых — один из древнейших и влиятельнейших родов Севера. По легенде мать основателя спасла феха от гибели, и в благодарность тот наградил ее даром исцеления. Дар был столь силен, что волосы женщины озолотились, а после распространился на ее потомков, также отмечая золотом волос.

Один, а то и несколько магов из Дома Золотых обязательно присутствуют в Малом Совете Северной Вершины.

Золотой дар столь силен, что переходит ко многим детям, потому Золотые тщательно следят за тем, кого взять в свои спутники жизни.

Отцом юного Гейла был лорд Мэркон, происходивший из рода Золотых. Союз королевской крови и Золотых явил удивительный результат — у принцессы Красты и Гейла волосы рыжие с золотыми прядями. Также у Гейла отчетливо проявился дар целительства, не исключено, что именно благодаря этому он не раз исцелял юную Вик.

Особенность дара исцеления Золотых заключается в том, что воздействие магии на организм пациента не несет накопительных пагубных результатов.

Проверить: влияет ли магия исцеления Гейла также негативно на организм пациента, как обычная, не принадлежащая роду Золотых?

— Вижу, ваши воины решили попытаться снова, — заметил Фенфрой.

Гейл вскочил, не веря глазам.

Это действительно была Вик. Совсем спятила?!

Гейл в два шага добрался до стоявшего ближе всех Красного Стража. Страж удивленно моргнул, но не шелохнулся. Гейл тихо прошипел:

— Немедленно иди вниз и останови бой.

— Зачем же останавливать бой? — насмешливо громко протянул Фенфрой. — Приятно видеть рвение преданного воина, готового рискнуть жизнью ради своего короля.

— Нет, — голос дрогнул, как Гейл ни силился придать ему безразличие. — Это не имеет смысла. Я не хочу, чтобы люди погибали из-за нашего глупого спора. Ваша взяла, я признаю, вы довольны?

— Оглядитесь, мой король. — Фенфрой величественным жестом, словно это он тут был хозяином дня, обвел арену. — Все ждут этого боя.

Гейл бросил взгляд вниз. Вик уже стояла напротив высоченного Гронга и выглядела рядом с ним совсем уж маленькой и незащищенной. Взбудораженные зрители шумели, делали новые ставки, с нетерпением ожидая реванша или позора своего короля. Здесь, в верхних ярусах, царило то же отвратительное оживление. Важные дамы и господа покраснелись, оживились, бурно обсуждая прошедший бой. Краста обмахивалась веером, судорожно в него вцепившись. От недавних слез она сильно покраснела, глаза ее опухли. Лорд Жатриен сочувственно смотрел на нее и предлагал кубок с напитком, но Краста лишь молча глядела перед собой.

Посланный Красный Страж уже был внизу, пробираясь к Хемлю.

Краста, мысленно что-то для себя решив, резко поднялась с места. Ее губы были крепко поджаты, руки стискивали помятый красный платок.

В этот момент Вик посмотрела вверх, прямо на Гейла. Подняла правую руку, крепко стукнула себя в грудь и резко указала в его сторону. Толпа притихла, а потом разразилась громким шквалом поддержки. И снова Гейл ощутил на себе тяжесть тысячи взглядов, утекающих секунд ожидания, снова должен был принять решение, взять ответственность...

“Уходи, глупая дура, уходи, пожалуйста! — мысленно взывал он. — Если этот монстр так изувечил Джелию, от тебя мокрого места не останется!”

Тем временем внизу было видно, что Красный Страж что-то говорил Хемлю. Хемль кивнул и жестом отослал его назад. Он не стал ничего делать, даже глаз на королевскую ложу не поднял. Такой вопиющей реакции Гейл от него не ожидал. Конечно, Хемль не раз откровенно высказывал свое неодобрение тем, что Вик протиснулась в Красные Стражи, но вот так просто отправлять ее на бойню... Трудно было поверить, что такой прямолинейный человек использует такие грязные методы, чтобы избавиться от неугодного Стража.

Будто Гейл позволит этому случиться.

Он решительно шагнул вперед и почти открыл рот, чтобы громогласно во всеуслышанье отменить бой, признать победу Фенфроя, шмак побери, он даже готов прислуживать этому высокомерному старику весь вечер, лишь бы эта идиотка убралась подальше от арены! Но тут некто положил ладонь на его плечо и сжал с неожиданной силой.

— Ваше Величество, — раздался негромкий голос Лока, — верьте, пожалуйста, в ваших

воинов, как они верят в вас.

— Неплохой совет, — одобрительно заметил Фенфрой.

Лок недовольно покосился на него, но продолжил:

— Отменять бой глупо да и невозможно, разве вы не видите? Эти воины уже решили, что сразятся. Ваши слова ничего не изменят, напротив, могут, мм, ухудшить и без того сложившееся неприятное положение.

Гейл испытующе посмотрел на него, но Лок взгляд выдержал и даже чуть улыбнулся.

Чтоб этого заносчивого шэйера задрали рога, но... Неужели у Вик есть шанс против этого монстра?..

Погодите-ка... Неужели эта дуреха решила сразиться с ним, чтобы настоять на своем и заставить Гейла остаться здесь? Как это вообще связалось воедино в ее тупой голове?!

Нет уж. Она не заставит его передумать. Теперь она сама по себе, как и хотела. И если так жаждет сразиться с монстром, который одолел одного из лучших Красных Стражей, то пусть идет, конечно. Быть может, в последние секунды жизни поймет, как была беспечно глупа?

— Вы правы, ничего уже не изменить, — сухо сказал Гейл Локу и вернулся на место. — Даже если этот воин победит, ничего уже не изменится.

— Она сражается не для этого, — снисходительно посмотрев на него, сказал Лок. — Она сражается за вас. Я полагаю, уж кому, как не вам знать, на что способен этот воин.

Гейл сдвинул брови, но не ответил. Посмотрел на выжидающую Красту и кивнул.

— Да начнется поединок! — сказала она и взмахнула красным платком.

***

— Что? — переспросил запыхавшийся Джул.

— На арену сразиться с монстром, изувечившим твою сестру, вышла Вик, та самая пустая, — с кривой ухмылкой доложил Битти Ангуста. Джул нахмурился.

Из операционной палаты госпиталя, который находился рядом с ареной в верхнем дворе, его спровадили, и он вернулся на арену, мысленно кляня себя за то, что страшные ранения Джелии выбили почву из-под ног. Вместо того, чтобы вверить ее слугам и выйти на арену взять реванш, он донес Джелию до госпиталя и не отпускал ее руку до тех пор, пока целитель на него не прикрикнул. Лишь тогда немного пришел в себя, лишь тогда спохватился — он в личной охране короля, он один из лучших Красных Стражей, сам Хемль предрекал ему будущее славного воина, кто, как не он, должен вызваться защитить честь их короля? — но его уже опередили.

— Пока мы спорили и препирались, кому же пойти и надрать этому громиле зад, — тараторил возбужденный сверх меры Битти, — она взяла оружие и вышла на арену!

— Она видимо повредила рассудком, — рассеянно сказал Джул.

— Тоже к этому склоняюсь. — Битти хихикнул. — К слову, выглядела она настроенной всерьез.

— У нее же половину артефактов спалило от “дыхания молнии”, - вспомнил Джул. — Как она собирается сразиться с этим чудищем, с которым даже Джелия не справилась?

— Сейчас увидим, — отозвался Битти, пробираясь между слугами и другими Красными Стражами поближе к оgrade.

Перед ними почтительно расступились, пропуская к месту с лучшим обзором. Джул с

облегчением обнаружил, что бой еще не начался. Внушительная фигура Хемля высилась неподалеку. Почему он не остановил Вик? Она же не только окончательно опозорит их короля, но и расстанется с жизнью!

Джул снова мысленно отвесил себе оплеуху. Если бы он не испугался так сильно за сестру, вышел бы против этого опасного воина. Если Вик проиграет (и погибнет) это будет и на его совести. Джул тоскливо огляделся, посмотрел на королевскую ложу, но короля, кажется, все устраивало.

Да и Битти мог бы вызваться на бой. Джул недовольно посмотрел на него, но происходящее Битти Ангусту, кажется, лишь веселило, и он словно бы ни капельки не переживал за исход поединка.

Гронг, как и в случае с Желией, начинать сражение не спешил, но и Вик все не атаквала. Они двигались по кругу на приличном расстоянии, не сводя глаз друг с друга. Вик снимала с себя тускло-красные доспехи Красного Стража запасного отряда — медленно, одну часть за другой. Первым на усыпанную песком землю упал шлем, но на голове Вик остался ее металлический обруч. За ним слетели, вырисовывая медленный круг шагов, наплечники, наручи и поножи. Вик, не отводя взгляда от противника, срезала ножом, который достала из-за пояса, ремни кирасы, и на землю слетели нагрудник и наспинник. Последним на землю опустился камзол с кольчужными вставками. Вик осталась практически ни в чем: в одной лишь простой рубашке, под которой была заметна туго перебинтована грудь, перчатках, стандартных легких бриджах и высоких кожаных сапогах. Она проверила пояс с оружием, заправила выбившийся кулон за ворот рубашки, потрогала серебряный браслет и прикоснулась к обручу на лбу. Замедлила шаг, остановилась, чуть склонив голову и по-прежнему не сводя с Гронга глаз. Тот, казалось, ничуть не уставший после первого боя, тоже застыл.

Вик сорвалась с места так резко и внезапно, что Джул вздрогнул. Гронг словно только этого и дожидался. Он взмахнул мечом перед собой. Вик пригнулась, ушла вниз, в обеих ее руках вдруг появились тонкие кинжалы. Она полоснула ими по ногам Гронга идеальным брющим движением. Сверкнули искры от удара о доспехи, в следующий же момент Вик ударила Гронга сзади колен, низко выныривая позади него. Руки ее были за спиной, а кинжалы она держала обратным хватом. Гронг попятился, но устоял, видимо, удар получился недостаточно сильным или точным.

Джул вдруг понял, что задумала Вик. Пробить доспехи напрямую не представлялось возможным — Гронг был слишком быстр и силен, чтобы атаковать его в лоб. Один удачный удар, и Вик придется собирать по кусочкам, как Желию (Джул содрогнулся, вспомнив, какой легкой была ее отсеченная рука, которую они с Битти также забрали с арены), а так был шанс перерезать сухожилия и замедлить противника.

— Хороший ход, — одобрительно сказал Хемль.

— Что она делает? — недоуменно спросил один из запасного отряда, и Хемль озвучил ему свои мысли, совпавшие с мыслями Джула.

Гронг тем временем перешел в наступление. Он не потерял ни скорости, ни силы движений, будто бы нанесенные ему удары нисколько его не задели, но избавившаяся от веса доспех Вик в скорости не уступала, а иногда даже выигрывала. Скорее всего использовала артефакт, придающий скорости, размышлял Джул. Но одним этим дело не ограничивалось. Она двигалась странно — очень низко и гибко, чуть ли не стелилась по земле, просто чудо, как она держала равновесие. Благодаря этому Гронгу было трудно достать ее, а она ловко

обходила его, выныривала совсем близко, навязывая максимально ближний бой, неудобный для столь громоздкого оружия, как его большой меч, и била во все места, плохо защищенные доспехами, до которых только могла дотянуться: под мышками, полосовала руки в локтевых сгибах в опасной близости от тяжелого, свистящего в воздухе меча, но все без толку. Джул видел, что она вкладывала все силы в каждый удар, но безуспешно — противник продолжал наступать с прежним рвением.

Не может быть, чтобы все удары прошли мимо. Джул знал, что Вик хороша, очень хороша во владении оружием, она временами использовала такие приемы и вставляла в такие стойки, которых он не видел ни в одном учебнике по воинской дисциплине. По крайней мере, в человеческих. Интересно, кто ее обучал?..

Джул заставил себя сосредоточиться на бое и попытаться понять, что не так с Гронгом. Может ли быть, что тот владел заклинанием мгновенного восстановления? Это объяснило бы, почему он все еще на ногах и не выказывает признаков усталости, хотя для него это был второй бой. Может, его доспехи были зачарованы? Усилены заклинанием, которое простым оружием не пробить? Джул попытался вспомнить, попадала ли Джелия по нему своим зачарованным зазубренным мечом. На экзамене Вик в точности как Гронг устояла и против “дыхания молнии”, и против удара меча Джелии, заметил он, и от неожиданных мыслей перехватило дыхание — уж не знает ли Вик его секрета? И может ли в таком случае справиться с ним?

Тем временем Гронг заставил Вик отступить, воткнул меч в землю, взвел ручищи перед собой. В воздухе завибрировал магический поток пугающей силы, и несметное количество появившихся водяных игл и копий устремились в сторону Вик, охватывая столько пространства, что ей ни за что было не увернуться.

Джул вдруг осознал, что в бою против Джелии Гронг магию не использовал.

— У него стихийная, — с ужасом и восхищением в голосе пробормотал Битти. — Ей конец.

Тогда, после экзамена, все пришли к выводу, что Джелия пожалела пустую и специально промахнулась, но когда Джул спросил у нее, так ли это было, она ничего не ответила. Казалось, она засомневалась в себе и своих способностях. Сказалось ли это на сегодняшнем поединке? Очнется ли она?..

Часть водяной атаки столкнулась с воздушно-огненным кулаком. По магическому барьеру, защищавшему зрителей, растекались стремительные потеки воды. К тому времени, как вновь стало возможно нормально видеть происходящее на арене, Вик атаковала Гронга сверху. Из-за мелкой водяной пыли на арене словно образовался туман, и Гронг едва успел вовремя заметить ее и отшатнуться. Со страшной силой меч Вик врезался в землю, где мгновением ранее стоял Гронг, и в ту же секунду два метательных ножа полетели ему в лицо. Гронг вовремя отразил их мечом, а Вик уже была возле него и ударила в открывшийся бок. Гронг с неуловимой скоростью перехватил ее меч свободной рукой и коротко замахнулся своим. Вик словно бы не удивилась и вовремя отскочила от стремительного ответного удара, перекатившись по земле и оставив меч в лапище Гронга. Выхватила знакомые уже кинжалы из голенищ сапог. Гронг, склонив голову набок, что придавало ему немного удивленный вид, посмотрел на ее меч и разжал руку, роняя его под ноги.

Джул боялся моргнуть, чтобы не упустить ни единого движения, и понял, что задержал дыхание, когда стоявший рядом Битти протяжно выдохнул и ругнулся.

— Мы достаточно повеселились, — вдруг раздался громкий голос барона Фенфроя. —

Гронг, принеси мне победу.

Гронг медленно кивнул и пошел в атаку.

Как оказалось, звериная скорость была лишь малой толикой его настоящих способностей. Сверхъестественно быстрый, он до этого момента словно лишь разминался. Вик едва успевала уклоняться и не рисковала блокировать легкими кинжалами страшные удары тяжелого меча. Они двигались быстро, хаотично. Вик отступала по кругу, легко обходя и перепрыгивая через свои сброшенные доспехи. Гронг переступал через них или наступал, те корежились, не выдержав веса, и Джул впервые вдруг задумался — а человек ли это?..

Вик добралась до своего меча, перекатилась по земле, чтобы успеть спрятать кинжалы и схватить меч, и на это ушли драгоценные мгновения, за которые Гронг подобрался к ней слишком близко. В этот момент она не успевала ничего иного, кроме как отразить прямой удар. Раздался скрежет. Вик, стискивая зубы и побагровев от напряжения, тщетно удерживала меч плашмя, подпирая левым предплечьем. От удара ее отодвинуло на несколько шагов, Гронг продолжал напирать. Меч Вик не выдержал, треснул, и лезвия взрезали ее предплечье. Вик резко отшатнулась, едва не теряя равновесия, и кончик меча Гронга успел полоснуть ее бок. Посеревшая от пота и пыли рубашка тут же обагрилась кровью. Вик, шатаясь, выронила разбитое оружие и упала на колени. Гронг, не мешкая, занес меч для последнего удара. Краем глаза Джул отстраненно заметил, как все застыли, как вскочил с места король Гейлорд, как он сам вцепился в прутья ограды, но прежде, чем огромный меч опустился на Вик, она с неожиданной силой и скоростью прыгнула, взвилась в воздух и опустилась аккуратно на меч, который как раз с грохотом ударил по земле.

Падая на колени, она села на корточки, вспомнил Джул. А перед тем, как Гронг замахнулся мечом, ее руки также были на земле. Его глаза расширились. Кажется, он начал догадываться, кем был учитель Вик.

Вик тем временем метнулась вперед, прямо по мечу. Она каким-то чудом удерживала равновесие и уже успела достать кинжалы и выставить перед собой, удерживая все тем же обратным хватом, таким непривычным: на факультете боевых магов такому не учили, даже на практике у Серых Стражей Джул не видел, чтобы оружие держали таким неудобным образом.

Опешивший от неожиданности Гронг выпустил из рук меч, но не успел отшатнуться и под весом и давлением Вик, набросившейся на него как кошка, не удержался и упал спиной вниз. Кинжалы Вик погрузились в отверстия для глаз, и арену огласил страшный пронзительный вой. Огромными ручищами Гронг пытался оторвать ее от себя и придушить по ходу дела. Вик стиснула его бока ногами, выронила один из кинжалов, вмазала ему кулаком по голове — воздушным кулаком, от которого по земле прокатился грохот. Гронг распластался по земле и не шевелился. Вик остервенело пыталась справиться с застежкой на его шлеме.

Джул в ужасе оглянулся на Хемля.

Вик только что прикончила война барона Фенфроя и сошла с ума? Будет ли барон требовать над ней суда? Будет ли король требовать суда за увечия Джелии?

Неподвижный после сокрушительного прямого удара по голове, который ни один человек не смог бы пережить, Гронг вдруг зашевелился. Вик вцепилась в его шлем обеими руками и, наконец, сняла его. По арене прокатился гул ужаса и отвращения — окровавленная волосатая голова с характерными ушами и торчащими клыками могла

принадлежать лишь ниргену. И тут же все стало понятно — и размеры Гронга, и несокрушимая сила, и сверхъестественная быстрота, и то, что он все еще жив...

Нирген зарычал загнанным зверем, резко вновь сжал Вик ручищами и рванулся, будто пытался откусить ей голову, но она его опередила — одним точным ударом полоснула кинжалом по горлу, обрывая жизнь. Нирген конвульсивно задергался, пасть клацнула совсем рядом с ее лицом, кровь хлынула фонтаном и окатила Вик с головой. Его огромные ручищи сжались в последний раз и так и застыли. Вик зашевелилась, высвобождаясь из его хватки. Вывалилась на землю, оттирая лицо руками, кашляя и тяжело дыша. Джул осторожно выдохнул, перевел взгляд на товарищей, которые застыли с разинутыми ртами, на Хемля, который стоял, совершенно ошеломленный.

— Хей, она его сделала! — обалдело воскликнул Битти. Он быстро пришел в себя и в дикий восторг. Огляделся, ткнул Джула в плечо. — Ты видел? Видел?! Это нирген! Она расправилась с ниргеном! И, эй, господин Хемль, разве это не против правил? Я думал, ниргенов изгнали в Дикие земли, они же свихнулись из-за той своей болезни!

Джул, сглотнув, перевел взгляд назад на арену, где Вик с трудом встала. Стиснула оставшийся в правой руке кинжал (левая повисла плетью) и резко подняла над головой.

— Да здравствует король Гейлорд, — сипло сказала она.

Толпа взорвалась, подхватила ее слова, зашумела, неистовая, празднующая ее победу, как свою.

— Нужно ей помочь, — засуетился Битти. — Она ранена, она...

— Нужно разобраться с ниргеном, — нахмурившись, перебил его Хемль, — и немедленно проверить людей барона Фенфроя. Его же — задержать, допросить и наказать за выходку. Проследите, чтобы Вик был обеспечен должный уход, а я займусь Фенфроем.

Он ушел, на ходу отдавая распоряжения Красным Стражам. Вик медленно брела к выходу под рев зрителей и шквал аплодисментов. Кто-то додумался бросить на арену цветы, и следом тут же полетели новые и новые букеты, какие-то тряпицы... Битти в нетерпении собрался было побежать навстречу и помочь ей, но Джул успел его остановить.

— Подожди. Не спеши.

— Она ранена!

— Она дойдет.

— Но...

— Вик должна добраться сюда сама, без помощи посторонних. Это был ее бой, и она победила. Она должна дойти сама, — повторил Джул и оглядел притихших Красных Стражей. — Неужели не понимаете, что этим испортите ее триумф?

Она победила воина барона Фенфроя, который хотел публично унижить их короля. Этот воин чуть не прикончил Джелию, вдобавок оказался ниргеном. Немудрено, что Джелия с ним не справилась, редким людям было под силу сразить ниргена, и вновь Джул подивился странным движениям Вик.

И после всех успехов неужели ей не позволят уйти с арены на своих ногах?

Грязная от пыли и крови Вик упрямо брела с гордо поднятой головой. Она то и дело недоверчиво оглядывалась — толпа неистовствовала, содрогалась, приветствуя своего нового героя. Вик добралась до низкой дверцы, миновала ее и через несколько шагов медленно привалилась к стене, съезжая на колени и тут же поднимая перед собой оставшийся кинжал. Ее немедленно окружили все остальные из двенадцатого отряда, встревожено и восторженно предлагая помощь, но подойти ближе не решались. Вик

подобралась, съежилась, огляделась дикими глазами. Рука, стиснувшая кинжал, мелко дрожала. Она часто дышала и искала кого-то затравленным взглядом. С каждым вдохом все больше казалось, что она вот-вот на кого-нибудь набросится.

Джул медленно подошел к ней, жестом и словами велел остальным подвинуться, разжать плотное кольцо.

— Посторонитесь, — громче приказал он. — Эй, да угомонитесь вы! Хотите задавить ее количеством после того, как она уцелела после схватки с ниргеном?

Двенадцатый отряд несколько поумерил пыл. Вик по-прежнему тяжело дышала и смотрела дикими глазами.

— Это я, — тихо сказал Джул, едва слыша себя в неослабевающем реве зрителей. — Узнаешь меня?

В широко раскрытых глазах Вик появилась осмысленность

— Да, — выдавила она. — Ты Джул.

Джул кивнул, осторожно коснулся ее окровавленной руки, сжимавшей кинжал, и заставил разжать. Кинжал вывалился, и Вик тут же крепко стиснула его руку. Джул помог ей встать. От нее разило кровью, кровь стекала с ее волос, потеками застывала на лице, руках, одежде. Он сам выпачкался в крови, пока помогал ей идти, закинув ее действующую руку себе на плечо — вторая все так же безвольно свисала. Двенадцатый отряд, не стовариваясь, встал по обе стороны своеобразным коридором, с пылом говорил что-то вдохновляющее Битти Ангуста и по пятам следовал за ними к госпиталю. Два юных на вид лекаря суетливо носились и что-то пищали. Джул разобрал, что с такими жуткими ранами Вик следует как можно скорее доставить к главному целителю.

Вик шумно дышала и, о нет, кажется, начинала всхлипывать. Джул только и мог, что продолжать идти, да поскорее, к госпиталю, куда недавно помог отнести Джелию.

— Где Гейл? — донеслось до него неразборчивое.

Он не сразу сообразил, что Гейл — это должно быть укороченное от Гейлорда, имени короля.

— Он скоро придет, — негромко ответил Джул.

Вик споткнулась, и он едва успел ее удержать. Стоять она уже не могла, лишь яростно кусала губы и часто моргала. Джул, помедлив, осторожно взял ее на руки, и она хоть и была измождена, возмутилась и попыталась оттолкнуть, но сил не хватало.

— Тише, успокойся, тебе сильно досталось.

— Мне нужен Гейл, я хочу его видеть, — просипела Вик, часто звеняще дыша. Она съежилась, прижимая раненую руку к груди.

Внутренний двор был вымощен светлым кирпичом с зелеными узорами, ниточкой-следом тянулась за ними кровь. Битти Ангуста, опережая задохликов-лекарей, распахнул перед ними двери госпиталя, делая какой-то сигнал следующим по пятам людям, возмущенным тем, что им не дают выразить восхищение славному воину, победившему в подлом поединке. Протиснулись лекари, спеша подготовить место, Битти открывал двери, ловко ориентируясь в коридорах и ведя за собой.

Их догнал шэйер Кор Лок, и в любой другой момент Джул непременно поприветствовал бы его, как должно, но сейчас было не до этого. Кор Лок покровительствовал Вик, не было ничего удивительного в том, что он был напуган за ее жизнь и тоже игнорировал приличия. Он жестами увлек Джула с Вик на руках за собой, совсем не туда, где находились операционные комнаты, и Джул послушно поспешил за ним.

— Нет, я сам ею займусь, — ответил Лок на возражения подросших целителей. — Вы окажете неоценимую помощь, если не будете мешать.

— Где Гейл? — тихо, но настойчиво бормотала Вик.

— Он скоро придет, — повторил Джул.

Осторожно внес ее в указанную маленькую комнатку и уложил на узкий деревянный стол. Лок отдавал какие-то распоряжения запыхавшейся светловолосой девушке — Лоис, вспомнил ее имя Джул.

— Он собирается уйти, — всхлинула Вик и вцепилась в Джула, не отпуская. — Мы больше не увидимся, а он не хочет даже попрощаться! Я считала его своей семьей!.. — Она застонала от боли, когда Лоис дотронулась до ее неподвижной руки.

— Извините, господин, — холодным голосом сказала она Джулу. — Вик не в себе, совсем ей там мозги отшибло. Вы можете идти, спасибо большое, что доставили эту упрямую тупицу сюда. Как ей вообще в голову взбрело сунуться на арену?..

Загораживая собой Вик, Лоис принялась раздевать ее, по большей части, срезая одежду ножом.

Джул смущенно отвернулся, нашел взглядом уставившегося на происходящее Битти и, взяв его за плечо, потащил с собой в коридор. Они медленно шли к выходу, когда наткнулись на Лию Матл и Бренса Туна, которые несли небольшой мешок.

— Эй, что это у вас? — любопытствовал Битти.

— Оружие Вик и доспехи, точнее то, что от них осталось, — со смешком ответила взбудораженная Лия. — Ох и шумиха же там началась! Труп ниргена никак не могут вынести с арены, слишком тяжелый, а некоторые зрители — ну точно чокнулись — рвутся туда, через ограды лезут, потрогать что ли хотят? Так, в какую комнату поместили Вик?

Джул и Битти переглянулись. Битти развел руками и отступил поближе к Лие и Бренсу.

— Давай мне, я верну. — Джул со вздохом протянул руку и забрал мешок.

— Как она? — прочистив горло, спросил Бренс.

— Непонятно было, как сильно ранена — кровь всюду, не разобрать толком, чья, но ею занялся сам господин Кор Лок, так что жить будет, — усмехнувшись, ответил Джул.

— А твоя сестра?

В горле перехватило, Джул тщетно сглотнул, отвел глаза, чувствуя стыд за то, что в последние несколько минут совершенно о ней забыл. Битти как всегда пришел на помощь — разувался во весь рот и непридуманно махнул рукой.

— Тоже пока ничего не ясно. Будем надеяться, что обе прекрасные дамы в скором времени придут в себя. Ну, идемте же, — поторопил он Лию и Бренса, быстро оглянувшись на Джула. — Что там еще было? Что я еще пропустил?

Джул проводил их усталым взглядом, перехватил поудобней мешок и вернулся к комнате Вик. Помешкал, прежде чем постучать. Дверь мгновенно открылась, и на него сердито уставился Лок. Его недовольство быстро сменилось удивлением и раскаянием.

— О, это снова ты. Что-то позабыл?

— Оружие, — опешив, ответил Джул. Мысленно ругнулся и поправил, протягивая мешок: — Здесь ее оружие и доспехи. Вот.

— Положи, мм, где-нибудь здесь, — сказал Лок, приоткрыв пошире дверь и кивнув на пол.

Джул вошел, стараясь не озираясь по сторонам, и положил мешок у стены. Помялся и неловко спросил:

— Как она?

Лок с сомнением оглянулся.

Под воздействием магии исцеления, в которой Лок всегда считал себя весьма искусным, тяжелые раны Вик затянулись, но с большим трудом и на них ушло гораздо больше магических сил, чем должно было. Лок ничего не понимал — магия исцеления никогда не давалась ему так сложно.

Лоис успела стереть большую часть грязи с Вик влажным полотенцем и немного прикрыть ее. Вик упрямылась и отказывалась принимать усыпляющее.

— Гейл пришел? — еле слышно в очередной раз спросила она, пытаясь заглянуть за Лоис, которая загораживала ее от Джула. — Это Гейл?

— Нет, — ответила Лоис, быстро оглянувшись. — Это Джул, Красный Страж, он принес тебя сюда, а сейчас принес... мешок.

— О, — озадаченно выдала Вик и повторила: — Джул?

— Да, именно, а теперь выпей уже это средство, пока я насильно его в тебя не впихнула в присутствии этого славного молодого человека.

Сбитая с толку приходом Джула Вик смущенно попыталась натянуть повыше простыню и послушно выпила микстуру, которую Лоис настойчиво ткнула к ее губам. Усыпляющее подействовало моментально: через несколько секунд Вик закрыла глаза, расслабилась и задыхалась ровнее. Лок переглянулся с Лоис и тихо выдохнул. Повернулся к Джулу, собираясь вежливо намекнуть ему уйти, но не успел — дверь резко распахнулась, едва не заехав по стоявшему столбом Джулу. Не замечая его, не замечая никого, король и Хранитель Южной Вершины подлетел к Вик.

— Все — вон, — не своим голосом приказал он.

Лок поспешно коснулся плеча готовой возмутиться Лоис и, помотав головой, вытолкнул их с Джулом наружу. Не хватало еще, чтобы гнев Гейла обратился на них.

Гейл опустился перед Вик на колени. Его трясло, он тщетно и бестолково поглаживал ее безвольную руку.

— Раны скверные, — решил нарушить тишину Лок, прижимаясь спиной к двери.

— Вижу, — процедил Гейл.

— Она ждала тебя.

Гейл резко повернулся к нему с перекошенным лицом.

— Я сказал: “все — вон”!

— Я буду за дверью и вернусь сюда, как только ты выйдешь, — твердо произнес Лок. — Мы с Лоис обещали, что будем рядом, когда ты уйдешь.

Лицо Гейла побелело, глаза сузились. Он стиснул руку Вик так сильно, что странно было, что не раздался хруст.

Так и не дождавшись ответа, Лок вышел из комнаты. Прислонился к стене возле двери, скрестил руки, расслабил крылья и принялся наблюдать, как степенно прогуливаются целители по коридору, как молоденькие девушки в белых костюмах снуют стайками то со стопкой постельного белья, то с подносом, заставленным пузырьками... Ах, эти милые ученицы. Наивные, неопытные, а в опасных ситуациях еще и бесполезные...

Лок как-то по-новому взглянул на свою — проводницу в мире людей, — которая о чем-то разговаривала с юным Джулом. Они шли медленно и, добравшись до поворота в конце коридора, остановились у стоявших там двух Красных Стражей короля. Немного поговорив,

Джул и Лоис оставили их. Перед этим Лоис недовольно повела плечами, и Лок отвел взгляд. Иногда ему казалось, что Лоис умела читать его мысли и уж точно чувствовала, когда он на нее смотрел.

Лок прислушался к происходящему за дверью. Тихо. Ну конечно, Вик же успела заснуть. А если бы дождалась Гейла, сумела бы в этот раз отговорить от побега? Помирилась бы уж точно и больше не выглядела бы такой понурой.

Гейл вышел из комнаты как ни в чем ни бывало. Он заметно успокоился, краски лица вернулись, глаза блестели решительностью. Лок смерил его усталым взглядом. Гейл кивнул ему и сказал:

— Позже я приду снова, как дела улягутся.

Лок удивленно моргнул.

— А сейчас, — Гейл сжал кулаки, по которым прокатились едва уловимые языки огня, — пора разобраться с теми, кто решил испортить мне праздник.

— Вижу, Вик умеет тебя вдохновлять, — не удержался Лок.

— Тебе повезло, что она выжила. — Черные, ничего не отражающие глаза Гейла сверкнули. — А ты не очень-то и старался ее вылечить.

— Целитель из меня сегодня неважный, — почесав затылок, сказал Лок, — но я приложил все силы, чтобы залечить хотя бы самые страшные раны. Не знаю, в чем дело, наверное, просто устал.

— Да, плохо выглядишь, — заметил Гейл. Замялся, но выдавил, старательно отводя взгляд: — Спасибо, эм, за все, за лечение и, ну, артефакты, без них у Вик не было бы ни шанса против этого монстра.

— Будто это могло ее остановить. Решимости у нее не занимать.

— Иногда это так раздражает, — пожаловался Гейл и досадливо ковырнул пол носком сапога. Помолчав, вдруг добавил: — Я решил, что останусь.

— Что? — переспросил Лок, полагая, что ослышался.

— Я остаюсь, — глухо повторил Гейл и сердито посмотрел на Лока. Неожиданно, словно опомнился, расслабился и глуповато ухмыльнулся. — Должен же кто-то присмотреть за этой сумасшедшей. Она же себя угробит. Продержалась, значит, весь бой, а в последние секунды расслабилась, вот и получила, шмак ее побери. Ну, она как всегда... Придется приглядеть за ней, пока не встанет на ноги и не покажет тут всем. Трудновато в первое время среди чужих, по себе знаю. Прикрою ей спину, так сказать.

Гейл натянуто рассмеялся. Лок с сомнением кивнул.

— Но не надейтесь, — спохватился Гейл, — что я помогу вам в вашей бредовой затее, у меня и без этого теперь будет полно дел. Ну, я, пожалуй, пойду, и так здесь задержался.

Он поклонился на прощание Локу, как обычно ученики кланялись учителям, и поспешил в конец коридора к своим Личным Стражам.

дневник Лока: о ниргенах

После загадочной болезни, что уничтожила рассудок ниргенов более ста назад, было решено сослать их в Дикие земли до тех пор, пока лекарство не обнаружат. Поврежденный разум их не различал друзей и врагов — ниргенов одолевала жажда крови. Зараженные ниргены часто в припадке болезни крушили и убивали всех и вся на своем пути.

Ниргены по строению своему близки к человеческому. Тело их покрыто короткой шерстью, лицо массивное, челюсть сильно выдается вперед. Уши большие, треугольной формы, короткий хвост. Обычно имеются клыки. Ниргены необычайно живучи, сильны и выносливы, у них сильная сопротивляемость магии и особая рецептура снадобий, которая не подходит другим существам. В частности мне известен легендарный напиток босооха, который наделяет ниргена мгновенной регенерацией. Изготовить его сложно, время действия, разумеется, ограничено, и если нанести ниргену несколько смертельных ранений подряд, ему придет конец. Во время последней великой войны благодаря этому снадобью ниргены сражались наравне с тэйверами — еще одна причина тэйверов наслать на них лютую болезнь.

К сожалению, мне не довелось ознакомиться с живой особью, но, надеюсь, удастся изучить ниргена, которого сразила юная Вик.

Вик уселась поудобнее, принимая из рук Лоис тарелку с супом, и с жадностью принялась есть.

— Ты действительно здорова, — скептически протянула Лоис. — Два дня спала так крепко, что не пробудиться. Гейл сказал, что для тебя это нормально, но я уже начала волноваться.

Вик кивнула, извиняюще пожала плечами, но разговаривать было некогда — жуткий голод набросился на нее, едва она открыла глаза.

— Гейл полностью исцелил тебя, — сказал хмурый Лок с сомнением в голосе и в доказательство указал на зажившие раны на руке. Даже шрамов не осталось, как и всегда.

Вик снова кивнула. Она поняла это в тот же момент, как проснулась. Знакомое чувство, в конце концов, Гейл не раз ее исцелял. Приятно, что это не изменилось даже после их ужасной ссоры.

Гейл по словам Лоис и Лока решил остаться. До сих пор в это не верилось.

— Как часто он это делал? — неожиданно спросил Лок.

Вик, быстро проглотив очередной глоток супа, вытерла губы тыльной стороной ладони, отдышалась.

— Чаше, чем мне хотелось бы. Седой, маг, который приглядывал за Гейлом в нашей деревне, строго наказал прятать его способности. Даже учитель Руп не знал, на что Гейл в действительности способен, подозреваю, что Гейл и сам не знает. — Вик кисло улыбнулась. — Исцеление дается ему лучше всего, и он частенько лечил мои раны, хоть мне потом и приходилось притворяться больной, чтобы никто ничего не заподозрил. Думаю, учитель Руп многое замечал. Он никогда ни о чем нас не спрашивал и о себе не рассказывал, но всегда был готов дать совет или подзатыльник. Мы с Гейлом ушли странствовать после его смерти, и с тех пор ни разу не были в том лесу, где жил учитель. Мне иногда так его не хватает...

— Вот как, — мягко промолвил Лок. — Юная Вик, не позволяй магам часто исцелять твои раны, а то однажды твое тело перестанет заживать само, да и магия исцеления перестанет действовать. Потому ее и применяют лишь в крайних случаях.

Вик изумленно посмотрела на него, чувствуя, как кровь отхлынула от лица.

— Нужно указать, что король Гейлорд исцелил все ее ранения. — тем временем сказала Лоис и протянула Локу медицинскую книжку Вик.

На каждого Стража заводили подобные книжки. В них отмечали, когда и куда был ранен Страж, какой вид исцеления применили и как долго магией воздействовали.

Лок отрицательно покачал головой.

— Возникнут ненужные вопросы. Многие и без того считают, что он излишне ей покровительствует. Я напишу, что сам исцелил ее.

— Как скажешь, — с сомнением отозвалась Лоис.

В дверь неожиданно постучали. Вик недоуменно переглянулась с друзьями. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Битти. За ним мялись еще несколько Красных Стражей из двенадцатого отряда.

— Эй-эй, Вик, слышал, ты очнулась! — провозгласил Битти, бесцеремонно водружая вазу с громадным букетом на прикроватную тумбочку. Отвесил церемонный поклон Локу и

Лоис. — Мое почтение, уважаемый господин Кор Лок и милейшая госпожа! Могу я узнать ваше имя?

— Лоис.

— Очень приятно! Я — Битти, а это Лэнз, Лия, Корди и Бренс. Мы пришли проведать тебя. — Битти широко улыбнулся Вик. — Ну и переполох же ты устроила!

Вик подтянула повыше одеяло и смерила Красных Стражей недоверчивым взглядом.

— Что вам нужно?

Улыбочка Битти слегка увяла.

— Мы пришли тебя проведать. Тебе здорово досталось, но... — Битти с сомнением оглядел ее. — Вижу, тебе уже много лучше.

— Да, ээ, на самом деле все выглядело куда хуже, чем было в действительности. — Вик прикусила губу. Ложь сорвалась случайно. Как всегда по привычке она собиралась увиливать от правды, чтобы защитить секрет Гейла. — Да и целители мне помогли, — добавила она и неуверенно посмотрела на Лока.

— Рад слышать. — Битти снова широко улыбнулся и оглянулся на остальных. Ободряюще кивнул. — Тебе ребята кое-что просили передать. Не все смогли прийти, сейчас много дел — двенадцатому отряду назначили дополнительные дежурства. Ну, знаешь, не каждый день на территории замка встречаются ниргены...

Лия подошла первой и протянула Вик завернутую в бумаги тарелку. Остальные тоже расслабились, зашевелились, заговорили. Вик недоуменно наблюдала за ними. От напряжения заболели плечи. Через оставшуюся приоткрытой дверь она увидела застывшего в коридоре Джула. Тот постоял немного и пошел дальше. Вик разочарованно поджала губы.

Ну, разумеется, он пришел проведать сестру и не обязан был заходить к ней. И без того многое сделал, хотя совсем недавно открыто высказался на ее счет.

— Ох, там такое началось! — возбужденно говорил Битти. — Король наш был в ярости, аж королевская ложа задымилась! Барона и его людей тут же заключили под стражу, начали проверки, обыск... А чтоб народ не всполошился еще больше, на арену снова вывели ойле-локо-дан, так что денек прошел на славу. Надеюсь, ты расскажешь своему другу, как тебе удалось сразить того монстра? — Битти подмигнул Вик.

— Уж не себя ли ты имеешь в виду? — недоверчиво спросила та.

Битти с притворным возмущением огляделся.

— Кого же еще?

— Может, позже... Битти, почему ты здесь, а не охраняешь короля?

— Оу, я пожертвовал обедом, чтобы навестить тебя, думал, это поможет тебе поскорее поправиться. — Битти хихикнул и куда серьезнее добавил: — Я действительно сегодня в охране, но попросил Кейза заменить меня. Думал, как ты там одна, должно быть скучно и одиноко... но я рад, что ошибся.

Он огляделся, заторопился.

— Ну все, ребята, не будем ей досаждать, у нас полно дел, но мы еще заглянем к тебе, — пообещал он Вик и снова подмигнул.

После их ухода комната заметно опустела. Вик с облегчением вздохнула.

— Ты не рассказывала, что успела завести друзей, — нарушил воцарившуюся тишину Лок.

— Что? Нет, мы не друзья, это просто... — Вик отвела прядь волос со лба. — Они просто хотят через меня подобраться к Гейлу, очевидно же.

— Мне кажется, ты сейчас совершаешь ту же ошибку, что и Гейл. Понимаю, что вы с ним привыкли рассчитывать лишь на себя, но здесь вы не одни, и вам придется учиться доверять товарищам, работать в команде. Отталкивая других, ты теряешь верных друзей, которых могла бы обрести.

Вик уязвленно посмотрела на него.

— Помни: это ты пришла к ним, сюда, — сказал Лок, вставая с места. — Ты завоевала их уважение, одолев страшного противника. Так не упусти возможность.

Они с Лоис ушли, оставив Вик переваривать обед и произошедшее.

***

На следующий день Вик проснулась ранним утром. Тихонько вылезла из-под одеяла, умылась приготовленной вчера водой в небольшом тазике в углу комнатухи на столике, сделала несколько упражнений, чтобы взбодриться, съела принесенные угощения. Оглядела себя в маленьком зеркале, висевшем тут же на стене, над столиком, оделась в платье, которое принесла Лоис взамен испорченной одежды. Бинтов для груди не было, потому Вик как следует затянула шнуровку спереди платья.

Нужно будет достать нормальную одежду, размышляла она, бесшумно шагая по коридорам госпиталя. Она выбралась незамеченной в верхний двор. Солнце еще даже не встало, редкие сонные слуги и Стражи пересекали двор, никто ее не узнавал, скорее всего, принимали за служанку.

Двор все еще был украшен лентами и цветами в честь коронации, вход в арену — как всегда открыт, и Вик направилась туда. То, что на ней платье, не отменяло того факта, что ей по-прежнему нужно тренироваться использовать артефакты.

Ранним утром, до рассвета, арена как обычно пустовала, за исключением редких уборщиков, которые наводили порядок на зрительских местах, и Джула, который привычно бежал по внутреннему кругу.

Вик достала из кожаного пояса стихийные кольца, надела на пальцы и попыталась сосредоточиться. Выходило плохо. Краем глаза она невольно следила за приближением Джула. Он замедлился и оставшееся расстояние преодолел шагом, успокаивая дыхание. Он кивнул ей в знак приветствия, оглядел с головы до ног.

— Вижу, тебе лучше.

Вик осторожно кивнула.

— Надо поговорить, — продолжил Джул. — Найдется минутка?

— Да, конечно.

Недоумевая, Вик уставилась на него. Светлые волосы Джула потемнели от пота, он все еще восстанавливал дыхание, от него так и разило жаром. Он был одет в светлую рубашку без рукавов, руки его и лицо загорели, но кожа, видная в вырезе рубашки, оставалась светлой. Он принялся поправлять плотные бинты, которыми были замотаны запястья.

Наверняка он заведет разговор о случившемся на арене, спросит, что это было, как она сразила монстра, почему она уже на ногах...

— Мне по-прежнему непонятны причины твоего упрямства, но теперь я вижу, что ты по праву заняла место Красного Стража, — бросив на нее короткий взгляд, сказал Джул. — Прости, что наговорил тебе тогда. Я ошибался. Ты отличный Красный Страж. С магией или без.

Вик покраснела и от волнения не знала, что сказать, но Джул продолжил, подняв руку, останавливая ее:

— Еще я хотел сказать “спасибо”. Это мне следовало выступить против ниргена, защитить честь короля, но я... — Он прикрыл глаза и чуть поморщился как от боли. — Я испугался за сестру и позабыл о своем долге. Битти рассказал мне, что ты не стала дожидаться приказа и чьего-либо решения и выступила вперед. Обдумывая твой бой с тем монстром я пришел к выводу, что, скорее всего, не устоял бы против него. Твое обращение с оружием и телом несколько... необычное, но именно благодаря этому тебе удалось взять верх. Такому стилю боя нас не обучали. — Он заглянул в ее глаза и тихим голосом добавил: — Тебя учил уркас, Зеленый Страж, верно?

Вик немного овладела собой и почувствовала, что цвет лица почти вернулся. Предположение Джула невольно заставило ее улыбнуться, и слова неожиданно легко слетели с губ:

— Учитель никогда не рассказывал о своем прошлом, но, думаю, ты прав. Он говорил, что это — “танец мечей”, древнее искусство, с которым уркасы сражались против ниргенов, своих заклятых врагов. Конечно, о том, что Гронг оказался ниргеном, я начала догадываться ближе к концу схватки, потому и решила снять с него шлем. Учитель говорил, что мне не хватает быстроты, чтобы постигнуть “танец” в полной мере, но с артефактом скорости, — она дотронулась до серебряного браслета на руке, — у меня стало лучше получаться. Я внимательно наблюдала за боем Джелии и ниргена. У меня было время, чтобы обдумать, как лучше с ним биться.

Джул кивнул и прежде, чем молчание стало бы неловким, указал взглядом на кольца.

— Ты можешь усилить оружие с помощью стихийной магии. Если направить силу артефакта огня в меч, то можно раскалить клинок, если воздуха — одним взмахом расцечь дальнюю мишень. Это требует концентрации и точности, но, думаю, тебе по плечу.

— Спасибо, — пробормотала Вик, чувствуя, что снова краснеет. Как же досадно...

Джул улыбнулся, кивнул, собрался было уходить, но Вик окликнула его еще прежде, чем сообразила, что хотела сказать:

— Подожди. Я... ээ... ну, я могла бы показать тебе парочку приемов...

Джул вопросительно обернулся. Вик мысленно стукнула себя по лбу, но, запинаясь, продолжила:

— Конечно, тебе уже поздно учиться всем тем приемам, которым обучил меня учитель. Он говорил, что взрослым такому не научиться, поскольку тело их сформировано. Он и меня частенько ругал за мою, кхм, человеческую природу, и что телосложение не подходит... Но кое-что может пригодиться тебе, если вдруг ты столкнешься с ниргеном, ну, в будущем, наверное, когда-нибудь, — выпалила она и замолчала. Щеки пылали. Похоже, она поспешила с выводами о самочувствии, неплохо было бы действительно полежать в госпитале несколько дней.

— Буду очень признателен, — горячо ответил Джул, подавшись вперед. В его глазах появились те самые искорки, как когда он готовился применить магию. — И, Вик, у меня есть одна идея. Что скажешь, если мы — я, Битти, Лия, Бренс и Корди — соберемся сегодня вечером, и ты расскажешь подробней, как сразила ниргена? Твой опыт может нам всем пригодиться, если действительно придется сразиться с ними.

Вик опешила, но, вспомнив слова Лока, робко кивнула. Джул широко искренне улыбнулся. Кивнул в сторону выхода из арены.

— Мне пора, сегодня моя очередь охранять короля, но я освобожусь к ужину. Нас с Битти, новичков, еще не оставляют на ночные дежурства.

— А кого-нибудь уже назначили на место Джелии?

Джул помрачнел, и Вик мучительно подумала, что не стоило о таком спрашивать, но он ответил:

— Хемль назначил Ходена из запаса, но знаешь, — Джул ухмыльнулся и оценивающе посмотрел на Вик, — все считают, что это место должно достаться тебе.

— А ты как считаешь? — не слыша себя, спросила Вик.

— Я тоже считаю, что место в личной охране короля должно быть твоим, — ответил Джул.

Они молча смотрели друг на друга, никто не торопился отвести взгляд. Раздавшийся сигнал к завтраку застал их врасплох. Вик провела рукой по лбу, убирая лезшую в глаза челку. Джул направился к выходу. Помедлив, Вик отправилась следом. Джул замедлил шаг, подождал, пока она поравняется с ним, и путь до столовой они прошли вместе, то и дело поглядывая друг на друга.

***

— Из-за празднеств накопилось слишком много дел, — горестно сказал Гейл, устало откладывая в сторонку свиток с магическими формулами. — Еще и с бароном непонятно, что делать.

Он сидел, скрестив ноги, в их с Локом закутке и мучительно запихивал в голову знания. Не менее вымотанный Лок невесело кивнул.

— Что удалось у него выведать?

Гейл задумался.

— Барон уже больше двадцати лет поддерживает Серых Стражей. На границе с Дикими Землями начнутся недовольства, если его лишат всех привилегий, а земли передадут другому. Дядя, то есть герцог Огуст, советует повременить с решением, тут я не спорю, но чем больше проходит времени, тем большие сомнения в Малом и Большом Совете на мой счет. Я должен действовать быстро и решительно, а не мямлить. — Гейл досадливо толкнул пальцем откатившийся свиток. — Барон утверждает, что вырастил этого ниргена и всему обучил. “В законе не сказано, что в охрану нельзя брать ниргенов,” — передразнил он старого Фенфроя. — Но, разумеется, ему нечего сказать против того, что человека нельзя ставить на одну ступень с ниргеном — силы слишком неравны. Также Фенфрой сказал, что лютая болезнь отступает либо ниргены нашли способ с нею бороться. Он сказал, что Гронг не проявлял признаков этой болезни. Его нашли ребенком в горах после оползня, рядом с трупом взрослого ниргена, и забрали, думали, что пригодится, но... Лок, что если Фенфрой прав насчет ниргенов?

Лок с сомнением посмотрел на него.

— До меня дошли сведения, — уклончиво начал он, — что лютая болезнь, мм, прогрессировала. Ныне лютые ниргены проявляют хитрость и смекалку, чтобы добраться до своих будущих жертв. Возможно, случай с Гронгом — невероятное везение. Ребенок мог не успеть подхватить болезнь от взрослых и провел всю жизнь среди людей.

— В любом случае Фенфрой должен получить наказание. Вик едва из-за него не погибла. — Гейл стиснул кулаки, глаза его недобро сузились.

— Ты так и не проведал ее?

— Сам знаешь, каждый час мой расписан. — Гейл криво улыбнулся и встал, разминая ноги. — Кажется, скоро время обеда.

Лок скептически посмотрел на большие часы на центральной колонне золотого зала библиотеки и открыл рот, чтобы указать, что оставалось еще минут десять, не менее, но не успел — к ним подбежал один из библиотекарей. Высокий, худощавый, в болтающемся темном балахоне. Его редкие волосы встопорщились, глаза вытаращились, он крепко держал толстенную книгу, будто собирался ею от кого-то отбиваться.

— Ваше Величество! Господин Кор Лок!

— Что случилось? — удивился Лок.

— На втором этаже пожар! — задыхаясь, выпалил библиотекарь. — Скорее, Ваше Величество! Там ценные книги!

Лок и Гейл переглянулись и бросились туда. Они взбежали вверх по лестнице, свернули за широченную полку, высившуюся до потолка, и невольно отпрянули, резко остановившись.

Огонь стремительно пожирал высокие тяжелые шторы, ковер, устилавший полы от стены до стены, но, что самое ужасное — книги, прекрасные бесчисленные книги королевской библиотеки! Стоявшие так близко к огню, как только могли, библиотекари и слуги, владеющие магией, пытались спасти их с помощью заклинаний переноса предметов. От жара лопались окна, угрожающе звенели хрустальные многоярусные люстры. Огонь карабкался по лестницам, прислоненным к высоким книжным шкавам, плясал на стеллажах и полках, подвешенных над столами для чтения.

Заметив Гейла, люди с облегчением уставились на него, явно чего-то ожидая.

— Его Величество здесь!

— Слава богам!

Гейл застыл, будто окаменел.

— Ваше Величество! — с возмущением окликнул его тот самый библиотекарь. Книгу свою он теперь обнимал, как человек обнимает подушку после кошмаров. — Сделайте же что-нибудь!

— Да... я... да, — отозвался Гейл.

Он поднял руки над собой, напрягся. Волосы его резко вздыбились под мощью его магической силы.

Отлично, отлично. Лок одобрительно кивнул. Прекрасная возможность на деле применить то, чему Гейл так долго обучался — контролю над своей стихийной магией огня. Лок знал, что некоторые Хранители настолько сливались с силой своей Вершины, что могли чувствовать, что происходит в любой точке замка. Конечно, Гейлу до этого еще далеко, но что может быть волнительней, чем наблюдать, как ученик впервые пробует на деле настоящую магию? Преисполненный умиления Лок наблюдал за Гейлом, но тот вдруг пошатнулся и как-то панически оглянулся на него. Лок обеспокоенно нахмурился. Становилось жарковато, пора было отступить.

— Ваше Величество! — снова крикнули позади.

— Гейлорд, сконцентрируйтесь, — твердо велел Лок. — Успокойтесь, дышите, почувствуйте пламя и заставьте его утихнуть.

Гейл беспомощно сжимал и разжимал кулаки. Огонь стремительно подбирался к ним и к горе вытасненных книг, сложенных у стены. Упали две дальние люстры, горящие осколки брызгами разлетелись в стороны, раздался крик — кого-то ранило. Несчастливого схватили за

руки и потащили вниз. Вниз принялись таскать и книги, кто-то пытался наколдовать воды, но то была жалкая капля против бушующего огня. Неожиданно возникшие Красные Стражи перехватили их с Гейлом и вовремя оттащили подальше прежде, чем горящая люстра хлынула на место, где они стояли. Лок благодарно кивнул своему Стражу, которым оказался знакомый ему Джул.

— Гейлорд! Соберитесь! — воззвал он, но Гейл лишь растерянно смотрел по сторонам и крутил головой, будто оглох.

— Лорд Жатриен! — вскричали сзади.

Тот промчался мимо них промчался, высокий и легкий. Не обращая внимания на короля, он ринулся ближе к огню, вскидывая над собой руки. От огненной волны его приподняло в воздух, неизменная шляпа слетела, взметнулись черные волосы. Он выкрикнул заклинание покоя, и огонь вмиг подчинился, успокоился, заплясал послушно, словно игривое дитя. От магической силы волосы и одежды лорда трепетали. Он медленно, с видимым трудом сдвинул руки над собой, постепенно смыкая ладони. Точно также смыкался и растворялся, уменьшался, как расстояние между ладонями, пожар. И вот уже лишь дымилась обугленная мебель, потухали окончательно алые искры, дым убегал через окно, стало много легче дышать. Лок не сдержался, закашлялся, прикрывая рот рукой. Лорд подождал немного, удерживая ладони вместе, прежде чем опустил их. Воцарилась тишина. Лорд Жатриен обернулся к подбежавшим людям. Послышались хлопки, один, другой, несколько, градом. Жатриен широко улыбнулся и неожиданно галантно поклонился. Подобравшая его широкополую шляпу юная библиотекарьша в темном балахоне восторженно взвизгнула.

— Да здравствует лорд Жатриен! — крикнул кто-то.

— Слава богам, вы были рядом!

— Ну что вы, это пустяки, — скромно отвечал лорд.

Униженный Гейл за спиной Лока шумно дышал. Лок фыркнул, посмотрев на него, и тоже подошел к лорду Жатриену.

— Благодарим вас за помощь, — церемонно, по всем правилам поклонился он, раз уж Гейл позабыл о манерах. — Без вас от пожара могли быть страшные последствия.

— Действительно, — отозвался Жатриен с усмешкой поглядывая на Гейла. — Я надеялся, что с возвращением Хранителя мы все вздохнем спокойно. Не такого я ожидал, когда спешил на вашу коронацию.

Он испытующе посмотрел на Гейла. Гейл, не выдержав, отвел глаза.

— И это наш король? — уже громче, презрительно спросил Жатриен, обращаясь к людям. — Хранитель Южной Вершины, который даже огонь — свою стихию — потушить не смог? Ах, как неприятно испытывать разочарование!

Он подчеркнуто поклонился Гейлу и прошагал мимо него, едва не задев плечом. Часть людей бросилась следом, благодаря за спасенную библиотеку, часть осталась здесь, наводить порядок.

— Гейл, — тихо позвал Лок.

Гейл отрешенно смотрел себе под ноги. Лок тронул его плечо, и он вздрогнул, отвернулся и убежал. Следом за ним поспешили переглянувшиеся Красные Стражи.

— Чего это он? — удивилась запыхавшаяся Лоис.

Она должна была находиться в другом конце библиотеки и искать книгу рецептов почтенной Моонизели Мудрой. Известна она была как создательница схем получения

порошков из зелий, но Лока больше интересовал другой аспект ее деятельности, а именно — рецепт крошечных сосисок в вишневом соусе. Ходили слухи среди членов Первого Кулинарного Ордена, что рецепт записан от руки в одной из ее книг, и Локу совершенно точно было известно, что некоторые из них хранятся в библиотеке Южной Вершины.

Лоис подобрала одну из испорченных книг и расстроено повертела ее в руках.

— Не смог справиться с пожаром, — объяснил Лок. — Положение спас лорд Жатриен, а потом немного, мм, нелицеприятно высказался, чем задел чувства Гейла.

— О, лорд Жатриен очень способный стихийный маг и к тому же весьма красив, — оживилась Лоис.

— Он весьма популярен среди народа, — заметил Лок. — И не боится высказывать критику королю прямо в лицо. Занятный молодой человек.

— Еще бы! Он же воплощение мечты простого люда, и судьба его удивительна! — торопливо заговорила Лоис.

Видимо, тема чрезвычайно ее увлекала. Лок решил не перебивать, дать высказаться, с интересом наблюдая за ее живой мимикой.

— Он был безродным мальчишкой и однажды на улице напал на герцога Огуста, но герцог пощадил его. Он увидел в мальчике таланты и взял его под опеку. Юный Жатриен поступил в Академию магов и быстро нагнал и перегнал сверстников, а позже стал верным помощником герцога. В награду за его службу герцог Огуст одарил его землями и однажды привез с собой в Южную Вершину, где лорд Жатриен познакомился с принцессой Крастой, — восторженно закончила Лоис. — Будучи ее мужем он имеет привилегии и не стесняется ими пользоваться. Я ничуть не удивлена тем, что он отчитал Гейла. — Лоис захихикала, но, заметив серьезность Лока, быстро перестала. — Все так плохо, да?

Лок невесело кивнул.

— Я думал, это отличный момент для испытания, да и Гейл выглядел довольно уверенно в последнее время, но я ошибся. Вик рассказывала, что магией огня он не пользовался за все время их знакомства, но огонь — его стихийная магия, он не должен его игнорировать, особенно теперь, когда находится в Южной Вершине. Сила замка питает его, делает сильнее, но контролировать силу Гейл не умеет.

— Возможно, ожидание людей оказало на него слишком сильное давление, — предположила Лоис. — Когда столько людей смотрят и ждут от тебя чего-то, волей-неволей начинаешь нервничать. Думаю, тебе нужно дать ему успокоиться. Теперь, когда он взялся за дело всерьез, ему просто нужно время.

***

Вик, стараясь не крутить головой по сторонам, медленно шла за Джулом по коридорам замка. На третьем этаже она никогда не была, а сейчас Гейл вызвал ее в свои апартаменты, и это невольно настораживало. Слишком хорошо Вик помнила их последний разговор, его злые слова.

Джул, заметив ее нервозность, чтобы отвлечь, дополнил рассказ Лока о случае в библиотеке.

— Король был сильно расстроен, — невесело закончил он. — Представляю, какой это был удар по его гордости.

— Он его заслужил, — едко сказала Вик. — Как Лок, кхм, Кор Лок говорит: никому не

повредит время от времени слетать с небес на землю.

Джул усмехнулся. Он довел ее до нужной двери, где находился другой Красный Страж, Кейз, и встал по другую ее сторону. Вик занесла руку над дверью и коротко постучала. Дверь тут же распахнулась, будто Гейл находился прямо за ней и только этого и ждал.

— Ваше Величество, — пробормотала Вик, расшаркиваясь перед ним, как учила Лоис.

— Проходи, — коротко велел Гейл, не глядя на Красных Стражей.

Он был мрачен и выглядел сильно уставшим. Настроение, судя по всему, было паршивое. Вик вздохнула, коротко переглянулась с Джулом, прежде чем войти — оставалось совсем мало времени до ужина, после которого была условлена встреча с другими Стражами, где они разобрали бы ее бой с ниргеном, и она немного волновалась.

Вик плотно притворила за собой дверь и, оглядев комнату Гейла, восхищенно присвистнула, на миг позабыв об их ссоре.

Комната была огромна и заставлена красивой резной мебелью, на которую страшно было сесть, устелена роскошным красным ковром, на котором страшно было стоять. Стены были обиты приглушенного цвета зелеными тканями, и на них было страшно опереться. Вик осторожно прошла вперед, озираясь по сторонам. На изящных люстрах и канделябрах вместо свечей использовались светлые кристаллы, вдоль стены стоял небольшой стол, заставленный фруктами и сладостями, там же виселось несколько бутылок и графинов.

— А ты неплохо тут устроился. Хорошо быть королем.

— Хоть какие-то плюсы, — хмыкнув, отозвался Гейл.

Он был одет как с иголочки: в светлые обтягивающие штаны и блестящие сапоги, расшитый узорами камзол до середины бедра, низкий кованный пояс, украшенный камнями, да заткнутый под горлом бархатный платок. Только волосы растрепались за день, и это придавало Гейлу слегка небрежный вид. Он подошел к небольшому столу и принялся разливать вино из темно-красной бутылки с пожелтевшей этикеткой в два приготовленных кубка.

Вик послонялась по комнате, все больше привыкая к обстановке. Подошла к рабочему столу Гейла, по правую руку от которого находился камин. Оглядела чернильницу из тяжелого зеленого камня, который подпирал один конец свитка с какими-то схемами, судя по всему, магическими формулами. Другой конец был придавлен черным камнем, на котором лежали несколько карандашей.

— Значит, ты решил остаться?

— Да. Не навсегда, — тут же уточнил Гейл. — На время. Пока ты не поймешь, что затеяла глупость и не отступишься.

Вик недобро сощурилась.

— Я, помнится, согласилась с твоим решением уйти. Не взваливай теперь все на меня.

Гейл подошел к ней вплотную, сверля пристальным взглядом, и прошипел:

— А кто полез на арену сражаться против монстра? А если бы он тебя прикончил? Ты знаешь, что у тебя сильно повредилась парочка внутренних органов, и ты могла умереть в госпитале? Лок совершенно бесполезен в исцелении, а еще так хвалился своими умениями!

— Я не просила тебя о помощи! — начиная закипать, прошипела в ответ Вик.

— Ну, конечно! Я так просто остался бы в стороне после того, как ты полезла геройствовать из-за какой-то ерунды!

— Это не ерунда!

— Хочешь сказать, что вышла бы сразиться в любом случае? Даже за герцога Огуста?

— Конечно, нет! Но этому уроду нужно было преподать урок! Никто не смеет оскорблять тебя, кроме меня!

Гейл вытаращился на нее, а потом вдруг расхохотался. Вик обозленно выждала, когда он закончит.

— Если ты думаешь, что я шучу, ты ошибаешься, — предупредила она. — Я серьезна, как никогда. Я же единственная, кто смеет безнаказанно перечить да оскорблять тебя, аж самого короля. Не считая лорда Жатриена, наверное.

При упоминании лорда Гейл заметно помрачнел.

— Что случилось на том пожаре? — осторожно спросила Вик.

— Я не справился, вот что, — буркнул Гейл. — Все постоянно от меня чего-то требуют. Лок говорит, что я талантлив и силен, как маг, но что-то я совершенно этого не чувствую. Все будто рассыпается в руках. Чем больше я стараюсь, тем хуже получается.

— Но тебе и не нужно стараться, — удивленно сказала Вик. — Ты же никогда особо не напрягаешься, когда исцеляешь меня, к примеру. Вспомни, как легко тебе это дается!

— Это другое. — Гейл досадливо поморщился, будто она не понимала элементарных вещей.

— Да то же самое! Вспомни, как ты испепелил всю нечисть на кладбище первых людей. Там же их сотни было, не меньше.

— Боги, ну ты сравнила. — Гейл снисходительно улыбнулся. — На болотах нас едва не прикончили.

— Но ты ведь тогда даже не задумался, никакого заклинания не произнес, — напомнила Вик. — Я, по крайней мере, ничего не слышала.

Гейл задумчиво кивнул.

— Лок говорил, — продолжала Вик, — что Хранитель и Вершина связаны, и сила их едина. А также, что опыт твоих предшественников может помочь тебе в трудную минуту. Конечно, это не отменяет того, что тебе нужно изучить основы магии, но в подобных ситуациях, как сегодня, Гейл, доверься своей силе, как тогда, на кладбище.

— Тебе легко говорить. Если я каждый раз буду так пугаться, то быстро поседею.

Вик добродушно отвесила ему легкий подзатыльник.

— Но ты же так хотел избавиться от рыжих волос. Зря, кстати, ты очень... своеобразно выглядишь.

— Ну спасибо, — саркастично сказал Гейл. — Что еще мне скажешь?

— Что тебе следует уважительнее относиться к Локу, — подумав, ответила Вик. — Он твой учитель и очень помогает тебе и мне во всем. Он наш друг.

- “Друг”? — Гейл скривился. — Я и без того стараюсь проявлять к нему уважение и благодарность за помощь тебе, но не проси от меня многого. Он предал меня, он знал, что я не просто так прячусь, он с самого начала все знал и так подло поступил!

— Гейл, не начинай, — предупредила Вик. — Мы снова разругаемся, а я этого не хочу. Просто обдумай это. Если тебе так сложно, попробуй хотя бы не вспоминать так часто о его так называемом предательстве и сосредоточься на том, что он твой учитель. Вложи силу своей злости в обучение. Не верю, что тебе и в следующий раз захочется выглядеть глупцом и неумехой на фоне блистательного лорда Жатриена, — не удержавшись, поддела она.

— Наверное, он же и устроил пожар, — недовольно проворчал Гейл. — Знал, что я с силой не в ладах, на посмешище меня выставить захотел.

— У него это, кстати, получилось, — вежливо осадила его Вик.

Раздался сигнал, возвестивший о начале ужина.

Вик посмотрела на дверь и даже успела сделать несколько шагов, как Гейл схватил ее за руку, останавливая.

— Ты куда?

— На ужин. — Вик аккуратно убрала руку и снисходительно улыбнулась. — Мне в отличие от тебя не приносят еду в комнату.

— Но я... я даже не предложил тебе выпить, — запинаясь, сказал Гейл. — И мы все еще не отпраздновали мою коронацию.

Он подвел ее к столу, где уже поджидали кубки с вином, и протянул один ей.

— Ваше здоровье, Ваше Величество, — усмехнулась Вик.

Гейл хмыкнул. Они отсалютовали друг другу и осушили наперегонки. Гейл победно стукнул кубком по столу первым. Вик закатила глаза и подставила лоб. Гейл от души щелкнул по нему пальцами, радуясь, как малое дитя.

— А теперь за твое вступление в Красные Стражи, — заметно повеселев, сказал он.

Они повторили по кругу, но в этот раз без ребячества. Вик неспешно смаковала вино, которое здорово отличалось по вкусу от того, что подавали в столовой.

— У меня кое-что есть для тебя, — сказал Гейл. Засуетился у шкафчиков под рабочим столом, достал маленький сверток, перевязанный веревочкой.

— Что это? — спросила Вик и быстро развязала подарок.

Это оказалась сложенная карта замка, изрисованная лабиринтами и аккуратно подписанная.

— Идем, — предложил Гейл, — я покажу тебе кое-что.

Он провел заинтригованную Вик к пустому камину. По одну его сторону высилась ровная стопка заготовленных дров, по другую находилась узкая ниша, в которой стояла высокая тонкая ваза. Гейл выгащил ее, нашарил в глубине ниши нужный кирпичик и надавил. Тут же стена у камина отодвинулась, обнажая проход, достаточно широкий, чтобы в него можно было свободно войти.

— Это... — удивленно начала Вик.

— Да, — с гордостью сказал Гейл. — Это тайные проходы замка. Они никому не известны, кроме Хранителя. Я узнал о них ребенком вскоре после того, как умер дед. Они снились мне тогда ночью, и вот недавно вновь стали появляться в моих снах. Карта пока неполная, но я закончу ее, как только увижу все остальное, — пообещал он.

— Гейл, — не зная, что сказать, пробормотала Вик. — Ты уверен, что...

— Да, — тихо ответил Гейл и сжал ее руку, державшую карту. Его глаза взволнованно блестели. — Конечно, я уверен. И мне будет спокойнее знать, что если вдруг что-то случится в замке, ты всегда сможешь выкрутиться из неприятности. А зная твои привычки в них влипать...

Вик закатила глаза и ткнула его в бок, чтобы перестал. Затем аккуратно сложила карту и положила за пазуху. Взгляд ее упал на небольшие напольные часы.

О боги, время! Она же опаздывает!

— Вик, я... — тем временем, прочистив горло, начал Гейл, но Вик его перебила:

— Мне пора бежать, шмак, совсем я тут с тобой засиделась!

— Эй, я тут вообще-то собирался сказать тебе кое-что важное!

— С картой я разберусь, не переживай, и в твою комнату или в сокровищницу тайком пробираться не буду, как ты мог о таком подумать?

— Вик! — Гейл досадливо провел рукой по волосам, окончательно их взлохматив.

— Да, прости, просто сегодня Лок дал мне хороший совет, — торопливо принялась объяснять Вик, — и тут же подвернулся удобный случай, так что я решила, что прислушаюсь к нему. Меня попросили рассказать, как я справилась с ниргеном. Мы договорились собраться сегодня после ужина. И я вот-вот опоздаю!

— Нехорошо получится, — с натянутой улыбкой сказал Гейл.

— Да, поэтому, — Вик быстро оглядела себя в большом зеркале, одернула камзол и широко улыбнулась, — пожелай мне удачи.

— Удачи.

Вик коротко махнула ему и вышла из комнаты, с досадой думая, как бы не заплутать в коридорах третьего этажа, но снаружи ее подждал Джул в компании двух Красных Стражей. Вик удивленно и радостно кивнула ему. Он попрощался с друзьями, и они с Вик поспешили вниз.

дневник Лока: об уркасах

На Западе царствуют уркасы, и их порядки несколько отличаются от человеческих. В этой записи речь пойдет о Зеленых Стражах — особом отряде уркасов, которых королевы Запада отправляли на задания особой важности.

Почему-то сила Хранителя Западной Вершины во всех случаях переходила к женщинам королевской семьи, не припомню ни одного короля Запада — одни королевы.

Жаль, юная Вик не раскрыла полного имени своего учителя — уверяет, что не знает, и у меня нет причин сомневаться в ее словах.

Зеленые Стражи — бойцы, которых обучают всевозможным ловкостям и премудростям с детских лет. Отбор жесткий, детей в Зеленые Стражи обычно набирают из детских приютов. Говорят, им дают особые снадобья уркасов, которые укрепляют детский организм и наделяют особыми свойствами, но это не точно. Также среди Зеленых Стражей ни разу не упоминались маги.

Стиль боя Зеленых Стражей во многом подточен под сражение с более крупным и тяжелым противником — тэйверами, шэйерами, ниргенами. Зеленых Стражей учат удерживать равновесие в немыслимых положениях, а так же быстроте и ловкости.

После коронации дни быстро вернулись в привычное русло. За исключением дела барона Фенфроя, которое неприлично затянулось. Он подал ответное прошение в королевский суд, и дело странным образом перетекло к обсуждению лютой болезни ниргенов. Тело Гронга исследовали королевские целители. Лок тоже сумел протиснуться в их ряды и весь следующий день возбужденно делился открытиями и восторгался строением тела не подверженного лютой ниргена.

Будто Гейлу было до этого дело... Лучше бы показал то заклинание покоя, которым Жатриен утихомирил огонь в библиотеке... Но на это у Лока, разумеется, была отговорка — никакой высшей магии, пока не изучены основы. После коронации Лок перестал контролировать его утренние и вечерние медитации, лишь на дневных занятиях в библиотеке продолжал настаивать на совместной, будь она неладна, все равно ничего не выходило. Для того же, чтобы лучше контролировать свой магический поток, Гейл учился владеть мелкой бытовой магией и порой часами под надзором Лока терпеливо пытался усилием магии вдеть нитку в игольное ушко или перекладывал книги из одной полки в другую. В другие дни он ломал голову над магическими формулами, точнее, там ломать-то было нечего — всего шесть основных схем, черкнуть внутри несколько символов да заполнить их магией, с чем дело уже обстояло труднее. Они с Локом еще на миссии в лесу прошли формулу магического барьера, ничего сложного в этом не было. С созданием снадобий Лок и вовсе решил его не знакомить, и Гейл целиком это одобрял — и без того слишком медленно продвигалось обучение.

А тут еще и дело барона Фенфроя, чтобы его роганы задрали...

Прознав о случившемся, в столицу съехались соседи барона, его влиятельные друзья из других частей Юга, представители Серых Стражей. Герцогу Огусту срочно понадобилось уехать к себе на Восточное Побережье, и суд над бароном пришлось отложить: без дяди Гейл ощущал себя слишком неуверенным, чтобы обвинять барона Фенфроя, тот же напротив выглядел чрезмерно бодрым и ничуть не пристыженным, никак не проявлял раскаяния и продолжал настаивать на своей невинности и требовать возмещения за гибель верного слуги Гронга. Но что хуже всего — его поддерживали, и во время заседания Совета все чаще всплывала тема недостаточной подготовленности короля и необходимости пересмотреть ситуацию с ниргенами.

Чего им всем от него нужно? Чего они ожидали? Что после десяти лет жизни у старогс уркаса в лесу да странствий по деревням он вдруг каким-то неведомым образом научился править страной? Да прошло меньше трех месяцев с тех пор, как он вернулся в замок!

— Да и случай в библиотеке не прибавил ему величия, — доносились до Гейла смешки за спиной.

— Худшего Хранителя Южной Вершины еще не было.

— Он даже с огнем не может совладать.

Гейлу с пылающим от гнева лицом только и оставалось, что держать осанку, сцепить зубы да продолжать работать.

Он пытался направить силу злости в полезное русло, как посоветовала Вик, даже взялся дополнительно тренироваться в использовании магии в библиотеке по ночам, но от всего этого было так мало толку! Он научился сносно удерживать огонь в форме огненных

бабочек. Достижение, которым гордились младшеклассники школы магов — вот и весь прогресс его учебы.

Гейл горестно откинулся спиной на холодный пол библиотеки в центре золотого зала, наблюдая за тем, как шмаковы бабочки тают в воздухе, отражаясь потухающими крылышками в громадной хрустальной люстре над головой.

Он пришел сюда после очередного Малого Совета, надеясь поработать спокойно над своей магией. В просторном золотом зале библиотеки он не так опасался что-нибудь вспламенить: книжные полки плотно примыкали к далеким стенами, да уходили ровными рядами в форме четырех лучей от центра зала в глубины первого этажа, где разветвлялись лабиринтами. Да и как-то спокойней ему тут было. Тишина, темнота, разбавленная светом нескольких кристаллов, множество книг, таивших знания сотни поколений, включая далеких предков-тэйверов...

Гейл усмехнулся, представив их возмущение — Южной Вершиной правит король-человек, который даже с силой своей совладать не может. Какое жалкое зрелище...

Гейл устало прикрыл лицо рукой.

Вик советовала не напрягаться, дескать, волшебство же прежде само получалось.

Вот только не получалось ничего. Все разы то было просто совпадение, он сам ничего не контролировал, он просто всегда был настолько напуган или взбудоражен, что озарение приходило само, но как вызвать его нарочно, он не знал.

Он даже признаться ей в чувствах, из-за которых на самом деле решил остаться, не успел — смутился, растерялся и отступил. А сейчас одна проблема за другой валились на плечи грудой кирпичей, и хоть бы один упал.

Нужно собраться, взять себя в руки, с тоской думал Гейл. Благо, времени теперь было предостаточно, и удобные моменты признаться Вик не раз еще представятся, а если не представятся, всегда можно будет еще раз вызвать ее в кабинет.

Вот только слегка беспокоила возможная реакция Вик, да и Малый Совет будет негодовать — они уже присматривали ему невесту благородных кровей.

Но почему бы в таком случае не повториться прекрасной истории Красты и этого безродного пса Жатриена? Народ должен будет с восторгом встретить и их историю любви, озабоченно размышлял Гейл.

— Ваше Величество, вот вы где, — с улыбкой в голосе сказал лорд Жатриен.

Мда, прислышится же всякое. Кажется, он умудрился задремать.

Гейл, чтобы убедиться в этом, поморгал, отгоняя дремоту, и на всякий случай обернулся. Ахнул от изумления, поспешно вскочил и поправил задревший камзол.

— Лорд Жатриен? Вы что здесь делаете?

Он не договорил. Лорд Жатриен резко вытолкнул кулак вперед, и одновременно огромная невидимая рука ударила Гейла, отшвыривая в сторону. Он так больно врезался в книжную полку у стены, что потемнело в глазах и на короткий момент он перестал ощущать ноги. Жатриен, не мешкая, взмахнул рукой еще раз, впечатывая воздушный кулак в Гейла. Колени надломились, боль разлилась по телу горячей густой патокой, затопляя разум.

“Это какое-то недоразумение, — вяло подумал он, выискивая взглядом часы. На часах было почти четыре ночи. Или утра. — Где мои Стражи?”

Ах да, он же оставил их за дверью, приказав не мешать. Но на подозрительный шум они уже должны были сбежаться. Какого шмака этих остолопов назначили Красными Стражами? На него напал Жатриен — которому он с самого начала не доверял, как знал! — а они хоть

бы забеспокоились!

А может они на одной стороне с Жатриеном?

Может, Жатриен решил не смешно над ним подшутить?

Или убить? Тогда сила Вершины может перейти к его детям.

Так и знал, что это случится. Следовало убежать, пока еще была такая возможность.

Толстая книга больно подпирала щеку острым углом. Лорд Жатриен осторожно подбирался ближе, будто ожидал от него ответного угощения.

“Вот болван, — подумал Гейл, — я сейчас в тебя даже огненную бабочку не запущу”, - и погрузился в темноту.

***

Он очнулся как с похмелья после бурной ночи и с трудом попытался отлепить слипшиеся ресницы.

Когда только успел? Что ему подмешали в напиток?

Воспоминание о нападении Жатриена вспыхнуло, будто спичка в ночи.

Гейл тут же прикусил опухший язык. Попробовал шевельнуть руками, ногами. Медленно осознал, что связан и распят, прикован к чему-то кандалами. От долгой неподвижной позы тело затекло, в особенности руки. Смертельно хотелось пить. Затылок стянуло, крепче, чем от укладочных средств цирюльников, приводивших его волосы в порядок по утрам. Гейл поморщился, осторожно открыл, наконец, глаза и с изумлением обнаружил, что находился в тронном зале, примыкавшем аккурат к библиотеке. Судя по всему его подвесили к огромному щиту, который прежде находился за тронном, а теперь был приставлен к стене у большого окна. За окном заметно посветлело — близился рассвет.

Он осторожно проверил кандалы, попытался вытащить руки, но не смог. Попытался силой магии хотя бы ослабить железки, но снова ничего не вышло, и до Гейла дошло, что то были особые, запирающие магию кандалы. Запястья саднили и опухли, ноги тоже были окованы, благо, шеей он хотя бы мог вертеть. Гейл осторожно огляделся. По правую руку, в направлении к высоким до потолка дверям, у которых стояло несколько человек, маячил предатель-Жатриен. Он как раз встал, и у его ног Гейл увидел знакомую коренастую фигуру барона Фенфроя. Барон не шевелился. Под ним медленно растекалась темная жидкость. Кровь.

Гейл похолодел.

Внезапно воздух у окна заискрился, и в полутьме, освещенной лишь слабым светом из окон да несколькими кристаллами, появилась широкая кривая линия, переливающаяся всеми оттенками зеленого. Через нее в зале появились двое, и притворившийся бесчувственным Гейл, наблюдая за происходящим сквозь полуприкрытые веки и свисающие волосы, с трудом сдержал изумление.

Дядя Огуст, облаченный в доспехи, перепоясанный оружием, будто приготовился к бою, прошел мимо него, не удостоив и взглядом. Следом грациозно прошествовала стройная фигура, но в отличие от дядя, поравнявшись с Гейлом, остановилась.

Гейл невольно уставился на незнакомца. Если сердце до этого билось быстро, то сейчас и вовсе понеслось галопом — перед ним стоял самый настоящий тэйвер, будто сошедший с картин, правда, несколько мелковат. Его кожа была серой, а на скулах к подбородку вниз тянулись характерные тэйверские узоры. Его волосы были короткими, чего не было в

обычаях тэйверов. Сложенные кожистые крылья чуть шевелились за его спиной, колыхался над полом длинный гладкий хвост. Тэйвер был одет в темную рубашку из дорогой на вид ткани и не сковывающие движения темные штаны с высокими сапогами. На пальцах блестели несколько перстней с крупными камнями, на шее висели подвески, заправленные за ворот рубашки. В одной руке он держал тонкую, скрученную спиралью палочку.

Тэйвер медленно подошел ближе, не сводя с Гейла внимательных черных глаз. Он заметил, что Гейл в действительности был в сознании, и насмешливо оскалился, но сдавать его Огусту не стал.

Гейл опасался моргнуть и дышать. Лихорадочные мысли пронеслись в голове, но ни одна не задержалась достаточно, чтобы успеть оформиться в связную картину. Но погодите-ка...

Разве тэйверов не уничтожили Первым Проклятием? Разве успевшие сбежать в Нижний мир могут оттуда выбраться?

“А ведь Вик говорила, — мелькнуло в голове, — что однажды вместе с низшими тварями и тэйверы выберутся из Нижнего мира”.

А еще ходили слухи о полукровке-тэйвере, что спокойно разгуливал по Срединному.

Вместе с этой мыслью Гейл вдруг заметил, что на руках тэйвера вместо ногтей были длинные когти, пальцы по строению очень походили на пальцы учителя Рупа, а когда тэйвер открыл рот и протянул:

— Надо же, надо же...

Гейл увидел, что у него были самые настоящие клыки, вместо ровных тэйверских резцов.

От облегчения бросило в пот. Слава богам! Это, должно быть, действительно полукровка! Тэйверы не выбрались из Нижнего мира!

Но что же тэйвер-полукровка здесь делает? Какого шмака вообще тут происходит?

Но Гейл уже знал ответ на этот вопрос и мог лишь в бессилии наблюдать за происходящим.

Полукровка между тем протянул руку и недоверчиво потрогал его растрепавшиеся волосы.

— Рыжие с золотом... Как интересно. Скажите, лорд Жатриен, у вашей жены, его, — полукровка кивнул на Гейла, — сестры, такие же волосы?

Подошедший ближе Жатриен недобро нахмурился.

— Какое вам дело до моей жены?

— Мне — ровным счетом никакого. Но вот моего господина может это сильно заинтересовать.

— Мы собрались здесь по другому делу, — поспешил влезть Огуст.

— Но это не помешает нам при желании заключить новый договор, — сказал полукровка. — Мне всего лишь нужны ответы на кое-какие вопросы.

— И чем же вы заплатите за эти сведения? — с презрением в голосе спросил Жатриен.

Полукровка нахмурился.

— Лорд Жатриен, замолчите, — резко сказал Огуст и тут же с поклоном обратился к полукровке. — Уважаемый Орохин, простите лорда Жатриена, я не посвятил его во многое, полагая, что в этом нет необходимости. Давайте прежде закончим с этим делом, а позже обсудим вопросы, которые вас интересуют?

— Это будет зависеть от исхода дела, — помедлив, сказал Орохин. — Надеюсь, мне не

придется силой выбивать из вас обещанное?

Гейл, с трудом притворявшийся, будто все еще без сознания, не представлял, как Жатриену хватило ума говорить с ним таким тоном.

— Не придется, — горячо обещал Огуст, прижимая руку к груди.

— Что вы ему обещали? — не унимался Жатриен.

— Жертвенный кинжал.

— Реликвию Южной Вершины? Зачем она ему?

— Какая разница? Это уже его заботы. Скоро все закончится, и кинжал нам будет ни к чему. Я все предусмотрел, не волнуйся.

— Я очень на это надеюсь, — недовольно отозвался Жатриен.

Орохин тем временем придирчиво оглядел свою странную палочку, а потом взмахнул ею перед собой. И вновь кривая линия рассекла воздух, переливаясь зелеными цветами, и в этот раз Гейл понял, что это была Дверь.

— Куда вы, Орохин? — окликнул Огуст.

— Вижу, лорду Жатриену не по себе находиться в одном помещении со мной, — с усмешкой сказал Орохин. — Думаю, с остальным вы и без меня справитесь. Я вернусь, как было условлено.

Он шагнул в Дверь и исчез. Дверь быстро затянулась следом.

Огуст осуждающе посмотрел на Жатриена.

— Что? — нахмурился тот. — Я не обязан лебезить перед ним. Это же полукровка, мерзкое отродье. Мы должны быть настороже и не доверять ему. Вдруг жажда крови овладеет им, и он набросится на нас?

— Что ж, в таком случае ты и меня считаешь мерзким отродьем?

Лорд Жатриен заметно поубавил пыл и отступил.

— Конечно, нет, но... Но человеческая кровь уже несколько поколений разбавляла кровь Хэйлы, в ней уже мало что осталось от наследия тэйверов и безумия полукровок, а это...

Лорд Жатриен замолчал и лишь осуждающе покачал головой.

— Прежде в королевской семье новой линии, берущей начало от Хэйлы, рождались порой монстры, но ты прав — сейчас этого уже давно не случалось, — задумчиво произнес Огуст.

Жатриен посмотрел на окно, за которым заметно посветлело.

— О чем еще вы с полукровкой договорились? — требовательно спросил он. — Зачем ему информация о Красте?

— Кто знает, — с сомнением отозвался Огуст. — Но в дальнейшем, прошу тебя, прояви к нему почтение. Без него ничего не вышло бы. Именно я связался с ним, и как тот, от кого исходила инициатива, должен подобно радушному хозяину, принимающему гостя, проявлять уважение к нему. Поначалу я считал его вымыслом, сказкой, которой пугают детей, но потом прочитал довольно занятный дневник одного Ищейки и убедился в его реальности. Он был впечатлен тем, что я сумел найти его, и согласился выслушать, а после — помочь в обмен на нужный ему артефакт.

Гейл наострил слух, чтобы ничего не пропустить.

— Так он нашел для меня тот свиток с зашифрованными сведениями о местонахождении камня истины, — продолжал Огуст, — и продолжает мне помогать. Но его терпение на исходе. Мы договорились, что я отдам ему жертвенный кинжал, даже если

план не сработает и я не получу силу Хранителя.

Огуст осторожно вытащил из ножен на поясе жертвенный кинжал, лезвие которого было целиком сделано из какого-то красного камня, а на золотой рукояти красовался огромный рубин.

— Могу я... прикоснуться к этой реликвии? — осторожно спросил Жатриен.

— Конечно, мальчик мой.

Жатриен с благоговением двумя руками принял кинжал и с восхищением оглядел его. Попробовал на остроту, хмыкнул. Гейл презрительно наблюдал за ним. Он еще с детства знал, что кинжал был тяжел, туповат и его невозможно было уничтожить.

— Все должно было пойти совсем не так, — горестно сказал Огуст. — Чувствую, многие будут недовольны и подозрительны, как бы до мятежей не дошло, но другой попытки у меня не будет. Прежде я намеревался самолично отыскать Гейлорда с помощью камня истины — против него ни один артефакт скрытия не сработал бы, но Кор Лок, которого я попросил расшифровать свиток и найти камень, спутал мои планы. Думаю, он подозревал неладное, потому обнаружил присутствие Гейла на главной площади в разгар праздника. Мне ничего не оставалось, кроме как разыграть из себя доброго дядюшку. Я уже начал бояться, что удобного шанса не представится: чем больше шло времени, тем больше Гейлорд научился бы владеть силой Хранителя. Но тут на коронации весьма удачно выступил барон Фенфрой со своим ниргеном. Вижу, ты с ним уже покончил. — Огуст кивком указал на тело убитого Фенфроя.

— И в мыслях уже отрепетировал дальнейшее, — с усмешкой сказал Жатриен. — Ты заберешь принадлежащую тебе по праву силу Хранителя, полукровка перенесет тебя назад, на Восточное побережье, а я останусь здесь и буду тем, кто доблестно сразил злодея, убившего короля.

Гейла начало потряхивать, в животе свело и связалось в тугой узел, сердце билось мощными ударами под самым горлом. Мутило.

Так и знал, что следовало убежать из замка, пока еще мог.

Дневник Лока: о жертвенном кинжале

То, что именно случилось с четырьмя Хранителями более ста лет назад до сих пор неизвестно. Расскажу, что удалось разузнать мне.

Сила Хранителя-тэйвера после его гибели перешла к полукровке Хэйле, и та пустилась в бег. Больше о ней вплоть до возвращения в качестве Хранителя, освоившего силу, ничего неизвестно. Точнее, множество ходит слухов, но все они разнятся.

В то же время остальных Хранителей тоже не было в Вершинах и появились первые признаки лютой болезни ниргенов. В Северную Вершину королем вернулся уже человек, о котором доселе никто ничего не знал. Прежние Хранители остались на Западе — королева Виргермина, и на Востоке — королева Дерайна.

Дерайна потеряла своего воспитанника ниргена из-за лютой (опять же слухи разнятся — то ли она сама его убила, то ли он покончил с собой прежде, чем навредил бы своей госпоже) и лишилась рассудка. Ничем иным ее страшную месть тэйверам — Первое Проклятье, из-за которого они теперь не могут ступить на Срединный мир — я назвать не могу.

Но вернемся к теме моей записи. Жертвенный кинжал. О его происхождении тоже не все ясно. Считался утерянным до поры до времени артефактом богов, но также считается, что его создала Хэйла как раз в том промежутке, о котором ничего неизвестно — где были Хранители, что они делали. Но одно ясно совершенно точно: человек был вынужден взять на себя силу Хранителя Северной Вершины во время их неизвестной миссии. Поньше при вступлении на престол его потомки произносят клятву, в которой обязуются сдержать данное последнему королю-ниргену слово и вернуть силу его потомкам, когда придет время.

Жертвенный кинжал позволяет тому, кто убил с его помощью Хранителя Вершины, забрать у него силу. Но столь мощное заклятие работает лишь при определенном условии — в короткий промежуток восхода солнца. На всех прочих магах кинжал не работает, но это опять же лишь непроверенные слухи.

Кинжал невозможно ничем уничтожить, точнее, ни один из известных сейчас способов еще не подействовал.

Джул спал, когда его разбудил сигнал тревоги. Он быстро оделся, схватил оружие и помчался в коридор, едва не столкнувшись с Битти, который выскочил из соседней комнаты. Кейз и Ходен уже неслись по коридорам. Короля должны были охранять Мимоза и Врамбл, но у дверей его комнаты их не было, да и комната была пуста. Джул хотел было сосредоточиться на клятве команды личных Стражей и найти товарищей, но резко стало не до этого — на них, размахивая топорами, неслись два лютых ниргена. Из разъявленных пастей хлопьями падала желтая слюна, поверх заросшей клочьями грязной шерсти не было одежды, воспаленные глаза горели огнем ненасытного голода и безумия.

Происходящее напоминало жуткий бесконечный кошмар. Такого они точно не разбирали в стратегиях боя. Даже близко ничего подобного — полчища лютых ниргенов не появлялись разом посреди замка ни в одной из рассчитанных версий нападения.

Джул от души мысленно поблагодарил Вик за утренние занятия. На предрассветной тренировке они теперь занимались вместе: Джул учил ее, как можно направлять силу артефактов в оружие, а она показала ему несколько интересных приемов, и прямо сейчас Джул воспользовался новыми знаниями. На руку сыграло и то, что пространство здесь было довольно узкое для рослых ниргенов, бесконтрольно размахивающих топорами, и многочисленная мебель затрудняла им движение.

Битти тоже быстро сориентировался, видимо, вспомнил лекции Вик и ее бой с ниргеном.

Что бы здесь ни происходило, их главной задачей была защита короля. Нужно найти его, а для этого для начала — прорваться через этих тварей.

— Ребята! — крикнул Джул, мысленно взывая к клятве команды.

Кейз не глядя кивнул, отступил — все понял. Поняли и Битти с Ходеном и сосредоточились на одном ниргене, предоставив Джулу второго.

Клятва команды позволяла много всего важного, в особенности — на миг показать товарищу свои мысли, и Джул кратким импульсом отправил Кейзу, Битти и Ходену свой план, который тут же без лишних слов они принялись исполнять.

Битти с Ходеном оттеснили одного ниргена, пока Джул увлекал за собой второго. Когда ниргены отступили так, что встали достаточно близко друг к другу, Кейз, в это время готовивший магические путы, немедленно запустил их в ниргенов. Ниргены в яростном сопротивлении рывками задвигались, мало-помалу преодолевая оцепенение, и Кейз встал против них, усилием воли и магии укрепляя заклинание. Ходен остался с ним помочь разобраться с ниргенами и кивнул Джулу и Битти. Те переглянулись и устремились вперед.

Повсюду горели светящиеся кристаллы, зачарованные сбавывать на движения, слуги и служанки с криками убегали и прятались в комнатах, в шкафах, за мебелью от лютых неуправляемых ниргенов.

Они совсем не походили на Гронга, который двигался хладнокровно и расчетливо, да и вид его мертвого тела был куда благоприятней — то был ухоженный, красивый нирген с симметричным строением тела, ровными чертами лица.

Джул и Битти, коротко обменявшись мыслями, набросились на ниргена, загнавшего визжащих служанок в угол. Битти отвлек ниргена, а Джул, усилив тело заклинанием, высоко подпрыгнул и обрушился заостренным магией мечом на ниргена, разрубая его от плеча до

пояса. Он успел отскочить прежде, чем кровь окатила бы его, и бросился догонять ушедшего вперед Битти.

Они чуть ли не кубарем скатились с западной парадной лестницы на площадку второго этажа, столкнув по дороге лютого ниргена, который наоборот поднимался.

В отличие от Гронга лютые ниргены были более предсказуемы. Их движения, реакции... Конечно, один точный удар, и придется долго приходить в себя, но если этого удара не допустить...

Джул увидел фигуру Хемля среди других Красных стражей, которые бились против ниргенов и — людей барона Фенфроя у восточной парадной лестницы.

Так это нападение организовал барон Фенфрой?..

— Врамбл! — вдруг крикнул Битти и кинулся между колоннами, длинный ряд которых вплоть до восточной парадной лестницы отделял картинную галерею от площадки.

Джул поспешил за ним и с облегчением увидел товарищей. Раненный Мимоза привалился к стене и, держа замком дрожащие окровавленные руки перед собой, шептал заклинание. Врамбл бился против двух лютых: в атаку не лез, только и успевал, что уклониться, да усиленным щитом обороняться. Ниргены отвлеклись на подоспевших Битти и Джула, и Врамбл воспользовался этим и задел одного в бок. Мимоза тем временем вставил маленький зачарованный болт в желобок миниатюрного арбалета на руке и выстрелил в ниргена. Болт молниеносно впился тому в голову и разорвался. Лютый нирген рухнул как подкошенный. Джул и Битти же набросились на второго ниргена с двух сторон и расправились с ним.

— Где король? — пытаюсь отдышаться, спросил Джул.

Врамбл покачал головой. Сильно потрепанный, он едва стоял на ногах.

— Был в библиотеке. В последнее время часто засиживался там допоздна, вернее до утра, вот и в этот раз... Мы услышали шум, поспешили туда, но появились ниргены и люди Фенфроя... Ума не приложу, как они там очутились. Практически одновременно во многих уголках замка.

Мимоза кивнул, подтверждая его слова, и сказал:

— Хемль нашел короля заклинанием поиска. Он в тронном зале, но туда не пробиться — восточное крыло захвачено. Мы с Врамблом убежали из библиотеки через ход для слуг в белую комнату, а оттуда через музыкальную... — Мимоза замолчал, отдышался. — Никаких требований выдвинуто не было, похоже, барон Фенфрой чего-то выжидает.

— Рассвета, — проворчал Врамбл, — чего тут непонятного? Зуб даю, жертвенный кинжал у него, а он работает лишь на рассвете. Барон наверняка задумал убить короля и забрать его силу, иначе зачем столь точно подгадывать время на похищение? Еще и сторонники его из-за суда съехались, он спланировал все с самого начала. Нужно помешать ему, пока не случилось непоправимого.

— Но как, если та часть замка полностью захвачена? — Битти тревожно огляделся. Хемль и Красные Стражи пока еще держали оборону и не пускали ниргенов сюда.

Мимоза устало покачал головой и ничего не ответил. Джул вздрогнул, подскочил к нише на стене у цветочной комнаты. Стоявший перед ней тяжелый высокий горшок с цветком сместился под напором движущейся стены. Джул на всякий случай приготовился и провел ладонью над лезвием меча, зачаровывая. Из появившегося темного проема выглянуло настороженное лицо Вик. Они уставились друг на друга.

— Джул! — радостно и с облегчением воскликнула Вик и ловко вылезла из потайного

хода.

— Вик? — удивился Джул. — Как ты тут...

— Эй, здесь Джул! И другие ребята из охраны короля!

Джул и Битти в изумлении переглянулись. Тайный ход окончательно открылся, и из него один за другим вылезли десять Красных Стражей из двенадцатого отряда. Они все были растрепанные, но успевшие одеться и вооружиться.

— Как вы сюда попали?! — изумился Битти.

— Я привела нас, — спокойно ответила Вик. — Люди Фенфроя захватили верхний двор, пришлось идти другой дорогой.

— Почему я этому не удивлен? — с усмешкой спросил Джул и стащил паутину с ее волос.

Вик отзеркалила усмешку, внимательно оглядела его и улыбнулась.

— Король схвачен и находится в тронном зале, — поспешно сказал Джул и почесал затылок. — Вот только туда не пробраться. Даже если нам удастся перебить лютых ниргенов, будет слишком поздно.

— Если мы уже не опоздали, — добавил Битти.

— Какого шэндера вы там расселись, остолопы?! — заорал на них всех Хемль — Тащите свои задницы сюда, нам нужна подмога!

— Я иду в тронный зал, — вдруг выпалила Вик. — Я знаю потайные ходы, ведущие туда. Кто... Кто-нибудь хочет пойти со мной?

Она шумно сглотнула и в волнении посмотрела почему-то на одного Джула.

— Я пойду. Веди, — без колебаний вызвался он.

— Я, пожалуй, останусь, — с кривой улыбкой сказал Врамбл.

Одновременно с его словами три лютых ниргена прорвались и устремились к ним.

— И, ребята, не расходитесь все, здесь тоже требуются люди, — поспешно добавил Врамбл.

Пять новоприбывших Красных Стражей остались, остальные пять, Битти и Джул поспешили за Вик. Она быстро обошла западную парадную лестницу сзади и между лестницей для слуг и стеной нажала на несколько одинаковых с виду кирпичей. В двух шагах, рядом с бюстом на постаменте, беззвучно открылся небольшой проход. Вик переглянулась с Джулом и первой нырнула туда.

***

Вик быстро шла вперед. Путь освещали вкрапленные в стены крошечные кристаллы. Следом гуськом спешили Джул и остальные.

Вик ориентировалась уверенно, словно уже проходила здесь. Пространство странно расширялось. Насколько Джул помнил планы замка, они давно уже должны были наткнуться на стену, но узкий коридор неожиданно вывел их на кривую площадку, от которой уходило в стороны множество коридоров — узкие, пошире, высокие, такие низкие, что в них можно было протиснуться лишь на четвереньках.

За спиной суеверно зашептались, но никто не подал голоса. Вик задумалась, переводя взгляд с одного коридора на другой, и направилась к одному из находившихся по левую руку.

— Надеюсь, ты знаешь, куда идти, — пробормотал Битти. — Если ошибемся, не успеем к рассвету.

— Думаешь, короля убьют жертвенным кинжалом? — спросила Лия Матс. — Я думала, он давно пропал.

— Из-за этого король и опасался возвращаться домой, — вырвалось у Вик. — Он просто... боялся и не доверял здесь никому, но в конце концов решил остаться. Если мы его не спасем, он умрет с мыслью о том, что сделал это зря. Он решился довериться этому месту, всем нам, а его хотят убить. Он не выбирал быть Хранителем, — умоляюще сказала она, вдруг остановившись и обернувшись к ним. — Я знаю. Я знаю его половину своей жизни.

“Она тоже боится”, - неожиданно понял Джул. Все это время Вик постоянно была настороже, разговаривая лишь по делу и ни с кем не сближаясь — то ее презирали за пустоту, то она не доверяла другим, подозревая в недобрых намерениях. И была права. Джул ощутил стыд за то, что использовал удобный предлог и сумел разговорить ее тогда на арене, сблизиться, и что намеревался в дальнейшем осторожно выведать ее секреты. Но...

Он не врал, когда благодарил ее и восхищался ею. И не успел еще все испортить.

— Мы тебе верим, — сказал он, чувствуя комок в горле, и сжал ее плечо. — Мы поклялись в верности королю Гейлорду. Мы спасем его, вернем жертвенный кинжал в хранилище артефактов, и королю больше не нужно будет бояться. А теперь идем.

Он легонько подтолкнул ее, и Вик, глядевшая на него странным взглядом, вздрогнула, кивнула и поспешила вперед.

Она остановилась после очередного поворота и внимательно оглядела гладкую на вид стену.

Интересно, что было бы, забудь она нужную дорогу? Они остались бы блуждать по тайным лабиринтам до скончания времен?

Она что-то искала, но не могла найти и начала заметно нервничать. Движения стали суетными, дыхание участилось. Джул огляделся, подошел ближе и, коротко шепнув заклинание света, развернул правую ладонь на уровне глаз и преподнес ее к стене. В ладони мягко замерцало ровное яркое сияние.

— О, это... очень кстати, — пробормотала Вик.

Она осторожно надела на один из выделяющихся на свету камней. Раздалось тихое щелканье. Приободренная Вик уверенно толкнула ногой выступающий внизу камень, а для третьего элемента ей пришлось прижаться к Джулу вплотную. Места было мало, отодвинуться Джул не успел, а потом и вовсе застыл, боясь шелохнуться — Вик прижалась к нему. В полутьме не было видно ее лица, но ее дыхание обдало шею, и Джул непроизвольно задрожал, чувствуя кожей ее растрепавшиеся волосы.

Он вдруг вспомнил, что она не стриглась с первого дня здесь, и они отросли так, что теперь Вик собирала их в небольшой хвост.

Она нажала, наконец, на нужный камень и поспешно отодвинулась, почти проехавшись щекой по его носу.

— А теперь приготовьтесь, — велела она. — Три...

Джул чуть отступил, обнажая меч.

— Два...

— Но что если его там нет? — взволнованно пискнул Битти. — Что если ты заплутала, и мы пришли не туда? Что если там нас поджидает толпа лютых ниргенов?!

Вик переглянулась с Джулом.

— Один.

Стена отъехала в сторону неожиданно гладко и легко. Вик скользнула наружу первой, огляделась, сделала знак рукой, и Джул последовал за ней, а следом и остальные. Лорд Жатриен, находился у окна, освещенного занимавшейся зарей, и проверял кинжал на баланс. Он первый заметил их вторжение и от неожиданности уронил кинжал. Тот вонзился аккуратно в зазор между каменными плитами пола. Стоявший спиной к ним человек резко обернулся, и Джул с изумлением узнал в нем герцога Огуста, краем глаза замечая лежавшего неподалеку барона Фенфроя в луже крови.

— Какого шмака тут происходит?! — все тем же тонким голосом спросил Битти. — Разве мы не от барона спасаем короля?!

— Взять их, — приказал Огуст.

Стоявшие в дверях воины обнажили оружие и бросились на них. Вик опомнилась первой и поспешила к огромному деревянному щиту, к которому был прикован король.

Лорд Жатриен метнулся между ними, одновременно направляя на Вик струю огня, но огонь исчез, едва достиг ее, а она, не замедляя шаг, взмахнула мечом. Лорд Жатриен едва успел увернуться. Вик, круганувшись, следующим удар, гораздо мощнее, видимо, применив артефакт силы, направила на руку короля. Кандалы на его левой руке с громким скрежетом лопнули, брызнула кровь. Король, не обращая на это внимания, мигом вцепился в другую руку, пытаясь освободиться. Лорд Жатриен набросился с мечом на Вик, не давая ей закончить начатое.

Джул тем временем бросился на герцога Огуста, оставив его воинов на остальных. Против одного Жатриена Вик еще могла бы достаточно продержаться, но не против двоих опасных противников. К тому же если взять герцога в плен, можно заставить приказать его людям отступить. Джул коротко переглянулся с Битти, тот кивнул, понимая с полуслова — им даже не пришлось воспользоваться для этого клятвой команды, — и атаковал герцога с другой стороны.

Краем глаза Джул продолжал следить за Вик, которую лорд Жатриен уверенно теснил подальше от короля. Герцог Огуст оказался неожиданно проворен, несмотря на то, что был уже не молод. Он был облачен в доспехи и отлично вооружен, будто догадывался, что в плане его предательства могут возникнуть бреши. Он был хudoщав, стремителен и владел техникой боя с двумя мечами. Джул знал, что герцог Огуст прекрасный воин, но, шмак побери, знать и испытывать на себе — совершенно разные вещи.

— Скорее, Жатриен! — закричал Огуст. — Солнце восходит!

Жатриен невольно оглянулся. Вик проследила за его взглядом. Они одновременно кинулись к окну, где находился лорд Жатриен до их прихода. Жатриен опережал ее на несколько шагов. Джул, краем глаза продолжавший следить за Вик, тут же понял, что они искали. Не обращая больше внимания на Огуста, атаку которого успел отразить изумленный до крайности Битти, в два прыжка и один кувырок достиг цели и вытащил застрявший между плит кинжал. Герцог в ярости набросился на вставшего на пути Битти и выбил оружие из его рук, но сам же расстался с одним из мечей. Битти отразил следующий стремительный удар выставленной рукой, на которую успел наложить заклинание каменной брони, а второй, такой же каменной, выбил меч из рук Огуста.

Что Джулу нравилось в Битти больше всего — этот малый выглядел задохликом, что сбивало противников с толку, но был не так прост. И если Джул считал своим лучшим боевым заклинанием “дыхание молнии”, как у сестры, то Битти великолепно обращался с

каменной броней.

Огуст рассвирепел, отвел руку и широко расставленными пальцами коснулся Битти, который понял неладное, но не успел увернуться. Его тело словно оцепенело на короткий миг.

Подобное волшебство использовали шэйеры — воздействовали магией на нервную систему, чтобы внушить чужому телу какие-либо ощущения. Джул знал, что Огуст в юности обучался в Академии магов на Востоке, несомненно, там и выучил некоторые приемы, которым не обучали людей. Чувственной магии шэйеры обучались годами, к этому нужны были способности, немудрено, что волшебство Огуста было неполным, но этого хватило, чтобы воспользоваться короткой заминкой и перехватить инициативу — и Битти за горло.

Дальнейшее происходило стремительно и практически одновременно.

Вик сменила путь — перестала преследовать Жатриена и поспешила помочь Битти. Огуст с силой швырнул того в нее. Жатриен запустил в Джула несколько огненных шаров. Джул едва успел выставить магический щит, лихорадочно думая, что делать с кинжалом, куда спрятать, как уничтожить. Огуст навел на Джула миниатюрный арбалет как у Мимозы, надетый на внутреннюю сторону предплечья, и пустил разом сразу несколько серебряных болтов. Джул ничуть этому не удивился — в конце концов, это новшество герцог Огуст сам же и привез из Востока. Оружие требовало перезарядки и не могло нанести серьезных ран, если только не было на это зачаровано.

Джул, удерживая щит одной рукой с зажатым в ней жертвенным кинжалом, второй попытался прикрыться мечом. Голову и живот защитил, но два болта ранили его в ногу и один — в плечо. Жатриен уже был совсем близко и замахнулся мечом. Джул отразил удар жертвенным кинжалом, переживая, что тот не выдержит и сломается, и одновременно надеясь на это — тогда кинжал будет бесполезен, и все планы заговорщиков рухнут.

Все еще подвешенный на щите король Гейлорд тщетно боролся с путами. Из пяти Красных Стражей, которые удерживали воинов Огуста, на ногах стояли лишь двое, и один из противников сумел прорваться и устремился к Джулу, который отчаянно сражался против Жатриена. Вик и с трудом поднявшийся Битти поспешили было снова — к королю и Огусту, но герцог отступил, заряжая арбалет. Джул успел мысленно прикинуть, что не сможет отбить его новую атаку. С каждым быстрым вдохом он все больше слабел из-за зачарованных болтов, которые некогда было убрать. Из-за них он уже не чувствовал тела, из-за потери крови и ран оно не двигалось, как должно, а Жатриен наносил все новые и новые удары.

Хотел бы — уже убил бы.

Но Огуст навел арбалет на Битти и Вик, находившихся от него как раз на одной линии. Раздался знакомый звук спущенных болтов миниатюрного арбалета, но некогда было отвлекаться — самому бы справиться, продержаться еще немного. Перед глазами все плыло, в голове гулко билось резкое сердцебиение. За спиной Жатриена маячили уже трое воинов Огуста.

Они проиграли. Все кончено.

Сердце словно оборвалось, а через миг рвануло с утроенной силой — Вик, истекающая кровью, встала на четвереньки, тяжело опираясь о руки.

— Жатриен! — снова крикнул Огуст. — Солнце!

Пока они сражались, солнечный диск выплыл из-за горизонта. Его яркий свет быстро подбирался по полу к королю Гейлорду. Лорд Жатриен ловким ударом выбил из рук Джула меч. Джул, шатаясь, слабо замахнулся жертвенным кинжалом, но лорд Жатриен перехватил

его руку. Подошел вплотную, сверля взбешенным взглядом. Стиснул шею, вдавил в стену, поднял над землей. Джул задышался.

— Глупый мальчишка, — сказал лорд Жатриен.

Приложил его об стену еще раз, выбив воздух из легких, и отпустил, продолжая держать за руку с кинжалом. Хватка его стремительно нагревалась, начиная уже по-настоящему обжигать.

— Глупый мальчишка, — повторил он. — Я не хочу расстраивать свою дорогую жену, лишь потому ты жив. Ты не будешь ничего помнить, когда придешь в себя, обещаю.

Он коротко резко ударил Джула по лицу. Перед глазами все поплыло, и Джул потерял сознание.

***

Путы на правой руке не поддавались, из-под сломанных ногтей левой текла кровь. Гейл тщетно пытался освободиться. Вик кое-как встала на четвереньки в нескольких шагах от него, сжимая в одной руке меч и медленно проводя второй рукой по лезвию. Герцог Огуст, не обращая на нее внимания, спешил к Гейлу, Жатриен, только что расправившийся с Джулом, тоже заторопился, держа в руке шмаков кинжал.

Едва Огуст миновал Вик, как она резко вскочила, одновременно крутанувшись — одним из тех движений, что обучал ее учитель Руп, — и полоснула мечом по воздуху. Изумленный Гейл невольно выпучил на нее глаза, не понимая, что она делает. Но тут его обдало резким порывом ветра, кандалы на правой руке треснули, и он, не теряя времени, резко дернув руку, сумел, наконец, вырваться и, не удержавшись, по инерции повалился на пол, едва успев выставить перед собой руки.

— Огуст! — закричал Жатриен, кидая тому кинжал.

Огуст схватил и набросился на Гейла, но для него уже было поздно. Для него, Жатриена и всех других предателей.

Сила нахлынула так стремительно, что рев огня заполнил голову, уши, затопил весь мир. Гейл, не удержавшись, закричал. Лопнули сдерживающие магию кандалы на ногах, щит за спиной разлетелся на деревяшки, Огуста швырнуло назад, как и Жатриена. Казалось, весь замок содрогнулся. Вик, распластавшись, пыталась поползти до неподвижного Битти.

Гейл, дрожа от гнева, медленно выпрямился, чувствуя, как заживают раненные руки и садненные ноги. Чувствуя, как внутри бешено разворачивается знакомая черная воронка ярости, всегда пугающая до ужаса, но сейчас Гейл встретил ее с радостью встречи со старым другом.

Огуст и Жатриен быстро пришли в себя и надвигались теперь с двух сторон.

— У нас еще есть время, мой господин, — тихо сказал Жатриен. — Мы еще можем это сделать.

Огуст лишь кивнул, но выглядел не таким уверенным.

— В моем доме вы ни в чем не знали себе отказа, — начал Гейл севшим от злобы голосом. — Я не прогнал твою семью из покоев моих родителей, Жатриен, я не приказал вам всем уехать из Вершины в свои земли, я с должным почтением относился к вам, хотя, признаться, иногда это здорово выводило меня из себя, да роган вас задери, я даже носил эти ужасные тесные сапоги и позволял укладывать мои волосы, и после всего этого вы предали меня! Как король этой страны и Хранитель Южной Вершины я выношу вам приговор —

смертная казнь за предательство!

— Никакой ты не король и не Хранитель, — сплюнул Огуст. Он отрывисто водил руками перед собой, будто что-то колдовал, но Гейл не знал, что именно, и досадовал, что не удосужился узнать о способностях дяди. — Я не стану подчиняться слабаку, который только и умеет, что бежать от ответственности!

Гейл сжал кулаки.

— Давай, Жатриен! — крикнул Огуст, набрасывая на Гейла магические путы, из-за которых тело вмиг оцепенело.

Как он посмел. Его добрый дядя, катавший его на коленях, его добрый дядя, всегда привозивший сладости, его добрый дядя, который поддерживал его и направлял с момента возвращения до этого дня. Дядя, убивший отца и мать Гейла и едва не убивший сейчас Вик. Это из-за него все. Это он во всем виноват.

Гейл мрачно взглянул на дядю Огуста, и мир потонул в бушующем реве огня — теперь уже настоящем, а не в голове. Лопнули, не выдержавшие такой колоссальной энергии, магические путы. Жатриен и Огуст едва успели отскочить и наколдовать щит. Гейл четко помнил, что помимо Вик должен защитить Джула, Битти и других Красных Стражей, чьих имен он не помнил, и огонь слушался, подчинялся и обходил их стороной. Стены, потолки, лопнувшие окна, мебель, предатели — все остальное было неважно.

— Ну и кто теперь тут слабак?! — торжествующе заорал Гейл.

Неожиданно сверкнуло знакомое уже сияние, вспоровшее пространство. Появившийся как и раньше у окна полукровка чуть развел крылья в стороны от неожиданности, настороженно огляделся. В одном крыле зияла крупная дыра.

— Надо же, надо же, — вновь с усмешкой и почти с восхищением произнес Орохин. — Как быстро переменялась ситуация.

Гейл опомнился, попытался направить огонь на Огуста и Жатриена, но те уже успели воспользоваться его заминкой и скрылись в Двери.

— Нет! — крикнул Гейл. — Шмак! Не мог появиться попозже?!

Орохин коротко рассмеялся и тоже собрался уходить.

— Подожди!

Отпускать полукровку — настоящего, реального полукровку — вот так просто было бы слишком глупо. Слишком много вопросов оставались не отвеченными, слишком много вреда он мог принести. Или пользы, если привлечь его на свою сторону. Полукровка владел магией или артефактом, позволяющим создавать Двери? Зачем ему жертвенный кинжал? Не задумал ли он освободить тэйверов от Первого Проклятия? Не замешан ли он в разрушении Западной Вершины? Что еще задумал Огуст?

Позже Гейл досадовал, что даже не подумал использовать против него магию и удержать силой, а сейчас сумел лишь сказать:

— Я хочу договориться! Заключить сделку! Я уверен, у меня найдется что-то нужное тебе!

— Не смей меня, потомок Хэйлы, — снисходительно отозвался Орохин. Обернулся и смерил Гейла насмешливым взглядом. — Это я заключаю сделку с теми, кто мне интересен и у кого есть то, что мне нужно.

Он ушел. Дверь исчезла. Ошарашенный случившимся Гейл погасил огонь в тронном зале движением, которое продемонстрировал Жатриен в библиотеке, и поспешил к Вик, кляня себя за пустую безрезультатную болтовню.

Вик была без сознания. Гейл осторожно приподнял ее, аккуратно уложил себе на колени. Руки вспыхнули золотым сиянием, исцеляя ее раны. Вик очнулась и резко села, едва не столкнувшись с ним лбом. Закашлялась, суматошно задергалась. Глаза ее были дикими, она явно не понимала, что все уже позади. Гейл хлопнул Вик по щеке, обращая на себя внимание и облегченно улыбаясь.

— Ты в порядке? — опомнившись, взволнованно спросила она. — Что случилось? Где герцог Огуст и лорд Жатриен?

— Сбежали, — подумав, ответил Гейл. Он собирался рассказать подробности позже, сейчас же... — Идем, нужно помочь остальным. После отправляйся в госпиталь, помоги раненым и найди Лока и Лоис, а я займусь оставшимися врагами.

Он встал и помог подняться ей. Поспешил к Битти, который был совсем плох — последняя атака Огуста на них с Вик неудачно задела его.

Вик тем временем уложила Джула на пол и вытащила арбалетные болты из его ран. Он тоже выглядел неважно и нуждался в помощи, но Гейл понимал, что не может долго задерживаться здесь: он нужен в замке, он должен защитить своих людей и доказать всем, что владеет силой Хранителя.

Убедившись, что никто из Красных Стражей не находится на грани смерти, Гейл направился к парадному выходу из тронного зала, сжимая и разжимая кулаки. Огненная волна охватила его, заиграла, послушная.

Чувствуя себя невероятно легким и уверенным в себе, своей правоте, Гейл решительно зашагал по красному ковру, устилающему каменные плиты Южной Вершины. Он знал, что его сейчас не остановить. Никто его не остановит, если только он сам великодушно не пожелает остановиться. Сила переполняла его. Он сам был силой — нестигаемой, решительной, яростной.

“Настал час показать, кто тут главный”, - довольно подумал он и распахнул ворота. Уродливые лютые ниргены обернулись, оскалились, страшно рыча и клацая клыками, набросились на него. Гейл усмехнулся и сорвался с места. Огненные стены, шары, тонкие огненные клинки, сети — все формы, что он способен был вообразить, тут же материализовались из огня и устремлялись на врага. Все, что ни разу не удавалось до этого момента, получалось сейчас легко, словно по щелчку пальца, и не нужны были никакие заклинания или магические формулы. Гейл особенно отчетливо ощущал, что шагает по ковру, мягко устилавшему полы, проводил пальцами по теплым шершавым стенам, чувствуя мягкую вибрацию, голос замка. Словно невидимые руки складывали его пальцы вместе в непонятном жесте, и огненная спираль испепелила лютого ниргена. Словно невидимые ноги взяли под контроль его собственные, и он вовремя увернулся от нападавшего сзади. Словно беззвучный голос шепнул ему нужные слова, и Гейл повторил губами, не слыша себя, и на полу, там, где красивым круглым узором были разложены разноцветные плитки, вспыхнул симметричный круг и заковал внутри ниргена, не пропуская его наружу.

Гейл был очарован своей силой. Сила милостиво благоволила ему.

Упиваясь старым приятным чувством сражения, Гейл жадно вдыхал запах крови, дыма, огня, запах паленой шерсти, горячей плоти. Он не щадил врагов точно так же, как они не пощадили его людей. Он был королем и вершил свое правосудие.

После одной трагедии в Срединном мире, известной как трагедия на Пятом Перевале, маги решили сделать обязательным обучение боевых магов командной работе. Ныне без соответствующей печати в лицензии боевого мага его не допускают к работе, связанной с работой с другими боевыми магами.

Команда состоит из четверых: два мага специализируются в защите, два в нападении. Это стандартная формация, но существуют разные варианты, к примеру, короля Южной Вершины охраняет команда из шести Стражей.

Здесь тоже есть свои нюансы. Поскольку после изгнания тэйверов было решено, что пустые и маги имеют равные права, пустым дозволялось вступать в команды Стражей. Правда, мне неизвестны случаи службы пустого в Стражах, кроме юной Вик, разумеется, но она так и не вступила в личную охрану. Пока что.

Вступая в команду, маги связываются клятвой команды, которая дает множество полезных штук, начиная с совместных заклинаний, заканчивая возможностью обмениваться мыслями. Клятвы — это мощное волшебство, включает в себя заклинания, магическую схему и дается на крови. Нарушившие клятву становятся проклятыми. Следовательно, проклятье можно сотворить двумя способами — проклясть или нарушить клятву.

Джул проснулся, как от толчка. Сонно открыл глаза и уставился в серый потолок. Тело, распластанное на кровати, ломило, болело, не шевельнуться. Странно, как он вообще до этого спал. Наверное, действие обезболивающего закончилось.

Бой тоже закончился.

Жатриен обещал, что он все забудет, вот только Джул помнил и, игнорируя тут же усилившуюся боль и слабость, закопошился, пытаюсь встать.

Его окружали украшенные синими цветами стены, и от них зарябило в глазах. Кровать была больничной, но много удобнее, чем он помнил по последнему разу; небольшая тумбочка с цветами стояла по правую руку, а рядом, на складном деревянном стуле сидела клевавшая носом Вик. Она тут же вздрогнула, проснулась и встревоженно посмотрела на него.

— Тебе лучше не двигаться, — негромко сказала она, но Джул не успокоился, пока, тяжело дыша, не сумел усесться. Вздохая, Вик помогла ему и подложила сзади подушку.

— Что... — хрипло начал Джул. Сглотнул. Во рту так пересохло, что саднило горло. — Что случилось?

Вик достала из тумбочки, забитой свертками, графин, налила в кружку воды и протянула ему.

— Все в порядке. Мне удалось освободить короля, и он разобрался с врагами. Правда, герцогу Огусту и лорду Жатриену удалось ускользнуть.

Джул недоверчиво посмотрел на нее. Принял кружку трясущейся рукой, и точно расплескал бы воду, если бы Вик ему не помогла. Он сделал несколько глотков, с наслаждением перекатывая потрясающе прохладную воду во рту, и с сожалением отстранил кружку, зная, что если выпьет все сразу, его скорее всего вывернет.

— Что с бароном Фенфроем? — спросил он.

— Мертв. Герцог Огуст хотел представить все так, чтобы все решили, будто бы Фенфрой убил короля, а после пал от рук лорда Жатриена. Люди, которые захватили верхний двор, на самом деле оказались наемниками, которых герцог нанял, чтобы они притворились воинами барона. Лютые ниргены же... Огуст с их помощью хотел задержать Красных Стражей и добавить больше убедительности злодейству барона. Никто уже не говорит о том, что лютая отступила. Честно говоря, никто уже не знает, о чем говорить. — Вик невесело усмехнулась. — Как ниргены незамеченными проникли в замок — тоже большой вопрос.

— Сколько прошло дней с нападения? — в замешательстве спросил Джул.

— Два.

— И наш король все еще не поймал герцога и лорда Жатриена?

— Они укрылись в Восточном Побережье, границу которого загородили огненные элементали.

— Что?.. — слабым голосом спросил Джул.

Ну конечно же, он ослышался!

— Огненные элементали, — подчеркнуто сказала Вик, — загородили границу с Восточным Побережьем. Практически одну шестую страны.

— Они... — Джул запнулся. — Просто стоят и преграждают путь?

— Почему ты этим так удивлен?

— Элементалей сложно назвать разумными существами, скорее это воплощение концентрации стихийной магии. Они подобны смерчам на Востоке, и обычно не могут постоянно стоять на одном месте, — взбудораженно объяснил Джул. — Они появляются редко, в местах скопления стихийных элементов, к примеру, при извержении вулкана или во время ураганов, землетрясений, снежных оползней... В прошлом не раз пытались приручить их — один элементаль мог в корне перевернуть исход сражения. Проблема в том, что с такой же легкостью он мог напасть на своих хозяев. Я не представляю, какое волшебство изобрел герцог Огуст, чтобы призвать их и заставить охранять границы. Немудрено, что король не может захватить Восточное Побережье: воспользоваться Дверями во внешних городах не получится, герцог наверняка будет там поджидать; пойти напрямую тем более — даже Хранителю трудно одолеть одного элементаля, а если речь идет о нескольких...

Джул замолчал, пытаясь отдышаться. Новости так взволновали его, что он не заметил, как выдохся. Выражение лица Вик было странно... странно умиленное.

— Что? — непонимающе спросил Джул.

Вик открыла было рот, чтобы ответить, но не успела — дверь резко открылась и в проеме появилась еще более отошавшая фигура Битти Ангусты.

— Ого, как я вовремя! Наконец-то ты проснулся! Эй, я же говорил, ну что с ним будет? — обратился он уже к Вик и расплылся в широкой хитрой улыбочке. — Она так за тебя беспокоилась, чуть ли не ночевала здесь, как мило! Даже взяла отгул и попросила шэйера Кор Лока осмотреть тебя!

Вик вспыхнула.

— Рад видеть, что и ты цел, — поспешил Джул пресечь дальнейшие шуточки Битти. — Я уж думал, герцог прикончил вас, особенно тебя, — кивнул он на Битти.

— Я тоже думал, что мне конец, — согласился Битти, — но какой-то целитель вылечил мои раны. Думаю, одна из сестричек запала на меня, не удержалась перед моим обаянием, но постеснялась сделать запись в медицинской книжке, — хвастливо добавил он и съехидничал: — а вот тебе так не повезло.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда однажды помрешь от пустячковой царапины, — ухмыльнулся в тон ему Джул.

— От одного полного исцеления ничего не будет, — поучительным тоном парировал Битти и постучал пальцем по виску. — Я помню и контролирую все свои магические исцеления. Конечно, ты прав, и мне сейчас лучше держаться подальше от использования магии...

— А как ты, Вик? — обратился Джул к притихшей девушке.

— А? О, ну, я была ранена не так сильно, как вы. — Вик нервно теребила пальцы.

Битти переглянулся с Джулом. Его явно подмывало задать Вик вопросы. Хотя бы о том, как ей удалось спастись от первой прямой атаки Жатриена огненной струей. Джул отрицательно покачал головой.

— Что ж, мне пора бежать, — кивнув, сказал Битти. — Я и заскочил-то на минутку, узнать, как ты. Сейчас все заняты, проверки на проверке, Хемль рвет и мечет, я и сам с радостью отлежался бы в больничке подольше, но служба не ждет.

Он отсалютовал Джулу и ушел.

— Я... мне тоже пора. — Вик быстро встала, неловко приглаживая волосы.

— Подожди. — Джул вздохнул. Он помнил все, включая то озарение в потайных

проходах. — Я должен с тобой объясниться.

Вик непонимающе уставилась на него.

— Я был нечестен... вернее, не совсем честен, — поправился Джул, — когда заговорил с тобой тем утром на арене. С тех пор, как ты стала Красным Стражем, я думал, как бы подобраться ближе и выведать твои секреты.

Лицо Вик окаменело и побледнело.

— Возможность предоставилась быстро, но я не лгал тебе, когда сказал все, что сказал, — сглотнув шершавым уже горлом, продолжал Джул. — Я по-прежнему хотел выведать твои тайны, в особенности — как тебе удастся противостоять магии. Ни мощнейшее заклинание Джелии, ни огонь Жатриена, ни арбалет Огуста не причинили тебе особого вреда. В описях твоих артефактов нет ни одного, которое было бы способно на такую защиту. Я все еще не знаю о твоих истинных причинах так рисковать жизнью ради короля, не знаю твоего секрета, но теперь это неважно: я убедился, что твои намерения благородны, что я могу доверять тебе прикрывать не только свою спину, но и нашего короля. Ты вправе возненавидеть меня за это и больше не быть со мной друзьями.

Джул мрачно посмотрел на свои руки, лежащие на коленях. Осторожно попробовал сжать их в кулаки.

— Зачем ты рассказал мне все это? — помолчав, спросила Вик.

— Затем, что хочу быть честен с тобой. Теперь я убежден, что твои чувства к королю чисты и искренни, и...

— Чувства? — поперхнулась Вик и закашлялась.

— Ты же влюблена в него? — Джул удивленно посмотрел на нее. — Ты ведь потому решила стать его личным Стражем и защищать его?

— Я? Влюблена в Гейла? Как тебе в голову такое пришло?! — возмутилась Вик.

— Но ты так рвалась занять место в личной охране, да и после... на арену вышла за честь его постоять, жизнью за него рисковала... — Джул вконец растерялся и умолк.

— Но ведь ты тоже! Рвался в личную охрану, на арену, чуть не умер за этого остолопа!

— Прояви уважение! — рассердился Джул. — Он твой король!

— Из нас двоих это ты скорее в него влюблен! — тоже рассердилась Вик. — Я из шкуры вон выпрыгивала, чтобы удержать его на троне! — Она замолчала, перевела дух и, крепко сжав руку Джула, уже гораздо тише сказала: — Не влюблена я в него. Да и как ты себе это воображаешь? Мы вместе с детства, я утирала ему сопли и слезы, прибиралась за ним, ухаживала, когда он болел, шмак побери, он для меня как младший брат. Я люблю его, но как любила бы братишку. Ты знаешь уже, что он боялся возвращаться, и что раскрылся лишь благодаря хитрым действиям Лока. Он собирался покинуть замок, едва предоставится возможность. Мне пришлось пообещать ему, что я вступлю в его охрану и лично прослежу за его безопасностью. Думаешь, я хотела в Красные Стражи? Думаешь, приятно мне было терпеть унижения, сплетни, ваши недобрые взгляды? Я все сделала, чтобы удержать Гейла на троне, ради всех нас, ради страны, потому что, Джул, — Вик вздохнула и устало посмотрела на него, — ты, вы все здесь, в столице, кое-чего не знаете, а если и узнаете, то не поверите, а доказать это будет сложно.

— О чем ты? — спросил вконец обескураженный Джул.

— О низших тварях. Они стали выбираться из Нижнего мира. Помолчи, — перебила она еще прежде, чем он успел бы что-то сказать. — Не говори ничего. Знаю, что не веришь.

— Я всего лишь хотел попросить не сжимать так сильно мою руку. Я уже пальцев не

чувствую.

Вик опомнилась, осторожно разжала руку, но убрать ее Джул не позволил.

— Зачем ты рассказала мне все это?

— Затем, что хочу быть честна с тобой, — пристально глядя на него, ответила Вик. — Я понимаю твое недоверие. Это ведь я пришла к вам, вы не знали обо мне ничего, да еще и король лично попросил за меня... Представляю, как ребята были всем этим возмущены. — Вик грустно улыбнулась. — Но об артефакте, защищающем меня от магии, я ничего тебе не скажу. Это не мой секрет.

Джул кивнул.

— Никто не узнает о твоих причинах стать Красным Стражем, — пообещал он, — по крайней мере, не от меня.

Вик благодарно кивнула.

— Знала, что ты так скажешь.

Джул саркастично приподнял левую бровь. Потянулся к кружке, и Вик снова помогла ему попить и предложила поесть, но Джул отказался. Разговор с ней вымотал его, клонило в сон. Он сполз пониже, и прикрыл глаза. Последнее, что он запомнил — голос вошедшей проверить целительницы, и что Вик продолжала держать его за руку.

***

Гейл не спал почти двое суток к тому моменту, когда с большей частью безобразия, учиненного герцогом Огустом и лордом Жатриеном, было покончено. Тела ниргенов вывезли за пределы замка и сожгли. Сражаясь с ними в первые минуты, Гейл даже не задумался о том, насколько они огромны, страшны и опасны, лишь позже, когда все было позади, и он разглядывал тела без пелены всесилья перед глазами, содрогнулся.

Его новоявленную силу встретили с восторгом и радостями. В особенности довольно бушевал Хемль, да и члены Малого Совета ободрились, и никто уже не смеялся над Гейлом и не шептался за спиной. Точнее, шептались, но с восхищением и благоговением. Мудрено ли, король в одиночку разнес напавших лютых ниргенов да освободил верхний двор от людей Фенфроя, которые в действительности оказались наемниками герцога Огуста. Они сдались в плен, едва стало понятно, кто победил, а после их должны были отправить в рудники.

Дело барона Фенфроя закрылось за ненадобностью: Фенфрой был убит, а его земли должны были перейти к его детям. Гейл поручил главному наблюдателю отправить туда шпионов, чтобы следить за ситуацией. Дело же ниргенов, чья болезнь была поставлена под сомнение, так же было закрыто. Лютая не отступила, очевидно, Гронгу действительно повезло попасть к барону прежде, чем он подхватил бы ее.

Гораздо труднее было рассказать о том, как Огусту и Жатриену удалось привести незамеченными целую полчищу лютых ниргенов, да сбежать при проигрыше.

— Через Дверь? — переспросил Лок.

Они с Лоис присоединились к Гейлу за ужином в парадной столовой. Завтраки, обеды и ужины проходили теперь в непривычной тишине: Краста с детьми отказывалась покидать покои, Жатриен и Огуст были в бегах, придворные дамы и господа по требованию Хемля подвергались проверкам на лояльность королю и пока не допускались в близкий круг его общения. Верные слуги прислуживали Гейлу за едой, да Красные Стражи ненавязчиво и

неотступно следовали за спиной, но с ними он не мог обсудить интересующие его вопросы. С Локм и Лоис же дела обстояли иначе: статус их был много выше, личности вне подозрений, вдобавок теперь Гейлу требовался новый дектраа-ло, и лучше всех на эту роль подходил Лок.

Лоис выразила сожаление о произошедшем и крепко обняла его, а Лок лишь задумчиво потирал подбородок. Он не казался удивленным, лишь помрачневшим и разочарованным.

— Да, — подтвердил Гейл. — Он взмахнул странной палочкой, вот, — показал он сделанный ранее рисунок, — что-то наподобие этого, длиной с локоть, пожалуй, будет.

Лок внимательно изучил рисунок. Гейл впервые видел, чтобы он будучи за столом, заполненным яствами, обратил столь пристальное внимание на какой-то иной предмет.

— Очень похоже на рог рамшока, — наконец, выдал он и недоверчиво взглянул на Гейла. — Интересно, откуда он у герцога Огуста?

Гейл равнодушно пожал плечом.

Он не стал никому рассказывать о полукровке — Вик потеряла сознание до его появления и не запомнила, и никто больше здесь не мог подтвердить слова Гейла. Его, только восстановившего свою репутацию, скорее всего сочли бы ополоумевшим. Уж лучше самому во всем разобраться, самому найти этого полукровку. Быть может, даже удастся убедить его заключить сделку? Гейл прекрасно помнил слова дядя, что полукровка был удивлен и впечатлен тем, что Огуст нашел его. Если и он сможет, полукровка согласится с ним поговорить?

— В древности его использовали, чтобы открывать Двери в отмеченное место, но с тех пор прошло много времени, рамшоки перевелись, а магические формулы были утеряны, — продолжал Лок. — Впрочем, может, рамшоки еще водятся на островах, но туда невозможно добраться: Постоянных Дверей там нет, путь через море запрещен ласурами, а по воздуху отправиться не рискнет даже самый отчаянный шэйер — слишком далеко.

— Возможно, один-два рога завалились у кого-то в сокровищнице, — предположила Лоис.

— Даже будь это так, научиться овладеть рогом непросто. Конечно, герцог Огуст всегда впечатлял своими умениями и способностью контролировать магию — и немудрено, учитывая, что все были уверены, что сила Хранителя перейдет к нему.

— Ты знал, что он собирался убить меня? — спросил Гейл. — Когда взялся найти камень Истины?

Лок отрицательно покачал головой.

— Я не знал этого, но подозревал неладное, потому решил действовать втайне от него.

— Ты мог сказать мне, — гневно воскликнул Гейл.

— О чем?

— Что мне следовало быть настороже, к примеру!

— Ты и без того был очень настороже. Даже сейчас всего не рассказываешь, — заметил Лок.

Гейл прикусил язык.

— А я между тем, полагаю, заслужил твое доверие.

— Можешь полагать что угодно, я никогда не забуду, как низко ты со мной поступил, когда показал всей столице мой облик да явил мою магию, — язвительно ответил Гейл.

— Давайте разберемся с этим злополучным рогом, — перебила их Лоис. Она уже успела расправиться со своей порцией и приступила к десерту. — Предположим, герцог

нашел рог и с его помощью переместил нескольких лютых ниргенов из Диких Земель сюда, а после — убежал с лордом Жатриеном. Учитывая, что он не вернулся за своими верными слугами, которые возглавили нападение на верхний двор, думаю, в его роге не осталось больше магии. Либо он просто их подло бросил.

Лок с сомнением кивнул.

— Хм, сколько же раз рог может открыть Дверь? — спросил Гейл. — Как он вообще работает?

— Насколько мне известно, около двенадцати раз. Зависит от рамшока, с которого сняли рог — чем сильнее и здоровее зверь был при жизни, тем больше магической энергии накопилось в его роге. Сам рамшок может использовать силу рога бесконечное количество раз. Я читала заметки о том, как их пытались приручить, взять их разум под контроль и заставить открывать Двери, куда было нужно хозяину, но ничего из этого не вышло, поэтому с убитого рамшока просто срезали рог.

— А их обязательно было убивать?

— Конечно, нет. Но думаешь, рамшок так просто позволил бы поймать себя и сотворить с собой такое? Да и рог после не отрастал, — добавила Лоис. Задумчиво посмотрела на пустующие места Красты и близнецов. — Как принцесса отнеслась к случившемуся? Ты хоть проведал ее?

Гейл скривился.

— Красные Стражи, которые охраняют ее, посоветовали повременить с этим. Она даже слуг не впускает.

— Рано или поздно тебе придется с ней поговорить, — заметил Лок. — Ты должен убедиться, что она не последует за своим мужем.

Гейл кивнул. Он так и собирался сделать и после ужина, набравшись мужества, постучал в ее комнату и назвал. Краста открыла, когда он уже, разочаровавшись, собирался уходить.

— Брат, — коротко сказала она бесцветным голосом и тут же отвернулась, оставив открытой дверь. Помедлив, Гейл вошел.

Он ожидал увидеть в ее комнате следы беспорядка или даже погрома, но комната чуть ли не сверкала чистотой. Краста подошла к столику, за которым обычно читала или писала письма. Оперлась о него руками, все так же стоя к Гейлу спиной. Гейл откашлялся и неуверенно спросил:

— Могу я сделать что-нибудь для тебя?

— Пообещай, что не убьешь его, — охрипшим голосом ответила Краста. — Это дядя Огуст во всем виноват, он заставил его, манипулировал им. Я не знала ничего, Гейлорд, — горячо сказала она и посмотрела, наконец, на Гейла. Ее лицо было опухшим, побледневшим, с глубокими синяками под глазами.

— Я верю тебе, — осторожно сказал Гейл и успокаивающе раскрыл руки. — Я обещаю, что не трону его, ладно?

— И детей.

— Что? — недоверчиво спросил Гейл и праведно возмутился: — Как тебе пришло такое в голову?! Я в жизни не обидел ни одного ребенка! И уж, конечно, никогда не стану использовать детей для мести или угрожать им! Не оскорбляй меня таким глупым предположением, сестра!

— Прости, — опомнилась Краста. В ее пустых глазах появилось сожаление и испуг. —

Право же, не знаю, что на меня нашло. — Она, помедлив, подошла к Гейлу, изучающе разглядывая его. — Ты ведь мой брат и мой король, мне следует доверять тебе. Прости, — повторила она и ласково провела холодными пальцами по его лицу. — Поступок Жатриена ничем не искупить и не оправдать, знаю, но дядя имеет на него сильное влияние. Он раскается, я уверена, пусть даже для этого ему придется провести в темницах всю жизнь, просто... — Ее глаза наполнились слезами. — Верни мне его, ладно?

— Конечно, сестра, — с облегчением пообещал Гейл и порывисто поцеловал ее руку. — Будь спокойна и перестань пугать своих слуг отказами впускать их. Ты здесь не одна. Тебя любят и волнуются.

Краста заметно расслабилась и даже улыбнулась уголками губ, и Гейл, довольный разговором, отправился в свои покои.

дневник Лока: об Ищейках

Ищейки — это подразделение человеческих Синих Стражей, особо известных своей жесткостью и непреклонностью. Во время последней войны с тэйверами сражались против них да работали в пыточных, выведывая из врагов информацию. В обычные дни расследуют убийства и преступления первого уровня, не гнушаются использовать жестокие методы, чтобы выведать чужие тайны. Известны как мастера пыток и изготовители пыточных средств и изделий. Работа их быстра и эффективна, но весьма негуманна.

— Лоис, мне нужна твоя помощь, — сказала Вик, едва вошла вечером в условленное время в ее комнату.

Лоис тут же отложила в сторонку ступку и пестик, с помощью которых измельчала крупички синей соли для рецептуры мази, вытерла руки о фартук и встревоженно обернулась. Мявшаяся в дверях Вик выглядела смущенной, но была с виду абсолютно здорова.

— Что случилось?

— Мы с Джулом договорились пойти завтра погулять по городу, — как можно небрежной ответила Вик, нервно поглаживая то серебряный браслет, то кольца-артефакты. — И я подумала, что неплохо бы принарядиться, но у меня совсем нет подходящей одежды.

О.

Лоис расплылась в хитрой улыбке.

— С Джулианом Билдом? Я правильно понимаю, что у вас завтра свидание?

Вик вспыхнула, но помимо этого сохраняла на редкость невозмутимый вид.

— Да, с Джулианом Билдом. Мы с ним очень сблизились в последнее время, и...

— Он тебе нравится?

Лоис пытливым взглядом заглянула ей в глаза. Вик, не выдержав, прикрыла лицо рукой. Лоис, хихикая, поспешила достать из шкафчиков привезенное Локом вино из Востока и кубки. Достала сладости и ягоды и быстро соорудила маленькую трапезную в уголке комнаты.

— Я должна знать все подробности! — объявила она, усаживая за руку не сопротивляющуюся Вик на стул. — Когда это случилось, как это случилось, и почему я узнаю об этом только сейчас!

— Ничего еще не случилось, — слабо отбивалась Вик, теперь уже нервно придерживая кубок. Она быстро выпила вино, и Лоис столь же быстро налила ей новую порцию. — Мы просто друзья.

— Конечно! Когда мы с тобой в прошлый раз отправились в столицу погулять и найти мне нужные ингредиенты для зелий, ты не просила помочь тебе с платьем!

Лоис, с трудом подавив смех, отпила немного вина. Как всегда превосходно, на вкус Лока можно было положиться — одна из неизменных вещей в этом мире. Учитель сейчас находился у Восточного Побережья — сопровождал другого своего ученика и наверняка снова питался вредной для него едой...

— Ладно, — сдалась Вик. — Мы с ним просто друзья, но он мне нравится, и, кажется, я ему тоже. Мы еще не говорили об этом, но завтра я заговорю.

— Ты как всегда решительна, — с восхищением сказала Лоис. — Но разве не прошло слишком мало времени? Он, конечно, очень красив, силен и не глуп, раз сумел стать личным Стражем короля с первой попытки, но тебе не кажется, что ты торопишься?

Вик отрицательно покачала головой.

— Я поняла, что хочу быть с ним, еще после предательства герцога Огуста и лорда Жатриена. В госпитале у нас состоялся неприятный разговор, и, знаешь, Джул ведь мог ничего не говорить мне о том, что сказал — ничего бы не изменилось, я бы все равно не узнала. Но он сказал, зная, что рискует нашей дружбой. Он честен со мной. А еще красив, силен и не глуп.

Вик усмехнулась и окончательно взяла себя в руки. Вино быстро подействовало на нее, она расслабилась и разговорилась.

— Прежде я каждый день видела его на утренних тренировках перед завтраком, но мы тогда не разговаривали, а после случая на арене стали помогать друг другу: он показывает, как работать с артефактами, рассказывает о законах магии и вообще обо всем, Лоис, он так много знает! Это он научил меня тому воздушному удару мечом, без которого мне не удалось бы освободить Гейла. Я тоже показала ему несколько приемов, но он и без них отлично сражается. Он первым поддержал мой план по спасению Гейла и без колебаний отправился за мной. Он... он там чуть не погиб, Лоис, — голос Вик дрогнул, — но хорошо, что все обошлось. И мне бы разозлиться тогда на него за тот разговор, но я не смогла. Прошло две недели, а я уже не представляю свою жизнь без него. Мы договариваемся о встрече, я взяла несколько ночных дежурств, чтобы мои часы отдыха совпадали с его, плююсь на него все время, что мы вместе, иногда мне кажется, что я его преследую, я ужасна.

Вик снова прикрыла рукой лицо. Лоис, задыхаясь от сдерживаемых хихиканий, сочувственно сказала:

— Если он со своей честностью все еще продолжает видеться с тобой, думаю, он совсем не против. И он ни разу не попытался... ну... воспользоваться тобой?

Вик с возмущением посмотрела на нее.

— Хотя да, ты тут же пресекла бы подобное, кхм, поведение, — быстро согласилась Лоис.

— Гейл сейчас сильно занят на Восточном Побережье, все время там находится, — задумчиво сказала Вик, — но Джул здесь — он еще не оправился достаточно от ран, чтобы сопровождать короля, хотя зелья восстановления творят чудеса. Хемль поручил ему охрану принцессы Красты и ее детей, но это не только потому, что часть ее Стражи погибла в схватке с ниргенами. Принцесса очень расстроена случившимся, ведь лорд Жатриен ее муж. Джул рассказал, что она очень близка с Джелией, его сестрой, потому и ему доверяет. В его присутствии принцессе спокойнее.

Лоис кивнула. Предательство лорда сильно ударило по принцессе.

За разговорами они с Вик сместились к шкафу с одеждой. Конечно, Вик была крупнее и выше, но при должной сноровке — каковой у Лоис имелось в достатке — платья можно было легко и незаметно переделать под нее. Зря что ли Лоис с отличием закончила курс бытового чародейства? Они долго подбирали наряд, которым обе остались довольны: тот был достаточно открытым и обтягивающим, чтобы продемонстрировать формы Вик в выгодном свете, и достаточно удобным, чтобы носить с ним оружие и использовать при необходимости. После договорились встретиться днем до свидания Вик — Лоис намеревалась не только помочь ей натянуть платье, но и убрать волосы и немного подкрасить.

Вик ушла от нее поздно, когда главные часы уже пробили время отхода ко сну. Проводив ее, Лоис вспомнила, что к завтрашнему утру целебная мазь ожидала готовых ингредиентов, и поспешила взяться за отложенные ступку и пестик.

***

Вик пришла в сад, к беседке у желтого фонтана, и с волнением огляделась. Джул еще не пришел. Вик покосилась вниз, поправила складки юбки. Шея, плечи были непривычно

открыты, отрезной лиф со шнуровкой плотно облегал грудь, длинная, похожая на шелк ткань приятно скользила по ногам и немного будоражила. Но еще больше будоражили глупые мысли о том, как по коже ее скользили бы руки Джула. Они были грубые, мозолистые, как и ее, но порой он касался удивительно мягко, когда, к примеру, показывал, как раскрывать пальцы, чтобы удержать в руке постоянно горящий шарик огня.

Ох, ну вот опять щеки краснели и становилось жарко.

Вик собралась было подойти к фонтану, чтобы хотя бы охладить горящие руки — Лоис строго велела лицо не тереть, не мочить и вообще лучше не трогать, — но совсем рядом послышался странный шорох.

Годы жизни бок о бок с опасностью проявили себя прежде, чем Вик осознала, что уже вытащила из-за пояса отцовский нож и бесшумно двинулась в сторону подозрительного звука. Тот доносился из-за кустов рядом с беседкой. Судя по всему, то был некрупный зверь, может, собака, сбжавшая из овчарни, но уж больно странно она себя вела. Возможно, бешеная, и тогда может на кого-нибудь напасть.

А может, случайные Двери начали появляться и в столице, и прямо сейчас в саду находится низшая тварь?

Со стремительно пронесившимися в голове предположениями Вик отогнула ветку кустарника и от изумления опустила нож — на нее уставилась маленькая девочка с забранными в два хвостика рыжими с золотом волосами. Ее круглое лицо было красное, опухшее, по щекам градом катились слезы.

— Принцесса Клэрия, — удивилась Вик. — Вы что здесь делаете?

Девочка опустила голову, сжалась в комок, обнимая колени, и ничего не ответила. Вик огляделась. Девочка была одна, видимо, сбегала от нянечек и Стражей.

— Вас, наверное, все потеряли, — ласково сказала Вик, осторожно приближаясь к ней.

Девочка помотала головой. Раздались тихие всхлипывания, похожие на писк котенка.

— Да что случилось? — вконец растерялась Вик.

Села рядом на корточки, размышляя, что надо бы просто схватить девочку в охапку и вернуть в замок. Там наверняка с ног уже все сбились.

— Моего папочку хотят убить, — неожиданно ответила девочка писклявым голосом. — Мамочка говорит, что он скоро вернется и все будет как раньше, но моего папочку убьют, все говорят, что мой папочка пло... плохooooй, — девочка тихо рыдалась.

Она прижалась к коленям Вик, утыкаясь лицом в подол платья. Плечики ее тряслись, она дышала судорожно, откашливалась и вновь тихо, с редким длинным пищанием, рыдала.

— Твой папочка неплохой, — подумав, сказала Вик и осторожно погладила девочку по волосам. — Я уверена, твой папочка хотел как лучше, но просто немного запутался. Он скоро вернется домой, и ты сможешь с ним увидеться и обнять его.

Немного успокоившись, девочка отстранилась и подняла на Вик огромные синие опухшие глаза. Шумно втянула соплю носом. Вик достала из кармашка на поясе платок и аккуратно вытерла ее личико.

— Поэтому, пока он не вернулся, тебе нужно быть сильной и приглядеть за мамочкой и братиком, да? — добавила она.

Девочка усердно закивала и взбудораженно вдруг спросила:

— Ты ведь та леди-воин, которая убила того монстра на празднике?

Вик усмехнулась и кивнула.

— Я видела, — возбужденно продолжила девочка, — мы с братиком смотрели через

увеличительные кристаллы, нас туда не пустили, но мы спрятались в башенке и смотрели! Я когда вырасту, тоже буду убивать монстров!

Вик чуть не поперхнулась воздухом.

— Я буду как ты, — хвастливо добавила принцесса. — У меня тоже будет куча, куча оружия, и такой же обруч на голову. Я уже попросила мамочку подарить мне на день рождения такой же, а то у моего много разных камешков, и они постоянно дергают мои волосы, но они мне все равно не нравятся, у моего папочки красивее. Когда мой папочка вернется, я его так защитю, что он никуда больше от меня не уйдет!

Тем временем раздался звук быстрых шагов. Должно быть, Джул. Вик улыбнулась и дружелюбно протянула принцессе руку.

— Мне нравится твой план, Клэрия. А теперь давай вернемся к мамочке, она, наверное, совсем тебя потеряла.

Принцесса с достоинством кивнула, будто бы не она минутами ранее рыдала в подол платья, одолженного у Лоис. Важно взяла Вик за руку и сама повела к выходу из кустарников.

Это был действительно Джул. Он обернулся к Вик и Клэрии и удивленно оглядел их обеих по очереди.

— Джулиан! — взволнованно воскликнула принцесса и нетерпеливо запрыгала. — Эй, Джулиан! Я здесь!

Джул, пряча улыбку, переглянулся с Вик и поклонился принцессе. Опустился на колени, оглядел ее личико. Девочка протянула ручки и крепко обняла его за шею.

— Я хочу к мамочке, отнеси меня к мамочке, — попросила она.

— Конечно, — отозвался Джул, улыбаясь в ответ на изумленный взгляд Вик, и шепнул ей: — Подожди меня, я быстро.

Он унес принцессу из сада. Та отлепилась от него и принялась о чем-то возбужденно говорить. Джул слушал ее с серьезным лицом, с чем-то соглашался, кивал... Вик зачарованно смотрела на него, на них, с какой легкостью и уверенностью он нес маленькую принцессу на руках, и в груди вдруг стало тесно от невыносимой любви к нему.

“Я разберусь с этим сегодня”, — думала она, когда он вернулся и еще раз оглядел ее с головы до ног.

— Ты отлично выглядишь.

— Ты тоже, — покраснев и уже махнув на это рукой, ответила Вик.

Джул фыркнул и неловко провел пальцами по влажным волосам, убирая потемневшую челку назад. Он явно принял душ после смены и был одет без изысков — в простую светлую рубашку да темные штаны.

Первое, что она сделает, если он согласится с ней встречаться — уберет его волосы назад таким же жестом.

— Не знала, что у вас с принцессой Клэрией такие тесные отношения, — подколола она.

— С тех пор, как меня приставили к принцессе Красте, мне приходится много времени проводить с ее детьми. Им очень не хватает отца, а меня они знают — часто видели, еще когда Джелия охраняла Красту, — сказал Джул. Вздыхнул, чуть встряхнул головой, словно отгоняя невеселые мысли, и протянул Вик руку. — Идем?

Вик кивнула и осторожно переплела пальцы с его.

Они ничего не обсуждали, ни о чем еще не говорили, но шаг за шагом, внимательно

изучая реакции друг друга, становились все ближе и ближе.

Они отправились к шумной базарной площади, прошли по рядам с тканями, драгоценностями, едой, но Вик не замечала ничего из красоты города и разнообразия товаров. Рука Джула крепко держала ее, они то и дело соприкасались плечами, а когда невольно прижимались друг к другу, пропуская идущих навстречу людей, Вик казалось, она не удержится на ногах и оседет на землю — коленки становились ватными, внизу живота приятно сводило, а сердце казалось вот-вот пробьет грудь и шлепнется на пыльную дорожку.

Они покинули базарную площадь, оставив позади галдеж, яркие палатки, толпу и несколько монет, уплаченных за кулек сладостей да обещанные Лоис кружева. Розовая аллея, по которой повел ее Джул, цвела и пахла, как и положено из названия, розами. То был не навязчивый яркий запах, забивающийся в ноздри и вынуждающий чихать остаток дня, а тонкий изысканный аромат дорогих капризных цветов, за которыми ухаживали с должным тщанием и уважением.

Здесь прогуливались парочки, держащиеся за руки, прямо как они с Джулом. Здесь было множество скамеек, кустов, беседок. Они прошли по одному из мостиков с высокими деревянными перилами, увитыми плющом. Мостики были перекинuty через искусственно созданную извилистую речушку и вели к центру розовой аллеи, где находился большой золотой фонтан.

Вик чувствовала на себе взгляды Джула, когда не смотрела на него, односложно, иногда невпопад отвечала на его слова и тревожно думала, не переборщила ли Лоис с платьем? Вдруг оно чересчур откровенное? Джул вон пришел как обычно, особо не разряжаясь. Конечно, он не мог знать, что Вик намеревалась разобраться со всем сегодня. Через несколько минут. Вот сейчас. Прямо сейчас.

— Не знал, что здесь ремонт, — удивился Джул, приглядевшись к концу Розовой аллеи, где рабочие укладывали новую плитку. — Придется обойти.

Вик согласно кивнула.

— Ты в порядке? — забеспокоился Джул. — Очень уж сегодня молчаливая.

— Я... да, конечно.

Когда Джул был так близко и смотрел на нее против солнца, его глаза становились особенно яркими, синее неба.

Вторым, что Вик намеревалась сделать, если Джул согласится стать с ней ближе — поцеловать его веки, глаза, и он бы чуть жмурился, и его длинные ресницы щекотали бы ее губы.

— То есть я в порядке, — торопливо сказала Вик. Сглотнула. — Джул, есть разговор.

Джул нахмурился, огляделся, кивнул. Они остановились у куста с белыми розами, рядом с узким проулком между двумя высокими домами. Вик перемялась с ноги на ногу и, взяв его за обе руки, отчаянно краснея и храбро глядя ему в глаза, решительно сказала:

— Видишь ли, ты мне нравишься. В определенном смысле, то есть, по-настоящему. Я влюблена в тебя. Если испытываешь ко мне то же самое или нечто похожее...

— Да, — выпалил Джул. Он тоже покраснел, но мужественно держал взгляд и ее руки в своих. — Это... это я должен был... я намеревался...

— Ничего, — перебила Вик. Сердце казалось вот-вот выпрыгнет, голос стал отвратительно тонким и сбивчивым от волнения. — Так ты отвечаешь на мои чувства?

— Конечно, — пробормотал Джул.

— Так я могу поцеловать тебя?

Джул с упреком посмотрел на Вик и осторожно погладил ее по щеке.

— Позволь хотя бы это сделать мне первому.

Вик улынулась, поднялась на цыпочки, обвивая его шею руками, погладила пальцами светлую челку, зачесывая назад. Ладони Джула удобно устроились на ее талии. Не выше, не ниже. Идеально. Он всегда был так галантен и учтив, так непохож на развязных кавалеров, что прежде встречались ей в дешевых тавернах, что Вик чуть не прослезилась. Взволнованное лицо Джула склонялось все ниже. Его глаза потемнели, в их глубине появились те самые искорки, как когда он собирался творить волшебство. Он пристально вглядывался, казалось, в самую душу, а когда, наконец, поцеловал, Вик думала, что умрет на месте от блаженства.

В замок возвращались вечером, молча, крепко держась за руки и то и дело переглядываясь. Сердце продолжало колотиться, но уже от радости. Хотелось орать, танцевать, прыгать, казалось, она могла бы разнести орду лютых ниргенов в одиночку, и особенно удивительным было вот так просто спокойно шагать рядом с ним по мирным улицам города. Прощались долго, прижавшись друг к другу в последнем на сегодня объятии. Вик довольно вслушивалась в быстрое сердцебиение Джула и ничуть уже не смущалась своего волнения и радости.

Он ответил на ее чувства. Джул тоже влюблен в нее. Они встретятся завтра на утренней тренировке, и Вик с нетерпением ждала утра и новой встречи с ним, хотя они еще даже не успели расстаться.

Окрыленная, она поспешила в комнату Лоис: возвращать платье, вручать кружева и делиться сводящей с ума радостью.

дневник Лока: шлем Дерайны

Питомец Дерайны нирген Риар обладал удивительным талантом к созиданию артефактов. К сожалению, он прожил слишком короткую жизнь, но все же успел создать несколько занятных вещиц, включая легендарный шлем.

Шлем Дерайны обеспечивает полную защиту от магических атак, включая защиту от зачарованных стрел — в чем я убедился, когда обнаружил, что юная Вик не пострадала от арбалета герцога Огуста (под “не пострадала” имеется в виду магическое воздействие, а не физическое) в отличие от ее друга, юного Джула. Скорость противомagicеского действия шлема потрясающая. Либо же действие просто постоянное, а не в момент нападения? Не знаю, как изучить получше этот вопрос, поскольку записей юного Риара не сохранилось, разбирать же шлем на детали мне совсем не хочется — боюсь, я не смогу потом его как нужно собрать.

Закливание абсолютной защиты давно не дает покоя Создателям артефактов. Ближе всего к нему подобралось заклинание “камня жизни” — прочитавший его целиком обращается в камень, который не разрушить ничем из известных способов (ни магически, ни физически, ни разумом к нему не пробиться). Маг, прочитавший это заклинание, каменеет в том возрасте и в то же время остается живым. Единственный отрицательный момент — он не может сам расколдоваться. Снять столь сильное заклинание способен Хранитель. Теоретически. Пока что Создателям артефактов не удалось привлечь Хранителя Восточной Вершины к испытаниям — Его Величество слишком занят для столь банальных дел. Заклинание “камня жизни” появилось в 56 году новой эпохи, Хранитель Орейн, бывший братом Дерайны, годам к 108 достиг высшей премудрости и удалился в Зал Созерцания в 34 году. Шэйер королевской крови, что потенциалом своим превосходил бы нынешнего Хранителя и перенял бы его силу, еще не родился или, по крайней мере, ему еще нет 30, когда шэйер достигает пика сил. Редко, но случается, что сила переходит к новому Хранителю, не дожидаясь гибели старого.

Меня не покидает надежда испытать “камень жизни” и доказать, что Хранитель может снять заклинание, но для этого нужно привлечь Хранителя, который снял бы чары с моего подопытного. На данный момент у меня есть и испытуемый — моя дорогая ученица Лоис, и Хранитель — юный Гейл. Они оба весьма подозрительно относятся к моим предложениям, так что мне следует очень аккуратно подойти к ним с этим вопросом (хотя было бы эффективнее просто поставить их перед фактом).

Элементали не шевелились ровно за триста шагов от них и начинали плевать огнем и горящими камнями, стоило подойти ближе. Ростом они были высоченные, как пятиэтажные дома, но виднелись и маленькие, под косую сажень. Они колыхались бесформенной массой, то и дело меняя положение: некоторые зависали над землей, некоторые растекались размазанной кашей, но никто из них не покидал своего поста.

К чести Огуста, он расположил элементалей подальше от деревень и городов, потому за простой люд можно было не беспокоиться.

У Дверей усилили караул Синих Стражей, в города внешнего кольца, попавшие в территорию, которую отхватил себе Огуст, не пускали, а камни, регулирующие место прибытия, и вовсе накрыли стеклянными колпаками и запечатали заклинанием. Во избежание.

Гейл, вдохновленный проснувшейся Хранительской силой, поначалу пытался одолеть элементалей напрямую — в конце концов, они были той же стихии, что его магия. Но огненные атаки не возымели действия: вдали от Вершины Гейл уже не столь виртуозно владел огнем, чтобы силой подавить элементалю, а тот вдобавок принимался разбрасывать волны огня во все стороны так, что следующие часы пришлось потратить на тушение пожара. Соседние элементали за их противостоянием наблюдали с полным равнодушием.

Потом Гейл с помощью одной медитации, которую показал ему Лок, несколько раз с переменным успехом пытался взять элементалю под контроль, но вынужден был отказаться от этой затеи. Медитация оказалась обоюдоострой, и в какой-то момент Гейл осознал, что не только он пытался захватить элементалю. Хоть и считалось, что у элементалей нет разума, Гейл заподозрил, что то было не совсем верно.

Верховный маг, а потом еще и Лок подтвердили, что для того, чтобы удержать элементалей на месте, была использована неизвестная форма заклинания барьера. Позади же элементалей, если хорошенько приглядеться, можно было увидеть груды невероятно крупных темно-красных камней, из которых они черпали силы. Подобные камни часто использовали вместо очага для готовки или обогрева, но Гейл ни разу еще не видел таких насыщено красных и больших. Неужели в рудниках Восточного Побережья обнаружили подобное сокровище в таком количестве? Почему же тогда вести об этом не распространились?

Деревня, в которой он остановился со своими людьми, мгновенно обрела известность и популярность, и через неделю уже больше походила на раскинувшийся шатрами городок. Сюда съезжались люди из соседних селений, из городов, чтобы поприветствовать короля, отдать почести, одарить подарками, да чего-нибудь попросить, а то и потребовать. Понимая, что должен сейчас ступать аккуратно, Гейл, скрепя сердце, милостиво принимал просителей, а после, унимая головную боль бодрящими зельями, разбирал некоторые вопросы с представителями членов Малого Совета.

Доверие народа к нему несколько окрепло, но в то же время нарастало недоумение: как же это, столь могучий король, да не может вернуть свои земли и наказать предателей? Быть может, не столь он силен?

В то же время шепотки о том, что из герцога Огуста был бы лучший король, все нарастали. Огуст правил Югом много лет, люди знали и уважали его, лорд Жатриен и вовсе

считался народным любимчиком, а вот о Гейле в этих краях отзывались не самым дружелюбным образом. Не раз ему приходилось слушать обвинения и упреки в свой адрес. Что хуже всего, они были небезосновательны — опирались на его пренебрежительное поведение до коронации.

Нужно поскорее вернуть Восточное Побережье и объединить людей, размышлял Гейл. Чем больше проходит времени, тем больше нарастают недовольства и расползаются мятежные мысли.

Кроме засады с элементальями да народных волнений от герцога больше не поступало других неприятностей, и Гейл мало-помалу приходил к мысли, что сотрудничество между ним и полукровкой Орохином действительно, как тот говорил, закончилось, и что жертвенный кинжал теперь находится у последнего. Что ж, хотя бы с этой стороны можно было не ожидать больше подвоха.

Если бы удалось отыскать Орохина и заключить с ним договор — его помощь в захвате Восточного Побережья, а в обмен... в обмен... Возможно, в зале артефактов найдется что-нибудь интересное для него? Или оказать ему какую-нибудь ответную услугу?

Гейл потихоньку начал расспрашивать местных жителей о подозрительных существах, и не слышал ли кто-нибудь о полукровке-тэйвере, но чаще всего никто не знал, либо рассказывал невероятные небылицы.

Напасть со стороны моря было невозможным, переместиться через Дверь тоже, напрямую проскочить мимо элементалей — только если сильно повезет, но никто не хотел рисковать. Гейл и сам сомневался, что сможет устоять против атаки нескольких элементалей. Хоть в своем огне он мог чуть ли не раствориться, чужой и природный вредили ему.

— Тут все дело в природе стихии, — попытался объяснить Лок, когда после очередного неудачного дня они с Гейлом устроились во временной комнате продолжить обучение магии. — Да, это все огонь, но происхождение они берут от разных источников. Твой, к примеру, — это то, во что преобразуется на выходе твоя магия. Обычно магия в чистом виде — это энергия, подобная сгущенному воздуху с похожими на электрические разряды крошечными частицами. Магия стихийных магов отличается — она выбрасывается в пространство, к примеру, в виде огня. Подобное случилось с тобой на кладбище первых людей, когда ты спалил нежить. Ты можешь ее контролировать, но это лишь из-за твоей связи с Вершиной, подобное не сработало бы у других стихийных магов. Действие это бессознательное: ты не хотел, к примеру, навредить своим Красным Стражам, когда сражался с Огустом и Жатриеном в тронном зале, потому твой огонь не тронул их, но назвать это контролем в полной мере нельзя. Контроль подразумевает использование заклинаний и магических схем — ты заключаешь свою магию в форму, прежде чем направить ее на выход, либо направляешь ее на выход, тут же заключая в форму. Ты же сейчас не контролируешь магию.

— Ну и что с того? — с улыбкой превосходства спросил Гейл. — Если я и без того справляюсь лучше, чем когда бы то ни было?

Лок отрицательно покачал головой.

— Сейчас — да. Но если что-то выбьет тебя из колеи, и ты потеряешь контроль над эмоциями, своим нынешним настроением, это отразится на твоём использовании магии. Сила Хранителя слишком велика, недаром всех потенциальных наследников с малых лет учат контролировать магию. Ты не можешь всегда полагаться на удачу.

— Ты считаешь мою победу в замке просто удачей? — прищурившись, спросил Гейл. Лок кивнул.

— Да, тебе очень повезло, что юная Вик с друзьями вовремя пришли тебе на помощь. Тебе повезло, что она смогла освободить тебя. Также тебе повезло, что ты не лишился сознания и испытал эмоции, которые и прежде помогали тебе скоординироваться с силой Хранителя. Признаю, в этот раз координация длится много дольше и даже вне пределов Вершины, но повторяюсь — ничем иным, кроме как удачей, это все назвать я не могу.

— Прекрасно, — сухо сказал Гейл. — Спасибо, Лок, ты как всегда вдохновляешь.

Лок коротко склонил голову.

— Что ты намерен делать дальше?

— Оставаться здесь бессмысленно. — Гейл вздохнул. — Нужно искать другие пути. Восточное побережье с востока выходит в море, на севере граничит с Дикими Землями, разведчики доложили, что элементали там заканчиваются. Если попытаться через море, то чтобы не попасть под обстрел элементалей придется зайти слишком далеко, это нарушит древний договор с ласурами. Чтобы пройти через Дикие Земли, так же придется сделать большой крюк. Огуст наверняка будет поджидать и там, и со стороны моря.

Гейл нахмурился, разглядывая карту. В любом случае застать дядю врасплох не получится.

— Я вернусь в замок, — решил он. — Мне нужна передышка. Я уже почти месяц тут торчу, и меня все это изрядно достало.

В библиотеке могла найтись книга о способностях Хранителей, возможно, он умел что-то, что могло помочь, и даже этого не знал. Да и связь с замком... Гейл с изумлением обнаружил, что внутренняя тревога из-за Восточного Побережья связана не только с ожиданиями народа, но и с тем, что он давненько уже не ступал по каменным плитам Южной Вершины. Надо же, успел соскучиться. Гейл расплылся в улыбке, предвкушая, как вновь проведет по стенам кончиками пальцев, как вновь ощутит звенящее чувство единства со столь неукротимой силой.

***

В замке его возвращение встретили с ликованием, поприветствовать вышла даже Краста с детьми. Близнецы переняли от нее цвет волос, внешнею же пошли в отца, Жатриена. Они чинно поклонились своему дядюшке и удрали, едва подвернулась возможность. Видимо, слухи во дворе не способствовали их привязанности к нему.

Краем глаза Гейл заметил Вик: в числе запасных Стражей она охраняла территорию замка. Гейл улыбнулся и мысленно сделал пометку поговорить с ней. Столько всего случилось за последний месяц, столько всего еще предстояло сделать...

После ужина и собрания Малого Совета, за которым обсудили дела насущные и ситуацию на Восточном Побережье, Гейл поспешил в свои апартаменты: по его приказу туда должны были принести все книги, все записи, которые только обнаружили в комнатах герцога Огуста. Последние десять лет Огуст практически безвылазно находился в Южной Вершине, наверняка в спешке не успел забрать что-то важное. Не помешало бы наведаться в библиотеку, размышлял Гейл, в хранилище запретного колдовства.

Куча книг и свитков на полу в кабинете приятно его порадовала, но позже, вчитавшись, Гейл разочаровался: в основном то были прошения людей, приглашения на празднества,

карты земель, несколько книг развлекательного характера, и вряд ли подчеркнутые там строки на самом деле значили что-то зашифрованное... Фолиант, обернутый качественной мягкой кожей и ожиданиями Гейла, оказался дневником Огуста, в котором тот мелким убористым почерком вкратце описывал государственные дела. Гейл быстро перевернул тяжелые страницы, принялся листать сзади, но там не было никаких записей. Гейл вздохнул. Огляделся и принялся за последнюю, самую невзрачную стопку.

Он лениво попивал вино из кубка и начинал уже клевать носом, когда взял в руки очередную небольшую книжицу. Сон отпрянул в ту же секунду, как Гейл вчитался в первые строки на произвольно открытой странице: речь там шла о мерзком отроде, убившем чью-то дочь. Гейл, едва не роняя книжицу от волнения, быстро перевернул ее и пролистал первые страницы. То был дневник, принадлежавший Ищейке Хорею. Судя по всему, тот самый, что убедил Огуста в реальности существования полукровки.

Дрожащими руками Гейл, не веря своей удаче, благоговейно погладил пожелтевшие от времени страницы. Всю ночь он провел за внимательным чтением, временами отвлекаясь на бодрящее зелье, смаргивал лезущий в глаза сон и снова сосредоточивался на дневнике, исписанном прижимистым почерком человека, привыкшего экономить бумагу.

Утром, не дожидаясь камердинера, Гейл быстро привел себя в порядок, отдал распоряжение принести завтрак в рабочий кабинет и поспешил в библиотеку. Вдохновение и возбуждение не давали спокойно сидеть на месте, временами клонило в сон, но очередная вспышка мыслей-воспоминаний о полукровке быстро отгоняла дремоту и подстегивала к действию. И без того почти целый месяц потратил. Огуст и Жатриен наверняка уже смеются над ним и придумывают очередные козни. О, у них было множество веских причин для этого. Даже если Огуст станет осторожничать, Жатриен наверняка рвется к действиям: его жена и дети остались в Южной Вершине, и Гейл знал, что он был к ним привязан.

В библиотеке Гейл напрямик направился во второй этаж, в отдел книг высшей магии, не забыв по пути завернуть в отдел истории клятв и забрать приглянувшуюся ранее книгу.

Раз Лок отказывался обучать его высшей магии, что ж, у него нет другого выхода, кроме как самому взяться за дело. Тут не должно быть ничего сложного. Теорию магических основ Гейл более-менее усвоил, а практиковаться будет на месте.

Гейл, помедлив, опустился на колени и благодарно прижал ладонь к каменному полу библиотеки.

Все эти обучения контролю, медитации... Проблема магов в том, что они не доверяли своей магии, боялись ее.

Ну, он тоже, конечно, боялся, но это было до того, как он обрел с ней единство. Теперь же...

Он поглядел на свою руку, сжал ее в кулак. Схватил стопку выбранных книг и поспешил в рабочий кабинет, приступить поскорее к делам.

***

Джелии отвели прекрасную комнату неподалеку от покоев принцессы, которая пригласила ее и приняла как важную гостью. Джелия приехала на несколько дней вместе с девушкой-служанкой, которая помогала ухаживать за больной рукой — целителям удалось ее срастить, но восстановление шло медленно.

Не быть больше Джелии Красным Стражем, невесело понимал Джул, хотя

официального приказа о ее уходе еще не поступило. Дело было даже не в долгом выздоровлении, а в том, что уверенность Джелии в себе была подорвана, и за время вынужденного отдыха она приняла несколько непростых решений.

Горести, казалось, еще сильнее сблизили их с принцессой Крастой. Они проводили вместе много времени, а когда принцесса была занята, Джелия навещала бывших товарищей да беседовала с Хемлем и его приближенными. Предательство Огуста и Жатриена потрясло ее, а неспособность отбить Восточное Побережье обеспокоило, ибо ставило репутацию короля под сомнение.

Джелия собиралась вернуться домой завтра утром. Откладывать важный разговор еще больше было нельзя, и Джул, договорившись о встрече в ее комнате, от волнения пришел раньше условленного. С преувеличенной внимательностью он разглядывал обстановку в комнате: резной туалетный столик с большим зеркалом, заставленный целебными и косметическими средствами; неплотно прикрытый шкаф с одеждой, из-за дверцы которого виднелись платья; кровать, застеленная ровно, без складок. Джелия, непривычно домашняя, растрепанная, с не забранными в строгую прическу волосами, походила на мать, как никогда. Джул знал, что она забросила тренировки, и это сказывалось на ее движениях — они стали плавными, медленными. Кажется, Джелия даже вес чуть набрала: лицо округлилось, а фигура несколько прибавила в объеме, в особенности в груди. Она нашла себе новое занятие: решила помогать дяде в торговле, и обучалась разбираться в документах, нужных для препровождения груженых караванов из одного города в другой.

Джул не без ужаса задумывался, а что делал бы он, если бы лишился руки и возможности сражаться как раньше? Это стало бы концом. Без верного меча он не мыслил жизни, без свободы управлять своим телом, наблюдать с восхищением, на что еще оно способно, кому еще может противостоять...

— Ты хотел со мной посоветоваться, — напомнила Джелия.

Она внесла поднос, заставленный чашечками и пузатым фарфоровым чайником. Ромашковый аромат окутал комнату. Джул не лез с помощью, знал — не потерпит она такого даже от него.

— Да. — Джул неловко почесал затылок и благодарно уселся на указанное кресло. Неловко взял чашку в руки, чувствуя себя долговязым неуклюжим подростком. — Я хотел... Джелия, я встречаюсь с Вик Рупигро — пустой, что одолела ниргена на арене и помогла спасти короля. Наши чувства взаимны и день ото дня крепнут. Я намереваюсь обручиться с ней, а после — жениться.

Джелия осторожно поставила чашку на низенький столик перед собой. Лицо ее оставалось бесстрастным. Она долго молчала, что-то обдумывая, и Джул, волнуясь все больше, нервно попытался отпить чаю, но тот был слишком горяч.

— Думаю, это плохая идея, — наконец, сказала Джелия.

Джул расстроено посмотрел на сестру. Та вздохнула и терпеливо пояснила:

— Дело даже не в ее безродности и пустоте из-за которой твои дети могут также родиться пустыми. Тесная связь Вик с королем — вот что внушает мне беспокойство.

— Что ты имеешь в виду?

— Они очень близки. — Джелия пожала плечом и, отпив от своей чашки, одобрительно цокнула языком. — Кейз рассказал о том, как король волновался за исход ее боя с ниргеном, и как после кинулся в госпиталь ее проведать. Тебя ждут большие неприятности, если он не одобрит ваши отношения и сочтет тебя недостойным ее, но что еще хуже — если он сам

испытывает к ней чувства, то, Джул, — она подняла на него печальные глаза, — дорогой братец, я боюсь, что для тебя это может плохо кончиться.

— Они близки, да, но они — как брат и сестра, — убежденно сказал Джул. Он почти рассердился на сестру за нагнетение обстановки и рассмеялся бы сейчас от облегчения, если бы она не была столь мрачна и серьезна. — Как мы с тобой. Разумеется, я любого сочту недостойным тебя и пойму чувства нашего короля. Да и будь он влюблен в Вик, разве не признался бы в этом за десять лет их путешествий?

Джеллия спрятала улыбку за чашкой.

— Ты так юн и наивен, — посетовала она. — Так веришь в Хранителя Южной Вершины и романтизируешь его, что забываешь, что он такой же человек, как и ты. Подумай головой, не примешивая к этому чувства, подумай хорошенько, что я сейчас скажу. Чтобы защитить юного принца Гейлорда королева Райра отправила его подальше от замка, но после очередного покушения погибла. По официальной версии, предоставленной народу, следующие десять лет он вместе с Вик обучался у старого отшельника в лесу, да скитался по городам и деревням, не помня своего прошлого. Господин Кор Лок нашел его и с помощью камня Истины доказал, что он и есть принц Гейлорд, вот только Гейлорд не слишком-то был этим удивлен, да и по замку не плутал, что ведет нас к тому, что потеря его памяти — ложь. Скажи мне, все эти десять лет Вик знала о том, что Гейлорд — Хранитель и наследник короны?

Джул нахмурился и отрицательно покачал головой.

— Вик ничего не знала о его прошлом.

Джеллия задумчиво кивнула.

— Получается, он обманывал ее много лет, даже когда достиг пика силы и мог бы вернуться в Южную Вершину. Очевидно, он не хотел возвращаться. Потому мне становятся понятны причины Кор Лока обнаружить его истинный облик на глазах у тысячи людей. Вероятно, он подозревал, что предатель затаился при королевском дворе, а значит, для Гейлорда было безопасней, раскройся его личность на глазах у как можно большего числа людей, чтобы лишить предателей возможности прикончить его исподтишка. Вместе с тем Гейлорд тут же был окружен людьми, Стражами, и это лишило его возможности сбежать. Гейлорду пришлось принять навязанную игру. Мне лишь непонятно, каким образом Кор Локу удалось заманить его в столицу.

Джул закатил глаза.

— С такой страстью к разоблачениям тебе бы в Ищейках работать.

— Может и пойду, — улыбнувшись, лукаво сказала Джеллия. — Но, Джул, прошу тебя, вдумайся хорошенько и реши — стоит ли оно того? Наш король не так великодушен и честен, как ты воображаешь. Негодование барона Фенфроя имело все основания: король пренебрегает своими подданными, я знаю, я охраняла его два месяца до коронации и успела составить о нем мнение. Что помешает ему отомстить тебе, если ты, к примеру, поссоришься с Вик и ранишь ее чувства? Вокруг полно замечательных девушек, почему бы тебе не обратить внимание на кого-нибудь другого?

— Довольно, — тихо, но твердо сказал Джул и резко встал. — Я думал... надеялся, что ты порадуешься за меня, но слышу лишь упреки и оскорбления в адрес моей девушки и моего короля. Да, он не идеален, но у него были причины не желать возвращения сюда, и, как мы видим, он был прав — его снова попытались убить. Он такой же человек, как и мы, — напомнил он Джеллии ее же недавние слова. — А что бы ты делала, если бы из-за тебя

погибли люди, родители, если бы тебя постоянно пытались убить? Теперь-то нам известно, что предатели — герцог Огуст и лорд Жатриен, и после того, как мы с ними разберемся, наш король сможет, наконец, расслабиться и спокойно править страной. Ты, вы все, требуете от него слишком многого.

— А ты слишком доверяешь людям и не хочешь замечать очевидного, — обрубил Джелия. Она тоже вскочила и тяжело дышала от гнева. — Быстро же пустая тебя, наивного болвана, охмурила.

— Не смей так о ней говорить, не то я решу, что ты злишься на нее за ту битву на экзамене, и что она одолела противника, с которым не справилась ты.

Джелия рассерженно посмотрела на него.

— Моя злость не имеет к этому отношения. Сам порассуди — безродная пустая займет место нашей матери в нашем доме. Как еще я должна к этому относиться? Ты, помнится, хотел посоветоваться со мной? Вот мой совет — подумай еще раз или хотя бы не торопись.

— Я уже все решил, — чувствуя, как пересохло в горле, прошептал Джул. Глаза защипало от несправедливой обиды. — Мы уже все решили. Какой смысл тянуть? Мы Красные Стражи, в любой момент на Вершину могут напасть очередные предатели или того лучше — элементали. Мы рискуем жизнями, каждый день для нас может стать последним, и я хочу знать, что жил полной жизнью и любил всей любовью.

— Ты в своем праве, — сухо ответила Джелия. — Надеюсь, король окажется столь великодушным, как ты ожидаешь, и подарит вам земли или хотя бы дом в столице, чтобы компенсировать отсутствие приданого у невесты.

Ничего не ответив, Джул, покинул ее комнату и аккуратно прикрыл за собой дверь. Зажмурившись, на миг прижался спиной и затылком к стене. Устало вздохнул и решительно зашагал прочь.

Тут все просто: клятвы бывают запрещенные и не запрещенные. Они даются на крови и заключаются на левой руке. Для поддержания клятвы используется магическая сила мага. Пустой тоже может дать клятву, но в таком случае его клятва будет повязана с тем, кому он ее принес, к примеру, клятва хозяина и слуги, которую в прошлом массово использовали тэйверы (ныне она отнесена к запретным, поскольку попирает принятый в 1 году новой эпохи закон о равноценности жизнью пустых и магов). Клятву пустой приносил на правой рукой, а хозяин его ныне отвечал за поддержание обеих клятв.

В зависимости от случая черпается определенное количество силы, для этого в договоре, который озвучивают хозяин и слуга, идет четкое разграничение их прав и обязанностей (ежели не соблюсти этого, то клятва будет действовать по умолчанию). К примеру, если хозяин заключил данную клятву со слугой-магом и обозначил в одном из пунктов, что слуга обязуется передать ему магическую силу в случае нужды, то в тот момент, когда хозяин будет истощен либо же задумает какое-нибудь требующее больших вложений чародейство, силы будут тянуться из слуги. Известны случаи, когда слуги умирали из-за истощения, когда их хозяин-тэйвер слишком увлекался своими опытами.

Также клятвы могут быть наследственными (которые передаются из поколения в поколение) и не наследственными (все прочие). Примером наследственных клятв назову клятву Хранителя Вершины, которая вступает в действие в тот миг, когда к Хранителю переходит сила. Хранитель обязуется защищать Вершину и свой народ и не использовать силы для завоевания чужих земель.

Также наследственной клятвой является «обет доверия», который первый человеческий Хранитель Северной Вершины дал последнему королю-ниргену. Заключается он в том, что если народу ниргенов удастся побороть болезнь, Хранитель-человек обязуется вернуть земли и Вершину ниргенам (в чем может помочь жертвенный кинжал). Данный обет вплетен в клятву Хранителя и повязан кровью — что связывает потомков короля-человека и короля-ниргена.

Восточное Побережье и полукровка Орохин стали навязчивой мыслью Гейла. Он развесил на одной из стен подробные карты Срединного мира и Восточного Побережья, разложил книги по высшей магии в только ему понятном порядке, делал выписки и закладывал листами нужные страницы, чтобы быстрее найти при необходимости. Поиски были хаотичные, Гейл сам не был уверен в том, что ищет, но нутром чуял, что идет в верном направлении, и ждал, когда озарение снизойдет.

Следовало бы, конечно, поговорить с Локом, который как раз очень интересовался способностями Хранителей и Вершин и изучал их, но тот скорее всего опять сведет разговор к контролю и основам, которые уже в зубах скрипели. Да и что он понимает со своими книжками? Это ведь не ему приходится терпеть каждодневные взгляды, полные ожиданий, укоров и сомнений, в первую очередь от самого себя в зеркале! Каждый мелкий паршивый слуга наверняка смеялся над ним, обсуждал, перемывал косточки! Стоило хотя бы отправить войска в обход через Дикие Земли, хоть что-то предпринять!

Но Гейл выжидал, отчаянно верил и ожесточенно запоминал знания из древних книг, дошедших приветом от далеких предков-тэйверов.

Быть может, они с полукровкой родственники по какой-нибудь далекой линии?

Будь он сам полукровкой, где обитал бы? Где мог бы находиться сейчас полукровка-Орохин? Как уговорить его заключить сделку и помочь захватить Восточное Побережье? А если это удастся, размечтался Гейл, то, возможно, Орохин поможет еще в каком-нибудь деле? В конце концов, это совершенно невероятно! Способность за секунду переместиться на другой край Срединного — или даже Верхнего! — мира! Убедить столичных высокомерных магов в существовании низших тварей займет буквально несколько секунд!

Может, предложить ему место члена Совета? Его обратное кольцо ввело в заблуждение Хорея, наверное, может сработать и с королевскими старыми пердунами? Утереть нос Локу, который всегда объяснял что-либо раздражающим снисходительным тоном — что может быть увлекательнее?

День в компании взбудораженных мыслей тянулся, как смола. Гейл с нетерпением дождался конца очередного Малого Совета, в мыслях уже лавируя среди бесчисленных символов, найденных в книгах по высшей магии. За полдником к нему пришла мысль о том, что он и сам мог бы создать заклинание или магическую формулу, а то и все вместе — которые помогли бы одолеть элементалей.

Неужели даже в Верхнем мире, у шэйеров, нет подобных магических формул? Лок на его расспросы о магии шэйеров весьма туманно ответил, что людям она не подходит, поскольку шэйеры живут значительно дольше людей и у них свои способы обучения, но, шмак побери, еще месяц назад Гейл разве что огненные бабочки умел нормально создавать, а сейчас практически сражается с элементалями на равных!

Что ж, раз Лок не хочет ему помочь, придется как всегда разбираться самостоятельно.

Из шестой башни Гейл прямоком отправился в библиотеку, где с помощью главного библиотекаря отобрал несколько рекомендованных им книг о Верхнем мире, шэйерах и их магии. Вернувшись в рабочий кабинет, он достал из деревянного ящичка с отсеками один из пузырьков с бодрящим зельем, и дело с изучением Верхнего мира пошло гораздо быстрее.

Краем уха он отметил, что главные часы пробили время отхода ко сну, и вскоре услышал

подозрительный шум у камина. Он насторожился, медленно приподнялся, слыша, как громко хрустнули суставы в отсиженных коленях, и, чуть прихрамывая, встал напротив камина. Поначалу мелькнула глупая мысль, что Огуст и Жатриен нашли способ пробраться в Вершину, и Гейл почти испугался от неожиданности, но тут скрипнула потайная дверь, и Гейл не удержался от радостного возгласа:

— Вик!

***

Он выглядел совсем несолидно, не так, как Вик привыкла уже его видеть, да и комната поразила беспорядком: пол был усеян исписанными и изрисованными листами, комками бумаги, выложен раскрытыми посередине книгами, растянутыми свитками. Часть одежды Гейла свисала с кресла, другая — была небрежно оставлена прямо на полу. Вик переступила через брошенный у камина сапог. Гейл смущенно попытался пригладить встопорщенные волосы. В одной полурасстегнутой рубашке, в темных штанах с закатанными штанинами, босой, лохматый... Ну что за неряшливый вид! Он же всегда так следил за собой!

Вик огорченно подумала, что следовало прийти раньше, не дожидаться, когда он снова ее вызовет. Она выразительно обвела взглядом бардак и уставилась на Гейла.

— А я, эм, тут, в общем, — попытался тот объяснить, заливаясь краской. — Я ищу... кое-что. Т-ты ведь слышала, наверное, про Восточное Побережье?

— Разумеется, я обо всем знаю, — вежливо сказала Вик и сурово скрестила руки. — Но это не оправдывает твой беспорядок. Помнишь, что учитель Руп говорил о дисциплине ума и тела? О том, как важен порядок и контроль — особенно для тебя?

— Помню, — обреченным голосом ответил Гейл.

— Тогда почему в твоей комнате такое безобразие?

— Я просто... увлекся. Я сейчас же все приберу! — Он порывисто подобрал несколько листов под ногами, но Вик его остановила.

— Так ты все запутаешь, и все твои труды будут напрасны. Можешь не торопиться и спокойно все рассортировать, ладно? Я подожду.

Она осторожно, стараясь не наступить на бумагу, направилась к столу с фруктами и напитками. Налила себе вино и, медленно потягивая его, понаблюдала за уборкой Гейла. Тот все еще не расстался со свекольным цветом лица. Ее приход застал его врасплох, возможно, следовало так чаще делать. Вик хмыкнула. В последние дни мысли о Джуле затмевали все прочие. Она знала от Лока, что Гейлу сейчас было нелегко, но ожидала, что, вернувшись из поездки к Восточному Побережью, он сам позовет ее, как в прошлый раз. Что они встретятся, поговорят, обсудят случившееся — с ними обоими.

Тем временем Гейл расправился с бумажным завалом на полу, отправив большую часть в мусорную корзину. Заложил книги закладками и расставил их аккуратной стопкой под картой. Его пробудившаяся тяга к изучению магии приятно удивила. Надо же. А Лок так жаловался, что Гейл в последнее время совсем уж стал ленивый и невнимательный.

Неловко поправляя рукава и ворот рубашки, Гейл с покаянным видом подошел к Вик.

— Предупредила бы, что придешь, — с упреком сказал он.

— Какое тогда удовольствие в знании тайных ходов? — усмехнулась Вик. — Гейл, послушай, я, конечно, обещалась не заставлять тебя врасплох, но подойти к тебе днем не представлялось возможности. То ты был слишком занят разговором со своими

сопровождающими, то я в свободное время искала возможности свидеться с Джулом.

— С Джулом? — удивился Гейл и взял в руки бутылку вина. Огляделся, видимо, в поисках второго кубка, но нигде не увидел и приложился к горлышку.

— Да. — Вик улыбнулась, но тут же посерьезнела. — Я беспокоюсь за тебя, Гейл. Предателем оказался герцог Огуст, твой дядя, и лорд Жатриен, муж твоей сестры. Не представляю, каким это ударом оказалось для тебя.

— Я в порядке, — отмахнулся Гейл. — Обидно было, конечно, поначалу, и что застали врасплох... Так глупо получилось. Если бы не ты, мне бы пришел конец. Хоть ты и не стала моим личным Стражем, сумела помочь мне больше, чем кто бы то ни было.

— Я была не одна, — возразила Вик. — С самого начала мне помогали. Сначала Лок и Лоис, а после — мои новые друзья среди Красных Стражей. Без их доверия и поддержки ничего не получилось бы.

Гейл пожал плечом. Он вперил в нее задумчивый взгляд внимательных черных глаз, и от этого стало немного неуютно.

— Хорошо, что ты пришла, — вполголоса произнес он. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

— О, — Вик встрепенулась и вновь не удержалась от улыбки, — я ведь тоже здесь за этим.

— Вот как? Уж не пришла ли тебе в голову мысль, как можно без лишних кровопролитий одолеть герцога и лорда? — усмехнулся Гейл.

— Боюсь что нет. — Вик усмехнулась в тон ему и осторожно отогнула краешек рукава, обнажая запястье левой руки, на котором с этого утра красовался обручальный браслет. С гордостью продемонстрировала Гейлу.

— У тебя новый артефакт? — так и сяк разглядывая браслет, спросил тот.

Вик расхохоталась.

— Нет, болван! Это же обручальный браслет!

— Можно подумать я каждый день эти браслеты вижу, — проворчал Гейл. — Погоди-ка, что?

— Это обручальный браслет, — повторила Вик и неожиданно смутилась. — Гейл, мы с Джулом обручились этим утром.

— Что?! — Гейл всплеснул руками, ужасно вдруг побледнев. — К... когда это случилось?

— Этим утром, — терпеливо повторила Вик.

— Нет, — резко перебил Гейл. — Не это когда! Давно вы с Джулом? Ну, вместе?

Вик пожала плечом.

— Честно сказать, он мне с самого начала понравился, но сблизилась мы после твоего спасения от герцога и лорда. Он был сильно ранен и не смог сопровождать тебя к Восточному Побережью.

— Вот как, — грубым голосом бросил Гейл. — А вы не слишком торопитесь? Сколько времени с тех пор прошло? Месяц?

Кажется, Гейл воспринял все гораздо хуже, чем она предполагала... Вик укоризненно посмотрела на него, но Гейл от этого, казалось, взъерепенился еще больше.

— Лок тоже считает, что мы торопимся, — как можно спокойнее сказала Вик. — Но он шэйер, и они живут гораздо дольше людей. Они могут десятилетиями встречаться, прежде чем достигнут зрелости и женятся. Мы же не шэйеры. Мы люди и вдобавок Красные Стражи.

Мы живем бок о бок с опасностью, и... Гейл, ты ужасно бледен.

Она дотронулась до его руки, чтобы отвести к стулу и усадить, но он резко отпрянул, глядя на нее широко распахнутыми черными глазами.

— Да что с тобой? — вконец растерялась она. — Ты что, не можешь просто порадоваться за меня?

— Я думаю, вы слишком торопитесь, — процедил Гейл. — Ты в нем уверена? Может, он лишь хочет воспользоваться тобой, а потом бросить?

— Не глупи! — рассердилась Вик. — Скорее выглядит так, что это я, пустая и безродная, хочу им воспользоваться! Я люблю его, а он меня! Разве так трудно в это поверить?!

Глаза Гейла гневно сверкнули огненными всполохами.

— Ты его совсем не знаешь, — все так же сквозь зубы сказал он. — Ты, возможно, путаешь любовь с увлеченностью, я понимаю, вы сражались вместе, это сближает, к тому же он довольно красив. — Гейл помрачнел еще больше. — Возможно, вы увлечены друг другом, но это не значит, что нужно тут же бежать за него замуж!

Да как он смеет! Равняет все по себе! В отличие от него Вик всегда точно знала, чего хотела от своего спутника жизни и не тратила время на бессмысленные интрижки!

Вик глубоко вздохнула несколько раз.

— Гейл, я не хочу с тобой ссориться. Я не перемену свое решение, как не перемену свои чувства к нему. Теперь он — моя семья, и я прошу тебя...

— Это я твоя семья! — оскорбленно крикнул Гейл. — Это я прикрывал тебя, исцелял тебя! Я всегда был рядом с тобой! Даже королем стать согласился, лишь бы ты была довольна! А ты!.. А ты выбрала этого!.. Бросаешь меня в такой сложный момент! Я думал, что могу рассчитывать на тебя! Предательница!

По лицу Гейла то и дело быстрыми ритмичными вспышками проявлялись черные вены. Нельзя было сейчас давать ему спуску и отступать, и хотя Вик непроизвольно задрожала от внезапного страха, она шагнул к нему и с размаху хорошенько врезала. Гейл отшатнулся, хватаясь за лицо. Изумленно посмотрел на свою руку. Кровь струилась из носа и разбитой губы.

— Вот как значит, да? — свистящим шепотом спросил он. Черные вены мало-помалу тускнели и исчезали на его лице.

— Это мне следовало бы так сказать! — перебила Вик. — Какого шмака, Гейл?! Я не бросаю и не предаю тебя! Я всего лишь обменялась обручами союза с мужчиной, которого люблю! В доказательство моей любви к нему и верности! И только попробуй, — понизив голос, предупреждающе сказала она, не сводя с него глаз, — мне все испортить или отыграться на Джуле из-за своих детских капризов.

— Хорошего же ты мнения обо мне, — сухо сказал Гейл.

Он окончательно пришел в себя. Его плечи поникли, а во взгляде притаилось нечто странное, из-за чего Вик ощутила себя виноватой.

— Ну а что мне еще подумать после того, как ты приравнял мое обручение к предательству? Завтра после ужина в саду у красного фонтана, не опаздывай, — отрывисто бросила Вик, отворачиваясь. Помедлив, добавила: — Это очень важно для меня, Гейл. Все будет испорчено, если ты не придешь.

Гейл ничего не ответил, и Вик ушла с тяжелым сердцем.

Бессонная ночь была пыткой, последующее утро — худшим в жизни, и чем ближе подступал вечер, тем ужаснее Гейл себя чувствовал. Сосредоточиться не получалось ни на чем, все валялось из рук, даже контроль над магией, которым Гейл неистово гордился, начал выскальзывать из-под пальцев.

Лок, видимо, знал об их с Вик ссоре, но тактично помалкивал и заговаривал лишь по делу. На ужин они с Лоис не пришли. Аппетита не было, и Гейл быстро окончил трапезу и вернулся в свои апартаменты. Очутившись в рабочем кабинете, попытался сосредоточиться на книгах, уставился на карту своих владений блуждающим взором, тоскливо пытаясь представить, что происходит в саду у красного фонтана. Красные Стражи, Врамбл и Мимоза, ничем сегодня не выдали чувств, но Гейл подозревал, что им тоже хотелось бы находиться в другом месте.

Гейл тщетно попытался найти в Джулиане Билде изъяны, но на ум приходили лишь его успехи, да редкие, а оттого ценные похвалы Хемля. Джул Билд не носил модные усики, был низковат — едва выше Вик, белобрыс и светлокож, с правильными чертами лица, и сейчас, разглядывая себя в зеркале, Гейл в очередной раз пришел к неутешительному выводу, что проигрывает на его фоне. С опущенной челкой еще было ничего — лицо не казалось таким лошадиным, как с зачесанными назад волосами, но вот что делать с фамильными рыжими волосами, на фоне которых черные глаза выглядели пугающе, он не знал.

“Ну что в нем такого особенного?” — размышлял Гейл. Чем он сумел зацепить Вик настолько, что та так яростно защищала их отношения?

Гейл презрительно и горько усмехнулся. Провел расческой в последний раз, одернул полы праздничной одежды.

Не стоило даже разряжаться для такого дела, скорее, следовало бы облачиться в траурные одеяния. Его появление и без того сочтут знаком особой благосклонности к обрученным.

“Я делаю это ради нее”, - напомнил себе Гейл.

От попыток держать лицо сводило скулы. Вежливая полуулыбка вытягивала все силы, ответные приветствия слетали с губ механически, Гейл почти не замечал, с кем обменивался банальностями. Гостей собралось неожиданно много. В основном то были Красные Стражи и слуги, но были и несколько лордов, чьих имен Гейл все еще не знал, но, поскольку решил остаться в Вершине, решил наверстать упущенное. Лордов он покидал радостно ошеломленных, будучи чрезвычайно собой доволен. Ясная Зела ярко светила над головой, остальных лун не было видно, лишь звезды да редкие облака — отличное предзнаменование, кисло подумал Гейл. Значит, у Вик все будет хорошо, как он всегда ей желал. Конечно, он и предположить не мог, что у нее все будет хорошо с этим ее ненаглядным Джулом, но с другой стороны Гейл не мог не признать, что он был отличным воином. Чего только стоила битва в тронном зале против Жатриена и Огуста?

Гейл рассеянно огляделся и увидел, наконец, виновников торжества. Они находились у арочного дерева, которое обвивали ползучие белоснежные лилии, и внимательно слушали Лока, разодетого по-шэйерским обычаям в парадный серебристый балахон, еще и крылья разукрасил какими-то штуками, похожими на вставные перья, которые тоже красиво серебрились под луной.

Гейл решил, что проявит себя как великодушный король. Он наградит свою названую

сестру Вик, которая всегда была для него ближе родной семьи, и не станет срывать злость на Джуле. Только бы пережить этот вечер и ничего не испортить.

Гейл растянул губы в улыбке, чуть сощурил глаза и расслабил брови, прекрасно зная, что так его ни за что не уличить в неискренности.

— О, Гейл! — радостно бросилась к нему Лоис. — То есть... Ваше Величество. — Она с лукавой улыбкой присела в реверансе.

— Уважаемая госпожа, — в тон ей галантно поклонился Гейл. — Выглядите прекраснее обычного.

Он протянул ей руку, и Лоис взяла его под локоть. Ее длинное розовое платье было украшено благоухающими цветами, голову украшала диадема с розовыми камнями.

— Рада, что ты пришел, — негромко сказала Лоис, пока они направлялись к арке.

— Конечно, я пришел, — немного удивился Гейл.

— Вик почему-то была уверена, что ты не придешь. Снова повздорили?

Гейл коротко вздохнул и кивнул.

— Из-за ее обручения? — продолжала допытывать Лоис. — Но рано или поздно это должно было случиться, а Джул отличный вариант.

Гейл недовольно посмотрел на нее, но ответить не успел: Вик уставилась на него с таким облегчением, что он ощутил стыд. За то, что едва не отказался прийти, за ту ссору, за то, что не поддержал ее и даже не поздравил. Что ж, сейчас ему выдалась хорошая возможность это все исправить, пусть даже Гейл не представлял, как это сделает — по горлу прокатился тяжелый спазм, будто он сдерживал слезы, язык опух и потяжелел, во рту пересохло.

Он даже не замечал, как сильно отросли ее волосы, пока она их не распустила. Она была в простом светлом платье, украшенном цветами и листьями, голову украшал обруч, так же искусно оплетенный цветами. Они с Джулом держались за руки.

— Ваше Величество, — пряча улыбку, произнесла Вик и опустилась в реверансе, тогда как Джул отвесил положенный поклон.

— Джулиан Билд, Виктория Рупигро, — выдавил Гейл и поклонился в ответ. Сглотнув, добавил: — Или мне называть тебя теперь Виктория Билд?

— Как вам будет угодно. Рада, что вы все же изволили явиться, — ровным голосом сказала Вик, испытующе разглядывая его.

— Я не мог не прийти. Поздравляю вас с обручением, да ниспошлет на вас Меритрэ свою благосклонность. — Гейл провел в воздухе перед ними две горизонтальные черты и прикоснулся посередине ладонью.

Слова прозвучали жалко, он сам весь, должно быть, жалко выглядел, и снова чувство тысячи взглядов обрушилось на него, а Вик продолжала держать Джула за руку.

Все было неправильно. Вик была такой красивой и счастливой — без него, в компании своих друзей, она даже не заметила бы его отсутствия.

Вик, не сводя с него глаз, медленно приблизилась, протянула раскрытые руки. Узкий золотистый браслет обвивал ее левое запястье. Гейл вздрогнул, возвращаясь в реальность, сюда, в эту лунную ночь, взял ее руки в свои, вдыхая аромат цветов и едва уловимый запах свежести, который бывает во время грозы.

— Прости, я... я не знаю, что сказать, я просто рад, действительно рад, — с трудом сказал он, — что ты счастлива. Я поздравляю тебя, и прости, что не сделал этого раньше, а сейчас даже обнять тебя не могу — все так смотрят, да и муж твой, наверное, будет против.

Вик усмехнулась.

— Джул пока еще мой жених, но, думаю, он будет в восторге, если ты обнимешь его.

Гейл неуверенно улыбнулся. Вик крепче сжала его руки. Ее глаза блестели.

— Спасибо, Гейл, — совсем тихо сказала она. — Мне кажется, еще немного, и я от счастья лопну, я просто... Так люблю его, и вот теперь мы вместе, и рядом все те, кто мне близок и дорог. Разве смела я о таком мечтать, когда мы только прибыли в столицу?

Один из цветков выбился из ее волос, и почему-то от этой не идеальности внутри все сжалось.

Ему требовалось выпить. Немедленно, да чего покрепче.

Но прежде следовало достойно удалиться. Из последних сил сохраняя спокойное выражение лица и улыбку, Гейл заставил себя отпустить ее руки и подойти к Джулу. Не глядя на Лока, который стоял рядом с ним и внимательно наблюдал, Гейл протянул ему руки. Невысокий красивый Джул весь светился, одет был просто, но со вкусом, чего Гейл не мог не отметить и не оценить. Он с трудом отогнал соблазнительную картинку того, как сбил бы с него дурацкую улыбку, превратив его в пылающий живой факел. Вместо этого он пожал ему руки, выдавив поздравления и пожелания счастливой жизни. Руки Джула были широкие, крепкие, сильные. Сам Джул разволновался так, что запинался и краснел. Вик подошла к нему и, усмехнувшись, легонько ткнула в бок. Они встретились глазами и разулыбались друг другу, отвратительно счастливые в этот ужасный для Гейла день.

— Ну, мне пора, — кашлянув, сказал он.

— Но ты только пришел, — огорчилась Вик.

Гейл, не удержавшись, протянул руку и поправил выбившийся цветок в ее волосах.

— Я же король. — Он подмигнул ей. — Работать над проблемами королевства мой долг, и негоже мне прохлаждаться, пока на моих землях правят предатели.

Он кивнул Локу и вставшей рядом с ним Лоис и обратился к своим личным Стражам.

— Оставайтесь на празднестве и повеселитесь, это приказ. Какой из меня Хранитель Вершины, если я не могу пройти по ней один?

Он попрощался с обреченными и удалился степенным шагом, полным достоинства, как он надеялся. Обернувшись, он посмотрел на смеющуюся счастливую Вик, которая что-то говорила Джулу. Видел, как она порывисто поцеловала руку Джула и прижала ее к своей щеке. Гейл отвернулся и прибавил шагу. Внутри все клокотало, разгоралось бессильной злостью и горечью.

В парадном павильоне он наощупь нашел крохотный рычажок под светильником в виде распустившегося цветка и скользнул в открывшуюся потайную дверь. В темных коридорах, маленькие кристаллы света которых не успевали разгораться — так быстро он шагал, — Гейл постепенно перешел на бег. Он не следил за дорогой, ноги сами вели его, ходы расширялись, сужались, разветвлялись, первый перекресток распахнулся множеством троп, и Гейл побежал наугад. Здесь не было эха и теней, а временами и звука. Лок, несомненно, дорого бы отдал за карту тайных ходов, интересно, что с нею сделала Вик? Держит ли при себе или все запомнила и сожгла? Быть может, поделилась ею с Джулом? Он же теперь ее семья.

Гейл с силой толкнул дверь, не дожидаясь, пока механизм сработает, и вывалился в свой рабочий кабинет, судорожно дыша. Руки и ноги дрожали, он весь взмок, перед глазами все плыло, ужасно хотелось пить, и он поспешил к трапезному столику, который, как всегда, был уставлен закусками и вином. Откупорил первую попавшуюся бутылку и, чуть не давясь,

сделал несколько больших глотков. Напиток обжег рот, прокатился по глотке вниз, прошивая огненной нитью до самого желудка. Утирая побежавшие сопли и слезы, Гейл, шатаясь, побрел к шмаковым книгам, бесполезным свиткам, бестолковым схемам. Задел ногой стопку книг, и та медленно накренилась и развалилась до того, как он сообразил, что наделал и успел бы предотвратить. Развалившись, эта стопка книг повалила за собой и другую. Книги завалили тщательно составленные друг с другом схемы магических формул, подробные карты Восточного Побережья, заметки о элементах и планы о том, как теоретически можно было бы их обойти или одолеть.

Гейл, на миг окаменев от очередной катастрофы, не сдержавшись, со всей злости пнул одну из книг. Та врезалась в угол стола, отскочила. Гейл в ярости пнул еще одну, другую, третью... Хрустела и рвалась под подошвами дорогих сапог дорогая бумага, дорогая выпивка плескалась в дорогой бутылки, и Гейл, сделав еще один глоток, швырнул и кубок, и бутылку в камин. Огонь жарко вспыхнул, задрожала комната, а может то сам Гейл качнулся. Не удержавшись, он упал на колени и взвыл коротко, горестно и зло. Выпитое не заполнило жадную ищущую дыру внутри, и опустошенность и потеряность все больше захватывали все его разум.

Так ярко ее глаза прежде никогда не блестели, даже во время самых опасных сражений. Она не носила платья, не распускала волосы, но сегодня сделала и то, и другое, и кажется даже прибегла к косметике. И все — ради своего мужа. Жениха. Она хотела быть красивой для него.

Признался бы он ей раньше, согласилась бы она встречаться с ним? А после — обручиться и выйти замуж? К шмаку законы и традиции — Гейл пошел бы на это, на все, если бы она согласилась, но сейчас что толку об этом думать?

Гейл с трудом снял плотно облегающий камзол, сгреб в кулак рубашку на заболевшей груди, сдернул бархатный платок, отстегнул верхние пуговицы, а потом хлынули слезы, и, наконец-то, стало чуть легче.

По окнам мелко-мелко застучали. Гейл заторможено понял, что идет дождь. Он потер опухшее, неприятно стянутое от высохших слез лицо, осторожно огляделся. Огонь в камине почти потух, напольные часы показывали три ночи, кажется, он умудрился задремать на полу. Кряхтя от неприятного чувства онемевшего тела, Гейл попытался встать, блуждающим взглядом разглядывая устроенный в кабинете беспорядок. Одна неприметная старая книжонка, лежавшая рядом, привлекла его внимание. Книжонка была раскрыта. Гейл растерянно осознал, что все книги в комнате были раскрыты. Светила лишь часть кристаллов, словно подстроилась под его настроение, и в кабинете царил приятная полутьма. Гейл протянул руку и взял книжонку в руки.

— Это же книга о библиотеке в Верхнем мире, — вслух произнес Гейл и удивился тому, насколько хриплым, страшным прозвучал голос.

Попытался откашляться. Горло драло так, будто внутри царапалась кошка. Гейл, продолжая листать книжицу, поплелся к трапезному столику, уже протянул было руку к бутылки, намереваясь нажраться, то есть, отметить обручение Вик и проспать до утра, как прочитанная фраза заставила его остановиться. Все желание напиться испарилось, как брызги воды над бушующим пламенем. Гейл понял, как ему найти полукровку.

дневник Лока: о свадебных традициях людей

Расскажу вкратце, в чем они заключаются.

Решив связать свои жизни, молодые обмениваются обручами союза (то могут быть кольца, браслеты или даже пояса) и клянутся друг другу в уважении, верности, любви и во всем остальном, что сами пожелают. Клятва сия не кровная, потому ее не относят к магическим, я назвал бы это обетом; обручение может длиться годами, но его можно и разорвать, сделать это в отличие от свадебной клятвы не в пример проще.

Обручи союза можно приобрести в специальных магазинах, изготовлением их занимаются мастера-создатели в Цитаделях — как и созданием артефактов. Обручи не являются артефактами, делают их из специального сплава с вкраплением розовых кристаллов — это позволяет обручившимся поддерживать друг с другом ментальную связь, то есть чувствовать состояние другого.

Следующим этапом после обручения является свадебная церемония, об этом я расскажу в следующий раз.

Хм, интересно, как древний человеческий молитвенник оказался в библиотеке Южной Вершины? На лекциях о тэйверских обычаях учитель рассказывал (да и во всех учебниках было написано), что тэйверы презирали низшие народы, к коим относили всех, кроме себя и шэйеров. Оттого особенно странно было найти в разделе библиотеки, отведенной редким ценным книгам, человеческий молитвенник, который, судя по всему, относился еще к началу Старой эпохи, также известной как Золотой.

Лок, уединившись в библиотеке после Малого Совета, внимательно пролистывал хрупкие страницы, для надежности укрепленные книжным заклинанием — их накладывали на книги, используя крошечные розовые кристаллы, накопители магии, прикрепленные к четырем уголкам спереди и сзади обложки. Книжное заклинание защищало книгу от ветхости, сырости, пыли, а страницы при первом касании казались маслянистыми, но это ощущение быстро исчезало.

Молитвенник был полностью на человеческом языке. Лок нахмурился, огляделся, вспоминая, где же видел полное собрание словаря человеческого языка, и наткнулся вдруг взглядом на Гейла, который как раз, запыхавшись, спешил к нему.

— Вот ты где! — громко шепнул он. — Я тебя всюду ищу!

Лок внимательно оглядел Гейла. Похоже, тот полностью оправился после обручения Вик. С того вечера прошло больше недели. Вик и Джул, в подарок к обручению получившие десять выходных дней, поехали в родовое поместье Джула в одном из городов внешнего кольца — знакомиться с его родственниками, знакомиться с домом, хозяйкой которого Вик однажды станет. Вспомнилось ее лицо, излучавшее счастье и глубокую любовь, когда она смотрела на юного Джула, и сердце переполнилось теплом и нежностью. Как это было чудесно! Осталось найти достойного партнера для юной Лоис, довольно подумал Лок, ну а для юного Гейла уже всю подбিরали невесту, и, к сожалению, в этом вопросе от его предпочтений мало что зависело. Королевский род должно было продолжить с наилучшей партией: избранница обязана быть сильным магом из достойной семьи с хорошей родословной.

— Чем обязан, юный Гейлорд? — сухо осведомился Лок, аккуратно закрыл и отложил книгу и скрестил руки на груди.

В последнее время они с Гейлом виделись лишь на совещаниях Малого Совета. Гейл перестал спрашивать у него помощи в освоении магии, и Локу было известно, что к верховному магу он также не обращался. Более того, он казался всецело увлеченным какой-то идеей и перестал сильно переживать из-за неудач с Восточным Побережьем. С того вечера, как отослал свою личную Стражу, Гейл все чаще приказывал оставить его одного, и при разговоре с Хемлем даже заикнулся о том, чтобы их распустить, чего, конечно же, не случилось. Но столь явное пренебрежение древними традициями сильно задело Хемля, раз он пришел к Локу пожаловаться на поведение короля.

Не обращая внимания на откровенное недовольство Лока, Гейл перегнулся к нему через стол и взбудораженно зашептал:

— Я кое-что придумал. Если все удастся, мы захватим Восточное Побережье без лишнего кровопролития.

— И что же ты придумал? — подозрительно спросил Лок.

— Я хочу найти Дверь, которая приведет нас с отрядом отборных воинов в Восточное Побережье незамеченными, — ответил Гейл. Он явно готовился к этому разговору и без запинки продолжил: — Видишь ли, в чем дело, Двери частенько открываются в Диких Землях и на границах с ними. Мне пришло в голову, что можно отследить их появление, заранее подготовиться, и как только откроется Дверь в Восточное Побережье, тут же войти в нее — перебраться в Восточное Побережье, миновав элементарей и западню, которую Огуст может устроить со стороны моря и Диких Земель, примыкающих к Побережью. Стоп, не перебивай, — Гейл протестующе поднял руку, не давая Локу возразить, — знаю, что ты хочешь сказать, но я еще не закончил. Я все продумал. Нужную Дверь можно отследить в зале трех миров в библиотеке Времен Верхнего мира.

Лок понимал, что таращится, но остановиться не мог.

Каким это образом Гейл, никогда прежде не интересовавшийся Верхним миром, вдруг прознал о зале миров в библиотеке Времен? В зале том находились три артефакта, созданные богами в самом начале Золотой эпохи — когда миры только-только разделились, а боги их еще не покинули. То были карты, и каждая была отведена одному из трех миров. Карты менялись и подстраивались под изменения своего мира: города и деревни, горы и реки зарождались, менялись, рушились, исчезали — знай успевай вносить заметки в книги. Немудрено, что летописцы там постоянно менялись.

Лок частенько бывал там, порою даже ночевал, и не забывал обновлять пропуск, который, к слову, истекал лишь через год. Помнится, он намеревался в следующий раз прихватить с собой юную Лоис, изъявившую настойчивое желание погулять по Верхнему миру, и в последнем пункте пропуска добавил прошение о посещении вместе с ним одного гостя. Пожалуй, это будет достойной наградой за ее верное ученичество (чего никак нельзя было сказать о юном Гейле).

На картах всех трех миров действительно не угасающими маячками горели постоянные Двери, вспыхивали и исчезали случайные, но идея Гейла от того не переставала быть абсурдной. Даже если ему удастся отследить закономерность возникновения случайных Дверей, нет гарантии, что они приведут именно в Восточное Побережье — с таким же успехом Гейл со своим отрядом может попасть в Нижний мир.

— Мне поможет сила Хранителя Вершины, но также мне нужна и твоя помощь, — воодушевленно продолжал Гейл. — На получение пропуска в Верхний мир нет времени, да и Огуст с Жатриеном могут об этом узнать и сделать свой ход, потому проникнуть туда мне нужно тайно.

Лок задумчиво потер подбородок.

— Это в любом случае займет несколько дней, — наконец, сказал он. — Для того, чтобы тайно попасть в Верхний мир, нужно тайно попасть на Восток, а оттуда — дабы опять же держать все в секрете — придется добираться прямым путем, то есть мне придется пролететь вместе с тобой через водопад Акайне немалое и весьма опасное расстояние, и если нас обнаружат, то дело обернется полнейшим и позорнейшим провалом. Надеюсь, ты это осознаешь.

Гейл самодовольно ухмыльнулся.

— Мы успеем обернуться до завтрашнего полудня, если отправимся в путь прямо сейчас.

— Но... — хотел было Лок возразить, что даже если им каким-то образом удастся преодолеть расстояние до Верхнего мира, то, чтобы проанализировать карту миров, уйдет

много времени.

— Доверься мне, — прервал Гейл. — Тебе нужно будет лишь помочь мне добраться до Верхнего мира и в библиотеку, дальше я сам справлюсь. Ну так что, могу я на тебя рассчитывать?

С сомнением качая головой, Лок ответил утвердительно и поспешил за нетерпеливым Гейлом, который, радостно улыбнувшись, приглашающе махнул рукой.

***

Взбудораженный и окрыленный Гейл, ведя Лока по коридорам Южной Вершины, непривычно разговорился. Говорил по большей части об огненном волшебстве и показывал, какие новые приемы успел освоить: огненная змейка проползла по его руке, обвивая пальцы; огненная бабочка с каждым взмахом крыла разделялась на еще две бабочки, и они быстро заполнили часть коридора и вылетели в открытое окно; огненная птица возникла на специально приподнятом плече Гейла, и вперилась огненными глазами прямо в Лока, будто была живым существом и... смотрела.

Локу оставалось лишь изумленно качать головой и терпеливо ждать, когда Гейл выдохнется. Гейл же то и дело поглядывал на него так, будто чего-то ожидал.

— Видишь ли, Лок, моя сила подчиняется мне по мановению мысли, нет необходимости в заклинаниях или магических формулах.

Он в очередной раз, явно наслаждаясь, щелкнул пальцами и огненная птица пролетела по коридору, взмывая к потолку, все вырастая и вырастая. Лок едва удержал испуганный возглас, чего нельзя было сказать о служанке, которая, пригнувшись, взвизгнула и уронила корзину с бельем. Огненная птица не причинила никакого вреда украшенному картинами потолку. Она погасла, прежде чем опалила бы крыльями творения искусных мастеров. Чувствуя легкую дурноту, Лок невольно схватился за рукав одеяния Гейла, только сейчас отмечая, что одет тот куда проще обыкновенного: в камзол бледно-бордового цвета, простые темные штаны, удобные легкие сапоги.

— Стоит только представить, что именно я хочу, как оно воплощается, — продолжал Гейл. — Вот и в тот вечер, прочитав одну книгу, я вдруг отчетливо понял, чего хочу, точнее, как именно могу получить то, что хочу, и на следующее утро проснулся, зная, куда должен идти.

— И куда же мы идем?

— К первой башне.

— Но зачем? — растерялся Лок.

Если посмотреть схемы замка, то окажется, что первая башня находится аккурат в центре, потому как и в случае с шестой башней, было непонятно, чем руководствовались те, кто давал им счет. К первой башне вела высокая винтовая лестница. В ней была одна дверь и четыре окна, выходящие по четыре стороны. Потолок был высоким и, казалось, терялся в темноте. Помещение было маленькое, заставлено лишь парочкой стульев, столом да вечно засыхающими цветами в длинной каменной кадке. Лок помнил свое нетерпение, когда в первый раз исследовал Южную Вершину, сколько чаяний возлагал на первую башню и как разочаровался, ничего особенного там не обнаружив.

Гейл снисходительно посмотрел на него.

— Сам Хранитель Южной Вершины сопровождает тебя туда. Неужели ты думаешь, что

мы с ней ничем не сможем тебя удивить?

Лок слабо кивнул, жалея, что оставил книжицу для записи мыслей в библиотеке, и настороженно поглядывал на Гейла, который казался уверенным, как никогда. Следовало бы порадоваться этому, но Лок вновь ощутил легкое головокружение и беспомощности.

Магические умения и способности юного Гейла стремительно развивались и крепили, и это противоречило тому, что Лок знал о Хранителях Вершин. Вершина — один из четырех столпов, на которых держится Первая Клятва, разделяющая три мира. Проявлять небрежность и излишнюю самоуверенность в этом вопросе было крайне безответственно, но Лок решил смолчать: все равно юный Гейл его не слушал, а сейчас уж тем более не стал бы. Лучшее, что он сейчас мог делать — наблюдать.

***

Первая башня встретила их все той же обстановкой: теми же окнами, той же мебелью, разве что цветы ожили и значительно выросли.

Лок вопросительно посмотрел на Гейла. Тот шагнул в середину комнаты, прикрыл глаза, сосредоточился. Медленно протянул руки и, словно наткнувшись на прозрачную стену, замер. Раздался смутно знакомый уже Локу глубокий рокот, сотрясение, вибрация — не в пространстве, а где-то в глубине своей сущности. Лок содрогнулся от глубинного неосознанного страха, на краткий миг невольно представив себя мелкой незначительной букашкой, уничтожить которую мог бы, как ни странно, Гейл — одним шевелением мизинца.

Гейла охватило огненное сияние, приподняло в воздух. Он распахнул черные глаза, и мгновенно взвились его убранные сзади волосы, лопнула лента, которой он их связал в низкий хвост. Черными были радужки глаз, белки, черные вены пульсировали на его лице, напоминая узоры тэйверов, которые Лок видел на картинах. Перед Гейлом у кончиков пальцев в воздухе появилась серебристая рябь. Она тянулась вверх, вниз, немного вширь, пока не обрела форму прямоугольника, аккурат под рост Гейла. Огненное сияние постепенно ослабло, исчезло. Гейла опустило на каменные плиты. Он закрыл и осторожно открыл прежние глаза и торжествующе самодовольно улыбнулся. Лок шумно выдохнул.

— Это Дверь. Она ведет Хранителя Вершины в любую другую Вершину, — хрипловато сказал Гейл, взмокший от усилий. К его высокому лбу налипли волосы, и он несколько раздраженно откинул их назад, пошарил в карманах, вытащил ленту для волос и быстро завязал их сзади.

— Что? — ничего уже не понимая, пробормотал Лок. — Как это возможно?

Гейл снисходительно посмотрел на него.

— Вершины связаны, — пояснил он. — Я чувствую этот замок, будто оно живое существо, будто я его частица. Замок наделяет меня не только магией, но и помогает в достижении целей. Я нашел записи о библиотеке Времен в тот вечер, вернее ночь, — помедлив, Гейл добавил: — когда Вик обручилась. Я просто... Все книги вдруг открылись на нужных страницах. О библиотеке Времен, о Верхнем мире, о культуре шэйеров...

— Так это был ты? — задыхаясь от догадки, спросил Лок. — Это ты вызвал дождь, хотя ночь обещала быть ясной, и тот краткий миг сотрясения... Я решил, что мне показалось, но значит я не ошибся, и то было проявление силы Вершины?

Руки так и зачесались записать скорее эти важные сведения, и Лок мысленно выругал

себя за забывчивость. Таинственная загадка, связь Вершин с Хранителями, сила, которой те могут владеть... Лок не мог припомнить, когда в последний раз так сильно разволновался. Он неожиданно осознал, что подошел совсем близко к тому, чтобы узнать все ответы.

— Но как? Каким образом? Что ты сделал?

Лок не заметил, как подскочил к Гейлу и стиснул его плечи. Гейл смерил его руки холодным взглядом, и Лок опомнился, отодвинулся.

— Какая разница? — дернув плечом, спросил Гейл. — Ты думаешь, мне есть дело до того, как это работает? Главное результат. Я всецело доверяю своей силе. С тех пор, как я объединился с нею, она меня ни разу не подводила и не предавала, — язвительно напомнил он.

— Но если мы поймем, как это работает, то сможем и в дальнейшем использовать, даже если однажды по какой-то причине ты потеряешь это чувство единства, — попытался вразумить этого глупца Лок. — Погоди-ка... В тот вечер юная Вик обручилась с юным Джулом, а ты быстро ушел, и Лоис заметила, что ты был расстроен...

Гейл переменился в лице.

— Этот прохвост недостоин ее, — процедил он. — Не ожидал я от Вик такой глупости.

— Джул — весьма приятный молодой человек, — возразил Лок. — А Вик поступила весьма разумно, не став оттягивать момент объяснения в чувствах, она права — все же человеческий век так короток... К слову, твои действия порой наводят Лоис на мысль, что ты и сам влюблен в Вик, но в таком случае ты наверняка изъяснился бы с ней за столько времени, что вы странствовали вместе.

Гейл ярко вспыхнул и перебил:

— Так, все. У нас не так много времени, чтобы тратить его на болтовню. Идем, — требовательно, звучно сказал он. То был одновременно он сам, и прозвучавший голос в голове, и не терпящий возражений приказ, и еще прежде, чем Лок осознал, он схватил руку Гейла и одновременно с ним шагнул в серебристую Дверь.

***

Переход через серебристую Дверь по ощущениям ничем не отличался от перехода через Дверь обычную, но странное дело — кажется, они находились все в той же комнатухе. Пока Лок приходил в себя и пытался понять, как же так случилось, что он подчинился Гейлу, серебристая Дверь исчезла, а Гейл быстро шагнул к окнам, выглянул вниз и кивнул Локу:

— Нужно спешить.

— Где мы?

— В Восточной Вершине.

— Но...

— После обсудим, нужно спешить, — повторил Гейл и встряхнул Лока за руку.

Лок чуть не отшатнулся, немо уставившись на него.

Хранитель Восточной Вершины не мог не почувствовать столь вопиющего вторжения. Сейчас на них набежит Стража, их схватят и с позором заставят отвечать за ужасное преступление — вторжение в Восточную Вершину.

Лок знал о Вершинах и Хранителях все, что только можно было узнать из древних книг, посвященных этому. Но ни в одной книге, ни в одной легенде не было речи о том, чтобы

сотворить Дверь — странного цвета и необычайно ровную — и попасть через нее в другую Вершину.

А нельзя ли было в таком случае открыть Дверь сразу в Восточное Побережье?

— Лок! — отчаянно шепнул Гейл. — Идем!

Но голос его уже не имел той власти, что в Южной Вершине.

Получается, теория Лока была правдива, и Хранитель, очутившись на далеком расстоянии от Вершины, утрачивал часть сил?

От бессистемных хаотичных мыслей разболелась голова, переход через Дверь дал о себе знать, затошнило, и Лок кисло подумал, что помимо забытого дневника следовало бы взять и эликсир для желудка.

— Веди, — покорно сказал он.

Гейл облегченно вздохнул.

— Следуй за мной и будь настороже, вот, я приготовил, — Гейл подбежал к каменной цветочной кадке — цветы в них были живые, но уж больно мелкие — и достал из-за нее тщательно сложенные, сливающиеся по цвету со стенами серые плащи с капюшонами.

— Во сне я видел, что в Восточной Вершине нет Хранителя, потому не беспокойся о нем. Где бы он ни был, разумом он далеко и вторжения не заметит.

Вот оно что.

— Да, он в Верхнем мире, — осторожно подтвердил Лок. — В залах Созерцания. Я там никогда не был, но суть заключается в том, что...

— Без разницы, — прервал его Гейл, и Лок обиженно замолчал. — Хоть Хранителя здесь нет, в замке находятся слуги и стража. Я все разведаль, прежде чем звать тебя сюда. Мы выйдем из Вершины через помещения для прислуги. Ты наложишь на нас заклинание, чтобы изменить облик — или усыпишь тех, кто попытается нас остановить.

— Можно подумать, это так легко, — пробормотал Лок, кутаясь в плащ и представляя, как Гейл тайком носится по коридорам чужой Вершины и все здесь вынюхивает.

На то, чтобы подобрать нужные заклинания, ушло порядочно времени. В конце концов Лок остановился на обманных тропках. То было заклинание, размывающее восприятие идущих навстречу существ. Главное было не попасться на глаза опытным магам. Мысленно повторяя заклинание мгновенного сна и надеясь, что оно не пригодится, а если пригодится, то он успеет его применить, Лок поспешил за нетерпеливым Гейлом.

Они вышли из первой башни Восточной Вершины и спустились по многочисленным ступенькам. Гейл неплохо ориентировался, доказывая свою подготовленность. Попадавшиеся навстречу редкие слуги — в столице Востока была уже ночь, и Лок не мог не отметить, что Гейл весьма удачно выбрал время — не замечали их и неторопливо брели по своим делам. Лишь раз они едва не попались: на выходе из замка стояли Красные Стражи, и проходя мимо них, Гейл до боли вцепился в руку Лока. Бесшумно, напряженные до предела, они прошли мимо Стражей, охваченные слабым огненным сиянием, и Лок, внутренне обмирая, понимал, что снова не понимает, что творит Гейл — и как. Широко распахнутые глаза Гейла вновь почернели, по лицу вновь проступили черные вены, он словно был в трансе, то словно был и не он вовсе, и заглянув в его лицо, Лок чудом не отшатнулся, а после — не мог вспомнить, что же увидел.

Гейл провел его — их обоих — через сад, ведущий в лес, и лишь там его странное волшебство прекратилось. Гейл словно бы очнулся и победно, так самодовольно, что начал уже этим раздражать, ухмыльнулся. Еще в саду слышен был шум реки, в которую впадал

легендарный водопад Акайне, ниспадавший из Верхнего мира. Постепенно, шаг за шагом деревья и кусты в лесу редели, обнажая все больше открытого пространства. Земля под ногами поросла густой невысокой травой, в сиянии взошедших лун мерцал воздух, влажный от крошечных водных песчинок. Они с Гейлом подошли максимально близко к оглушительному водопаду и задрали головы вверх. Здесь находился единственный прямой путь в Верхний мир — точно также, как единственный прямой путь в Нижний вел из пещеры Суринэй на Западе.

— Ты когда-нибудь проходил через этот путь? — прокричал Гейл.

Лок фыркнул и лишь кивнул.

Он всегда полагал, что является уравновешенным и рассудительным шэйером. В то время как пылкие юнцы опрометчиво кидались на спор в пучину Акайне, он читал информацию о ней, а также расспрашивал тех, кто уже прошел прямым путем до Срединного мира. Лишь собрав воедино данные и тщательно все продумав и подготовившись, Лок решился пройти этой дорогой — чтобы доказать что-то себе, а не кому-то другому. С тех пор он и предположить не мог, что когда-либо эти знания пригодятся ему.

Падать было легче, чем подниматься назад. Теперь же предстояло подниматься с грузом, а он уже так давно толком не тренировался в полетах... Вздыхая и понимая, что на попятный идти поздно, Лок решительно распахнул крылья.

Какое расстояние занимает прямой путь из Срединного мира в Верхний, никто не мог бы точно сказать. Чувство времени и пространства покидало всех шэйеров и тэйверов, осмелившихся пройти этой дорогой, сильные ветра и магические вихри срывали веревки из рук, сбивали с курса, ломали крылья, лишали разума. Немало опрометчивых смельчаков, вернее, неподготовленных дураков, сгинуло, но Локу доподлинно был известен способ, позволяющий пройти через опасную дорогу невредимым.

Не обращая внимания на недоуменные и раздраженные взгляды Гейла, он прикрыл глаза, концентрируясь на ощущении себя в пространстве, и задышал. Сомкнул пальцы перед собой и медленным тягучим голосом вознес молитвы воздуху и воде, сопровождая это жестами благодарения и покоя. После — наполнил заклинанием силы крылья и руки и, лишь закончив приготовления, повернулся к Гейлу. Замолчавший и присмиревший, тот покорно позволил схватить себя под мышки и к его чести за весь путь ни разу не вскрикнул от страха, хотя сам Лок не раз был близок к этому.

Видимую с земли Срединного мира высоту Акайне он преодолел в один миг, а после неожиданно быстро влетел в густые серые туманы. Далеко вверху клокотали сердца бурь, пространство сотрясалось от клубов древней хаотичной магии, яркие фиолетовые вспышки слепили глаза — и прямо туда лежал их путь. Красные молнии беспорядочно сверкали то достаточно вдали, то слишком вблизи, и Лок чувствовал, как встопорщились редкие перья на крыльях, встали дыбом волосы, как внутри все дрожало — от напряжения и важности миссии.

Что с ним сделают, если он уронит короля Южной Вершины?

“Полагаю, мне придется уйти в бега, — размышлял Лок. — Как бы связаться с Лоис, не вызывая подозрений, чтобы она переслала мне мои драгоценные записи и артефакты? И исследования способностей Вершин и Хранителей придется отложить на непонятный срок, а я ведь так близко подобрался к истине, как жаль”.

Сохраняя редкостное спокойствие и со снисходительной усмешкой вспоминая свое

первое путешествие — свой ужас и панику, — Лок уверенно устремился вперед, бесконечно веря, бесконечно открытый и терпеливый, и магические вихри миновали их, обходили стороной, не замечали, как слуги и Стражи Восточной Вершины, пропустившие их через замок.

***

Они выбрались из пучины слишком неожиданно. Стремительные вихри и ветра столь резко прекратились, что уже привыкший к ним Лок не удержался, неуклюже взмахнул крыльями и вместе с Гейлом рухнул в реку, тут же торопливо отплывая подальше от пучины. Ругаясь и отплевываясь, Гейл быстро подплыл к берегу. Его трясло от пережитого потрясения, он страшно побелел, почти позеленел и шокированно глядел на Лока.

— Что? — недоуменно спросил тот, аккуратно стряхивая воду с крыльев. — Ты сам предложил эту дорогу.

Приступ кашля помешал Гейлу выпалить негодование, написанное у него на лице, а вскоре стало не до того. Откашлявшись, он прижал руку к груди.

— Я как-то... странно себя чувствую...

— Это пройдет через какое-то время, — заверил его Лок и обвел рукой пространство. — Здесь атмосфера несколько отличается, мне поначалу нелегко было привыкнуть к Срединному миру. Ты ведь должен был об этом знать, раз так подготовился, — не удержался он.

Происходящее перестало его тревожить и начало уже не на шутку веселить.

Они с королем Южной Вершины, мокрые, замерзшие, пререкаются в луже стекшей с одежды и крыльев воды в Верхнем мире, попав сюда смертельно опасными и незаконными путями.

Гейл сердито отдернул свой ворот.

— Разумеется, я обо всем знал, — небрежно сказал он. — Просто... не ожидал так сильно ощутить на себе. Идем же дальше, мы потратили слишком много времени.

— Вовсе нет, — возразил Лок и кивком указал на небо. — Предполагаю, сейчас лишь три ночи. Удача сопровождает нас, юный Гейл, возможно, мы и впрямь сможем вернуться назад вовремя, — “если отправимся в обратный путь прямо сейчас”, - смолчал он.

— Перестань называть меня “юным”. — Гейл недовольно поморщился. — Я думал, я уже доказал, что с моими способностями следует считаться.

— Ты всегда будешь для меня юным Гейлом, юный Гейл, — посмеиваясь, ответил Лок. — Ты, Лоис, Вик и даже почтенный Хемль — вы все юные для меня.

Гейл недовольно что-то буркнул и прикрыл глаза, знакомо пытаясь сосредоточиться на своей магии, но ничего не получилось. Он недоверчиво огляделся, попытался снова.

— Да что же это такое? — пробормотал он, зажмурился, напрягся, аж лицо побагровело.

Лок тактично сдержался от комментариев и одним из простейших бытовых заклинаний высушил на себе одежду.

— Успокойся, — все же посоветовал он. — Помни, что это ты контролируешь магию, а не она тебя. Вспомни, зачем ты здесь, в Верхнем мире. Ради чего преодолел этот путь.

Гейл распахнул глаза, выдохнул.

— Верно, — озадаченно сказал он. Его лицо просветлело, улыбка тронула губы, и вот он

уже улыбался широко и неприкрыто. — Лок, я же в Верхнем мире! — Он тихо рассмеялся. — Представляешь, как Вик удивится? Однажды надо будет навязаться сюда с визитом, и ее прихватить с собой!

— Да, — отозвался Лок. — Тебе, как королю Юга, не смогут в этом отказать без веской причины, более того, дружеский визит столь высокого и почетного лица благожелательно скажется на отношениях Юга и Востока.

Гейл тем временем прикрыл глаза, и вновь огненное сияние охватило его. Мгновение спустя он полностью высох и раздраженно принялся убирать изрядно взлохмаченные волосы. После Лок вновь наложил на них заклинание обманных тропок, и они поспешили в путь.

***

Лок, настороженно оглядываясь по сторонам, быстро вел их кратчайшей дорогой. Сначала они пересекли заброшенный золотой сад, на краю которого находилась пучина Акайне, добрались до окраины города, без лишних расспросов пробрались внутрь через черный проход, заплатив две золотые монеты, и вскоре уже шли по переулкам Шинранты. Как ни милы были Локу эти прекрасные улицы, как ни хотелось подольше задержаться у знакомых домов и поприветствовать прикосновением к камню и дереву, то было лишней роскошью, тратой драгоценного времени. Гейл, казалось, не замечал удивительных парящих камней и островов, высившихся вдали и несущих на себе многочисленные храмы и залы, в том числе зал Созерцания. Не заинтересовали его и строения домов, и растущие деревья и кусты, коих не было в Срединном мире, и неизвестные там камни. Он равнодушно проходил мимо редких ночных прохожих, не обращал внимания на шмыгающих по улицам крысохваток, на разноцветных сияющих мотыльков. Все это задевало гордость Лока, хотя он осознавал, что просто сильно устал и в другое время лишь посмеялся бы над глупостью этого человечешки, пусть тот и был королем Южной Вершины.

Они добрались до библиотеки Времен, и вновь Гейл никак не отреагировал, встретившись лицом к лицу с величавыми колоннами, роскошным орнаментом, восхитительными ступеньками из лазоревого мрамора... Окончательно разочаровавшись в нем, Лок провел его в обход библиотеки. Зачарованные охранные камни, выложенные вокруг библиотеки, никак на них не среагировали — сработал пропуск. Стража в коридорах библиотеки тоже ничего не заметила — и вновь благодаря магии Гейла, возможностям которой Лок уже устал удивляться.

В библиотеке Времен всегда находилась стража и библиотекари. Стража патрулировала коридоры, да стояла у входов и выходов, на каждый зал приходилось минимум по одному библиотекарю. Гадая, чем бы отвлечь библиотекаря в зале миров, Лок не заметил, что они добрались до нужных дверей.

— Это здесь? — взволнованным шепотом спросил Гейл.

— Да, — с сомнением ответил Лок и честно признался: — Юный Гейл, я не знаю, что сделать с библиотекарем, который сейчас там находится.

— Я знаю, — уверенно сказал Гейл. — Сейчас ты откроешь двери, и мы войдем внутрь. Я спрячусь позади тебя. Раскрой крылья и старайся двигаться так, чтобы предоставить мне укрытие за колонной, столом или книжным шкафом. Отвлеки внимание библиотекаря какой угодно чушью, выиграй мне время. Я подкрадусь к нему сзади и вырублю, ты подхватишь

его, чтоб без лишнего шума, а после используешь какое-нибудь заклинание, чтобы он решил, будто ему все приснилось. Все равно когда он очнется, нас уже здесь не будет.

Как он сказал, так они и сделали.

Обмирая от восторга совершенных за последние несколько часов преступлений, Лок помог Гейлу уложить бесчувственного шэйера на кресло и вложил в его руки книгу с романтической историей. Гейл же поспешил к центральной карте, безошибочно определив в ней карту Срединного мира. И вновь в груди уколола обида на его бесчувственность и равнодушие к красоте библиотеки Времен. Вздохнув, Лок обреченно склонился над картой Срединного мира, бездумно разглядывая проделанный за несколько часов путь — из Юга на Восток, из Востока в Верхний мир.

Карта Срединного мира была квадратной, величиной с косую сажень. Она, как и другие карты, располагалась на матовом черном камне неизвестной породы высотой до пояса. Голубоватая, подробная до мелочей карта колыхалась, напоминая размазанное по камню желе, и стоило до нее чуть дотронуться, как она тут же рассыпалась в стороны, увеличиваясь, порой выходя за границы камня вширь и ввысь, или уменьшаясь в размерах — зависело оттого, чего от нее хотели. Лок лишь издали наблюдал за картографами, умеющими обращаться с картами миров, самому же не доводилось прежде прикасаться к ним. Он с неистово бьющимся сердцем решил лишь благоговейно коснуться кончиками пальцев краешка черного камня.

Гейл внимательно изучал карту и, казалось, совсем забыл, что не один.

— Ну же, помоги мне, — прошептал он, обращаясь непонятно к кому. — Ты довела меня сюда, так помоги дойти до конца.

— О чем ты, юный Гейл? — настороженно спросил Лок.

— Не мешай, а?! — Гейл разозлено посмотрел на него. Гневные огни блестели в его черных глазах.

Он снова начинал паниковать, понял Лок.

— Я так близко, а времени с каждой секундой остается все меньше! Это самая обычная карта, с таким же успехом я мог бы пялиться на свою у себя в комнате! Неужели все было зря?!

Он раздраженно и досадливо взмахнул рукой. С его пальцев сорвался огонек и полетел вниз, прямо на карту. Лок ахнул от ужаса близящейся катастрофы и протянул руку, чтобы схватить, но не успел. Огонек упал на карту подобно капле воды, и в тот же миг карта вспыхнула и озарилась золотистым сиянием, и на ней появились тысячи разноцветных точек. Двери, понял застывший на месте Лок. Гейл, ошарашенный совершенным кощунством, тоже застыл с открытым ртом и протянутой рукой. Они медленно переглянулись. Гейл сглотнул и пробормотал:

— Отлично. — Он неуверенно указал пальцем на Юг. — Вот здесь Ренджендар, здесь постоянные Двери внутреннего и внешнего кольцо, то же самое — в других странах, так?

Лок согласно кивнул, и приободрившийся Гейл много уверенней продолжил:

— Здесь, — он обвел рукой большую рваную территорию, отделявшую Север от Запада и часть Юга от части Востока, — Дикие Земли.

На Диких Землях разноцветных точек было великое множество, как и на многочисленных островах, которые находились далеко за пределами земель Срединного мира.

— Так, так, так, — лихорадочно забормотал Гейл, — отлично, отлично, но как бы

определить нужную Дверь? Где он мог бы находиться?..

Он почти согнулся пополам, чуть ли не носом исследуя взмывшую немного вверх карту. Коснулся ее пальцем и с тихим изумленным возгласом резко выпрямился — на месте нажатия карта мгновенно увеличилась так, что, приглядевшись, можно было различить окна домов. Она раскинулась в половину зала, будто громадный синеватый ковер, потрясая мельчайшими подробностями. От нереальности происходящего начинало мутить. Лок рассеянно оглядел очутившуюся под правым локтем горную цепь. Карта медленно съежилась до обычных размеров. Шумно дыша, Гейл поймал взгляд Лока, озорно ухмыльнулся и рьяно, но уже куда осторожнее принялся так и эдак манипулировать картой, то и дело роняя на нее новые искры.

С последней огненной каплей Двери на карте стали странно себя вести: постоянно горели лишь постоянные, Дикие земли перемигивали, переливались, пульсировали — Двери на них появлялись и исчезали.

Либо Гейл испортил карту, либо прямо сейчас проверял, когда и какие Двери появлялись в Срединном мире, и действительно пытался отследить систему в их хаотичном движении.

Раз карта не сгорела и подчинилась Гейлу, рассуждал Лок, видимо, ничего страшного с ней не случилось. В конце концов, карты миров были созданы богами, как и жертвенный кинжал. Жертвенный кинжал невозможно было уничтожить, возможно, с картами миров дела обстояли так же.

Между тем, видимо, от переживаний его бросило в жар, а может это в библиотеке потеплело? Лок расстегнул верхние пуговицы серой туники, изукрашенной вышивкой из зеленых нитей и красных бусин. Стер пот со лба, огляделся. Хотелось пить. Большие напольные часы, украшенные вырезанными грифонами, показывали пять утра. Успеть к полудню, как обещался Гейл, поможет лишь чудо.

Лок нашел взглядом графин с водой на невысоком столе, заставленном фруктами, и направился к нему. Пока утолял жажду, заметил, что здесь было заметно прохладнее и темнее, и то была не иллюзия его уставших глаз. Он внимательно разглядывал стройную фигуру Гейла, отмечал, как изредка огненные всполохи словно бы отделяются от его волос и устремляются вверх. Проследив за ними взглядом, Лок с изумлением обнаружил, что целая гирлянда огней обвила свисающие с потолка люстры, сделанные в виде цветов. Лок машинально огляделся в поисках водных кристаллов, поставленных здесь на случай пожара, и с облегчением удостоверился, что они на местах.

Нужно поторопить Гейла, решил Лок. И ни в коем случае не сбивать его с настроения, как бы все не обернулось полной катастрофой. Он вернулся к карте и нахмурился, не уверенный, что все верно расслышал:

— Будь я им, где бы прятался? Хм, устроил бы себе несколько убежищ в разных местах, чтобы было где остановиться, но где именно? — задумчиво, еле слышно бормотал себе под нос увлеченный Гейл.

— Восточное Побережье находится здесь, — как бы между прочим заметил Лок и указал в нужное место на карте.

— Что? — Гейл непонимающе моргнул.

Лок осуждающе покачал головой и скрестил руки.

Как он и подозревал, Гейл нагло соврал ему об истинных причинах поработать с картой Срединного мира.

— Юный Гейл... — начал он.

— Подожди-ка! — перебил его взбудораженный Гейл.

Его глаза расширились. Он уставился на Север, и внимательно проследив за его взглядом, Лок увидел, что он смотрит на пульсирующие разноцветные точки в одном месте. То была окраина небольшого города в северных пределах внешнего кольца.

— Двери появлялись там совсем недавно почти несколько дней подряд! — победно воскликнул Гейл.

Лок нахмурился.

Быть может, он поспешил с выводами? Быть может, Гейл впрямь отследил какую-то конкретную форму Двери и теперь попытается каким-то образом открыть подобную на Восточном Побережье? Но постойте...

— Как такое возможно? Этот городок далеко от Диких Земель, как и от городов с постоянными Дверьми. Нет никакой причины, чтобы Двери открывались там со столь завидной регулярностью.

— Но они открывались, — самодовольно возразил Гейл и в доказательство ткнул пальцем в алую точку на карте.

Весь огонь, сосредоточившийся на люстрах, в то же мгновение копьём вонзился в Гейла. Лок едва успел отскочить и прикрыть лицо руками. Волна нестерпимого жара тяжелой ладонью толкнула его. Он повалился на полированный деревянный пол, плотно сжимая крылья и помня, что ветер раздувает огонь, и тут же попытался сотворить защитное заклинание, но то было жалкой каплей против бушующего пламени.

Гейл исчез. Там, где он прежде стоял, появился небольшой, но все нарастающий огненный вихрь. Задрожали столы черного камня, заплескались древние карты миров, и в такт им неровно билось о грудную клетку сердце насмерть перепуганного Лока. С грохотом падали столы, стулья, подставки, лестницы. Рушились с жалобным скрипом тяжелые шкафы и рассыпались в стороны книги, и огонь тут же подбирался к ним и жадно и безуспешно облизывал, и Лок мысленно возносил благодарения неустанным библиотекарям, которые накладывали на них защитные заклинания. К сожалению, они не могли длиться вечно. Книги, миллионы драгоценных книг, собранные заботливыми руками братьев и сестер, оказались под страшной опасностью!

Распахнулась дверь — грянули привлеченные шумом стражники. Не обращая на них внимания, Лок кинулся активировать водные кристаллы.

— Что здесь происходит?!

— Нарушитель! Лови его!

Водные кристаллы сработали наилучшим образом и одной волной смели огненный вихрь, оставив после себя запах гари и лужи грязной воды. Лок откашлялся и удовлетворенно огляделся. Его все еще потряхивало от пережитого, и боли ожогов он еще не чувствовал, но это было меньшее, насчет чего сейчас следовало беспокоиться.

Осторожно перешагивая через книги, к нему подошли стражники библиотеки.

— Кор Лок! — с изумлением опознал его один из них. — Слышал, вы в Срединном мире! Что же вы тут делаете?

Лок с достоинством отряхнул грязные мокрые крылья и с огорчением отметил, как сильно испортилась одежда, обнаруживая, что предстал перед достойными своими собратьями в весьма непрезентабельном виде.

— Как видите, я только что спас библиотеку Времен от огня, — любезным голосом

сообщил он. — Какое счастье, что я был здесь. Мне нужны были, мм, некоторые книги для моих исследований, да и проведать сестер не мешало бы.

Стражники понимающе кивнули, один из них предложил Локу привести себя в порядок в одной из пустующих комнаток библиотекарей, что жили здесь.

Тем временем библиотека оживилась, как разъяренный улей. Огненный вихрь скорее всего было видно с улиц, гул и гомон все нарастал, прибежали из соседних залов обеспокоенные библиотекари, кто-то забил сигнал тревоги...

Отчаянно надеясь, что все обойдется, и что юный Гейл, куда бы он ни исчез, благополучно вернется, Лок послушно последовал за своим сопровождающим.

дневник Лока: об амулете сокрытия

Артефакт, что скрывал юного Гейла все эти годы, выглядит столь просто, что его ни за что нельзя заподозрить в истинной важности. С виду это квадратный серый камешек на цепочке, зачарованный обманным миражом, не позволяющим другим обращать на него внимание, даже юная Вик не подозревала о его существовании. Гейл рассказал, что для пущей осторожности всегда носил амулет сокрытия под одеждой.

Мне стало весьма любопытно, какие образом камень истины обходит магические свойства скрывающих артефактов, потому я, подписав соответствующие бумаги, взял из хранилища артефактов и камень истины, и амулет сокрытия, чтобы как следует изучить их в своей комнате. Благо, дружба со членами Малого Совета и приятельские отношения с работниками хранилища весьма этому поспособствовали.

— Хвост паскундры, — простонал Гейл, пытаясь выбраться из снега, в который провалился чуть ли не по пояс.

От холода он мгновенно закоченел. Невыносимая разрывающая сила, пронзившая тело всего секунду назад, куда-то испарилась вместе с библиотекой, закинув его одни боги ведали куда. Необъятного всепоглощающего единения, которое он смог вызвать в тот миг, сосредоточившись над картой, тоже как не бывало. Он не мог сейчас выдавить даже жалкой искры.

Он собирался всего лишь проверить догадку и отметить места, где полукровка мог бы находиться, какого шмака его куда-то перенесло?!

Кругом была темень, резкие порывы ветра били в лицо пригорошнями снега, который забивался в глаза, нос, рот... Снег был всюду. Выстукивая зубами все ругательства, которые только мог припомнить, Гейл с трудом выбрался из сугроба, продрался через какие-то кустарники, вывалился на заметенную дорогу, отдышался. Его колотило от холода, руки и ноги не слушались. Он кое-как сел, огляделся и от облегчения едва не прослезился — невдалеке виднелись огоньки. Гейл, старательно поднимая выше колени, поспешил туда, с радостью различая в темноте вырастающий на глазах двухэтажный дом и рядом — небольшие постройки, видимо, сарайчики да подсобки. Поодаль были и другие дома, в окнах которых тоже горел свет.

Отлично. Несмотря ни на что, ему очень повезло — что если бы его перекинуло в какую-нибудь глухомань, где он окошел бы от холода?

Так, если ему повезет еще больше, то его встретят добрые люди и разрешат остаться до утра. После — надо будет разузнать, куда же он все-таки попал, найти город с Дверью и вернуться в Ренджендар. Гейл мысленно похвалил себя за то, что додумался положить в сумку на поясе золотые монеты. Возможно даже придется раскрыть свою личность, но, конечно, уже нельзя было рассчитывать попасть домой к обеду.

Упав два раза, Гейл доковылял, наконец, до этого дома. Окна, в которых горел огонь, были занавешаны шторами, на ближайшем подоконнике Гейл заметил длинную кадку, накрытую тряпицей, и горшок с большим цветком.

Отлично, возможно, живущие там добрые люди даже одолжат ему теплую одежду. Отлично, Гейл, просто отлично, все же Лок был прав — не стоило так сильно доверять своей силе, которая вот так запросто взяла и перенесла его на другой край света, с чего он вообще взял, что найдет тэйвера-полукровку?! Сейчас, обдумывая свои действия, Гейл с холодком в груди поразился тому, насколько беспечным и легкомысленным был, насколько... насколько глупым был его план, на котором он так заиклился, что ни о чем другом больше думать не мог. О Вик в том числе.

Гейл поднял трясущуюся руку и постучал, слыша лишь, как перестукиваются собственные зубы. Постучал еще раз. Залаяли собаки, беспокойно заржали лошади, тревожно замычала корова.

Просто отлично.

Наконец, дверь открыли. Высокий статный мужчина, одетый в просторный, божественно теплый с виду свитер под накинутым на плечи плащом с меховым воротником, удивленно воззрился на Гейла зелеными глазами, приподнимая выше светильник.

— Путник? В такую ночь — да в такой одежде? Какие дороги вас сюда привели?

— Долгая... история... Милостью владычицы перекрестков Шантрие, прошу крова и пищи, — с трудом выговорил Гейл внезапно всплывшую в памяти фразу, которую слышал еще в незапамятные времена от учителя Рупа. Учитель, который в свое время успел постранствовать всюду — даже на Севере, — частенько рассказывал о тамошних обычаях. Кто бы мог подумать, что однажды это пригодится?

Мужчина озадаченно хмыкнул и открыл пошире дверь.

— Благословением стража дорог, проходи, путник.

Гейл осторожно, стараясь не споткнуться, последовал за ним через крыльцо и вошел в дом, пышущий теплом и светом.

К ним тут же вышла встревоженная красивая женщина с длинными перевязанными лентами волосами, утирающая руки полотенцем.

— Меня зовут Грэм, — между тем представился мужчина и указал на женщину, — а это моя жена Мэрилла. Нелегкая выдалась ночка, да?

Гейл с трудом кивнул. Тело быстро и болезненно отогревалось, от смертельной усталости и пережитых потрясений кружилась голова. Он чувствовал внимательные пытливые взгляды новых знакомых и сгорал от неловкости.

Мэрилла засуетилась, быстро подобрала ему полотенце и одежды мужа — великоватые по размеру, но Гейл воспринял их с неподдельным восторгом и благодарностью, — пока Грэм разогревал грушевый сидр.

Если цвет волос Гейла их и озадачил, они ничем этого не выдали. Его устроили на кресле у большого камина, положили рядом на полу поясную сумку, и, завернувшись в большой старый плед и отпивая потихоньку горячего сидра из огромной кружки, Гейл согрелся и окончательно успокоился.

— Прошу прощения, — совладав, наконец, с голосом, пробормотал он, — что побеспокоил вас. Клянусь, я ничего эдакого не замышлял, просто... испробовал одно новое заклинание и сам не понял, как попал сюда.

— Оно и видно, — добродушно усмехнулся Грэм. — Повезло же вам, что вас закинуло сюда, а не в Дикие Земли или бездонное ущелье.

Гейл слышал краем уха, как Мэрилла, поднявшись наверх, негромко уговаривала проснувшихся детей лечь спать и не будить бабушку.

— Опасное это дело — новые заклинания применять. Мы вот с Мэриллой не маги, — продолжал Грэм, — но мой брат и сестренка очень в этом хороши, как и в том, чтобы заставлять меня за них беспокоиться. Да и сынишка мой младший магическую силу унаследовал, тот еще сорванец.

Грэм улыбнулся, и Гейл не сдержал ответной улыбки. Эта семья нравилась ему. Это удобное кресло, горящий камин, обжигающе вкусный, пряный грушевый сидр, теплая огромная одежда, пушистый плед — Гейл не мог припомнить, когда в последний раз ощущал такое блаженство. Неожиданно здесь, в окруженных снегом и холодом краях, в тысячах, тысячах лиг от родного дома, он ощутил себя опьяняюще легким и свободным. Там, по ту сторону метели, осталась в неизвестности библиотека Времен и брошенный отдуваться в одиночку Лок; там осталась проблема Восточного Побережья и предатели Огуст и Жатриен; там осталась побледневшая сестрица Краста и ее плачущие по отцу дети; там в спокойствии своего любовного гнездышка осталась Вик со своим Джулом, даже не заметившая, сколь долго длится для Гейла эта безумная ночь.

— Спасибо, — опомнившись, от души сказал он. Перевел взгляд с добродушного лица Грэма на спустившуюся красавицу Мэриллу. — Вы не представляете, как я вам благодарен.

— Не стоит, — рассмеялся Грэм. — В следующий раз будете осторожней, да и как знать? Быть может, однажды в ваш дом постучится заблудившийся путник и попросит убежища? И тогда вы вспомните об этой ночи и поможете ему, а он уже в свою очередь поможет кому-то еще, и добра в мире станет на чуточку больше.

Гейл помрачнел, вспомнив предательство дяди. Как так получилось, что родной человек вот так легко предал его, а чужой, которого он встретил впервые в жизни несколько минут назад, без лишних раздумий впустил в дом, обогрел и накормил? Как учитель Руп, уркас, встретивший их с Вик впервые в жизни — маленьких глупых человеческих детей, — взял на себя ответственность воспитать, вырастить, всему их научить? Как все было сложно и запутано...

Гейл расфокусированно уставился на горящий огонь, замечая краем глаза стоящую на каминной полке странную статуэтку в виде какого-то уродливого существа. Хм, какая занятная штука. Похоже, из дерева сделана, и не страшно ставить такую вещь над огнем? Дети же могут запросто случайно столкнуть ее.

— Дорогой, — с улыбкой сказала тем временем Мэрилла, — не лучше ли проводить господина Гейла в комнату для гостей, а разговоры отложить на завтра? Он выглядит измотанным, да и нам всем давно уже пора спать.

Грэм проводил Гейла, пока Мэрилла быстро прибиралась в гостиной. Дом изнутри оказался еще просторней, чем выглядел в темноте снаружи. Изначально то был каменный дом, понял Гейл по стенам гостиной, но постепенно его все расширяли и расширяли, и стены здесь, в дальней части дома, были уже деревянные, как и, скорее всего, на втором этаже.

Они прошли до конца коридора, к приоткрытой двери. Постель была приготовлена, в разожженном очаге приветливо горел огонь. Пожелав приятных снов, Грэм ушел, оставив Гейла в столь необходимом сейчас одиночестве.

Безмерная усталость, сонливость и разочарование навалились со страшной силой.

Да уж, попытка подобраться к полукровке с треском провалилась. Теперь бы не осрамиться и благополучно добраться домой, пока его пропажу не заметили. Гейл представил торжество и злорадство Огуста и Жатриена, когда они признают о его исчезновении.

«Надеюсь, они не пойдут войной, пока меня нет», — подумал он, кидая поясную сумку прямо на пол и неохотно раздеваясь. Здесь было прохладней, чем в гостиной. Он облачился в приготовленную рубашку и штаны. В углу на столике стоял небольшой тазик с ковшиком, кусочек мыла, а рядом на полу высилось ведро теплой воды для мытья. Гейл быстро привел себя в порядок, зачесал растрепанные волосы пальцами и наспех перевязал лентой.

Кровать была простая, деревянная, не такая мягкая, как он успел привыкнуть. Белье было грубым, но чистым и пахло свежестью. Небольшое окно было задернуто, возле него стоял небольшой стул и стол, заставленный горшочками с цветами. Помедлив, Гейл отдернул шторы и уставился в глубокую ночь. Слабо светящиеся голубоватые кристаллы на невысоких столбах, освещали ворота сарая по обе стороны и летящие крупные хлопья стремительного снега.

Пол под ногами был холодный. Отпивая из захваченной с собой кружки остывший сидр, Гейл подошел к кровати и удрученно сел на постеленный перед ней толстый ковер.

Прислонился к кровати, вытянул ноги к очагу и задумался, разминая пальцы. Помедлив, раскрыл поясную сумку и достал захваченный дневник Ищейки Хорея.

Маленькую дочь Хорея, бывшего магом-хранителем одной деревушки, убил кровожадный монстр. После выяснилось, что монстр тот был тэйвером-полукровкой — ребенком, которого приютил лучший друг Хорея по имени Ингрэм. Хорей к своему прискорбию догадался об этом слишком поздно — полукровка успел сбежать. После этого он оставил свою должность в деревне и присоединился к Ищейкам, полный намерений отыскать и отомстить убийце дочери. Дневник заканчивался тем, что поиски Хорея увенчались успехом спустя семь лет. До завершения дневника оставалось шесть листов, но Хорей их так и не заполнил. Последняя запись обрывалась на том, что Хорей взял в заложницы одну женщину, бывшую последовательницей тэйверов, и намеревался с ее помощью заманить полукровку в ловушку и расправиться с ним. Судя по всему, план провалился и окончился гибелью Хорея.

Гейл уже давно прочитал дневник от корки до корки, изучил все рисунки, но одна смутная мысль, связанная с этой книжкой, назойливо кружилась в его заторможенной от сонливости голове. Мысль, которую, он чувствовал, непременно должен был ухватить прямо сейчас, иначе она навсегда бы от него ускользнула.

Дома должно быть уже утро, раз здесь — глубокая ночь. Интересно, добрался ли Лок до Южной Вершины или застрял в Верхнем мире? Наверняка их пропажу давно обнаружили. Интересно, как сильно забеспокоится Вик? Если вообще забеспокоится...

Гейл удрученно пролистал дневник ближе к началу — где Хорей выпытал у Ингрэма правду о полукровке и отправился к нему домой, чтобы устроить обыск.

Свет пламени из очага был неярок, читать было неудобно, придвигаться ближе к огню не хотелось — он так устал, что едва держал глаза открытыми. Чувствуя, что клюет носом и глупо ухмыляясь этому, Гейл пробежался взглядом по очередным плывущим уже строкам и с отстраненным удивлением посмотрел на картинку, которой те заканчивались.

В доме своего предателя-друга Хорей не нашел ничего, что могло бы принадлежать тэйверу-полукровке, кроме одной уродливой статуэтки. Хорей намеревался с помощью заклинания поиска найти полукровку, но статуэтка указала лишь на местоположение Ингрэма, которому в действительности принадлежала. Тогда Хорей впал в неистовую ярость, швырнул статуэтку в огонь и разгромил все, до чего дотянулся. Уходя, он надеялся, что пламя вырвется из очага и поглотит дом проклятого друга.

Если рисунок был выполнен тщательно, а написанные слова были ровными и четкими, то следующая страница поражала бессвязными прыгающими строками и была испачкана темными пятнами. Видимо, писал Хорей уже после неудачного заклинания поиска, будучи пьяным вдрызг.

Гейл перевернул страницу назад и пристально, не моргая, до рези в глазах уставился на рисунок статуэтки. Он практически почувствовал, как в голове щелкнуло осознанием одной простой и очевидной вещи. И одновременно этот щелчок словно бы в один миг заставил исчезнуть сонливость и усталость. Сердце ускорилось, стало жарко.

Этого не могло быть. Этого... Минуточку.

Гейл поспешно встал, не выпуская книжицу из рук, и как можно тише вышел из комнаты. Стараясь ступать ближе к стене, где меньше скрипели половицы, он прокрался в гостиную, к очагу, огороженному низкой решеткой. Подошел ближе, осторожно взял с каминной полки уродливую, неожиданно тяжелую статуэтку и внимательно рассмотрел.

Чем-то фигурка напоминала страшилищ из старых книг про древних богов учителя Рупа. Он тщетно пытался открыть одной рукой дневник ищейки Хорея, чтобы сравнить статуэтку с рисунком, в конце концов, присел на корточки, прижал к коленям дневник и раскрыл, наконец, на нужной странице.

Последние сомнения исчезли — это была одна и та же статуэтка.

Гейл потрясенно выдохнул.

— Отец сказал это не трогать, — строго произнес тихий детский голосок.

Гейл вскочил так резко, что ударился головой о каминную полку, и не удержался от сдавленного воя в прикушенную щеку. Шмак побери, аж искры из глаз, тьфу, еще и дневник со статуэткой выронил, хорошо, что не в огонь.

— Осторожно, — еще строже велел детский голосок.

Маленький черноволосый мальчик быстро прошлепал босыми ножками к Гейлу и бережно поднял оброненную статуэтку.

— Это фигурка древнего божества Чучпу... Чукчу... Чумчпуфуя, разве ты не знаешь? Нужно обращаться с ним с почтением.

— Да что ты, — процедил Гейл, потирая ушибленную голову и с трудом подавляя желание выругаться при ребенке. Поднял дневник Хорея и недолго думая засунул за пояс штанов сзади. Штаны были великоваты и к ним прилагался ремень, который он плотно затянул.

— Да, — серьезно подтвердил мальчик. — Дядя говорит, что если потерять его между рожками и загадать желание, оно непременно сбудется.

— И откуда же у тебя взялась эта чудесная фигурка? — елеинным голосом поинтересовался Гейл, оглядываясь по сторонам и надеясь, что никого больше не разбудил. Не хотелось бы, чтобы у хозяев сложилось дурное впечатление о нем. Нужно поскорее отвязаться от мальчишки и вернуться в свою комнату, а утром расспросить Грэма и Мэриллу о статуэтке, если уж так нейдет. Да мало ли на свете таких страшилищ? Простое совпадение, может, у северян так принято — иметь в доме по фигурке чудища?

Но деревушка Хорея и его друга Ингрэма находилась у леса, на границе Юга и Запада, близ Диких Земель, — вспомнил он из записей в дневнике Хорея. Не на Севере.

— Это дядино, — не без гордости ответил тем временем мальчик. — Он говорил, что сам сделал, когда был маленьким.

Он изо всех сил зажмурился и потер страшилище между рогами. Осторожно открыл глаза, выдохнул. На вид ему было года четыре, по крайней мере, выглядел не старше близнецов Красты, и хотя ростом был ниже, фигурка его казалась много крепче и здоровее. Букву «р» он выговаривал хвастливо четко, будто недавно выучил и теперь стремился поведать всему миру об этом. Он задрал взлохмаченную головку, его зеленые как у отца глазенки блестели от любопытства.

— Матушка сказала бабушке, что ты хороший, и что ты заблудился и побудешь у нас до утра.

— Да, — хмуро кивнул Гейл. — А теперь иди-ка спать.

— Я не хочу спать. И ты тоже не спишь.

— И я сейчас пойду спать, — закатив глаза, уступил Гейл. — Пошли скорее, пока твои родители не проснулись.

— Я уже несколько раз ночью сюда приходил, меня еще ни разу не поймали, — прихвастнул мальчишка. — Энни заболела, и я очень просил великого Чумчулу помочь...

Гейл покосился на статуэтку, которую тот продолжал бережно прижимать к груди, как сокровище.

— ... и он меня услышал, и вылечил ее, — с гордостью сказал мальчишка. — Я еще просил, чтобы дядя почаще к нам приезжал, и знаешь что? Он приезжал аж несколько раз подряд! — восторженно зашептал мальчишка, свято уверенный в магических свойствах деревяшки. — Я был так рад его увидеть! Хоть бы он насовсем к нам приехал!

— А что, он далеко живет?

Гейл протянул руку, указывая взглядом на каминную полку, и мальчик неохотно отдал ему статуэтку. Гейл аккуратно вернул ее на место. Помимо этой статуэтки на каминной полке лежали камни редких пород, которые могли бы заинтересовать Лока, падкого на такие вещи.

— Я не знаю. — Мальчишка пожал плечиками. — Никогда у него не был, это он к нам приезжает и привозит каждый раз много подарков. Он лучший дядя на свете.

Гейл хмыкнул.

— И как же зовут твоего дядю?

— Дядя Нироро.

— Ниро... — Гейл осекся и метнул быстрый взгляд на беспечного, ничего не подозревающего мальчишку.

Имя полукровки, забавное глупое имя полукровки... Хорей упоминал об этом в дневнике лишь несколько раз в самом начале, когда не знал еще, что сын Ингрэма и есть монстр, убивший его дочь, а после называл полукровку лишь монстром.

В голове мгновенно все три имени сложились в четкую последовательность: Нироро — Ороро — Орохин.

Этого не могло быть. Этого просто не могло быть! Он просто сходит с ума, слишком запутался, ему нужно поспать и отдохнуть, что, в конце концов, полукровке здесь делать?!

— Он разрешает мне называть его дядя Ороро, — тем временем похвастался мальчишка, окончательно разбивая последние сомнения Гейла. — Он берет меня с собой ловить рыбу, и обещал, что когда я еще немного вырасту, они с отцом возьмут меня на охоту.

— Я хотел бы с ним встретиться, — не слыша свой голос, пробормотал Гейл. — Может, здесь есть его портрет или...

— Дорогой, ты почему не в постели? — в возмущении ахнула Мэрилла. — Марш спать немедленно!

В светлой ночной рубашке, с полу-распущенной длинной косой, она с негодованием перевела взгляд с сына, который тут же вжал голову в плечи, на Гейла.

— Господин, что-то случилось? Этот негодник вас разбудил?

— Нет, нет, все хорошо, но прежде — покажите мне портрет или... я хотел бы встретиться с Ороро, вашим дядей, — путаясь в словах от волнения, попросил Гейл.

— С кем? — округлив глаза, спросила Мэрилла и возмущенно сказала сыну: — Ты опять коверкаешь имя своего дяди! Дядя Нихоро его зовут! Нихоро! Повтори!

— Но он разрешает себя так называть! — возмутился в ответ мальчик. — Ему нравится, когда я так его зову!

— Боги, этот ребенок однажды меня доведет, — закатила глаза Мэрилла. — Спать. Живо. Господин, может, хотите воды? Вы очень побледнели, вы в порядке?

— Покажите мне его портрет, — перебил ее Гейл.

От лихорадочного волнения внутри все сводило, а может просто он еще не отогрелся

полностью. Он не сомневался, что даже если полукровке удалось запутать мозги этим добрым людям и обратиться человеком, он сумеет узнать его, как только увидит. Скорее всего полукровка прятал истинный облик с помощью оборотного кольца, о котором Хорей прознал, когда уже работал Ищейкой. Если заставить его снять кольцо, то удастся разоблачить. Но для начала следовало заманить его сюда.

Для начала следовало убедиться, что его догадки — правда, а не совпадение, в которое отчаянно хотелось верить.

— Да что вы так привязались к Нихоро? — удивилась Мэрилла.

Мальчишка тем временем понуро поплелся было к матери, как Гейл, поддавшись необъяснимому порыву, схватил его за плечо и остановил.

— Потрет, изображение или...

Он снова вспомнил записи Хорея. Голова кружилась от догадок, и о, как же будет глупо, если окажется, что все случайность, и злополучный дядя Нихоро — никакой не полукровка Орохин!

Но что если это так? Разве не спасет он этих добрых людей от злодеяний полукровки? Несомненно тот использует их для каких-то корыстных целей, эта женщина не выглядела бы такой изумленной и растерянной, если бы понимала, почему Гейл так стремился встретиться с дядей Нихоро — с полукровкой Орохином.

— Призовите его, — выпалил он.

Испуганная, замершая на месте Мэрилла переводила беспомощный взгляд с сына на него.

— Вы... Вы что, господин?.. Отпустите моего сына, прошу вас. — Она стиснула руки на груди. Тоже босоногая, в простой ночной рубашке, с растрепанными длинными волосами.

Он даже не заметил, когда отросли волосы Вик, когда она научилась носить платья и сменила практичные сапоги на плоской подошве — на изящные туфельки. До вечера обручения никогда прежде он не видел ее волосы такими длинными и распущенными, а ее — такой красивой и счастливой.

И такой она стала не из-за него.

— Призовите его, — тверже повторил Гейл и притянул мальчика к себе, небрежно прижимая ладонь к его дернувшемуся тонкому горлышку. Он чувствовал, как задрожало и усилилось пламя за спиной, словно бы поддерживая, и приободрился. — Немедленно.

Мэрилла побледнела. Ее губы задрожали. Она оглянулась, посмотрела на мальчика, снова оглянулась.

— Без глупостей, — предупредил Гейл. — Позовите мужа сюда. Если я ошибаюсь, я возьму вашу тревогу, я все исправлю, но если я прав... Если я прав, госпожа, вам всем грозит опасность, и я делаю это ради вашего блага в том числе. Я не желаю вам зла, я лишь...

— Тогда отпустите моего сына, давайте спокойно поговорим, — со слезами попросила Мэрилла. — Вы все объясните, мой муж призовет Нихоро, мы все вместе еще... еще посмеемся над всем этим. — Ее губы дернулись в беспомощной улыбке, но тут же опустились. — Пожалуйста.

Гейл помотал головой.

Если бы не откладывая с признанием Вик до лучших времен, она не сблизилась бы с Джулом, не обручилась бы с ним. Она осталась бы вместе с Гейлом, как и всегда была бы рядом. Он мог бы... он целовал бы ее, как целовал теперь Джул, держал бы ее руки в своих,

как держал теперь Джул, он сделал бы все для нее! Но теперь это делал другой, и Вик принадлежала другому и никогда уже не будет рядом так близко, как представлялось Гейлу в безнадежных мечтах.

Руки немного задрожали, и он отстранил ладонь от горла ребенка. Мальчик шумно дышал, но стоял спокойно, и хорошо — иначе Гейл переживал, что может наделать глупостей в попытках его усмирить. Огонь за спиной колебался сильнее, стало жарко, но он не собирался отступать теперь, когда цель неожиданно четко возникла перед ним.

— Призовите его немедленно. Я не шучу. Позовите мужа и...

— Я здесь, — сказал Грэм, медленно шагая в гостиную. Он остановился рядом с женой и хмуро оглядел происходящее. — Какого шмака происходит, господин?

Взгляд Гейла вперился в его руки. Сейчас они не были прикрыты одеждой, и он ясно увидел узор клятвы на правом предплечье.

— Вижу, на вашей руке клятва братьев и метка призыва, — заметил он, мысленно похвалив себя за то, что успел изучить этот раздел магии. — Призовите Нихоро, и я отпущу мальчика.

Грэм медленно кивнул, успокаивающе поднял безоружные руки. Он посмотрел на жену и кивнул ей.

— Все хорошо, дорогая. Бронн, стой на месте и не дергайся, ладно?

Гейл почувствовал, как мальчик осторожно кивнул, но его отец продолжал настойчиво на него смотреть.

— Ты слышишь меня? Скажи, если все понял.

— Я с-слышал тебя, отец, — срывающимся голосом, полным слез, пробормотал мальчик и всхлипнул.

Гейл сжал челюсть так сильно, что скрипнули зубы.

Вот уж чего он не хотел, так чтобы ребенок плакал по его вине.

“Скоро все закончится, — убеждал он себя. — Еще немного, я должен разобраться, я делаю им одолжение, они еще скажут мне спасибо, что разоблачил эту тварь”.

— Вот и молодец, — похвалил Грэм, затем перевел потемневший недобрый взгляд на Гейла. Шагнул к нему, и Гейл тут же отступил, не отпуская мальчика.

— Стойте на месте, — предупреждаяще велел он, стараясь дышать ровно и спокойно.

Грэм послушно остановился, хмуро разглядывая что-то за его спиной — усилившееся пламя в камине, как подозревал Гейл. Мэрилла же ужасно побледнела и, похоже, едва стояла на ногах.

Нельзя допустить, чтобы ситуация вышла из-под контроля. Он слишком взвинчен, а мысли о Вик лишь еще больше раззадорили и обозлили его. Он знал, что не должен вымещать это на добрых людях, не отказавших в помощи в трудную минуту. Они ведь даже не были магами и не выглядели воинами.

— Господин, ни к чему так волноваться, — сказал Грэм, сделав еще шаг, — я призову Нихоро, но не могли бы вы...

— Хватит тянуть время! — заорал Гейл, и Грэм тут же в страхе попятился.

Послышалось дребезжание и звон, будто где-то лопнула стеклянная посуда. О, так оно и есть — разбился оставленный на столе сосуд, откуда ему налили сидр. Стараясь не паниковать из-за того, что восстановившаяся сила не подчинялась ему, Гейл сосредоточился на ощущении напряженных плеч мальчика.

— Хорошо, хорошо, — примирительно сказал Грэм. Огляделся, медленно потянулся к

столешице и взял лежавший там нож.

— Только без глупостей, — предупредил Гейл.

— Чтобы призыв сработал, нужно провести кровью по метке, — объяснил Грэм.

— Я знаю, — перебил его Гейл, чтобы не выглядеть глупым не сведущим магом, хотя все здесь давно уже должны были увидеть, что на его руках не было никаких меток, что не давал он никогда никаких клятв.

Грэм все так же медленно провел ножом по пальцу и коснулся метки.

Пространство вспыхнуло фиолетовым светом, и словно из воздуха в мгновение ока появился человек. Ростом он был чуть ниже Грэма, более худощавый и жилистый, одетый в простую рубашку и штаны. Казалось, он ничуть не растерялся. Он мгновенно встал перед Грэмом и его женой так, что прикрывал их теперь от Гейла. В его руках вспыхнул фиолетовый огонь концентрированной чистой магии, он уставился на Гейла, явно не узнавая и с откровенной ненавистью, и приказал:

— Немедленно отпусти моего племянника!

дневник Лока: о народах

При условном разделении Срединного мира на 4 стороны света, живущие в нем народы распределились соответствующе — на той, где расположена Вершина, за которую они в ответе. Так ниргены испокон веков жили на Севере, уркасы — на Западе, тэйверы — на Юге, мы, шэйеры — на Востоке.

Мы быстро освоили Верхний мир — поскольку есть туда прямой путь неподалеку от Восточной Вершины, также Постоянная Дверь в главной столице сопряжена с подобной в Верхнем мире.

Есть прямой путь в Нижний мир из Запада, но уркасы не столь физически сильны, чтобы пребывать там без опасности для здоровья. Изначально между ними и тэйверами существовала договоренность, благодаря которой последние беспрепятственно перебирались в Нижний мир и осваивали тамошние ресурсы. Из-за распрей и взаимных недовольств сотрудничество вскоре было прервано, но тэйверы к тому времени придумали способ, как синхронизировать Постоянные Двери у себя на Юге с теми, что есть в Нижнем мире. Благодаря этому, кстати, некоторым удалось избежать смерти от Первого Проклятия, которое действует лишь в Срединном мире. Ходят слухи, что их спаслось больше ожидаемого, но в любом случае они не протянули бы долго: земли Нижнего мира суровы, живущие там твари смертельно опасны даже для нас, высших народов, а многие заклинания и магические формулы невозможно сотворить без ингредиентов, которые водятся лишь в Срединном мире.

Ах, я совсем забыл о людях. Они рассеялись по всему Срединному миру и воевали на стороне того народа, которому были верны. С начала летописи времен они считаются самыми слабыми и недоразвитыми существами. Большинство людей (даже маги! пустым это еще было бы простительно) верят в богов, но не в истинных, а в ложных: в то, что громом и молниями владеет некое высшее божество, что матерям покровительствует божество, облаченное в женскую сущность, что в доме порядок и уют благодаря другому божеству, которое отвечает за оный раздел их бытия и т. д.

С их точки зрения они правы, но с нашей — они смеют величать столь важным титулом «бог» простых мелких духов-пакостников, либо недостойных лже-божков, либо магических тварей... При всей моей любви к людям, не могу простить им подобного кощунства. Так-то оно понятно, конечно, — люди появились позже остальных народов, когда Единый мир уже был поделен на три. Их предкам не довелось увидеть Истинных богов, потому и веруют они в своих — того мира, откуда они прибыли, — примеряя их поведение на мелкую погань, живущую здесь.

Это был человек! Это был совершенно незнакомый человек, и Гейл на время онемел и оглох от потрясения. Произошла ужасная, ужасная ошибка!

Ошеломленный, он почти разжал руки, готовый все объяснить, покаяться, извиниться за недоразумение, как нечто вдруг привлекло его внимание, и он резко и наверняка больно вцепился в мальчишку.

— Кольцо на твоей руке. Сними его.

— Что?

— Сними кольцо, все кольца, — быстро поправился Гейл. — Живо, иначе мальчишке не поздоровится.

— Да как ты смеешь! — прошипел побелевший от негодования Нихоро.

— Я не шучу! — выкрикнул Гейл.

Что-то внутри неумолимо подстегивало его продолжать, не останавливаться. Он был близок к цели, он столько преодолел за эту бесконечную ночь, он слишком далеко зашел, чтобы теперь отступить.

— Я не вор или что-то такое! Клянусь, мои намерения чисты! Если мои догадки не оправдаются — отлично, я буду рад этому больше, чем кто бы то ни было! Я все объясню, обещаю, — глядя на Грэма и Мэриллу, воскликнул он. — Мне жаль, я никогда не стал бы, но вы поймете, поверьте, я очень богат, я возьму ваши тревоги, я...

— К шэндерам твое богатство, к шэндеру тебя! — выплюнул Нихоро. — Отпусти Бронна!

Магия в его руках угрожающе забурлила, готовая хлынуть в мощной атаке в любой момент.

— Нихоро, делай, как он говорит, — осторожно попросил Грэм. — Сними эти шмаковы кольца, видишь же, он не в себе, и...

В этот момент Нихоро молниеносно сорвался с места. Такой скоростью не мог обладать человек. Гейл понимал, что ничего не успеет: претворить в реальность расправу над мальчиком он не смог бы, и Нихоро это понял и поспешил воспользоваться моментом; отразить атаку магией не сумел бы — не знал, как, слишком привыкший полагаться на силу Вершины; разве что увернуться успел бы, но тело вопреки рефлексам и инстинктам осталось стоять. Широко раскрытыми глазами Гейл, охваченный ужасом, смотрел, как разъяренный Нихоро приближается. Время словно бы замедлилось, он сам весь словно бы замедлился и подобно тонкой скорлупе надломился изнутри и рассыпался, обреченный наблюдать за тем, над чем властен не был, и лишь под пальцами колотилось сердечко мальчика, как птица, бьющаяся о прутья клетки, да ревел, бушевал внезапный, стремительный, вырвавшийся на свободу огонь.

Замедлившееся время будто резко скакнуло вперед. Оглушенный Гейл растерянно заморгал, огляделся. Огонь был всюду: вместо окон и стен, вместо коридоров, комнат, мебели. Над головой, там, где раньше был потолок и второй этаж, зияла огненная дыра. Всюду были развалины, обвалившиеся стены, разбросанная по сторонам мебель — и все горело. Запахло горелым мясом, и Гейл, бросив взгляд в ту сторону, окаменел, чувствуя тошноту и удушающий ужас — похожая на большую куклу со сломанной шеей, горела неподвижная Мэрилла, ее красивые длинные волосы вспыхнули свечой, занялось платье,

горела плоть. Рядом с ней шевельнулась гряда обломков. Огромная тень метнулась туда и быстро, но бережно вытащила из-под обвала Грэма. Грэм с трудом поднял окровавленную голову и вскрикнул от ужаса. Гейл не удивился его реакции — огромной тенью было то самое существо, тот самый полукровка с распахнутыми крыльями. На правом зияла крупная дыра.

— Успокойся! Это же я! — бессильно вскричал полукровка, осторожно удерживая Грэма за плечи. — Не двигайся, прошу! Боги, Грэм, прости, так не должно было случиться!

Но Грэм не слышал и пытался вырваться, а спустя несколько судорожных мгновений затих. Его взгляд, направленный на Гейла, вернее, на мальчика, остекленел, застыл. Сердце мальчика продолжало суматошно колотиться, но сам он даже не шелохнулся и не издал ни звука.

Полукровка недоверчиво легонько хлопнул Грэма по щеке. Рука его застыла. Черная искривленная рука с длинными когтями. Он бережно прикрыл Грэму веки и положил его на пол. Затем медленно поднялся и обернулся к Гейлу. От его неприкрытой злобы Гейл невольно попятился.

— Ты понимаешь, что натворил? — процедил полукровка.

Его черные глаза горели жадной убийства. Гейл с трудом сглотнул, зная, что один неверный шаг — и его прикончат без колебаний, и тогда уж точно ему не вернуться домой и не увидеться с Вик.

— Не подходи, — прошептал он, сжимая дрожащей рукой горло мальчика, и полукровка к его изумлению и впрямь остановился.

— Ты их всех прикончил, теперь и ребенка хочешь убить? — прошипел тот.

— Ты меня принудил! Я не собирался их убивать! Ты набросился на меня!

— А ты прикончил их! — яростно перебил его полукровка. — Останови свой огонь и отпусти Бронна, и, может, я подумаю о том, чтобы оставить тебе твою жалкую жизнь!

Гейл отстраненно с удивлением заметил, что стоило лишь подумать, что дальше заходить уже некуда, как выяснялось обратное. Он размышлял с пугающим хладнокровием и быстротой, отбросив на время мысль о том, что только что прикончил невинных людей и угрожает жизни ребенка, чтобы спасти свою шкуру.

Как он понял, Грэм знать не знал, что Нихоро был полукровкой-тэйвером, иначе не среагировал бы так.

(перед смертью)

Для Нихоро же, очевидно, эта семья была очень дорога. Он врал им о своей сущности, но всегда приходил, когда нужна была помощь: несколько раз подряд, чтобы помочь вылечить больную девочку; спустя мгновение после призыва будучи даже не одетым как следует. Единственное, что останавливало сейчас Нихоро, то есть Орохина от мести — это мальчишка-заложник в руках Гейла. Стоит лишь ослабить хватку, как внимательно наблюдавший за каждым его движением полукровка набросится на него и разорвет на кусочки.

Мальчишка был единственным спасением Гейла.

— Я отпущу его, но прежде я должен убедиться, что ты не прикончишь меня и... — Гейл перевел дыхание. Идти до конца, так идти. — И будешь служить мне.

— Ты никак совсем зарвался, человек! — зарычал полукровка.

Гейл за горло и плечи приподнял мальчишку над тлеющим полом. Его колотило от ужаса, но отступить было нельзя.

В любом случае после произошедшего рассчитывать на мирный разговор с полукровкой, как он прежде хотел, было несусветной глупостью.

Полукровка молчал и не двигался с места.

Отлично. Отлично. Это могло сработать.

— Начерти круг, да поживее.

— Что ты собрался делать? Заключить со мной клятву? — с презрением спросил полукровка, но подобрал горящую головешку и послушно приступил к заданию.

— Да. Клятву слуги и хозяина.

Гейл вновь мысленно порадовался, что успел изучить клятвы и их схемы, и пристально следил теперь, чтобы полукровка все сделал правильно.

Между тем снаружи собралась толпа, уже пытались тушить пожар, но огонь не унимался, и не то чтобы Гейл прикладывал к этому усилия. Он просто был — огненным кольцом охватил дом, и Гейл лишь беспокоился, что не сможет его унять, когда все закончится.

— А ты много о себе возомнил, — прошипел тем временем полукровка, краем глаза продолжая следить за Гейлом и выжидать подходящего момента. Гейл, считая вдохи и выдохи, продолжал держать мальчишку — свой шанс спастись — за горло.

Орохин быстро закончил рисовать головешкой круг и символы клятвы и встал посередине.

— Нет, выйди, — велел Гейл. — Я что, идиот по-твоему?

Полукровка ощерился, но послушался. Гейл кивком указал ему отойти подальше и осторожно, шаг за шагом вошел с мальчишкой в центр круга.

— Я заключу клятву с мальчишкой, и только посмей меня ослушаться — ему конец, понял меня? — дрожащим голосом выпалил он. — Дай нож или что-то острое. Быстро.

Полукровка огляделся и молча кинул обнаруженный у тела Грэма нож, который вонзился аккурат у ног Гейла.

— Так, так, — бормотал Гейл.

Перед глазами плыло от напряжения и слез. Он не выдерживал, а ведь предстояло самое трудное, хотя разве мог он ставить это... трудное в ряд с другими... трудностями, которые уже совершил, пусть и не хотел? Считать вдохи и выдохи совсем не помогало, Лок мог засунуть свои советы куда подальше.

Он опустил на корточки, удерживая мальчика между собой и полукровкой.

— Скажи свое имя.

— Моя матушка, почему она не двигается? — встретившись с его взглядом, тихо спросил мальчик. Его лицо было красным и опухшим от огня и слез. — Она же горит, почему вы ей не поможете? И мой отец...

Он начал всхлипывать.

— Имя, — мертвым голосом повторил Гейл.

Он просто должен делать свое дело, чтобы вернуться домой, вернуться к Вик, позаботиться о ней, если с ней что-то случится или мерзавец-Джул ее обидит.

— Как тебя зовут?

— Б... Б...

— Бронн, успокойся, делай, как он велит, — тихо сказал полукровка. Услышав его низкий голос, мальчишка задрожал еще больше.

Гейл несильно порезал свой палец ножом и вывел на руке мальчика свое имя на языке

богов. Взял его руку и надрезал его палец. Мальчишка вскрикнул, задержался, пришлось его встряхнуть, чтобы перестал вырываться.

— Напиши, напиши свое имя на моей руке, — призывая все свое терпение, велел Гейл.

Мальчишка впал в неистовство, и Гейл вновь хорошенько его встряхнул. Полукровка дернулся к ним, но Гейл остановил его взглядом и прижатым к груди мальчика ножом.

Идти до конца. Идти до конца. Он за последний час такого натворил, что ему никогда не отмыться, одним больше, одним меньше, быть может, этот мальчишка даже останется в живых.

От того, что мальчишка дергался, нож порезал его, и кровь пропитала его светлую ночную рубашечку спереди.

— Я не знаю, я не умею, — расплакался мальчик, прижимая ручки к груди.

Гейл, не сводя с полукровки глаз, взял испачканную ручонку мальчика, отделил порезанный указательный палец и, направляя и нажимая, вывел его имя на своей руке. В тот же миг клятва вспыхнула, обожгла их сцепленные руки. Мальчик закричал, отчаянно попытался вырваться.

— Не двигайся! — заорал Гейл то ли ему, то ли дернувшемуся полукровке, а может, себе, но все они застыли на своих местах, и когда свет погас, Гейл запоздало вспомнил, что совсем забыл об условиях клятвы. Но это было не особо важно — жизнь мальчика теперь была буквально в его руках, да и не хотел он нести перед ним никаких обязательств.

Мальчишка рыдал в голос и дергал руку. Опустошенный Гейл безразлично разжал ладонь, и тот, не удержавшись, упал.

Крылатой тенью полукровка, ничем больше не сдерживаемый, метнулся к мальчику но тот, увидев его, в ужасе закричал и подбежал к Гейлу, вцепился в его ногу и зарыдал. Да и было от чего: разъяренный крылатый когтистый монстр Орохин мало походил на себя прежнего, которого Гейл увидел в первый раз в тот злополучный день предательства Огуста и Жатриена, что уж тут было говорить о привычном для мальчика человеческом облике доброго дядюшки?

Вот почему полукровок так боялись, понял Гейл. Вот как в действительно выглядел Орохин. Страшный уродливый монстр, чья жажда крови лишала его рассудка и превращала в беспощадного убийцу. Все в дневнике Хорея было правдой. После того, как дело с Восточным Побережьем будет закончено, он должен будет избавить мир от этого монстра.

— Бронн, — потерянно пробормотал остановившийся на полпути полукровка. — Это же я... Это...

Он немного удивленно посмотрел на свои руки. Помедлив, снял и надел заново кольцо с большим фиолетовым камнем, выполненным в форме треугольника. Он оборачивался человеком медленно, под стихающий шум огня, под все нарастающие крики людей.

— Бронн, подойди ко мне, это я, твой дядя, — попытался он снова. Мальчишка отчаянно помотал головой.

Время поджимало — огонь, наконец, начал исчезать, и Гейл в страхе понял, что не может это остановить. Скоро сюда прорвутся люди, увидят его, увидят их всех. Нельзя было это допустить. Гейл грубо отстранил мальчишку за ворот одежды и оттолкнул.

— Пошел, ну?!

Покрасневшие и опухшие, обвиняющие зеленые глаза мальчишки были переполнены слезами и преследовали Гейла до конца его жизни, а сейчас мальчишка обреченно повернулся к чудищу и, увидев вместо него дядю, спотыкаясь, побрел к нему. Орохин быстро

преодолея разделявшие их шаги, обессиленно опустился на колени, обнимая его, прижимая к себе, и когда мальчишка обвил его шею ручонками, слезы покатались по его бледному человеческому лицу.

— Будь ты проклят, потомок Хейлы, — с ненавистью процедил он.

«Я уже», — отстраненно подумал Гейл, вслух же сухо сказал:

— А теперь открой Дверь в Южную Вершину.

— Да подавись, — прошипел Орохин, порывисто доставая из-за пояса длинный тонкий рог, и быстрым коротким движением взрезал пространство в шаге от Гейла.

Гейл немного удивленно посмотрел на нее.

Кажется, он все же успеет к обеду.

Отчего-то хотелось то ли расхохотаться, то ли зарыдать — он сам не понимал.

— Приходи в мою комнату к полуночи, — велел он и поднял повыше предплечье, чтобы показать черную метку имени Бронна. — Иначе ты знаешь, что я с ним сделаю.

— Ты в любом случае крупно пожалеешь о том, что сделал с ним и его семьей! — Орохин вскочил на ноги, крепко обнимая мальчишку. — Ты пожалеешь!

Не слушая его угрозы, Гейл отвернулся и решительно шагнул в Дверь.

дневник Лока: о человеческой религии

О том, чтобы понять суть людей, нужно знать, что люди появились позже других народов — в Золотую эпоху, когда миры уже были разделены. Тэйверам принадлежала большая часть Срединного мира (территория Юга была гораздо обширней, чем сейчас), им приходилось считаться с ниргенами и уркасами, но от людей они такого не терпели. Люди, поскольку были слабее уркасов и ниргенов, быстро превратились в их слуг и рабов, но тем рьянее защищали свою религию — единственное, в чем имели относительную свободу.

Религия людей, насколько мне известно, делится на три типа. Люди первой религии поклоняются одному богу — их меньше всего и, признаться, мне пока не довелось их встречать. Люди второй религии верят во множество богов, и в этом они близки с уркасами и ниргенами (вот только их боги ложные). По прошествии времени все эти боги смешались и образуют ныне единый пантеон. Люди третьей религии веруют в единственно истинную религию, которую преподаем мы, шэйеры, достигшие высшей точки самосознания.

С тех пор, как тэйверы были прокляты, появилась и четвертая религия — тэйверопоклонничество. Слуги тэйверов не теряют веры в их возвращение и глаголют кощунственные вещи о том, что произошла ошибка, и тэйверов проклинали зазря. Это снова приводит меня к мысли о том, что часть истории, которую преподают нам, шэйерам, отчасти лжива — зачем бы людям, которых тэйверы столь сильно угнетали веками, стали бы защищать их? Странно, очень странно...

Гейл шагнул в Дверь и секунду спустя обнаружил себя в тронном зале — там, где впервые встретил полукровку Орохина. Испуганно вскрикнула служанка, чистившая стеклянные шары на светящихся кристаллах.

— В-Ваше Величество!

Она быстро поклонилась, но Гейл, не обращая на нее внимания, растерянно зашагал к выходу. Краем сознания он заметил, что сегодня был ясный солнечный день, едва миновало время ланча.

Он шагал по знакомым коридорам, запоздало кивая в ответ на приветствия, слыша за спиной изумленные шепоты о его странной одежде, странном выражении лица, странном поведении, но все это было таким далеким и незначительным, а ладонями он продолжал чувствовать живое тепло насмерть перепуганного плачущего ребенка, да предплечье горело от свежей — первой — метки клятвы. Гейл машинально натянул ниже рукава рубашки... того мужчины — это получилось без проблем, поскольку тот был крупнее него. Одежда пахла огнем и пеплом, Гейл все еще чувствовал запах горелого мяса, похожего на запах жареной свинины, и с трудом сдерживал рвотные позывы.

Он не помнил, как добрался до своих апартаментов, лишь увидев у дверей комнаты личных Стражей, вспомнил, что намеревался вернуться в комнату тайными ходами, чтобы не вызвать ненужные подозрения. Вчерашним вечером он приказал не беспокоить его до обеда, сказал, что будет медитировать, но это было так давно, так давно и незначительно, что тревога сейчас лишь едва всколыхнулась. Гейл качнул головой в знак приветствия, повернул дверную ручку, открывая комнату — он запер ее вчера изнутри, когда уходил тайными ходами в библиотеку, но благодаря связи с Вершиной двери открывались перед ним словно сами собой. Он успел заметить крайне изумленные выражения лиц своих личных Стражей, прежде чем заперся изнутри. Прислонился к двери спиной и медленно сполз вниз, накрывая голову руками и чувствуя, как неудобно сзади прижимается дневник Хорея, который он засунул за пояс штанов.

Лок. Нужно узнать, как он.

Можно связаться с Верхним миром через Восток. Чтобы связаться с Востоком понадобится маг-паук. Невидимые нити магов-пауков, протянувшиеся через специальные кратерные кристаллы, которые добывали в рудниках Востока, позволяли магам-паукам связываться с любым городом, где находился пункт связи. Пункты связи были распространены еще в золотую эпоху, зачастую они находились даже в отдаленных деревнях, и Гейл не раз видел, как учитель Руп связывался со своими старыми друзьями через них, но самому пользоваться этим не доводилось.

Лоис. Вот кто должен знать, как можно связаться с Локом, не вызывая подозрений. Конечно же, она согласится помочь, и тогда не придется обращаться к верховному магу и кому-нибудь еще постороннему.

Но прежде чем отправиться к Лоис, следовало сменить одежду и смыть с себя запахи прошедшей ночи. Не мешало бы и перекусить, но Гейл чувствовал, что еще не скоро сможет поесть — по крайней мере, пока не перестанет ощущать эфемерный запах горящего мяса.

Так, хорошо. Сейчас нужно сосредоточиться на этих простых шагах.

Гейл осторожно встал, вытащил дневник Хорея и положил на стол. Затем разделся

донага, засунул вещи того мужчины в камин и сжег, используя щепотку горящего порошка и огненный камень — не магию. После отправился в смежную ванную комнату, хорошенько умылся, обтерся пушистым полотенцем, увлажнил тело густым маслом со сливочно-ореховым ароматом, причесался и уложил волосы, оделся в повседневную одежду и поспешил на поиски Лоис, пока вчерашние события вновь не захватили его разум.

Сейчас, при свете солнечного дня, случившееся казалось далеким страшным сном. Пока он не бросал взгляд на левое предплечье, где находилась метка клятвы. Он надел рубашку с длинными рукавами и для верности завязал предплечье бинтом.

Как только расправится с Восточным Побережьем, убьет полукровку и снимет клятву с мальчика, вот что он сделает. Не обязательно кому-то обо всем этом рассказывать. Никто даже не заметит, что что-то случилось. Мальчика наверняка определят в какой-нибудь детдом, и уж поверьте — Гейл невесело усмехнулся — это куда лучше, чем если за ним будет приглядывать сумасшедший тэйвер-полукровка, который мог в любой момент сорваться в безумие.

— Гейл, ты в порядке? — встревоженно спросила Лоис.

Она нашла в оранжерее, где помогала садоводам сажать шевелящиеся крохотные саженцы, которые лежали в маленькой красной тачке.

— Да, конечно, — удивленным тоном отозвался Гейл и улыбнулся как можно искренней. — Просто устал в последние дни. Мне нужен совет Лока, а он так некстати уехал в Верхний мир.

— Учитель уехал в Верхний мир?! Когда?! И ничего мне не сказал! Он же обещал, что возьмет меня с собой в следующий раз!

Гейл сочувственно кивал и поддакивал, отчаянно надеясь, что Лок ничего не разболтает ни Лоис, ни Вик, ни кому-нибудь еще.

Во время разговора с Локом он притворится, будто бы тогда его вернуло домой, в Южную Вершину. Конечно, Лок заподозрит неладно, если каким-то чудом узнает, что появился он здесь уже ближе к полудню. И окончательно в этом убедится, порасспрашивав слуг и Стражей, увидевших его в великоватой не по размеру одежде и, возможно, учуявших прилипший запах горелого. Но Гейл надеялся, что к его возвращению пройдет достаточно много времени и появятся другие заботы и происшествия, которые вынудят сплетни переменить тему.

Гейл кинул острый взгляд на продолжавшую возмущаться Лоис.

Она ведь тоже заметила странности в нем.

Нужно взять себя в руки немедленно.

Гейл перевел разговор на магов-пауков, с которыми хотел встретиться, и Лоис, ведя его в кабинет связи, охотно рассказала по дороге о них все, что знала.

— Магия у них в теле циркулирует немного иначе, чем у обычных магов, — пояснила она. — Видишь ли, мы выпускаем магию всем телом, вот посмотри.

Она задрала рукав платья выше локтя, остановилась и сосредоточилась. Воздух над ее кожей словно бы мелко подернулся — так бывает, если смотреть на воздух над огнем.

— У нас также есть крупные точки, откуда удобнее всего выпускать магию, обычно это центр ладони. Мы выпускаем определенное количество магии через ладонь и с помощью заклинания или схем облекаем ее в нужную форму, воздействие, а то и просто направляем в какой-нибудь объект — но и тут есть множество нюансов. У пауков же магия имеет выход лишь из пальцев, потому пауки редко изучают атакующую магию и обычно

специализируются на обороне, разведке, связи. Вот что я еще скажу, Гейл, — никогда не недооценивай паука. Из всех магов они самые опасные. Их магия более концентрирована, чем у обычных магов, они облачают ее в форму нитей — на этом, кстати, и основана логика построения связующих комплексов по всему миру. Нам для того, чтобы научиться концентрации, нужно тратить много времени на медитации, они же, похоже, рождаются с этой способностью, иначе я этого объяснить не могу. О, вот и пришли.

Лоис уверенно постучала в кабинет связи и приветливо улыбнулась королевской паучихе Эронви, которая открыла дверь. Та, заметив Гейла, сдержанно поклонилась.

В кабинете связи Гейл бывал редко — обычно новости ему приносили в рабочий кабинет, где он работал с государственными делами до обеда, — но не раз видел, как пауки открывают канал связи с помощью кратерных кристаллов и установленного над ними зеркала. Это нехитрое сооружение находилось в центре кабинета и было охвачено кругом, выложенным черными треугольными камешками. Хм, если приглядеться, то черный круг, кажется, был сформирован определенным образом, а внутри него черной краской были нарисованы символы. Точно! Как же это он раньше не замечал?!

Гейл с удивлением огляделся, только сейчас обнаруживая, что стены кабинета связи были увешаны картами, что потолок был раскрашен подобно вечернему ясному небу и что в кабинете нет окон. Краем уха он слышал, как Лоис говорила с паучихой Эронви, называла город Востока, откуда после их связали с нужным городом Верхнего мира, и после недолгих мытарств — с домом, где вырос шэйер Кор Лок. На подернутой рябью глади зеркала одни лица сменяли других, пока в конце концов не появилось отражение Лока.

— Здравствуй, Лок, — вежливо поздоровался Гейл, напуская на себя беззаботный вид. Наконец-то ему удалось придать себе то самое выражение лица, по которому нельзя было догадаться о его истинных чувствах. Он расслабился и чуть сощурился в улыбке.

— Ваше Величество, — сухо и чопорно отозвался Лок.

— Я хотел поговорить с тобой о нашем вчерашнем уроке перед твоим отъездом, — поспешно сказал Гейл, украдкой указывая глазами на Лоис.

— О нашем уроке, — повторил Лок.

— Да. Я хочу сказать, что очень благодарен тебе за твою мудрость, — Гейл как можно почтительней склонил голову и с сожалением в голосе добавил: — и также хочу попросить прощения за то, что не оправдал твои ожидания.

Лок предсказуемо смягчился. Как же просто было внушить ему нужные чувства всего парой слов да покаянным видом. Воодушевившись, Гейл скорбно нахмурился, мысленно радуясь своим упражнениям перед зеркалом.

— Я все утро думал об этом, — вдохновенно и печально продолжил он, — и мне жаль, что мы так расстались, Лок. Мне очень нужно твое присутствие, тем более что я понял, как нам можно попасть в Восточную Вершину незамеченными и захватить Огуста и Жатриена.

Лок разволновался, подался вперед. Фоном звучали женские голоса, он лишь раз обернулся и сказал что-то на шэйерском.

— Гейлорд, то, что вчера произошло... Нам нужно обсудить это.

— Я все тебе расскажу и покажу, — обещал Гейл, уже мысленно прикидывая, какую бы штуку продемонстрировать Локу, не раскрывая ничего о полукровке Орохине, — но позже, когда мы будем одни. Это связано с Южной Вершиной, — бросил он, и Лок, всегда страстно увлеченный этой глупой темой с замком, согласно кивнул.

Лоис переводила взгляд с одного на другого и, кажется, догадывалась, что дело нечисто,

но это было неважно — главное, Лок попался.

— Боюсь, я вернусь лишь через пять дней в лучшем случае, — сокрушенно сказал Лок. — В библиотеке Времен случился пожар. К счастью, я находился там и успел вовремя активировать водные кристаллы. Синие Стражи запретили мне покидать Верхний мир, пока ведется следствие, но моя дорогая старшая сестрица обещала помочь, так что в скором времени меня отпустят.

— С нетерпением жду твоего возвращения, чтобы продемонстрировать свои способности, — не удержавшись, сказал напоследок Гейл, покровительственно улыбаясь.

Лок странно взглянул на него, но ничего не сказал, лишь кивнул.

Отлично. Отлично, лучше и быть не могло. Разговор с Локом прошел на ура, хотя Гейл весь взмок и сейчас его немного лихорадило от пережитого волнения.

Сменившая его у кристалла Лоис с возмущением накинулась на Лока, и тому пришлось уваливать и искать причины срочного отбытия в Верхний мир, не предупредив ее. Предоставив его отдуваться одному, Гейл попрощался с тихой Эронви и поспешил на обед.

***

После обеда на него с удвоенной силой набросились сонливость и усталость, но подремать хотя бы полчаса Гейл боялся: прошлая ночь неумолимо протягивала к нему темные щупальца, от запаха жаркого его чуть не стошнило за обедом, при виде племянников в саду во время прогулки он понял, что весь дрожит, и поспешил уйти. В рабочем кабинете, он достал эликсир бодрости и выпил сразу два пузырька. После поспешил в библиотеку изучать клятвы.

На Малом Совете он с головой ушел в государственные дела, задержался допоздна и на ужин явился взбудораженный и голодный. После ужина заперся в кабинете и вновь погрузился в изучение клятв. За два часа до полуночи принял горячую ванну с густой пеной, душистыми мылами, ароматными маслами. Вновь увлажнил тело кремами да уложил волосы, любуясь собой в отражении зеркала и повторяя выражения лица, которыми одурачил Лока.

Он вышел из ванной, обмотанный полотенцем, улыбаясь, расслабленный и довольный, но сделав несколько шагов замедлился и остановился. Из приоткрытого окна, за которым с шумом листьев носился усилившийся ветер, проникал ночной воздух и холодными пальцами цеплялся за босые ноги.

Гейл, невольно дрожа, вновь с непонятым изумлением огляделся и заметил, что темный потолок был подсвечен словно бы изнутри благодаря вкраплениям крошечных светящихся синих кристаллов

(над головой образовалась пустота, черное небо, тающий снег)

коснулся стен, качнувшись от головокружения, и ощутил, что они словно бархатные наощупь

(в один миг их разнесло на обломки во все стороны, весь дом разорвало)

увидел, что один из кристаллов на стене мигает, словно бы пора его менять

(огонь горел так ярко, что было светло как днем, и пожирал обломки и тела)

(загорелось ли тело Грэма, или он этого даже не заметил?)

(если бы он не вцепился в Бронна, огонь набросился бы и на него)

услышал мерный рокот в глубине себя, в глубине замка, рокот неумолимой

равнодушной ко всему

(кроме него)

силы, проводником которой он являлся.

Он даже ничего не сделал, он просто стоял, сжимая руками плечи перепуганного насмерть

(как и он сам)

маленького мальчика.

Они оба просто стояли и смотрели, пока сила Хранителя

(замка)

делала то, что должно — защищала его.

Гейл не заметил, когда успел опуститься на корточки и вновь накрыть голову руками, сжать со всей силы, чтобы ничего, кроме биение крови в голову, не слышать.

Он не знал, как это остановить. Все, что он мог сделать — это заставить полукровку подчиниться, угрожая жизни мальчика.

Он... он должен был выжить! Это ничем не отличалось от всех предыдущих разов, когда он убивал!

Впервые он убил человека в шестнадцать, когда на их домик в лесу напали бандиты, да и после не раз приходилось убивать, чтобы выжить. Этот случай ничем не отличался! Ему пришлось! И он же не убил мальчика! А те люди!.. Это была случайность! Он был ни при чем, это монстр-полукровка набросился на него! Огонь должен был попасть по нему, это полукровка виноват, что огонь усилился до такой степени, что разнес все вокруг — и снял оборот с полукровки, явив его истинный облик.

И даже этого не хватило.

Гейла пробило ледяным потом.

Даже столь мощного огня не хватило, чтобы ранить полукровку. Гейл не мог сейчас припомнить, чтобы видел раны на полукровке. Одежда была разодрана, да, но крови и ожогов не было.

Быть может, этот неуязвимый монстр прямо сейчас ищет способ снять клятву с мальчишки.

Но клятву не разорвать без дозволения хозяина, во всех книгах так написано, он проверил везде, где только мог.

Но этот полукровка-тэйвер пережил Первой проклятие, которое согнало всех тэйверов в Нижний мир — попав в Срединный или Верхний, они развеются прахом. Как знать, быть может, и против других проклятий у него...

Он не успел додумать эту мысль и вскоре уже совсем об этом позабыл, о чем впоследствии не раз жалел, ну а сейчас — напольные часы с коротким щелчком остановились на полуночи, и в то же мгновение в середине кабинета рваной переливчатой дырой появилась Дверь, из которой шагнул полукровка Орохин.

***

— Ты пожалеешь! — заорал Ороро, крепко прижимая к себе притихшего обессиленного Бронна.

Глотая слезы, он огляделся, вновь опустился на колени, ниже, где воздух был не таким ужасным: с исчезновением шмакова ублюдка воздух переполнился гарью, дымом, дышать

становилось решительно невозможно, и Ороро тихонько бормотал заклинание очищения воздуха, которому научился в Нижнем мире. Кольцо огня ослабело, снаружи к ним уже подбирались люди, осталось лишь дожждаться их. Если же они продолжат так медленно копошиться, придется воспользоваться Дверью и выбраться отсюда вместе с Бронном. Конечно, потом от вопросов не отделаться, так что лучше уж потерпеть еще немного.

Над головой зияла дыра черного неба, и снежинки все таяли, не долетая до головы. Бронн слабо дышал, кривился от боли и прижимал маленькую воспаленную ручку к груди. Тело Грэма лежало рядом. Если протянуть руку, можно коснуться его плеча.

Грэм увидел его в истинном облике в последние секунды своей жизни. Он умер, понимая, что всю жизнь доверял монстру. Как он отпрянул, пытался оттолкнуть, какой ужас был в его глазах...

Ороро зажмурился, крепче обнял Бронна.

Запах его крови щекотал ноздри, будил Голод. Даже сейчас, после произошедшего кошмара, часть его сущности, ненасытная, постоянно голодная, была увлечена запахом крови, и от этой беспомощной мысли Ороро вконец поник.

— Господин! Эй! Тут выжившие! Господин, отзовитесь!

Ороро вздрогнул, шатаясь, встал, крепче перехватил Бронна, огляделся и поспешил к проходу, откуда тянулись человеческие руки, откуда спешила помощь.

Все, что ему оставалось — это идти вперед, вытащить Бронна, спасти хотя бы его.

Он побрел мимо горящих обломков, мимо тел Грэма и Мэриллы, мимо обвалившегося второго этажа — обломки разнесло в стороны, так что в центре, где стоял проклятый убийца, не упало ни камешка. Краем глаза Ороро увидел сгоревшее искореженное тело маленькой Энни. Она сильно заболела, и ему пришлось навещать ее сюда чуть ли не каждый день и помогать лекарствами да знаниями. Чуть поодаль лежала обугленная черная скрюченная фигурка, и Ороро бессильно отвел глаза. Элси, бабушка Грэма, знала его истинный облик. Она последняя здесь, на Севере, знала настоящего Ороро. Грэм не был магом. Ороро понимал, что было слишком опасно продолжать приходить к нему, потому что отца, унаследовавшему его зеленые глаза, но не мог перестать. Приходилось ухищряться: не появляться годами, наблюдая издали, выдавать себя за своего родственника, чтобы не возникло вопросов и подозрений, тщательно скрывать свои мысли... Но это того стоило. Лишь здесь, на окраине маленького города, неподалеку от леса и реки, в старом доме, построенном еще сыном Ингрэма, рядом с его детьми, Ороро чувствовал себя свободным, самым обычным, не обремененным вековой ношей и ответственностью за чужие оборванные жизни. Казалось, в потомках отца, в их зеленых глазах он мог найти себе прощение, лишь это не давало сойти с ума, напоминало о прошлом и ошибках, которые он поклялся не повторять. Он не смог отказаться от этого, самой малости, единственной своей поблажки.

И вот к чему это привело.

Ороро задрожал, медленно осознавая, что Бронн — последний с зелеными глазами отца.

Тем временем его окружили встревоженные перепуганные соседи. Они что-то восклицали, пытались отнять Бронна, но Ороро вцепился в него мертвой хваткой.

Он понимал, что выглядит сумасшедшим: грязный, растрепанный, в оборванной одежде, он и чувствовал себя малость не в себе, особенно понимая, что придется задержаться здесь и отвечать на расспросы прибывших Синих Стражей. Он — Нихоро, сводный брат Грэма, который жил и учился на Востоке. Его здесь знают — не раз видели, как он приезжал,

подолгу гостил, вот и женщина, продававшая молоко, бросилась к нему и Бронну, плача и вознося благодарения богам, что хоть кто-то уцелел.

Она отвела их к себе домой, приготовила воды для мытья и старые полотенца, нашла одежду на смену испорченной, приготовила лекарства. Ороро сам обработал раны Бронна и тщательно забинтовал хрупкое предплечье. Если кто-нибудь обнаружит метку клятвы слуги, то дело может осложниться. Тем временем другие соседи принесли еду, одежду, кто-то даже собрал немного денег... Ороро с чувством благодарил их, не выпуская Бронна из рук, и, кажется, даже прослезился.

Как только рассвело, они с Бронном в сопровождении прибывших на пожарище Синих Стражей отправились в центр города. Нужно было ответить на их расспросы о пожаре, подписать документы и определиться, как быть дальше.

Как и всегда под цепкими взглядами Синих Стражей Ороро терялся и отвечал сухо и отрывисто: хоть свойства оборотного кольца и удалось усилить так, что даже маги Цитадели с трудом разоблачили его волшебство, застарелый страх никуда не ушел.

Он соврал, что приехал сюда вечером (потому никто из соседей его не увидел), что спал, когда в дом постучал незваный гость, заблудившийся маг. Грэм и Мэрилла разрешили ему остаться до утра, но негодяй решил их обворовать, да с нервами не справился и разнес тут все огненным заклятием. Нихоро и его племянник Бронн спали в одной комнате. Проснувшись и ощутив беду, Нихоро сумел вовремя создать защитный барьер, потому и уцелели лишь они с мальчиком. Куда делся проклятый маг — в этом уж пусть Синие Стражи разбираются, в конце концов, это их работа.

Бронн все это время молчал, и одна часть Ороро с облегчением выдыхала, а вторая мучилась в тревожных предположениях.

Шмаков король не произнес никаких условий клятвы. Ненависть к нему вскипала от одной мысли, но следовало успокоиться.

Он должен был хладнокровен и спокоен, если хочет спасти Бронна. Ярость — опасно близкий путь к потере контроля, а потеря контроля — это Голод, застилающий разум. Бронн обложен опасностью со всех сторон. Его нельзя сейчас никому поручить: если поймут, что на нем клятва слуги, начнутся расспросы, Синие Стражи могут вызвать Ищеек, а те раздробят разум Бронна, чтобы вытащить правду о том, что случилось этой ночью. Остаться самому с ним рядом? Ороро невесело усмехнулся. Ну какой из него опекун? Уже одно то, что он прогулял сегодняшнее собрание в Нижнем мире, приведет к недовольству Вортара и его шайки, а если он останется с мальчиком, уже не сможет так часто отлучаться — а это вызовет еще больше недовольства и подозрений. Вдобавок то был слишком большой груз, а он и без того ответственен за судьбу тэйверов, а то и всех трех миров.

Они с Броном зашли перекусить в небольшой трактирчик. Чувствуя себя ужасно проголодавшимся, Ороро заказал побольше еды и с жадностью набросился на суп, жареные ребрышки, куски еще теплого хлеба... Видят боги, силы ему понадобятся. Брон вяло крошил мягкие вафли в тарелку, зато выпил горячее молоко, и Ороро приободрился и смог, наконец, сосредоточиться на предстоящей встрече.

Король Гейлорд — огненный маг, Хранитель Вершины, не умеющий контролировать свои силы. Ороро вспомнил, как вернулся забрать Огуста и Жатриена. Он подивился тогда произошедшей перемене сил, помнится, посмеялся даже над провалившейся затеей Огуста, и вместе с тем машинально отметил, что Хранитель не прикладывал ни малейших усилий к волшебству — он абсолютно синхронизировался с силой Вершины.

Хуже и быть не могло.

Ороро знал от Огуста, что король обращаться со своей силой не умел, потому проблем с его убийством не должно было случиться. Абсолютное единение с Вершиной значило, что король на тот момент достиг некоего высшего осознания, основанного на эмоциях, настроении, уверенности, им в тот момент владевшими. Он ничего не контролировал, и если его уверенность пошатнется, сила Вершины возьмет верх и начнет творить все, что ей заблагорассудится — что она посчитает нужным для защиты и блага своего Хранителя, зная даже самые глубинные его переживания.

Это и случилось, когда Ороро набросился на короля, посчитав момент удачным. О, если бы только он хоть на миг остановился и задумался! Но он был слишком разъярен и напуган, увидев, что Бронн в чужих руках.

Но жизнь Бронна все еще находится в чужих руках, и Ороро не был намерен повторять ошибку дважды. Он медленно с усилием вернулся к своим размышлениям.

Глупый король, не контролирующей силу Вершины. Если она затопит его волю, то может причинить вред Бронну через их клятву. Более того, Бронн, как слуга, связанный клятвой без условий, будет принимать отдачу от неудавшихся заклинаний.

Для начала нужно освежить знания о клятвах, решил Ороро, задумчиво постукивая карандашом по исписанной книжке для заметок. Искать зацепку и одновременно — повлиять как-то на короля, может, получится заставить его снять клятву. Но действовать нужно быстро. Кто знает, может, клятва убивает Брона прямо сейчас?

Ороро машинально посмотрел на висевшие на стене над прилавком часы.

Он пропустил собрание в Нижнем мире, пропустил встречу с ниргенами в Диких землях, прямо сейчас он должен был встречаться с Мэлиной на Востоке и обсуждать затею с Восточной Вершиной, а после там же — мчаться на собрание клуба цветоводов, где должен был выступать с докладом о вильчатом болотнике, но вместо этого сидел за столиком в углу невзрачного трактира и пытался уговорить человеческого мальчика попить еще немного молока.

***

В гостинице Ороро уплатил за комнату, попросил их не беспокоить и тщательно заперся изнутри. Брон вновь погрузился в оцепенение и равнодушие, но поняв, что Ороро собирается скоро уходить, заволновался, поспешил к нему и обнял за ноги из всех силенок. Его затрясло, слезы градом посыпались по лицу, но он молчал, словно не мог говорить. Ороро взял его на руки и посидел с ним на кровати, баюкая и поглощая темные эмоции — ужас, отчаяние, боль... Он был рад, что может избавить Брона от этих чувств, и в то же время с отвращением чувствовал, как благодаря его тьме сам наполняется силой.

Он предпочел бы вконец ослабнуть, если бы мог использовать способность тэйверовской крови наоборот и отдавать силы, превращая их в светлые чувства для Брона. Хотя одно то, что он мог избавить его от тьмы, было уже хорошо.

К полуночи по ренджендарному времени надлежало быть в комнате проклятого короля. Как долго там предстояло пробыть? Что если он уйдет, а Брон проснется и испугается?

В конце концов Ороро решился усыпить Брона заклинанием сна, снял обратное кольцо и решительно разрезал пространство в Южную Вершину.

В королевских апартаментах он бывал и раньше — когда герцог Огуст еще был

наместником, потому открыл Дверь в рабочий кабинет, как и велел шмаков король.

— Ты пришел, — удивленно произнес король. У него был весьма глупый вид. Он даже не соизволил одеться.

Ороро брезгливо скривился.

— Как и условились, — бросил он и скрестил руки на груди. — Чего ты хочешь?

Королишка опомнился, смутился.

— Я... э... подожди, пожалуйста, я быстро.

Ярко краснея и что-то досадливо бормоча себе под нос, он поспешно подошел к шкафу с одеждой.

Пока он приводил себя в порядок, Ороро цепким взглядом оглядел рабочий кабинет короля Южной Вершины. Похоже, голова его была забита Восточным Побережьем, где засели Огуст и Жатриен.

Ну, конечно же, ему нужна помощь, чтобы вернуть себе земли, зачем же еще ему мог понадобиться Ороро?

Из-за этой ерунды погибла семья Грэма.

Чувствуя, что начинает закипать, Ороро прикрыл глаза и сосредоточился на дыхании.

Он будет тянуть время, даст глупцу то, чего тот хочет, подыграет, как только сможет, что будет нелегко, учитывая, какой яростью и болью переполнялось сердце при одной мысли о том, что этот ублюдок натворил. Он понимал, что сделает все, что прикажет король — не может не сделать, пока жизнь Бронна зависит от одной его мысли. Никогда еще даже в самых тяжелых передрыгах он не был так скован по рукам и ногам. Стоило отдать должное этому негодяю.

Ороро внимательно разглядывал поспешно одевающегося короля. Сложен недурно, тело крепкое, хотя подтянуть не мешало бы, кажется, королевская жизнь его разбаловала. На руке — единственная метка хозяина.

Он не разбирается в клятвах, похоже, никогда прежде их не заключал, а значит, при должной удаче и сноровке, удастся его обдурить.

— Знаешь, — осторожно закинул удочку Ороро, — ты мог бы заключить клятву со мной и отпустить Бронна. Ни к чему лишние жертвы, в особенности, когда речь идет о невинном ребенке.

Король дернулся. Его плечи напряглись. Он с осязательным усилием заставил себя расслабиться и лишь потом обернулся. Его лицо было ровным, на губах — натянутая полуулыбка.

— Ты должен понимать, Орехин, что это была случайность, — таким же осторожным тоном начал он.

Случайность?!

Лишь метка хозяина Бронна удержала Ороро от яростного броска на шмакова убийцу!

— Я не хотел, правда. Те люди были очень добры ко мне...

— Их звали Грэм и Мэрилла!

— Знаю, тише, — умоляюще велел король.

Ороро с презрением огляделся.

— Ты что же, даже не додумался создать здесь барьер, не пропускающий голосов?

Невозмутимое с виду лицо короля снова ярко покраснело.

— В этом нет необходимости, — все же сказал он и досадливо поднял повыше руку с меткой. — Веди себя тише, иначе ты знаешь, что я с ним сделаю.

— Если ты что-нибудь с ним сделаешь, ничто не помешает мне убить тебя. — Ороро ослабил.

— С ним все будет в порядке, — пообещал король и провел рукой по лбу. — Я не хочу убивать его. Я никогда бы этого не сделал в любой другой ситуации.

— В любой другой, — с горечью повторил Ороро.

Король тоскливо посмотрел на него, прикрыл усталые глаза, а когда открыл, во взгляде его была та же отстраненность, что и у Бронна.

— Перейдем к делу, — сухо велел он и подманил Ороро к рабочему столу с разложенной картой Восточного Побережья. — Ты ведь уже понял, чего я хочу?

— Вернуть земли и рассчитаться с предателями.

— Да. Ты принесешь мне все нужные сведения: сколько там охраны и как она расположена, в каких покоях спят Огуст и Жатриен, их распорядок дня. В назначенный день откроешь Дверь в комнату Огуста, а я с отрядом воинов проникну туда и захвачу Восточное Побережье изнутри.

— Я обещал Огусту не вмешиваться в ваши человеческие дела, — ледяным тоном сказал Ороро. — И я не привык нарушать свое слово.

Король хмуро продемонстрировал ему метку Бронна, и Ороро с силой закрыл рот, аж зубы клацнули.

— Я понял, — пробормотал он. — Когда начинать?

— Прямо сейчас. Даю тебе четыре дня.

— Этого мало! — возмутился Ороро.

Если он и завтра не появится в Нижнем мире и не объяснится, Вортар здорово разгневется и накажет его сестру.

На островах он точно должен объявиться: рамшокам нужно положить еды и воды, убраться в стойлах, проверить гнездовье фехов и стрясти с них обещанную Мэлине пыльцу.

Мэлина. Она, вероятно, не знает, что случилось с ее братом.

Может, отвезти Брона к ней, на Восток?

Нет, нет! На Востоке вот-вот должна была начаться важная операция, к которой они готовились десятилетиями! Там будет слишком опасно, и без того приходится волноваться о Мэлине!

Понимая, что теряет нить мыслей, Ороро отрицательно помотал головой.

Королишка выглядел не менее потерянным и задумчивым.

— Понимаю, но мы должны управиться с Восточным Побережьем прежде, чем вернется Лок.

— Кто?

— Шэйер. Он помог мне найти... перенестись к тому дому.

Король замолчал.

Если спросить, как он сумел найти дом Грэма, он расскажет?

Может, и расскажет, вот только Ороро не был уверен, что сумеет спокойно это выслушать, а между тем он должен держать себя в руках.

— Четыре дня так четыре дня, — как можно равнодушнее сказал он.

Король недоверчиво посмотрел на него, но кивнул.

— Приходи в полночь, как сегодня, чтобы отчитаться. Если не придешь, мальчику не поздоровится.

Ороро произвольно ощерился в непроницаемое равнодушное лицо мерзкого короля.

— Я уже предлагал, но повторюсь — заключи клятву со мной и отпусти Бронна.

Король оценивающим взглядом оглядел его, что-то прикидывая в уме. Наверняка решал, какую еще пользу может принести Ороро, или думал — уж не убить ли его?

Более отвратительный низкий человечешка ему давно не попадался.

— Я подумаю, — наконец, изрек король, — но после того, как верну Восточное Побережье. А теперь уходи. Я хочу побыть один.

Ороро отвесил ему издевательский поклон, разъяренно полоснул рогом рамшока в воздухе и нырнул в открывшуюся Дверь.

Ингрэм — пустой человек, спасший меня, когда Первое Проклятье настигло мой народ. Все исчезли либо перебрались в Нижний мир, а я остался совсем один. Ингрэм стал для меня и отцом, и матерью, и братом, без него я давно уже умер бы.

Из любви и уважения к нему я намеревался наблюдать за его потомками, приходя на помощь в час нужды, но я крепко недооценил этих чудных людей, не могущих совладать со своим любопытством и упрямством.

Сын Ингрэма узнал о моем истинном облике, в итоге мне пришлось с ним объясниться, но он так и не проведаль, что я странствую по Срединному миру, чтобы уничтожить Вершины по плану Вортара и снять первую клятву.

После его дочь Элси, перенявшая отцовские зеленые глаза, тайком прочитала дневник Гета, брата Ингрэма, и отправилась на Восток, где не раз попадала в переделки, из которых мне приходилось ее выручать.

Кажется, страсть к переделкам в этой семье передается по наследству вместе с зелеными глазами. Более того, дети Элси проявили недюжинные способности к созданию механизмов, вероятно, это у них от Гета.

Сейчас дневник Гета находится у Мэлины — внучки Элси, чьи таланты механика выше моего разума. Сколько уж мне ни приходилось водиться с подпольщиками и неволей перенимать их знания, все же, многое я попросту не понимаю.

Грэм — внук Элси — обосновался на Севере, в старом доме. Должен признаться, к этим двоим я особо привязан из-за одного случая в прошлом. К тому же Грэм унаследовал зеленые глаза и ужасно похож на Ингрэма.

Я верю, что Ингрэм переродится в своих потомках, отчасти потому столь заиклен на этом. Пытаюсь увидеть отголосок его души в таких же глазах, что были у него. Надеюсь найти в них прощение своим грехам, искупление тому, что совершил, хоть и понимаю, что бесполезно — даже если теория о перерождении душ верна, Ингрэм все равно ведь меня не вспомнит.

И все же... и все же лишь здесь, окруженный простыми людьми, что привязаны ко мне и ждут моего возвращения, я чувствую долгожданный покой. Мне достаточно хотя бы этого. Не тешу себя иллюзией, что, узнав о моих истинных целях, меня простят и примут. Лгу и скрываюсь, изворачиваюсь, как могу, но отказаться от этого не в силах.

Подготовку к захвату замка Идры, в которой прятались Огуст и Жатриен, Гейл начал утром четвертого дня. Орохин к тому времени добыл все нужные сведения и в эту полночь по уговору должен был открыть Дверь в первой башне Южной Вершины. Дверь, ведущую в комнату Огуста.

Гейл уже мысленно подготовил объяснение: дескать, научился открывать Дверь из Вершины в любую другую часть страны. Лок уже видел, как он это делает, и поддержит, а если члены Совета потребуют продемонстрировать еще раз, можно будет вновь заставить Орохина как-нибудь ловко открыть Дверь или сказаться больным и усталым. В конце концов, он тут король, никто не может заставить его сделать то, чего он не хочет.

Томительный длинный день прошел за обсуждением стратегии. Гейл и Хемль, споря и пререкаясь, отобрали двадцать лучших Красных Стражей. Снаряженные, готовые к скорому сражению, они собрались в зале военного совета, где Гейл уже подготовил подробную карту замка Идры и обозначил места их передвижения.

— Я несколько раз уже пробирался в Идру, — с честнейшим видом соврал Гейл. — Притворился слугой и все разведаль, никто не смог меня уличить.

Уличить его сейчас могла бы, пожалуй, лишь Вик, если бы не была так увлечена своим ненаглядным Джулом. Они стояли плечом к плечу, внимательно разглядывая карту, и изредка перебрасывались словами с другими Стражами.

— Это было слишком опасно, — упрекнул его Хемль.

— Я король, — возразил Гейл. — Я — один из сильнейших магов в мире, и если мои способности позволяют обойтись без лишних жертв, неужели вы думаете, я ими не воспользуюсь?

В этот момент Вик посмотрела на него и одобрительно кивнула. От вдохновения сердце забилось чаще.

Да, верно. Как бы то ни было, если удастся отбить Восточное Побережье без потерь, гибель той несчастной семьи будет не напрасна.

А после он снимет клятву с мальчика и убьет полукровку. Это тоже будет во благо: столь опасное существо не должно беспрепятственно бродить по миру. Но прежде — прикажет ему доставить сюда низшую тварь. Это поможет убедить членов Совета в реальности угрозы, да и Вик, так ратовавшая за это дело, будет рада и благодарна.

На сердце потеплело до слез. Все образуется. Шаг за шагом.

***

В полночь Гейл повел отряд к первой башне. После тройной дозы эликсира спокойствия он чувствовал себя немного заторможенным, но это было лучше, чем если бы разум разрывался от череды “что если?..” и невольных воспоминаний о той ужасной ночи.

Клятва хозяина была надежно спрятана под бинтами и кожаными наручами, и Гейл частенько касался предплечья, чтобы проверить и успокоиться.

Со вчерашнего дня его не отпускало странное чувство, что с мальчиком что-то происходит. Что именно — он никак не мог взять в толк. Наверное, воображение разыгралось от волнения и недосыпа из-за кошмаров, иначе полукровка уж точно разъярился

бы при встрече.

— Гейл, что происходит? — раздался тихий голос Вик совсем рядом.

Погруженный в мысли Гейл едва не вскрикнул от неожиданности.

— Ничего, — слотнув, ответил он и нервно провел рукой по волосам. Они отросли настолько, что он собрал их в хвост. Его волосы были длиннее, чем у Вик. Она же собрала свои в замысловатую корзинку на затылке.

— Гейл, — строже сказала Вик и нахмурилась. — Соберись, ты сам не свой.

Гейл лишь кивнул. Он не мог теперь, как в прежние дни, прислониться лбом к ее плечу и пожаловаться на случившийся кошмар, получить заслуженную оплеуху и такой нужный совет и поддержку.

Если Вик узнает о случившемся...

Кровь отхлынула от лица.

Вик взволнованно сжала его левое предплечье, и Гейл чудом удержался, чтобы не наорать на нее, чтобы не трогала. Там же клятва! С мальчиком что-то происходит! Если Вик узнает!..

— Я в порядке, — еле ворочая языком, выдавил Гейл. Паника колотилась изнутри. Он отдернул руку, чувствуя, с каким трудом мышцы лица растягиваются в нужном выражении добродушной ухмылки. — Почти пришли.

Он обернулся к отряду, оглядел их. Часть он знал по именам — тех, кто охранял его да чем-то отличился. Часть видел на тренировках или во время прогулки по территории замка. Часть была незнакома, но Хемль поручился за них.

Он мог бы разобраться с Огустом и Жатриеном в одиночку, точнее, вместе с Орохином, но так возникнет слишком много вопросов и пересудов. Главная опасность — излишне любопытный Лок, которого и без того с большим трудом удается держать в неведении.

— Подождите меня здесь, — произнес он, крепко сжимая кулаки и чувствуя кожей, как по ним перебегают легкие язычки пламени.

Производителям эликсира спокойствия нужно выписать штраф за то, что их снадобья плохо работают.

Он вошел в первую башню и запер за собой дверь. От стен отделилась тень. Орохин. Он вопросительно уставился на Гейла. Гейл кивнул. Тонкий длинный рог прочертил кривую в воздухе, в середине комнаты, где в прошлый раз Гейл нашел серебристую Дверь.

— Долго сможешь удерживать? — вполголоса спросил Гейл.

— Сколько нужно, — с этими словами Орохин открыл вторую Дверь — для себя. — Буду ждать на звездной площадке. Постарайся управиться поскорее.

Он ушел, и Дверь за ним исчезла.

Гейл вдохнул, выдохнул и открыл дверь, впуская свой отряд.

— Что это? — пораженно выдохнул Битти.

Они все неуклюже столпились в тесной комнатухе, глядя во все глаза на Дверь, будто впервые видели.

— Как я уже говорил, я научился открывать Дверь в нужное место. Это занимает много сил, но оно того стоит.

Гейл небрежно пожал плечом, внутренне переживая: что если она перенесет их не туда? что если она закроется, едва он сам шагнет через нее? что если она закроется на ком-нибудь и буквально разделит его пополам? что если Орохин сговорился с Огустом, и прямо сейчас Гейл и Стражи идут навстречу гибели?

В таком случае он расправится с мальчишкой и не будет чувствовать за это вины.

Он еще раз коротко объяснил, что они будут делать в следующие несколько минут. Все вопросы были решены заранее, каждой группе от двух до пяти человек была отведена своя роль, теперь все зависело от того, насколько быстро и слаженно они будут действовать.

Ребята коротко кивнули. Гейл глубоко вздохнул, переглянулся со встревоженной Вик и шагнул вперед первым.

Его дернуло, скрутило и выплюнуло в покои Огуста. Здесь, в Восточном побережье, царила глубокая ночь, только-только переходящая в раннее утро. Кристаллы света быстро среагировали и осветили комнату Огуста. Гейл машинально посмотрел под ноги, вспомнив, что Орохин нарисовал под ковром защитный круг который не позволил бы Огусту услышать и увидеть появление Двери.

Огуст в одной ночной рубашке проснулся на звук невольных шагов Гейла и тут же вскочил. Его осунувшееся лицо резко побледнело. Один за другим в его покоях появились двадцать отборных Красных Стражей. В руках Огуста вспыхнула магия, но Гейл был быстрее и одним стремительным ударом повалил его, а после — Кейз и Врамбл ловко скрутили и заковали Огуста в противомагические оковы, пока Битти затыкал ему рот кляпом на всякий случай.

Ошарашенный Огуст что-то мычал, но было не до этого. Начиналась самая опасная часть плана.

Двое остались сторожить Огуста, пока остальные расправились с ворвавшейся на шум стражей и во главе с Гейлом устремились в покои Жатриена. По дороге большая часть Стражей рассыпалась укреплять позиции в захваченном южном крыле. Несмотря на все усилия как можно дольше сохранять тишину, в замке медленно, но верно нарастал переполох. Следовало поспешить. Уже не таясь, Вик и Джул занялись встреченной стражей, а Гейл с грохотом выбил заколоченной огненным шаром дверь нужной комнаты.

Жатриен в отличие от Огуста успел подготовиться. Слово только и дожидаясь Гейла, резко направил в его сторону руку с растопыренными будто когти пальцами. Огненные лезвия раскрошили полетевшую выбитую дверь и часть стены, обломки полетели на Гейла, жаркое дыхание чужого пламени обдало лицо, огненные лезвия были уже совсем близко, и вновь время словно бы замедлилось — как в тот раз, в доме той семье.

Гейл, повинуясь порыву, склонился к полу, с размаху ударяя по нему ладонями, и огромный огненный круг, испещренный символами, восстал вокруг него и Жатриена, легко, как пылинку, смахнув огненные лезвия. Жатриен тщетно пытался справиться с огнем Гейла. Ярко-красное пламя Гейла усилилось, медленно перетекло в фиолетовый, затем синий цвет. Пламя Жатриена быстро уменьшалось, и вот уже крохотный красный огонек едва виднелся сквозь кольцо синего пламени.

Он сговорился с Огустом, предал родного брата своей жены, предал своего короля, и вместо того, чтобы склониться и смиренно просить прощения, напал на него с дерзкой самоуверенностью! Да как он посмел?!

Гейл медленно поднялся, не сводя глаз с мерзавца.

Тем временем синее пламя охватило всю комнату Жатриена. Горело все. Голодный синий огонь жрал даже камень, все трещало и сыпалось черной трухой, пол под ногами, стены дрогнули. Упиваясь своей силой и справедливым возмездием, Гейл поднял руку перед собой, сжимая в кулак. Огонь вокруг Жатриена усилился, но тот не сдавался, и это начинало раздражать.

— Да когда же ты сдохнешь?! — яростно прошипел Гейл.

— Гейл! — крикнул знакомый голос. — Остановись! Ты же обещал принцессе Красте пощадить его!

Краста. Ее полные недоверия и страха черные глаза, такие же, как у него. Как она робко улыbnулась, когда он ей обещал.

Он пообещал ей, что не лишит ее детей отца.

Гейл опомнился и в тот же миг ужаснулся. Попытался остановиться, но пламя не подчинялось — словно вырвалось на свободу после голодного заточения и теперь с жадностью стремилось насытиться как можно сильнее.

— Гейл! — снова закричала Вик.

Гейл краем глаза видел, что они с Джулом оттащили подальше поверженных противников и не могли подступиться к нему ближе: огонь вокруг него был слишком сильным, пол проваливался, неустойчивые стены и потолок держались каким-то чудом. Красного огонька Жатриена не было видно, должно быть, он уже мертв, но Гейл знал, что тогда почуял бы запах жареного мяса, и при мысли об этом знакомо затошнило.

Вик и Джул о чем-то коротко посоветовались. Взволнованная Вик порывисто сжала его руку, он уверенно кивнул ей и что-то сказал, и она вновь стала спокойной, сосредоточенной, уверенной.

Это... это несправедливо. Это Гейл был рядом с ней все эти несколько лет. Это он всегда защищал ее, помогал ей. Так почему же сейчас Джул имел над ней столько власти, что мог успокоить за считанные мгновения? Она никогда не слушала Гейла так, как слушала его, не смотрела на Гейла так, как на него, не сжимала его руки, переплетая пальцы...

В этот момент Джул что-то наколдовал, резко взмахнул руками в стороны, и от воздушной волны весь жар и огонь на короткое время хлынул в покои Жатриена. Вик со всей скоростью и силой, которую были способны дать ей артефакты Лока, рванула к Гейлу. Перемахнула через наполовину обвалившийся пол, очутилась возле него и вцепилась в его плечи. Гейл отстраненно заметил, что плечи, руки, ноги, он сам весь покрыт синим огнем, который, странное дело, не вредил Вик.

— Гейл! — закричала она и тряхнула его. — Очнись!

«Да я и не сплю», — хотел возразить он, но обиженно смолчал.

На лице Вик были пятна чужой крови. Он потянулся было стереть, но руки, тело не слушались.

Он отстраненно подумал, что стоило все же отправиться сюда в одиночку — вместе с Орохином — и самолично разобраться с предателями. Вон уже крики Жатриена доносятся и запах, будто недалеко поджаривали свинину.

Желудок съезжился, но Гейл не мог вспомнить, почему ничего не ел с самого утра и почему так сильно волновался, что выпил несколько успокоительных эликсиров, которые все равно не работали. Вообще-то они вредили желудку, ему следует перестать их пить и начать лучше питаться. Рот переполнился слюной. Левое предплечье немного чесалось, но в остальном — он чувствовал себя великолепно, будто наконец-то выспался.

Вик тем временем, цыкнув, отвесила ему крепкую оплеуху. Гейл ошеломленно схватился за щеку. Приятное чувство мира и спокойствия улетучилось, крики Жатриена превратились в бесконечный страшный вой.

— Останови это! Немедленно! — рявкнула Вик.

— Я сам знаю, когда остановиться! — испуганно заорал он в ответ и сосредоточился на

огне. Огонь не поддавался, наоборот, кажется, усилился.

Он мог навредить ей. Если артефакт Лока перестанет сейчас работать, Вик сгорит заживо.

— Отойди! — крикнул он.

Вик наоборот встала вплотную и крепко обхватила ладонями его лицо. Гейл в ужасе смотрел, как синее пламя бьется о ее красные доспехи, стекает с волос, гладит скулы и губы, отражается в глазах. Вик была спокойна, точнее, выглядела спокойной.

— Ты справишься, Гейл, — сглотнув, сказала она. — Ты показал свою силу, а теперь докажи, что можешь ее контролировать. Мы уже схватили Огуста и Жатриена — это и было нашей целью, помнишь? Остальные в замки всего лишь слуги и подчиняются своему господину. Они невиновны, Гейл, прошу, прекрати все это.

Гейл отвел взгляд.

Они тоже были невиновны. Он искал полукровку, а в итоге убил невинных людей, которые даже защитить себя не успели, а потом еще и ...

Гейл посмотрел на свое зудящее левое предплечье.

Мальчик!

Охвативший ужас мгновенно придал сил и злости на себя. Огонь дернулся, цвет его быстро вылинял в фиолетовый и перешел в привычный красный, а после медленно сошел на нет.

Он не заметил, когда Вик отодвинулась и вернулась к Джулу. Предплечье, метка хозяина слабо пульсировала. В середине комнаты лежала скорчившаяся обугленная фигура лорда Жатриена.

— Мы заставили герцога Огуста приказать его людям сложить оружие, и объявили, что король здесь, — доложил запыхавшийся Кейз и изумленно огляделся. — Воу! Что у вас тут произошло?

Гейл обессиленно спрятал лицо ладонью.

— Мы захватили лорда Жатриена, — помолчав, ответил Джул. — Он не хотел сдаваться без боя.

Раздались шаги. Сквозь пальцы Гейл видел, как Кейз и Джул склонились над тем, что прежде было лордом Жатриеном.

— Он мертв, — заметил Кейз. — Что мы скажем принцессе Кресте?

Гейл заставил себя отнять руки от лица, расправить плечи и подойти к ним.

— Что он оказал сопротивление и погиб, пытаюсь нас прикончить.

Скорченная фигура ничем не напоминала самодовольного красивого лорда Жатриена с модными усиками. Убедить себя в том, что это — некто совершенно незнакомый, было соблазнительно легко, и Гейл отодвинул мысли о Жатриене подальше, насколько мог.

Как бы то ни было, сейчас наступала очередь следующей части плана по возвращению Восточного Побережья, и Гейл твердым шагом отправился назад в покои Огуста.

***

Приказав Красным Стражам оставить их с Огустом наедине, Гейл плотно закрыл дверь и медленно подошел к нему, все так же закованному в противомagicеские оковы, но уже без кляпа.

— А ты недурен, мой король, — произнес Огуст, пристально разглядывая его. — Я

недооценил тебя, и это было моей главной ошибкой.

Гейл молчал. Зуд в предплечье стал почти незаметен.

— Ты нашел его, верно? — продолжал Огуст. — Полукровку. И убедил его сотрудничать. Не расскажешь, как?

— А ты как думаешь? — в тон ему, спросил Гейл.

— Дневник ищейки, — подумав, ответил Огуст. — Помнится, он остался в моей комнате в Южной Вершине. Пожалуй, он мог натолкнуть тебя на нужные мысли. Но Орохин сам пришел ко мне — у меня было то, что было ему нужно. Ну а что насчет тебя?

— У меня тоже есть то, что ему нужно, — помедлив, сказал Гейл и невольно сжал левой предплечье, накрыл метку рукой. Разумеется, это не ускользнуло от внимательного взгляда Огуста.

— Что это у тебя там? Неужто привязал полукровку к себе клятвой? — с издевкой спросил он.

— Не его. Ребенка. Мальчика.

Все равно Огусту конец, уж он за этим проследит.

Усмешка медленно сползла с лица Огуста, сменилась тревогой и страхом.

— Я искал полукровку, но нашел одну семью, — продолжал Гейл. — Это были хорошие люди.

— Были, — медленно повторил Огуст.

— Да. Полукровка был сильно к ним привязан. Настолько, что теперь выполняет все мои приказы, лишь бы мальчишка был жив.

Гейл ожидал, что рассказав об этом, скинет невидимый груз с плеч, но тот лишь потяжелел еще больше.

— Должно быть, ты и впрямь выдающийся король! — Огуст закашлялся, пытаясь скрыть смех, но не удержался и в голос уже хохотал.

Гейл уязвленно смотрел на него. Глупый старик. Он не мог не понимать, что через несколько минут расстанется с жизнью. Как он мог вот так просто смеяться?

— Ты... Ты даже не представляешь, — с трудом проговорил Огуст, все еще смеясь, — на кого осмелился поднять руку! На что себя приговорил! Глупец!

— По крайней мере, я знаю, на что приговорить тебя, старик, — повысив голос, сказал Гейл. — Но прежде — ты сбережешь мне время и расскажешь, как убрать огненных элементалей.

— Он не сказал... он не сказал... — продолжал хихикать Огуст. — Ох уж этот пройдоха...

— Что не сказал?

Гейл, теряя терпение, выхватил нож из-за пояса и прижал к дряблему, дрожащему от смеха горлу Огуста. Старик продолжал кашляюще смеяться прямо в лицо, и от его утреннего зловонного дыхания Гейл брезгливо отпрянул.

— Да то, что это сам Орохин создал барьер элементалей. Попросил дозволения испытать новую магическую формулу, и камни эти огненные сам же сюда откуда-то доставил. Он проверил на тебе, Хранителе, насколько эффективен этот барьер, ну а я получил защиту своих земель.

Гейл растерянно убрал нож.

Когда он рассказывал Орохину возникшую из-за элементалей проблему, тот ни словом, ни видом не дал понять, что имеет к этому отношение.

— Послушай, глупый мальчишка, — наконец, успокоившись, заговорил Огуст, — ты даже вообразить не способен, кого записал себе во враги. Оставь мне жизнь, и я помогу тебе держать его на поводке. Он изворотлив и хитер, он прожил долгую и опасную жизнь, он полукровка, в конце концов, а об их способностях мало что известно. Он очень опасен, Гейлорд, а ты перешел ему дорогу. Что-то подсказывает мне, что там, в Нижнем мире, тэйверы всю готовятся к грядущим переменам, возможно, пытаются создать заклинание, которое помогло бы обойти Первое проклятие. Даже если тебе удастся сейчас повелевать Орохином, поверь мне, это ненадолго, к тому же он должно быть страшно зол. Он найдет способ освободить мальчика от клятвы, и когда это случится, ты пожалеешь, что посмел его использовать.

— Этого не случится. Клятвы на крови нерушимы, но даже если мне придется убить этого мальчика, я смогу дать отпор полукровке. Я один из четырех сильнейших магов в мире, — убежденно сказал Гейл и стиснул кулак. — Я защищу себя и свой дом, можешь не сомневаться.

— Хорошо, если так, — промолвил Огуст и прикрыл глаза. — А теперь хватит болтовни. Сделай то, что должен, но прежде — отведи меня на балкон главной башни. Оттуда наблюдать за восходом солнца лучше всего.

***

Гейл вел Огуста, которому завязал на всякий случай рот, по длинным коридором замка Идры, схемы которого изучал столько раз, что они мгновенно всплывали перед глазами, стоило лишь задуматься.

Они добрались до главной башни, где уже стояли его люди. Выжили все, некоторые были ранены. Вик бросила на Гейл взволнованный взгляд. Он постарался как можно спокойней кивнуть ей.

Башня выходила широким балконом прямо на главную площадь, где уже собрались оповещенные жители города. Многие оделись впопыхах, были растрепанные, сонные. Гейл медленно оглядел народ внизу. Между тем на горизонте медленно загоралась заря. Рассвет был близко, и это был последний рассвет в жизни Огуста.

Ха, забавно. Огуст пытался прикончить его на восходе солнца, но вот сам сейчас на этом сдохнет.

Показался нестерпимо алый краешек солнца.

Гейл глубоко вдохнул и шагнул вперед.

— Я — король Гейлорд, первый этого имени, Хранитель Южной Вершины, единоличный правитель Юга освободил вас от гнета предателей короны — герцога Огуста и лорда Жатриена.

Толпа внизу притихла. Гейл немного переживал, что его плохо слышно, и старался говорить в усиливающий голос кристалл.

— Я приговариваю этих предателей к смерти.

Он не глядя протянул руку, и Кейз вложил в нее свой огромный меч.

Герцог Огуст с умиротворенным выражением лица сидел на коленях, подставив лицо восходящему солнцу, и медленно глубоко дышал.

Гейл шагнул к нему, занес меч и спустя один бесконечный, но короткий взмах все было кончено.

Внизу раздались крики. Толпа пришла в страшное волнение и негодование.

— Нас считают захватчиками, — пожевав нижнюю губу, глубокомысленно изрек Битти. — Будут проблемы.

— Разберемся, — отрубил Гейл. — Прежде нужно снять барьер с элементарями, чтобы наши войска смогли пройти. Огуст рассказал мне, как это сделать. Вы удерживайте замок, а я разберусь с барьером.

— Может, пойти с тобой? — предложила Вик.

— Нет. — Гейл улыбнулся ей, но получилось так жалко, что лучше бы и не пытался. — С этим справлюсь только я, вы будете мне лишь мешать.

Он решительно отвернулся и поспешил в звездную башню.

***

Орохин уже подждал его там, на самой высокой башенке замка, когда он ворвался туда, громко хлопнув дверью.

— Ты! — вспыхнул Гейл.

Быстро подошел к нему, неприкрытой тэйверской сущности, и вперил в него яростный взгляд. Орохин молчал с нечитаемым лицом. Гейл невольно смутился, гнев малость подостыл, но отступить было нельзя — следовало поставить полукровку на место, и Гейл схватил Орохина за грудки и тряхнул.

— Барьер элементарей твоих рук дело! Огуст рассказал мне!

— Герцог? — Орохин хмыкнул. — Что еще он успел тебе рассказать?

— Тебе лучше слушать меня внимательно, полукровка, — процедил Гейл. Предупреждения Огуста неустанно крутились в голове, он уже почти жалел, что отказался от помощи и убил его. — Что это сегодня было, а? Ты никак пытаешься снять клятву с мальчика и пойти против меня? Даже не надейся, что у тебя это получится! Одно мое желание — и твой мальчишка больше не сможет пользоваться рукой! Еще одно — и на всю жизнь разучится говорить или видеть!

Кажется, Орохин побледнел, но шмак один поймешь с его серой кожей, да и свет в комнатухе был слабый — всего одно окошко, на которое уставились странные длинные предметы, под которыми громоздился стол с книгами да чернильницей.

— Я понял, — сквозь зубы сказал Орохин. — Но, шмак побери, ты не спрашивал меня, как пробить барьер элементарей, откуда мне было знать, что ты хочешь от него избавиться? Ты сам составил план захвата и хотел взять в плен герцога Огуста и лорда Жатриена. Восточное Побережье теперь твое. Ты сказал, что после этого заключишь клятву со мной и отпустишь мальчика, — напомнил он.

Гейл пытливо смотрел на него. Предупреждения Огуста не утихали, но перед ним сейчас был лишь смиренный полукровка, обеспокоенный судьбой ребенка.

Хитрый изворотливый тэйвер, уже много лет безнаказанно бродивший по Срединному миру. Огуст прав — нужно быть настороже.

— Ты даже условия клятвы не произнес, — осуждающе продолжал Орохин. — Не знаю, о чем ты там говорил, но я не пытался снять клятву с его руки — это опасно, тем более для ребенка. Почему же ты так решил?

Гейл засомневался, говорить ему или нет, о том, что клятва зудела, когда он потерял контроль и поджарил Жатриена? Судя по всему, Орохин ничего об этом не знал. Что если он

вернется к мальчику и обнаружит, что тому стало плохо?

Гейл медленно снял повязку с предплечья, с облегчением отмечая, что метка выглядит как прежде. Взгляд Орохина тут же впился в нее.

— Сними барьер, убери огненных элементарей, — тихо сказал Гейл. — Завтра после полуночи жду тебя в своей комнате. И приведи мальчика. Я заключу клятву с тобой, и сниму клятву с него.

Орохин шумно выдохнул и быстро согласно кивнул. Достал свой рог и прорубил Дверь в пространстве. Гейл задумчиво проводил его взглядом.

Еще один шаг сделан. По возвращении в Южную Вершину нужно будет составить условия клятвы так, чтобы контролировать каждый шаг полукровки, приказать ему доставить низшую тварь, возможно, сделать что-то еще, а после — без промедления прикончить.

Кто бы мог подумать, что однажды при мысли о плане Вортара снять Первую Клятву я буду скалиться от радости? Благодаря этому я знаю о Хранителях и Вершинах все, что нам удалось совместными усилиями раскопать за прошедший век.

Сила Хранителя, способная контролировать силу Вершины, переходит к магу из королевской семьи, когда умирает предыдущий Хранитель — либо когда маг достигает пика сил и превосходит нынешнего Хранителя.

Пика сил человеческие маги достигают к восемнадцати годам. После резкого скачка сил может уйти некоторое время, чтобы к этому привыкнуть.

Сила Вершины, нужна для того, чтобы удерживать Первую клятву. Сила Хранителя нужна, чтобы защищать Вершину и контролировать. Эти две магии связаны, Вершина связана с Хранителем и в час нужды может самостоятельно через него совершать необходимые действия. Без должного контроля Вершина может взять верх над волей Хранителя для единственной цели — защитить его и удовлетворять его потребности. Оттого знания о способностях Хранителей сильно разнятся — как и разнятся их потребности и умение контролировать свои силы.

Магическая сила самого мага на этом фоне теряется. Единственная его задача — контролировать силу Хранителя, а значит — контролировать силу Вершины.

Король Южной Вершины в отчаянной ситуации потерял контроль. Я не учел этого. Я был слишком зол и поспешил, и вот чем это обернулось...

Прокручиваю в голове раз за разом и нахожу тысячи разных путей уладить тот конфликт. Я мог просто снять обратное кольцо и объясниться перед Грэмом и Мэриллой. Грэм понял бы. Он очень похож на Ингрэма — и внешне, и душой, правда, куда мягче и добрее. Глядя в его глаза, я возвращался в прошлое, когда был юн, глуп и счастлив так, как только могут быть счастливы юные глупцы.

Мне следовало наблюдать за всеми потомками отца, но я сосредоточился лишь на тех, кто перенимал его зеленые глаза. Душа умершего перерождается в его потомках — так однажды сказал отец, и я в это верю, это единственное, благодаря чему я еще не сошел с ума от тяжести своих грехов.

Уничтожение Южной Вершины по плану следовало последним, сейчас вовсю кипит работа над уничтожением Восточной Вершины, но после случившегося с Грэмом я не могу ни на чем сосредоточиться. Отчаяние терзает меня, обвинять во всем глупого юного короля проще всего, и мне стыдно за свое малодушие, ведь в случившемся моей вины не меньше. Проще обвинять и ненавидеть его, чем признать это. Сейчас мое состояние слишком нестабильно и может привести к чему угодно. На медитации нет времени, ни на что нет времени, ничто не важно, пока жизнь Бронна в опасности. Я так устал, но не могу позволить себе ни минуты передышки. Я должен освободить Бронна и позаботиться о его будущем, а там — будь что будет.

— Это клятва хозяина и слуги, — сквозь зубы сказал Ороро.

Никогда, даже в самых скептических размышлениях, он не доходил до мысли, что однажды придется привести потомка Ингрэма в Нижний мир. Меньше часа назад он вернулся из Восточного побережья и застал Бронна, горящего в столь сильной лихорадке, что тот не мог шевельнуться и лишь вяло моргал. На его черных волосах появились седые пряди. Его рука... О, его аккуратная маленькая человеческая ручка опухла до самого плеча, побагровела, а черная метка имени проклятого короля начала кровоточить.

Ороро, как и все тэйверы, никогда не был силен в целительстве. Обратиться за помощью к лекарям значило вызвать ненужные подозрения. Неудержимая паника и беспомощность гнались за ним по пятам последние дни, с тех пор как глупый король убил семью Грэма и заковал клятвой Бронна. К кому еще он мог обратиться со своей бедой, кому еще без колебаний мог доверить свою жизнь, как не сестре? В какой-то миг Ороро заколебался, но тут же откинул глупые сомнения. Сестра знала об Ингрэме и его потомках, и как они важны. Она была одним из лучших лекарей среди тэйверов. Ей пришлось этому научиться — множеству хитрых приемов, могущих улучшить здоровье, помочь поскорее затянуться ранам, и то было лучше всего для Бронна — кто знает, как клятва без условий отреагирует на магическое воздействие?

Он перенесся с Бронном в дом сестры в Нижнем мире. Несмотря на глубокое изумление, Урура без лишних слов принялась за работу, и лишь уняв жар Бронна да приведя его в чувство и силы, задалась вопросами.

— Я самолично нарисовал круг, — продолжал Ороро, — этот негодяй заставил меня. Посмотри на руку. — Он присел на корточки перед укутанным в полотенце после холодной ванны Бронном и осторожно взял его тоненькую ручку с воспаленной меткой. — Вот его имя, видишь, оно словно бы проникает вглубь? Это взрослый мужчина с огромным запасом магии, он даже не произнес условий клятвы!

— Это все осложняет, — заметила сестра. Со вздохом поднялась с колен и осторожно перелила приготовленный раствор в бутылочку. — Давай ему укрепляющий настой каждый четыре часа, это все, что сейчас можно сделать.

— А что с его речью? Почему он не разговаривает?

Сестра лишь покачала головой.

— Возможно, его хозя... — заметив ледяной взгляд Ороро, она поспешно поправилась: — тот человек что-то сделал? Может, ты разозлил его чем-то?

Ороро бессильно пожал плечом.

Может, и разозлил.

Но, учитывая, что глупый король даже свои силы не мог толком контролировать, возможно, он даже не подозревает, что натворил с Бронном. По крайней мере, он выглядел искренне взволнованным.

Он мог выглядеть как угодно, это не оправдывало его действий. Заряженный арбалет без предохранителя — вот чем он был, а мишенью — Бронн.

— Существует ли заклинание, способное перекинуть клятву на другого? — спросил Ороро.

— Ты что же, действительно готов стать слугой этого человечки? — с нескрываемым

отвращением спросила сестра.

Ороро решил смолчать, что уже договорился об этом.

— Вот что мы сделаем, — помедлив, начала сестра и крепко сжала его плечи. Ороро кое-как кивнул, и, глядя ему в глаза, сестра продолжила медленно и отчетливо: — Отпусти этого мальчика, он все равно не жилец. Не перебивай, Ороро! Тех людей больше нет, понимаешь? А мальчонке конец, клятву не снять, пока тот человек этого не захочет, а между тем клятва убивает его, и даже если снять, последствия останутся. Зачем ты так цепляешься за него? Позволяешь собой помыкать? Не милосердной ли просто его отпустить?

— Он... он же последний, — процедил Ороро. Ярость резко переполнила его, он с трудом удержался, чтобы не нагрубить сестре, не оттолкнуть, не ударить. — Он ужас как похож на Ингрэма! У него в точности такие же глаза!

— Да ты даже не помнишь уже, должно быть, как он выглядел! — раздосадовано воскликнула сестра. — Прошло сто лет с тех пор, как он умер, а ты все возишься с его потомками! Тебе бы завести свою семью, а не нянчиться с чужими детьми, да еще и человеческими!

— Ты же знаешь, что полукровкам нельзя заводить семьи!

— Но потомки Хейлы, к примеру, живут и здравствуют! — Сестра всплеснула руками, раздражение мелькнуло в ее взгляде. — Раз у нее это получилось, почему не может получиться у тебя?

— То был исключительный случай.

— Ничем не отличающийся от твоего, скажу больше: ее внешнее уродство было более очевидным, у нее были крылья и хвост, которые ей отрезали в младенчестве, чтобы сошла за человека, тебя же от тэйвера практически не отличить. Вы оба сохранили разум и научились контролировать Голод. Кровь в ее потомках настолько разбавилась человеческой, что от тэйверов в них мало что осталось, то же самое может случиться и с твоими, — быстро-быстро говорила сестра, и Ороро покорно ее выслушивал.

— Какая тэйверка захочет встречаться с тем, кто в любой момент может обезуметь и сожрать ее? — осведомился он, когда сестра умолкла. — Даже если бы я хотел... Есть вещи, которые от меня не зависят. Тэйверы всегда будут бояться и ненавидеть меня. Кроме тебя.

Он отчаянно вцепился в руку сестры и прижал ее к губам. Сестра осторожно убрала руку и грустно погладила его по щеке.

— Ты был бы рад не помогать Вортару в его планах, верно? Если бы не я...

— Я бы просто ушел в Срединный мир и никогда сюда не возвращался, — закончил Ороро. — Ты — все для меня. Как и этот мальчик. — Он не сдержал невольной дрожи. — Ох, видела бы ты, что там произошло. Тот подонок взял Бронна в заложники, а я так разозлился и... Я испугался. Он держал Бронна за горло и велел мне снять обратное кольцо, ума не приложу, как он нашел их, как про кольцо узнал, а я недооценил его, вернее...

Ороро невесело усмехнулся. Сейчас, рассказывая обо всем сестре, он узнавал кое-что новое, что прежде было скрыто от искаженного болью разума.

— Я переоценил себя. Я так привык всегда быть быстрее и сильнее прочих, что, едва заметив его заминку, тут же воспользовался этим, как оказалось, зря. Это был... необычный противник. Его магия решала за него, а не он сам. Сейчас я осознаю это, понимаю, что в случившемся нет одной лишь его вины, но простить не могу.

Ороро глубоко медленно вздохнул. От горечи щипало глаза.

— Он взял Бронна в заложники, потому что понял, что лишь это спасет его от гибели. Мне пришлось сдержаться и подчиниться ему.

“Но когда Бронн будет свободен, — Ороро поднял глаза на встревоженную не на шутку сестру, — меня ничто не остановит”.

Он знал, знал прекрасно, чем оборачивается месть, но один взгляд на оставшегося круглым сиротой потомка Ингрэма сметал ослепляющим гневом весь опыт.

Он предавал то, во что верил Ингрэма, предавал его в каждую секунду, что грезил о страшной мести глупому королю, и оттого горечь происходящего лишь сильнее ранила, и тем сильнее хотелось продолжать — все равно что, обезумев от сладострастной агонии, разрывать корочку на не заживающей ране.

Он не мог простить, это было выше его сил. Ну и пусть. Чего еще можно было ожидать от проклятого полукровки вроде него? Отчасти Ороро даже надеялся, что королю удастся его прикончить и этим остановить происходящее, хотя скорее всего уже поздно для этого: слишком многое успели сделать тэйверы и их последователи в Срединном мире, запущенное колесо продолжит двигаться и без него.

— Ороро, прошу тебя, не делай глупости, — попросила сестра. — Обещай мне.

Ороро только кивнул и осторожно дотронулся когтистой рукой груди сестры, почти касаясь амулета в виде полумесяца, что подарил ей Вортар.

— Я не знаю, как отреагирую, если с мальчиком что-то случится, — прошептал он. — Это сильнее меня, ярость застилает мой рассудок, все инстинкты кричат, что его надо защитить, что надо наказать обидчиков, и разумом я тоже этого хочу, пусть и понимаю, что это может выйти боком. Произошедшее всегда будет преследовать его, даже если телом и разумом он уцелеет, он совсем один, и это убивает меня.

— Если повезет... если выживет, — медленно проговорила сестра, — то можно наложить на него заклинание, чтобы ничего об этом не помнил. Здоровье можно укрепить тренировками, разум — медитациями и обучением, а если отвести к магическому источнику и напитать его душу, следуя схеме, которую составил Цертер — это укрепит его магические силы. Возможно, все еще обойдется и твой мальчишка будет в порядке. — Сестра ласково погладила Ороро по коротким волосам. — А теперь уведи его. Нельзя человеку слишком долго находиться в Нижнем мире, а он и без того натерпелся.

Ороро крепко обнял сестру на прощание, взял усталого Бронна на руки и распахнул Дверь в гостиницу, где они остановились.

***

Лок узнал о захвате Восточного Побережья, едва вернулся в Срединный мир: первым делом он как всегда зашел в таверну “У Бакки” в Шинранте, столице Востока, и там, за кружечкой превосходного яблочного сидра, услышал последние новости.

Конечно, сплетники любили все преувеличивать, но в этот раз даже они хватили лишку — посадить головы предателей на пики да выставить всем на обозрение? Это было уж слишком.

И разве юный Гейл не обещал своей сестре пощадить лорда Жатриена?

Из Шинранты Лок перенесся в Ренджендар, где у выхода из Двери его встретила взволнованная юная Лоис.

— Учитель! Ну наконец-то!

Она крепко его обняла. Лок терпеливо снес проявления ее теплых чувств, хотя сейчас было совершенно не до этого, да и неприлично на публике.

— Ты столько всего пропустил, — осуждающе сказала Лоис, тем не менее, благосклонно приняв корзиночку с гостинцами из Верхнего мира. — Ты уже слышал, наверное, что Гейл захватил Восточное побережье?

— Довелось, — вежливо кивнул Лок.

Лоис, понизив голос, рассказала ему все то, что он уже знал по слухам. Разве что голова была отрублена лишь у герцога Огуста, а лорд Жатриен — сожжен заживо.

— Этого не может быть, — нахмурившись, сказал он.

— Еще как может, — заверила его Лоис. — Народ так разволновался, чуть в атаку не пошел. Лорда и герцога люди любили, а Гейла не жаловали, теперь молва о нем еще неприятнее, чем прежде. Он как вернулся вчера вечером с побережья, так у себя в апартаментах заперся и лишь поесть спускается. Даже собрание Совета пропустил.

Лок нахмурился. Собрание Малого Совета сейчас шло полным ходом, там наверняка было что обсудить.

Лоис вздохнула, покачала головой.

— Что с ним происходит, ума не приложу. Переживает из-за Жатриена? Но все Стражи, которые сопровождали его, твердят, что тот сопротивлялся и не оставил другого выбора. Принцессе Красте придется с этим смириться. Вик, кстати, тоже заметила, что он странный. Вообще-то именно ей удалось остановить Гейла, когда он, ну, слетел с катушек...

Лок заинтересовано мысленно повторил это выражение. Нужно будет позже расспросить Лоис о нем подробней.

— ... и прикончил лорда Жатриена. Вик рассказала, что огонь Гейла был необычный. Синего цвета.

— Синий огонь? — удивился Лок.

— Ага. Это самое жаркое магическое пламя, как еще там весь замок не порушился.

— Занятно. Лоис, что еще произошло, пока меня не было?

Они дошли до охраны главных ворот Южной Вершины и замолчали. Лишь миновав их, шагая по верхнему двору, Лоис, тревожно оглядевшись, произнесла:

— Учитель, я знаю, что ты неспроста так срочно отправился в Верхний мир. Скажи, мне нужно знать, что произошло, или лучше оставаться в неведении?

— Оставайся в неведении, — не задумываясь, ответил Лок.

Во что бы юный Гейл ни ввязался, впутывать в это Лоис могло быть опасно для нее.

Лоис кивнула.

Она всегда была умной человеческой девушкой, и Лок в очередной раз с одобрением подумал, что не ошибся с выбором ученицы.

— Ты ведь знаешь, что всегда можешь рассчитывать на меня? — уточнила она, пристально глядя в глаза.

— Я знаю. — Лок мягко улыбнулся и взял ее руку в свои. — Я доверяю тебе, милая Лоис.

Лоис снова кивнула и рассказала, что на следующий день после того, как Лок отправился в Верхний мир, Гейл вел себя весьма странно. Позже, поспрашивав личных Стражей короля о его самочувствии, Лоис узнала, что те встретили его днем в коридорах в весьма потерянном и потрепанном виде, в одежде явно с чужих плеч, хотя он должен был все утро находиться в своей комнате.

— Мне показалось это странным, — зябко поведя плечами, сказала она. — Да еще и отъезд твой внезапный... Он связан с Гейлом, не так ли?

Лок осторожно кивнул.

— Я разберусь с этим, — пообещал он.

Лоис улыбнулась краешком губ, но глаза ее были серьезны и немного печальны.

— Сегодня после ужина, — запинаясь, начала она, — я хотела бы встретиться с тобой, с Вик, с Джулом, и, надеюсь, Гейл тоже придет. Было бы неплохо посидеть всем вместе. В последние дни столько всего случилось, что нам уж точно не помешало бы встретиться и поговорить.

Лок согласно кивнул, хотя и сомневался, что Гейл будет рад компании юного Джула.

Прежде чем отправиться своей дорогой, Лоис словно бы невзначай поинтересовалась:

— Как прошла встреча с сестрами?

Лок фыркнул.

— Эйласенда негодовала из-за библиотеки Времен и что не предупредил о приезде. Перед моим отъездом мы как обычно рассорились, но, кажется, я уже привык к этому, потому не расстроен так сильно, как бывало прежде. К сожалению, я не застал Софиэлу — она проходит обучение в залах Симфонии Жестов, а оттуда нельзя отлучаться до конца срока. Она решила обучаться в Срединном мире и теперь проходит все нужные для этого курсы. Это стало причиной новых раздоров между мной и Эйласендой. Она считает, я дурно влияю на нашу младшую сестру.

Лоис хихикнула.

— С нетерпением жду встречи с Софиэлой.

— Она тоже, — улыбнулся Лок.

Он часто рассказывал сестрам о Лоис, и Софиэла горела желанием поскорее с ней познакомиться.

После разговора с юной Лоис на душе как обычно потеплело, и Лок уверенно поспешил в апартаменты Гейла.

***

Гейл обнаружился в своем рабочем кабинете. Там царил прежний беспорядок, хотя война с Восточным Побережьем уже закончилась и не было больше необходимости в картах и новых стратегиях обхода стены элементалей. Приглядевшись, Лок понял, что причиной беспорядка служили многочисленные книги из библиотеки, рисунки древних символов. Стоя на четвереньках на полу, сильнейший маг страны, один из четырех Хранителей Вершин, высунув кончик языка, старательно срисовывал с книги сложную схему на разложенном перед собой большом листе бумаги.

— Долго же ты, — произнес он, не отрывая взгляд от своего занятия.

Его левое предплечье скрывала повязка.

— Меня не хотели отпускать, пока не выяснят причину пожара в библиотеке, — ответил Лок. — Всплеск твоей силы был столь огромен, что навел стражей на множество вопросов. Сестра поручилась за мою невиновность, лишь потому я здесь. Чем занимаешься?

— Изучаю магию.

Гейл, наконец, посмотрел на него и улыбнулся.

Он осунулся, побледнел и выглядел так, будто не мог решить сложный вопрос.

Лок осторожно приблизился к нему.

— Ты обещал рассказать, что с тобой случилось, после того, как ты исчез из библиотеки, — напомнил он. — Как ты вообще сумел сотворить то волшебство? Я в жизни ничего подобного не видел и не читал.

— Я сам не ожидал такого. — Гейл поднялся с пола, кряхтя и растирая ноги. Подошел к столу, достал вино. — Будешь?

— Немного.

Они выпили за успешное возвращение Восточного побережья, а потом Гейл рассказал, что его перенесло назад в первую башню.

— Я хотел вернуться за тобой, но сообразил, что, должно быть, навел там шуму, а значит, мое появление лишь ухудшит ситуацию. Вместо этого я решил попробовать создать еще Двери, но уже целился в Восточное Побережье. Я открыл Дверь уже в самом замке Идры, и поначалу ужасно перепугался. Вернуться обратно не получалось, я уже думал, как бы проскользнуть мимо охраны Постоянной Двери, но после того, как отдохнул и успокоился, смог снова открыть Дверь и перенесся домой, в Южную Вершину. Видел бы ты лица моей охраны. — Гейл рассмеялся. — Признаться, я был так потрясен ночными путешествиями, что, должно быть, выглядел как призрак.

— Но прежде ты говорил, что Дверь в главной башне открывается лишь в другие Вершины, — удивленно возразил Лок.

— Да, э, тогда я не знал, что смогу открыть Двери и в другие места, но после — понял, как это сделать. Наш путь в библиотеку Времен был не напрасен, если бы не это, я бы в жизни не понял, что нужно сделать. — Гейл смущенно почесал затылок и немного покраснел.

Разум Лока пребывал в смятении. Еще месяц назад он поверил бы всему, что Гейл тут наплел, но сейчас замечал, каким старательным был его смех, как он искусно имитировал улыбку.

Гейл что-то тщательно скрывал, но пока он не заперся в своих мыслях и говорил, оставалась надежда вытянуть из него правду.

— Юный Гейл, ты весьма талантливый маг, раз сумел в столь кратчайшие сроки овладеть новыми способностями. Мне не терпится увидеть их в действии, как и, — Лок обвел выразительным взглядом окружающие их книги, — другие твои новые приемы.

— О, нет, Лок, что ты! — Гейл снова рассмеялся. — Это я так... хотел забить чем-нибудь голову. Зря я все-таки убил Жатриена. Краста снова заперлась в своих комнатах, и мне так перед ней совестно.

— Но что насчет Дверей в главной башне? — не сдавался Лок. — Хотя бы это ты можешь мне показать? После всего, через что мне пришлось пройти, думаю, я заслужил твое доверие.

— К... конечно, — с улыбкой тонким от напряжения голосом сказал Гейл. — Давай позже, ладно? Я очень устал, мне бы передохнуть несколько дней, сообразить, как быть дальше.

— Разумеется. — Лок вежливо склонил голову. Дурные предчувствия овладевали им все больше. — Что с твоей рукой?

— Это? А, это той ночью, когда открыл Дверь в побережье. В переулке меня хотели ограбить, я чудом унес ноги и не раскрылся.

— Покажешь? Посмотри, серьезно ли.

— Не стоит. — Гейл широко улыбнулся, прижимая руку к груди. — Это пустяк, ерунда. Знаешь, я тут подумал о вашей с Вик затее. Насчет низших тварей. Отличный способ отвлечь народ от казни Огуста и Жатриена, да и пользу принесет.

— Низшие твари? — повторил Лок, немного сбитый с толку от столь стремительной смены темы.

— Да.

— Гейл, — Лок пристально взглянул на него, — у тебя все в порядке?

Гейл молчал под его испытующим взглядом. Казалось, он был готов вот-вот заговорить, но сказал лишь:

— Конечно. У меня все под контролем. Так что думаешь насчет низших тварей?

Решив вернуться к странному поведению Гейла позже, Лок призадумался.

— Совету было недостаточно доказательств, которые я предъявил в тот день. Сейчас, разумеется, ты меня поддержишь, но члены Совета могут снова воспротивиться.

— Есть у меня одна забавная идея, — Гейл коротко усмехнулся, — которая заставит эти старые задницы немедленно пересмотреть свои приоритеты.

— Что ты задумал?

— Увидишь. — Гейл загадочно улыбнулся.

Он осушил уже третий кубок вина. Его нога нервно подергивалась, ногти на руках были обкусаны.

Лок нахмурился, еще раз обвел взглядом комнату, остановился на листе, над которым Гейл корпел перед его приходом.

— Гейл, ты же знаешь, что всегда можешь ко мне обратиться, — мягко сказал Лок. — Вижу, тебя что-то гложет.

— Вообще-то... — замешкался Гейл. — Лок, скажи, клятвы на крови ведь нельзя нарушить?

— Можно. Но нарушивший клятву обрекает себя на проклятие или смерть, это зависит от условий клятвы.

— Хорошо, — медленно проговорил Гейл. — Но что насчет, к примеру, клятвы хозяина и слуги? Слуга может разорвать клятву без согласия хозяина?

— Он будет проклят. В зависимости от степени клятвы будет тяжесть проклятия, — ответил Лок, внимательно разглядывая Гейла. — Степень клятвы определяется условиями, которые были озвучены на момент заключения клятвы. К примеру, слуга клянется в верности и послушании хозяину, а хозяин клянется защищать его по закону и справедливости. То есть если слуга украдет что-нибудь, и его захотят вздернуть, следуя законам той страны, то хозяин не нарушит свою часть клятвы, если не станет его защищать: он поклялся защищать его по закону, а слуга нарушил законы, и в этом он сам несет за себя ответственность. Существует множество нюансов, Гейл, которые нужно тщательно соблюдать, потому что тексты клятв обычно зачитывают и проводят целый торжественный ритуал. Это очень важный и ответственный момент.

— А что если не было никаких условий клятвы? Что если некто просто привязал к себе клятвой слугу?

Лок невольно бросил взгляд на его левую руку.

С чего это юный Гейл задается столь странными вопросами? Уж не заключил ли он с кем-то клятву?

Уж не солгал ли о том, где блуждал той ночью? Что с ним случилось?

Ох, будь юная Вик здесь, смогла бы выбить из него правду, причем буквально.

Нужно рассказать ей обо всем, решил Лок. Если кто и способен повлиять на юного Гейла, так это она.

Сейчас же следует быть осторожным и внимательным и помочь Гейлу своими знаниями.

Лок, помедлив, ответил:

— Тот, кто привязал к себе другого клятвой слуги против его воли, поступил очень... нехорошо. Клятва без условий подавляет слугу, отнимает его волю. Слуга становится безвольной куклой, запасом энергии: в случае нужды клятва будет вытягивать из него силы и передавать хозяину, а также отражать на нем разрушительные воздействия, что были оказаны на хозяина. Чем больше разница сил между хозяином и слугой, тем разрушительней влияние клятвы.

— Вот как, — отозвался сильно побледневший Гейл. — Почему же об этом не написано в книгах?

— После победы над тэйверами в начале новой эпохи было внесено множество изменений в законах. Многие клятвы на крови запретили использовать, в том числе клятву хозяина и слуги — это противоречит принятому закону о всеобщем равенстве. Разумеется, всегда есть исключения, но опять же все зависит от условий клятвы и письменных заверений в правомерности ее использования.

— Условия клятвы, — медленно повторил Гейл и когда взглянул на Лока, выглядел значительно успокоившимся. — Спасибо, Лок. Я обо всем тебе расскажу и покажу, обещаю, но позже, ладно?

Лок с сомнением кивнул и встал, собираясь уйти.

— Юный Гейл, — решившись, обратился он, — помни, что у тебя есть друзья, которые беспокоятся о тебе. Если тебе нужна помощь...

— Я могу обратиться к тебе, — с улыбкой закончил Гейл. И, кажется, на этот раз он не фальшивил. — Знаю. Потому-то я и искал тебя той ночью. Но есть вещи, через которые я должен пройти сам, понимаешь?

Он принял решение и больше не колебался, вновь был уверен в себе, и Локу стало немного спокойней.

— Конечно. Кстати, юный Гейл, не хочешь ли составить нам с Лоис компанию сегодня после ужина? Возможно, придут и юная Вик с Джулом.

Гейл отрицательно с сожалением покачал головой.

— Любым другим вечером — с большим удовольствием, но сегодня я намерен побыть один и серьезно обо всем подумать. Передавай им мои наилучшие пожелания.

Лок кивнул и ушел.

В течение дня он снова и снова возвращался к этому странному разговору. Следовало записать в дневнике некоторые моменты, возможно, они пригодятся, когда он расскажет обо всем юной Вик.

***

Орохин явился в его кабинете в полночь, как и договорились, с мальчишкой на руках. Все уже было приготовлено, и лист с условиями клятвы лежал на столе. Гейл постарался прибраться до их прихода, и теперь комната выглядела непривычно пустой.

Безразличный и отстраненный мальчик заметно похудел и выглядел совсем больным. Его глазенки широко распахнулись, когда он увидел Гейла. Он медленно отвернул голову и прижался к Орохину, вцепился в его рубашку на груди. Орохин, принявший человеческий облик, едва сдерживался. Он крепко поджимал губы, хотя явно хотел много всего сказать. Он тоже выглядел осунувшимся, под глазами пролегли тени.

— Что ж, сначала я заключу клятву с тобой, — неловко откашлявшись, проговорил Гейл, — потом сниму с мальчика.

Орохин лишь кивнул, осторожно опустил мальчика на кресло и, не дожидаясь приглашения, встал в заранее начерченный на полу двойной круг. Он не сводил с мальчика глаз и, лишь когда Гейл встал напротив и обнажил левое предплечье, перевел непроницаемый взгляд на него.

— Читай мои условия, — велел Гейл, протягивая ему бумагу.

— Как много, — усмехнулся Орохин. — Что же ты даже не собираешься защищать мою жизнь в случае опасности?

Гейл смолчал.

В любом случае это существо слишком опасно. Следует уничтожить его, когда его услуги больше не понадобятся.

Они заключили клятву, и вторая метка обожгла руку Гейла. Орохин отшатнулся прочь из круга и тут же подошел к мальчику. Подвел его к кругу. Мальчик распахнул огромные, полные ужаса и слез глаза и вцепился в его руку. Он безуспешно открывал рот, но ни звука не смог выдать, лишь часто громко дышал да беспомощно смотрел, не мигая, на Орохина. И ужасающий монстр, страшный урод-полукровка, притворяющийся добрым человеческим дядюшкой, присел рядом на корточки и взял его лицо в ладони.

— Скоро все закончится, Брон. Ты должен меня слушаться, хорошо? Подойди к тому дяде, он уберет эту... штуку с твоей руки. — Орохин успокаивающе коснулся его предплечья. — И мы сразу же уйдем. Ты никогда его больше не увидишь, он никогда больше не причинит тебе боли, обещаю.

Было бы проще и быстрее просто велеть ему подойти, но Гейл знал, что это было плохой идеей — Орохин хоть и напустил на себя хладнокровный вид, в действительности был взвинчен до предела.

— Я буду рядом, да? — продолжал Орохин, осторожно разматывая его повязку на руке.

Мальчик болезненно зажмурился, задержав дыхание. Открыв глаза и сглотнув, он кивнул и медленно подошел к Гейлу, которому пришлось опуститься на колени, чтоб быть с ним вровень.

— Давай руку, — велел он, краешком глаза наблюдая за Орохином, оставшимся за внешним кругом.

Мальчик послушно протянул левую ручонку, пристально разглядывая его. Гейл медленно взял ее в свою. Мальчик чуть поморщился, но не проронил ни звука. Его предплечье сильно опухло, побагровело, будто от ожога. Метка почернела, словно обуглилась, и словно бы ушла вглубь. Гейл ощутил, как кровь отливает от лица.

— Что... что с его рукой?

— Это ты мне скажи, — резко бросил Орохин. — Сними, наконец, эту шмакову клятву!

Гейл кивнул.

Неужели это случилось, когда он убивал Жатриена? Что еще могло произойти, если бы Вик не остановила его?

Ох, не следовало так долго тянуть, надо было сразу же, нет, при следующей же с Орохином встрече снять с мальчика клятву. Только бы не успело стать еще хуже. Мальчик с первого появления здесь даже не пикнул, неужели Гейл невольно заставил его онеметь? Что если он случайно об этом подумал или это ему приснилось, или это случилось в тот момент, когда он угрожал Орохину? Но мальчик вроде все видел и свободно двигался, может, он от испуга молчит?

Терзаемый предположениями, Гейл накрыл ладонью мальчика метку его имени на своей руке, сам осторожно накрыл пальцами метку своего имени на его руке.

— Стой смирно, — на всякий случай сказал он. Приказал.

Он обессиленно прикрыл глаза и сосредоточился.

— Я, хозяин Бронна, отменяю клятву между нами, — сказал он и направил магию в метку своего имени, мысленно приказывая Бронну сделать то же самое.

В тот момент, когда заключал с ним клятву, Гейл даже не подумал спросить — а был ли мальчик магом? Он знал, что клятвы между магами заключаются на левой руке, и что если заключать клятву с пустым, то руку его должно использовать правую.

Сквозь золотистое свечение перед приоткрытыми глазами Гейл смотрел на их руки, окутанные теплом, и чувствовал слабое жжение. Медленно перевел взгляд на мальчика, который стоял, словно оцепенев, а потом немного качнулся, вздрогнул. Золотое свечение, охватившее их руки, померкло. Мальчик удивленно посмотрел на Гейла. Помедлив, Гейл удобней накрыл его предплечье ладонями и сосредоточился. Вновь появилось золотое свечение, которое Орохин грубо оборвал:

— Ты что творишь?!

— Хочу исцелить его раны.

Он многое хотел бы, например, сказать, что не знал, что не желал такого, что раскаивается, что сделал бы все, что только можно, если бы это помогло хоть немного — но в этом не было смысла. Орохин не станет слушать. Не захочет. Не сможет.

Потому что, Гейл знал, что и он не захотел бы и не смог, если бы кто-нибудь причинил Вик столько боли, сколько он причинил мальчику.

Все, что он мог... Нет, даже этого он не мог.

— Идиот! Разве ты не знаешь, чем это грозит?!

— От одного раза ничего не будет, — заметил Гейл. — К тому же мой отец был из рода Золотых, когда я использую магию исцеления, она сияет как золото, а значит, от нее не будет тех побочных действий, как от обычного исцеления.

Но Орохин уже оттащил от него мальчика и взял его на руки.

— Ты так в этом уверен? — сощурившись, спросил он, смерив Гейла острым взглядом. — Ты потомок Хэйлы, твои глаза, как у тэйверов, на твоём лице проступают их узоры, ты не умеешь обращаться со своей силой, ты... — он шумно вздохнул, прерывая самого себя. Мальчик тем временем обвил его шею ручонками, и Орохин осторожно погладил его взъерошенный затылок и спинку, быстро успокаиваясь. — Просто хватит, ладно? Хватит с него магии. Эта рана теперь не так серьезна и быстро восстановится.

Мальчик чуть отстранился, заглядывая ему в лицо, и повернул предплечье так, чтобы Орохину было видно. Орохин кивнул и улыбнулся ему.

— Хорошо, хорошо, — с облегчением пробормотал он. — Этой штуки больше нет, ты молодчина, Бронн. Сейчас мы пойдем домой, да?

— Орохин, — неловко позвал Гейл. — Для тебя есть работа.

— Дай мне хоть перевести дух и отвести Бронна домой, — устало перебил его Орохин. Измученным взглядом посмотрел на Гейла. — Ты хоть знаешь, как тяжело открывать Двери и переходить через них по несколько раз в день? Я не помню, когда спал в последний раз, да и о Броне нужно позаботиться. Он, — голос Орохина дрогнул, — уже несколько дней не разговаривает. Ты ведь не сделал с ним ничего?

— Конечно нет, — пробормотал Гейл. — Я не стал бы, я... Понимаю, что это ничего для тебя не значит, но мне жаль, — все же попытался он. — Правда.

Орохин лишь плотнее поджал губы.

Да, это ничего не значило, верно, с упавшим сердцем подумал Гейл. Но все же...

— Приходи завтра в полдень, — решил он. — И приведи с собой какую-нибудь низшую тварь.

— Низшую тварь? — непонимающе переспросил Орохин. — Зачем она тебе?

— Это уже мои заботы.

Впрочем...

Гейл пристально взглянул на полукровку.

Известно ли ему что-нибудь о причине, по которой твари все больше появлялись в Срединном мире? Быть может, Вик права в своих суждениях, и тэйверы собирались выбраться из Нижнего мира?

Орохин тем временем согласно кивнул и вопросительно посмотрел на Гейла.

— Мы можем идти?

Мальчик в его руках сжался в комок, будто замерз.

— Конечно, — отозвался Гейл.

Вопросы можно и завтра задать, и неплохо бы написать список, подготовиться, подумать хорошенько, есть ли еще дело, требующее помощи полукровки.

Орохин еще раз кивнул, достал рог рамшока и вспорол в воздухе Дверь. Она исчезла, едва он шагнул в нее вместе с мальчиком, и Гейл, наконец, сумел выдохнуть и расслабить напряженные до предела плечи. Он ошеломленно посмотрел на свою левую руку. Остался еще едва видный след от стертой метки мальчика и немного пульсировала-болела новая — метка имени полукровки.

клятва хоги Гейла и Орохина

Условия клятвы хозяина и слуги между мной и полукровкой.

Орохин клянется:

1 не пытаться меня убить или отомстить

2 выполнять все мои приказы

3 являться по первому зову

Я клянусь: освободить мальчика, как только заключу клятву с Орохином

Обнаженный Ороро лежал в центре светящегося багровым сиянием двенадцатиарочного круга, который заканчивал чертить красным мелом Рокус. Цертер выводил красными чернилами на коже Ороро заклинание на языке богов, то и дело сверяясь с книгой. Уруха подошла поближе и заглянула в книгу через его плечо. Одобрительно кивнула, встретившись с его серьезным взглядом, и Цертер коротко и ободряюще ей улыбнулся. В отличие от Ороро она состояла в ааро-даруле Вортара и дружила с ним и его друзьями, а те относились к ней с теплом, невзирая на то, что она была сестрой полукровки.

За прошедшие сто лет Вортару удалось объединить тэйверов под своим крылом и не только здесь, в Джанран-даре, но и в соседних городах, дороги между которыми укрепили и защищали от тварей оборонными сооружениями да взрывчатым полем.

Вортар прошел испытание королей, доказав тэйверам свою силу. Никто уже не называл его глупым юнцом и не оспаривал принятые решения — многие считали его избранным, что спасет их. Уруха согласилась вступить в его команду из шести тэйверов не только для того, чтобы иметь на них влияние (что могло здорово помочь, если Ороро снова сойдет с ума из-за Голода), но и потому, что тоже верила в Вортара, в его план по освобождению от проклятия и справедливой мести жителям Срединного и Верхнего мира.

Хоть бы и Ороро перестал уже противиться этому. Уруха знала, что дело пошло бы куда быстрее, если бы он всецело занимался только им, но у строптивного братишки было свое мнение на этот счет. Он был их единственным шансом, потому ему многое прощалось, и даже сейчас Вортар без промедления согласился помочь.

Серебристые волосы Цертера красиво отсвечивали в полумраке мраморного зала в доме Вортара, который использовался для сотворения новых заклинаний, и не было возможности лучше проверить их успехи, чем сейчас, хотя будь на то воля Урухи, лучше бы проверяли их не на Ороро.

— Поверить не могу, что ты попал в услужении человека, — усмехнулся Вортар.

Он сидел на корточках у головы Ороро и с любопытством заглядывал ему в глаза.

— На чем же он тебя подловил?

Глупый братишка, как и боялась Уруха, все же заключил клятву слуги в обмен на человеческого мальчишку. Он стал гораздо спокойнее, но вместе с тем — неудержимей, даже в движениях резче, будто освободился от тяжелых кандалов. Таким злым и в то же время контролирующим себя Уруха его прежде не видела. Втайне она почти восхищалась выдержкой того человека, сумевшего шантажировать, а после заковать Ороро в тисках клятвы. Должно быть, он бесконечно отважен.

Ороро явился в Нижний мир несколько часов назад и отправился сразу к Вортару. Урухе не удалось перекинуться с ним словечком наедине, но, судя по всему, с человеческим мальчиком сейчас все было хорошо.

— Это лишь мое дело, и вас оно не касается, — ровным голосом сказал Ороро и покосился на символы, нарисованные на груди. — Это сработает?

Вортар обменялся взглядом с Цертером и с сомнением кивнул.

— Должно сработать. Может, ты объяснишь, почему тебе нужно избавиться от этой клятвы так срочно?

— Это клятва хозяина и слуги, — в глазах Цертера заплясали ехидные насмешинки, —

он слуга человека. Что может быть унижительней?

— Хм, неплохая, кстати, мысль, — пробормотал Вортар.

— Мы уже обсуждали это, Вортар, — заметила Уруха. — Клятву подпитывает сила магов, в опасной ситуации даже подобная мелочь может оказаться решающей. Если Орохин погибнет, мы лишимся шанса выбраться из Нижнего мира. Мы должны обеспечить ему максимальную поддержку, а не ограничивать.

— И все же я советовал бы обождать, — закончив, сказал Цертер, глядя на Ороро спокойными глазами. — Мы не уверены в этой формуле, и ты все еще не вернул ту низшую тварь, которую должен был поместить в двенадцатиарочный круг в Срединном мире.

Ороро досадливо поморщился: видимо, он про эту тварь совсем забыл, так что если не Первое проклятие убило ее, так она уж точно сдохла от голода. Ороро, беспокойно шевельнув крыльями и хвостом, посмотрел на Уруху, и та кивнула ему и улыбнулась.

Вся ее жизнь с тех пор, как Ороро нашел путь в Нижний мир и воссоединился с тэйверами, напоминала хождение по канату над пропастью. Ороро боялись и ненавидели из-за его смешанной крови — наполовину тэйвер, наполовину уркас — и непомерной силы. Внешне он походил на тэйвера, но вместо ногтей были когти, да рот наполнился острыми клыками. Потеряв контроль, Ороро превращался в неуязвимое, падкое на кровь и мясо чудовище. Уруха знала, что если бы не она, Ороро давно сбежал бы в Срединный мир и жил в спокойствии под оборотом человека вместе с теми людьми, потомками его названного отца. Он уже не раз высказывался против идеи Вортара снять Первую клятву, но продолжал послушно работать над этим — из-за Урухи, и как бы больно то ни было, та продолжала играть свою роль — ради своего народа. Они должны выбраться из клетки Нижнего мира, полной опасных тварей, должны восстановить справедливость и отомстить.

— Цертер прав, — сказал Вортар. — Обожди хотя бы день-два, риск слишком велик.

— Он может убить меня при следующей же встрече, как только я сделаю то, что он хочет, — повысив голос, перебил Ороро. Шевельнул крыльями, распятыми внутри круга. — Я вижу это по его трусливым глазам. Если он убьет меня, вам ни за что не снять Первую клятву, вы так и останетесь гнить в Нижнем мире, вы этого хотите?

— Орохин... — начал было Вортар, но Ороро яростно перебил:

— Я из шкуры вон лезу, чтобы все сделать! Рискую жизнью каждый день вот уже сто лет ради твоего идиотского плана! Что, не можешь разок просто помочь мне?

Вортар поджал губы. Медленно встал и пристально уставился на него.

— Если расскажешь все без утайки, вместе мы сможем придумать лучший план. Что тебя гложет? Почему ты заключил с человеком клятву? Он отобрал у тебя что-то ценное?

— Не твое дело, — процедил Ороро.

Он ощерился, и Уруха напряглась, заметив, как увеличились его клыки и перестали помещаться во рту, как удлинились когти, как светло-серая кожа начала чернеть.

Да, тот отважный человек, несомненно, вдобавок ко всему был редкостным глупцом.

Вортар стиснул плечо замершего Цертера, и Цертер, моргнув, поспешно встал с колен и вышел за пределы двенадцатиарочного круга.

— Я и Рокус встанем у третьей и шестой арки, — сказал он. — Уруха и Вортар — у девятой и двенадцатой.

— Нас всего четверо, этого достаточно? — вполголоса спросил Рокус.

Цертер медленно покачал головой.

— Дождаться бы Вертера и Рогуро с их вылазки...

— Да вот только Его Величество не желает ждать ни единой лишней минуты, — с усмешкой закончил Вортар.

Ороро ослабился, услышав, но смолчал, лишь хвост в нетерпении заходил из стороны в сторону. Уруха переглянулась с остальными, Вортар ободряюще всем кивнул, и Цертер начал читать заклинание.

Боль, пронзившую Ороро, Уруха, казалось, испытывала на себе, и, бросив взгляд на остальных, заметила и их боль от неведомого прежде заклинания, проникающего за пределы восприятия органов чувств. Сильная, но терпимая. Ороро лежал неподвижно, стискивая клыки и жмурясь. Символы, нарисованные на его теле, медленно сдвигались, сияя все ярче с каждым словом заклинания, которое произносил Цертер, и постепенно исчезали, будто просочившись под кожу Ороро, и вскоре появились на его предплечье: уменьшенной копией образовали круг на имени хозяина, прорисовались обручем выше, обвились тонкой черной вязью вокруг его предплечья, локтя, плеча.

Едва пробилась последняя ниточка символов, как охватившее всех багровое сияние потускнело, и с последним словом заклинания в зале воцарились тишина. Ее нарушало лишь тяжелое дыхание Ороро. Уруха медленно выдохнула, лишь теперь чувствуя изнеможение.

— Это пробное заклинание, — сказал Цертер, медленно садясь прямо на пол, где стоял. — Будем надеяться, что сработает.

— Скоро... узнаем... — на выдохе пробормотал Ороро и затрясся, издавая странные булькающие звуки.

Уруха и Вортар встревожено переглянулись, но то оказался лишь смех. Смех нарастал, становился все более безумным.

Рокус хмыкнул, закатил глаза, толкнул Вортара в плечо.

— Просто помни, что он полукровка. Он уже поборол Первое проклятие, так что, думаю, и с клятвой хозяина и слуги справится. Скорее всего, в защитном барьере не было смысла, он и без этого выжил бы, как и всегда.

Ороро между тем прикрыл глаза, лицо предплечьем и пытался справиться со смехом, и в этот момент Урухе вдруг подумалось — а смех ли то был?

***

Ороро послушно лежал (а может просто обессилел и не мог шевельнуться), пока друзья убирались в мраморном зале и стирали двенадцатиарочный круг. Вооруженный письменными принадлежностями Цертер устроился подле него и задавал вопросы о самочувствии. Позже на очередном собрании, когда вернутся остальные, они все вместе обсудят произошедшее и продолжат работу над барьером, который мог бы преодолеть Первое Проклятие хотя бы на время.

Барьер против проклятий был идеей Цертера, и бились над ним уже больше полувека. Перепробовав всевозможные вариации с кругами и квадратами, Цертер решил на создание новых магических схем, взяв за основу классический круг. Первым он создал четырехарочный круг, последним — шестнадцатиарочный, работа над которым все еще не завершилась. На нетерпеливом Ороро было решено использовать схему двенадцатиарочного, как самого действенного, и все же в успехе никто не был уверен, и сердце Урухи сжималось в тревоге.

Вскоре Ороро вздрогнул, съезжился. Осторожно сел, наблюдая за меткой имени хозяина

на левом предплечье. Она вспыхнула алым огнем.

— Жжет, — сказал Ороро в ответ на безмолвный вопрос Цертера. — Он призывает меня. В условиях было упомянуто, что я должен являться по первому же зову.

Цертер кивнул и спросил:

— Каким по счету было это условие?

— Третьим. Рука перестала болеть, — с удивлением в голосе сказал Ороро и недоверчиво посмотрел на них. — Работает.

— Разумеется, — хмыкнул Рокус.

— Отлично, — удовлетворенно кивнул Цертер. — Третье условие барьер сдерживает. Тебе просто следует избегать этого человека, и он не сможет приказать тебе что-то напрямую — второе условие. Через несколько лет он помрет от старости или болезни, а может его убьют в бою, и ты освободишься от клятвы. Надеюсь, ты не задумал отомстить ему за унижение? — вдруг подозрительно спросил он.

Ороро неожиданно с уважением взглянул на него.

— Ты не представляешь, как сильно мне этого хочется.

— Помни, что все зависит от тебя, твоих намерений. Вряд ли барьер выдержит, если ты попытаешься нарушить первое условие вашей клятвы, — заметил Цертер. — Чем бы он тебе ни нагадил, это уже в прошлом. Тебе следует сосредоточиться на настоящем и будущем.

Ороро хмыкнул, но смолчал.

— Цертер, как всегда, изрекает мудрые слова, — со смехом сказал Вортар. — Тебе следует прислушаться к нему.

— Может, тогда и тебе следует прислушаться к словам своего драгоценного друга? — еле сдерживая ярость, процедил Ороро. — Зачем же ты так рвешься разрушить Первую клятву и напустить тварей на Срединный мир? Разве одного освобождения от Первого проклятия не будет достаточно?

— Они оклеветали наш народ, — понизив голос, сказал Вортар. — Они прокляли всех нас, и единственное место, где мы могли выжить — Нижний мир. Этот издевательский плевок невозможно простить. Они там, в Срединном и Верхнем мире, живут в процветании и благоденствии, избавившись сначала от ниргенов, затем от нас! Жалкие людишки, жадные уркасы и высокомерные шэйеры сговорились за нашими спинами! То, что мы делаем, принесет справедливость и мщение погибшим братьям и сестрам! Не только нашим, но и ниргенам! И прекратим об этом, иначе я заподозрю тебя в любви к низшим существам, с которыми ты проводишь слишком много времени в Срединном мире.

Уруха поняла, что затаила дыхание во время его пламенной тирады, и с шумом выдохнула.

Ороро насуплено смотрел на свои руки и молчал.

— Вортар, Рокус, — вполголоса позвал вдруг Цертер. — Уруха... Вы... вы чувствуете?

Он резко задрал рукав на левой руке и уставился на клятву команды.

Уруха в волнении переглянулась с Вортаром и Рокусом.

Во многих местах Нижнего мира не действовали заклинания и магические формулы, потому, отправляясь туда, тэйверы знали, что в час беды не смогут подать сигнал друзьям, чтобы их вытащили. Поразительное чутье Цертера уже не раз спасало команду, вот и сейчас, не тратя времени на объяснение, он быстро достал нож и, надрезав палец, провел им по метке двух имен. В то же мгновение зал озарился фиолетовой вспышкой, и перед Цертером повалился на пол окровавленный Вертер. Вортар и Рокус тут же подхватили его и помогли

встать.

— Где Рогуро? — спросил Вортар. — Что случилось?

— Ловушка, — отрывисто ответил Вертер. — Шэндеры загнали нас в угол.

Уруха быстро оглядела его. Раны были несерьезны — все больше ушибы да царапины. Пока она быстро перевязывала самые крупные, Вертер коротко рассказал, что случилось.

Вортар никогда не упоминал вслух, что был против того, чтобы члены его ааро-дарулы участвовали в вылазках, но это сквозило в его взгляде и движениях каждый раз, когда очередь доходила до них. По негласному решению то один, то другой вызывались добровольцами вместо Цертера — одного из ценнейших тэйверов, редчайшего абсолютного Создателя, способного творить как новые заклинания, так и новые артефакты. Старейшины закрывали на это глаза, понимая его значимость, чего нельзя было сказать о других тэйверах. На этой вылазке должен был участвовать Цертер, но вместо него отправился Рогуро. Выражение лица Цертера было нечитаемым. Он и сам понимал положение дел, но Уруха не представляла, чего ему стоило мириться с этим.

Синюю мержу, необходимую для поддержания взрывчатого поля, добывали в глубоких ущельях, где обитали ползуницы. То была слизь, которую вырабатывали их тела. Засыхая, она сворачивалась в тонкую хрупкую трубочку, но стоило капнуть на нее водой, как она вновь превращалась в слизь. Ею пропитывали красные камни, которых здесь, в Нижнем мире, было предостаточно, и после тщательно маскировали, устраивая ловушку для тварей на взрывчатом поле. Вот за ней-то и отправился отряд с Вертером и Рогуро.

— Отряд Вахруса должен был отвлечь шэндеров, — говорил Вертер. — Мириро ждал нас в условленном месте и сказал, что все в порядке, и мы продолжили идти, но... — Вертер крупно задрожал и резко схватил Вортара за грудки. — Это была ловушка! Мириро был странным, нам следовало это понять! Перевертыш обратился им и повел нас к ловушке! Все его — и облик, и голос, даже в словах не путался! Мы так беспечно обманулись! А после... появились высшие твари... Понимаешь, Вортар?! Они сговорились и обдурили нас! Они работают сообща, как такое возможно?!

— Успокойся, — жестко велел Вортар.

Он никогда ничем особенным не отличался. Его не посещали озарения и вдохновения, как Цертера. Он не умел находить информацию, как Рокус. В отличие от Вертера не разбирался в механизмах, коими в последнее десятилетие снабжал их Ороро. Он не был так силен в ловок в сражениях, как Рогуро. В медицине его соображений хватало лишь на то, чтобы перевязать раны. Но он был тем, кто всегда знал, что делать, и быстро составлял планы, порой безумные.

— Где вы находились, когда Цертер призвал тебя? — спросил Вортар.

— За грядой островетвия, — сглотнув, ответил Вертер.

— Как думаешь, остальные смогут продержаться, пока мы не придем?

Вертер отрицательно покачал головой.

— Слишком много времени уйдет на дорогу и на то, чтобы созвать воинов. Сейчас ночь, все защищают город, кстати, почему вы все здесь? — недоуменно спросил он, огляделся и только теперь заметил Ороро. Лицо его закаменело, потемнело от гнева: полукровка явился свидетелем его маленькой истерики, потери контроля над собой. Ороро тем временем, не обращая ни на кого внимания, одевался в оставленную на кресле одежду.

— Все потом, — проговорил Вортар и тоже обернулся к Ороро. — Мы можем успеть их спасти, если будем действовать быстро. Орехин откроет Дверь в нужное место, мы все

перенесемся туда и поможем нашим товарищам пройти через Дверь домой.

Вертер недоверчиво хохотнул. Цертер поспешил к оставленному на специальной стойке оружию. Вортар, Рокус и Уруха — следом. Они всегда носили с собой оружие, и сейчас лишь перепоясались снятыми на время мечами, копьями, сумами с зельями, метательным оружием.

— Вертер, останешься здесь, — распорядился Вортар и тут же предупредил готовое сорваться возмущение: — Ты ранен и будешь лишь мешать. Мы с Рокусом отвлечем шэндеров, Цертер, Уруха и Орохин — в бой вступать лишь для защиты, магию использовать лишь в крайнем случае, иначе шэндеры переключатся на вас. Ваша задача — открыть Дверь и помочь тэйверам перебраться в город. Если что-то пойдет не так, и ваши жизни будут на волоске, немедленно уходите. От вас зависит будущее нашего народа, надеюсь, вы это осознаете.

Он раздраженно накрепко перевязал длинные волосы, заплетенные во множество тонких косичек. Он разрешал Цертеру и Урухе сражаться, лишь когда сам или другие из ааро-дарулу были рядом и могли их прикрыть, но во время тренировок гонял их больше всех.

Ороро достал рог рамшока.

— Куда именно открыть Дверь?

— За грядой островетвия, ближе к водопаду Аэли, — ответил Вертер, — рядом со скалами-трезубцами.

Ороро закатил глаза.

— Я там прежде не был, нельзя ли подробней?

— Подойди, — с трудом сдерживаясь, велел Вертер.

С того самого дня, более века назад, когда Ороро попал в Нижний мир и нашел Уруху, Вортар поручился за него и немедленно приступил к невероятному на тот момент плану по снятию Первой клятвы. Расписание дня Ороро было забито под завязку: медитации, тренировки для укрепления тела, боевые тренировки, обучение заклинаниям и магическим формулам. Ороро, не жалея себя, выкладывался полностью на каждом занятии. Уруха знала, как ему не терпится поскорее вернуться в Срединный мир и найти своего названного отца, попавшего в беду. Спустя три года Вортар представил им невысокого бескрылого тэйвера по имени Зедоро, обладавшего врожденным даром исчезать и тут же появляться в другой точке пространства. Цертер же составил магическую формулу, благодаря которой разумы Зедоро и Ороро могли скоординироваться. Тренировки их со стороны выглядели несколько необычно: довольно большую площадь, охватывающую старые дома на окраине города, заключали в магический барьер, в центре него устраивался Цертер — проводник координации, связанный магической формулой и с Зедоро и с Ороро. Зедоро, взяв Ороро за руку, использовал свою магию и перемещался с ним из одного места в другое. Благодаря магии координации Ороро учился понимать механизм способности Зедоро, а после — сам это использовал, владея уже рогом рамшока.

Магическая формула координации здорово изматывала Цертера. Он пытался научить использовать ее других тэйверов, но очень немногие могли достаточно долго удерживать концентрацию на балансе двух разумов. Уруха и сама пробовала, и больше всего это походило на то, как если бы на нее обрушился целый рой диких крикливых птиц.

Ороро рассказывал, что ему нужно знать место, куда нужно открыть Дверь: не просто изображение, звуки, запахи, но и некое глубинное понимание этого места — понимание его в пространстве, которое в тот миг представлялось всем и ничем одновременно.

Вот и сейчас, чтобы показать ему нужную точку, Вертер сотворил заклинание воспоминания. Прижал кулак ко лбу, а когда убрал, между пальцами вспыхнул крохотный огонек. Он протянул руку Ороро и отрывисто прошипел:

— Верни их живыми, понял, уродец?

Ороро коротко кивнул. Их руки коротко соприкоснулись, и Вертер тут же отдернул свою и машинально вытер о грязную одежду. Ороро прикрыл глаза, принимая картину и чувство места, в котором следовало открыть Дверь, и решительно взмахнул рогом.

***

Они перенеслись к месту, окруженному частоколом из острых камней. Невдалеке гудел водопад Аэли, терявшийся в желтой мгле испарений; землю под ногами испещряли огромные трещины, зияли остроугольные черные дыры на скалах; всюду были лужи густой крови. Маленькая красная Зед ярко освещала Нижний мир, мелькали огромные тени, совсем рядом доносились неистовые звуки борьбы, крики, запах крови и вонь вспоротых кишок.

Заметив их появление, несколько тварей набросились на них. Размером они были с грифонов, обитающий в Верхнем мире. Мускулистые, на шести мощных когтистых лапах, с голой синей кожей, покрытой защитными костяными утолщениями на уязвимых местах. На крупной тупорылой голове сверкали две пары крохотных красных глаз, из огромной клыкастой пасти то и дело раздавался истошный свистящий визг.

Уруха и Ороро, поспешно закрывший Дверь, Вортар и Цертер мгновенно отскочили в стороны, Рокус лишь отступил назад. Его руки вспыхнули магическим огнем, заманивая тварей, в то время как остальные атаковали их оружием.

Против большинства тварей магия была бесполезна, более того — притягивала. Тэйверы долго работали над составом сплава для оружия, способного пробить костяные утолщения тварей, и сейчас при должной силе некоторых тварей удавалось прикончить с первого удара — как сейчас.

Вортар быстро переглянулся со всеми, задержал взгляд на Ороро. Тот еще не опомнился и не отдохнул после запечатывания клятвы слуги, и, похоже, рука не переставала его беспокоить.

Вдобавок к своей отваге и глупости тот человек явно был настойчив.

Но некогда было отвлекаться. Уруха удобней перехватила копьё. Ожесточенные тренировки давали плоды, и она невольно восхищалась тем, как легко теперь ей даются боевые приемы, а ведь прежде только и могла, что наряды подбирать, с заклинаниями работать, да после целого дня, проведенного на ногах, в изнеможении опускаться в постель.

Их появление заметили не только твари, но и тэйверы. Воодушевление поднялось в воздухе радостными криками. Загнанные в угол, они воспряли духом и сражались уже куда энергичнее, хотя тварей все равно было слишком много.

— Вперед, — коротко бросил Вортар, резко взмахнув крыльями и устремляясь ввысь. Следом взлетел Рокус.

Уруха знала, что это стоило немалых усилий несмотря на ежедневные тренировки. Даже не верилось, что когда-то они могли делать это с легкостью в благословенных краях Срединного мира.

Вортар и Рокус испускали магический огонь всем телом, языки прохладного пламени тянулись рваным шлейфом по воздуху, и твари, поддавшись инстинкту, клюнули,

устремились за ними.

Уруха и Цертер сражались плечом к плечу с другими воинами, еще стоявшими на ногах, удерживая тварей на расстоянии от Ороро и раненных тэйверов — тот как раз открыл Дверь в город, и тэйверы один за другим поспешили туда. За плечами многих висели сумы с синей мерзой.

Вортар и Рокус кружили в небе, подпускали тварей достаточно близко и тут же взмывали выше, либо ныряли вниз — отвлекали, как только могли, не прекращая испускать магический огонь всем телом.

— Им не выбраться, — заметил Цертер.

— Надо помочь, — решительно сказала Уруха, перехватывая копьё поудобней.

— Сестра, нет, — раздался совсем рядом жесткий голос Ороро. — Забыла, что Вортар сказал?

Уруха опомнилась.

Верно ведь. Если она погибнет, Ороро перестанет подчиняться Вортару, и тогда тэйверы так и останутся доживать свое время в Нижнем мире.

Но если погибнет Вортар, кто поведет их?

Вортар часто говорил, что их всех можно заменить — кроме абсолютного Создателя Цертера, полукровки Орохина и его сестры, единственной причины, ради которой Ороро подчинился. Но он, кажется, забыл, что без его поддержки Ороро казнили бы в тот день, когда он добрался до города, а Цертер и вовсе погиб бы, так и не успев раскрыть свои таланты.

Вортар ошибался. Это он был тем, кого нельзя заменить.

— Вортар может говорить, что угодно, — сказала Уруха, упрямо отвечая на рассерженный взгляд Ороро, — мы их не бросим. Надеюсь, ты поможешь нам?

Глаза Ороро сверкнули от гнева, но он лишь кивнул.

— Подождите, — остановил их Цертер и обратился к Орохину: — Ты мог бы открыть Дверь, достаточно большую, чтобы твари прошли через нее? Если открыть ее в другую часть Нижнего мира или даже в Срединный и заманить их туда...

— ... Первое проклятие убьет их, — закончил за него Ороро. Глаза его все сверкали, но уже от злорадного довольства. Он порывисто крепко сжал плечи Урухи и Цертера. — Оставайтесь здесь, я все сделаю.

— Но... — попыталась возразить Уруха и умолкла.

Тело Ороро, ее любимого братишки, стремительно изменялось. Серая кожа потемнела, почернела, узоры на лице наоборот, посветлели, разрослись, перетекая на шею причудливой вязью; с негромким хрустом надломились и укрепились в суставах кости; он словно бы вырос и стал шире, на распахнувшихся крыльях проросли когти, вылезли клыки, увеличились когти на руках, и он поспешно убрал их с Урухи и Цертера, успев таки царапнуть до крови. В черных глазах сверкали алые всполохи, короткие волосы взмыли вверх от вспыхнувшей мощи его неистовой силы.

— Не мешайте мне! — рыкнул он и одним безумным взмахом выросших крыльев с поразительной легкостью рванул ввысь, увлекая за собой оставшихся на земле тварей. Магический огонь так и лился следом, твари, гонявшиеся за Вортаром и Рокусом, переключились на него.

Ороро не взял с собой оружия. Он сам был оружием: его многочисленные когти с легкостью разрезали прочную кожу тварей, от которой тупились мечи.

Тэйверы замедлились, в страхе глядя на развернувшееся на небе сражение Ороро с тварями. Цертер и Уруха опомнились и, пользуясь временем, которое выиграл для них Ороро, поспешили помочь переводить раненных через Дверь.

Только бы разум совсем его не покинул, и он продолжал держать Дверь столько, сколько нужно, в отчаянии подумала Уруха, то и дело оглядываясь. Цертер же сосредоточился на клятве команды, взывая к Вортару и Рокусу. Те бросились вниз, к Двери, едва лавируя между оживленными тварями. Те неслись мимо них, не замечая, и они лишь успевали уворачиваться, чтобы их не сбили, или не откусили чего по пути. Почти никого из тварей не осталось на земле, и еще больше — темной тучей вдали, со стороны гор, неудержимым гулом — рвануло в сторону вконец обезумевшего Ороро, который летел как всегда неровно из-за дыры в правом крыле.

— Это уж слишком, — тяжело дыша, пробормотал Рокус, едва опустившись на землю. Он был растрепан и измазан кровью. — Впервые вижу его таким взбешенным и пугающим.

В этот момент Ороро издал вопль ярости и боли, похожий на раскат грома, прокатившийся по небу, и, крутанувшись в воздухе, с размаху расчертил рогом рамшока Дверь.

Вортар, не менее грязный и растрепанный, пораженный размерами появившейся Двери, недоверчиво хмыкнул.

— Что же так повлияло на него, что он настолько обозлился? Вряд ли ведь это из-за того, что он испугался, что нас прикончат?

Уруха горестно покачала головой. Вортар не сводил с нее пытливого взгляда, вновь напоминая о том, насколько шаток был ее путь. Он не знал, что Ороро присматривал за потомками названного отца, и если однажды узнает, как они важны, то непременно использует, едва подвернется шанс — точно так же, как использует ее, чтобы контролировать Ороро.

— Если так и дальше пойдет, думаю, однажды он сможет просто прорезать достаточно большую дыру между мирами, чтобы их ничто больше не разделяло, — нервно хохотнув, сказал Рокус.

Ороро стоял рядом с огромной зияющей дырой в пространстве и продолжал пульсировать фиолетовым огнем, разгораясь все ярче и ярче, хотя запас даже его огромной силы должен был уже иссякнуть. Твари лавиной приближались к нему, и самых быстрых, первыми добравшихся, Ороро четко и стремительно бил в уязвимые места. С громким шлепком и страшными воплями падали окровавленные твари на землю, извивались и корчились в смертельных муках.

— Все, уходим, — велел Вортар, убедившись, что все выжившие тэйверы переправились в Джанран-дар.

— Мы что, оставим его вот так? — недоверчиво спросил Цертер.

— Он прекрасно справляется, надо чаще брать его с собой. — Вортар натянуто улыбнулся. — Сейчас до него все равно не докричатся. Успокойся и вернется, верно, Уруха?

Уруха кивнула. Обернувшись в последний раз, она увидела, как Ороро исчез в сиянии огромной Двери, которая затягивалась гораздо медленней, чем обычные.

дневник Цертера: Вортар

Когда Вортар объявил о своем намерении пройти испытание королей, многие восприняли это как несмешную шутку.

Вортар не происходит от королевской семьи: королевский род тэйверов, как и еще два клана, полностью уничтожен, не считая линии полукровки Хейлы, в которой навряд ли осталось уже что-то от тэйверов. Тем не менее амбиций и внутреннего стержня в Вортаре хватит на добрый десяток тэйверов. Он самоуверен и дерзок — что с трудом прощают ему на Советах (но это восхищает и воодушевляет следующих за ним молодых тэйверов), он друг Абсолютного Создателя (что сильно сказано, ибо со мной якшаются исключительно из-за моей пользы) и держит полукровку на коротком поводке (угрожая его сестре). Вортар — не свят и не чист в выборе инструментов, к коим прибегает для достижения своей цели, но цель эта благородна. Он намерен вытащить тэйверов из Нижнего мира, даже если сам будет трижды проклят, и мы — его ааро-дарула, шесть братьев и сестер, решили, что пойдём за ним даже на смерть.

Оттого нам пришлось идти и на это треклятое испытание, будь оно неладно, поскольку ааро-дарула короля всегда следует за ним.

Вортара пытались отговорить, даже силой задержать, но в упрямстве ему не откажешь.

Уруха, сестра Орохина, также является членом ааро-дарула Вортара, потому полукровка явился перед нами в миг опасности и, по правде, здорово нам помог. Думаю, без него некоторые из нас точно погибли бы.

Причина, по которой Вортар так стремится занять столь высокую позицию, проста — кто-то должен объединить тэйверов по всему Нижнем миру. Кто-то не менее сильный, чем короли прошлого, способный вести за собой, уверенный в себе и своих действиях. Поскольку мы вместе с Вортаром прошли испытание королей, если он погибнет, тэйверов поведет кто-то из нас. Уруха и я отпадаем по понятным причинам: она — сестра полукровки, меня и вовсе боятся из-за некоторых странностей. Думаю, этим кем-то стал бы Рогуро или Вертер, но, надеюсь, Вортар доживет до часа своего триумфа. Я приложу все свои силы для осуществления его плана.

Шмаков полукровка в условленный час не явился. Не явился и после того, как Гейл попытался призвать его. Шесть раз.

Гейл растерянно провел рукой по волосам, пристально вглядываясь в перепачканную кровью метку его имени.

Неужели полукровка нашел способ обойти клятву на крови? Предпочел быть проклятым? В книгах о проклятиях, которые ему рекомендовал библиотекарь, было написано, что тяжесть проклятия зависит от того, какое условие клятвы было нарушено.

Все упиралось в эти шмаковы условия.

Являться по первому призыву значилось третьим условием. Следовало поставить его в первое, но на первом значилось, что Орохину нельзя поднимать руку на хозяина. Нарушение первого условия грозило смертью или чем похуже.

Что ж, Гейл от души понадеялся, что обманщик-полукровка прямо сейчас скручен невыносимой болью, и боль в конце концов возьмет над ним верх и заставит явиться. Ну, или убьет.

“Что ж, так даже лучше, — с разочарованием подумал он. — Все равно я собирался это сделать”.

Он рассеянно оглядел прибранный кабинет — как-то не хотелось представлять неряхой перед столь могущественным существом. Даже рубаху сменил и приготовил еды на случай, если удастся немного сгладить... разногласия, и, шмак побери, он же не специально угробил то семейство! Это сам Орохин его к такому вынудил, он лишь защищался! И потом, с мальчишкой, тоже! Можно подумать, у него оставался выбор!

“Я не виноват, — яростно подумал Гейл. — Он набросился на меня первым, если бы он сделал, как я сказал, ничего этого не произошло бы!”

И, возможно, сейчас они мирно обедали бы в его комнате, и Орохин делился бы знаниями и рассказывал о своих странствиях.

Сердце сильно и больно колотилось в груди, отдаваясь в висках.

Зачем только ввязался во все это?.. Нужно было убраться из замка, как только выдалась возможность, но он не смог из-за Вик, а после она обручилась с Джулом. Поиски полукровки отвлекли его от горестных мыслей о ней, наполнили азартом и жаждой знаний, он совершил невероятное путешествие — сначала на Восток, потом в Верхний мир, потом на Север — и все за одну ночь, но вот чем все это обернулось... Конечно, ему и раньше доводилось убивать, но то были низшие твари, да воры и предатели, посмевшие пойти против него, а не беззащитные люди, которые, вдобавок ко всему, поделились с ним кровом и пищей.

Гейл содрогнулся, ощущая тошноту.

Конечно, полукровка виноват, что не подчинился, но если бы сам Гейл контролировал свои силы, ничего бы не случилось.

Мысли проворачивались в голове по кругу, повторяясь, перекликаясь, наседая друг на друга, и не поделиться ни с кем этой безумной ношей, не рассказать никому о случившемся.

Будь Вик сейчас здесь, он наверняка выложил бы ей все как на духу. Но ее не было, и от этого стало еще хуже, ведь если бы не шмаков Джул, она все еще оставалась бы с ним! Но Джул был слишком хорош, чтобы отослать его охранять границы с Дикими землями без

веской причины. Да и в таком случае Вик, без сомнений, отправилась бы с ним.

Гейл досадливо вздохнул, удрученно глядя в окно.

Густые клубы туч медленно перекачивались по небу, звенело в воздухе натянутое напряжение грядущего дождя.

Все же следовало довериться Локу. Он наверняка понял, что Гейл его дурил, но с присущим ему терпением глотал обиду и вновь и вновь предлагал помощь. Может, подойти к нему после обеда? Рассказать обо всем, спросить совета?

Гейл вновь мысленно воззвал к Орохину, но тот снова не явился. Это начинало не на шутку беспокоить.

Что если полукровка нашел способ обойти клятву? Что если в таком случае готовится к мести?..

Что за чушь, твердо сказал себе Гейл. Если нарушит первое условие, ему конец. Нужно продолжать призывать его, взять измором.

Ох, не надо было поддаваться чувству вины и снимать клятву с мальчика — Орохин не стал бы выделываться, если бы на кону стояла его жизнь. Вот чего стоило подождать денек-другой? И что теперь?

Гейл задрожал и поискал глазами накидку. В комнате было достаточно тепло, но почему-то его пробил озноб.

Он слишком много думает. Он устал, вымотался за последние дни и скорее всего просто перепутал назначенный час и способ призвать полукровку. Наверняка там было какое-то другое действие, точно, надо проверить в сборнике клятв, где-то тут должна быть эта книжка, куда же он ее положил?.. С этим шмаковым порядком все стало только запутаннее!

Гейл раздраженно скинул накидку и отстегнул верхние пуговицы рубашки и плотного камзола, расшитого камнями да узорами. Замотал предплечье с клятвой, медленно подошел к столу с угощениями, уселся на мягкое кресле и принялся за еду.

Ничего страшного не произошло. Сейчас он успокоится и попробует призвать полукровку еще раз. Если ничего не получится, придется просить Лока о помощи. Лок никому не проговорился о том злополучном путешествии, значит, на его молчание можно рассчитывать.

Приняв решение, Гейл окончательно воспрял духом. Доев и промокнув губы льняной салфеткой, он встал из-за стола и поспешил к двери. Уже коснувшись дверной ручки, он вдруг ощутил нечто странное, заставившее замереть. Раздался знакомый звук, и, медленно обернувшись, Гейл в ужас замер, не в силах ни сдвинуться, ни моргнуть, ни дышать.

Огромная Дверь колыхалась между потолком и полом, будто ее овеивал сильный ветер. В красных всполохах проносились крошечные алые и оранжевые молнии.

— Что... происходит... — пробормотал Гейл.

Трясущиеся руки торопливо открыли замок, дверь распахнулась, он чуть ли не вывалился в коридор, и спустя мгновение обзор перегородили Красные Стражи.

— Мой король, расскажите подробней, что произошло? — непривычно жестко спросил Джул, оттесняя его плечом.

Гейл узнал его по голосу, невысокой фигуре, широкой спине, светлым волосам, моргнул и опомнился.

— А... я... — Он сглотнул, задышал. — Открыл Дверь. Случайно. Я... заклинание новое...

“Это Орохин, — молнией пронеслась мысль в голове. — Шмаков полукровка!”

— Нужно создать защитный барьер вокруг этой Двери, — заметил Битти. — Мало ли какая тварь может оттуда появиться?

Они с Джулом не спешили паниковать, и Гейл ощутил досаду за то, что так перепугался, что слова не мог связать.

— Да, да, ты прав, — через силу выдавил он.

— Какого шмака?! — ошарашено вскрикнул прибежавший Кейз.

Они с Врамблом были в соседней комнате после ночной смены, и следы от подушки да растрепанные волосы выдавали, что минуто назад они еще спали.

— Сейчас это неважно, нужно поскорее создать барьер! — поторопил их Битти, ловко поймав головешку из камина, которую кинул ему Джул.

Они быстро заключили Дверь в квадрат и теперь чертили символы на языке богов.

Гейл отступил в сторонку, предпочитая не мешать. Он был слишком испуган и огорошен случившимся, вдобавок не знал, что и как мог сделать. Привычное вдохновение от единения с Вершиной словно испарилось. Она молчала, не было в голове ни единой картины-озарения того, какой палец какой руки нужно согнуть, куда направить руку, магию... Как ни взывал он к этому мыслями (даже сердито притопнул), шмаков замок словно издевался над ним!

Но что если сейчас он попробует что-нибудь сделать — и половина коридора взлетит на воздух, как то случилось с домом Грэ... той семьи?!

От этой мысли стало вконец нехорошо.

Дверь опасно колыхалась совсем близко от Джула и Битти, но их это, кажется, совсем не пугало.

— По углам, быстрее, — торопил Кейз, вставая первым и прикрывая глаза.

Остальные последовали за ним, Кейз начал читать заклинание, но Дверь неожиданно ярко вспыхнула и из нее появилась огромная пасть, набитая рядами острых зубов. Пасть исторгла страшный звук, следом за ней появилось все остальное — длинная толстая шея, короткие толстые лапы с когтями. Восемь лап. Длинная щетина росла хаотичными редкими пучками на фиолетовой, с виду гладкой коже. Тварь вывалилась из Двери, едва не раздавив успевшего отскочить Битти. Барьер распался, не успев обрести очертания, могущие остановить вторжение. Тварь исторгла очередной чудовищный вопль. Огромная, она возвышалась над высоким Врамблом на две головы, стоя на четвереньках, и если бы встала на задние лапы, то сбила бы уродливой головой хрустальную люстру, которая висела аккуратно над ней. Она очумело вертела головой, резко и быстро, как змея, готовая наброситься в любой момент.

— Ребята, — панически пробормотал Битти, на которого она уставилась.

Тварь рванула к нему. Тот успел перекатиться, прежде чем огромная зубастая голова пробила каменный пол вместе с пушистым красным ковром, на котором Битти находился мгновение назад. Не успела она отряхнуться от застрявшего в зубах ковра, как Кейз и Джул молниеносно напрыгнули на нее сзади и с двух сторон разрубили ей шею. Тварь шатнулась, истошно визжа, закружилась в бешенстве, как ослепленный бык, разбрызгивая по стенам черную кровь. Наполовину отвалившаяся голова болталась, как у тряпичной куклы. Тварь внезапно, не прекращая визжать, побежала вперед, врезалась в стену и затихла.

— Что это за существо?! — прокричал Врамбл.

— Оно не одно, — сказал побледневший Джул.

Он пристально смотрел на Дверь за их спинами. Остальные, обменявшись взглядами,

тоже к ней обернулись и как раз вовремя — кольшущаяся багряными всполохами оранжевая Дверь исторгла из себя очередную порцию страшных тварей.

***

Происходящее напоминало воплотившийся наяву ночной кошмар. Твари хлынули из Двери волной безумия, ревя и визжа так, что лопались стекла. Одна из тварей была мелкой, черной и больше походила на обугленного уродливого шэйера. С сумасшедшей скоростью она мелькнула в воздухе лишь на секунду, а после Джул выбросил ее из головы — не до этого было. Твари врзались в колонны, крушили стены, пробивали потолки и окна, сбивали друг друга с ног, огрызались друг на друга, некоторые дрались друг с другом, одни убегали по обе стороны коридора — там их встречали прибежавшие Красные Стражи, другие продолжали топтаться здесь и крушить все, что попадалось на пути, третьи улетали прочь через пробитые стены и окна. Замок наполнился ревом тварей и криками людей, магическим огнем и кровью.

Слуги, служанки бежали с криками, сломя голову, кто куда, некоторые пытались спрятаться. Твари неслись за ними, хватали челюстями, пронзая клыками насквозь, давили мощными лапами с острыми когтями, беспрестанно визжали, но интонации сменились — то был уже не страх, сквозивший в воплях первого существа, а торжество утоленного голода.

Твари отличались. Одни были крупнее, другие мельче, количество лап варьировалось от четырех до двенадцати, чем больше лап — тем ниже существо, хотя вон показался и один двенадцатипалый, настолько огромный, что, протискиваясь через Дверь, застрял там на какое-то время. Отличался оттенок голой кожи существ, которая несмотря на кажущуюся уязвимость была довольно прочной. Глаза у одних были на морде, у других — под челюстью, оснащенные шевелящимися отростками.

Джул невольно поддавался ужасу и панике, охватившим людей, даже Красных Стражей, даже папашу Хемля. Им всем только и оставалось, что продолжать удерживать тварей подальше от беззащитных слуг, короля, который пытался сколдовать огонь и дать тварям отпор, но жалкие языки пламени, казалось, лишь привлекали тварей все сильнее.

Пространства для боя здесь для этих монстров явно не хватало. Из-за размеров они были несколько неповоротливы, натыкались на устроенный погром и не могли размахнуться для удара как следует, хотя и слабого тычка когтистой лапой вполне хватало, чтобы надолго выбить из строя. Красные Стражи быстро разделились по группам, справляясь с одним монстром вдвоем или втроем. Большая часть этих чудищ с урчанием пожирала своих павших сородичей.

Все обойдется, уговаривал себя Джул. Пот (или кровь?) заливал глаза, рука уже отнималась, запасы магии истощились на поддержании постоянных заклинаний скорости и силы.

— Что это за существа?! — вскричал, уловив секунду, Битти. Он защищал Врамбла, раненного, потерявшего сознание (мертвого)

Кейза Джул потерял из виду еще в начале сражения, но старина Кейз был одним из лучших, так что наверняка лавина монстров просто увлекла его подальше.

Дверь постепенно уменьшилась, и твари больше не могли пройти через нее. Вскоре она исчезла, будто ее и не было, а значит, худшее осталось позади. Теперь нужно лишь

продержаться, и...

Джул уставился на очередную тварь, прикидывая, как лучше ее атаковать. Та внезапно содрогнулась всем телом и выкашляла серый пепел. Судорожно дернулась, завизжала, заметалась, рассыпаясь в пепел по частям. Джул потрясенно и радостно переглянулся с Битти.

— Это твари из Нижнего мира! Первое Проклятие убивает их, нужно лишь продержаться еще немного!

Ребята приободрились и с удвоенным рвением продолжили сражение.

А какого шмака Дверь открылась в кабинете короля — с этим они разберутся позже.

— Ваше Величество! — испуганно вскрикнул Битти.

Джул резко обернулся. Король Гейлорд, не обращая ни на кого внимания и уворачиваясь и отмахиваясь от тварей подобранным мечом, побежал по восточному коридору. За ним помчались несколько крупных тварей.

В той стороне находились покои принцессы Красты. Наверняка король Гейлорд испугался за нее и детей, потому бросился туда.

С того дня, как Джул окончательно выздоровел, Хемль снова перевел его в личную стражу короля, и теперь сердце Джула беспокойно заняло: что если стража принцессы не справилась? Что если она и дети сейчас в большой беде? Да и король туда же, будь он не ладен! Ему стоило оставаться здесь, рядом со своими личными стражами, тем более что с магией его снова творилось что-то странное!

Джул перекинулся взглядом с Битти, снова без слов обмениваясь с ним мыслями, и со всех ног поспешил за королем, оставив Битти прикрывать отступление.

***

Восточный коридор был завален стенами, колоннами, разбитыми стеклами; сквозь дырявые окна сильный ветер швырял крупные дождевые капли. Джул невольно замедлился. Бегущие мимо твари не обращали на него внимание, они визжали, рычали, сцеплялись друг с другом в дерущийся ком, некоторые рассыпались пеплом, и остальные, видимо, чувствовали, что подходит и их черед. Джул чуть ли не слился со стеной, пропуская того самого жуткого громадного монстра, перевел дыхание, огляделся. Он давно миновал покои принцессы Красты — там никого не было, кроме нескольких небольших тварей, с которыми пришлось разделаться. Короля Гейлорда не было видно. Тихо переводя дыхание, Джул двинулся вперед и, услышав голоса, насторожился и зашагал бесшумно в ту сторону.

— Как ты посмел открыть Дверь в моих покоях?! — шипел король, вдавливая кого-то в стену.

Они оба были скрыты тенью в завалах разрушенной комнаты для важных гостей. Стены здесь были расцарапаны, поодаль корчились туши подыхающих тварей.

— Ну... ты же просил привести тебе тварь, — с насмешкой в голосе ответил незнакомец.

Джул тщетно напрягал зрение, но разглядеть его не удавалось — слишком темно.

— Одну тварь, а не целую свору! За дурака меня держишь?! Что это у тебя на руке?! Говори, я приказываю!

— Это... барьер... — через силу выговорил незнакомец. — Чтобы противостоять... клятве...

— Не очень-то он и работает, — с ухмылкой сказал король. — Ты что же, решил убить меня, наслав этих тварей?

— Хорошая идея, да? — Незнакомец коротко болезненно рассмеялся. — Не знал, как далеко... смогу зайти... против клятвы... Но видишь? Барьер еще держится... так быть может... я еще успею убить тебя? За то, что ты сделал с невинной семьей, — неожиданно четко и яростно сказал он.

Джул подкрался ближе и как раз застал момент, когда незнакомец вдруг схватил короля за горло. За его спиной распахнулись крылья, на одном из которых была круглая дыра. В первый миг Джулу показалось, что это был шэйер — грязный, оттого и черный, — но это было какое-то иное существо. Его кожа была черной, всюду, даже на крыльях — когти, тело — угловатое, будто кости ему изломали, и те неправильно срослись.

Это было то странное существо, появившееся из Двери за миг до того, как хлынули твари, вспомнил Джул.

О чем, шмак побери, они говорят?..

— Отпусти, это приказ, — яростно прошипел король, пытаясь отогнуть его пальцы.

— А может лучше убить тебя, как ты убил ни в чем не повинных, безоружных мужчину и женщину, старуху и маленькую девочку?! — брызжа слюной, прошипело в ответ существо. Его длинный хвост неистово бился о стену, но он словно не замечал. — Ты искал меня, грозил прикончить ребенка, чтобы я подчинился тебе, так чего ты ожидал?! Что я смиренно стерплю все это?!

О чем... говорила эта тварь?..

Джул часто задышал через рот.

Последние несколько дней он видел, что с королем происходило что-то непонятное. Странности начались с невероятного плана по освобождению Восточного побережья. Король вел себя странно, выглядел странно, а вчера вечером, когда Джул и Вик встретились с Лоис и Локом, последний о чем-то долго говорил с Вик наедине, а после она казалась непривычно задумчивой.

Сегодня у нее был выходной, она собиралась встретиться с королем на послеобеденной прогулке и о чем-то важном с ним поговорить. Она наверняка рассказала бы, в чем дело, если бы это было важно, подумал Джул, и при воспоминании о ней в груди разлилось тепло. Скорее бы все закончилось, скорее бы увидеться с ней и крепко прижать к себе, но прежде — он должен защитить своего короля, ее названного брата.

Существо было опасно. Одно неверное движение, и королю конец. Нужно быть осторожным. Подобраться ближе.

— Сам же сдохнешь, если убьешь, — прохрипел король. — Я сказал — отпусти, ты, шмаков полукровка, и не двигайся, пока я не разрешу!

Рука существа дрогнула, разжалась. Он болезненно содрогнулся. Его левая рука, как и рука короля светились в полумраке, и замеревший Джул неожиданно понял все-все, будто кусочки мозаики встали на свои места.

Невероятные слухи о полукровке-тэйвере, путешествующем между мирами, оказались правдой. Король Гейлорд каким-то образом нашел его. Убил каких-то людей, угрожал ребенку... Они, похоже, были важны полукровке, этому существу. Вот как король привязал его к себе клятвой хозяина и слуги — из-за которой полукровка подчинился ему. Вот как они проникли в замок герцога Огуста и захватили Восточное побережье, вот почему после король не смог показать Кор Локу свое заявленное волшебство по сотворению Двери; вот

почему выглядел странно — уж не об этом ли Кор Лок говорил с Вик? Столь умный и близкий к королю шэйер, как он... Его таинственный уход в Верхний мир — и король так странно выглядел и вел себя на следующий день...

Голова закружилась от нахлынувших одновременно мыслей, и среди этого вороха Джул уцепился за одну единственно важную — он должен защитить своего короля, брата Вик. Что бы там ни случилось, они разберутся с этим позже, а сейчас главное — не дать полукровке убить Гейлорда. На стороне Джула было преимущество — его все еще не заметили, и он подкрался так близко, как только мог.

Глаза полукровки сверкали яростью и безумием. Его злоба явственно ощущалась в воздухе, в его магической ауре.

— Что ж, — продолжал король дрогнувшим голосом, — ты не оставляешь мне выбора. Не прошло и двенадцати часов, как ты успел наложить на клятву какой-то барьер и попытался меня убить. Мне жаль, что все так сложилось, и я... я понимаю. Стой смирно, не шевелись. Я постараюсь сделать это быстро.

Он достал нож из-за пояса, отвел руку и собирался уже перерезать полукровке горло, как тот, напряженный до предела, неожиданно увернулся, одновременно с поразительной силой отбросив Гейлорда в сторону.

— Я не могу сдохнуть здесь! — прорычал он, весь дрожа, будто что-то в нем ломалось изнутри. — Если я сдохну, кто за ним приглядит?! Он же остался совсем один!

Его крылья яростно распахнулись, когти прорезались по его телу, он словно бы увеличился в росте, стал еще мощнее — и злее. Фиолетовое пламя вспыхнуло столбом, а рука с клятвой — раскалилась докрасна.

Гейлорд, ударившийся о стену, болезненно застонал, пытаясь подняться. Полукровка сделал шаг к нему, еще один, приближаясь с каждым шумным выдохом.

— Не подходи! — тщетно пытаясь отгородиться от него рукой с клятвой, крикнул Гейлорд. — Я приказываю тебе! Не приближайся! Убей себя! Умри!

Полукровка рыкнул, скорчился как от невыносимой боли, прижал руку к груди, заметался, как раненый хищный зверь и, мотнув головой с горящими кровавыми глазами, резко набросился на Гейлорда. Король все приказывал ему умереть, загораясь рукой, будто это могло спасти его. Медлить больше было нельзя, и Джул молниеносно встал между ними, отражая удар страшных когтей, который разбил его меч и пробил доспехи и грудь — со скрежетом, треском, странным хлюпающим звуком, нестерпимой болью.

Кровь в глазах полукровки быстро исчезла, сменяясь чернотой. Во взгляде его появилась осмысленность, осознание, шок. Он выдернул руку из развороченной груди Джула, не сводя с него широко раскрытых растерянных глаз. Джул болезненно поморщился. Горячая кровь поднималась выше и выше, переполнила рот, покатила между приоткрытыми губами. Полукровка резко выдохнул, вдруг отвернулся и побежал прочь, на ходу доставая странный тонкий предмет. Он взмахнул этим предметом, перед ним тут же раскрылась Дверь, и он, не замедляясь, вбежал в нее и исчез. Исчезла и Дверь.

Так вот как он это делал. Рог рамшока. Несомненно. Что же еще?

Джул ощутил, что от слабости и боли не может стоять на ногах и дышать. Он медленно осел на пол и недоуменно коснулся груди. На покореженных доспехах была кровь. Кровь была везде и хлынула изо рта.

Настойка, останавливающая кровь, должна быть рядом. Слабеющей рукой Джул достал ее и глотнул, проливая часть на себя. Еще одну. И еще — вылил на рану. От охватившей

жгучей боли он едва не потерял сознание. Отлично. Отлично. Главное — остановить кровь, что он уже сделал, но это не могло длиться долго, требовалось лечение, нужен был сильный целитель. Джул нашел глазами сидевшего позади неподвижного Гейлорда и сумел позвать его хриплым голосом:

— Мой король.

Гейлорд вздрогнул.

— Он... эта тварь ушла, — прошептал Джул. — Я сильно ранен. Помогите мне или найдите целителя.

Гейлорд странно смотрел на него. Кое-как встал и подошел ближе, глядя сверху вниз.

— Давно ты здесь находился? — ровным голосом спросил он.

Его лицо было бледным, ни кровинки, будто неподвижная маска, даже губы едва шевельнулись.

Не понимая, к чему этот вопрос, Джул вымученно невразумительно мотнул головой. С трудом поднял потяжелевшие веки, чувствуя, что теряет сознание. Силуэт короля размывался перед глазами.

— Мой король?

Гейлорд молчал. А затем вдруг отвернулся и зашагал прочь.

— Мой... король... — растерянно прошептал Джул.

Перед глазами все плыло, рана снова начала кровоточить, он чувствовал. Сначала медленней, но с каждым вдохом все быстрее. Шаги короля звучали все тише и дальше. Шум сражения доносился все отдаленней и отдаленней. Возле него мелькнула чья-то тень, чьи-то поспешные легкие шаги, знакомый аромат духов.

Кто-то еще был здесь, кто-то еще все это видел, он знал, кто это, но не мог вспомнить. Этот кто-то опустил на колени перед ним, прижал дрожащие руки, сжимающие какую-то ткань, к ужасной ране на груди. Джул с трудом сфокусировал взгляд на красном, опухшем от слез лице принцессы Красты.

— Все хорошо, — бормотала она, ласково касаясь его щеки, — тшш, все хорошо...

Она всхлипнула. Слезы ручьем катились по ее лицу. Она тщетно пыталась исцелить его, но не могла — Джул знал, что она никогда не была сильна в целительстве, а секунды его стремительно таяли. Он уже не чувствовал ног, смерть ласкала его кожу ледяными пальцами, все ближе подбираясь к сердцу.

— Прости меня, — шептала Краста, прижимаясь лбом к его лбу. — Ох, Джул...

Ее теплые слезы срывались и катились по его лицу, будто были его собственные; россыпью обжигающих холодом монет возвращалась боль.

Не дождется теперь Битти реванша за карточную игру, в которую они успели сыграть этим утром.

Джул почти усмехнулся, вздрогнул. Боль нахлынула на него алым маревом, сознание темнело, куда-то проваливалось.

Почему король так поступил?.. Принцесса Краста. В опасности ли она теперь, если так же все видела? Что с детьми? Сил не было спросить. Сил не было ни на что. И все же хорошо, что у Вик сегодня был выходной. Они с Лоис собирались с утра прогуляться по городу. Должно быть, она не знает еще о нападении, и хорошо, что не знает, и хорошо бы твари все передохли до того, как узнает.

Ничего уже не чувствующими пальцами он тщетно попытался нащупать обручальный браслет, и даже немного испугался, решив, что потерял. Пальцы зацепились за что-то.

Должно быть, это был браслет. Хорошо, что не потерял, хорошо...

***

Ороро повалился в комнату из последних сил, мысленно тут же схлопывая Дверь за собой. После сражения и крови, после короткой яркой вспышки очутиться в теплой темной комнате было оглушительно. Ороро кое-как разжал кулак, и рог рамшока покатился по полу.

Огонь в камине приветливо горел. Должно быть, хозяйка постоянного двора провела Бронна и подкинула немного дров. Сил не хватало оглядеться, что уж тут говорить о том, чтобы надеть обратное кольцо и принять облик человека. Нет, нет, и еще раз нет, у него не доставало сил даже для того чтобы просто сесть, и он сумел лишь чуть сдвинуться ползком поближе к очагу, к свету.

Кожа резко стала светло-серой, когти уменьшились, во рту стало непривычно пусто, крылья скукожились за спиной — держать их раскрытыми было больно. Больно было всему телу. Он весь превратился в одну беспрестанную жгучую боль, будто невидимая рука пыталась выжать насухо каждый орган, каждую мышцу, каждую кость.

Он с трудом оглядел левую руку. Вязь обручей, барьер, удерживающий клятву, практически стерся — осталось лишь одно кольцо, и то уже нечеткое.

Он практически нарушил все условия, и если бы сумел тогда прикончить злополучного короля Южной Вершины, барьер точно не сдержал бы последствия нарушенной клятвы.

Голод взял верх, с досадой понимал Ороро. Случилось то, что было неизбежно — теперь, когда за жизнь Бронна можно было не опасаться, он не выдержал, принял истинный облик полукровки и попытался когтями и зубами выцарапать свое отмщение.

Рассудок начал мутнеть, еще когда сестра решила идти спасать Вортара, а когда Цертер предложил открыть Дверь в Срединный мир...

Впору было стукнуться головой об пол.

Глупо, глупо, как же глупо! Если бы не тот Красный Страж с яркими синими глазами (такими же, как у Анн), он не опомнился бы и не остановился.

Убил ли он еще одного невинного или тому Стражу удалось уцелеть? Он ведь даже не атаковал — лишь пытался защитить своего короля.

Ороро зажмурился.

Это была война, и длилась она уже больше века. Пора бы привыкнуть. Он и привык. Просто синие глаза сбили его с толку, уж очень неожиданно то было.

Невольно тот стражник спас их обоих — и короля, и Ороро.

Следовало перенестись в Нижний мир, попросить помощи у сестры, у Вортара и остальных, но времени оставалось слишком мало, потому что он должен был убить себя. Хозяин, будь он трижды проклят, несколько раз приказал, и противиться ему уже не было сил. Не сам Ороро, так нарушенная клятва убьет его. Уже убивает, вгрызаясь в тело.

Он должен умереть, но сначала нужно позаботиться о судьбе маленького Бронна. Пусть дом был разрушен и сожжен, но земля еще принадлежала его семье, дом можно отстроить, но на какие средства?

Новый приступ ослепительной боли сотряс его тело.

Он должен умереть.

Немедленно.

Ороро словно в полусне искал у себя на поясе, но не нашел. Медленно огляделся по

сторонам.

Щипцы для углей у очага подойдут. Это будет легко, он знал, где нужно ранить. И когтями можно бы, но руки тряслись. Если промахнется, будет долго лежать, истекая кровью, как унижительно.

В другом месте, подумал он и, кажется, сказал вслух. Он должен сделать это в другом месте: поднимется переполох, если найдут его тело здесь. Если Бронн найдет его тело здесь. Ему и без того потрясений на всю жизнь хватило.

Собирался ведь укрепить его тело и душу, следуя советам Уруры.

Сил не было не то, чтобы Дверь сотворить, просто двигаться.

Еще и умереть должен, но прежде — нужно о маленьком Бронне позаботиться, он ведь поклялся приглядывать за детьми Ингрэма, а Бронн был последним. Грэм с семьей погибли из-за Ороро, он, как всегда, все только портил, и свой последний шанс на прощение вот-вот провалит.

Ороро всхлипнул, и вместо щипцов для угля потянулся к своей сумке, небрежно брошенной у кресла у очага. Должна была там остаться бумага, нужно написать хозяйке, чтобы позаботилась о Бронне. В поясном мешочке, который Ороро всегда носил при себе, должны были остаться золотые монеты. На первое время их хватит, а после...

А после Бронна определят в сиротский приют, и сердце сжалось от боли — не этого, шмак побери, не такого он хотел для потомков отца!

Маленькие босые человеческие ножки торопливо прошлепали к нему, и Ороро замер.

— Не трогай, — пробормотал Бронн, переминаясь и ежась пальчиками ног. — Это дядино.

Ороро неверяще поднял взгляд.

Бронн молчал несколько дней, а теперь вдруг заговорил. Да и выглядел уже не таким больным, каким Ороро его оставил. Огромные зеленые глаза смотрели со страхом, но руки сжаты в дрожащие кулачки.

— Я и есть твой дядя, — хрипло сказал, наконец, Ороро. — Снова меня не узнал?

Бронн помотал головой, насупился.

— Ты не мой дядя.

— Подойди поближе и посмотри мне в глаза, — вдруг вырвалось у Ороро. — Я твой дядя. Я Ороро.

Глаза Бронна — такие же, как у отца. Взглянуть бы в них в последний раз, увидеть отголосок его души.

Бронн, крепко поджимая губы, медленно подошел к нему и опустился на коленки, послушно заглядывая в лицо. Его глаза стремительно наполнились слезами.

— Дядя Ороро? — пробормотал он. Протянул руку, цепляясь пальчиками за его волосы. — Это же ты... Ты уходишь, да? Как мама и папа?

— Похоже на то, — криво улыбнувшись, прошептал Ороро. Его рука, все еще шарившая в сумке, вдруг наткнулась на рукоятку маленького складного ножа.

— Не надо, дядя Ороро, пожалуйста, — жарко взмолился Брон. Слезы покатались по его скривившемуся лицу. — Не бросай меня одного! Дядя Ороро! — Он вдруг крепко обнял Ороро за шею и заплакал.

Его страх и отчаяние затопили все вокруг, и Ороро невольно с жадностью поддался этому источнику, роняя нож. Обхватил дрожащими ладонями маленькую голову Брона и прикрыл глаза. Все пережитые за последние дни кошмары Брона, все оборванные

сновидения, все воспоминания о потере, боли, бесконечный страх — питательная мощная темная энергия мгновенно придала сил. Приказ короля умереть отодвинулся на задний план. Ороро старательно поглощал темноту Бронна, с трудом перевернулся спиной вниз, удобней укладывая его, ослабевшего, себе на грудь.

Он опомнился и отстранился, прежде чем вытянул бы из мальчика больше энергии, чем требовалось. Тот сонно моргнул, слабо цепляясь за одежду Ороро. Он перестал плакать, успокоился и смотрел немного удивленно.

Ороро попытался встать, но острая боль пронзила тело, и он, помедлив, так и остался лежать на полу у очага. Попробовал шевельнуть крыльями. Отлично. Ороро аккуратно, без лишних движений, укрыл Бронна слабыми крыльями и прислушался к себе. Клятва на руке пульсировала затихающей болью. Последнее кольцо барьера осталось прежним. Внутри тела, казалось, все было оборвано и сейчас наспех перевязывалось тонкими нитями.

Цертер был прав. Следовало потерпеть несколько лет, а там глупый король сам бы сдох. Он бы не смог приказать Ороро умереть на расстоянии, а когда призывал, тот успешно этому противился.

Ороро поморщился, посмотрел на темную макушку Бронна и легонечко подул. Тонкие мягкие волосы шевельнулись, и он осторожно их пригладил.

Нельзя больше так рисковать. Нельзя, чтобы Бронн остался один.

Ороро лежал неподвижно, поглощенный раздумьями, и избавлял Бронна от кошмаров. На одну маленькую человеческую голову их приходило на удивление много, но это было даже хорошо — придавало сил. Медитировать не получалось: Ороро был слишком взбудоражен последними событиями и раздосадован своей опрометчивостью. Огонь в очаге давно потух, а небо посветлело, когда он решился надеть оборотное кольцо. Вспышка боли тут же разлилась по телу и пульсировала еще некоторое время после, но он успешно обратился в человека и немного воспрял духом. Двигаясь осторожно и медленно, как больной старик, он отнес Брона на кровать и поковылял к двери.

Нужно поесть. Где рог? Он огляделся, поковылял к рогу. Собирался было засунуть его себе за пояс, как обнаружил, что одежда вся оборванная и грязная. Пришлось переодеться, прежде чем кое-как спуститься вниз. Хозяйка, уже поставившая тесто на хлеб, изумленно поприветствовала и выразила обеспокоенность его внешним видом. Ороро вяло отмахнулся и, забрав поднос со вчерашней едой, вернулся в комнату. Этот небольшой поход отнял последние силы, и он, распластавшись на кровати возле Бронна, долго пытался отдышаться.

Что-то с ним произошло. Обычно силы быстро возвращались, но сейчас что-то было не так.

Нужно отправиться в Нижний мир и рассказать остальным обо всем, но позже, позже.

Ороро кое-как повернул голову к спящему Бронну.

Сначала нужно убедиться, что мальчик будет в порядке, даже если он не вернется со следующей вылазки.

Бронн медленно открыл глаза.

— Дядя Ороро, — сонным жалобным голосом позвал. — Мне страшный сон приснился.

— Но теперь ты проснулся, — сказал Ороро и с ободряющей улыбкой добавил: — Больше никаких кошмаров. Обещаю.

Бронн кивнул, потянулся к нему, и Ороро, с облегчением выдохнув, зажмурился и крепко его обнял.

дневник Лока: о полукровках и круговороте душ

Недавно юный Гейл расспрашивал меня о полукровках и, признаться, его вопросы изрядно меня озадачили.

Мм, интимные союзы между разными народами сильно осуждались и были запрещены, что не мешало тэйверам обзаводиться гаремом, состоящим из представителей других народов, за что они, к слову, и поплатились. Дитя союза тэйвера королевской крови и человека выжило, выросло, сохранив рассудок, и стало столь могущественным магом, что сила Хранителя перешла к нему.

Полукровки как правило рождаются уродами, наделенными огромной силой. Обычно они не доживают до года, а если случится им все же вырасти, становятся безумными неуправляемыми существами с ненасытной жаждой крови.

По мнению наших исследователей, в их тела вселяются души хаоса — из обратной стороны Древа Жизни, на ветвях которого происходит круговорот душ.

Расскажу об этом подробнее. Исследования эти проводили достойнейшие представители моего народа, сумевшие достичь высшей ступени Осознания.

Когда существо умирает, его душа сливается с единым потоком энергии. Поскольку наше восприятие весьма ограничено, мы можем представить себе картину лишь максимально приближенную к той, что доступна нашему восприятию, в данном случае — это дерево.

Итак, покинув брненное тело, душа попадает в основание дерева и медленно движется вверх по стволу, проходя через уровни очищения (от прошлой жизни) и наполнения (энергией для новой жизни). На самом деле уровней больше, я выделил лишь основные.

Также очищение — не стирает память о прошлой жизни, лишь отдаляет ее, пряча в нижних слоях. Душа по сути помнит все свои жизни, и это отчасти формирует и направляет ее.

Одно из наших тайных знаний — заклинание Памяти Души, ныне объявленное запретным, поскольку еще не придуман способ, как избежать побочных эффектов. Заклинание это позволяет вернуть память о прошлой жизни, но, поскольку оно не доведено до ума, разум испытуемого не в силах выдержать этого, и он сходит с ума.

Но я несколько отвлекся.

Пройдя через уровни очищения и наполнения, душа добирается до ветвей и, созрев, устремляется к своему новому телу.

Поскольку суть Древа Жизни есть некий порядок, для поддержания данного Великого Равновесия существует обратная стороны Древа Жизни. Эту области мы не исследуем, поскольку все, кто следовал пути обратной стороны осознания, не вернулся либо вернулся уже другим, искаженным.

Знания о создании рун были почерпнуты из этой области — тогда мы только появились в этом мире и, о многом не зная, безалаберно прибегали к этому чародейству, наивно радуясь столь сокрушительному эффекту. На деле же души шэйеров, заключенные в руны, лишаются способности перерождаться.

Эта участь постигла и Хранительницу Дерайну, использовавшую Первое Проклятье на тэйверах — ради знаний она, нарушив множество правил, пробралась в залы Созерцания и узрела запретную обратную сторону, о чем мы, шэйеры, умалчиваем. Каким-то чудом

сохранив рассудок, она с группой заговорщиков прокляла тэйверов и сама же рассыпалась в пыль.

Первая Клятва как и Первое Проклятье составили боги, чьи знания охватывают все грани бытия, а кто мы такие, чтобы осмелиться равняться на них? Цена за попытку — страшна, я лишь надеюсь, что для госпожи Дерайны оно того стоило.

Есть ли способ спасти ее душу и души всех других моих братьев и сестер?.. Что творится на обратной стороне?.. Морозом проносятся в моей голове эти кошунственные мысли.

Лок перевел внимательный взгляд на лорда-защитника Байруша Редга, начальника Серых Стражей. Это был высокий широкоплечий мужчина, едва ли уступавший внушительностью самому Хемлю Древногу, начальнику Красных Стражей при королевском дворе. Его волосы так растрепались за время собрания, что казались не расчесанными; нижняя часть лица утопала в густой черной растительности. В зале собрания Малого Совета было жарко и душно — под стать творящейся за стенами погоде, но Байруш не расстался со своим тяжелым даже на вид плащом, чьи края и ворот были подбиты густым мехом сайдана — хищного зверя, обитающего в Диких землях. Байруш прежде не посещал Малый Совет отговариваясь неотложными делами на границе, но катастрофа, произошедшая в Вершине две недели назад, заставила его пересмотреть свои планы.

Лок предусмотрительно ознакомился с его биографией, попросив о помощи юного Рейвза, расторопного и энергичного помощника библиотекаря, и знал теперь, что Байруш Редг, приняв должность начальника Серых Стражей пять лет назад, несколько раз поднимал на Малом Совете вопрос о низших тварях. Немалое удивление вызвал тот факт, что, оказывается, в библиотеке крепости Серых Стражей находились книги с описаниями разного рода тварей — как приходящих с Диких Земель, так и низших, из Нижнего мира. Порой на первый взгляд отличить их внешне было невозможно, но низших тварей чрезвычайно привлекали маги. Байруш Редг привез одну из этих книг и даже согласился дать ее Локу на время своего здесь пребывания. Лишних часов на сон почти не оставалось, но Лок решительно не возражал — он намеревался как можно точнее и понятнее описать случившуюся трагедию, и отправить послание Эйласенде в Верхний мир с просьбой немедленно рассказать обо всем Ордену Наблюдателей, среди которых числился один весьма благосклонный к ней молодой шэйер. В таком случае, возможно, все получится, и они спустятся сюда, в Срединный мир, чтобы помочь разобраться во всем? Лок с досадой вспомнил свое первое послание в Верхний мир — в ответ сквозило такое равнодушие, что на следующем Малом Совете пылали даже кончики ушей. Такого унижения прежде испытывать не доводилось, но люди не смеялись над ним, как он предполагал. Они возмутились и следующий час бурно обсуждали полученный ответ.

С изгнания тэйверов и ниргенов и начала новой эпохи шэйеры не вмешивались в дела Срединного мира, и заботы с Дикими землями и Нижним миром целиком лежали на плечах его жителей. Шэйеры были готовы помочь Востоку, с которым поддерживали торговые отношения, но не Югу, который прежде принадлежал их заклятым врагам, тэйверам, а ныне — потомкам проклятой девы, полукровки-Хэйлы.

Хорошо бы самолично наведаться в Верхний мир, показать воспоминания о нападении, воспоминания о низшей твари, что провела в здравии несколько дней в Срединном мире... Несомненно на это сказалось разрушение Западной Вершины, и Лок с чувством, будто вода утекает сквозь пальцы, вновь вспомнил, что собирался отправиться туда или отправить Лоис, чтобы разобраться и привести шэйерам доказательства того, что пора вмешаться. Вот только положение юного Гейла стало слишком шатким, и Лок не мог бросить его на растерзание разгневанным членам Совета, Красным стражам, прислуге, простому люду.

Как юный Гейл объяснил, он в тот день решил попробовать открыть Двери в своих комнатах, а в не в главной башне, где это ему прежде удавалось. Магия вышла из-под

контроля, Дверь открылась в Нижний мир, и понеслась... Лок хоть и согласился вслух с оправданиями юного Гейла, не смог ему поверить. Как бы сильно ему ни хотелось убедить себя в простой случайности, в противовес тому стояло слишком многое.

Лок со вздохом в очередной раз отодвинул подальше тяжелые горькие мысли и сосредоточился на происходящем на Совете.

Кроме высших тварей из Нижнего мира проникли и низшие, некоторых удалось захватить и посадить в клетки (высших, к глубокому сожалению Лока, поймать не удалось — они были слишком опасны и непредсказуемы, вдобавок некоторые виды подыхали спустя всего несколько минут пребывания в Срединном мире). Последняя тварь рассыпалась прахом пять дней назад, и именно это — столь долгое ее пребывание в Срединном мире — окончательно убедило членов Совета единогласно поддержать идеи Лока о борьбе с низшими тварями.

Мос Лейс, главный наблюдатель, отправил отряд надежных Ищеек, лично им отобранных, изучить земли у границы, на которые сослался Гейл. Они вернулись только сегодня — на день позже отряда Серых Стражей Байруша с тварью из Диких Земель. Лок собирался заняться ею в компании верховного мага Хариката Легрея, начальников Стражей и хмурого Гейла. Юный Гейл теперь постоянно хмурился, заметно осунулся и выглядел, как затравленная на охоте лисица (длинное узкое лицо и рыжие волосы в особенности придавали ему хищнический вид, чего Лок не замечал, пока на это не указала юная Лоис).

Хорошо бы и юная Вик к ним присоединилась, задней мыслью размышлял Лок, внимательно вслушиваясь в доклад Ищеек Мос Лейса. Она живо интересовалась низшими тварями во времена их с Гейлом путешествий, и могла существенно пополнить книги о низших тварях, найденные в библиотеке. Вот только...

Лок погрустнул и вновь позволил мыслям устремиться прочь от саднящих душу воспоминаний. Позже, очутившись в одиночестве в отведенных ему покоях он предастся размышлениям, проработает воспоминания, пока боль и тревога за юную Вик не утихнут.

Тело юного Джула отвезли в дом, где он родился и вырос. После ритуального сожжения на родовом кладбище вырос небольшой памятник, у основания которого и возложили в землю запечатанный сосуд с прахом. Утром следующего дня Вик исчезла, оставив письмо у изголовья кровати с просьбой не искать ее. Позже, уже в замке, Лок узнал от Хемля, что она взяла две недели отгула, после которых намеревалась вернуться на службу. Зная о ее ответственности, можно было не волноваться, что она бросит все и сбежит, но Лок понимал, что возвращение сюда будет мучительно для нее: все будет напоминать о юном Джуле, и справиться с этим ей предстояло самой.

Совет снова, как и во все предыдущие дни, затянулся до глубокой ночи. Уже внесли ужин и унесли его остатки и грязную посуду, когда решено было расходиться, но неожиданно по большей части молчавший Гейл подал голос.

— Уважаемые господа. Думаю, нет больше нужды мне носить эти штуки, — не скрывая недовольства сказал он и демонстративно возложил предплечья на стол. Золотые противомagicеские оковы, скрытые от глаз длинными рукавами, негромко стукнулись о столешницу. — Как и в излишнем сопровождении. — Он бросил взгляд на двух магов барьера, стоявших за его спиной.

После рокового дня Харикат Легрей отправил запрос в главную цитадель Юга с тем, чтобы те выслали двух лучших магов барьера. Уровень их умений был столь высок, что они могли в мгновение ока окружить юного Гейла (или вновь открывшуюся Дверь)

непроницаемым магическим барьером. До их прибытия Легрей лично вместе с Локом сопровождал юного Гейла всюду, за исключением уборной. Вдобавок на Гейла надели противомagические оковы. За неимением подходящих его высокому статусу, поначалу ему приходилось носить те, что цепляли на магов-преступников — в точности как те, которыми сковали его в свое время герцог Огуст и лорд Жатриен. После, разумеется, были подобраны специальные оковы, более изящные и покрытые золотом, да и сопровождение перестало вторгаться в его личные покои, но оскорбленный и униженный Гейл обиды не простил — Лок видел это по его глазам, полным затаенной тлеющей ярости.

— Когда вам будет дозволено снять сии оковы, решит Совет, — сухим голосом ответил Харикат, — как и вопрос о излишнем, как вы выразились, сопровождении. Вы же понимаете, мой король, что все это сделано для вашего блага. Кто знает, когда силы Вершины вновь не подчинятся вам и распахнут Дверь в Нижний мир в ваших покоях? Доверие Совета к вам подорвано, — с вызывающей прямоотой сказал он.

Он был зол, этот высокий, худощавый до выпирающих скул человек.

— Надеюсь, вам удалось вспомнить что-то еще, какие-то причины или действия, из-за которых появилась Дверь, дабы предотвратить повторение Дня Крови?

Гейл сжал крепче челюсти, но на удивление ровным голосом сказал:

— Я же сказал, это была случайность. Я всего лишь хотел узнать, как далеко простираются мои способности.

Легрей переглянулся с Локом. Они еще в первые дни после трагедии, когда сопровождали Гейла, пытались выяснить механизм его волшебства, но юный Гейл упрямо повторял, что делал все то же самое, что и в главной башне, когда открывал Дверь в Идру.

Тем временем Гейл, не менее злой и раздраженный, все тем же ровным голосом продолжил:

— Когда же мне следует продемонстрировать Совету свои способности к контролю?

— Каждую минуту во время наших занятий. Решение будет принято мной и уважаемым Кор Локом. — Легрей почтительно поклонился Локу, и Лок учтиво кивнул в ответ.

В ежедневный распорядок юного Гейла вновь ввели занятия по контролю и медитации. Юный Гейл словно чувствовал себя не вправе больше отлынивать и с усердием взялся за уроки, и даже сам настаивал на совместных медитациях.

Его бы усердие, да пораньше применить... Быть может, не случилось бы той страшной трагедии.

Гейлу больше не доверяли. В замке кипели ремонтные работы, но его к ним не подпускали, хотя и знали все, что Хранитель способен в мгновение ока восстановить свою Вершину в случае нужды. Он все видел и осознавал, его гордость, несомненно, была ранена, но он смиренно все это сносил. Должно быть, понимал, что в случае очередного провала его как минимум запрут в темницах до конца дней, и если бы спросил об этом Лока, тот подтвердил бы это, ибо знал наверняка.

Он, верховный маг Легрей, начальник Красных стражей Хемль и начальник Синих стражей Дюрек втайне ото всех обсудили дальнейшую участь короля, едва прибыли маги барьера из цитадели. Способности короля стали слишком опасны, а неумение их контролировать могло привести к еще более страшной катастрофе. Подобное уже случалось раньше, еще во времена старой эпохи, с Хранителем-тэйвером, и Лок прекрасно помнил по учебнику истории, что с ним сделали — казнили и сила Хранителя перешла к другому наследнику.

Члены Малого совета, разбившись на небольшие группы, медленно покидали шестую башню, негромко переговариваясь о грядущих переменах и нуждах. Хемль намеревался посетить девятую обитель — крепость Серых стражей на желтых равнинах — и отобрать нескольких боевых магов на службу при королевском дворе: много опытных Красных стражей пали в тот день. Гибель молодых здоровых людей в полном расцвете сил удручала Лока так, как он не ожидал от себя. Многих он знал хорошо, со многими был знаком и приятельствовал, а к юному Джулу и вовсе успел привязаться не только потому, что он был дорог юной Вик: во время бесед он проявлял недюжинные познания, рассудительность и наблюдательность, что Лок всегда ценил во всех проявлениях.

Битти Ангуста, единственный из оставшихся в живых личных стражей короля, сильно изменился, посерьезнел, улыбка больше не освещала его узкое лицо, шутки больше не слетали с его губ, кажется, он стал выглядеть еще меньше, чем прежде. Выражение его каменного лица ничуть не изменилось, когда он вместе с новым напарником сначала посторонился, пропуская короля вперед, а потом чуть отстал, шагая позади строго на четыре шага. Маги барьера отставали чуть ли не на двадцать шагов и тихо переговаривались между собой.

Возвращаясь в свою комнату, Лок подумывал заглянуть к юной Лоис, даже задержался у дверей ее комнаты, но постучать так и не решился и устало побрел к себе.

Следовало предаться размышлениям, довлевшим над ним весь Совет. Возможно, удастся докопаться до истины?..

Лок запер дверь, помедлив, подошел к уголку, отведенному для трапезы. Подогрел на огненных камнях чайник, достал из небольшого шкафа деревянную шкатулку со сладостями и чашку, чьи тонкие белые стенки были раскрашены голубыми цветками. Иsbinская глина, недавний подарок Лоис после очередной прогулки по рынкам Ренджендара. Казалось, чай в ней приобретал особый вкус, которого не мог достигнуть в чашках иного происхождения.

Лок положил на тарелочку две ореховые конфеты и три из сушеных плодов, семечек, вдобавок присыпанных сверху стружками сушеных розовых лепестков. Продавец обещал ему блаженные удовольствия при вкушании столь редких яств, и Локу всю последнюю неделю так страстно хотелось разделить это с друзьями, что он ощущал легкий стыд за свое столь эгоистичное желание, в то время как его юные друзья переживали сильнейшее горе и потрясение, и не было им никакого дела до его глупых конфет, как сердито сказала Лоис этим утром.

Возможно, между нею и погибшим юным Кейзом, личным Стражем короля, что-то было, размышлял Лок, помешивая чай ложечкой, чтобы остыл. Подозревала ли что-нибудь юная Лоис, заметившая за Гейлом неладное?

Изначально Гейл утверждал, что открыть Двери может лишь в главной башне (что Лок воочию видел), и что ведут они лишь в другие Вершины. На следующий день по связи-паутинке Гейл сказал, что может открыть Дверь в любое место, и понял он это, когда переместился из библиотеки Времен назад в Вершину. Но как именно он открыл Дверь в замок Идра, не видел никто, даже Вик, которой он безмерно доверял. А после Гейл находил причины, по которым не может показать Локу это свое волшебство.

Во всем этом притаилась большая грубая ложь. Определенно.

Лок пригубил чай и нахмурился. Остыл слишком сильно. Лучше подогреть.

Станный разговор о клятвах произошел меньше чем за сутки до катастрофы. Левое

предплечье Гейла было замотано; на нем маги заключают клятвы.

С кем он заключил клятву? Не в этом ли заключалась суть притаившейся лжи?

В следующие дни Лок не раз видел его обнаженное предплечье, на котором даже шрамов не было.

Впрочем, Гейл мог замазать их маскирующими кремами или нанести косметические чары.

Ореховая конфета была неприятно твердой, кусочек застрял между зубами, и Лок, вздохнув, тщательно прополоскал рот глотком подогретого чая.

Юная Вик обещала как следует расспросить обо всем Гейла, но не успела, а после ей было уже не до того, и Лок не мог ее в этом винить.

Если бы Вик и Лоис не ушли в тот час в город прогуляться по рынку, возможно, сейчас их не было бы в живых. Если бы он сам не находился в это время в библиотеке, с легкостью оказался бы добычей высших тварей. Сражаться умел, конечно же, базовые боевые умения вкладывали в юных шэйеров еще в младших классах, но стоило вспомнить несокрушимую мощь и первобытную ярость озверевших от голода монстров, как в руках появлялась слабость даже сейчас.

Конфета из сушеных плодов оказалось неожиданно кислой. Лок сплюнул откушенную часть, недовольно поморщился. Нахмурился. Медленно встал из-за трапезного столика и подошел к массивному рабочему, стоявшему у окна. Восемь толстых книг о высших и низших тварях, найденных в библиотеке, он прочитал от обложки до обложки; десять книжек потоньше также досконально изучил. На больших прямоугольных листах выписал заметки о некоторых тварях, которые подходили под определение той, что прикончила юного Джула, но по всему выходило, что это были не они: одна тварь непременно поела голову жертвы, другая пожирала внутренности, третья — обглаживала конечности... Быть может, то была некая неизвестная доселе тварь? Но какая тварь оставит свою жертву раненой умирать? Почему Джул, быстрый и ловкий, не успел увернуться от прямого удара? Защищал кого-то? Но почему этот кто-то так и не объявился перед безутешной Вик и не рассказал о том, как именно погиб Джул?

Юный Битти видел Джула в последний раз, когда тот поспешил за королем, который внезапно устремился к восточному коридору.

“Наверное, испугался за принцессу Красту и ее детей”, - пожав плечом, предположил Битти.

Юный Гейл на аккуратные расспросы Лока сказал, что не видел Джула. Принцесса Краста и вовсе ничего не ответила и ледяным голосом велела оставить ее в покое; гибель юного Джула, казалось, разозлила ее больше, чем опечалила, впрочем, подумал Лок, наливая вторую чашку и пряча остатки конфет назад в шкатулку, он мог ошибаться.

***

Отражение в зеркале говорило о том, что Краста за всю жизнь даже помыслить не могла — она похудела. С нее снимали мерки, шили новые одежды, а старые ушивали и перекраивали по ее собственным схемам. Она и сама рада бы заняться этим и гордилась своими умениями, но принцессе не пристало делать работу прислуги. Схемы выкройки, эскизы одеяний, созданные ее рукой, не раз занимали развороты страниц в журналах увлечений — не потому, что она была принцессой, а потому что была талантлива хотя бы в

этом. Краста утешалась этой мыслью, хотя порой липкий палец сомнений касался ее груди в нестираемой печати убеждения, что это было не так.

Краста медленно повернула голову направо, налево, придирчиво разглядывая осунувшееся лицо.

Ходили слухи, что на Востоке придумали способ передавать связь и изображения не только с помощью магов-пауков. Принцип был прост: куски цельных зеркальных кристаллов доводили до одинаковых форм и размеров, шлифовали и отпечатывали на них магическую формулу. Каждому зеркалу присваивали номер, и связаться можно было, произнеся нужное заклинания и вкладывая в звучание этот самый номер.

Когда же до них дойдут эти новинки? И дойдут ли вообще, учитывая не самые теплые рыночные отношения между Югом и Востоком еще с древней эпохи?

Краста прикрыла глаза, терпеливо ожидая, когда разболтавшаяся Мэлия — первые пятнадцать лет своей жизни она жила на Востоке и до сих пор поддерживала связь с друзьями детства — закончит убирать ее волосы.

В соседней комнате Клэрия и Кэллард орали так, что их наверняка было слышно в другом конце столицы, и вскоре, как Краста и предполагала, они ворвались в ее комнату, требуя внимания и орошая пол слезами и соплями. Перепуганные няньки замельтешили, закудахтали, подобно большим курицам в одинаковых белых фартуках.

— Мама! — захныкала Клэрия, вцепляясь в подол платья Красты. Уставилась огромными покрасневшими глазенками.

Она так сильно походила на Жатриена, что было больно на нее смотреть.

Кэллард вцепился в Красту с другой стороны, уткнувшись лицом. Он молчал, Клэрия громко всхлипывала, пока няньки сбивчиво объясняли, в чем дело.

Неугомонные с самого утра близнецы капризничали сильнее обычного, и стоило отвернуться, как они вскарабкались наперегонки на верхние полки большого книжного шкафа.

— Я просто хотела посмотреть! — запищала Клэрия, и Краста недовольно поморщилась — иногда ее писк становился таким высоким и громким, что сводило зубы. — Там папа прятал сундучок с сокровищами, я просто хотела посмотреть!

Увидев детей на опасной высоте, няньки всполошились и попытались спустить их вниз, едва не уронив все книги и сам шкаф.

— Когда папа вернется? — не унималась тем временем Клэрия. — Хочу, чтоб папа вернулся! Ты сказала, что он скоро вернется!

От ее криков и жалостливых объяснений няnek разболелась голова.

— Уведите их, — велела она, жестом указав на дверь, в которую как раз постучали.

Воцарилась тишина. Краста невольно переглянулась с верной Мэлией — никто не осмеливался нарушать ее покой в столь ранний час, хотя покоем это назвать было сложно. В любом случае Краста не желала, чтобы посторонние видели происходящее безобразие в воспитании детей. Боги, Жатриен всегда справлялся с ними лучше, а после неожиданно Джулиан Билд оказал на них то влияние, которое не могла оказать она.

Сглотнув вязкий ком в горле, Краста разрешила войти.

— Уведите детей, — непреклонным тихим голосом приказала она.

Кэллард, глядя в пол, послушно взял няньку за руку, а Клэрия словно желая насолить, лишь крепче вцепилась в ноги Красты и глубоко вдохнула, будто была готова заорать в любую секунду. Мелкая капризная девчонка!

Краста, с трудом сохранив самообладание и едва не выдав изумления, сдержанно поклонилась вошедшему королю.

— Какой неожиданный сюрприз, — сказала она.

Гейлорд проводил взглядом поспешивших уйти нянечек и удивленно посмотрел на Клэрию.

— Надеюсь, я не помешал?

— Нисколько, — мило улыбнувшись, ответила Краста, хотя спина похолодела, а сердце ускорило бег.

Она знала, что мило улыбается — не раз репетировала перед зеркалом. Сейчас как никогда прежде ей следовало быть милой, и она намерена была удержать свое хрупкое положение при королевском дворе, чего бы ей это ни стоило.

Жена предателя, и дети ее — дети казненного предателя. Раньше Краста еще верила в это — что Жатриен отказался сдаться и предпочел умереть (верила в слова Джула и других Красных стражей), то теперь, после увиденного в гостевых комнатах, взглянула на человека, который был ее кровным братом, с другой стороны.

Судя по всему, этот лживый бессердечный ублюдок не заметил ее присутствия, иначе Клэрия и Кэллард остались бы круглыми сиротами еще в тот же день.

— Я хотел поговорить, — прервал затянувшееся молчание Гейлорд и неуверенно провел рукой по гладко уложенным волосам.

Краста опомнилась, пригласила его сесть.

— Мэлия, — позвала она, — приготовь нам чай.

Верная камеристка тотчас поспешила исполнить поручение.

До гибели Джула Краста в подобной ситуации отослала бы всех служанок и собственноручно приготовила королю чай, надеясь внушить ему сестринскую заботу, пусть и расчетливую, пусть и осталась от нее прежней лишь блеклая тень. Теперь же она опасалась, что задрожавшие от ярости и страха руки выдадут ее.

Краста попыталась шагнуть к креслу и присесть, и чуть не упала от неожиданности.

Совсем забыла о Клэрии!

— Я тоже хочу чай, — капризно заявила та.

Алая ткань подола платья смялась в ее сильных кулачках, и, как подозревала Краста, просто порвалась бы, взбреди ей в голову насильно оторвать от себя Клэрию.

— Мэлия, приготовь этой проказнице маленькую чашку, — со вздохом решила Краста. Не хватало еще устраивать при Гэйлорде сцены.

За этими мыслями она не заметила, как гнев и страх отдалились. Они не исчезли совсем, но перестали назойливо кружить, будто мухи над падалью.

Клэрия, наконец, отпустила подол платья, и с чопорной серьезностью, которая прежде смешила Красту, подошла к королю, отвесила ему неуклюжий поклон, вскарабкалась на кресло Красты и завела светскую беседу:

— Погода сегодня замечательная, не так ли, мой король?

Гейлорд обескураженно посмотрел на Красту и, осторожно помешивая чай ложечкой и кусая губы, ответил:

— Да, моя принцесса. Будем надеяться, что боги погоды будут благоволять нам до самой Жатвицы.

Клэрия благосклонно кивнула, взялась за маленькую чашку, оттопырила мизинец и бесшумно отпила.

Всегда бы такие манеры, кисло подумала Краста.

Она как можно незаметней наблюдала за выражением лица Гейлорда. Конечно, в умении держать маску он многим давал фору, и прежде Краста гордилась этим. Теперь же это его умение внушало неуправляемую тревогу.

О чем он думает, глядя на Клэрию, которая уже сейчас, в столь юном возрасте, ужасно походила на Жатриена?

Краста пододвинула к трапезному столику стул с высокой спинкой и села между ними. Верная Мэлия ненавязчиво ходила по комнате, прибираясь то тут, то там. Умница, все верно поняла и без прямого приказа никуда не уходила.

Краста поймала себя на том, что нога ее отстукивала нервную дробь, и осторожно сжала пальцы на бедре поверх прохладной ткани шелкового платья.

— О чем вы хотели поговорить, мой король?

Гейлорд покосился на Клэрию, но Краста сделала вид, что не заметила этого. Гейлорд вздохнул.

— Что ж, вскоре об этом объявят публично, и я хотел сам рассказать тебе с глазу на глаз. Меня хотят женить до наступления нового года, и, думаю, будет правильней, если ты с детьми переедешь в другой... другой замок, — сглотнув, закончил Гейлорд.

— Вот как, — сухо ответила Краста.

— Да, и... Ты же знаешь, что после предательства лорда Жатриена и герцога Огуста их объявили преступниками, и все их имущество после казни... — Гейлорд запнулся лишь на мгновение, но пристально наблюдающая за ним Краста заметила это, — определили в королевскую казну?

— Мне это известно.

«Мне известно, что мои дети останутся без наследия своего отца», — ядовито подумала она.

— Также тебе должно быть известно, — продолжал Гейлорд; на лбу его выступил пот, но лицом он не выдавал своего волнения, — что Ренденский дворец в Мехриве готов принять тебя и твоих детей в любой день.

— Ты выгоняешь меня? — резко спросила Краста, прежде чем сумела бы сдержать себя.

— Конечно, нет, — раздражающе спокойно ответил Гейлорд. — Будь моя воля, я ни за что не стал бы просить тебя о переезде, но мои советники уверены, что моей будущей жене придет не по нраву необходимость делить дом с прежней хозяйкой, ведь ты следила за этим несколько лет с тех пор, как достаточно повзрослела.

Краста удивилась, поняв, что братец многое успел разузнать о ней. Это неприятно задело, хотя прежде она лишь обрадовалась бы этому — что брату она не безразлична.

— Я подумал, — тем же твердым голосом продолжал Гейлорд, — что ты должна услышать это от меня.

— Но если мы уедем, нас здесь не будет! — взволнованно пропищала Клэрия.

— Клэрия, помолчи, — ледяным голосом, который прежде всегда срабатывал, велела Краста.

— Папочка вернется, а нас здесь нет! — не унималась та.

— Клэрия!

— Он не вернется, да?! — в слезах вскричала Клэрия, резко вскакивая.

Ее ножка запуталась в длинной белоснежной скатерти, которая дернулась следом. Опрокинулся чайничек, чашки, блюда, ложечки, сахарница с кружочками сахара — все

посыпалось на пол.

— Ты солгала, солгала мне! И Джулиан тоже ушел, как папочка, да?! Почему, почему они все уходят?! — Клэрия затопала ногами, лицо ее скривилось.

— Мэлия, уведи ее, — приказала Краста.

Внутри все пульсировало от злости и страха. Злость и страх — ее постоянные спутники с того самого ужасного момента, как она застала этого убийцу за очередным злодеянием. Как он смеет вот так сидеть здесь с изумленным, растерянным и пристыженным видом, тогда как хладнокровно бросил Джула умирать?! Тем самым подтвердив догадки Красты о том, что Жатриену просто не дали возможности сдаться. Жатриен был умелым воином, не раз доказавшим свое мастерство в тренировочных сражениях с лучшими Красными Стражами. Он умел оценить противника и знал, когда должно сдаться, он сдался бы ради детей, в которых души не чаял, Краста была уверена в этом точно так же, как была уверена в себе.

— Верни мне моего папочку! — в ярости крикнула Клэрия оторопевшему Гейлорду, вырываясь из рук перепуганной Мэлии. От ее волос, от кожи полыхнули искорки огня.

Гейлорд странно смотрел на нее.

Видел ли он в ней — в ее высоком лбу, форме носа и губ, разрезе и цвете глаз — Жатриена?

Краста не заметила, как вскочила и встала между ними, загораживая Клэрию. Взяла ее на руки и крепко обняла. Клэрия зарыдала, крепко обнимая ее за шею.

Краста надеялась, что со временем дети позабудут о Жатриене, но дело шло хуже, чем она думала. Клэрия и Кэлард целыми днями болтали об отце, ждали его возвращения, мастерили для него неуклюжие поделки, рисовали картинки. Если разлучить их, возможно, она забыли бы о нем, но Краста не могла, да и близнецами они были, и даже верховный маг Легрей предостерегал ее от этого: связь между ними была слишком сильна, сильнее обычной кровной и даже сильнее магической, поскольку закладывалась раньше, чем определялся в их крови будущий магический потенциал.

— Мне лучше уйти, — сказал Гейлорд.

Краста невольно съежилась, почти чувствуя, зная, что он хотел сжать ободряюще ее плечо, но он не стал, и лишь когда за ним закрылась дверь, она поняла, сколько сил из нее выжала эта встреча.

Краста устало опустилась на кресло, где прежде сидела Клэрия, и в несколько глотков осушила чай, который поставила перед ней верная Мэлия. Она бесшумно передвигалась, прибирая устроенный Клэрией беспорядок. Клэрия всхлипывала, но уже почти успокоилась.

У Жатриена возле уха тоже была крупная родинка, как у нее. Краста силилась вспомнить, была ли родинка и у Кэларда, и, поддавшись порыву, приказала Мэлии как можно скорее привести его сюда. Ее дети, их с Жатриеном драгоценные дети.

Видел ли он в них — в их высоком лбу, форме носа и губ, разрезе и цвете глаз, во вспыхнувшем в ярости огне — Жатриена?..

На юного Гейла надели браслеты, ограничивающие выброс магии на величину не более 10 тысяч единиц лаар. Мощность источника, поддерживающего Двери — минимум 12 тысяч лаар в секунду, потому было решено ввести такое ограничение.

Юный Гейл не перестает удивлять меня своим отсутствием знаний.

Лаар — величина, считающая магию. Юных магов, поступающих в школы магов, проверяют на количество магии раз в год первые 4 года. Это позволяет при помощи расчетов вычислить потенциал, и исходя из этого решить — продолжать ребенку обучение или обучение для него закончено. На заклинания и магические формулы затрачивается разное количество, но при волшебстве большее внимание уделяется физическим показателям мага — нагрузки при сотворении заклинаний индивидуальны и бывают таковы, что количество затрачиваемых лаар может оставаться мизерным, в то время как маг уже не сможет колдовать из-за обычной усталости.

Большое количество лаар расходуется при неправильном колдовстве, также случаются отдачи — когда неудачное колдовство наносит физический и психологический урон магу, что также обычно относят к усталости.

Над столицей всюду занималось утро, тяжелая голова гудела и болела: от недосыпа, от свежести ночного воздуха, от непрошенных мыслей и чувств, от которых Вик была бы рада избавиться. Она слезла с нанятой двуколки, рассчиталась с извозчиком, перекинула поудобней дорожный мешок и с комом в горле решительно зашагала в ворота замка.

У ворот ее поприветствовали, узнали и пустили беспрепятственно. Глядели сочувственно, но с лишними расспросами не полезли, и Вик ощутила за это благодарность — и надежду, что и остальные в замке окажутся столь же тактичными. Не нужна была ей никчемная жалость, а единственное, что нужно, желанно, теперь было недостижимо.

Вик тряхнула короткими волосами, к легкости которых все никак не могла привыкнуть, и огляделась. Солнце заливало внутренний двор золотисто-алым светом, повсюду сновали слуги, переговаривались, смеялись, куда-то спешили. Помедлив, Вик зашагала к корпусу Красных Стражей.

Нужно найти Хемля, размышляла она, доложить о возвращении, получить указания. После — увидеться с Локом и Лоис, возможно, проведать Битти... Нет, нет, с нее хватило его речи на похоронах. Он видел Джула последним, он остался единственным выжившим из личной охраны короля, да и немудрено, ведь Дверь открылась прямо в его комнате...

Гейл баловался своим волшебством и открыл Дверь. Из-за него...

Вик зажмурилась. То, что она успешно игнорировала все эти дни, было таким же бесполезным, как никчемная жалость, ведь прошлого не вернуть. Джула и других погибших в тот день не вернуть. Гейл, должно быть, и сам все осознавал и чувствовал себя виноватым. Его ноша была тяжела, удивительно, как он вообще еще не свихнулся.

Качая головой, Вик замедлилась, вспомнив разговор с Локом.

«Юный Гейл ведет себя странно, боюсь, он ввязался в скверную историю. В его словах много расхождений, он увиливает и умалчивает о чем-то важном», — тихо сказал он, отведя ее в сторонку, пока оживленные Джул и Лоис обсуждали последнее соревнование небесной кавалерии на Дандахаре, стране Востока. Лок рассказал, что они с Гейлом тайком проникли в Восточную Вершину, в Верхний мир, в библиотеку Времен — и все за одну ночь, а потом Гейл таинственным образом исчез, чуть не спалив за собой всю библиотеку. Лок с горечью думал, что тот момент и стал тем самым роковым, ошибочным, после которого все покатило по наклонной, нарастая подобно страшному снежному обвалу в горах. Вик подтвердила, что на левой руке Гейла красовалась повязка, и что выглядел он неважно, будто что-то мучило его, но полагала, что то было из-за волнений о восточном побережье. Она пообещала Локу поговорить с Гейлом, хотя уже решила, что он просто переживал из-за того, что не удержал силы и убил лорда Жатриена, мужа своей сестры, которого обещал ей помиловать. Мысленно она уже присоединилась к Лоис и Джулу, чувствуя легкую зависть от того, что не могла столь непринужденно обсуждать с ним разные магические темы. Она разглядывала своего будущего мужа, его чуть торчащие светлые волосы, смеющиеся синие глаза, и сердце ее обмирало и билось неровно, будто не могло поверить, что Джул теперь принадлежит ей, и можно спокойно подойти к нему, взять за руку, поцеловать, и он с готовностью откликнется и посмотрит на нее своим особым потемневшим взглядом, в глубине которого мерцают серебристые искорки.

Вик быстро заморгала, отгоняя готовые пролиться слезы. К голове прилила горячая

кровь боли, гнева и бесконечного сожаления.

Если бы она была внимательней и немедленно — или хотя бы утром — отправилась к Гейлу поговорить, возможно, удалось бы все предотвратить.

Ей пришлось несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть и мысленно медленно сосчитать до десяти, чтобы успокоиться. Простой, но действенный способ, но Вик снова едва не расплакалась, вспомнив, как учитель Руп частенько прикрывал глаза, глубоко дышал и явно вел мысленный счет, когда обнаруживались очередные шалости — ее или Гейла, а то и их обоих.

Боги, она не могла взять себя в руки, а все туда же — в ряды Красных Стражей! Желание развернуться и уйти как можно дальше, чтобы никто не смог найти, стало почти непреодолимым.

— Вик? — раздался недоверчивый возглас.

Вик распахнула глаза, оглянулась. Со стороны оранжереи к ней стремительно приближалась Лоис.

— Боги! Что случилось с твоими волосами?! — всплеснув руками, изумилась она.

Вик неожиданно для себя расхохоталась.

— Нужно срочно привести тебя в порядок, — заявила тем временем Лоис, ничуть не смутившись, и взяла ее за руку. — Нельзя расхаживать в таком виде, что подумают люди, если увидят знаменитую Красную Леди, одолевшую лютого ниргена на арене, в таком виде?

— Что? — еле дыша от смеха, спросила Вик.

— Что? — в тон ей переспросила Лоис. — Это лишь часть слухов о тебе, дорогая, погоди еще, посмотрим, как перевернут эту историю лет через десять.

Болтая о ничего не значащей ерунде, Лоис повела ее в свою комнату, где напоила двумя кружками крепкого чая, в который подлила какую-то ядреную смесь из небольшой фляжки. От одного глотка прошибли слезы и, казалось, загорелся желудок, хоть эту дрянь и здорово разбавили. Шумно шмыгая носом и вздыхая, Вик покорно сносила заботы Лоис, которая вознамерилась привести ее коротко срезанные ножом волосы в порядок и замаскировать глубокие синяки под глазами. После они поспешили на завтрак, где встретились с Локом, с Красными Стражами из запаса... Вик никак не ожидала, что, вернувшись в замок, ощутит радость и облегчение. Все так встретили ее, будто действительно скучали и волновались. До окончания завтрака к ней подбежал придворный мальчишка и передал запечатанное письмо от Хемля, в котором тот приказывал Вик явиться к десяти утра в зал советов, смежный с аудиенц-залом на первом этаже. Пока Вик и Лоис удивленно переглядывались, добродушно-довольный Лок с удовольствием попивал чай из белой чашки с синими цветочками, которую принес с собой в столовую.

— Мы с начальниками Стражей и главным наблюдателем хотим проанализировать полученные от Ищеек сведения, — сказал он, — чтобы позже, на Малом Совете, разработать стратегию дальнейших действий. Я порекомендовал тебя, как человека, хорошо знающего интересные нам территории и знакомого со многими низшими тварями.

— Хемль хочет, чтобы я участвовала в вашем собрании? — напряженным голосом уточнила Вик.

Она уже знала, что в замок прибыл сам начальник Серых Стражей, видела, когда шла по коридорам, серые доспехи незнакомых ей воинов, слышала краем уха, что Хемль намеревался отобрать нескольких Серых Стражей взамен погибших Красных (до тех пор, пока не обучат новых), и перемены эти возмущали и неприятно цепляли сердце, хотя умом

она понимала, что злость ее нелогична и неоправданна.

Лок кивнул, внимательно выбирая конфету из общего блюда.

— Гейл тоже там будет?

— Мм, нет, наш юный король наказан. Ему нельзя использовать магию, вернее, можно, но строго ограниченную, и наш верховный маг на утренней проверке, вернее, на утренних упражнениях, — поправился Лок, — проверяет противомагические оковы на предмет — не пытался ли юный Гейл снять их, какие заклинания использовал в последние сутки...

Лоис тихонечко присвистнула.

— Но ему еще повезло, что его не запрятали в темницы или не казнили, как то сделали бы во времена старой эпохи, — непринужденно добавил Лок. — Еще чаю?

Вик отказалась и сосредоточилась на еде. Надо будет разузнать состав той настойки, которой угостила ее Лоис — сбежавший аппетит вернулся, да и вялость с усталостью отступили. Идея встретиться с начальниками Стражей вместо подспудного страха и недоверия начала казаться привлекательной — как и будоражащая мысль поскорее взяться за дело, в конце концов, изначально она прибыла в Ренджендар именно ради этого.

***

В середине зала советов привычно высился круглый стол непривычно заваленный целой грудой книг, свитков; на стенах были развешаны подробный карты, на которых Вик, чинно следующая за Локом, приглядевшись, различила очертания земель, граничащих с Дикими Землями.

Начальники Стражей уже были здесь. Хемль обменялся с Вик приветственными жестами, после Лок представил ее начальнику Синих Стражей Дюреку Свенгу, начальнику Серых Стражей Байрушу Редгу, главному наблюдателю Мосу Лейсу. Каждого из этих уважаемых господ сопровождали двое людей из их орденов. Вик переглянулась с Тиной и Бренсом из запасного, которые стояли по левую руку от Хемля, но, кажется, с приветствиями было покончено, и, пожалуй, было бы невежливо поздороваться с подчиненными уважаемых господ, раз этого сделать никто ей не предложил. Благо, Лок ободряюще кивнул, распознав ее неуверенность.

— Что ж, осталось дожидаться уважаемого мастера Легрея, — оглядевшись, произнес он.

— Легрей сказал начинать без него, — ухмыльнулся Байруш. — Король настоял на длительных утренних медитациях, кажется, решил взять его измором.

— Тогда перейдем сразу к делу, — улыбнувшись, вежливо сказал Лок и подошел к большой деревянной доске, на которой висела карта с прикрепленными бумажками. Бумажки держались на крохотных гвоздиках. — Мы отправили Ищеек в те города и деревни, близ которых по словам короля Гейлорда были нападения низших тварей. Здесь, — он указал тонким свитком, который ловко достал из-за пояса; на поясе том помимо мешочка и ножен находилось специальное крепление на спине для книг и письма, и Вик помнила, как Лоис жаловалась, что целую вечность искала этот пояс, который понравился бы ее учителю. — Здесь и здесь, и еще здесь... А также мы начали составлять классификацию низших тварей, — Лок кивком указал на захламленный круглый стол, — и работать над стратегией наилучшей борьбы с ними. Юная Вик...

Вик невольно нахмурилась и подобралась от обращенного к ней внимания.

— ... король Гейлорд, к сожалению, смог припомнить названия лишь нескольких мест

и различить лишь некоторые виды низших тварей. Он сослался на твой большой опыт, а также лично я, — Лок обвел уважаемых господ взглядом, — был тому свидетелем. Потому прошу тебя, — он приглашающим жестом указал на карты, стол и доску, — помочь нам в борьбе с низшими тварями.

— Конечно, — пробормотала Вик, недовольно покосившись на него.

К чему столь витиеватые речи?..

Она подошла к доске, оглядела карту и принялась за дело. Обозначила еще несколько городов и деревень, подумав, даже припомнила, где и какие именно твари им попадались. Дюрек и Хемль тем временем ознакомились с очередным докладом, который передала магпаучиха Эронви из комнаты связи. Сопровождающие Красные, Серые и Синие Стражи, негромко переговариваясь (очевидно, они давно уже перезнакомились и хорошо ладили между собой), выписывали из толстенных книг заметки о низших тварях. Более того, они переносили изображение из книги на бумажный лист. Для этого книгу, раскрытую на нужной странице, устраивали посередине нарисованного на столе круга с символами, сверху накладывали лист, прижимали освещенной магией ладонью, после разливали на листе немного чернил и снова накрывали ладонью, оставляя зазор в два пальца. Заклинание читали мысленно, некоторые прикрывали глаза для лучшей концентрации. Вик видела, как чернила медленно смещались по контуру рисунка под листом и когда остывали, на бумаге отображалась точная копия картинки из книги.

Заметок этих с рисунками набралось приличное количество, и Лок подвел Вик к одной из стопок.

— Мы выписываем низших тварей, чье появление в Срединном мире подтвердили Ищейки, — вполголоса сказал он. — Видишь что-нибудь знакомое?

Вик кивнула. Нахмурилась, отложила несколько листов в сторонку.

— Эти неопасны, — так же негромко объяснила она. — Вот, к примеру, эти мелкие, — не зная их названия, она вчиталась в написанные слова, — свунсы? Хм, мы с Гейлом называли их пушистикками... В общем, — заметив пристальное внимание Байруша Редга, она неловко кашлянула, — нам довелось несколько раз переночевать в лесу Глубоких Оврагов, и однажды утром я нашла Ге... короля Гейлорда в компании этих зверьков. Они облепили его, как меховое одеяло. Король Гейлорд говорил, что они словно хотели напитаться его магией, но сквозь одежду не получалось. После он весь день таскал одного на руках и к вечеру торжествовал, что удалось его покормить. — Вик усмехнулась. — Он даже хотел забрать свунса с собой, но ночью тот исчез. Мы тогда не знали, что встретили низшую тварь.

Лок кивнул.

— Пожалуй, действительно стоит разделить тварей на тех, кто опасен и кого нужно уничтожать, и тех, на кого не стоит тратить время и силы.

— Как я и предлагал, — заметил Байруш.

Он все-таки вслушивался в их разговор.

Он подошел к ним ближе, с одобрением разглядывая Вик. Вик мрачно свела брови.

— Слухи о вас правдивы, Красная Леди — ваш ум столь же быстр и гибок, сколь ваше тело. Мне довелось увидеть вашу схватку с ниргеном на арене, но, боюсь, важные дела отвлекли меня от возможности выразить свое уважение столь доблестному воину, в особенности учитывая, что вы пустая.

— Благодарю. Я так же наслышана о вас и трудной работе Серых стражей на границе. Надеюсь, история с низшими тварями покажет королевскому Совету, куда на самом деле

нужно направлять силы лучших боевых магов.

— Не сомневаюсь.

Он посмотрел на Хемля и Дюрека, и Вик неожиданно подумала, что он здесь, должен быть, чувствует себя лишним, совсем не ко двору. Могучее телосложение Байруша было спрятано под плотным плащом, в движениях скользила обманчивая ленность, он казался неповоротливым и сонным, но Вик чувствовала, что ох как не хотела бы сразиться против него.

Спустя несколько минут беседы о тварях Вик поняла, что кроме них двоих и, пожалуй, Лока, никто здесь больше не осознавал в полной мере, что происходило в Срединном мире прямо сейчас. Она хотела бы поговорить с Байрушем еще, поделиться мыслями о вероятных проблемах с тэйверами в Нижнем мире, но тут возвестили о перерыве на обед. Вик с изумлением осознала, что несколько часов пролетели незамеченными, и что она сама успела здорово проголодаться, но не заметила этого, пока об обеде не напомнили.

Сопровождающие торопливо расставляли все по местам, в то время как Байруш, Дюрек, Мос Лейс и Лок уже шли в сторону дверей. Вик помогла с уборкой, а когда тоже собралась уходить, ее неожиданно остановил Хемль.

— Задержись на минутку, есть разговор, — сказал он, и Вик, наполняясь нехорошими предчувствиями, послушно подождала вместе с ним, пока последние Стражи не покинули зал совета.

Хемль устало сел на стул с высокой спинкой и жестом указал ей тоже присесть.

— Случившаяся более двух недель назад трагедия усугубила и без того дурную репутацию короля, — сухо сказал он. — Сейчас ему следует быть крайне осторожным, чтобы не довести ситуацию до открытого конфликта. Мы приняли некоторые меры для этого, возможно, ты о них уже слышала.

Он замолчал.

— Да, я слышала, — терпеливо подтвердила Вик, понимая, что иначе беседа слишком затянется.

— Также в планах Совета объявить о поиске невесты для короля вскоре после праздника Жатвицы.

— Это благая весть, — осторожно сказала Вик.

Хемль смерил ее странным взглядом.

— Ты, правда, так думаешь?

— Я вас не понимаю, — медленно вставая, произнесла Вик. — Говорите прямо, зачем позвали меня на разговор?

Она бесстрашно встретилась с его взглядом, и он, должно быть, что-то для себя поняв, тоже встал с места и приблизился к ней так, что нависал теперь на добрую голову.

— Многие с дня твоего появления здесь считали, что ты — подстилка короля, и лишь потому он так тебе благоволит. Твое обручение с Джулианом Билдом для многих оказалось неожиданностью, но то, что с ним случилось, не стало для них сюрпризом.

— «Для них»? — Вик чуть прищурилась. — О чем вы, шмак побери, говорите?

— О людях, — перебил ее Хемль. — О слугах, о стражах, о жителях столицы! Шлюха короля обручается с другим, и жених погибает спустя две недели! Представляешь, сколько дурных сплетен это породило?! Как сильно это повлияло на и без того шаткую репутацию короля?!

— Хотите сказать, Гейл нарочно открыл ту проклятую Дверь?! — не выдержав,

крикнула в ответ Вик. — Чтобы из ревности Джула убить?! Что же он еще сложнее способа не придумал?! И вы же знаете, что он для меня как брат! Да вы!.. — Она не находила слов от возмущения и гнева.

— При чем тут я? — ледяным голосом осведомился Хемль. — Я хочу лишь одного — благополучного правления моего короля. Я лишь рассказал тебе о ситуации вокруг его репутации, и сколь сильно одно твое присутствие на нее влияет не в лучшую сторону. Вам обоим следует соблюдать дистанцию, особенно при свидетелях.

— Да мы и так за все время здесь практически не общались, — с трудом заставив себя сконцентрироваться на действительно важном, а не на эмоциях, процедила Вик.

— И все же это не помешало слухам распространиться, Красная Леди, — напомнил он ей случай на арене. — Та схватка с ниргеном не только восстановила честь и достоинство короля, но и послужила топливом для мерзких слухов. На то, чтобы отстроить замок, могут уйти годы, но чтобы разрушить его, порой достаточно одной минуты. Если будете осторожны, со временем слухи утихнут, в особенности, если как можно скорее женить короля. Думаю, с этим не должно возникнуть проблем. Он молод, богат, не лишен привлекательности, к тому же король.

— Его находили привлекательным еще до того, как он стал королем, — заметила Вик, немного успокоившись. — А если ему позволят выкрасить волосы в черный, благодарность его будет безмерна, как и количество желающих выйти за него.

Хемль коротко хмыкнул.

— Я поняла вас, господин, — продолжала Вик. — Я знала о сплетнях, но не предполагала, что они настолько... мерзкие. Впредь мы будем благоразумней, но я напомню еще раз — лично для вас, — она постаралась вложить во взгляд весь праведный гнев и холод, — за всю жизнь я не испытывала к королю Гейлорду и толики тех чувств, что чувствую к Джулу и буду чувствовать лишь к нему до конца своих дней.

Она стиснула левое запястье с браслетом с такой силой, что мелькнул испуг его сломать. Глаза щипало от слез, но она упрямо не отводила взгляд.

— Гейл моя семья. Не оскорбляйте его даже тенью предположения, что он мог столь гнусно поступить с моим возлюбленным, со своим личным Стражем. В том, что произошло тогда, нет его вины.

Хемль кивнул, прикрыв глаза.

— Не смею тебя больше задерживать.

Вик уважительно поклонилась ему и, стараясь идти спокойным шагом, вышла из зала совета.

дневник Лока: тайные ходы Вершины, часть 1

Долгое время я гадал, слухи то или нет — существование потайных ходов в Вершинах. Видите ли, если бы они существовали, более тысячи лет хватило бы с лихвой на то, чтобы их изучить, нарисовать карты и пользоваться даже несмотря на, кажется, врожденную скрытность и недоверчивость Хранителей.

Убедиться в их правдивости мне удалось в те дни, когда раскрылось предательство герцога Огуста и лорда Жатриена. Как оказалось, до этого юный Гейл рассказал юной Вик о них и нарисовал подробную карту, что в дальнейшем спасло ему жизнь. После покушения на короля она рассказала, что уничтожила карту, едва убедилась, что в тайных ходах не заплутает. Она отказалась показывать их кому бы то ни было, ссылаясь на то, что секрет не ее, и обнаружить его пришлось лишь в крайнем случае.

Но, разумеется, всегда можно найти обходные пути, если на то будет достаточно желания.

Я расспросил Стражей из запасного отряда, которые путешествовали с юной Вик по потайным ходам в ту ночь. Юный Джул отказался это комментировать и сослался на юную Вик в точности, как та сослалась на юного Гейла. Большая половина свидетелей не могла точно вспомнить манипуляции Вик и точное местоположение двери, меньшая — возмутилась моему любопытству, и самая малая пыталась самостоятельно добраться до истины. В числе их был и один любопытный человечек по имени Битти Ангуста, который рассказал и показал мне нечто крайне занятное.

Он привел меня к западной парадной лестнице и подвел к стене, за которой находилась цветочная комната. В глубокой нише стоял большой горшок с Лапиталией Скармландской, чьи лиловые соцветия поистине настоящее украшение этой части замка. Исходящий от них нежный аромат впору бы включать в цветочные композиции духов, коими так любят пользоваться человеческие женщины, думаю, даже наши капризные и чувствительные шэйерки не отказались бы пополнить ими свою коллекцию ароматов, пусть даже цветы эти произрастают в Срединном мире.

Но я несколько отвлекся. Юный Битти с вопиющей беспардонностью отодвинул Лапиталию Скармландскую и, нахмурившись, уверенно нажал на несколько ничем не примечательных с виду кирпичей. Стена за нишей сдвинулась, и я с изумлением обнаружил за ней крохотное помещение в два шага длиной и шириной с эту самую нишу. В углу лежали осколки разбитой посуды, несколько пауков бросились врассыпную, торопливо попрятались в щели и зазоры между камнями и стенами. Юный Битти посмотрел на мое, безусловно, ошарашенное и возмущенное лицо и расхохотался.

Вик вкладывала силу и злость в каждый удар, сражаясь с тяжелым, набитым опилками мешком. Подвешенный на перекладине, тот покачивался под безмятежный скрип веревки. Солнце еще не встало: близилась осень и дни укорачивались. В столь ранний час лишь Стражи бродили по внутреннему двору, да сонная прислуга лениво шла по своим делам. Все казалось таким привычным, но далеким и чужим. Из-за темноты и потому что Джула здесь нет, его больше нет, он никогда не придет.

Сознание цепенело и застывало в отстраненном вязком ужасе, как насекомое в янтаре: Вик продолжала вставать по утрам и идти на тренировки, а Джул нет; Вик шла на завтрак, обед и ужин, а Джул нет; день клубился в заботах, вопросах, новых тренировках — но Джула нигде не было, и Вик оборачивалась снова и снова, и имя его застывало на губах, которые медленно кривились в некрасивой гримасе отчаяния, если не спохватиться и не поджать их со всех сил.

Тренировочная площадка на арене была освещена мягким светом кристаллов, установленных на столбах. Вик методично впечатывала в мешок обмотанный плотными бинтами кулак.

Она не тренировалась в использовании артефактов с последнего утра, когда виделась с Джулом. Если бы она знала, что та встреча последняя...

Вик шумно выдохнула, почти крикнула, ударяя кулаком со всей силы. Обессиленно прижалась к мешку, прислонилась лбом, прикрывая глаза. Постояла немного в блаженной тишине отступивших мыслей.

Им с Локом все еще не удалось распознать тварь, убившую Джула. Наверное, она из высших и не может находиться в Срединном мире так долго, как низшие, наверное она давно уже сдохла, но Вик понимала, что не успокоится, пока не поймет, что это было.

Меч и доспехи были пробиты одним ударом. Почему Джул не увернулся и принял прямой удар? Защищал кого-то? Почему тогда это кто-то молчит?

Помогая Локу составлять картину случившегося, Битти расспросил многих, даже принцессу Красту, но безуспешно. Ее дети еще не вполне понимали, что именно случилось. Несколько дней назад, гуляя по саду, Вик услышала зареванный голос принцессы Клэрии: та отказывалась спускаться с дерева, пока Джулиан не придет за ней. Мелькнула мысль подойти туда, уговорить ее слезть, но не хватило духу: Вик подозревала, что и сама расплачется, и не обернулась, когда Клэрия, заметив ее, позвала. Она звала леди-воина, потом разрыдалась, вспомнив отца.

Маленький Кэллард в отличие от сестры был тихим и неприметным, хотя внешне они практически не отличались. Он редко плакал, даже когда больно падал и ударялся, кажется, весь шум и суетливость достались его сестре.

В памяти вспыхнула картина дня признания в чувствах — когда Джул подхватил принцессу Клэрию на руки и понес к матери. Он улыбался, а принцесса кокетливо что-то ему щебетала.

Вик безотчетно прижала ладонь к животу.

Они думали о ребенке, но года через два: когда Гейл окончательно устроится на троне, когда дело с тварями продвинется, когда они оба будут готовы и обустроят новенький двухэтажный дом на окраине столицы, подаренный Гейлом. Знала бы тогда, сколь мало у

них времени...

Глотая слезы, Вик оттолкнула мешок с опилками и неровным шагом отправилась назад в общежитие.

***

Вик не знала, провел ли Хемль и с Гейлом воспитательную беседу, но заметила, что поведение его изменилось. Гейл с Легреем наконец-то пришли к какому-то взаимопониманию, и Легрей смягчил условия его наказания: магов из цитадели отправили назад вместе с посланием о низших тварях; Гейла вновь сопровождали его личные Красные Стражи; в часы его рабочих обязанностей вписали час присутствия на утреннем совете.

Вик подозревала, что это Байруш и Лок уговорили Легрея на последний пункт в расписании короля, настаивая на том, что знания и опыт Гейла помогут в составлении стратегии борьбы с низшими тварями. Да и самоконтроль Гейла заметно улучшился. По словам Лока он, казалось, медленно, но верно сбрасывал с себя тяготы последнего месяца. Легрей заставил Гейла вести дневник — утром, днем и вечером — и самолично за этим следил. Наверное, именно это помогло Гейлу немного разобраться в своих проблемах.

Вик вновь вспомнила о просьбе Лока, которую так и не выполнила. Гейлу, очевидно, требовалось поговорить с кем-то, и он нашел отдушину в дневнике, спасибо Легрею.

Гейл казался воодушевленным. С Вик он разговаривал с тем же спокойствием, что и со всеми остальными, уделяя ей столько внимания, сколько и остальным, и ничем не выделял во взгляде и обращении. В глазах придирчивого Хемля мелькало одобрение, однажды он даже добродушно улыбнулся Вик после очередного утреннего собрания. Улыбался он мало кому, но Вик помнила, как часто он одобрительно смотрел на тренировки Джула, и внутри потеплело при мысли о том, что суровый неприступный Хемль, признавший Джула, стал признавать и ее.

Несколько раз Вик довелось присутствовать на Малом Совете, где она выдвинула несколько очевидных дельных мыслей, которые надумала уже давно: собрать отряды среди жителей деревень и городов, подвергнувшихся нападению, и во главе поставить Синих Стражей — с некоторыми низшими тварями пустые справлялись лучше магов; назначить комендантский час; при возможности переселить жителей домов у самого леса и реки; поставить ловушки против низших тварей, а также сигналы, которые предупредили бы об их подходе. Правда, идея с сигналами зашла в тупик — чтобы составить подходящее чародейство, требовалось изучить низших тварей не только на бумаге.

В какой-то момент Гейлу взбрело в голову вспомнить свои боевые навыки, и он стал являться на тренировки нового набора будущих Красных стражей не просто, чтобы поглазеть.

“Давно пора”, - подумала Вик, довольно наблюдая за тем, как после разминки он попрактиковался с самим Хемлем во владении мечом.

Хемль выглядел удивленным, видать, не ожидал, что Гейл окажется не так плох. После он ушел, забрав с собой отряд будущих Красных Стражей, и тренировка продолжилась куда свободней и спокойней без его довлеющего взора.

Гейл предложил Битти потренироваться в стрельбе, и вскоре Вик обнаружила себя и остальных наблюдающими за спонтанным соревнованием. Стреляли в специально огороженном участке арены по установленным на разных дистанциях мишеням — тридцать,

пятьдесят, семьдесят локтей. Гейл гордился своим умением попадать точно по мишеням и всегда стрелял лучше Вик, потому со снисходительностью в голосе предложил Битти право стрелять первым на девяносто локтей. Битти недобро чуть сощурился и вызов принял. Вскоре они уже оба не на шутку разгорячились. Битти вел в счете, и лишь непонятое упрямство заставляло его каждый раз натягивать тетиву и целиться так, будто он умер бы на месте, если бы промахнулся. За спиной недоуменно зашептались: все уже видели, как вздувались черные вены на виске вспотевшего Гейла, предательски обозначая его раздражение грядущим проигрышем, и Битти, по их разумению, следовало бы ослабить хватку, поддаться немного, чтобы не вести со столь разгромным счетом. Как знать, не взбредет ли королю в голову отомстить ему за это унижение?

«Конечно, нет!» — с негодованием подумала Вик.

Она надеялась, что Битти точно так же уверен в Гейле, потому выкладывался на пределе, иначе... иначе она не могла даже предположить причины его странной одержимости, окаменевшего холодного взгляда и мелькнувшей неприязни к Гейлу.

Джул побежал за королем, вспомнила она рассказ Битти. Король словно что-то увидел или о чем-то внезапно вспомнил и побежал по восточному коридору, никому ничего не сказав, и им с Джулом ничего не оставалось, кроме как разделиться.

Винил ли Битти себя в его гибели? Быть может, он думал, что это он должен был побежать за Гейлом?

Быть может, Битти винил Гейла?..

— И победа достается Битти Ангусте! — со смехом объявила Лори Милдер окончание шуточного турнира.

— Ты отлично стреляешь, — похвалил Гейл, похлопав Битти по плечу. — Кажется, мне есть чему поучиться.

Он рассмеялся вполне искренне, и Вик даже подумала, уж не показалось ли ей, что он был раздражен?

— Вы отлично стреляете для короля, — не менее искренним голосом отозвался Битти. — Я серьезно, вот уж чего я не ожидал бы от королевской зад... мхм, особы.

Да, кажется, она просто слишком себя накрутила, вообразив того, чего не было.

— Быть может, вы и в других дисциплинах так же хороши? — весело подначил Битти и притворно огляделся. — Может, покажете нам парочку приемов, пока папаши нет?

От того ли, что Гейл оделся на тренировку в такое же облачение, что и Красные Стражи, или от того, как он воспринял свое поражение, все расслабились и оживленно поддержали эту глупую идею? Гейл рассмеялся. Давненько он не выглядел таким спокойным и довольным, несмотря на проглоченную обиду, возможно, понимал, что глупо и по-детски злиться на того, кого он не мог обойти.

— Хм, и против кого же мне показать свои выдающиеся приемы? — показушно разминая запястья, осведомился он.

Каким-то образом Вик вдруг очутилась впереди: ее просто подтолкнули вперед и ребячливо принялись упрашивать, игнорируя слабые возражения. В действительности Вик неожиданно обнаружила, что ей не терпится схлестнуться с Гейлом хотя бы в рукопашной, боги, они же вечность не тренировались вместе! А в прежние дни чуть ли не по пол-дня могли спарринговаться друг против друга! Ну что ж... Вик встала в боевую стойку и подманила Гейла ладонью.

— Ну давайте, Ваше Величество, — поддразнила она. — Покажите, на что способны.

Глаза Гейла сверкнули жадной и азартом.

— Ах, ну держись.

Он принялся резко и энергично растягивать руки над головой под изумленное хихиканье Красных Стражей. Подергался-попрыгал, разминаясь и оценивая расстояние до Вик и явно прикидывая план нападения, и резко сорвался с места. Удары его растеряли прежнюю стремительность и силу, хотя двигаться он не разучился, чего Вик не преминула заметить.

— Я уже столько времени нормально не тренировался! — пожаловался в ответ на издевку Гейл. Потер плечо, по которому Вик врезала вполсилы.

— Думаете, оправдания помогут, когда на вас нападут твари, на которых не действует магия?

Гейл едва не пропустил удар, след от которого красил бы его лицо добрые полторы недели, и, внезапно разозлившись всерьез, начал наступать так стремительно, что удары его пришлось блокировать.

— Эй, не будь к нему так строга! — крикнула Тина Берд. — Битти прав: для короля он отлично сражается!

— Слышала? — самодовольная ухмылочка расцвела на лице Гейла.

Этой его заминки было достаточно. Вик не могла ею не воспользоваться, уж кому, а Гейлу это должно быть хорошо известно. В долю секунды она извернулась и ударила его ногой по подбородку, в последний миг Гейл успел выставить руку и перехватить ее за лодыжку. Тут же дернул на себя, но Вик подскочила на второй ноге и от души вложила силу в очередной пинок, который попал бы Гейлу по голове, если бы он среагировал на миг позже — один из редких приемов, что вызывал довольную ухмылку на лице учителя Рупа. Он успел уклониться, но потерял равновесие, и они оба рухнули на землю. Вик быстро перехватила инициативу и руку Гейла в клешни ног. Скрестила ноги, с силой дернула руку Гейла на себя.

— Сдаюсь-сдаюсь! — перепуганно заорал Гейл. — Шмак, ты мне руку хочешь оторвать?!

— Будешь таким же беспечным в следующий раз, одной рукой не отделаешься! Голову оторву!

— Я понял, понял!

Вик расслабила хватку. Гейл, несолидно кряхтя и жалуясь, поскорее от нее отполз. Раздались вздохи облегчения, кто-то энергично захлопал, кто-то довольно усмехнулся: оказывается, на них успели сделать ставки. Вик быстро вскочила на ноги и помогла подняться Гейлу, с досадой пытаясь вспомнить, не выкрикнула ли какие-то ругательства и оскорбления во время схватки — на какой-то момент умудрилась позабыть, что у них были зрители.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — церемонно сказала она. — Не рассчитала сил.

— Я бы обиделся, если бы ты решила мне поддаться, — отозвался Гейл.

— Я не ожидал, что наш король так же хорош в рукопашной, как и в стрельбе! — как всегда вовремя подоспел Битти. — А если еще и магию его взять в расчет... Да он один — как целое войско! Просто преступление держать столь сильного воина в комнате и заставлять заниматься бумажными делами.

— Согласен с тобой, — кисло улыбнувшись, сказал Гейл. — Большая часть королевских обязанностей — пустая трата сил и времени, сплошное расточительство. Если бы правительство уделяло внимание тому, что действительно нужно, жизнь стала бы лучше.

Красные Стражи удивленно переглянулись. Задумчивый Гейл поблагодарил их за тренировку, и, прежде чем уйти, отвесил уважительный поклон, каким обычно одаривают ученики учителей или более старших товарищей: переплел пальцы, почти касаясь ими губ, поднял локти и чуть склонился. Позже Вик осознала, что этим вечером Гейл вернул их доверие и расположение. Не раз после в столовой и на тренировках вполголоса обсуждали короля Гейлорда, а когда он вновь являлся на тренировки, уже гораздо охотней и свободней разговаривали с ним — потому ли, что он снова был одет в обычную для стражей одежду для тренировок или потому, как он повел себя в тот, первый вечер? То было неважно. Вик видела, что он становился прежним собой и обретал утраченную уверенность, и радовалась этому.

***

Очередное раннее утро застало Вик врасплох: на арене уже кто-то был. И снова сердце екнуло и покатилося в мгновенной ослепительной мысли, что это Джул, но то был, разумеется, не он, и, приглядевшись, Вик, уже гадая, кто из новичков решил воспользоваться часами до подъема, узнала Гейла.

— Ты что здесь делаешь? — в изумлении спросила она.

— Тренируюсь? — предположил Гейл и зябко повел плечами. — Мне надоело каждый раз проигрывать кому-то из Стражей. Я слишком размяк за последние месяцы.

— Это наша работа — защищать тебя, — заметила Вик. — Странно будет, если мы окажемся такими слабаками, что даже тот, кого мы должны защитить, сможет надрать нам задницы.

Гейл рассмеялся.

— Может тогда от меня отстанут с этой охраной и подобной ерундой?

Он небрежно поднял руки и встряхнул, демонстрируя широкие браслеты, плотно облегающие предплечья. Снисходительно взглянул на нее, вызывая страстное желание щелкнуть его по задравшемуся носу, и неожиданно перетек в боевую позу. Сжал кулаки перед собой, чуть пригибая голову и поднимая плечи.

Вик нахмурилась, спохватившись, что снова не заметила истинного настроения Гейла: в действительности он был мрачен и взвинчен. Быть может, потому-то и пришел сюда, зная, что найдет ее здесь, и они, наконец, смогут поговорить о том, что тяготит его? Вик вновь вспомнила просьбу Лока, решительно кивнула скорее себе, чем Гейлу, и приняла оборонительную позицию.

У Гейла будет фора: она даже не успела размяться, но времени на это не было — Вик беспокоилась, что момент будет испорчен, и Гейл закроется в себе.

Они кружили друг против друга, готовые схлестнуться в рукопашной в любой миг, и тот настал, когда Вик невольно отвлеклась на ложный выпад Гейла. Гейл набросился, занося кулак. Блокировать такой очевидный прием было легко, но Гейл обрушил на нее целый шквал ударов, и, чтобы утихомирить его, Вик ловко провела подсечку и собиралась было схватить его за горло, но тот улизнул, ударяя наотмашь локтем по корпусу. Вик охнула, успела прикрыть голову от следующего удара, пригнулась, опираясь рукой о землю и врезала Гейлу ногой, но тот ее перехватил и резко потянул на себя. Они закопошились на земле, пытаясь перехватить друг друга, отфыркиваясь, отплевываясь от пыли, пока Вик не вывернула ему руку и не ткнула лицом в землю, победно устраиваясь сверху.

— Сдаешься?

Гейл тяжело дышал и трясся всем телом. Вик забеспокоилась и наклонилась посмотреть, но этот придурок просто хохотал.

— Что смеш..

Она не успела договорить, как Гейл резко дернулся. От неожиданности она растерялась, и он мгновенно перехватил ситуацию. Она дернулась, пытаясь вырваться, Гейл не уступал. Они завозились, шумно и раздраженно сопя, временами глупо хихикая, в потасовке, будто обратились снова в детей, не умеющих толком держать кулаки, и в какой-то момент Гейл, пытавшийся встать, не удержался, и голова его с размаху заехала ей по лицу, попав точно в нос.

Перед глазами рассыпались искры боли, аж слезы потекли. В носу что-то хрустнуло. Точно сломался. Кровь хлынула, стекая в горло, по подбородку вниз, пачкая одежду, по пальцам, которые Вик подставила. Лицо, нос, даже глаза пульсировали, кровь так и хлестала, градом сыпались слезы, мешаясь с кровью. Ошарашенный Гейл засуетился.

— Дай посмотрю?

Вик прогундосила, что не надо и сама, но Гейл решительно заставил ее отнять руку от лица.

— Все не так плохо, — упавшим голосом попытался приободрить он. — Шмак, прости, я не хотел. Думал, ты среагируешь, — немного обвиняюще добавил он.

Вик сплюнула скопившуюся во рту кровь, пытаясь выразить негодование хотя бы взглядом.

Руки Гейла тем временем озарились золотом, знакомое тепло заструилось по лицу.

— Это пустяк... уф, Гейл, не надо, — запротестовала Вик, вспомнив слова Лока о том, что часто пользоваться магией исцеления чревато дурными последствиями, но Гейл легонько хлопнул ее по щеке.

— Я виноват, я все и исправлю, — твердо сказал он. — Потерпи немного.

Он утешил боль и, взявшись за нос, дернул его на место, чем вызвал новый сноп искр боли. Чуть высохшие слезы снова покатались по лицу. Золотой свет стал нестерпимо ярким, пришлось зажмуриться, а затем боль быстро и окончательно прошла. Вик осторожно открыла глаза, чувствуя, как Гейл вытирает ей лицо платком.

— Это... все?

— Я многому научился с тех пор, как мы здесь, — не без самодовольства сказал Гейл. — Смотри.

Он изящно повернул запястье, разворачивая ладонь вверх, и что-то зашептал. Воздух запузырился, собираясь над его ладонью в небольшой шар воды. Гейл направил воду на испачканный платок, чуть выжал и продолжил вытирать кровь с лица Вик, удерживая за подбородок.

— Мне кажется, или твой нос стал выглядеть лучше? — придирчиво разглядывая ее лицо, спросил он.

— Ты потому мне его разбил, что имел что-то против его прежней формы?

— Нет. — Гейл рассмеялся. Его взгляд лучился, руки были теплыми и бережными, движения осторожными, чуткими...

Чтоб он так грациозно в следующем бою двигался, шмак бы его побрал!

Он провел платком в последний раз и остановился. Выражение лица его неуловимо изменилось, глаза словно бы затуманились.

— Гейл, ты в порядке?

Вик пытливо посмотрела на него, настороженно проследила за тем, как он провел рукой выше по ее щеке, обхватил ладонью затылок.

— Что ты... — недоуменно начала она, как Гейл неожиданно быстро приблизился и, прикрыв глаза, поцеловал.

Вик замерла от неожиданности.

Это не укладывалось в голове.

Точно, Гейл просто хорошенько врезал ей, потому и мерещатся странные видения. Рассудок помутился, потому что кусочки сломанного носа впились в ее мозг.

Гейл углубил поцелуй, притягивая ее ближе, зарываясь пальцами в волосы, и по всем ощущениям это точно происходило наяву.

Кажется, это она слишком сильно его ударила.

Вик опомнилась, попыталась отстраниться, но Гейл не отпускал.

Какого шмака он творил?!

Рука сама собой сжалась в кулак, и Вик от души впечатала его Гейлу в лицо. Голова Гейла мотнулась, он сам чуть не упал, оперся о землю, ошеломленно посмотрел на нее, тяжело дыша.

— Не забывайся, — ледяным тоном сказала Вик. Это могло бы прозвучать действительно угрожающе, если бы голос так не дрожал. — Какого шмака, Гейл?

— Ты мне нравишься, — прошептал Гейл. Шумно сглотнул и добавил: — Я люблю тебя, Вик, уже давно.

— Что ты несешь? — растерялась Вик. — Какое «люблю»? Ты никак совсем ополоумел?

— Это правда. — Он опустил взгляд, посмотрел на свои руки и сжал в кулаки. — Я так давно... Ради всех богов, Вик! — неожиданно рассердился он. — Как ты могла этого не замечать? Разве стал бы я делать все то, что делал, только потому, что меня попросил кто-то другой? Я остался здесь из-за тебя, я все сделаю ради тебя!

— Мы столько времени были вместе, почему ты не рассказал об этом раньше?! — в ярости перебила его Вик.

Выбрал такое время, такое место!.. Гнев разгорался все больше, словно Гейл своим признанием осквернил их с Джулом чувства. Это здесь они впервые встретились, здесь встречали каждый новый день, здесь Джул сделал ей предложение, здесь они виделись в последний раз! Гейл не имел права вот так вываливать на нее свои чувства! Да и как ему вообще могло такое в голову прийти?! Она знала его с детских лет и не воспринимала как... как мужчину! Он всегда будет для нее младшим братом, которому надо подтирать сопли! Разве он не понимает этого?! Чего он пытается добиться своим глупым признанием?! Молчал столько времени — молчал бы и дальше!

Побледневший Гейл с вызовом смотрел на нее, и Вик смертельно хотелось врезать ему, чтоб перестал так смотреть, и уйти.

«Не позволяй гневу взять верх, — раздался в голове голос учителя Рупа. — У воина должна быть холодная голова и здравый рассудок. Тот, кто поддался гневу, проиграл».

Все верно. Это Гейл, ее названный брат. Какими бы ни были причины молчать столько времени — они были, и ничего не оставалось теперь, кроме как принять их.

Десять лет он врал ей о своем происхождении, чего еще можно было от него ожидать?

Злость потеснилась, уступая кусочек места разочарованию.

Может, он еще подглядывал за ней тайком во времена странствий?

К разочарованию примешалась доля отвращения.

— Ты вообще уверен, что влюблен в меня? — дрожащим от гнева голосом как можно спокойней спросила она. — Должно быть, ты просто спутал это с привязанностью. Ну или я не заметила, как стукнула тебя по голове. Это же нелепица! — не удержалась она.

— Да, уверен. Я поначалу не осознавал, а потом не смел признаться — момент все был неподходящий. Я уже несколько раз хотел, но все не везло, а потом вы с Джулом обручились, и я... — выпалил Гейл на одном дыхании и запнулся. — А теперь его нет, и времени всего немного прошло, и я не должен был, ты права, но, — он горестно сжал ладонями лицо, — я так больше не могу. Смотрю на тебя, а дотронуться не могу, и это сжигает меня изнутри. — Он отнял руки от лица и посмотрел на нее так, будто готов был вот-вот заплакать. — Прости, знаю, не к месту и не ко времени, но, если можешь, если сможешь когда-нибудь, — поправился он, — мы могли бы?.. Ты могла бы полюбить меня?

Он смотрел на нее, и в глазах его горело черное золото, и что-то поднималось внутри Вик, что-то тяжелое, угрожающее, как дыхание далекого лесного пожара, чье стремительное появление было неминуемо, и первая дрожь прокатилась по сухой земле, и первые звери настороженно прислушались, и первые птицы испуганно взмыли к небу.

Она медленно приблизилась к Гейлу.

— Гейл, ты мне как брат, понимаешь? Я люблю тебя, но как брата. Шмак, мне даже подумать о таком отвратительно.

Гейл вздрогнул, отвел пристыженно глаза. Вик, помедлив, протянула руку, хотела ободряюще сжать его плечо, но он резко отодвинулся, будто она собиралась его ударить.

— Я понял, ладно? Я в порядке, просто... Просто не надо.

Он отвернулся и направился к ближайшей стене арены. Коснулся ее, провел ладонью по одному из камней, и неожиданно перед ним открылся проход, в котором Гейл и исчез.

Вик досадливо пнула камешек.

Не стоило с ним так резко.

Но а чего он ожидал? Что она будет сюсюкаться с ним или еще лучше — ответит на его чувства взаимностью, поцелует в ответ и в эту же ночь придет к нему в покои?

И все же можно было и полегче. Все-таки у него тоже выдались нелегкие деньки, на его плечах лежала непосильная ноша и давил неподъемный груз вины. Просто он слишком ошарашил ее. У нее не было времени на то, чтобы все обдумать и подобрать верные слова. Даже сейчас внутри клокотали гнев, растерянность. И росло маленькое беспомощное чувство вины.

Как бы Гейл не воспринял ее отказ слишком близко к сердцу.

Нужно поговорить с ним, решила Вик. С тех пор, как они прибыли в Вершину, у них практически не осталось времени на общение, а прежде ведь были вместе круглыми днями. Да и не мешало бы расспросить его о том, что беспокоило Лока. Разузнать все, поговорить по душам, как в старые добрые времена. Он поймет, что никогда не сможет заменить Джула, но вместе с тем вспомнит, что не один — что бы ни случилось, Вик на его стороне. Как сестра, как друг и боевой соратник — как и прежде.

Приободренная Вик решительно кивнула самой себе и приступила к тренировкам.

дневник Лока: тайные ходы Вершины, часть 2

Люди никогда не перестанут меня удивлять. Ни один даже самый заносчивый юный шэйер в жизни не осмелился бы хохотать в лицо старшему товарищу и уж тем более — старшему товарищу из другого народа.

Я терпеливо подождал, пока веселье не отпустит юного Битти Ангусту.

— Отлично, — сухо сказал я. Не скрою, я выдал свою досаду и нетерпение жестом — скрестил руки и несколько раз мелко потарабанил пальцами. — Но мое время на праздные шутки ограничено, юный Битти, может, покажешь мне обещанный тайный проход?

— Так это он и есть, — с удовольствием тут же отвечивал юный Битти и вновь не удержался от смеха. — В тронном зале, кстати, то же самое. Я внимательно следил за тем, что делала Вик, чтобы открыть эти двери, а после попытался проделать то же самое — с той же стороны, с обратной, но, — он посерьезнел, задумался, — за стеной нашел лишь чуланы, похожие на этот.

Он вопросительно посмотрел на меня, и я не нашел, что ответить.

— Думаю, — продолжал юный Битти, — дело в том, что наш король разрешил Вик пользоваться ими. Конечно, она ничего магического не делала — пустая же, но ей это и не требуется. Все дело в замке, понимаете? Он словно бы...

Юный Битти медленно украдкой огляделся. Его передернуло — едва-едва, но я заметил. Понизив голос, он сказал:

— Иногда мне кажется, что я хожу внутри живого существа, и что оно... — Юный Битти придвинулся ближе. Его узкое лицо побледнело. — И что оно как животное, понимаете? Как огромное равнодушное животное. Оно мирно дремлет до поры до времени, а потом ее любимый хозяин возвращается, и оно делает все, что может, чтобы он был доволен, вот только хозяин нашей зверушки совсем не умеет с нею обращаться.

— Юный Битти, — только и смог пробормотать я.

Непонятный морок покинул растерянное и испуганное лицо Битти. Его широко раскрытые светлые глаза моргнули два раза, он отодвинулся.

— Не берите в голову. Просто я...

Он нервно провел рукой по волосам, и мне пришло в голову, что парнишка не так прост, каким видится на первый взгляд. Тщедушный, худощавый, часто хохочущий и отпускающий неуместные шуточки — сейчас он был непривычно серьезен, и серьезность эта испугала меня.

— ... в детстве страдал хождением под луной, знаете такую болезнь? — Он хихикнул, стремительно превращаясь в прежнего себя, и я почти вздохнул с облегчением. — Я уж лет пятнадцать как избавился от нее, но с тех пор, как вернулся король, дважды обнаружил себя, прогуливающимся ночью без штанов, как вам такое? Обычно сны во время этих прогулок я не помнил, но теперь... — Его вновь передернуло, он виновато потрогал каменный пол носком своего сапога. — Это глупо, да?

Видимо, этому человечку хотелось выговориться, но он не знал, кому, и воспринял мою компанию, как подобающую, что ж. Это меньшее, чем я мог отблагодарить его за согласие показать мне двери в тайные ходы Вершины.

Не знаю, что бы сделала юная Лоис, но я по короткому размышлению аккуратно положил руку на острое плечо юного Битти и сказал:

— Нет, это не глупо. И я хотел бы услышать, что тебе снилось.

Юный Битти испытующе глядел на меня.

— Это важно для моих исследований, — счел нужным добавить я. Но тут моего собеседника окликнули другие Красные Стражи, и он быстро откланялся.

Слова юного Битти не перестают преследовать меня. Я тщательно прислушиваюсь к своим ощущениям, но ничего подобного не замечаю. Поспрашивать еще кого-то? Мм, вряд ли, того гляди, сочтут меня безумцем, лишь бы самим не предстать безумцами в чужих глазах.

Следовало ожидать, что объяснение с Вик ничем хорошим не обернется. По правде, обернулось даже лучше, чем Гейл мог бы вообразить: после импульсивного признания он ожидал, что она по меньшей мере врежет ему снова (и в этот раз со всей силы), уйдет и не будет разговаривать с ним до окончания времен.

Дурак, ну что за дурак? Подождать подольше не мог? Выбрать обстановку поромантичней? Или поухаживать для начала? Вызвать в ней ответные чувства, а уже позже — признаваться?

Но ее лицо было так близко, она запыхалась, покраснелась, растрепалась, будто они не боем занимались, а кое-чем иным.

Гейл невольно покраснел.

Весь день он непроизвольно вздрагивал от сменяющихся мыслей. Настроение то стремительно ухало вниз, в пропасть досады, горячего стыда и пробирающего ознобом страха (пропасть трех «с» — уже мысленно с горечью обозначил это в своем дневнике Гейл), то становилось ровным, спокойным и чистым, как журчащий родник.

Легрей, заметив его состояние, назначил дополнительные полчаса для медитации. К счастью, он не расспрашивал о причинах его смятения, и Гейл испытывал благодарность за это. Он опоздал на утреннее собрание, но не испытывал чувства вины — за необходимое время, позволившее хоть немного собраться с мыслями. На собрании он с трудом держал лицо и осанку, хотелось съежиться и стыдливо убежать от Вик куда подальше.

Она сказала «отвратительно». Он ей отвратителен. Она никогда не посмотрит на него иначе, как на брата. Выбери он время получше да обстановку романтичней, ничего не изменилось бы, с упавшим сердцем понимал Гейл.

Что же, что же сделать, чтобы она переменила свои взгляды? — мучительно думал он.

Надо было сдержаться. Сохранить хотя бы дружбу, которую она питала.

Она презирает его теперь?

Она, конечно, постаралась смягчить свой отказ — как могла, но...

Он отчаянно надеялся, что во взгляде ее не скользит жалость. Вот только жалким ему быть не хватало!

Как он вообще влюбился в нее? Она, конечно, недурна собой, но никогда не была красавицей, которой мужчины глядели вслед. Волосы стригла коротко, а когда они отросли — постоянно убирала в хвост или косу. Зачем же она их теперь состригла, если решила отращивать?

Гейл решил осторожно взглянуть на нее. Вик и парочка других Красных стражей что-то негромко обсуждали, уставившись на разложенные на столы листы и книги.

Ее волосы росли быстро. В день возвращения из своего двухнедельного отгула ее челка была слишком короткая, но теперь отросла достаточно, чтобы прикрывать часть лба, но не слишком, чтобы лезть в глаза.

Вик всегда была худощавой и жилистой, грудь была и так небольшой, так она еще и туго бинтовала ее каждое утро. Она была очень гибкой. Гейл с содроганием вспомнил их с учителем Рупом ежедневные тренировки. Его самого в компанию не звали: учитель Руп забраковал способность его тела гнуться. Он и Вик забраковал, но Вик была упорной и наблюдательной: она принялась самостоятельно повторять все за учителем Рупом, и, в

конце концов, тот смягчился.

Ладони Вик были широкими, мозолистыми, как и пальцы. Ногти она всегда коротко стригла, и являла собой образец практичности: острота меча и крепость доспех всегда волновали ее больше, чем то, как они с виду выглядели. Нрав ее был суров и зачастую жесток. Она не гнушалась отбить у неприятных ей кавалеров желание угостить ее пивом и порой была резка на язык и кулак.

Они были отличными боевыми товарищами и знали, что всегда могут рассчитывать друг на друга. Когда же все пошло не так?..

Наверное, размышлял Гейл, когда она вышла на арену сразиться против лучшего воина барона Фенфроя, оказавшегося ниргеном. Разумеется, этим своим тупым поступком она намеревалась заставить Гейла остаться в Вершине, это было столь очевидно, что даже не смешно. Ему пришлось остаться, чтобы прикрыть ей спину — чтобы эта упрямая дуреха не померла раньше времени.

Или когда ее ранило пропитанной ядом стрелой роганов? Он так испугался, что плохо понимал, что делал. Он должен был спасти ее. Он почти поцеловал ее тогда, зная, что это сработает — он чувствовал, как вытягивал из нее яд, чувствовал, как сам весь словно превратился в огонь. Подобное чувство уже не раз настигало его.

К примеру, когда он сжигал Жатриена заживо — как и хотел в глубине души навсегда изуродовать его красивое тело, красивое лицо, черную шевелюру, насмешливые глаза...

— ... личество. Ваше Величество, — встревоженно повторил Дюрек, — вы в порядке?

Гейл опомнился, удивленно посмотрел на него. Вздогнул, торопливо разжимая смятые в кулаках уголки страниц, которые начали дымиться.

— Да, конечно, — кашлянув, ответил он, старательно глядя куда угодно, но только не на Вик. — Хотя вы правы, мне и впрямь сегодня не здоровится. Пожалуй, мне лучше уйти пораньше и отдохнуть, прежде чем мы снова встретимся на Малом Совете.

Он откланялся и поспешил в свои покои, где решительно принялся медитировать.

«Прошлое — в прошлом», — мысленно твердо напомнил он себе. Сейчас он должен сосредоточиться на настоящем и решить, что делать с клятвой хозяина и слуги. Орохина скручивало силой клятвы, когда тот пытался ее разорвать, и все же это ему почти удалось. Если бы не Джул...

Гейл сердито тряхнул головой, напоминая себе не думать об этом.

Где бы сейчас ни был Орохин, что бы ни замышлял, Гейл понимал, что должен воспользоваться временным затишьем, чтобы как можно скорее улучшить контроль над магией и при следующей встрече прикончить его. Барьер Орохина на руке не мог долго выдержать: Гейл видел, как он разрушался, но стоило ожидать от хитрого полукровки новых фокусов. А ведь Огуст предупреждал, что нельзя его недооценивать. В этот раз он наслал полчища тварей на Вершину, что же тогда будет в следующий?

Что ж, по крайней мере, можно быть уверенным, что замок переживет нападение монстров, невесело подумал Гейл и отпустил мысли блуждать в потоке сознания.

***

После этой медитации Гейл окончательно успокоился и даже повеселел. Он с аппетитом пообедал, прогулялся в саду в компании Легрея и Лока — тот если и был в курсе утреннего недоразумения с Вик, ничем этого не выдал; после на Малом совете подал

парочку неплохих идей, которые одобрил даже Хемль. Речь шла о смене караула на сторожевых постах и обмена опытом с Серыми стражами.

Вечером, очутившись наконец в своих покоях, он с блаженством снял с себя камзол и рубаху и растянулся прямо на полу, на мягком пушистом ковре. Уставился в потолок. Попытался стащить ботинок за пятку, поддевая носком второй ноги, и вскоре тот глухо упал на ковер, за ним полетел и второй. Увлеченный Гейл не сразу услышал подозрительный шорох, а когда до него дошло, резко сел, аж перед глазами поплыли черные мушки.

Это полукровка. Полукровка Орохин вернулся, чтобы покончить с начатым и убить его.

Он вскочил на ноги, сжимая кулаки и вспоминая лучшие варианты для атаки. Или попытаться воззвать к клятве? Может, в этот раз удастся...

Возле камина открылась потайная дверь, и Гейла бросило в ледяной пот облегчения. Вик недоуменно посмотрела на его захваченные в огонь кулаки и вопросительно подняла брови.

Гейл стусевался, чуть встряхнул пальцами, словно от этого огонь исчез бы быстрее.

Боги, он чуть не напал на нее!

Почему он вообще решил, что это должен быть Орохин? Полукровке ведь неизвестно о тайных проходах!

И что она здесь делает?

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил он, рассеянно вытирая руки о штаны.

Сердце так и колотилось. Стоило только подумать, что все хорошо, что он сам уже полностью успокоился, как любой незначительный случай в мгновение сбивал с него эту уверенность. Он пережил слишком много сильных потрясений в последнее время, чтобы перестать думать о худшем каждый раз, как случалось что-то неожиданное. Так говорили маги барьера, которые в первое время вместе с Легреем помогали ему в медитациях и контроле над магией. Конечно, они не знали даже половины того, что случилось на самом деле.

Вик нерешительно кивнула. Приглядевшись к ней, Гейл с удивлением осознал, что она нервничает.

— Знаешь, утром ты застал меня врасплох, а потом странно себя вел на собрании и совсем на меня не смотрел. Я понимаю, что задела твои чувства, и что ты, должно быть, не хочешь меня видеть, но я волнуюсь за тебя. Ты по-прежнему дорог мне. Надеюсь, однажды между нами может быть все как прежде? — Она скрестила руки и уставилась на него.

Как она могла так легко говорить все это?

Ужасное утро мгновенно пронеслось в памяти. Ее перекошенное гневом лицо, ее суровые резкие слова.

В горле застрял ком. Разумеется, как прежде быть не могло: он не мог смотреть на нее и не помнить ее отказа, свою импульсивную глупость, хотя, видят боги, с того дня, как он вернулся домой, в Вершину, все шло через одно место.

Вик перемялась с ноги на ногу, терпеливо ожидая ответа. Насилу сглотнув, Гейл сказал:

— Я всегда рад видеть тебя. Но, боюсь, мои чувства к тебе не изменятся.

Вик недовольно поджала губы.

— Даже когда женюсь, я буду хранить мою любовь к тебе на дне своего сердца, — продолжал Гейл.

Неожиданно на ум пришли сладкие речи, которые он шептал девушкам, с которыми проводил ночи в постоянных дворах, где они с Вик ночевали во время путешествий.

Если подумать, он и это кому-то когда-то говорил, и сказал бы ему кто тогда, что однажды он повторит эту фразу Вик, будучи серьезным до краев, он поднял бы этого тупицу на смех.

Гейл чуть не рассмеялся и галантно поклонился, чтобы скрыть это.

— Ты — свет моей жизни, — продолжил он, чувствуя, наконец, чем отличается настоящее признание от тех, чьей единственной целью было склонить девушку уединиться. — Ты — солнце моего неба, твои прекрасные глаза точно звезды...

— Для тебя это все шутки, я погляжу? — угрожающим голосом перебила Вик. — Что ж отлично. Я зря беспокоилась о тебе.

Она отвернулась, собираясь уходить, и Гейл, в мгновение перепугавшись, схватил ее за руку.

— Подожди!

Вик сердито обернулась, и он отпустил ее руку, словно обжегся.

— Я действительно люблю тебя и никого не люблю сильнее. — Гейл осторожно улыбнулся и вдруг понял кое-что, а когда понял, не удержался от смешка. — Но, знаешь, ничего ведь между нами не изменилось. Ты по-прежнему можешь отвесить мне затрещину, а я — подшучивать над тобой, хотя сейчас я не шутил. Вик, — он с неожиданным откровением посмотрел на нее и повторил: — ничего не изменилось.

Он харкнул и сплюнул на ладонь, протянул руку. Брови Вик поползли на лоб. Недоверчиво поглядывая на него, она сплюнула на свою руку и тоже протянула. Смачное рукопожатие окончательно разрядило обстановку. Уголки губ Вик дрожали, но она сдерживалась, а вот Гейл не удержался, широко ухмыльнулся и окончательно втащил ее в комнату.

***

— Опять ты здесь свинарник устроил, — заметила Вик, пока Гейл торопливо собирал раскиданные вещи.

— Эй, я весь день буквально скован с головы до ног. — Гейл с ненавистью поставил узкие ботинки на предназначенную для этого подставку. — Представь себе мое облегчение, когда выдается минутка расстегнуть пуговицы.

— Значит, разбрасывая вещи, ты проявляешь бунтарский дух? — усмехнулась Вик. — Хотя, сказать по правде, я ожидала увидеть здесь еще большее безобразие.

— Легрей это не жалуется. Утром он приходит сюда, чтобы помочь мне с треклятыми медитациями.

— Лок обожает медитации, — заметила Вик.

— Ну еще бы, шэйеры за ними пол-жизни проводят.

— Но они и живут дольше. Лок говорил, что есть несколько ступеней мастерства, и что он сам сейчас на третьей, что открывает для него некоторые магические возможности, недоступные для людей. Ты знал, что он обучает этому Лоис, специально для нее разработав систему обучения?

— Он же ее учитель, — хмыкнул Гейл. — Должен же он чему-то толковому ее обучить.

— Кстати, раз уж тебе довелось побывать в Верхнем мире, не расскажешь о нем?

— Ты могла бы у Лока спросить, — с трудом удержав язвительный тон, сказал Гейл. — Он всяко знает поболее меня, да и рассказывать умеет.

— Я уже спрашивала, но мне интересно твое впечатление.

— Мир как мир. — Гейл пожал плечом. — Не разглядывал я его — темно там было, так что ничего особенного не увидел. Хотя кое-что было странным, — припомнил он. — Воздух будто бы другой, я вообще себя странно чувствовал. Легче будто бы стал. И там еще были огромные летающие камни, на которых стояло множество построек.

Вик кивнула со знающим видом. Она разлила вино в два кубка и протянула один Гейлу. Заметила вслух, что его вино куда вкуснее чем то, что подают в столовой, и Гейл решил к ее следующему приходу запасть несколькими сортами разных вин из королевского винного погреба.

Они сели друг против друга и замолчали. Гейл не знал, что сказать, и гадал, о чем же думала Вик. Ее отстраненное лицо в полутьме неяркого света кристаллов казалось далеким, чужим и помрачневшим.

— Я пойду, — наконец, сказала она. — Завтра рано вставать.

Она быстро допила вино и направилась к потайному ходу. Открыв дверь, помедлила, остановилась. Гейл растерянно подошел к ней.

— Честно говоря, не знаю, как быть, — негромко сказала она. — Здесь, в Вершине, многое напоминает мне о Джуле. Мне тяжело здесь находиться. Я вернулась-то лишь потому, что состою в Красных стражах, и сейчас, когда наш с Локом план о низших тварях претворяется в жизнь, я нужна здесь. Да и за тобой надо приглядеть. — Она чуть усмехнулась, посмотрев на него. Усмешка быстро сползла, оставив растерянность и обиду на ее лице. — Это несправедливо. Он не должен был так погибнуть, точнее... Он не мог так глупо подставиться под прямой удар. Разве что защищал кого-то, и этот кто-то молчит. Гейл, у тебя есть догадки, кто бы это мог быть?

Гейл помотал головой.

— И эта тварь, — продолжала Вик, — пробившая одним ударом и меч, и доспехи, и тело...

— Да, это все очень странно, — решил сказать Гейл. — Не представляю, как ты справляешься.

— Кто сказал, что я справляюсь? — Вик хмыкнула. — Могу я прийти к тебе завтра в это же время?

— Конечно. Почему нет?

— Я не знаю, быть может, у тебя планы?

Прежде Вик наверняка добавила бы что-нибудь ехидное о свиданиях со служанками.

— Никаких планов, — заверил ее Гейл.

И даже если появятся, он намеревался избавиться от них под благовидным предлогом.

— Хорошо.

Она ушла, махнув ему на прощание. Гейл аккуратно закрыл за ней дверь и устало сполз по стене вниз.

Все было как прежде, да не все. После этого утра он уже и не надеялся избавиться от воспоминаний о ее теплых губах и фантазий о том, что сделал бы дальше, если бы она позволила. Как она выгибалась бы в его ласках, сдавленно стонала и кусала руку. Почему-то ему казалось, что она кусала бы все, до чего дотянулась, лишь бы не издавать громкие звуки. Он заставил бы ее забыть, забыть Джула и собственное имя и все переживания. Он сделал бы ее счастливой, а она сделала бы счастливым его.

«Все что нужно, — горько думал Гейл, рассеянно наблюдая за огнем в камине, — все,

что мне нужно, всегда рядом, а я все равно не могу до него дотянуться».

Разве огонь горел, когда он пришел в комнату? Когда он зажег камин?

Какая разница?

Гейл вздохнул и устало поплелся умываться.

***

День следовал за днем, жара спала, на смену ей пришла осенняя прохлада, желтели листья. С Гейла сняли оковы, и Легрей перестал приходить каждое утро в его покои — всего лишь через день, а то и два. Утренние собрания растянулись на послеобеденные, на Малом Совете стали появляться разговоры о выборе невесты для короля. Гейл морщился, но не возражал, а Лок взволнованно изучал обычаи королевских свадеб. Ночные визиты Вик превратились в своего рода традицию, и Гейл с нетерпением ждал ее, чтобы обсудить очередной день и посмеяться над старыми пердунами из утреннего собрания и Малого Совета. Вик, впрочем, его насмешек не всегда разделяла, иногда даже строго выговаривала за издевки над Легреем, но кто же виноват, что куцая бороденка ему совсем не шла, а одежду он, похоже, носил с того дня, как ее выдали ему пару сотен лет назад?

— Мне нравится его практичность, — серьезным голосом встала на защиту Легрея Вик.

В эту ночь — ничем на первый взгляд не отличающуюся от любых других ночей — они с Гейлом устроились с тарелками еды на полу перед камином. За окнами рвал и метал нахлынувший ливень, приятно громыхал гром и сверкали молнии, и в стенах надежной Вершины Гейл чувствовал себя защищенным и на диво спокойным.

— На служебную форму вообще-то расходуется королевская казна, — продолжала Вик, — на которую можно найти более достойное применение. К примеру, если заменить твои ежедневные новые одеяния на одно практичное, то за год можно сэкономить пару мешков золота.

— Эй, я иногда надеваю одно и то же дважды, — возмутился Гейл.

Вик хмыкнула, откинулась о придвинутое к камину кресло, растянула босые ноги ближе к огню и пошевелила пальцами.

— И все же поговори с министром финансов о неразумном расходовании казны.

— Конечно, — проворчал Гейл, — ты разбираешься в этом куда лучше него, человека, специально обученного для этой должности.

— Помнишь, мы прежде смеялись над этими баронами, герцогами, раздутыми в своей важности, разодетыми в драгоценные ткани, увешанными золотом? И вот мы сами теперь среди них.

— Не ты. — Гейл выразительно посмотрел на нее и тут же отвернулся — расслабленная Вик в сползшей старой кофтенке вызывала щемящее чувство, которое побуждало к действиям, о которых Гейл не хотел задумываться.

— Не я, — согласилась Вик. — Я не щеголяю в кружевных платьях по выходным и свою зарплату откладываю.

— На что?

— Еще не решила. — Вик пожала голым плечом. — Прежде, до того дня, у меня были планы, а теперь я не знаю, что делать с деньгами, и они просто лежат на моем счету. Думаю, потрачу их на подарки друзьям.

— Вот как, — глубокомысленно протянул Гейл.

— Так что можешь уже сейчас намекать о том, что ты хотел бы получить на новый год. — Вик усмехнулась и тут же осеклась под его испытующим взглядом.

Гейл смолчал, хотя на язык очень просились глупые шутки, которые Вик наверняка приняла бы в штыки или даже дернула бы его за ухо.

— Знаешь, — после неловкого молчания вдруг подала голос Вик и под села к нему ближе, касаясь плеча. — Мы можем попробовать.

— Что? — не понял Гейл.

— Поцеловаться.

— Что? — Гейл чуть не рассмеялся, но Вик выглядела предельно серьезной и покраснела.

— Я не шучу, — сказала она и, когда он в смятении, недоверчиво глядя на нее, отпрянул, резко схватила его за грудки. — Куда? Разве сам этого не хотел?

— Ты что несешь? — хрипло от волнения спросил Гейл. — С чего это вдруг?

Вик сильно покраснела.

— Я тут подумала... Но я хочу убедиться, просто... Когда ты поцеловал меня там, на арене, это действительно было мерзко.

Гейл скривился. Ну, отлично.

— А сейчас... Просто, знаешь, наверное, я поторопилась в выводах, — Вик глубоко вздохнула, — я хотела бы попробовать еще раз. Если ты не против.

Гейл мрачно смотрел на нее.

Иногда он ее ненавидел. Безжалостную упрямую Вик.

— Конечно, какие проблемы, — с горечью сказал он, с обидой глядя на нее. — Знаешь, если вдруг захочешь со мной переспать, ну, просто, чтобы проверить, не мерзко ли тебе...

— Заткнись, — грубо предупредила Вик. — Можно подумать, ты бы отказался, если бы я предложила.

— А ты бы предложила? — ядовитым голосом спросил Гейл.

Вик посмотрела на него так, будто он ранил ее, и Гейл вмиг устыдился.

— Ладно, иди сюда, — примирительно сказал он. — Прости, мне не следовало, просто это было неожиданно.

Вик хмыкнула, но придвинулась ближе, и когда поцеловала, Гейл все ожидал, что она отодвинется, они нервно дружно посмеются над этим и поскорее уже позабудут этот неловкий вечер — какая досада, а ведь все так хорошо начиналось, — но Вик все не отодвигалась. Ее поцелуи были легкими, губы мягкими и осторожными. Она изучала его лицо подушечками пальцев, трогала кончики распущенных, влажных еще после мытья волос. Гейл сжал полы своей рубашки изо всех сил, непроизвольно напрягаясь. Поцелуй Вик стал напористей, откровенней. Гейл не заметил, когда она оседлала его, не заметил, как вцепился в ее бока, в ее плечи, как притянул к себе ближе. Она задрала его голову, вцепившись в волосы почти до боли, оторвалась, наконец, от поцелуя, тяжело дыша. Ее глаза казались совсем черными, с тлеющими угольками на месте зрачков.

— Ну что? — прерывисто спросил Гейл. Разжатые руки дрожали, он сам весь дрожал и вспотел. — Проверила?

Вик молчала. Обняла его лицо ладонями, прижалась к его лбу своим, прикрыла глаза, а когда открыла, взгляд ее наполнился изумлением и смятением. Она порывисто вскочила, подбежала к потайному ходу, отворила его, на ходу поправляя задравшуюся кофтенку, и, не оборачиваясь, нырнула в проем.

***

С самого утра все валилось из рук, и Гейл не мог ни на чем сосредоточиться. От утреннего собрания он позорно сбежал, сославшись на больной живот, после добрых два часа мучил целителя несуществующими симптомами, пока не пришел рассерженный Легрей и изрядно заинтригованный его поведением Лок. Гейл на их вопросы отвечать отказался, надулся, обиделся и начал жаловаться, что работает без отдыха с тех пор, как приехал в Вершину, чем заставил Легрея о чем-то призадуматься.

На занятиях Гейл старался отвечать со всем прилежанием и спросил Легрея о клятвах. Задумчивый Легрей пообещал, что вскоре они доберутся и до этой сложной темы, а пока юному королю не мешало бы сосредоточиться на здесь и сейчас и не отвлекаться на сторонние темы.

Знал бы он, насколько важны были любые сведения о клятвах...

От прогулки Гейл отказался, предпочтя вместо этого лишний час помедитировать, а на Малом совете всецело ушел мыслями в проблемы своего государства. В конце концов, он король и отвечал за все и, кажется, начал к этому действительно привыкать.

Он старательно избегал весь день Вик и мысли о ней, но они, конечно же, были быстрее, и когда главные часы пробили время отбоя, Гейл обреченно заперся в своей комнате, накрылся одеялом с головой, переполненной роем размышлений, и мрачно ждал лишь одного — поскорее заснуть.

Придет ли она сегодня? Что значило ее вчерашнее бегство. Это было не в ее характере: она предпочитала разом разрубать узел проблемы, а не сбегать. Она выглядела изумленной, вспомнил он, почти напуганной. Чего же она испугалась? Неужели своих чувств?

Придет ли она сегодня? И что будет говорить и делать, если придет?

Сон не шел. Гейл мучился под жарким тяжелым одеялом, ворочался с боку на бок, в конце концов, встал и решительно подошел к трапезному столику, на котором как всегда стояли кувшин с водой, бутылка с вином, фрукты и сладости.

Попивая второй кубок вина, он думал о том, что если бы действительно хотел заснуть, выпил бы сонный эликсир — сразу две порции, но правда была в том, что он не хотел, чтобы этот день закончился.

Он оглянулся посмотреть на время. Напольные часы в виде высокого фонтана с золотыми рыбками, спешили к полуночи. Гейл задумчиво подошел к камину, присел, скрестив ноги, протянул руку и зажег приготовленные там дрова. Коснулся пальцами деревянного пола, прячущего каменные плиты, из которых была возведена Вершина. Уставился на огонь, завораживающую гибкость пламени, тающую в воздухе. Воздух дрожал, подрагивал, переливисто мерцал искрами.

Когда раздался знакомый тихий скрип тайного входа, Гейл уже ничему не удивился, разве что отстраненно вспомнил волнение, преследовавшее весь день. Руки Вик мягко обвили его шею. Она опустилась на колени, обнимая его со спины, укладывая голову ему на плечо.

Сердце пропустило несколько ударов, а затем понеслось вскачь, будто попыталось наверстать и не смогло больше замедлиться.

Он медленно повернулся к ней и заключил в объятия. Уткнулся в теплую шею и вздохнул, потерся носом, скользнул выше, по щеке, нашел ее губы — мягкие, податливые.

Полуприкрытые глаза Вик казались черными в полутьме комнаты, незнакомыми и загадочными. Ее ресницы подрагивали. Она целовала легко, целомудрено, и от доброй усмешки в ее глазах Гейл ощутил себя глупым робким мальчишкой. Он хотел бы спросить, что все это значит, но боялся, что не выдавит ни одного связного слова. Он вжимал ладони в ее гибкую спину, вел пальцами, не решаясь ни спуститься ниже, ни как-то коснуться ее спереди. От напряжения горели мышцы, он задыхался, мучился и не находил выхода, словно если бы сделал что-нибудь, то прекрасное видение вмиг исчезло бы.

Она взобралась к нему на колени, одновременно задирая ночную рубашку. Под ней ничего не было, обмирая, понял Гейл, скользя ладонями по ее стройным сильным ногам. Не сводя с него глаз, она привстала, одной рукой высвобождая его и направляя в себя. Во рту пересохло. Возбуждение стало таким сильным, что он готов был кончить, едва коснулся ее сокровенности своим естеством. Он прикрыл на мгновение глаза. Совладав с собой, встал, не разъединяясь с ней, удерживая ее на руках, и неверным шагом направился к постели.

Не знаю, что тут положено писать — Лок готов целыми днями строчить в своих тетрадках. Легрей сказал — опиши свои чувства, дай им определение. Если бы это было так легко сделать... В том, что кто-то прочтет это, страха нет — Легрей показал, как наложить защитную формулу на мои дневники. Формула черпает силы из крошечных магических кристаллов, вкрапленных в обложку этой книжицы. Этого в среднем хватает на сто-двести лет, после обложку можно поменять. Защитная формула будет защищать мой дневник от чужих рук и отзываться лишь на прикосновение моих. Звучит весьма интимно. Если бы можно было наложить такое заклинание на Вик, чтобы даже она сама не могла дотронуться до себя без моего разрешения... Интересно, есть ли специальные магические формулы для плотских утех? Почему в библиотеке я не нашел ни одного упоминания об этом? Возможно, я должен сказать какой-то пароль главному библиотекарю и подмигнуть? Учитывая, что тэйверы целые гаремы себе заводили, да еще и из разных народов, здесь должны быть множество книг на тему плотских забав. Я ни за что не поверю, что кто-нибудь до меня не сподобился додуматься до этой мысли. Занимались ли они этим с животными? Фу! — возмутилась бы Вик. Хорошо что она не ведает о моих мыслях, краснеть пришлось бы вдвое сильнее.

В запертой комнате было темно, за окнами опустилась ранняя зимняя ночь, тихо потрескивало пламя очага да горело несколько светящихся кристаллов. Маленький человеческий мальчишка, заколдованный сонными чарами, тихо посапывал в середине большой кровати, укрытый теплыми одеялами. Ороро неподвижно стоял над ним в глубокой задумчивости. Вздохнув, отвернулся и, преодолевая боль, глубоко кольнувшую все тело сотнями острых игл, открыл Дверь в Нижний мир, и мрачно уставился на танцующую красными всполохами прореху. Его слишком долго там не было, Вортар, должно быть, рвет и мечет.

Ороро обернулся посмотреть на Бронна. Вид спящего ребенка немного воодушевил и внушил уверенность.

— Я скоро вернусь, — негромко пообещал он, хотя Бронн не мог слышать, и шагнул в Дверь.

В Нижнем мире был разгар дня, и многие тэйверы находились на улице: уборщики приводили в порядок сторожевые посты, расположенные у границы с магическим барьером, который преграждал путь монстрам, атакующим по ночам; дети переносили маленькие чем-то груженные корзинки, бежали с поручениями — мало кого можно было увидеть слоняющимся без дела либо играющим. Один из них едва не сбил Ороро с ног и, увидев, на кого натолкнулся, испуганно вскрикнул, отпрянул и со всех ног пустился прочь.

Недоверчивые презрительные взгляды скользнули по Ороро, но никто ничего не сказал и, конечно же, не стал унижаться до приветствия — то, что Вортар взял его под свое крыло, и что Ороро был ключом к свободе, не значило, что их мнение к проклятым полукровкам переменилось. Пожалуй, не стоило дразнить их своей возможностью вот так просто появляться из Срединного мира в центре города, но к дому Вортара отсюда дойти было удобней всего, да и не помешает лишний раз напомнить этим высокомерным тэйверам, что он — их единственная возможность выбраться отсюда. Пусть видят, пусть осознают свою беспомощность, пусть завидуют и не забывают.

Ороро задрал подбородок, расправил плечи, с достоинством дошагал к дому Вортара и занес руку, чтобы постучать, но не успел: дверь открылась, едва не заехав ему по носу, а вышедший Цертер резко замер. Его глаза удивленно распахнулись. В них мелькнуло изумление и облегчение. Опомнившись, он быстро оглядел Ороро и нахмурился.

— Где тебя носило?

— Вортар здесь? — одновременно с ним спросил Ороро.

Цертер, помедлив, отступил назад, внутрь дома, оставив дверь открытой.

— Мы с полного ночного дежурства, недавно проснулись, — пояснил он, хотя по нему с как всегда идеально убранными волосами и выглаженной чистой одеждой нельзя было сказать, что он провел долгую бессонную ночь. — Так что у него дурное настроение, не принимай на свой счет.

Ороро последовал за ним по коридорам большого дома Вортара. Серебряные волосы Цертера были собраны в несколько переплетающихся между собой косичек с черными бусинами. Это выглядело красиво, и Ороро мимолетно пожалел о своих коротких волосах.

— Голоден? — спросил тем временем Цертер. Он вел их на кухню, откуда доносился

запах жареного мяса.

Ороро отрицательно покачал головой. Добрых три недели он восстанавливал надорванные силы и здоровье, благо, в этом существенно помогал, сам того не ведая, маленький Бронн, в чьем разуме теснились кошмары пережитого. Если бы королю Гейлорду взбрела в голову мысль призвать Ороро в те дни, он не смог бы противиться, но, похоже, тот не знал, что происходило с его слугой. Он мог бы выяснить, используя клятву, но, судя по всему, не умел, а попросить помощи не решился, иначе пришлось бы обнаружить свои преступления.

Скорее всего тот Страж не выжил, размышлял Ороро, ведь выживи он — вмешался бы и научил короля пускать клятву в дело.

— Вы только посмотрите, кто почтил нас своим присутствием, — насмешливо протянул Вортар, встретивший их на кухне.

Босоногий, растрепанный, он был одет в измятую одежду и угрожающе взмахнул деревянной лопаткой в опасной близости от лица Ороро. Не часто можно было встретить его за готовкой, должно быть, и впрямь сильно раздражен.

Бесполезно было сейчас пытаться что-то объяснить, иначе Вортар залил бы Ороро уши ядовитыми комментариями или того хуже — решил демонстративно наказать перед ним сестру, потому Ороро просто снял плащ и аккуратно закатал просторный рукав рубашки, обнажая воспаленное едва не нарушенной клятвой предплечье. Цертер тут же подцепил его руку за запястье привычно холодными длинными пальцами и внимательно посмотрел на последнее кольцо барьера. Переглянулся с Вортаром.

— У тебя есть, что нам сказать? — ледяным голосом осведомился Вортар, подойдя к Ороро вплотную. — После всех наших приготовлений, после всего ты посмел так глупо рисковать своей жизнью. Надеюсь, это того стоило?

Ороро выдержал его полыхающий яростью взгляд. Вортар имел право злиться, в конце концов, он как никто понимал, что поставлено на кон, и что случится, если Ороро умрет.

Цертер невозмутимо подвел Ороро ближе к кристаллу света, расположенному над столом. Указал взглядом на стул и, аккуратно устроив руку Ороро на столешнице, принялся тщательно изучать клятву и остатки барьера.

— Я составил барьер из девяти колец не случайно, — спокойно, будто рассуждая о погоде, пояснил он. — Три кольца — это три ступени защиты на одно условие. Когда Орохин не явился на зов хозяина, он фактически нарушил третье условие, но в нем была лазейка. Человек не обозначил точно, на какой именно зов Орохин должен был явиться — напрямую или через клятву. Как правило, при подобных неточностях ритуал клятвы склоняется к наиболее веской вероятности — к зову напрямую, поскольку прямой зов, как и прямой приказ имеет большую силу, и я воспользовался этим. Человек призывал Орохина, не напрямую обращаясь к нему, а через расстояние, взывая к клятве. Потому первые три кольца не разрушились, когда Орохин проигнорировал призыв. Но после мы отправились на выручку нашим товарищам, и... Я прекрасно осознаю, что своими словами невольно подтолкнул Орохина к мысли о косвенном убийстве хозяина. — Лицо Цертера помрачнело, и лишь на этих словах Вортар, наконец, перестал сверлить взглядом Орохина и обратил его на своего друга. — Ведь это я предложил открыть Дверь в Срединный мир, мне следовало догадаться, что за этим последует, видел же, что Орохин был не в себе.

— Твоя идея спасла нам жизни, — твердо сказал Вортар.

Цертер смолчал. Распущенные длинные передние пряди скрывали выражение его глаз, и

Ороро с досадой подумал, что, должно быть, все это время, что он не объявлялся в Нижнем мире, Цертер винил себя в этом. В эту мысль вплелась другая — о сестре, которая также не знала, в порядке ли он. После разговора с этими двумя нужно немедленно отыскать ее и испросить прощения за недостойное поведение. Он мог хотя бы попытаться предупредить ее, что жив, но не был уверен, что справится хотя бы с простейшим заклинанием, не говоря уже о связи через магический круг. Ох как пригодились бы в этой ситуации кристаллы связи, о работе над которыми говорила Мэлина!

— В том, что Орохин открыл Дверь в дом своего хозяина, виноват лишь он сам, — продолжал настаивать Вортар. — Ты не в ответе за него.

— Очевидно, что-то пошло не по плану Орохина, — продолжил Цертер, оставив его слова без внимания. — Монстры не справились с его хозяином, и Орохину пришлось противостоять ему напрямую. Ты послушался его и попытался убить своими руками, не так ли?

Ороро кивнул, неожиданно ощутив благодарность за то, что Цертер взял роль рассказчика на себя. По дороге сюда мысленно он уже вообразил ссору с Вортаром, и как бедная сестра потерпит наказание за его оплошность, но, слава богам, здесь оказался Цертер, а значит Вортар не позволит своему гневу разойтись.

В ааро-дарула Вортара они с Цертером были ровесниками, самыми молодыми. Старше всех был Рогуро, и иногда Ороро ревниво подозревал, что он ухаживал за Урурой. От нее Ороро знал, что Вортар и Цертер были знакомы еще до катастрофы. Очувившись в Нижнем мире, Цертер, потерявший семью, надолго замкнулся в себе. Их с Вортаром объединили в группу сверстников и однажды отправили на работы за пределы города — днем, когда высшие твари по обыкновению дремали. По обыкновению, но не всегда. Из отряда в тридцать тэйверов вернулись лишь Вортар с Цертером спустя две недели. По словам Вортара, они прятались в лесах и вернулись в город, едва выпала такая возможность, но где они на самом деле пропадали и что пережили — никто кроме них не знал, а Цертер вскоре обнаружил к удивлению окружающих способности Абсолютного Создателя.

Вортар хоть и старался демонстрировать одинаковое отношение ко всем членам ааро-дарула, даже Ороро было очевидно, что это не так, и дело было не в высокой ценности Цертера, как редкого абсолютного Создателя. Пережитое в те две недели сплотило их. Цертер был чуть ли не единственным тэйвером, который на памяти Ороро мог противостоять злему до крайности Вортару, успокоить или направить его мысли в другое русло. Иногда — чаще в дурную погоду, когда даже высшие твари боялись высунуть нос — он впадал в странное оцепенение и порой что-то непонятное бормотал. «Уходит в себя» — так называла это Урура, «опять чудит» — говорили остальные, пытаясь скрыть за неловкими смешками страх. Состояние то могло длиться минуту, однажды протянулось на несколько дней, изрядно этим всех напугав. Немудрено, что Вортар волновался за своего драгоценного друга.

— Почему ты не сбежал, пока мог? — невозмутимо продолжал пытки Цертер. — Ты ведь должен был чувствовать, что барьер рушится, ты должен был понимать, что если тебе удастся убить хозяина, ты погиб бы вместе с ним, и тогда все мы — и твоя сестра — так и остались бы гнить здесь до скончания времен.

Лицо горело от стыда. Ороро не решался взглянуть на Вортара, проще было смотреть на отрешенное лицо Цертера, который продолжал изучать его руку, словно не было на свете ничего интереснее.

Цертер много лет работал над заклинанием барьера — он хотел создать хотя бы временную защиту для тэйвера, попавшего в Срединный мир. Вернуться бы в родные земли хоть на краткий миг, вдохнуть полной грудью вкусный свежий воздух, подставить лицо яркому теплему солнцу, окинуть взглядом бескрайнее глубокое небо — все это Ороро видел в изголодавшихся завистливых взглядах тэйверов.

— Почему ты не сказал, что твоим хозяином стал Хранитель Южной Вершины? — неожиданно спросил Вортар.

Глаза Ороро округлились.

— За дурака меня держишь? — Вортар скучающе подошел к плите с большой сковородой, на которой жареное мясо, судя по запаху, начало гореть, и тщательно размешал. — Действительно, кем бы мог быть тот маг, что справился с ордой несущихся монстров, без предупреждения явившихся перед ним?

Он взял разделочную доску, выхватил нож и нашинковал охалку мокрой зелени из сита, стоявшего на двух ножках над глиняным тазиком.

— Более того, кем бы мог быть маг, умудрившийся заковать тебя клятвой слуги, а после едва не прикончил в бою один на один?

Ороро смолчал.

— Ну и довольно очевидно, что это был Хранитель Юга, — продолжал Вортар. — На Западе нет Хранителя, восточный — в залах Созерцания, а насчет северного у нас особые планы, связанные с нашими союзниками-ниргенами. Их разведчики доложили бы, случись там что-то подобное. Ты так и не скажешь, на чем он взял тебя?

Ороро отрицательно качнул головой. Он намеревался молчать до тех пор, пока Вортар не устанет язвить и не перейдет на нормальный разговор.

Сковорода яростно зашипела от порции зелени. Нож пролетел в нескольких сантиметрах от головы Ороро и вонзился в мишень на стене, заменяющую подставку для ножей.

— Ты должен был рассказать об этом — мы могли по крайней мере воспользоваться подвернувшимся случаем и придумать способ разрушить Южную Вершину!

Цертер, что-то записывающий в маленькой книжице, которую постоянно носил с собой, отвлекся, недоуменно моргнул.

— Разве по плану она не следует последней?

— Это не будет иметь никакого значения, если этот недоумок умрет. Мы трудимся днем и ночью, работаем над новыми заклинаниями, тогда как ты — да-да, Орохин, смотри мне в глаза, когда я говорю с тобой! — кажется, лишь тянешь время.

— Думаешь это так легко? — процедил в ответ Орохин. — Я тружусь и рискую не меньше, а то и больше вашего!

— Прошел век, и все, чего ты достиг за это время — расправился с одной лишь Западной Вершиной! Нам что же, придется еще три века дожидаться, покуда ты сможешь уничтожить остальные? Да и посмотри на себя! В таком состоянии тебя побьет даже ребенок!

Ороро в его напоминании не нуждался — сам прекрасно все видел в зеркале по утрам. Несколько дней он не мог нормально есть: его тошнило, воротило даже от воды, лишь питательные темные эмоции Брона держали на крыле. Он осунулся, отоцал, поседел волосы, крылья ломило до сих пор. Такова была цена нарушения клятвы — и то, как подозревал Ороро, еще не вся.

— Я что-нибудь придумаю, — холодно ответил он.

— Уж будь так добр, — в тон ему сказал Вортар.

— Расскажи подробней о короле, — неожиданно попросил Цертер. — Каков он, почему все еще не расправился с тобой, есть ли у него слабости? Возможно, семья, друзья, возлюбленные? Кто-то, на кого можно воздействовать. Через кого можно добраться до него.

Ороро ощутил, как губы расходятся в мрачной улыбке.

Цертер, как всегда, предлагал гениальные идеи.

Что ж, подобный расклад более чем устраивал его. Клык за клык, как говорится у ниргенов.

Но секундочку. Что он в действительности знал о короле Гейлорде?

Ороро напряг память, Цертер выжидательно смотрел на него, готовый записывать важные по его мнению сведения, а Вортар, ворча, вернулся к готовке.

***

Краста, с тревогой сжимая ладони и пальцы перед собой, смотрела, как медленно тает алый закат, и ночь устилает небо синим, стремительно темнеющим покрывалом. Миг, когда угрожающая чернота сплеталась с последними отчаянными багровыми всполохами, взволновал до слез. Туго перетянутая неудобным корсетом грудь быстро вздымалась, плоский живот (Краста никогда бы прежде не поверила, что у нее может быть тонкая талия, но с убийства Жатриена она не могла толком есть) и спина невольно напряглись в трепетном ожидании, что вот сейчас ее коснутся сзади знакомые руки, медленно поднимутся выше, заключая в объятие, губы коснутся мочки уха и хрипло прошепчут что-нибудь непристойное.

Но уже растаяли последние отголоски этого дня и замерцали звезды на небе, медленно выплывала Зела и блестел на другом конце неба осколок Зельды, а здесь и сейчас Краста напрасно изо всех сил удерживала последние мгновения неистовой надежды и ожидания, что каким-то чудом Жатриен подойдет к ней бесшумной поступью, коснется и прошепчет ее имя.

Окончательно замерзшая, она разочарованно открыла глаза, прислушалась. Мир продолжал двигаться вперед: привычно доносились отзвуки шагов слуг и служанок, негромкие разговоры, редкий смех, отдаваясь болью и глухим раздражением — они не понимали, не чувствовали даже сотой части испытываемой ею боли, конкуренцию которой мог составить лишь страх.

Погибший Джул часто снился ей. Краста не раз задавалась вопросом — не стоило ли обнаружить себя? Криком отвлечь внимание полукровки от короля? Тогда Джул, возможно, остался бы жив. Вот только в тот момент жадное мщение внутри возликовало: Краста с неожиданной для себя бешеной радостью ожидала, когда же полукровка вспорет горло Гейлорду, отомстит за Жатриена и ее детей, оставшихся без отца. Вот только она не заметила Джула, и увидела его, лишь когда он встал между полукровкой и королем, защищая того всем собой.

Джул должен был все слышать. Почему, почему он ринулся защитить Гейлорда?

Он всегда был слишком честным, с горечью подумала Краста.

И поплатился за это.

Прежде в ней теплилась надежда, что гибель Жатриена и впрямь была случайной, но

теперь она слишком хорошо помнила выражение лица Гейлорда, его равнодушный голос, его последние слова Джулу, и ничего, кроме страха и ненависти она к нему испытывать не могла.

Он обещал не тронуть Жатриена — и убил его. Он обещал, что никогда не будет использовать ребенка в своих целях — и использовал. Он обещал не мстить ее детям — и...

Краста вздрогнула, резко обернулась и поспешила вниз, срываясь на бег, не обращая внимания на встревожившихся Красных Стражей, оставшихся за дверью. Скорее, скорее в комнату детей! Что если пока она стояла на балконе башни, он добрался до них?! Они ведь так похожи на отца! Гейлорд странно смотрел на Клэрию, заметил ли он ее сходство с Жатриеном? О чем он думал? Ох, только бы успеть, какая же она глупая!

Краста ворвалась в детскую, и от шума нянька, сидевшая у кровати, подскочила, роняя шитье, а сонные Клэрия и Кэлард, как всегда спящие в обнимку, завозились, проснулись, потерли глазенки, недоуменно глядя на растрепанную и наверняка безумную с виду мать.

— Уйди, — приказала Краста, не глядя на няньку, и, не дожидаясь, пока та уйдет, подбежала к детям, притянула их к себе, осыпая безудержными поцелуями, ласками и слезами.

— Мам, мам, — пищала Клэрия. — Ты чего?

— Ничего, — дрогнувшим голосом сказала Краста и нервно рассмеялась. — Все хорошо, мамочка просто вас так сильно любит.

— Мы тоже любим мамочку, — с готовностью ответила Клэрия, жмурясь от удовольствия.

Но Кэлард оставался серьезным. Он коснулся лица успокоившейся Красты пальчиками, отвел выбившуюся золотую прядку.

— Не бойся, мамочка, — попросил он, и Краста вздрогнула от его пронизательного грустного взгляда.

Она легла между ними, не в силах разлучиться, уложила себе на грудь, крепко обняла, и вскоре они уже засопели, провалившись в глубокий сон. Краста разглядывала их безмятежные детские лица, в каждой черточке которых видела Жатриена, и оттого любовь к ним поднималась такой жаркой всепоглощающей волной, что становилось больно дышать.

Она не позволит Гейлорду навредить им. Его слову нельзя верить. Сейчас он говорит одно, а завтра сделает совсем другое.

В тяжелых думах пролетела половина ночи. Краста лежала, не шелохнувшись — чтобы не разбудить детей и чтобы не вспугнуть слабую пока решимость взять дело в свои руки. В конце концов ей пришлось встать — мысли слишком сильно взбудоражили, чтобы она могла просто оставаться на месте.

Она осторожно поднялась, укладывая поудобнее детей. Подоткнула им одеяльца и как можно тише вышла за дверь, за которой стояла в ожидании верная нянька и Красные Стражи. Красте стало стыдно от того, что она не помнила ее имени, и вообще в последнее время стала рассеянной и раздражительной, хотя ее милые служанки уж точно были ни при чем.

— Присмотри за ними, — мягко попросила она, вкладывая в взгляд сожаление за грубость, и поспешила в свою комнату.

Лихорадочные мысли ни на минуту не отпускали ее разум из своих крошечных липких лапок.

Мог ли Гейлорд бояться, что когда дети вырастут, они решат отомстить ему за отца?

Он ссылал их в Мехрив — осколки камней, пучки редкой травы, серое небо, дожди, сырой воздух; в Ренденский дворец — холодные камни, потеющие окна, стонущие в бурю трубы. Разумеется, Гейлорд не мог обо всем этом знать. Краста понимала, что то было не его решение, а Малого Совета, и, учитывая положение, это было даже... великодушно — на что еще могли рассчитывать жена и дети человека, который предал и чуть не убил короля?

Лучше бы ему и дяде в тот день это удалось...

Краста кивнула на прощание своим Стражам и, очутившись в комнате, заперла дверь и с облегчением прижалась к ней пылающим лбом.

— Вы не похожи на ту, что описывал мне герцог Огуст, — произнес незнакомый голос за спиной.

Краста в первый миг окаменела, в другой — потянулась рукой повернуть ключ, торчащий в гнезде замка, и открыла рот, чтобы закричать, позвать на помощь, как неожиданно смысл слов незнакомца достиг ее разума, и Краста изумленно обернулась.

— Прошу прощения, что напугал, — сказал незнакомец.

При тусклом свете кристаллов Краста разглядела, что одет он был в обычную ливрею, что носили слуги, занимающиеся чисткой каминов и кристаллов света. Один из сотен многочисленных слуг.

— Кто вы? — спросила она.

— Ваш союзник, — задумчиво ответил незнакомец, пристально разглядывая ее. — Вы позволите?

Он медленно протянул руку к кристаллу света, и Краста кивнула. Незнакомец провел пальцем вверх по шкале сияния, и в комнате посветлело. Незнакомец галантным жестом предложил Красте присесть, но она предпочла стоять. Он, казалось, совсем не боялся, что она могла в любую секунду позвать Стражей, и его уволокли бы в темницы за вопиющую наглость вторжения в покои принцессы. Манерой держаться он не походил на слугу. Кем же он был в действительности?

Он устроился на кресле, налил в два кубка напитков из стоявшего на трапезном столике кувшина и первым сделал глоток, не сводя заинтересованного взгляда с Красты.

— Что вы имеете в виду говоря, что вы мой союзник? — спросила Краста, скрещивая руки на груди.

— Я, как и вы, ненавижу короля Гейлорда, — ответил незнакомец. — Я был одним из тех, кто помогал герцогу Огусту и лорду Жатриену, вашему мужу, свергнуть его. Примите мои соболезнования. Ваш муж был храбрым человеком.

Краста благодарно кивнула. В носу защипало от слез, как и всегда при упоминании о любимом.

— Что вы хотите? — спросила она.

— Мести.

Краста издала невеселый смешок.

— Что мой брат сделал вам плохого?

В непроглядно черных глазах незнакомца застыл лед.

— Он убил моего брата и его жену, убил их дочь и женщину, которую я называл своей матерью. — Он помолчал, сдерживая гнев. — А после он грозился убить моего маленького племянника, если я не подчинюсь.

Глаза Красты широко раскрылись.

Этого не могло быть. Это просто совпадение, твердила она себе, в глубине души зная уже, кто навестил ее.

Напольные часы, выполненные в виде золотой птичьей клетки, негромко пробили три раза. Наступил час номэйдов — первых тварей, час, когда приходили кошмары, и Краста вздрогнула.

— Как видите, у меня полно оснований для мести, — продолжал незнакомец, — и я прошу вашей помощи, зная, что по его вине погиб ваш муж, отец ваших детей. Зная, что и ваши дети могут быть в опасности.

Краста резко вскинула голову.

Незнакомец смотрел на нее внимательными глазами, в которых не отражалось ничего.

— Я помогу вам, — ответила она, не узнавая свой голос. Она дрожала, но не от страха, а от гнева, злой радости и отчаянной надежды. Сердце стремительно колотилось. — Вам опасно находиться здесь, вы же знаете, — поддавшись наитию, сказала она.

В выражении глаз незнакомца мелькнуло удивление, а Краста между тем замечала все больше и больше в его внешнем облике.

Он был изможден, что лишь подчеркивал неяркий свет кристаллов. Глубокие тени словно бы вдавили его глаза глубже в череп, лицо было заостренным, как и худые длинные пальцы. Он казался молодым, но печать какой-то болезни словно бы преждевременно состарила его.

— Вы не могли знать, что я не позову помощь и соглашусь помочь, — продолжала Краста. — Вы очень рисковали, придя сюда со столь откровенными речами. Похоже, месье для вас дороже жизни.

Незнакомец задумчиво сделал глоток из кубка.

— По правде, это не так. Я должен вернуться к своему племяннику, ведь он остался совсем один. Я здесь, чтобы обеспечить ему безопасность и нормальную жизнь, а это возможно, лишь если король Гейлорд умрет. Это гораздо важнее мести, ради этого можно и рискнуть. А вы как думаете?

Он коротко взглянул на нее, и Краста застыла, осознавая непривычную для себя власть над чужой жизнью, осознавая их сходство. В его печальных глазах она увидела все, что ей было нужно — все, что она видела в своих каждый раз, как гляделась в зеркало. Помедлив, она сделала шаг, опустилась в соседнее кресло, взяла в руки кубок, который он прежде налил для нее, и приготовилась слушать.

Вортар ломал голову над тем, как выбраться из Нижнего мира, чуть ли не с первых дней, как мы очутились здесь. После случая, о котором я не помню, у меня проявились способности Создателя, и в плане Вортара я играю ключевую роль.

Поскольку как Создатель я абсолютен — лишь вопрос времени, когда мне удастся усовершенствовать или создать те или иные заклинания.

Орохин появился в Нижнем мире спустя примерно год после активации Первого Проклятия, и Вортар сходу придумал новый план, позволивший ему спасти полукровку от казни и взять его под свое крыло, дабы в дальнейшем использовать.

После я вновь прикинул необходимое время для всех возможных вариаций нашего спасения, и использование полукровки — наиболее кратчайший для этого способ.

Разумеется, нам часто приходится на ходу справляться с неожиданными проблемами и корректировать планы, а также замедлять темп для более эффективной работы в дальнейшем, к примеру, я — одно из ключевых звеньев плана, оттого меня порой насильно отлучают от рабочих кабинетов и отправляют в залы медитаций, я получаю более полезную питательную еду, а также меня гоняют больше прочих для укрепления здоровья и боевых навыков, чтобы в случае чего у меня были высокие шансы выжить.

К сожалению, в летописях прошлого не сохранилось упоминаний о конкретных Абсолютных Создателях (оттого некоторые тэйверы проявление моего дара сочли за знак, что наш народ пострадал незаслуженно и получил божественное благословение в моем лице; несусветная чушь), но доподлинно известно, что Создатели, уделявшие слишком много времени своей работе, сходили с ума. Основная причина излишней заботы обо мне — страх, что подобное случится и со мной.

Работаю я в основном в доме Вортара: поскольку он глава своего Дома и один из старейшин, его дом просторней и укрепленней прочих.

Лиловая комната посвящена магической формуле Первой Клятвы. Поскольку она нигде не сохранилась (существует теория, что ее можно увидеть, если подняться на высоту, достаточную, чтобы узреть все земли Срединного мира, но, увы, это не удавалось даже сильнейшим представителям высших народов), мы с Рокусом воссоздаем ее из наших догадок и логических предположений.

Макет этот похож на лабиринт с четырьмя связанными друг с другом точками опоры (Вершины) и страхующими элементами (Хранители). Стены и многочисленные ходы-ответвления — магические формулы и заклинания. Одно вытекает из другого, очевидные точки пересечения и соприкосновения, пустые дыры на месте абсолютных и обычных заклинаний, еще не обнаруженных...

Рокус убежден, что эта схема — не Первая Клятва, что ее (как и Проклятие) даровано видеть лишь богам, открытым всем уровням восприятия, но уж никак не нам с нашей ограниченностью.

Не согласен с ним.

Всегда и во всем есть система даже в бессмысленных на первый взгляд вещах, ибо даже мысль суть есть энергия, что находит свое отражение в царстве бездны (оно же — царство хаоса, единства, всего-и-ничего).

Что-то было не так.

Занимаясь повседневными заботами, тренируясь, помогая собирать информацию о низших тварях, обедая с друзьями, гуляя с Лоис, оттачивая боевые навыки, умываясь в комнате, прихорашиваясь и отправляясь бесшумно тайными тропами в комнату Гейла, а позже возвращаясь назад, Вик понимала — что-то странное и неприятное происходило, но что именно, никак не могла взять в толк.

Может, проблемы в стратегии борьбы с низшими тварями? Вроде нет, более того, они продвигались довольно быстро и на большей части зараженных тварями территорий уже организовали посты Синих Стражей с добровольцами из местных жителей. Каждый день вечером дежурные Синие Стражи отправляли отчеты по каналу связи, и каждое утро паучиха Эронви приносила их на собрание в зале совета. Срочных сообщений пока не поступало, да и в случае чего Синие Стражи должны были направить запрос о поддержке в ближайший крупный город со штабом Синих Стражей.

Хм, проблемы с друзьями? Нет, они даже слишком часто на взгляд Вик собирались теперь по вечерам в чьей-нибудь комнате и играли в карточные игры, случалось, и выпивали — как правило те, у кого на следующий день был выходной. Вик не находила в себе сил отказать, неожиданно осознав, что успела привязаться к своим товарищам — настолько, что даже друзьями называла. Да и ускользнуть тайком к Гейлу решалась, лишь когда убеждалась, что соседки по комнате уже спят. Если они и замечали, что она куда-то отлучалась по ночам, то ни разу об этом не заговорили.

Дурной была эта затея, совершенно дурной, но Вик не могла удержаться. Неодолимое желание толкало ее вперед, а выспаться можно было после — вместо утренних тренировок. Все же Гейл был важнее.

В последние дни на него навалилось много хлопот с грядущим праздником золотой Жатвицы — началом сбора урожая. Празднество обычно длилось добрую неделю, и король по древнему обычаю объезжал свои владения. Более десяти лет Жатвицу не праздновали как должно, но теперь-то король вернулся, и люди, ответственные за организацию, похоже, вознамерились провести ее с блеском. Для этого Гейла заставили учить множество речей, порядки и обычаи в каждом из семи Великих Городов, посетить которые было обязательно; устраивали примерки новых дорогих одеяний; обучали традиционным местным танцам, которые Гейл должен будет станцевать с выбранной красавицей в каждом городе.

После окончания Жатвицы по плану королевского Совета следовал подбор невесты: Гейла намеревались женить к концу этого года и начинали готовиться уже сейчас. Гейл, рассказывая ей эту новость, был мрачен, и пришлось здорово постараться, чтобы убедить его, что ничего между ними не изменится: Вик отлично понимала, что такое долг. Жена нужна была, чтобы зачать королевское дитя, вероятного будущего Хранителя, ну а Вик — будет исполнять свой долг.

«Твоя защита и твое счастье», — с нежностью думала она, убирая волосы с лица спящего Гейла, прежде чем в очередной раз покинуть его комнату.

В Южной Вершине царил суета и оживление: слуги целыми днями чистили люстры и стеклянные плафоны светящихся кристаллах, которые проверяли и налаживали придворные маги; ковры вытаскивали, вытряхивали, на замену расстилали другие, то же самое проделывали с тяжелыми шторами; протирали окна, зеркала, картины; отодвигали мебель, чинили при необходимости; доставали милые глазу безделушки на каминных полках, столах, подоконниках, убирали ненужное или меняли на новое, расставляли все по местам; скребли, терли, отмывали столовые приборы.

Красные Стражи возбужденно гадали, кого возьмут в королевскую свиту на время Жатвицы — состав личной охраны короля менялся каждую неделю за исключением Битти Ангусты, который каким-то образом умудрялся не попадаться под горячую ногу излишне требовательного господина Легрея. Хемль составил расписание на время семидневного праздника — охрана утроилась, но и сменялась каждые шесть часов. Так все могли успеть присутствовать на ярмарочных представлениях, которые устраивали в столице.

Дух грядущего праздника не на шутку взбудоражил Лока. Он собирался воспользоваться шансом и, будучи приближенным короля, намеревался сопровождать его все семь дней. Вот только с нарядами вышла загвоздка: он никак не мог успокоиться и выбрать что-то из своих запасов, потому уговорил Лоис пойти с ним по лавкам портных. Вернулись они загруженные сумами и с разным настроением: Лоис была весела и довольна, Лок тоскливо бормотал, что передумал и хочет провести праздник в библиотеке. Слушая рассказы Лоис о творящемся в столице ажиотаже и посмеиваясь, Вик рассматривала купленные обновки.

— Я заказала билеты на представление магов-кукольников, как мы договаривались, — довольно сообщила ей Лоис. — По времени как раз успеваем после твоей смены. Потом — отправимся на карнавал.

Она проворно нырнула в суму, что-то выискивая, и торжествующе достала красивую маску в форме бабочки и прозрачное зеленое платье, разлетающееся сверкающими волнами. Она надела маску, приложила платье к себе, придерживая у плеча и под грудью, и, смеясь, покружилась перед Вик и Локом.

— Ну как вам? А ты уже решила, что наденешь на праздник?

Вик пожала плечом.

— Гейл выбрал мне платье из формуляра «Ан Кеши». Это магазин с тканями из Востока, — пояснила она. — Я уже заказала...

(как и комплект прекрасного нижнего белья, который Гейлу не терпелось на ней увидеть)

— ... надо проверить, может, уже готово.

Лок и Лоис переглянулись.

— Гейл? — удивленно спросила Лоис. — Что?

Вик снова пожала плечом.

— У него отличный вкус, я доверяю ему.

— Нет, подожди. Когда вы успели это все обсудить? Ты же говорила, что решила из-за слухов реже видаться с ним. Не думаешь, что будет худо, если кто прознает об этом?

— Уж не собираешься ли ты подкинуть дров в костер сплетен? — холодно спросила Вик.

— Конечно, нет, — растерянно пробормотала Лоис и замолчала.

Вик с раскаянием посмотрела на нее, но слова не находились. Она не хотела обижать Лоис, просто требовалась осторожность в этом деле, но, конечно же, ни Лоис, ни Лок не

предали бы ее доверия, как она могла об этом подумать? Прежде от них не было секретов, они с неизменным участием откликались на ее просьбы и помогали всем, чем могли, шмак побери, Лок ради нее даже украл, точнее, взял на время легендарный шлем Дерайны, и вот как она платит за их верную дружбу?

Пока она барахталась в чувстве вины, Лоис, аккуратно сложив платье, встряхнула головой и снова улыбнулась, но уже печальной улыбкой.

— Кстати, завтра придет Джелия по приглашению принцессы Красты, я подумала, ты захочешь об этом узнать. Знаю, вы были не в ладах из-за Джула, но, может, вы захотите встретиться и...

Резкая боль неожиданно пронзила голову. Вик отшатнулась, схватилась за стол. Поначалу никак не могла зацепиться за краешек, за столешницу, хоть за что-то — пальцы соскальзывали

(она соскальзывала).

Она за что-то схватилась и схватилась за это со всей силы, будто это могло помочь ей удержаться на тонком краю пропасти, и от этого понимания — мимолетной картины происходящей с ней проблемы — ее бросило в горячий пот.

— Что с тобой? — испугалась Лоис.

Она засуетилась, заставила Вик сесть.

Дышать давалось тяжело, будто грудь была набита камнями. Вик прикрыла глаза, стараясь успокоиться. Сердце так и колотилось. Она сосредоточилась на боли в руке. Что-то острое схватила, но это было к лучшему, боль приводила в чувство, и вот уже Вик смогла расцепить стиснутые непроизвольно зубы и с помощью Лоис отпить воды. Зубы так и клацали о края кружки.

— Джул, — потерянно прошептала Вик.

Ее любовь, ее сердце, ее жизнь — его больше нет. И как быть с этим она не знала.

Но очевидно ведь, что она любила Гейла.

Две противоречивые мысли неожиданно ярко блеснули в голове, а затем первая исчезла и осталась лишь вторая.

Вик отстранила кружку с водой и улыбнулась.

— Я в порядке.

— Твоя рука! — воскликнула Лоис, хватая ее сжатую в кулак руку, из которой стекала кровь.

Вик болезненно разжала ее. Оказывается, схватила раскрытые маленькие ножницы, лежавшие на столе Лоис, и кромки их глубоко вошли в руку. Лоис быстро вытащила ножницы, Лок уже был наготове с большим платком и быстро и умело перевязал рану. Вик прижала второй рукой крепче, подняла руку повыше, отпила еще немного воды. Платок тем временем стремительно пропитался кровью. Вик растерянно огляделась.

— Эй, есть чем еще перевязать?

Лоис засуетилась вокруг своих сундучков и шкафчиков, доставая настойки, мази и бинты. Вик склонилась над ее рабочим столом, чтобы не капнуть на чистый пол, развязала платок. Лок приготовил воду в небольшой посудине, и Вик хорошенько промыла рану и промокнула чистой льняной салфеткой. Лоис стояла наготове с целительной мазью, но кровь продолжала течь и, кажется, стала лишь обильней. Это мешало нанести мазь, надо было остановить кровь хотя бы на несколько секунд.

— Что ж, тебе придется потерпеть, — решительно сказала Лоис и склонилась над раной

флаконе с кровоостанавливающей жидкостью.

Ожидая знакомую сводящую с ума боль, Вик невольно напряглась, но никакой боли не ощутила, а рана продолжала кровоточить.

— Ничего не понимаю! — воскликнула Лоис, вылив чуть ли не половину содержимого флакона. — Уж это-то должно было помочь!

Закусив нижнюю губу, она решительно отодвинула флакон, взяла руку Вик в свои, накрыла ладонью и сосредоточилась. Ее руки осветились зеленоватым светом, но ничего не произошло. Лоис вконец растерялась, обернулась и возмущенно воззвала:

— Учитель! Хватит стоять без дела! Так она скоро истечет кровью!

Задумчивый Лок кивнул, убрал с середины комнаты циновку — под ней оказался нарисованный краской круг. Лок принялся чертить какие-то символы мелом, который достал из кармашка на поясе, пока Лоис перебирала склянки с зельями, баночки с мазями и одну за другой передавала Вик.

— Вот эту попробуй.

Вик послушно глотала одну настойку за другой, но кровь не останавливалась. Она стирала кровь с руки и даже успела нанести таки мазь, но ничего не помогало.

— Ничего не понимаю, — озадаченно повторила Лоис.

— Вик, встань сюда, — подманил Лок.

Вик подошла к указанному месту, прижимая к ране полотенце. Лок заключил круг в квадрат и по четыре его стороны нарисовал символы. Закончив, отошел подальше и сосредоточился. Круг осветился голубоватым светом, пронзил тело Вик так, что она, с изумлением посмотрев на свои руки, тело, увидела собственные кости, сосуды, органы...

Лок прикрыл глаза, сказал что-то на незнакомом языке, и когда открыл, глаза его светились голубым сиянием. Лоис оглянулась на него и повторила. Они уставились на Вик светящимися холодными голубыми глазами, будто ученые, изучающие диковинную зверушку.

— Посмотри, — указал Лок на ее голову.

— Ничего подобного прежде не видела. И по всему телу...

— Как я и боялся. Но в столь юном возрасте... — Лок покачал головой.

— Эй, что происходит? — переводя взгляд с него на Лоис, тревожно спросила Вик. Ее начало немного потряхивать от осознания, что дело куда хуже, чем казалось.

— Юная Вик, не волнуйся, мы разберемся с этим, — мягко сказал Лок.

— Я позову Гейла, — решительно сказала Лоис. Зажмурилась и когда открыла глаза, те уже были обычного своего цвета. — Если и у него ничего не получится...

— Мы найдем выход, — перебил ее Лок и остановил, прежде чем она успела направиться к двери. — Лоис, дорогая, чтобы у юного Гейла не возникло неприятностей — а судя по времени, сейчас у него занятия с Легреем, — я напишу ему записку от своего имени.

Лоис нетерпеливо кивнула. Потекли томительные секунды, пока Лок до раздражения спокойно доставал письменные принадлежности и выводил аккуратные слова на общем языке. Свернул записку и приложил кольцо-печатку с гравировкой символа своего клана. Лоис выхватила письмо и выбежала из комнаты. Лок вздохнул, рассеянно потирая ладони. Пристально взглянул на Вик, по-птичьему склонив голову набок.

— Когда в последний раз тебя исцеляли магией?

Вик напрягла память.

— Во время тренировки с Гейлом десять дней назад. Он сломал мне нос, а после

исцелил. Вообще кроме Гейла меня никто не исцелял, ну разве что ты после того случая с ниргеном. Я знаю о вреде исцеления магией, но у Гейла способности Золотых от отца.

— Мы не можем быть в этом уверены. То, что его магия светится золотым сиянием, не означает, что его лаары воздействуют на организм с той же частотой, что и у Золотых. Если я прав, функции твоего тела нарушены, и даже Гейл не сможет тебя исцелить.

— Я что же, умру от такого пустяка? — высоким от страха голосом спросила Вик.

— Не падай духом, мы что-нибудь придумаем, — попытался приободрить ее Лок. — О, вот и Гейл.

И верно, дверь распахнулась, не успел он договорить, и на пороге возникли Гейл и Лоис.

— Вик? — Изумленный Гейл быстро пересек комнату, подошел к кругу вплотную, едва не касаясь границы носками сапог. Побледнев, он разглядывал Вик, остановился взглядом на раненной руке. Повернулся к Локу с таким видом, будто тот был его злейшим врагом. — Что происходит?

— Я случайно порезалась ножницами, — быстро ответила Вик. — Кровь не останавливается. Лок думает, что у меня проклятие исцеления.

— Что за чушь! — рассердился Гейл, перешагивая через границы круга. Взял ее руку в свои и прикрыл глаза.

Золотое сияние охватило его руки и зажатую между ними ладонь Вик. Знакомое тепло заструилось по коже, а когда Гейл открыл глаза и решительно размотал окровавленное полотенце, под ним не обнаружилось ни царапины.

— Ну? Что ты на это скажешь? — Гейл с возмущением посмотрел на Лока, но тот оставался серьезным и лишь нахмурился еще больше.

— Я пыталась исцелить ее, — вмешалась Лоис, — но ничего не вышло. Также никакой реакции на заживляющие мази и кровоостанавливающие зелья.

— Ты могла что-то напутать, — терпеливым голосом сказал Гейл. — А снадобья могли просто испортиться.

— Мои снадобья всегда первой свежести, — оскорбилась Лоис.

— Юный Гейл, мы с Лоис просмотрели тело Вик при помощи круга асхи — это магическая формула, широко применяемая в магии исцеления, позволяет отследить проблемы, связанные с телом любого живого существа.

— Что? — Гейл непонимающе моргнул.

— Лаары, как водится, есть везде, — терпеливо пояснил Лок. — В пустых в том числе, пусть и в ничтожном количестве. Мы с Лоис обнаружили в теле Вик превалирующее количество чужеродных лааров — такое бывает, когда, к примеру, пустой был заколдован, и эффект колдовства еще не рассеялся. Однако это невозможно, поскольку я оградил Вик от магического воздействия. Я убежден в этом, ибо сила того артефакта абсолютна, — сказав это, он упрямо скрестил руки на груди, а у Вик внутри все похолодело.

Тренируясь по утрам в пустой арене, она всегда надевала шлем Дерайны, который защищал от любого магического воздействия, и довела свою концентрацию на этом артефакте до машинальности. Значит, шлем должен был защитить и от исцеления Гейла десять дней назад. Сейчас, в выходной день, шлем находился в маленькой сумке, которую Вик носила через плечо.

— Это все приводит нас к естественной мысли, что тело Вик привыкло к магическому исцелению и теперь не может вылечиться само. Странно, что оно откликнулось на твою

магию. Возможно, это некое побочное действие того, что именно ты исцелял ее на протяжении многих лет?

Гейл ужасно побледнел.

— Это можно исправить? — спросила Лоис. — Раз Гейл еще может исцелить ее, возможно, все не так плохо?

— Пожалуй, — с сомнением отозвался Лок. — На стороне Вик ее молодость, тело еще способно восстановиться. Юная Вик, пока тебе лучше держаться подальше от всего, что может ранить, и от юного Гейла тоже.

Вик переглянулась с Гейлом.

— погоди. — Гейл на секунду с силой прикрыл глаза, видимо, собираясь с мыслями. — Разве я не должен находиться рядом с ней, если только я и могу ее исцелить?

Лок с сомнением покачал головой.

— Твоя магия исцеления сияла золотом, из-за чего я допустил недостойный промах, решив, что это наследие твоего отца из рода Золотых. Твоя магия исцеления — самая обычная, а не благословенная способность Золотых, увы. Однако то, что она способна воздействовать на тело Вик, тогда как все другие виды магического исцеления не работают, наводит меня на мысли, что это благодаря магии Хранителя. Ты так часто исцелял Вик, что ее тело разучилось исцеляться само, и в то же время лишь ты можешь ее исцелить — из-за своей исключительной магии. Мы не знаем истинные способности Хранителей Вершин, — напомнил он. — Возможно, я ошибаюсь. Понимаете, дело в том, что Вик слишком молода, а ее тело слишком здоровое и сильное, чтобы она в столь юном возрасте заработала проклятие исцеления. Что-то здесь неладное, и чутье подсказывает мне, что вам следует держаться друг от друга подальше до тех пор, пока ее тело не очистится от твоих лааров, Гейл, естественным путем. У меня уже есть несколько мыслей о том, как это ускорить.

Гейл облегченно кивнул.

— Сколько времени это займет?

— Несколько дней, — с сомнением ответил Лок. — Может недель. В любом случае я передумал сопровождать тебя, так что буду рядом с ней.

Гейл снова кивнул и даже дернул уголками губ в улыбке. Уж не вообразил ли он, что стоит Вик поцарапать палец, как Лок возьмет ее на руки и полетит вместе с ней к нему подлечиться?

— Думаю, это, мм, неприятное происшествие не заставит ее взять выходные и спрятаться в комнате, пока все не наладится.

— Верно думаешь, — усмехнулась Вик. — Я не собираюсь целыми днями торчать в четырех стенах из-за какого-то пустяка.

Настроение стремительно улучшалось. Лок и Лоис сделали все возможное, чтобы помочь ей, как и всегда. Более надежных друзей невозможно было вообразить. Горячая любовь к ним переполнила Вик едва ли не до слез. Они через многое прошли вместе, плечом к плечу.

Они поймут и поддержат, как и всегда.

— Конечно, тренировки придется пропустить, — невесело добавила она, шагнула ближе к расстроенному Гейлу, — но, думаю, к твоему возвращению я буду уже в порядке, — и привстала на цыпочки и поцеловала Гейла, отчасти надеясь этим смягчить его подавленное настроение, отчасти чтобы Лок и Лоис узнали об их секрете, и не пришлось бы больше от них ничего утаивать и обижать их этим. Они заслуживали правды. Честности.

Прежде чем смутная тревожная мысль успела оформиться в голове при этом слове, Гейл больно вцепился в ее плечи и отстранил от себя.

— Не при посторонних же! — прошипел он.

— Они не посторонние, — возмущилась в ответ Вик. — Я доверяю им. Мы доверяем им, — поправилась она, опуская и сжимая его руки. — Они наши лучшие друзья и должны знать, что между нами происходит.

Она решительно обернулась к оторопевшим Локу и Лоис.

— Вы... вы что... — пролепетала Лоис.

— Мы любим друг друга, — сказала Вик. — Не тревожьтесь, — она рассмеялась, глядя, как перекосилось в изумлении лицо Лоис и окаменело лицо Лока, — мы сохраним это втайне, и я не претендую на роль его жены. Гейл женится на своей избраннице, как и положено ему, а я буду рядом, как положено мне.

— Вик, — прохрипел Гейл. Он пошатнулся, в ужасе глядя на нее. — Что на тебя нашло?

— Я не могу больше держать это втайне от моих добрых друзей, — пожав плечами, ответила Вик. — Ложь и утаивание тяготят меня и обижают их. Я понимаю их чувства как никто другой, в конце концов, ты долгое время лгал мне о своем прошлом. Какое же это облегчение, — с улыбкой сказала она, — быть честной с теми, кто мне дорог.

И вновь тревожное чувство словно постучало в запертую дверь, но уже гораздо сильнее.

Лок смотрел на нее непонятым взглядом, в котором смешался хищный интерес и изумление, однако терпеливо молчал.

— Пстой, а как же Джул? — воскликнула Лоис. — Не верю, что ты так легко его забыла!

— Джул?..

И снова при этом имени в голове странно зашумело, будто на дне темного колодца, где она находилась, стремительно прибывала теплая черная вода.

— Джул... — потерянно повторила она, — но... я же люблю Гейла?

Она беспомощно посмотрела почему-то на Лока, ожидая от него правильного ответа. Лок пристально смотрел на нее.

— Да что с тобой?! Ты на его похоронах клялась, что никого больше так не полюбишь! И уже!.. С Гейлом!.. Ты же говорила, что он для тебя как брат, и одна мысль переспать с ним отвратительна!

Гейл при этих словах ярко покраснел.

— Тебя зачаровали, определенно! — запальчиво продолжала Лоис.

— И я знаю, кто это сделал, — негромко, но веско сказал Лок.

Все изумленно воззрились на него. Лок не сводил глаз с Гейла.

— Что? — растерялся тот. — Почему вам так трудно поверить в наши чувства?

— А разве ты не слышал, что и как юная Вик говорит? Взгляни на нее — она зачарована. Ты внушил ей чувства.

Лоис прижала руку ко рту.

— Сейчас навязанные чувства вступили в конфликт с ее настоящими чувствами — ей отвратительна ложь, потому она и призналась во всем. — Лок вновь с нескрываемым любопытством взглянул на Вик.

Он, конечно же, во всем ошибался. Это, право же, смешно! Но Гейл поверил и не на шутку разволновался.

— Я не внушал ей чувства! Даже если бы умел, я точно не сделал бы такого с Вик!

— Ты мог не осознавать, но по-настоящему хотеть этого в глубине души.

Гейл побледнел так сильно, что, казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Чепуха это все, — решительно возразила Вик. — Не внушал он мне ничего. Это же Гейл. Он не стал бы со мной так поступать. Я прекрасно знаю, что я чувствую, и чувства эти принадлежат лишь мне.

— Проверим через несколько дней, когда твое тело очистится от магии, — миролюбиво подняв руки, предложил Лок. — Если это недоразумение и твои чувства не изменятся, я принесу свои извинения.

Гейл угрюмо кивнул. Он крепко сжимал кулаки и смотрел себе под ноги. Вик с сожалением коснулась его плеча, но он отдернул руку.

— Что ж, — дрогнувшим голосом начал он, не глядя на нее, — мне пора, иначе опоздаю на репетицию речи.

— Гейл, — умоляюще позвала Вик.

Гейл, все так же пряча глаза, медленно направился к двери.

Да что с ним такое? Неужели он сомневался в ее любви?

— Это всего на несколько дней, — неуверенно сказала она. — Ты вернешься из своей поездки, и все будет как прежде. Мои чувства — это только мои чувства, вот увидишь.

Гейл обернулся с фальшивой улыбкой и с силой выдавил:

— Конечно. Ты права.

Он все еще был ужасно бледен, плечи его были опущены. Невероятно, но всегда такой блестящий и полный жизни Гейл казался сейчас побитым стариком, и Вик поразились страху и неуверенности в его глазах.

Когда дверь закрылась за ним, Вик решительно обратилась к Локу.

— Ты сказал, можно это ускорить. Когда мы начнем?

— Прежде ответь на вопрос: что ты будешь делать, если обнаружится, что Гейл действительно тебя зачаровал? — ровным голосом спросил Лок, а в глазах его так и светился жадный интерес, и впервые его нескрываемое любопытство действительно разозлило ее — он будто считал, что перед ним возник очередной любопытный экземпляр, который требовалось изучить.

Это же Лок, мысленно напомнила себе Вик, стараясь успокоиться. Не хватало еще сорваться на одного из своих сильнейших союзников.

— Я люблю Гейла, — убежденно и твердо сказала она. — Зачарована я или нет — я люблю его и буду с ним рядом до тех пор, пока он этого хочет.

Лок и Лоис обменялись такими взглядами, что их захотелось немедленно ударить.

Гейл тоже хорош — взял и оставил ее одну! Как он смел сомневаться в ее чувствах?! Как они все посмели сомневаться в ее чувствах?!

Ничего, скоро все наладится. Через несколько дней все придет в норму, надо лишь набраться терпения.

Я... не знаю, что сказать.

Я был так счастлив, что все разрешилось таким чудесным образом, что не замечал странности в поведении Вик. Даже то, что она согласилась с моей женитьбой на другой... я возмущался этому больше нее, она же... вела себя так, чтобы утолить мои сокровенные желания и не доставлять проблем.

Зная о том, что Вершина — часть меня и делает все, чтобы я был доволен, я нахожусь в замешательстве и, по правде, в ужасе. Дикая мысль посетила меня — что если Вершина обладает разумом и завладела телом Вик, как то бывает с одержимыми?..

Бред, бред! Это невероятно! Я не хочу такого!

Или... хочу?..

Неужели я пал столь низко, что хочу заполучить Вик любым возможным образом?..

Нет, нет, это не так, я никогда бы так с ней не поступил!

Но... я ведь оставил Джула умирать...

Я не мог по-другому! Он узнал мой секрет! Если бы все раскрылось, меня точно казнили бы! У меня не было выбора!

Шмак побери, впереди столько дел и хлопот, еще и с полукровкой надо решать, что делать, Вик — моя единственная отдушина, теперь и ее нет, что если она возненавидит меня и не захочет впредь даже видеть?..

Краус Нирсо, один из многочисленного штата прислуги Южной Вершины, находился в беспамятстве в подвале маленького дома, который Ороро купил прежде, чем приступить к придуманному плану по уничтожению короля Гейлорда. Для этого пришлось уподобиться Ищейкам на допросе и выпотрошить память нечаянной жертвы, благо, несчастный не сопротивлялся. Эта часть плана была отвратительней всего.

Возможно, однажды Краус Нирсо оправится от этого, размышлял Ороро, твердо намереваясь после всего подправить ему память и отпустить. Сто лет поисков, сражений и вынужденной осторожности наложили на него следы жестокости и отстраненности, и все же оставались некоторые вещи, против которых он возмущался всей сущностью, вплоть до ярости Голода.

В память отца однажды тоже вторглись и выпытали все, что только могли, изломав его разум так, что некоторые воспоминания были безвозвратно утеряны. Уподобляться этим тварям — сродни тому, чтобы извлекаться в несмысливаемой грязи, но Ороро понимал, что должен это сделать, и что время бежало с ним наперегонки.

Притворившись больным оборванцем, вымаливающим милостыню, он внимательно наблюдал за слугами Вершины с удобного места, откуда были видны ворота для прислуги. Краус Нирсо внешне походил на его человеческий оборот больше всех, внести окончательные штрихи волшебной косметической кистью не занимало много времени — это и стало решающим моментом выбора.

Усиленное оборотное кольцо позволяло проходить мимо человеческих Красных Стражей не разоблаченным, узкий браслет, одолженный у Крауса, служил пропуском во дворец, но вот шэйеру Кор Локу лучше было не попадаться, как и верховному магу и королю Гейлорду на всякий случай.

Попасть к принцессе Красте не составило большого труда, как и уговорить ее посодействовать, но Ороро подозревал, что в самый ответственный момент она может не выдержать, и король Гейлорд обо всем догадается. Король Гейлорд отправился в семидневную поездку в честь праздника Жатвицы. Отчасти именно это подтолкнуло Ороро немедленно действовать, и это же стало главной угрозой провала — чем больше проходило времени, тем более бледной, раздраженной и полной сомнений выглядела принцесса.

Нужно было придумать что-то еще. Запасной план на случай, если нервы принцессы Красты не выдержат.

Из воспоминаний Крауса и рассказа принцессы Ороро знал, что Гейлорд вернулся в Вершину в компании друзей: боевой подруги Вик, шэйера Кор Лока и его ученицы Лоис. Отношения между ними были неоднозначные. Краус был уверен, что Вик была любовницей Гейлорда, Краста утверждала, что между ними нет романтических чувств, но в том, что Гейлорд привязан к ней, нет никаких сомнений. Кор Лок был странным, но славным малым и с королем прятельствовал; он был шэйером — самолюбивым существом, смотревшим на всех свысока, и Гейлорда сильно раздражал. Лоис — симпатичная, но ничем не примечательная, король Гейлорд с ней всегда любезен и дружелюбен, и в этом мнения Крауса и Красты не расходились.

В выходные часы Ороро уходил в город, на всякий случай поплутав, добирался до маленького домика и оттуда отправлялся в Нижний мир — рассказать о новостях Вортару и

Цертеру и поломать вместе с ними голову над новым планом.

Отведенный под это дело блокнот Цертера быстро заполнялся новыми сведениями, сам Цертер не покидал один из подвалов дома Вортара — работал над формулой синхронизации памяти да готовил настой оборота.

Вик Рупигро путешествовала вместе с королем Гейлордом добрых десять лет, не зная о его происхождении, а после осталась в Вершине и вступила в ряды Красных Стражей будучи пустой, что было весьма удивительно. Она была увешана артефактами, с которыми отлично управлялась, судя по слухам и воспоминаниям Крауса о дне коронации, когда Вик сразилась против ниргена на арене. Также она возглавила отряд Стражей, вызволивших короля Гейлорда из лап предателей герцога Огуста и лорда Жатриена, и участвовала в освобождении замка Идра на Восточном Побережье. Более того, она оказалась невестой Красного Стража по имени Джул, погибшего в день Крови. Принцесса Краста рассказала что в тот момент находилась поблизости и стала невольной свидетельницей случившегося. По ее взгляду Ороро понял, что она догадалась о его истинной сущности, но они никак это не обговорили.

Стало быть, между Вик и Гейлордом ничего романтического и впрямь не было, но Вик была дорога Гейлорду, и если она узнает, как погиб ее жених, то может нанести серьезный урон моральному духу короля, чей контроль магии и так был шаток.

Хм, это можно использовать. Хорошо бы захватить ее в плен и разузнать все, что она знает о короле Гейлорде. Нужно улучшить момент и перенести ее в Нижний мир, но как это сделать без лишней шумихи? Она постоянно чем-то занималась, с кем-то встречалась и не выходила за пределы территории замка, хотя праздник Жатвицы шел полным ходом. Попытаться поймать ее прямо в замке, заманив в безлюдное местечко? Слишком опасно, да и не сможет он сейчас дать ей серьезный отпор, если возникнет необходимость: Вик была хорошо развита физически и владела магическими артефактами, а Ороро все еще не оправился от последствий едва не нарушенной клятвы слуги.

Вариант с Кор Локом, конечно же, не рассматривался, а вот с Лоис, возможно, все могло получиться. Лоис, по краткому наблюдению и воспоминаниям Крауса, была близка с Вик, также она была достаточно приближенной к Гейлорду. В любом случае из этого должно было что-то получиться.

***

Лоис лениво прохаживалась между рядами разноцветных палаток, разглядывая разложенные на покрывалах коробочки с травяными и деревянными оберегами, ящички, заполненные филигранно выполненными флакончиками с расписными стенками и гладкими горлышками, кожаные пояса, свернувшиеся змеями; висели на специальных подставках кошельки, веера из дорогой бумаги и тонкого дерева, развевались над головой зачарованные бумажные змеи и звенели подвешенные на их хвосты колокольчики. У одной палатки раздавали детям бесплатный фруктовый лед, и оттуда доносились радостные визги и смех.

У торговца чаями Лоис остановилась, внимательно перебрала взглядом аккуратные ряды подписанных на общем языке коробок. Тут были и цветочные чай из земель Запада, и морские из знаменитой провинции Цуф-Ба на юге Востока, чай с горы Дабаньдан — учитель, кажется, еще его не пробовал. Лоис попросила отвесить немного в мешочек и

достала деньги из поясной сумки, рассеянно разглядывая круглые кирпичики спрессованного чая и выше — ряды цветочных настоек в темных бутылочках, разделенные по применению: для спокойствия, для бодрости, для лучшей работы ума...

Поблагодарив торговца, Лоис отправилась дальше, укладывая на ходу в плетеную корзинку купленный чай. Там уже лежали в коробочке, чтобы не помялись, несколько сладостей, выполненных в форме цветов, несколько флаконов спиртовых настоек, старая книжечка про травы Диких земель — Лоис нашла ее случайно, когда проходила мимо палатки торговца книгами, — клубок изумрудно-зеленой шерсти. Лоис еще не знала, на что его использует, но цвет был очень красив.

Лоис медленно шагала, разглядывая людей, палатки, слушая оживленный гул голосов и мелодичный звон играющих на ветру колокольчиков, когда перед ней неожиданно появился один из слуг Южной Вершины.

— Госпожа Лоис, слава богам!

— Что случилось? — встревожилась Лоис.

— Там мой друг. — Слуга невразумительно указал в сторону. Он был чрезвычайно взволнован, и поначалу Лоис не узнала его без формы, лишь приглядевшись к лицу, вспомнила, что его звали Краус, и он следил за чистотой в комнатах. — Ему плохо, не знаю, что с ним. Синие Стражи обещали найти лекаря, но я увидел вас и подумал...

— Конечно, идем скорей, — перебила его Лоис, прибавив шагу.

Они вышли за пределы торговых палаток, поспешили к неприметной улочке. Лоис быстро и терпеливо спрашивала, что случилось, Краус, запинаясь, пытался отвечать, но был слишком растерян и испуган.

Улочка была темной, загороженной мусорными ящиками.

— Где же... — удивленно начала Лоис, замедляя шаг, как Краус неожиданно схватил ее за горло и надавил пальцами. Лоис не успела закричать — стремительно надвинулась темнота и сознание померкло.

***

Она очнулась резко, словно вынырнула из воды. Было трудно дышать, словно воздух стал плотней, а тело — тяжелей.

Краус обманом завел ее в темную улочку и схватил за горло, и вот она здесь — в каком-то темном помещении, и вокруг лишь горят темные кристаллы, разбросанные на дощатом полу.

Лоис осторожно пошевелила руками, ногами, но те оказались скованы цепями. Она была пригвождена к полу, расчерченному магическими символами. По левую руку от нее сидел, скрестив ноги, шэйер, но, приглядевшись, Лоис поняла, что обозналась. Это было иное существо: кожа была серой, крылья другой формы, на красивом профиле были узоры, это же...

Обмирая от догадки, Лоис огляделась, заметила еще несколько фигур, похожих на шэйеров, прислушалась.

— Было бы проще просто вытащить из нее нужные сведения, зачем тратить столько усилий?

— Она может пригодиться.

— Орохин прав, — сказала существо, сидевшее слева от нее. Оно... он — это был

мужчина с длинными серебристыми волосами, собранными в изящные косички — внимательно читал книгу и хмурился. — К тому же мы собирались опробовать улучшенную версию координации, это может помочь нам вернуть забытые воспоминания старейшин.

— Мы даже не проверили эту формулу, а если ты шагнешь слишком глубоко в чужую память... — сердито начал другой.

— Поверь, я осознаю все вероятности и сделаю все, чтобы следовать наилучшей. Орохин, ложись, — сереброволосый похлопал ладонью слева от себя, — я передам тебе ее воспоминания, а ты, Вортар, среди за оборотным настоем.

Сердитый Вортар, недовольно ворча, подошел к сооруженному рядом очагу, в котором сверкали ослепительные огненные камни. Столь ярких Лоис прежде не видела, хотя, может, это в полутьме они так ярко светились? Над камнем на специальной подставке находилась кастрюлька, и дымок над ней курился фиолетовый.

Лоис украдкой ущипнула себя, но странные видения не спешили рассеиваться. Сереброволосый мужчина повернулся к ней и с любопытством воззрился сверху вниз. Узоры на его лице были черными, но мерцали, будто были присыпаны серебристой пылью.

Это был тэйвер. О, святые боги, это был самый настоящий тэйвер, неужели она попала в самый настоящий Нижний мир?

Тэйверы выжили, поняла Лоис. И, судя по всему, очень даже бодры и энергичны и к чему-то готовятся, исследования проводят... Она едва не расхохоталась.

— Ты понимаешь меня? — спросил тем временем сереброволосый.

— Конечно, — как можно спокойней отозвалась Лоис. — Кто вы и что хотите со мной сделать?

— Тебе не нужно этого знать. Постарайся расслабиться. Я все равно сделаю то, что нужно, а если будешь противиться, то причинишь себе лишь боль.

— Почему ты разговариваешь с человеком вместо того, чтобы просто не вырубить? — закатив глаза, спросил недовольный тип по имени Вортар.

— Я хочу посмотреть, как будет реагировать подопытный на воздействие формулы координации памяти.

— О, ну тогда ладно, конечно, никаких проблем, — сердито выплюнул Вортар и вразвалочку подошел к ним. — Ты это ожидал от меня услышать?

— Это нужно для наших исследований, — упрямо сказал сереброволосый.

— Для наших исследований нужен твой здравый рассудок. Проверишь в другой раз, когда убедимся, что формула координации памяти работает как надо.

— Вортар... — попытался остановить его сереброволосый, но воздушный кулак уже сорвался, и сознание Лоис снова померкло.

***

— Вортар! — возмущенно крикнул Цертер. — Ты что наделал?!

— Да жива она, не беспокойся. Сам же говорил, что если будет сопротивляться, у тебя появятся проблемы. Поверь, это того не стоит. Никакие исследования того не стоят, — сердито добавил Вортар, — если они вырубят тебя на неделю или месяц. Сейчас слишком много поставлено на карту, мы не можем рисковать. Орохин, где ты там? Шевелитесь, у нас мало времени.

Ороро с готовностью растянулся на полу слева от Цертера, на заранее приготовленный

круг. Холодная ладонь Цертера легла на его лоб, вторую руку он положил на лоб бесчувственной Лоис, а потом закрыл глаза. Поначалу ничего не происходило. Ороро искоса наблюдал за Цертером, за беспокойным Вортаром, за ожившими символами на полу.

Формулу координации памяти Цертер соорудил, основываясь на координации, с помощью которой помог Ороро научиться у Зедоро перемещаться в пространстве с помощью Дверей много лет назад. Сразу после составления плана действий против короля Южной вершины Цертер возобновил работы над этой формулой и подошел к ее созданию со всевозможной внимательностью. Вместе с Вортаром они начертили два больших круга, на которых устроились Ороро и Лоис, и один маленький, который занял Цертер. Он сидел, скрестив ноги и выпрямив до предела спину. Серебристая магия расправлялась в нем, зарождаясь в основании спины, перетекала выше, раскинулась по рукам, следуя сплетениям магических путей, скользнула по пальцам и ладоням вниз, обтекая лбы Ороро и Лоис («подопытных» — мысленно фыркнул Ороро, и неожиданно в голове отозвался знакомый легкий смешок Цертера), и проникала тоненькими нитями в разум, сцепляя воедино три сознания.

«Два, — мысленно поправил Цертер. — Я всего лишь проводник и координатор, как и в прошлый раз. Я не проживаю ее воспоминания, лишь передаю тебе, тогда же я синхронизировал твой разум с разумом Зедоро — никаких воспоминаний, лишь то, что происходило с вами в тот момент».

«Тогда я не слышал твои мысли. Ты здорово потрудился над этой формулой».

«Да. Приятно видеть плоды своих стараний», — с этими мыслями Цертер раскрыл глаза.

Ороро с пугающим чувством осознал: что находится в своем теле, что глядит на мир словно сквозь дымку глазами Цертера, что одновременно погружен в глухую и слепую темноту без сновидений Лоис.

А потом темнота растворилась, и в разум хлынули бесчисленные воспоминания каждого часа, минуты, секунды, прожитой Лоис — в обратном порядке.

Голоса, лица, сменяющиеся картины, мешанина звуков, запахи, прикосновения, чувства: раздражение и радость, обида и смех, озабоченность и беспечность, грусть и теплота, любовь и злость — этого было слишком много, слишком ярко, невыносимо и сразу, будто на Ороро налетел рой маленьких крикливых разноцветных птиц.

«Спокойно!» — звоном прокатился в голове голос Цертера. И следующий приказ — «Дыши!»

И Ороро задышал.

Все три сознания затуманились, отошли на второй, десятый, сотый план. Ороро сосредоточился на своем сознании, взглядом — на взволнованном Вортаре, который уселся напротив Цертера и выглядел так, словно был готов в любую секунду прервать заклинание.

— Если я заподозрю, что что-то идет не так, я остановлю, — тихо сказал Вортар. — Слышишь меня?

Цертер молчал. Ороро чувствовал, что он был слишком занят, что это он удерживал от него тысячи разъяренных крикливых птиц. А потом голова неожиданно заполнилась цельными фрагментами полных воспоминаний. Ороро видел свое человеческое лицо глазами Лоис. Видел сотни других незначительных лиц так, будто это было его собственное воспоминание. В разум медленно вплыли следующие фрагменты и вместе с ними — мгновенная информация, связанная с этим. Шэйер Кор Лок — учитель, помещан на

человеческой культуре, обожает вкусно поесть, а ему нельзя, у него больной желудок, он носит подаренную чашку с собой в столовую, это невыносимо мило! у него есть две сестры, старшая зануда, а с младшей, думаю, мы подружимся, я отправляла ей теплый шарф — в Верхнем мире по словам Лока бывает холодно в снежные месяцы — и книгу о традициях людей на Востоке, а она мне роскошное ожерелье из розовых камней...

Поток бессвязной информации приостановился. Цертер искал, одновременно приоткрывая для Ороро завесу своего разума, точнее того, что было перешейком между разумами Ороро и Лоис.

Он походил на бесконечную спираль, закручивающуюся в себя, и неистовым бессвязным ураганом вокруг пронеслись миллионы мыслей и воспоминаний Ороро и Лоис, и Ороро резко испугался, вдруг поняв, что Цертер может заглянуть куда не следует и узнать о мальчике. Этот испуг и невольная ярость в мгновение отозвались в разуме Цертера вспышкой боли, а перед самим Ороро мелькнул образ высокой каменной стены, за которой он намеревался спрятать свою память, и одновременно — собственные клыки и когти, которыми он сразил бы всех, кого счел бы врагом.

«Я не могу отделить лишнюю информацию от нужной, — наконец, сказал Цертер. Он никак не прокомментировал то, что случайно сделал Ороро. — В формуле есть пробелы, и теперь я знаю, какие. Мои силы иссякают, другого раза не будет».

«Давай все, — решил Ороро. — Все подряд за прошедший месяц, если можешь».

«Постараюсь».

И вновь хлынул поток бессвязной информации. Фрагменты все больше были обрывистыми, а не цельными, но этого все равно было более чем достаточно.

Поначалу голова едва не взрывалась от переизбытка информации: в какой-то момент Ороро знал и помнил все, что случалось тогда с Лоис, вплоть до неудобно врезавшегося в ягодицы нижнего белья, а в другой большую часть уже забывал, как то случалось и с его собственной памятью. После он немного привык к этому, и вскоре уже, забывшись, в оцепенелом трансе с интересом изучал все новые и новые данные. Прошло три недели и два дня назад, как поток воспоминаний резко остановился. Ороро несколько раз моргнул, приходя в себя. Цертер качнулся, его ледяная рука скользнула по лицу, и Ороро резко и крепко ее схватил. Осторожно сел. Вортар придерживал сгорбившегося Цертера за плечи.

— Удалось? — тихо спросил он.

Ороро кивнул и покосился на Цертера. Отпустил его слабую руку.

— Более чем.

Вортар кивнул.

— Тогда за дело. И повтори ее походку и выражение лица, чтобы тебя не подловили.

— Само собой, — укоризненно отозвался Ороро.

Вортару не приходилось столько раз притворяться другими, сколько ему, иначе он знал бы, что одними походкой и выражением лица не обернешься. Ороро знал, где находится комната Лоис, знал, что она берет в столовой на завтрак, обед и ужин, знал, что по вечерам она беседует с учителем, а если не вечером — то непременно утром. Он уже репетировал ее походку, жесты, то, как она встряхивает волосами, улыбается уголками губ, глядит серьезно исподлобья. Репетировал перед зеркалом в уборной или уединившись в какой-нибудь подсобке. Он готовился так же тщательно, как и всегда.

Ороро отмерил в пузырьке нужное количество обратного настоя и выпил. После разлил остатки по флаконам и поспешил раздеть Лоис, встревоженно поглядывая на

Цертера. Вортар попытался помочь ему встать, но в итоге так и остался сидеть с ним, изредка взывая к нему через клятву команды. Цертер смотрел в никуда, из его носа текла кровь, и Вортар досадливо прикладывал к его лицу полотенце.

Тело изменилось быстро, но не быстрее, чем когда Голод брал верх, и Орохин обретал свой истинный облик полукровки, хотя много больнее. Кости хрустели, ломаясь, съеживаясь, крылья тоже съежились, вросли в тело, как и хвост. Орооро терпеливо выждал, пока не обернулся полностью человеческой девушкой, и, стараясь игнорировать боль, облачился в одеяния Лоис. Закончив, уложил флаконы с настоем, заготовленный заранее яд и запасной рог рамшока в ее поясную сумку и накрыл обнаженную Лоис плащом.

— Я пойду, — сказал он. — Ее не должны хватиться.

Вортар кивнул, но когда Орооро подхватил корзинку с покупками и замахнулся рогом, чтобы открыть Дверь, Цертер неожиданно сказал не своим голосом:

— Забери ее с собой. Она может пригодиться.

В его широко раскрытых глазах горели серебристые огни, лицо сильно посветлело, волосы чуть колыхались, будто Цертера охватила магия, хотя Орооро знал, что он был истощен заклинанием координации.

— Уверен? — спросил Вортар и крепче сжал его плечи. — Она ученица шэйера и наверняка знает кучу неприятных фокусов.

— Она может пригодиться, — эхом повторил Цертер и резко посмотрел на Вортар. Тот почти дернулся от неожиданности. Глаза Цертера были серебристыми, но его голос стал прежним, когда он добавил: — Пусть идет.

Он моргнул несколько раз, привычный черный цвет сменил серебро в его глазах. Он удивленно посмотрел на застывших Вортара и Орооро, и те выдохнули с облегчением — Цертер окончательно пришел в себя. Вортар, укоризненно закатив глаза, легонько стукнулся с ним лбом и сунул ему в руки испачканное полотенце. Цертер смерил Орооро и Лоис внимательным взглядом.

— Позже я расскажу, что узнал из ее воспоминаний, — спохватившись, пообещал Орооро. — Перенесусь сюда, как только смогу.

— Ты не помнишь? — тихо спросил Вортар у Цертера и тот покачал головой.

— Нет, но теперь я знаю, как сделать, чтобы воспоминания и умения передались и мне. Если доработать эту формулу, то мы сможем делиться знаниями с другими тэйверами, возможно, с несколькими сразу.

— Даже твоими?

— Нет. — Цертер почти улыбнулся. — Я проводник, и до моего разума нельзя дотронуться, если не хочешь сойти с ума. Орохин, обратный настой скроет тебя от шэйера, но не от хозяина, тебе нельзя попадаться ему на глаза, он может учуять твоё присутствие из-за вашей клятвы.

— Я знаю.

— Удачи.

— Удачи, Орохин, — негромко пожелал и Вортар.

Орооро кивнул. Перехватил поудобней Лоис и открыл Дверь в Срединный мир.

дневник Цертера: оборот

Готовить снадобья, употребимые внутрь, — одно из занятий, которые я терплю лишь в силу необходимости. Увы, мои таланты распространяются и на эту область, чего мое чуткое обоняние не может простить.

Изготовить оборотный настой — задача не из легких, а возможные побочные действия (такие как: часть тела навсегда остается в принятом обороте; измененный голос навсегда остается измененным; внешне организм может измениться, но внутренние системы жизнедеятельности останутся в обращенной форме; возможна и обратная реакция — внешне организм остается прежним, но внутренние системы возвращаются; последние пункты остались в отпечатках истории нешуточными скандалами, когда мужчина оборачивался женщиной или наоборот) отбивает охоту шутников испробовать его на себе. Побочные действия возникают лишь из-за длительности применения да по ошибке изготовления настоя, чего в нашем случае не может быть, поскольку мое чутье абсолютно, а интуиция превосходна. Настой также изготавливается индивидуально с учетом роста и веса обоих испытуемых (допускаются незначительные колебания в данных значениях).

Оборотный настой действует на организм в целом — изменяет строение тела и внешний вид. Это сопровождается ощутимой болью и дискомфортом, которые могут длиться все время оборота. Оборот можно продлить, выпив новую порцию, но не следует превышать дозировку и количество порций, иначе оборот останется навсегда, либо возникнут иные необратимые эффекты.

Несомненное преимущество оборотного настоя в том, что его сложно разоблачить. Главный минус — специфичный запах, который следует за применившим настой все время оборота.

Оборотное кольцо Орохина куда безопаснее, действие длится за счет магической силы самого Орохина, но возможности его ограничены. Оно может обратить владельца лишь в пределах его собственной вариативности: облик его постоянен, к примеру, оборачиваясь человеком он становится лишь человеческой версией себя. Также Орохин не сможет обратиться в женщину, будучи взрослым не станет ребенком, а когда был ребенком, не мог принять вид взрослого. Далее — шэйеры второй ступени могут разоблачить его даже после того, как мы максимально усилили его свойства. Большого давления кольцу не выдержать, оно может расколоться.

Поначалу из-за слабого здоровья Орохина было решено, что он проникнет в Южную Вершину под видом одного из слуги, но он сомневается в решимости принцессы Красты, и я, склонный верить своей интуиции, поддержал его идею о том, что нужно подготовить запасной план.

Ороро с Лоис на руках очутился в том самом домике, купленном несколько дней назад. Комнатушка была маленькой, затхлой, захламленной. Ороро осторожно устроил Лоис на кровати и наложил сонные и на всякий случай сковывающие чары: если ей удастся вырваться из навязанных сновидений, она в любом случае не сможет двигаться и сбежать отсюда. Также комната была охвачена в звуконепроницаемый барьер, так что вздумай она закричать, от этого не будет толку.

По-хорошему следовало бы избавиться от нее: она принесет много проблем, если начнет болтать об увиденном, но фразу Цертера нельзя было оставлять без внимания, в подобном странном состоянии он порой выдавал пророческие слова.

Что делать с человеческой девушкой? Быть может, позже Цертер даст на это ответ? Если нет, придется изрядно попотеть над ее памятью: навеять ложные воспоминания поверх истинных, например, внушить, что похитили ее какие-нибудь насильники. Если оставить в ее памяти пробелы, она захочет докопаться до правды, но если внушить неприятную ложь, она этого и не заметит.

Ороро убедился, что тщательно запер дом, и поспешил в Южную Вершину. По дороге он купил флакон качественных ярких духов и набрызгался ими, чтобы сбить запах обратного настоя. Когда он добрался до замка, время ужина подходило к концу. Кор Лока уже не было в столовой. Он мог быть в своей комнате или библиотеке. После ужина они с Лоис по обыкновению обсуждали прошедший день и обговаривали дела на завтрашний. Что ж.

Ороро направился к комнате Кор Лока и уверенно постучал. Шэйер открыл дверь спустя несколько секунд и улыбнулся.

— Дорогая Лоис, ты сильно припозднилась, надеюсь, прогулка выдалась удачной?

— Не то слово, — усмехнувшись, ответил Ороро и с сильно колотящимся сердцем вошел в комнату шэйера.

Цертер работал над усилением его обратного кольца, и они достигли определенных, вернее, максимальных успехов, но шэйеры второй, третьей и далее ступеней все равно раскрывали его оборот, потому Ороро не решался наведаться в Верхний мир.

Ороро подошел к трапезному столику — как не раз делала Лоис в воспоминаниях — и вытащил из корзины заготовленные для шэйера гостинцы. Тот тем временем поставил греться чайник и открыл окно.

— Твои духи слишком сильные, — пояснил он.

— О, я нечаянно пролила на себя больше, чем рассчитывала, — объяснил Ороро и хихикнул. — Придется потерпеть.

Кор Лок хмыкнул, потер нос. Он чихнул еще два раза, пока готовил им чай. Ороро аккуратно выложил конфеты причудливой формы на блюде, уселся напротив шэйера и взял в руки чашку. Он почти справился с волнением, хотя все равно опасался смотреть шэйеру в глаза. Кор Лок рассказывал о низших тварях, о проделанной работе по систематизации обнаруженных видов. Ороро ловко перевел тему на Вик и с тревогой спросил, как она себя чувствует.

— Мы почти не разговариваем, — огорченно добавил он. — Она расстроена случившимся и, кажется, начинает осознавать, что Гейл и впрямь зачаровал ее чувства.

— Ее организм быстро восстанавливается благодаря очистительному трансу, который я провожу после обеда, — сказал Кор Лок и снова чихнул, едва не опрокинув чашку, из которой как раз собирался отпить. — Да что же это?

Ороро виновато потупился.

— Я не говорил с ней о ее чувствах, — продолжал Лок. — Думаю, ей нужно самой во всем разобраться. Кстати, Гейл возвращается уже завтра.

— Что? — в голосе зазвучало изумление и досада, и Ороро понадобилось все самообладание, чтобы не выдать эмоции выражением лица. — Я просто... Разве он не собирался задержаться после завершения праздника в одном из городов?

Шэйер пожал плечом.

— Его планы переменялись, он в своем послании ничего толком не объяснил.

— Ясно, — пробормотал Ороро.

Дальнейшую беседу о незначительной ерунде он с трудом выдержал и, сославшись на головную боль, поспешил уйти.

Очутившись в комнате Лоис, он с облегчением выдохнул. Нашел в шкафчиках небольшую деревянную шкатулку, положил туда флакон с ядом, написал на бумажном листе несколько предложений, вложил письмо в шкатулку и поспешил в покои принцессы Красты.

Принцесса еще не спала. Она хоть и сильно удивилась, увидев девушку, в которую обратился Ороро, но разрешила войти. Тот передал ей шкатулку, не говоря ни слова, лишь внимательно взглянул в ее глаза. Краста нахмурилась. Осторожно кивнула, и Ороро ушел, поспешил назад в комнату Лоис. Там он нарисовал на всякий случай на двери и на своей руке формулу жучка-восточки — два сплетенных символа напоминали жучка и были захвачены в три полукруга, — который оповестил бы его, взбреди кому-то в голову постучаться в эту комнату. После открыл Дверь и перенесся в Нижний мир, в подвал Вортара, где и провели ритуал координации памяти несколько часов назад.

Цертер оставался на том же месте, где Ороро видел его в последний раз — медитировал. Вортар сверял наброски схемы координации на большом листе с уже проверенными данными в записях Цертера. Перед ним стояло несколько тарелок, некоторые пустовали, на других еще оставалась еда — видимо, доля Цертера.

Заметив возвращение Ороро, Вортар воззвал через клятву команды к Цертеру, и вскоре тот вышел из медитации и присоединился к обсуждению плана.

***

Утром Лок проснулся разбитым, с головной болью, колотящимся сердцем и таким тревожным чувством, будто всю ночь пытался решить несколько сложных математических задач, и время на это неумолимо иссякало. Спать больше не хотелось, и Лок, осторожно, чтобы ничего не задеть, расправляя и разминая крылья, поплелся готовить чай. Немного взбодрившись, он устроился медитировать, надеясь решить этим проблему странного самочувствия. Он погрузился в транс и мысленно изучил свое тело, после — оттолкнулся, окунулся в ничто и все, где время не обладало формой, а физическая оболочка перестала иметь значение, равно как и довлеющие над ней чувства. Все это отошло на второй план, и Лок с невозмутимостью принялся исследовать истоки странной тревожности, для которой не было явных причин.

В дверь постучали. Выходя из транса, Лок погрузился в некоторое раздражение и недовольство, которые успел отстранить от себя прежде, чем открыл дверь.

— Уважаемый господин Кор Лок, господин Легрей просил передать вам книги, — пробормотал слуга, протягивая ему свою ношу.

Лок поблагодарил его и, оставшись один, возложил сокровищницы знаний на рабочем столе на идеальном расстоянии друг от друга. Он давно уже хотел изучить эти книги, и Легрей обещал доставить их ему немедленно, как только получит в свое распоряжении от одного друга. Первая книга была о свадебных традициях человеческих королей и королев Южной Вершины, коим было чуть больше ста лет. Вторая — о свадебных человеческих традициях Северной Вершины, которые также возникли лишь век назад. Третья — о традициях тэйверов, прежних королей Юга, и четвертая — о традициях ниргенов, прежних королей Севера. Изучив эти книги и сравнив обычаи, можно будет составить отличные лекции для уроков культуры народов Срединного мира.

Лок повеселел, хотя от дополнительной работы на отдых совсем не оставалось времени. Немудрено, что его стали посещать странные ощущения. Скорее всего ресурсы тела истощились, и ему просто нужен хороший отдых.

Размышляя о том и мысленно составляя план будущих лекций, Лок привел себя в порядок и, приободренный и вдохновленный, поспешил на завтрак.

***

Во дворце с утра царил оживленный переполох — слуги суетились, готовясь к возвращению короля. Работа на утреннем собрании не клеилась: вновь стали одолевать головные боли, теперь уже куда более настойчивые, пришлось даже сделать глоток эликсира бодрости. Юная Вик выглядела лучше и уверенней и даже посмеялась над шутками одного из своих друзей. По окончании собрания они вместе отправились обедать, а после — уединились в комнате Лока для очистительного транса. За окнами, стенами, в самом воздухе витало радостное волнение — король вернулся! Вик заметно нервничала, и Лок, чтобы унять мешающую тревогу, активировал звуконепроницаемый барьер, который наложил еще в день заезда в эту комнату.

В середине комнаты он еще несколько дней назад нарисовал круг асхи и по обыкновению прятал его под циновкой, чтобы не сбивала мысли с толку. Вик села в центре круга, идеально выпрямившись и скрестив и подобрав под себя ноги. Заклинание абсолютного видения погрузило мир в кристальную четкость. Лок послал мысленный импульс углубленного видения, дождался, когда заклинание воздействует на глаза, и с замиранием и восторгом понаблюдал за тем, как в пространстве становятся видны крошечные огоньки лааров, их пути в теле Вик. Он никогда не уставал этому восторгаться, это было волшебное умиротворяющее зрелище — наблюдать за тем, как преобразается привычный мир, раскрывается навстречу, раскрывает свои тайны. Но не время было отвлекаться.

Лок внимательно оглядел тело юной Вик, уселся, скрестив ноги, напротив нее, едва касаясь кончиками опущенных пальцев границы круга асхи. Сосредоточившись, мысленно произнес заклинание телесного очищения и коснулся пальцами четырех точек-символов, нарисованных у внешнего круга. Волна очищающего голубоватого света пронизала круг и находившуюся там Вик. Лок прикрыл глаза, расслабился.

Магия медленно омывала девушку, очищала, уносила чужеродные лаары, снимала все наложенные ненароком чары, а Лок меланхолично думал о том, что артефакт юного Риара, подаренный госпоже Дерайне, оказался не магически абсолютным, иначе защитил бы юную Вик от магии внушения чувств.

Но возможен ли абсолют в том, что касается Вершины? Если Хранитель может расколдовать даже камень жизни — самое эффективное заклинание защиты из существующих на данное время? Впрочем, это еще не доказано.

Вопросы, сплошные вопросы, и так мало ответов.

— Прогресс наших занятий удивителен, — заметил Лок, когда они закончили, и Вик недоуменно оглядывалась, приходя в себя. — Пожалуй, мы можем попробовать оцарапать твой палец и проверить, как быстро затянется рана.

— Если ты уверен, — с улыбкой сказала Вик, и, пока Лок готовил им чай, чуть порезала палец ножом, который всегда носила на поясе.

К тому времени, как Лок разлил чай по чашкам и устроился на любимом кресле, порез перестал кровоточить. Вик отмахнулась от повязки — по ее словам из-за такой ерунды не стоило переводить перевязочный материал.

Установившуюся тишину, пожалуй, можно было назвать неловкой. Лок видел, что Вик хотела о чем-то поговорить, и терпеливо ждал, наслаждаясь ароматом чая из великолепной белой чашки, подаренной Лоис.

Лок чуть нахмурился от знакомой уже странной головной боли. В этот раз он четко уловил звучание импульса, чем-то похожего на взывания к нему через клятву. Едва он подумал об этом, как взывание стало более отчетливым, но в то же время было непонятно, от кого оно исходило.

Может, что-то случилось с сестрами?

Лок рассеянно взглянул на левое предплечье.

Первую клятву он заключил со старшей сестрой Эйласендой. Позже она слилась со второй, включавшей в себя младшую, Софиэлу, когда та подросла достаточно, чтобы стабильно поддерживать свою метку клятвы. Следующую клятву Лок заключил со своей командой, когда учился в средних классах. Клятву расторгли, когда каждый решил пойти своим путем. Другая клятва была клятвой учителя и ученика: Лок обучался у мастера Цитадели Сан Райна, дружбу с которым поддерживал по сей день. Познать прелесть этой клятвы, но уже будучи по другую ее сторону, ему довелось несколько лет назад, когда он встретил трудолюбивую Лоис. Разум ее был открыт новому и не предрасположен к предубеждениям, она, пожалуй, изучала его с тем же любопытством, что и он изучал людей. Она стала для него отличным проводником в мир людей и часто объясняла вещи, заводящие его в тупик.

— Лок, я хотела извиниться, — сказала между тем Вик, и Лок сосредоточил внимание на ней. — Я была слишком резка, когда вы с Лоис предположили, будто бы Гейл заставил меня влюбиться в него, но... Вы были правы. — Она посмотрела на Лока полными смятения глазами. — Как вспомню, что между мной и Гейлом было... — Она поджала губы. Ее плечи передернулись, будто она продрогла. — Я даже не знаю, что скажу ему, когда мы встретимся.

— Все образуется, — рассеянно проговорил Лок.

С юной Лоис точно все было в порядке — он виделся сегодня с ней мельком, она казалась взволнованной, наверное, на нее действовал царивший ажиотаж вокруг

возвращения короля. С сестрами скорее всего тоже, иначе кто-то из них оповестил бы его о беде. Быть может, что-то случилось с Сан Райном?

— Что если едва я увижу его, как вновь полюблю? — слишком ровным голосом спросила Вик и сжала левое предплечье, на котором сверкнул золотистый обручальный браслет Джула.

Лок видел, что она едва сдерживала эмоции, но к нему зывали все четче, и голова от этого болела сильнее, потому он не мог проникнуться переживаниями Вик в полной мере.

Это могла быть Софиэла. Еще обучаясь в школе она несколько раз попадала в неприятности и просила помощи именно его, потому что боялась гнева суровой Эйласенды. Многие из ее проделок так и остались неузнанными Эйласендой, и Лок едва удержался от улыбки при воспоминании об этом.

— Что если вновь забуду Джула? — Глаза Вик медленно наполнялись слезами.

Чем больше проходит времени, тем хуже, неожиданно подумал Лок, и его пробило холодным потом.

Это могла быть Эйласенда. Она не доверяла слишком эмоциональной Софиэле и многие вопросы предпочитала решать с Локом, не ставя ее в известность.

Должно быть, случилось что-то серьезное, раз они не могут связаться с ним привычным способом.

— Одна мысль кажется предательской, а ведь я уже почти забыла о нем однажды. Стоит только подумать об этом, как такая злость на Гейла берет! Хоть и понимаю, что он не нарочно, я все понимаю, но...

— Юная Вик, — не выдержав, перебил Лок, порывисто вставая. — Теперь, когда юный Гейл знает, что натворил, он ни за что не станет этого повторять. Он очень дорожит тобой, и никогда не причинит тебе боли.

Губы Вик дернулись в искусственной улыбке.

— Конечно.

Она тоже встала, и Лок с досадой понял, что грубо прервал момент ее доверительных откровений.

— Что ж, не буду тебя отвлекать, — сказала она. — Увидимся за ужином, да?

Лок тщетно пытался найти слова, смягчить как-то непривычную натянутость, но смог лишь кивнуть. Вик ушла, и Лок, помявшись, задрал рукав одеяния и внимательно уставился на метки клятв. Коснулся имени младшей сестры, прикрыл глаза, воссоздал в памяти ее образ и тихонько воззвал к ней. Сестренка тут же откликнулась, раскрылась теплом эмоций и оживления. Лок мысленно отправил ей волну облегчения и любви и поспешно закрыл канал связи. Нахмурился, коснулся имени старшей сестры. Эйласенда долго не отзывалась, он успел всерьез заволноваться, но она отразилась в магическом поле импульсом вопросительного недовольства. Лок, помедлив, отозвался стандартным теплым приветом и прервал поток.

Неужели что-то случилось с учителем?

Но Сан Райн откликнулся достаточно быстро, как и всегда, и озадаченный Лок после краткого обмена теплом и светом, уставился на метку имени Лоис.

Неужели он перепутал головную боль с зыванием по клятве? Должно быть, он и впрямь здорово болен...

Усмехнувшись, Лок коснулся метки имени ученицы, уже предвкушая ее изумление, как неожиданно понял, что ее сознание сковано чем-то посторонним, словно между ними встала

прочная темная стена.

Она тянулась к нему и, почувствовав отклик, возвала со всех сил. Он чувствовал ее усилия и точно также чувствовал их тщетность — зов не стал сильнее, она была слишком слаба.

Ее не было во дворце, понял Лок и вспомнил, что не видел ее за обедом. Она находилась в ином месте и была в ловушке. Что же с ней случилось за те несколько часов, что они не виделись?

Может, она отправилась в город, и там на нее напали? Возможно, на нее наложили чары, и она пытается через них пробиться? Тогда становилось понятно, почему он так странно себя чувствовал. Прежде с подобным ему сталкиваться не приходилось, немудрено, что он не догадался сразу, в чем дело.

Лок мгновенно накинул на себя скрывающий плащ и поспешил туда, к источнику зова, пытаясь понять, насколько до него далеко. Это где-то в городе, в одном из домов, возможно, придется взять экипаж. По пути из дворца он встретил Красных Стражей и настойчиво попросил пойти с ним — возможно, понадобится их помощь. Те, не задавая лишних вопросов и не мешая концентрироваться на слабой нити, поспешили следом.

***

Длинную Красную улицу они преодолели на экипаже. Она шла прямо и сворачивала на несколько улиц, по одной из которых они и поехали дальше. Вскоре Лок ощутил, что зов тянет его не вперед, а направо. Они со Стражами покинули экипаж и прошли пешком несколько кварталов, попетляли в черед заросших старых улиц. Здесь дома были невзрачными, с обшарпанными стенами, облупившейся, обесцвеченной временем краской. Заборы и плетни обвалились, неухоженные сады разрослись, красные, желтые, бурые листья деревьев и кустов опадали, едва их касалось дыхание ветра.

Лок наткнулся взглядом на небольшой домишко, ничем с виду не примечательный, и тут же понял, что они добрались. Пришлось проявить осторожность и пропустить Красных Стражей вперед. Те быстро проверили двор, выбили дверь и проникли первыми в дом.

— Господин, сюда! — позвали его, и Лок, обмирая от страха и тревоги, поспешил внутрь.

Уже с порога он приметил кровать в углу и хрупкую фигурку человеческой девушки. Это была Лоис, и Лок, чувствуя предательскую слабость в теле, поспешил к ней, едва переставляя ноги. Он не помнил, когда в последний раз пугался так сильно. Он даже не подумал, что она жива, поскольку все еще взывала к нему через клятву ученика. Глаза обманули его, сильный страх толкнул в спину, он почти упал на колени перед ней и вцепился в ее тонкую безвольную руку.

— Она жива, — заметил один из Стражей, неловко мявшийся рядом, пока второй спустился проверить подвал, и Лок вдруг осознал, как глупо и недостойно, должно быть, выглядит.

Ну, разумеется, юная Лоис жива. Резко дышит, будто не может проснуться от кошмарного сна, и настойчиво взывает к нему через клятву.

Сонные чары, сковывающие чары и отпечаток чего-то еще, неподдающегося определению, но с этим можно было разобраться позже, и Лок сосредоточился на том, чтобы развеять чужое чародейство.

Вскоре Лоис судорожно распахнула глаза и села столь стремительно, что едва не столкнулась лбом с Локом.

— Учитель! — с облегчением и обвинением в голосе вскричала она и крепко обняла его за шею. Всклипнула. — Что же ты так долго?

— Прости, милая Лоис. — Лок, помедлив, тоже ее обнял, сжал крепче, чувствуя, как ее тело колотится от пережитых нагрузок. — Что с тобой случилось?

Лоис резко отстранилась от него. Ее глаза были огромными, переполненными ужасом.

— Здесь еще один, — раздался голос Красного Стража. Он вернулся из подвала с ношей на руках — то был слуга Южной Вершины. — Жив, на него наложены чары, — коротко ответил Страж на удивленные взгляды и аккуратно положил слугу на пол.

— Я знаю его! — вскричала Лоис и торопливо поведала обо всем, что с ней случилось в последние сутки.

дневник Цертера

Затея Орохина опасна. Вортар недоумевает, почему я поддержал его, но не задает вопросов. Ему следовало бы проявить больше осторожности и сомнений в том, что я делаю, потому как я не помню причин, по которым велел вернуть человеческую девушку в Срединный мир.

Проанализировав все, я пришел к выводу, что ничего критического не случится. Конечно, счет будет идти чуть ли не на секунды, и Орохину придется поднапрячься, но, думаю, он со смирением принимает такое положение дел.

Пробелы в памяти беспокоят меня. Отмечаю закономерность их появления в своих записях. Зачастую то бывает, когда я излишне усердствую в работе, когда я близок к магическому истощению, иногда если неудачно ударить меня по голове (как то бывало во время тренировок).

По словам Вортара, с которым мы редко расстаемся, во время подобного случая я несколько... переменяюсь. Он следит за мной, но пока ничего не предпринимает. Видимо, веду себя разумно и ни на кого не бросаюсь.

В любом случае все это странно и нехарактерно для тэйверов.

Я вынужден сохранять невозмутимость и спокойствие — Вортару нужна поддержка, и черпает он ее из моей уверенности.

Семь праздничных дней вымотали совсем не так, как Гейл ожидал, хотя и был ознакомлен с планом мероприятий, расписанным до мелочей и минут.

Королевский эскорт перебирался из одного великого города в другой через Двери; на всем пути его сопровождали заранее собравшиеся, специально обряженные люди и простой народ. Гейл в роскошной парадной карете приветственно взмахивал ладонью и улыбался. Челюсть уставала от улыбки, рука словно немела. Он изрекал заученные торжественные речи на главной площади, которые разносились эхом благодаря кристаллу звука. Он отплясывал местный танец с признанной красавицей города, и это, пожалуй, была самая приятная часть: видеть, как девушка волнуется, смущается, вести ее в танце, чувствовать ее живое упругое тело.

После Гейл вынужден был присутствовать на празднике, который устраивали местные. Он видел, как они старались, притащив все лучшее, что у них было, и от этого испытывал легкую жалость и презрение. Он видел, как наряжались неуклюжие простолицые крестьяне, их нескладные неловкие дочери, неуютно себя чувствующие в дорогих красивых платьях, которые купили специально для праздника и доставали несколько раз в год, разношивая много лет. Одни не знали, как себя вести среди более уверенных горожан, стояли в мучительной неловкости, а другие, напротив, не обращали ни на что внимания и веселились, что было сил. Гейл сразу их отличал — этих деревенщин.

После официальной части Гейл с эскортом совершал торжественный круг по главным площадям, возвращался к Двери, водружал символ города на сооруженный для этого алтарь (это сопровождалось песнопением на языке богов, пожалуй, об этом Локу было бы интересно узнать), затем его с почетом провожали в Дом Отца города, где поджидал праздничный стол. Гейл к этому времени успевал здорово проголодаться, но поесть как следует не удавалось: он должен был блюсти манеры, слушать взволнованные речи обращенного к нему человека, коих набегала целая очередь. Они приносили подарки: обрезки дорогих тканей, золотые украшения, инкрустированные драгоценностями, подносы с редкими сладостями, разукрашенные книги; они возносили хвалебные и приветственные речи, долго раскланивались, а после празднества Гейл с помощниками до глубокой ночи разбирал просьбы, изложенные в аккуратно скрученных свитках, запечатанных воском, да новости из Южной Вершины, переданные через магов-пауков.

Его несло неуправляемой волной расписания и обязанностей, и лишь просыпаясь посреди ночи от очередных кошмаров с тревожно колотящимся сердцем, Гейл понимал, что внимание его обращено совсем не туда, где ему следовало бы находиться.

Он должен узнать, как там Вик. Случись что серьезное, Лок непременно уведомил бы, Гейл почти не сомневался, а если не Лок — то Лоис уж точно дала бы знать.

Что если она ненавидит его?

Нет, Вик никогда не станет его обвинять, она все поймет, как всегда понимала. Действие чар скоро развеется, некоторое время их с Вик отношения будут наполнены неловкостью, но потом все будет, как прежде.

Но что если чары вернуться? Тогда вернется и любовь Вик, и вновь наступит та блаженная идиллия, полная вдохновения, уверенности, решимости, когда назойливые проблемы уходили на задний план, и он знал, что справится с чем угодно, даже если вдруг

сумасшедшему полукровке взбредет в голову вновь попытаться его убить.

Гейл обессиленно сжимал голову ладонями и долго сидел, переживая, когда испуганно мечущиеся мысли успокоятся.

Он не контролировал Вершину, и временами даже побаивался, но случившееся с Вик заставило его понять, как работает магия Вершины, и в самое темное время ночи, в час первых тварей, отвратительный червячок дурных помыслов все чаще облекал его смятенные чувства в слова.

Правда была в том, что на самом деле он не хотел, чтобы чары развеялись.

А значит они вернутся, как только он вернется домой.

Его дом, его крепость. Впервые Гейл действительно ощутил всю силу этих старых простых слов. Все будет так, как он действительно хочет. Вершина, способная разрушать абсолютные заклятия и творить невозможные с точки зрения магических наук чародейства, сделает для него все, что он хочет.

Утром при обнажающе-ярком свете ночные откровения казались глупыми бреднями уставшего после насыщенного дня разума. Гейл одевался, шел завтракать и шествовать по разряженным улицам, приветливо улыбаясь сквозь зубы.

Праздник Жатвицы должен был завершиться особенно пышным торжеством в Великом городе Ценра, который находился на Восточном побережье. Это было символично, но несколько опасно: многие были недовольны казнью Огуста и Жатриена, и критиковали правление Гейла. Место герцога Огуста временно занял дальний родственник — герцог Мортин. Советники решили, что хорошо бы задержаться здесь, чтобы наладить отношения с Восточным побережьем, улучшить репутацию короны, и Гейл был с ними согласен, но смутная тревога отравляла мысли и портила настроение. Во сне его преследовала неясная тень, он скорее догадывался, чем знал наверняка, кто это был.

Полукровка Орохин что-то задумал. Он может воспользоваться отсутствием Гейла, скорее всего, прямо сейчас действует.

Гейлу стоило немало усилий держать себя в руках при этих мыслях — с такой же легкостью могло оказаться, что он просто излишне себя накручивает.

Он с приклеенной улыбкой разглядывал танцующих девушек, гулял по украшенным площадям, с выражением говорил заученную речь и едва не вздрагивал от каждой мелькнувшей рядом тени.

Все же нужно было рассказать обо всем Локу. Он шэйер, мудрый, наблюдательный, он может увидеть то, чего человек не заметит. Но Гейл понимал, что вместе с этим пришлось бы рассказать обо всем, и это было выше его сил.

Он с трудом выдержал последний седьмой праздничный день и после, ночью, разбирая с советниками накопившиеся дела, решительно сказал, что намерен отложить встречи и заседания Советов в Восточном побережье и вернуться в Вершину уже завтра. Он понимал, что выглядит как безумный, он и чувствовал себя обезумевшим, но тревога становилась все сильнее. Ладно, пусть это будет очередной ерундой — он лишь вздохнет с облегчением и как-нибудь выдержит насмешки и упреки членов Малого Совета.

Но что если интуиция не врет?

Советникам ничего не оставалось, кроме как согласиться. Запланированные встречи пришлось срочно отменить, но все же традиции и дань уважения Великому городу отпустили Гейла лишь после полудня, и прошло еще несколько драгоценных часов на то,

чтобы соблюсти все условности и приличия и перейти из Двери в Дверь.

Попав, наконец, домой, Гейл мгновенно ощутил себя легче и даже величественно кивнул в ответ Хемлю и выстроившимся в два ряда Красным Стражам. Пересекая внутренний двор, он старался не смотреть так жадно по сторонам, стремясь охватить взглядом как можно больше пространства. Он и не подозревал, что успел соскучиться по Вершине! Он почти любовно огладил перила парадной лестницы, направляясь вверх, в свои комнаты. Настроение стремительно улучшилось, он — подумать только! — с нетерпением ждал начала Малого Совета, чтобы проверить, как там дела у старых пердунов и что нового случилось за время его отсутствия! Странно, что Лок его не встретил. Наверное, как обычно чем-то занят, что ж, на Малом Совете увидятся, с удовольствием подумал Гейл и с огорчением вспомнил, что ничего для него не привез.

Он ничего не привез и Лоис, и Вик, и Красте, и племянникам... Благо, ему столько всего надарили, что из этой кучи наверняка можно подобрать что-нибудь достойное.

Очутившись один в своей как всегда прибранной, вкусно пахнущей свежестью комнате, Гейл с наслаждением сполоснулся в приготовленной душистой ванне и оделся в заготовленные чистые одежды. Он уже опоздал на Малый Совет, потому счел, что можно не торопиться. Он тщательно причесался, уложил волосы, внимательно оглядел себя в зеркало и широко ухмыльнулся.

В дверь постучали, и Гейл отозвался, разрешил войти. То был мальчишка-слуга с письмом от Красты. В письме содержалась настойчивая просьба немедленно прийти в ее комнату по важному делу. Наверное, она переживала из-за скорого переезда в другой замок.

Гейл бросил быстрый взгляд на часы. Что ж, у него было время, и, пожалуй, он как раз успеет на перерыв Совета на чай. Мурлыкая себе под нос песенку, Гейл неторопливо зашагал по восточному коридору, в покои Красты.

***

Вик опустила очередное яблоко в большую плетеную корзину и потянулась за следующим. В этом году яблок в королевском саду было много, поговаривали даже, что это благодаря возвращению Гейлорда — дескать, пока Хранитель Вершины отсутствовал, урожай, цветы, все, что росло на территории замка, не радовало результатами.

Вынужденный отпуск Вик еще не закончился; не зная, чем себя занять, она предложила помочь собрать яблоки с королевского сада. Лок куда-то убежал раньше обыкновенного. Все слуги, в общем-то, весь день торопились и бегали, стараясь успеть к возвращению короля начистить замок до блеска, и сейчас, когда Гейл был здесь, вся Вершина, казалось, успокоилась и расслабилась.

Что если навязанные чувства к нему тоже вернуться?

Вик неприятно поежилась. Она даже вспоминать не хотела о проведенных с Гейлом страстных ночах. При одной мысли лицо наливалось гневом и досадой.

— Вик! — неожиданно окликнула ее Лоис.

Вик медленно оглянулась.

— Вот ты где! Я тебя всюду ищю!

Лоис запыхалась, нервничала и казалась настороженной.

— Что случилось? — удивилась Вик и вместе с корзиной яблок быстро спустилась с

приставленной лестницы.

— Где Лок? — требовательно спросила Лоис. От нее ощутимо пахло духами, будто она не рассчитала и использовала больше нужного.

— Он ушел. Знаешь, он странно себя вел, словно мыслями был далеко, — вспомнила Вик.

— Он ничего необычного не говорил?

— Нет, но, — Вик нахмурилась, — он постоянно смотрел на левую руку, словно она болела.

Лоис побледнела.

— Да что случилось? — встревожилась Вик.

Лоис взглянула на нее широко раскрытыми глазами, в которых почти мелькнула паника. Она сглотнула и как-то разом собралась.

— Мне нужно рассказать тебе кое-что важное, — осмотревшись по сторонам, тихо ответила она и потянула Вик за руку. — Идем.

Лоис повела ее, то и дело оглядываясь.

Кого она избегала? Что вообще происходило?

Вик терпеливо дождалась, пока они не пришли в ее комнату. Лоис метнула быстрый взгляд на большие напольные часы и, схватив Вик за руки, сказала:

— Я знаю, как погиб Джул.

Силы разом схлынули. Ошарашенная Вик, не сводя с Лоис глаз, поискала рукой обо что опереться. Прислонилась к спинке стула.

— Что?..

Лоис отвернулась, достала из шкафчика фляжку, плеснула содержимое в два кубка и протянула один Вик. Вик взяла кубок ослабевшей рукой и сделала глоток. Закашлялась, утирая губы.

— Что это за дрянь?

— Настойка Лесхенра, вчера купила.

— Что ты сказала о Джуле? — немного помолчав, спросила Вик.

— Джул защитил короля от обезумевшего монстра, — ответила Лоис, глядя на Вик строгим холодным взглядом. — Удар был такой силы, что пробил его меч, доспехи, тело. Но монстр исчез, а Гейл... Вместо того, чтобы помочь Джулу и спасти ему жизнь, он просто ушел. Гейл бросил его умирать, потому что Джул узнал его секрет.

— Врешь! — возмущенно крикнула Вик. — Он никогда бы так не поступил!

Он не поступил бы так с ней, он же знал, как дорог ей Джул!

— О, ты так уверена? — усмехнулась Лоис, медленно придвигаясь к ней. — Так уверена, что знаешь его? Неужели ты не замечала ничего странного с тех пор, как герцог Огуст его чуть не убил?

— Он... он был немного не в себе, — признала Вик.

Ее бросило в холодный пот.

Ох, а ведь Лок просил ее поговорить с ним о том, что его тревожило. В замке он чаще всех виделся с Гейлом и видел, что с ним творилось неладное. Это было в последнюю ночь, когда Джул был жив.

— Откуда ты знаешь все это, Лоис? — недоверчиво прищурившись, спросила Вик, внимательно разглядывая ее.

— Мне рассказала принцесса Краста. Она была там, когда это случилось, и все видела и

слышала. Гейл искал существо, которого могло перемещаться через Двери. Благодаря этому существу герцогу Огусту и лорду Жатриену удалось сбежать в ночь неудавшегося покушения. Гейл нашел его и, чтобы подчинить, угрожал убить ребенка, к которому существо привязано. Гейл привязал существо к себе клятвой хозяина и слуги. Существо решило отомстить Гейлу и, настав монстров, попытался убить, но там был Джул и принял удар на себя. Гейл бросил его умирать, потому что Джул все видел и все понял.

— Бред. Он не мог. Это же Гейл! — Вик беспомощно всплеснула руками.

— Спроси его сама, — пожав плечом, предложила Лоис. — Спроси, глядя ему в глаза. Думаю, тебе он не сможет солгать.

Вик пристально смотрела на Лоис, надеясь, что все это просто несмешная шутка, но Лоис была бледна, серьезна и нервничала, и остатки сомнений один за другим покидали Вик, словно лепестки засохшего цветка. В то же время многое становилось понятным, в том числе странное поведение Гейла.

Гейл лгал ей с самого начала их знакомства, что ему стоило лгать и теперь? Он использовал доброту и доверие Лока, чтобы добраться до своей цели, а после увиливал и умалчивал, потому что стыдился признаться, и его левая рука... Рука, на которой маги заключали магические контракты, клятвы, она была замотана бинтами те несколько дней, а после?

А после он мог воспользоваться специальными кремами, в которых знал толк.

Он не мог остановиться и прикончил Жатриена. А после зачаровал ее чувства, сам того не ведая. Он не контролирует себя, он опасен. Он оставил Джула умирать, Джула, который был так предан ему! Джул едва не погиб из-за него в ночь покушения! Джул был так верен ему и гордился тем, что являлся личным Стражем короля!

Гейл бросил его умирать не только, потому что Джул узнал правду о нем, но и потому что был влюблен в нее, в Вик. Избавившись от Джула, он словно бы одним ударом разобрался с двумя проблемами.

Слезы обиды за Джула, неудержимого гнева на Гейла переполнили глаза, едва не покатались по щекам, но Вик успела прикрыть лицо ладонью и смахнуть их.

— Я спрошу его, — решительно сказала она. — Должно быть, он сейчас на Малом Совете. Прекрасно. Самое время все раскрыть.

— Он скорее всего у принцессы Красы, — перебила Лоис. — Потому я так торопилась. Принцесса что-то задумала. Она уверена, что Гейл хочет отомстить ей и детям из-за Жатриена.

Это же глупо! Гейл никогда бы...

Вик прикусила язык. До сих пор не верилось, что Гейл, с которым она выросла бок о бок, которого знала, как она думала, лучше, чем саму себя, мог так поступить.

Давно уже следовало признать, что она совсем не знает Гейла. Все ложь, все вранье...

— Тогда идем к ней.

Вик обхватила пальцами подаренный Джулом обручальный браслет на левом запястье и решительно направилась к двери.

***

Недоуменный, немного встревоженный, Гейл постучал в комнату сестры и, получив ответ, вошел, оставив личных Красных Стражей за дверью.

Отношения с Крастой после гибели Жатриена сильно натянулись и стали хуже некуда после гибели Джула. На Малом Совете решили, что ее и детей отправят в замок на другом конце страны, и, пожалуй, это было лучшее решение, хоть Гейл и чувствовал за это вину и сожаление.

Краста сдержанно поклонилась, и он, поклонившись в ответ, спросил:

— О чем ты хотела поговорить?

Получилось грубее, чем он намеревался, но Гейл, помня их последнюю встречу и обвинения разозленной маленькой Клэрии, не представлял, какие слова мог бы подобрать.

А подобрать стоило бы. Это ведь Краста, его родная сестра. В ту минуту, когда Лок раскрыл его тайну, она первой подошла к нему, первой коснулась его, она с искренним теплом и участием помогала ему освоиться в замке, поддерживала, как могла, а он предал ее доверие, прямо сейчас предаст снова и снова своим бездействием.

Он должен поговорить с ней — сейчас, пока в комнате нет ни служанок, ни детей. Объяснить все, убедить, что он все исправит, что она может рассчитывать на него.

Взволнованная Краста улыбнулась бледной улыбкой, нервно сцепила руки перед собой.

— Надеюсь, я тебя не слишком отвлекла?

— Нет, что ты, — успокоил ее Гейл, решительно усаживаясь на одно из кресел за трапезным столиком. — По правде, мне тоже есть что тебе сказать.

— Что ж, я тогда приготовлю нам чай, ты ведь не против?

— Конечно, нет.

Гейл с облегчением улыбнулся. Краста тоже заметно расслабилась и занялась чаем. Она сильно похудела с той самой первой встречи, неприятно осознал Гейл. Бедная сестра. Он так забегался со своими королевскими обязанностями, с полукровкой, с Вик, что совсем перестал замечать очевидные вещи.

— Дорогая сестра, — откашлявшись, начал он. — В последнее время между нами были недомолвки и обиды.

Краста, стоявшая спиной к нему, замерла. Наверное, ей неприятно говорить об этом, но Гейл должен был сказать.

— Ты вправе злиться на меня за Жатриена, я осознаю, что никогда не смогу искупить этот грех перед тобой, но... Ты моя семья. Ты и твои дети. Если я могу хоть как-то... хоть что-то для тебя сделать, только скажи. Мне очень жаль, что все так получилось. Правда. — Гейл сглотнул и под неожиданным вдохновением предложил: — Если хочешь, мы можем заключить клятву брата и сестры. Тогда я смогу лучше заботиться о тебе, и если что-то случится, пока вы будете... в отъезде, тут же приду тебе на помощь.

Он не заметил, как вскочил на ноги и подошел к сестре. Идея захватила его. Это же было так очевидно! Почему он сразу не подумал?

Пыл его несколько приугас, едва он вспомнил о клятве хозяина и слуги, которую заключил с полукровкой. Ее заметят, когда он будет заключать клятву с Крастой. Он почти успел пожалеть о своем предложении, когда Краста подняла бледное лицо и натянуто улыбнулась. Ее глаза блестели от слез.

— Ты правда?.. — она запнулась.

Сердце Гейла сжалось от жалости.

— Ты моя сестра, — с жаром напомнил он. — Я сплеховал тогда, ты вправе меня ненавидеть, но дай мне шанс все исправить.

Краста отвела глаза, рассеянно вытерла руки о платье. Гейл, помешкав, взял чашку в

руки — горло ужасно пересохло, — втянул носом чудной аромат и собирался сделать глоток, как словно окаменел. Перед глазами в долю секунды мелькнули воспоминания. Но это были чужие видения, чужая память, он сам словно бы на миг очутился в чужом теле, и тело это не принадлежало человеку. Он словно бы взглянул на себя со стороны и увидел очертания того же существа, коим на первый взгляд казался полукровка Орохин.

Он словно бы стал тэйвером, одним из прежних Хранителей Южной Вершины. Он взял чашку в руки — горло ужасно пересохло, — втянул носом чудной аромат (одновременно машинально пытаюсь угадать смесь трав) и собирался сделать глоток. И сделал глоток.

Гейл содрогнулся. Видение, наваждение, что бы то ни было прошло. Он качнулся, оперся свободной рукой о столик и озадаченно принялся к чаю.

— Что здесь, Краста? — не своим голосом спросил он.

Краста побледнела еще больше.

— Это...

Ужасающая догадка запоздало осенила Гейла.

— Ты пыталась меня отравить? — не своим голосом спросил он.

Краста попятилась, беспомощно заламывая руки.

— Что же ты... — растерянно пробормотал Гейл.

Что же это он... так разошелся перед ней, извинялся, оправдывался, в верности клялся...

От разочарования он не ощущал даже злости, одну беспросветную усталость и горечь.

К чему все это? Что бы он ни делал, все впустую и лишь хуже становится. С самого первого дня, как он вернулся в Вершину, все шло наперекосяк. Шмаков замок! Все из-за него и магической силы, которой Гейл не просил! Это из-за замка он не справился с собой и прикончил целое семейство, из-за чего полукровка Орохин, которого Гейл искал с самыми дружелюбными намерениями, теперь собирается его убить! Это из-за замка он не справился с собой и прикончил Жатриена, из-за чего сестра теперь его ненавидит, боится и тоже собирается убить! Это из-за всего этого — из-за замка! — ему пришлось бросить Джула умирать, и если Вик еще не хочет его убить за внушенные ненароком чувства, то непременно захочет, если узнает! Проклятый замок! Проклятое наследство!

Что ж, ничего не поделать. Придется разобраться с проблемами, что ему еще остается?

— Ты пыталась меня убить, — вслух холодно подтвердил Гейл и жестко посмотрел на сестру.

— Это... — задыхаясь, Краста беспомощно, умоляюще смотрела на него. — Я была не в себе, я... То существо, то странное существо, — сбивчиво и торопливо начала она, и Гейл, угрожающе двинувшийся к ней, остановился. — Он обратился слугой и пришел ко мне, я была не в себе, он напомнил о Жатриене, о Джуле... — Она осеклась.

— О Джуле? — переспросил Гейл.

Краешком глаза он заметил в зеркале, стоявшем за спиной пятившейся Красты, что вены на лице вздулись, почернели страшным узором. Он чувствовал, как волосы шевелились на голове, как испарялись средства, которыми он их уложил, и ощутил мимолетную досаду на тщетность своих усилий.

— Ты знаешь о Джуле?

— Я... я была там, — созналась Краста. Слезы покатались по ее бледным щекам. — Я все видела, Гейлорд, я все знаю, но я никому не скажу, не сказала ведь до этого дня, я обещаю, я клянусь, никто ничего от меня не узнает, Гейлорд, брат, мои дети...

— Что твои дети? — каменным голосом перебил Гейл, вдруг особенно ярко вспомнив, как сильно Клэрия походила на Жатриена. Должно быть и Кэлард очень на него похож.

Когда близнецы вырастут, захотят ли они отомстить дяде за убийство отца? А за убийство матери?

Краста знает. Он еще ничем не пригрозил, ничего еще не сделал, а она уже все ему разболтала, трусливая дура.

Она знает, а значит, может узнать и Вик. Если Вик узнает...

Гейл неумолимо приближался к Красте. Ей было больше некуда отступить, она прижалась спиной к стене, замерла, не дыша. Ее большие черные глаза смотрели на него с испугом, и Гейл ощутил отвращение.

Если уличить ее в предательстве и покушении, представить перед судом, все всплывет. Все узнают, все увидят из воспоминаний Красты, что случилось в тот роковой день. Гейл помнил, что шипел ему обезумевший Орохин, помнил, что сам сказал умирающему Джулу, и его пробил неприятный холодный пот

Суд не должен состояться. Никто не должен узнать того, что знает Краста, каким-то чудом еще никому ничего не разболтавшая. Она боялась его. И правильно делала. Нельзя упустить этот шанс, чудом подвернувшийся. Он сам чудом спасся, боги, едва ведь не выпил отравленный чай!

Это Вершина его спасла. Это она с самого начала делала все, на что была способна, чтобы ему помочь, и Гейл ощутил волну стыда за свои недавние слабые мысли.

Как он мог даже помыслить о том, что во всем вина Вершины? Этот замок, полный тайн, всегда был на его стороне. Во всем, что шло наперекосья, был виноват лишь он сам — из-за лени, из-за того, что отмахивался от уроков контроля магии, из-за желаний, которые не мог обуздать.

С внезапным откровением Гейл пристально вглядывался в глаза сестры и понимал, что должен убить ее. А после — разберется с полукровкой. Доверится замку, и замок приведет его к решению, как и всегда.

— Ты выпьешь свой яд сама, — твердо сказал Гейл. — Ты умрешь, останешься навеки в памяти людей прекрасной и молодой, не выдержавшей жизни без любимого супруга. Или же я сожгу тебя заживо, и последний твой облик, который запомнят твои дети, будет именно таким — страшным обугленным трупом предательницы. Выбирай.

— Ты не можешь! — выкрикнула Краста. Глаза ее сверкнули.

— Еще как могу. Более того — я должен. Ты ведь понимаешь, да?

— Гейлорд... — Краста дрожала, как побитая псина. Гнусная предательница. Гейл с презрением смотрел на нее.

— Твоих детей я не трону, но если однажды кто-то из них пойдет против меня, мне придется их убить.

Краста беззвучно заплакала, прижав ладонь ко рту.

— Время идет, — напомнил Гейл и, крепко схватив ее руку, подвел к столу. — Если хочешь, можешь написать прощальное письмо. Как быстро, кстати, действует яд? Сразу выпьешь или сначала напишешь?

Неожиданно в дверь постучали.

Гейл нахмурился. Перед тем как зайти сюда, он приказал Красным Стражам никого не впускать, не беспокоить их с принцессой.

Кто бы то мог быть?

Он раздраженно посмотрел на Красту.

— Ждешь кого-то?

Краста отрицательно помотала головой.

— Пикнешь хоть слово, хоть немного дернешься, я тебя убью, — предупреждающе сказал Гейл. — Утри слезы.

Краста осторожно промокнула лицо салфеткой, взяв с подставки у фарфорового чайничка. Опустилась на кресло, налила воды из графина и сделала несколько глотков. Кивнула Гейлу, и тот открыл дверь.

— Вик? — изумленно воскликнул он.

дневник Лока: о пустых

Поскольку негоже магам заниматься грязным и ручным трудом, им занимаются пустые, которых в Вершине оказалось куда больше, чем я полагал.

Готовка, уборка, уход за садом и оранжереей, работа в библиотеке — всем этим занимаются пустые.

Отбор строгий, потому все пустые здесь как на подбор — умельцы и на вид недурны.

К слову, бывают исключения — как в случае с Битти Ангустой, который не выглядит достаточно, мм, презентабельно для роли личного Стража короля. Если претендент отличился на своем поприще, его возьмут на работу, хотя в дальнейшем и будут многого ожидать.

Работа на знать чрезвычайно почитается среди пустых. Они могут получить рекомендации и продвинуться выше по службе, заработок высок, и, конечно же, эта работа не в пример проще, нежели пахать на своем клочке земли и целиком зависеть от погодных условий.

На третьем этаже Вик бывала редко. Здесь находились покои королевской семьи, и поскольку она являлась обычным Красным Стражем, не могла здесь находиться без особого приказа, поручения или чьего-то сопровождения. Благо, сейчас ее вела Лоис, которая будучи ученицей шэйера Кор Лока, первого советника короля, проживала в одной из гостевых комнат на третьем этаже.

Они быстро добрались до нужных покоев. Перед дверями стояли четыре Красных Стража, в том числе и из охраны Гейла, и негромко что-то обсуждали.

— Вик? — удивился Битти Ангуста. — Лоис? Что вы здесь делаете?

Вик взволнованно переглянулась с Лоис и обратилась к Стражам:

— Случилось кое-что ужасное, но прежде я хочу убедиться, что мы не ошибаемся. Нам нужно поговорить с королем как можно скорее.

— Король приказал никого не впускать, — с сомнением отозвался Ходен.

— Понимаю, но дело действительно важное. — Вик в отчаянии чуть не всплеснула руками и как можно спокойнее сказала: — Речь о Джуле, и если наши предположения верны, то король виновен в его гибели.

— Не только в его, — вмешалась Лоис, — но и в гибели всех остальных в тот день.

Вик удивленно посмотрела на нее, и Лоис уверенно кивнула и добавила:

— Возможно, прямо сейчас принцессе Красте угрожает опасность.

Красные Стражи переглянулись. Их лица выражали сомнение, недоверие и возмущение, и лишь Битти выглядел странно задумчивым.

— Ваши слова звучат как измена и клевета, надеюсь, вы это осознаете? — прищурившись, наконец, спросила Тина.

— Пусть идут, — перебил ее Битти и ответ на изумленные взгляды напомнил: — В гибели Джула действительно было много странного. Если мы ошибаемся и зря потревожим короля и принцессу, я возьму ответственность на себя. Лоис, Вик, идите, — кивнул он, посторонившись.

Помедлив, остальные тоже отодвинулись. Вик благодарно им кивнула. Внутренне она успела немного успокоиться, хотя и не знала, чего ожидать от встречи с Гейлом.

Если окажется, что он виновен в гибели Джула...

Вик, не выдержав, обернулась и встретилась взглядом с Битти. Битти едва заметно кивнул ей, но в его загоревшихся темным блеском глазах Вик увидела достаточно, чтобы переполниться решимостью и постучать в дверь. Вскоре та открылась, и Гейл изумленно воскликнул:

— Вик?

— Есть разговор, — твердо сказала Вик, заглядывая ему через плечо.

Принцесса была здесь, сидела за столом с нейтральным выражением бледного лица.

— Сейчас не подходящее время... — начал Гейл, но Вик так взглянула на него, что он тут же замолчал.

— Или я скажу это здесь, — она кивнула на Красных Стражей, сохранявших удивительно невозмутимые лица, — или тыпустишь меня, и мы во всем разберемся. Это касается Джула.

Гейл, бледнея, медленно попятился, и Вик, оглянувшись на Лоис и обнаружив, что та

исчезла, медленно вошла в комнату принцессы.

Куда ушла Лоис? И даже не предупредила!

Возможно, вернулся Лок, и она, почувствовав это клятвой ученицы, побежала за ним? Но почему тогда Лоис не знала, где Лок, когда прибежала к Вик в саду?

Решив разобраться с этим позже, Вик закрыла за собой дверь и уважительно поклонилась королю и принцессе. Посмотрела на них. Принцесса сильно нервничала, а Гейл, казалось, чудом стоял на ногах.

Да что с ними произошло? Никак она вмешалась в разгар ссоры?

— Прошу прощения за вторжение, — сказала Вик. Внимательно посмотрела на этих двоих, сжавшихся, напряженных, до ужаса сейчас похожих друг на друга брата и сестру. Снова сжала обручальный браслет и решительно продолжила: — До меня дошли слухи, что король Гейлорд заключил клятву хозяина и слуги с неведомым существом, способным перемещаться между мирами, не поставив никого об этом в известность. Он угрожал жизни ребенка, чтобы добиться этого. После то существо попыталось его убить в день Крови, и Джул, защищая короля, был ранен, а после... — Вик выдохнула, сглотнула. Голос едва не срывался. — Король ушел, бросив его умирать, потому что Джул слышал слишком многое. Принцесса Краста, это правда, что вы присутствовали при этом?

Принцесса медленно поднялась, расправила плечи. На взволнованном лице расцвел румянец, отразилось неподдельное облегчение и надежда.

— Да, — подтвердила она.

Вик перевела взгляд на Гейла. Тот не шевелился и не дышал. Глаза его словно остекленели.

— Вы сможете подтвердить это в суде? — едва понимая, что говорит, спросил Вик, не сводя с него взгляда.

— Да, смогу.

— Король Гейлорд, вам есть что сказать?

— Тебе лучше об этом забыть, — словно в бреду, пробормотал Гейл и прикрыл мутные глаза.

На его мертвенно-бледном лице резко проявились черные вены, образующие причудливые узоры. Они вздувались, пульсировали с бешеной скоростью; волосы резко взметнулись над головой, яркие, ослепительно рыжие с золотыми прядями.

— Король Гейлорд... — предупреждающе начала Вик.

Она попятилась было к двери, чтобы открыть и позвать помощь, но замерла. Гейл распахнул черные глаза и уставился на нее так, словно заковал невидимыми путами. В мгновение взорвалась внутренняя броня хладнокровия и хлынули чувства, которые Вик до этой секунды контролировала.

Джул, ее единственный, честный, открытый, с синими глазами, на дне которых вспыхивали серебристые искры, когда он собирался колдовать или поцеловать ее; его топорщившиеся по утрам светлые волосы, как она, смеясь, приглаживала их, любила проводить пальцами, касалась его то и дело — руки, спины, кончиков волос на затылке — просто чтобы проверить — он здесь.

Его больше нет.

Из-за Гейла. Проклятого лгуна! Ленивого труса! Подлого себялюбивого идиота! Как он вообще посмел показываться ей после этого на глаза?! Еще и чувства внушил! И все те ночи, проведенные вместе!

Отвратительно!

«Тебе лучше об этом забыть», — эхом отозвался голос внутри, во всей сущности, и Вик, распахнув резко глаза, вдруг осознала, что медленно, но непреклонно — ее чувства меняются.

Краем глаза она уловила шок и ужас на лице принцессы Красты. Та смотрела на Гейла, который парил над полом, объятый черными языками холодного пламени, который не дотрагивался больше ни до чего.

Вот только Вик чувствовала его присутствие в своем разуме и понимала, что некоторые воспоминания начинают стираться. Изменяться. Заменяться.

Она не могла отвести взгляд от Гейла, не могла заставить себя отвернуться, уйти. Время тянулось медленно и прошло всего ничего — секундная стрелка на больших напольных часах едва ли сместилась на несколько секунд.

Как и всегда в моменты страха и отчаяния, она уцепилась за воспоминания о Джуле, и вдруг поняла, что забыла, когда его впервые увидела.

(на месте этих воспоминаний появились новые — сияющий Гейл в парадном облачении)

Привычным жестом вцепилась в золотой браслет на левой руке и похолодела — откуда он? Почему так важен?

«... хочу быть честен с тобой»

Кто это сказал? Оно отзывалось в самом сердце, поскольку после всей грязной лжи, в которой она провела десять лет, эта честность казалась драгоценной чистой водой.

«Позволь хотя бы это сделать мне первому»

Неясная смутная тень, нечеткие очертания лица, яркие синие глаза, и в них серебристые искорки, которые очаровали с первой встречи.

Глаза — черные, форма лица — другая, волосы — рыжие с золотом.

Вик зажмурилась, яростно сопротивляясь, но уже не могла вспомнить и имени его, того человека. Ледяной пот стекал по телу, ее колотило, а Гейл неумолимо творил свое черное чародейство.

Она забудет все страдания, бесконечную боль и тоску по ушедшему. Он заполнит ее мир любовью и теплом, он одарит ее всем, что она только пожелает. Он сделает для нее все, потому что нет для него никого важнее.

Он убьет принцессу Красту, потому что возиться с ней так, как с Вик, не станет. Слишком сложно, а другого способа не знает, а просить кого-то не сможет, да и времени на это нет. Проще убить ее. И детей. Его никто и ничто не остановит, раз даже орда монстров и то существо не смогли. На его стороне Вершина — один из четырех столпов, на которых держатся три мира. Не существует ничего более могущественного.

Она забудет и об этом.

Вик медленно опустила голову, бессмысленно разглядывая носки сапог, которые она покупала... она не помнила, когда и с кем.

Она забывала того, кто подарил ей обручальный браслет. Забывала его синие искристые глаза, и его голос, и его честность.

Она будет жить во лжи, которую так ненавидит, и не будет об этом знать.

Это никогда не закончится. Гейл не позволит этому закончиться. Теперь, когда знает, что делать, он никогда ее не отпустит.

Вик стиснула браслет на левой руке изо всех сил и вздрогнула от легкого касания к

тыльной стороне ладони.

«Это я», — тихо сказал он.

Вик едва слышала его и боялась посмотреть в его сторону — боялась, что не увидит его; боялась дышать, боялась, что его голос исчезнет в неослабевающем реве черного пламени в голове. Она тонула в бессмысленности и отчаянии, но голос раздался снова.

«Узнаешь меня?»

Они покупали эти сапоги, когда гуляли по его родному городу в те несколько выходных дней после обручения.

Они обручились тихо, будучи наедине обычным тренировочным утром, поклялись друг другу, и Вик смотрела на своего взволнованного жениха, и он смотрел на нее, и его рука, он коснулся сейчас ее, как тогда — тронул пальцами по тыльной стороне ладони, прежде чем взять за руку.

Как сейчас.

— Да, — кое-как выдавила она.

«Ты Джул».

Он улыбнулся ей — и она увидела его так ясно и отчетливо, что ее вновь настигло то чувство, как после первого с ним поцелуя.

Чуть ослабевшее черное пламя набросилось на нее с утроенной силой.

Это никогда не закончится. Гейл возьмет ее измором. Последние образы, память о Джуле слетала, словно высохшие листья в саду воспоминаний под яростными порывами ветра. Лицо Гейла было неузнаваемо обезображено черными венами, вся его видная кожа казалась темной, черной. Минутная стрелка сдвинулась, а решение, ответ оказался неожиданно прост до безобразия и, как все очевидные вещи, лежал на поверхности.

Вик усмехнулась. Движением, который отработала за свою жизнь более тысячи раз, достала старый отцовский нож. Крепко сжала и полоснула себя по горлу.

***

Краста стояла, боясь шевельнуться, и едва дышала. Языки черного пламени метались, кружили по комнате, и она боялась, что один из них дотронется до нее и сделает что-нибудь ужасное. Красная Стражница Вик яростно противилась воле Гейлорда, а Гейлорд... Он выглядел, как тэйвер в старых книгах, только лишенный крыльев и хвоста. Краста содрогнулась, и тут Вик неожиданно выхватила из-за пояса нож и разрешила себе горло. Хлынула кровь. Девушка медленно, содрогаясь, осела на пол. Выронила нож из дрожащей руки и вцепилась в золотой браслет. Точно таким жестом Джул цеплялся за свой в последние секунды жизни. Она улыбалась.

Краста моргнула, очнулась, вырвалась из оцепенения — она не могла бы точно сказать, вызвано ли оно было ужасом, или то гнетущая магия Гейлорда так на нее подействовала. Она медленно, без резких движений направилась к двери.

Нужно убраться отсюда, пока есть возможность, пока свихнувшийся братец не набросился на нее, а сейчас он стоял все так же, в центре черного пламени, и на лице его исчезли черные вены и явственно проступало недоумение и ужас.

Его опустило на пол, он качнулся, неверяще глядя на тело Красной Стражницы, и совсем не обращал внимания на Красту.

Плохо, что Вик стояла у самой двери. Может, лучше было бы попытаться уйти через

окно? Но оно находилось дальше и пришлось бы пройти рядом с Гейлордом.

Гейлорд тем временем медленно, шатаясь, направился к Вик. Упал на колени возле нее, протянул руку, обе руки, охваченные золотым сиянием.

— Ну же, давай, — умоляюще шептал он. — Вик, проснись.

Но Вик не просыпалась. Гейл коснулся пальцами ее зажившей шеи, груди и словно окаменел. Его лицо посерело, губы задрожали. Он растерянно посмотрел на Красту. Его полные слез глаза поглощало черное безумие.

Краста, не выдержав, метнулась к выходу, успела схватиться за ручку, но не успела повернуть — ее резко впечатало в дверь, и комната взорвалась.

***

— Как думаешь, то, что сказала Вик, правда? — покусав нижнюю губу, спросил Тина.

Битти пожал плечом. Он стоял, скрестив руки, опираясь спиной о стену.

— Как бы то ни было, я несколько иначе представлял правление короля Гейлорда, — сказал Ристэн. — Слишком много вопросов у меня к нему возникает.

— Так задай, — фыркнула Тина. — Что же ты? Только здесь, между нами, обсуждать его горазд?

— Чувствуете? — перебил хмурый Битти.

— Ты о чем? — встревожилась Тина, но Ходен тоже ощутил и переглянулся с Битти.

— Нужно вмешаться, — сказал он и первым потянулся к двери.

В то же мгновение дверь сорвалась с петель и гигантской зажженной спичкой врезалась в противоположную стену, придавив собой Ходена и сбив с ног Тину. Битти и Ристэн едва успели отскочить. Тело обдало жаром, будто плеснули кипятком. Битти с ужасом посмотрел на горящую дверь, на распластавшееся на нем тело, объятые огнем. Оно истошно кричало и горело заживо, но не могло сдвинуться с места.

Это же принцесса Краста, понял Битти.

В дверном проеме появилась человеческая фигура. Король Гейлорд сжал в кулак поднятую на уровне груди руку, и крики перешли в дикий вой. Стены по сторонам от дверного проема медленно разваливались на камни, занялись синим огнем ковры на полу, портреты на стенах.

— Ваше Величество! — закричал Ристэн, и Битти поспешно толкнул его к стене, зажав рукой рот.

— Заткнись! — прошипел он. — Не видишь, король свихнулся? Он, шмак побери, убьет нас. Принцессе все равно уже конец. Толку-то, если мы тоже подохнем? Папаша, господин Серый и Синий Стражи, верховный маг да шэйер Кор Лок — вот кто может справиться с ним.

«Я надеюсь», — мысленно добавил он.

Малый Совет шел полным ходом в другом конце замка, пока там обнаружат, что стряслось здесь, пройдет время.

— Идем, — Битти хорошенько встряхнул Ристэна, — нужно предупредить всех, вытащить людей отсюда.

— А как же Вик?

В этот момент мечущийся взгляд Битти упал на зияющий пролом в стене, и в комнате принцессы он увидел неподвижное тело в луже крови. Скрипнул зубами от досады и злости.

Отвернулся. Обо всем этом можно будет подумать потом.

— Ей тоже конец. Пошли.

Они поспешили вперед, пытаясь успокоить поднявшуюся панику и отослать всех скорее вниз. Они заглядывали во все комнаты, попавшиеся на пути, призывали немедленно позвать сюда верховного мага и шэйера Кор Лока, а между тем пламя стремительно распространялось.

Несколько Красных Стражей задержались, чтобы поставить магические барьеры — остановить пламя хоть ненадолго, но Битти сомневался, что это сработает: огонь короля стал синим. Джул рассказывал о нем. В день возвращения Восточного Побережья король сорвался на лорде Жатриене, огонь его стал синим, как сейчас, и лишь Вик смогла его остановить. Но Вик больше нет, и Битти не представлял, как им удастся утихомирить разбушевавшегося короля.

Что с ней стало? Неужели принцесса Краста убила ее, и король Гейлорд таким образом ей отомстил?..

Заглянув в очередную комнату, Битти застал неприглядную картину детских капризов: королевские близнецы взобрались на самый верх гардеробного шкафа и визжали, наотрез отказываясь спускаться.

— Я никуда не пойду, пока мамочка не придет! — орала принцесса Клэрия.

Маленькая тупая девчонка!

Раздраженный до крайности Битти рявкнул перепуганной плачущей служанке убираться отсюда, сам же, напрягшись, толкнул тяжеленный шкаф на пол. От грохота сам едва не подпрыгнул. Дети кубарем покатались по мягкому ковру, устилавшему комнату, визги прекратились. Ошеломленно охала Клэрия, потирая ушибленные коленки. Кэлард очумело крутил головой.

Если бы падение было неудачным, и они себе что-нибудь сломали, Битти ожидали бы наказания, но, учитывая ситуацию, они его еще благодарить должны.

Битти мигом похватал детей подмышки и, не обращая внимания на новые визги, помчался дальше.

***

Лоис, кутаясь в плаще, быстро рассказала учителю обо всем, что с ней случилось.

— Вот как, — проронил Лок.

Сейчас, лишенный обычного благодушного настроения и тени улыбки в глазах, он выглядел гораздо старше обычного. Лицо его обрело резкое, хищническое выражение.

Один из Красных Стражей тем временем привел Синих Стражей, и те принялись быстро обследовать домишко. Другой — приводил в чувство найденного слугу. Память того оказалась взломана, воспоминания обнажены, разум покорен. Из него вызнали все, что было нужно, и бросили, как использованный мусор.

Лоис перекосило от отвращения.

— Юная Лоис, — обратился к ней Лок. Он аккуратно снял с себя скрывающий плащ и протянул ей. — Я немедленно возвращаюсь в замок, а ты останься с Синими Стражами, отдохни. Постарайся вспомнить все до мелочей, позже мы с тобой подробно обсудим случившееся.

— Нет, я тоже иду, — возразила Лоис. — Эта тварь бродит сейчас по замку в моем теле!

— Это опасно, — холодно осадил ее Лок. — А ты сейчас не в лучшей форме.

Лоис поджала губы. Лок смягчился.

— Благодаря своему упорству ты смогла дозваться до меня. Ты — исключительная, моя дорогая Лоис. Я горд быть твоим учителем.

— Не подлизывайтесь, — недовольно отозвалась Лоис. — Просто... будьте осторожны, ладно?

— Конечно.

Лок вышел из домика. Лоис кое-как замоталась в плащ и босиком поспешила найти что-нибудь из одежды. К сожалению, один-единственный сундук оказался пуст, как и шкаф без дверцы. Лоис так долго лежала без движения, что тело онемело и плохо слушалось, но переждать, отдохнуть, как велел Лок, она не могла.

Лоис вышла из домика, щурясь от яркого дневного света. Лок тем временем приказал Красным Стражам немедленно возвращаться в замок, смерил предостерегающим взглядом Лоис и сорвался с места, взмывая в воздух на могучих крыльях. Лоис одолжила у Красных Стражей деньги на платье и поспешила через переулок к виднеющейся вывеске магазина. Там она быстро выбрала самую простую, самую дешевую одежду, простенькие башмаки и, покинув магазин, побежала по улице, останавливая экипаж.

Она ехала по Красной улице, когда часть видневшейся вдаль Вершины загорелась и медленно обрушилась.

***

На подлете к замку Лок заметил неладное. На третьем этаже, там, где находились покои принцессы Красты, виднелись огненные всполохи. Рванули выбитые окна, рассыпались стеклянным дождем. Огонь лизал внешнюю стену. Странный синий огонь. Из замка выбегали с криками люди.

Лок огляделся, прикидывая, где приземлиться. На лоджии второго этажа было достаточно места, и он устремился туда. Едва ступив по полу, он поспешил к лестнице, скорее наверх, как заметил кое-кого и удивленно окликнул:

— Битти! Юный Битти!

Парнишка очумело оглянулся. Он держал подмышками детей принцессы Красты. Он весь взмок, растрепался, тяжело дышал. Увидев Лока, Битти громко облегченно выдохнул.

— Слава богам, господин Лок!

— Что случилось?

— Король сошел с ума!

— Тише. Давай по порядку.

Битти кивнул, сглотнул, перемялся с ноги на ногу, посмотрел на свою ношу. Дети затрепыхались, пытаясь вырваться. Он хорошенько их встряхнул, и они тут же присмирели.

— Вик и Лоис пришли в покои принцессы...

— Лоис, — тихо повторил Лок.

— ... и там как раз находился король. Вик сказала, что, возможно, он виновен в гибели Джула, и что принцесса в опасности. Я впустил их, — сокрушенно сказал Битти и потрясенно взглянул на Лока. — Если бы я не...

— Лоис тоже вошла? — перебил Лок.

— Нет, — удивился Битти. — Она вдруг развернулась и ушла. Признаться, я даже не

обратил на это внимания.

— Ее запах, как она пахла?

— Что? — Битти прыснул. Лок терпеливо ждал, и тот, спохватившись, поспешил ответить: — Какими-то духами, не знаю, я в этом не разбираюсь, но запах был сильным.

— Я должен был догадаться... — пробормотал Лок. — Что случилось дальше?

Битти вздохнул, помрачнел и коротко поведал о произошедшем. Лок неверяще покачал головой.

— Я видел собственными глазами, — сказал Битти. — Остановите его, господин Лок, иначе он все тут уничтожит. Он не в себе, его огонь синий, как когда он прикончил Жатриена.

— Я постараюсь, — пообещал Лок. — А ты уведи отсюда детей. Если увидишь Лоис, обрати внимание на запах. Если она пахнет, как ты описал, не верь ей. В замке враг.

Битти побелел, кивнул.

— Но если она пахнет нормально, выглядит болезненно или странно одета, то уведи ее подальше отсюда, — добавил Лок. — Это наша Лоис.

Битти хмыкнул, снова кивнул. Лок решительно направился было в сторону лестницы, как Битти его окликнул:

— Господин Лок!

Лок обернулся. Битти, уронив близнецов на пол, сложил руки перед собой и склонился в ученическом поклоне — для людей то было признанием превосходства шэйера над ними и вверением своей жизни и жизни близких в его руки. Лок не удержался от мягкой улыбки и поклонился ему как учитель, мысленно благословляя своего друга. Битти ухмыльнулся, совсем юный еще мальчишка по шэйерским меркам, похватал измученных близнецов и припустил дальше по коридору.

Легрей и Хемль уже были на третьем этаже, когда Лок добрался туда. Магические щиты не выдерживали, лопались. Синий огонь пожирал все, что попадалось на пути, разгораясь все ярче, местами мелькали зеленые языки пламени. Тут и там сновали Красные Стражи: одни выносили безжизненные тела, другие — ценные предметы, книги, артефакты, третьи выводили дым и поддерживали состояние воздуха, чтобы можно было дышать.

— Кор Лок! — закричал Легрей, завидев его. — Помоги нам! Троичный барьер!

Главнокомандующих Серых и Синих Стражей видно не было.

— Они с другой стороны! — словно прочитав его мысли, сказал Легрей. — Ты готов, Лок?!

Лок кивнул, хоть и не представлял, как можно быть готовым к такой ситуации.

Хемль произнес заклинание-связку зычным могучим голосом, едва слышным сквозь рев огня, звон лопающихся стеклянных флаконов над желтыми кристаллами цвета, самих кристаллов, сквозь треск и грохот обваливающихся стен, горящей мебели. Легрей произнес заклинание первого круга, воздел руки над головой и мысленной силой возвел круг, охватив им самый эпицентр пламени. Лок наблюдал и выжидал, и вскоре появился второй круг, более прочный и сильный, — созданный Дюреком и Байрушем. Лок в то же мгновение, воздев руки над головой, произнес заклинание третьего круга — то было высшее волшебство, заклинанию этому обучали в цитадели лишь тех магов, что по упорству и магическому запасу обучались до звания верховного. Благодаря связке, удерживаемой Хемлем, Дюрек и Байруш, Легрей и Лок смогли скомбинировать заклинание, объединить

его.

Лок переглянулся с Легреем и осторожно, медленно попытался свести руки ближе. От усилий он распахнул крылья, подался вперед. Барьер шел туго, но поддавался. Пламя чуть ослабло. Дюрек и Байруш, ощутив это, тоже подтянули свой круг. Следом и Легрей подхватил свою часть заклинаний, тоже чуть сузив первый барьер. И так медленно, шаг за шагом, они придвигались к Гейлу с двух сторон, и вот уже его фигуру можно было различить в сердце пламени.

Он завис в воздухе в локте от пола, запрокинув лицо навверх, раскинув в стороны руки.

Лок и Легрей сделали еще несколько шагов к нему. Гейл неожиданно резко посмотрел на них. Тьма заполнила его глаза полностью и не отражала ничего. Разумная и безумная, торжествующая и упивающаяся своей силой тьма. На посеревшем лице Гейла явственно проступали черные вены, образуя причудливые узоры. Лок помнил их по истории королевской семьи Южной Вершины — узоры эти принадлежали тэйверам из рода королей.

— Не смейте стоять у меня на пути, — не своим голосом процедил Гейл, и отзвук раскатом раздался в голове, едва не оглушив.

Он взмахнул рукой, но пламя уперлось о барьер, и Гейл нахмурился, озадаченный.

— Нужно действовать, пока есть шанс, — шепнул Легрей.

Лок видел уже сквозь круг огня очертания фигур Байруша и Дюрека, и они все, ощутив общую мысль в магическом поле, одновременно шагнули вперед, и лишь в последнюю секунду Лок уловил присутствие еще одной неуловимой силы, втиснувшейся в их колдовство. Она настигла их разум, их связку, которую удерживал Хемль, точно молния, и краткого оцепенения — больше удивления, нежели реальной боли, — хватило, чтобы в троичном барьере появилась трещина. Лок не мог даже точно сказать, чья воля из них, четверых, поддалась, пострадала, какой именно из трех барьеров оказался расшатан, да и не было времени на раздумья и анализ — Гейл рванулся, словно дикий зверь, попавший в силки.

Огонь бился и метался в барьере, огонь вспыхнул за спиной, стоявшие позади Красные Стражи заволновались, вновь принялись создавать барьеры да очищать воздух. А затем пол под Гейлом неожиданно провалился, барьер распался, волна отдачи швырнула, выбив из груди воздух, Лок ударился обо что-то и потерял сознание.

Боги создали Вершины на их местах не по простой случайности — то была тщательно измеренное расстояние и состояние магического поля. Изначально планировалось, что то будет одна Вершина, но затея провалилась. После было решено разделить энергию хаоса на светлую и чистую магию, и были созданы шэйеры и тэйверы соответственно.

Внешне мы на первый взгляд похожи, но в обликах царит отпечаток этого разделения.

Тэйверы темны и имеют склонности к темной энергии: могут подпитывать и восстанавливать силы из чужих темных эмоций (страх, отчаяние, гнев, ненависть), весьма хороши в разрушительной магии, крепки телом, оттого не нуждаются в светлой целительной магии.

Мы же, шэйеры, светлы, и освоили обращение со светлой энергией.

Но продолжу описывать последствия действий богов. Двух Вершин также было недостаточно для создания магического равновесия, а светлая и темная энергия всецело зависели от воли существа — хоть мы и расположены к той или иной магии, не всегда тьма используется исключительно для разрушения, а свет — для созидания. Повторюсь — все оказалось завязано на воле носителя магии.

И было решено создать четыре Вершины — более устойчивый фундамент, основанный на четырех основных природных элементах: огне, воде, земле и воздухе.

Если вам доведется посетить библиотеку Высших Начал, обязательно зайдите в залы Вечности, там вы сможете лицезреть модель формулы Первой Клятвы, которую мы воссоздали из догадок и логических предположений, и вы увидите, что она неравномерна. Точно так же, как расстояние между Вершинами не одинаково, различаются и формулы, в которые они взяты.

В каждой магической формуле есть основа, без которой заклинание не сработает: четыре точки — четыре Вершины.

Из замка бежали люди, стражи у ворот не было: все Красные и прибежавшие на помощь Синие Стражи находились во внутреннем дворе, помогали вытаскивать людей из-под завалов горящего восточного крыла, направляли бежавших, удерживали ярко-синий огонь, но тот все равно мало-помалу продвигался вперед. Крики боли, плач, отчаяние, неконтролируемый ужас заполнили пространство. В замке продолжалась битва — через окна видны были магическое всполохи, то и дело в воздухе проносились вибрации, от которых учащался пульс, начинали дрожать ноги и нахлестывало отчаяние.

Подобного магического давления прежде ощущать не приходилось, и если ей от этого не по себе, то каково же было пустым?

Лоис спрыгнула с экипажа, чувствуя головокружение. Бежать внутрь было самоубийственной затеей, но разве у нее был выбор?

— Простите! Эй, простите! — тщетно пыталась она обратиться к кому-нибудь, чтобы узнать, что же случилось, но никто не останавливался, а если и останавливался, то чтобы посмотреть на нее злым или безумным взглядом, сердито рявкнуть ругательства и помчаться дальше по своим делам.

Так, так, спокойно, надо рассуждать логически, возвала она к своему рассудку.

Безудержное пламя, должно быть, вызвано Гейлом — он сорвался и не может себя контролировать. Вик рассказывала, что такое случилось однажды в замке Идра, когда он противостоял лорду Жатриену.

Значит, Вик в замке, пытается его успокоить, как в тот раз, ну а магические всполохи... Как знать, быть может, Гейл прямо сейчас сражается против врага, против тех, кого наслали тэйверы? И учитель Лок, разумеется, там, с ними!

Лоис сглотнула, посмотрела на дрожащие руки, сжала их в кулаки. Она может пригодиться. Если кто-то ранен, она исцелит, окажет поддержку, в конце концов, она ученица шэйера Кор Лока, и ее умения что-то да значат!

Глубоко вдохнув и выдохнув, она решительно побежала вперед, в замок. Никто ее не останавливал — не до того было. Бежали из замка, а не в замок, и приходилось постараться, чтобы не сбили с ног несущиеся навстречу люди, в глазах которых был один страх.

***

Лоис влетела через парадный вход, пересекла вестибюль, чутко прислушиваясь к звукам битвы — второй этаж, скорее всего между бальным залом и восточной галереей. Она быстрее доберется туда, если поднимется по восточной парадной лестнице.

Она хваталась за перила, поднимала непослушные ноги одну за другой, то и дело вздрагивая: замок весь словно грохотал, дрожал, звенели сорвавшиеся, чудом уцелевшие флаконы светящихся кристаллов (они катались на осколках разбитых), падали то одна, то другая картины со стен, люстры жалобно звенели и страшно раскачивались. Лоис пропускала бегущих вниз слуг и Красных Стражей и думала, что зря, ох, зря сунулась сюда, наверняка она будет лишь обузой, но страх за друзей подталкивал ее двигаться вперед, и он был сильнее всех других страхов.

Наконец, Лоис преодолела лестницу и двинулась было к гобеленовому залу, как ее

окликнули:

— Юная Лоис!

По лестнице с третьего этажа спускался учитель Лок. Он нес на руках Вик, через плечо его были перевешены две большие сумки. Он казался изумленным до крайности, и Лоис почти возмутилась — он серьезно думал, что она останется в стороне?

Лок шел медленно, одно крыло его волочилось. Он был грязным, растрепанным, одежды и крылья его местами обгорели. Лоис бросилась к нему, помогла спуститься до площадки, забрала сумки и встревоженно взглянула на Вик.

— Что случилось? Что с ней? Где Гейл?

Лок покачал головой. Он тяжело с присвистом дышал.

— Нам нужно идти.

— Что с Вик?

Лоис протянула руку потормозить ее, чтобы разбудить, и замерла. Задрожала. Вик выглядела слишком бледной, одежда ее была перепачкана кровью, и... боги, она не дышала. Лоис резко прижала руку ко рту. Неверяще посмотрела на учителя, и когда тот кивнул, не удержала горестного стога. На глаза навернулись слезы, навалилась бесконечная усталость, которая прежде держалась поодаль лишь из-за того, что Лоис была сильно взбудоражена.

— Надо идти, — твердо сказал Лок. — Гейл сошел с ума. Мы пытались его остановить, но ничего не вышло. Он тут все разнесет. Надо идти. Лоис! — окликнул он, и она заторможенно посмотрела на него. — Идем.

Лоис с трудом кивнула. Перевесила через плечи тяжеленные сумки — боги, что учитель Лок туда нагрузил? — и пошла было вперед, как неожиданно перед ней появилась высокая худощавая фигура.

— Гейл! — испуганно вскрикнула Лоис и всплеснула руками.

Вмиг все прояснилось: Вик была убита, и Гейл сорвался, конечно же, ведь он так ее любил!

Слезы брызнули, покатались. Она хотела было взять его за руку, но неожиданно вспыхнул огонь, едва не опалив ей пальцы, и она испуганно отшатнулась.

— Лоис, — безжизненным голосом сказал Гейл.

Его глаза были полностью черными, даже белки, пульсировавшие на висках вены были черными, такие же черные сосуды проступали сквозь кожу на руках, на шее...

На нем не было ни царапины, его одежда была оборвана, растрепана, на ногах не хватало одного башмака, его волосы колыхались в воздухе, будто пламя свечи.

За его спиной сквозь открытые двери гобеленового зала Лоис увидела, как на полу корчились Стражи со страшным ожогами, неподвижно лежала огромная фигура начальника Красных Стражей Хемля Древного.

Лоис невольно содрогнулась и в ужасе подумала:

«Это он сделал?..»

Это Гейл?..

От него вдруг повеяло ужасным холодом — так, по крайней мере, показалось в первый миг, что, право же, нелепица, он же буквально пылал огнем! Станным черным огнем с искрами синего пламени.

Инстинкты взвыли, забили тревогу.

Они должны бежать и как можно скорее! Это единственное, что нужно сделать! Ничто другое не важно! Бежать, скорее прочь отсюда!

Гейл перевел взгляд с Лоис на Лока, замершего позади нее со своей ношей, и Лоис смогла выдохнуть и дышать. Боги, она даже не заметила, что задержала дыхание!

Гейл медленно шагнул вперед, и Лоис попятилась. Ноги дрожали, ее колотило. Она откуда-то знала, что если сейчас развернется и попытается сбежать, Гейл просто бросит ей вслед огненный шар и сожжет заживо.

Она пятилась, пока не поравнялась с учителем и не ощутила мокрой от пота спиной поддержку его целого крыла.

Гейл сверлил взглядом Лока. Как учитель мог так спокойно выдерживать его, противостоять ему?!

Гейл сделал еще один шаг. Камень под его ногами трескался, воздух звенел, вновь в пространстве возникло то магическое давление, от которого в голове появилось ощущение, бывающее, если зажмуриться и стиснуть зубы изо всех сил.

— Отдай ее мне, — велел он.

Великие боги, Лоис отдала бы Гейлу все на свете, если бы он приказал ей это сейчас таким тоном, с таким видом!

— Юный Гейл, опомнись, — мягко воззвал Лок. — Юной Вик больше нет. Тебе нужно принять это и отпустить ее с миром.

От бесконечного тепла в его голосе по щекам вновь потекли беззвучные слезы, сердце переполнилось безграничной нежностью, грустью, отчаянием и упрямой надеждой, что еще можно все исправить.

— Заткнись, — сказал Гейл и сделал еще один шаг.

— Оглядишься, юный Гейл, — осторожно продолжал Лок. — Достаточно разрушений.

— Да, — неожиданно согласился Гейл. — Достаточно разрушений. Более того, я намерен кое-что исправить.

Лок нахмурился, а потом вдруг резко побледнел (хотя казалось бы, куда больше) и распахнул в изумлении глаза.

Что? Что это значило? Лоис тщательно переводила взгляд с него на Гейла.

— Она не так все поняла, — продолжал Гейл. — Я должен все ей объяснить. Она покончила с собой, потому что думала, что я ее предал, но она не так все поняла, у меня были причины поступить так, как я поступил.

— Что? — беспомощно воскликнула Лоис, окончательно запутавшись. — Вик не могла... — она запнулась — Гейл обратил на нее взгляд безумных черных глаз, от которого стыло дыхание.

— Я должен это исправить — и исправлю. Я все ей объясню. Она не будет меня больше ненавидеть, мы снова будем вместе. Как раньше.

— Юный, Гейл, уж не собираешься ли ты воскресить ее? — ровным голосом спросил Лок.

Гейл утвердительно кивнул.

— Но это запрещенное волшебство! — не выдержав, вскричала Лоис, и даже вновь обращенный к ней звериный взгляд не остановил ее возмущения. — Это невыносимо! Это извращение над самой жизнью!

— Я должен ее вернуть, — отозвался Гейл. — Ты не понимаешь. Вы оба меня не понимаете.

Он медленно опустил взгляд, поднял перед собой руки, испещренные черными венами, перепачканные кровью, раскрыл пальцы. На лице его заходили желваки.

— Если не будете помогать мне, так хотя бы не мешайте, — глухо сказал он.

— Никому прежде не удавалось воскресить человека или шэйера, или кого-то еще! — попыталась вразумить его Лоис, резко утирая лицо руками. Слезы продолжали литься, видимо, по инерции, сердце сжималось от боли, но она не могла, не могла позволить сошедшему с ума Гейла так поиздеваться над ее лучшей подругой! — Ты хоть понимаешь, на что идешь?! Думаешь это волшебство в шутку прозвали запрещенным?!

— Я — Хранитель Южной Вершины, — незнакомым зычным голосом сказал Гейл, и голос этот отозвался во всем теле, оставил медленно тающие следы во всех мыслях, и Лоис вновь содрогнулась. — Я способен на то, о чем вы не смеее даже помыслить. Я верну Вик к жизни. Разве ты не обрадуешься этому? — с обвиняющими нотками спросил он.

Почему Вик покончила с собой? — лихорадочно размышляла Лоис. В последние дни, пока Гейла не было, она полностью пришла в себя, осознала, что чувства были внушены, вспомнила Джула и любовь к нему, так что же случилось? Что произошло?

Быть может, Гейл не оставил ей выбора?

— Отдай ее мне, — требовательно сказал Гейл и протянул руки. На левом предплечье ярко чернела клятва хозяина и слуги.

Лоис, как и все маги, знала базовые символы утерянного языка богов, на котором составляли магические формулы и давали имена младенцам в день благословения, потому легко смогла прочитать начертанное имя.

Оно принадлежало тэйверам.

Лок тем временем отрицательно покачал головой.

— То, что ты Хранитель, не дает тебе право нарушать запреты. Я не могу позволить тебе надругаться над ее телом и душой.

— Лок! — предупреждающе и яростно крикнул Гейл.

Стены задрожали, весь мир задрожал. За спиной Гейла вспыхнула стена пламени, раздались крики умирающих, сгоравших заживо раненых Стражей в гобеленовом зале.

Лоис изо всех сил вцепилась в согнутую в локте руку учителя. Волосы Вик щекотали тыльную сторону ладони и пальцы. Лок коротко взглянул на Лоис, и восхищение в его глазах подбодрило ее достаточно, чтобы прямо тут не сползти на колени на пол и не расплакаться.

— Юный Гейл, я прошу тебя, ради нее, ради себя, ради всех нас... — Учитель умолк на полуслове — Гейл неожиданно шагнул к нему вплотную. Черное пламя, объявшее его, не обжигало, оно действительно было холодным.

— Я должен, — прошептал Гейл, и в его широко раскрытых глазах блестели слезы неумолимой решительности и отчаяния.

Он чуть отвел правую руку назад, а затем резко ударил Лока в живот. Огненный кулак его прошел насквозь. Лок кашлянул кровью — сгусток упал на уже испачканную одежду Вик, — Гейл шагнул к нему вплотную, будто хотел их с Вик обнять. Лоис в ужасе смотрела на них, раскрыла рот, но не издала ни звука. Дрожащие руки сжимались в кулаки, но она не могла ничего сделать. Она даже не помнила, в какой момент отшатнулась, напряглась, готовая сбежать, но ее обожгло жарким стыдом и беспомощностью, и тут же на смену им нахлынула лавина бесконечного ледяного страха.

Гейл с чавкающим звуком вытащил руку, отстранился, забирая Вик на руки. Лок попятился, прижимая руки к животу, глядя на него растерянно и разочарованно. Из рта его хлынула кровь. Гейл, не глядя ни на него, ни на застывшую Лоис, зашагал вперед, в сторону королевской библиотеки, бережно удерживая Вик на руках. Его босая нога оставляла

кровавые следы на полу. Лоис медленно перевела взгляд на учителя и, кляня себя, подбежала к нему, помогла опуститься на пол, прислонила к стене.

Надо остановить кровь. Где пояс с микстурами и зельями? Она машинально потянулась к нему, но была в недавно купленном дешевом платье, и никакого пояса с микстурами, разумеется, при ней не было.

— Так, потерпи, — дрожащим голосом велела она, приложила руки к страшной ране, прикрыла глаза и первым делом прислушалась к магическому, кровеносному, жизненному току.

Критически задеты внутренние органы, слишком много повреждений. Лока не спасти.

Лоис замерла и, не открывая глаз, направила волну исцеляющей магии. Сцепила зубы, выкладываясь изо всех сил.

Может удастся? Может, кто-нибудь придет? Гейл одумается? Может...

— Юная Лоис, — осуждающим хриплым голосом позвал Лок. — Разве я учил тебя растрачивать попусту силы?

Лоис не выдержала, жалобно всхлипнула.

— Ну-ну, — снисходительно сказал Лок. — Хватит, дорогая, ты должна внимательно меня послушать, хорошо?

Лоис кивнула, с трудом держа себя в руках.

Окровавленные губы учителя кривились в улыбке, он сглатывал, когда накапливалось много крови, при каждом вдохе сипел, и с каждым его болезненным вдохом умирала частица самой Лоис. Она крепко сжимала его рану и стискивала зубы, чтобы снова не расплакаться и не потерять ни единой драгоценной секунды, ни единого слова.

— Я слушаю тебя, учитель, — кое-как выдавила она.

— В этих сумках, что я нес — ценные магические артефакты и мои дневники. Пообещай, что сохранишь их и передашь моим сестрам.

Лоис снова отрывисто кивнула. Руки тонули в крови учителя, помощи не было, никто не придет, и ей придется... ей придется пройти через это одной — просто сидеть рядом и смотреть, не в силах ничего изменить.

— Милая Лоис, что-то страшное грядет. Нужно защитить Вершины любой ценой, защитить Хранителей... не доверяй никому... юный Гейл заключил клятву с тэйвером... я думаю... я думаю, что это тэйвер-полукровка, помнишь? о котором ходили слухи... о, милая Лоис... как мне жаль...

Глаза Лока остекленели, руки холодели, жизнь стремительно покидала его, но внезапно он резко пришел в себя и взглянул на Лоис ясным осознанным взглядом.

— Они оставили тебя в живых и при здравом рассудке. Какую цель они преследовали?

Вот всегда он так.

Лоис улыбнулась сквозь слезы.

Даже в последние секунды учитель Лок пытался разгадать какую-то загадку.

— Моя душа... будет помнить тебя... в следующей жизни... — прошептал Лок, впадая в беспамятство.

Шэйеры говорили это лишь близким.

Лоис с разрывающимся сердцем погладила ладонями его лицо, прижалась лбом к его лбу, чувствуя, как слабеет его пульс, как он сам весь слабеет и тяжелеет. Обняла его и разрыдалась.

дневник Лока: о моей дорогой ученице

Юная Лоис не блистала особыми талантами и ничем особенным не выделялась, была одной из многих, и, мне кажется, именно отсутствие иллюзий на свой счет позволило ей обрести уверенность в себе, благодаря которой она может совладать со своими чувствами и делать то, что считает правильным, не опираясь на чужое мнение.

Привлекла она мое внимание благодаря тому, что ей, кажется, все равно, что я — шэйер, представитель высшего народа.

Она не стесняется ругать меня за какие-либо оплошности (чаще всего связанные с тем, что я невольно наношу себе вред, поедая пищу, к которой не готов мой организм, но вы просто не представляете, насколько хороша еда здесь, в Срединном мире, бывает).

Она всегда готова объяснить какие-либо непонятные для меня ситуации и доносит это необычайно доступными мне простыми словами.

С самого начала она не скрывала своего корыстного отношения ко мне (все же обучение у шэйера откроет ей множество дорог в будущем) — и это в свою очередь позволило мне скинуть маску притворной вежливости, что в итоге привело нас к тому, что мы понимаем друг друга на некоем ином уровне.

Подобное чувство внове для меня. По рассказам других наставников-шэйеров я узнал, что ученики их — почтительны, подобострастны и кидаются исполнять любые их желания и приказы. С Лоис такое не пройдет (разве что ситуация действительно важная, и она всегда каким-то образом чувствует это).

Ну и вдобавок ко всему она проявляет живой интерес и любознательность ко всему новому, не чурается грязной работы и в то же время весьма достойно и свободно ведет себя на светских мероприятиях. По человеческим меркам она обладает привлекательными формами, а выбеленные волосы создают интересный контраст со смуглой кожей.

Лоис — моя драгоценная ученица и интереснейший человеческий экземпляр. Надеюсь, наше сотрудничество и дружба продолжатся и после того, как ее обучение у меня закончится.

Гейл бережно положил тело Вик на пол в середине библиотеки и прикрыл глаза, отдаваясь чувству-приказу. Он знал, чего хочет, и как может этого добиться. Черным вихрем вокруг него пронеслась волна магии, раздался глухой стук, еще один и еще, и когда Гейл открыл глаза, обнаружил у своих ног заветные книги. Они были запечатаны, эти книги из запретного отдела, куда допускали лишь верховных магов. Гейл сел на пол, скрестив ноги, взялся за первую в черной обложке из непонятного материала. Приложил к ней ладонь, книгу объял всепожирающий синий огонь. Минута кропотливого напряжения, и печать была сломана, а брызнувший яд испарился прежде, чем попал бы на кожу.

Гейл быстро пролистал эту книгу, потом следующую, но все было не то. В одной лишь вкратце упоминались некоторые части магической формулы воскрешения, но они были разрознены, и Гейл с досадой закрыл книги и задумался.

Прежде Южная Вершина принадлежала тэйверам. После того, как их прокляли, часть их сбежала в Нижний мир. Гейл помнил сетования Лока о том, что некоторые ценные книги из секретного отдела и артефакты Южной Вершины не были найдены. Возможно, тэйверы забрали их с собой.

Гейл поднялся, посмотрел на клятву хозяина и слуги. Надавил на подсохшую царапину на руке, коснулся метки имени кровью и позвал непреклонным, полным силы голосом:

— Орохин, явись.

Метка вспыхнула, загорелась черным огнем. Через несколько мгновений в библиотеке прорезалась Дверь и перед Гейлом появился полукровка в своем человеческом обличии. Он выглядел ошеломленным, когда тело его вдруг сложилось в почтительном поклоне, но нет, и этого мало, пусть встанет на колени — и полукровка встал, повинувшись жесту Гейла, униженно и зло сверкая глазами. Гейл, забавляясь, поднял ладонь и подманил его к себе. Кажется, он начинал понимать, как работает клятва хозяина, по крайней мере, теперь, когда он находился в полном единении с Вершиной.

Но позже, все позже. важнее вернуть Вик.

Гейл кивнул себе и обратился к полукровке:

— Орохин, ты знаешь ритуал воскрешения?

— Да, — словно через силу процедил тот.

— Ты уже делал его?

— Нет. Я... я хотел, но... нет.

— Ты сможешь воскресить ее?

— Нет.

Гейл нахмурился, подошел к нему вплотную. Орохин вытянулся в струнку и не сводил с него испуганных глаз.

Он не притворялся и не лгал — Гейл понял бы это. На его руке мерцала клятва слуги, и лишь одно кольцо барьера окружало ее. Увиливать он тоже не будет — Гейл мог прикончить его в любой момент буквально по щелчку пальца, и Орохин знал это.

Магическая сила вела Гейла, служила ему, была им, и сейчас у него — у них — была одна цель.

— Почему? — помедлив, спросил Гейл.

— Истинное воскрешение невозможно. В магической формуле чего-то не хватает. Я не

знаю, что это.

Гейл разочарованно выдохнул. Задумчиво посмотрел на уродующую руку метку.

— Я знаю, — торопливо вдруг сказал Орохин, — знаю кое-кого, кто может знать.

Гейл внимательно посмотрел на него. Лицо полукровки словно окаменело, но глаза выдавали — он боялся. Он знал, что жизнь его висит на волоске, но солгать не мог, а значит, и впрямь существовал некто, способный помочь.

Гейл на мгновение прикрыл глаза, глубоко вдохнул и выдохнул, чувствуя, как сила отзывается в нем. Он должен поддерживать это равновесие, чтобы держать ситуацию под контролем и вернуть Вик.

— Приведи его ко мне, — велел он.

— Я не могу, — прохрипел Орохин, стискивая кулаки, с трудом удерживаясь, чтобы тут же не выполнить приказ. — Это тэйвер. Он погибнет, если попадет сюда.

Вот как. Можно было догадаться. Но...

— Я не отправлюсь с тобой в Нижний мир, — каменным голосом сказал Гейл.

Он не мог рисковать связью с замком, которая начала слабеть — он чувствовал, что устает. Если перенестись в Нижний мир, может случиться как тогда — когда его швырнуло из Верхнего мира в края Севера на Срединном мире. Связь с замком исчезнет, он окажется один, окруженный врагами, и его быстро и бесславно прикончат.

Должен быть выход...

— Мой господин, если позволите...

— Говори.

— Мы в Нижнем мире работаем над барьерами, которые могли бы противостоять клятвам и проклятиям, — зачастил Орохин, — и достигли в этом определенных успехов.

Гейл посмотрел на его левую руку, на барьер вокруг метки слуги и хмыкнул.

— Возможно, я смогу перенести моего друга сюда, но мне понадобится ваша помощь.

Гейл задумчиво смотрел на Орохина. Доверять ему было в высшей степени глупо, но сейчас полукровка не мог ему солгать.

— Если я почувствую, что ты пытаешься меня обдурить, я прикончу тебя, — сказал он.

— Я знаю, — криво улыбнулся Орохин, на мгновение становясь прежним самоуверенным тэйвером-полукровкой, а не подобострастным пресмыкающимся рабом.

Гейла передернуло. Он словно бы взглянул на себя — свое упоение силой, возможностью подчинять — со стороны и поразился этому.

Неужели это действительно был он?

— Не будем терять времени, — смягчив голос, сказал Гейл, стараясь не давить на Орохина.

Вспомнилось вдруг выражение лиц Лоис и Лока, когда они встретились, как Лоис дрожала от его ауры...

Нет, не думать, не думать об этом!

Орохин кивнул с облегчением, прошептал какое-то заклинание и принялся чертить на полу странный круг в двенадцать арок при помощи своей сгустившейся фиолетовой магии. Внутри каждой арки он нарисовал неизвестные Гейлу символы, придирчиво оглядел, кое-где стер и перерисовал. Заключил круг в треугольник, углы которого испещрил крохотными символами.

— Гейлорд, направь свою магию в этот круг.

Недоумевая, Гейл послушно приложил ладони к основанию треугольника, как указал

ему Орохин. Треугольник жадно раскрылся, поглощая его силу, заполняя фиолетовый круг черным огнем.

— Я не уверен, сработает ли, — потерянно прошептал Орохин. Прижал руку к виску. — Что я вообще творю?..

Он встал в середине круга и взмахнул рогом, раскрывая в пространстве Дверь.

— Только не ослабляй магию, — попросил он. — Мой друг — твой единственный шанс удачно совершить ритуал воскрешения.

Гейл кивнул, и Орохин шагнул в Дверь. От нетерпения и волнения усталость отступила. Он был близок к цели. Скоро, совсем скоро...

Он бросил осторожный взгляд на Вик и тут же отвел. Он опасался слишком долго смотреть на нее и думать о случившемся. Все неважно, все потом. Сначала он должен вернуть ее, и Гейл сосредоточился на странном магическом круге. Он впервые видел барьер подобной формы, обычно то были круги, квадраты, реже треугольники. Видимо тэйверы и впрямь замыслили нечто эдакое, может, Лок был прав в своих догадках, что они приложили руку к уничтожению Западной Вершины?

При мысли о Локе в голове тревожно зазвенело, и Гейл поспешил сосредоточиться на чем-то другом, на странном круге, непонятных символах, на мерцающей красными искрами Двери.

Что-то Орохин был долго. Удастся ли ему убедить своего друга прийти сюда?

Поверхность Двери заволновалась, вспыхнула красными огнями. Первым из нее вышел полукровка в своем тэйверском облики, следом — высокая темная фигура с длинными черными волосами, собранными во множество косичек. На первый взгляд внешне они были похожи: серая кожа, черные волосы, крылья за спиной, хвост, но, приглядевшись, Гейл находил множество отличий и вскоре уже удивлялся, почему это решил, что они похожи. Тэйвер был выше полукровки на добрую голову и тоньше, кожа его была темно-серой, узоры на лице — другими, хвост длиннее и заканчивался кисточкой. У него были зубы, а не клыки, ногти, а не когти. Он казался пораженным и ошеломленным, и первое, что сказал, было:

— Здесь совершенно другой воздух. Я уже забыл, каков он на вкус.

Он был в рубахе с закатанными рукавами, не скрывающими жилистые руки, в просторных штанах, босой. Казалось, его выдернули из дома, куда он зашел перекусить после будничных трудов.

— Не привыкай, — посоветовал Орохин. — Как ты себя чувствуешь?

Тэйвер склонил голову, прикрыл глаза.

— Хорошо, — подтвердил он и взглянул на Гейла. Его глаза расширились. — Это и есть король Южной Вершины?

— Да.

— Ты не говорил, что его волосы рыжие с золотом.

Орохин пожал плечом.

Гейл переводил недоуменные взгляды с одного на другого.

— Так это и есть тот твой друг, что может помочь с воскрешением? — спросил он.

Тэйвер громко хмыкнул и с интересом посмотрел на него.

— Боюсь, это слишком громкое слово, чтобы обозначить наши отношения. Если другом он называет меня, боюсь предположить, кого же он называет врагом.

— Нет, это не он, — спокойно ответил Орохин и обратился уже к тэйверу: — если ты убедился, что гибель здесь не грозит, может разрешишь уже ему явиться сюда?

Тэйвер мрачно кивнул, накрыл испещренное метками левое предплечье и прикрыл глаза. Дверь заволновалась красными всполохами, и оттуда пришел еще один тэйвер. Он был одет в подогнанный по тонкой фигуре костюм приглушенных серых и черных цветов, его волосы мягко серебрились, на лице не отразилось ни удивления, ни настороженности.

— Речь шла об одном тэйвере, почему их двое? — мрачно поинтересовался Гейл.

— Я должен был убедиться, что здесь безопасно, прежде чем позволить моему другу сунуться сюда из-за глупости Орохина, — ответил черноволосый тэйвер. Он встал вперед, подойдя к самому краю двенадцатиарочного круга. — Мое имя Вортар, а это, — он указал на серебряного тэйвера, — Цертер. Мы знаем, что ты связал Орохина клятвой слуги и намереваешься убить. Орохин сказал, что ты пощадишь его, если Цертер поможет тебе воскресить кое-кого.

— Верно, — подтвердил Гейл, прищурившись, глядя на тэйверов снизу вверх — чтобы питать магическую формулу, он оставался сидеть на полу и прижимать ладони к треугольнику. Словно ощутив его раздражение, Вортар плюхнулся на задницу, скрестив ноги, и явно приготовился торговаться.

— Этого мало, — сказал он. — Что нам толку от Орохина, если он так и останется у тебя на побегушках? Зачем нам с Цертером рисковать, пребывая здесь, когда малейшая оплошность будет стоить нам жизни? Вот что я предлагаю — мы поможем тебе, взамен ты освободишь его от клятвы слуги.

— Как я могу быть уверен, что он снова не попытается меня убить?

Вортар презрительно хмыкнул и глазами указал на Орохина.

— Взгляни на него. Да его даже человеческий ребенок одолеет.

Гейл и впрямь пригляделся повнимательней. Сейчас, когда Орохин был в своем истинном обличье, он заметил, как сильно тот похудел и подурнел. Поседели волосы, появились морщины, он казался старше своих друзей.

— Потому не тревожься из-за него, — продолжал Вортар, — думаю, он достаточно отомстил тебе в тот день и усвоил урок. Если тебя это успокоит, я лично возьму с него слово кровью, что он больше не полезет к тебе.

— Хорошо, — согласился Гейл.

Серебряного Цертер подошел к Вортару и опустился рядом на колени. Внимательно оглядел Гейла, и от его цепкого взгляда стало не по себе.

— Я составлю формулу воскрешения, — произнес он. — Нужны ингредиенты. Орохин, — подозвал он, — в подвале Вортара в углу стоит белый сундук, открой его и увидишь внутри зеленую шкатулку, принеси ее.

Орохин кивнул и шагнул в Дверь.

— Чтобы я смог составить формулу, мне нужно будет покинуть пределы этого круга, — продолжал Цертер.

— Это убьет тебя, — возразил Вортар.

— Нет, не убьет. Если Южная Вершина будет уничтожена пусть даже на время, мои личные барьеры, — он чуть вывернул манжеты, обнажая запястье, которое обвивали нарисованные черные и красные браслеты, — помогут мне устоять против Первого проклятия достаточно времени.

Кровь отхлынула от лица. Гейл показалось, будто его окунули в ледяную воду.

— Вы хотите, чтобы я разрушил Вершину? — опешив, спросил он.

— Если хочешь вернуть свою подругу, то да, — внимательно глядя на него, произнес

Цертер. — Более того, все время, что я буду творить заклятие воскрешения, мой личный барьер должны будут подпитывать сторонней магией — моих магических запасов не хватит, чтобы сконцентрироваться на двух высших заклятиях одновременно. Думаю, в этом я могу положиться на тебя, — сказал он, обращаясь к Вортару. — Благодаря клятве команды наша связь достаточно сильна и крепка, чтобы ты поддерживал магию моего личного барьера, как то делал бы я сам.

— В теории, — напомнил Вортар. — Мы прежде никогда этого не делали. Поверить не могу, что мы так рискуем из-за этого пустоголового, — проворчал он.

Цертер дернул уголками губ и обратился к Гейлу.

— Король Гейлорд, расскажите, как давно умерла ваша подруга?

Гейл оглянулся на Вик. Сердце болезненно сжалось.

— Не помню, — потерянно прошептал он. Огляделся. За окнами библиотеки сияло марево синего огня, сквозь него проглядывали опустившиеся вечерние сумерки. — Часа два пожалуй, может, больше.

— Хорошо. Возможно, все будет проще, чем я думаю.

Тем временем Дверь знакомо колыхнулась, и появился Орохин с шкатулкой в руках.

Цертер четко обозначил, кто и что должен делать.

Вортар взял с Орохина слово не причинять Гейлу и его подруге вреда. После Цертер велел Орохину усилить двенадцатиарочный круг. Поначалу возникла проблема, так как сил ослабевшего полукровки не хватало на то, чтобы удерживать барьер, в котором находились тэйверы и колыхалась Дверь, ведущая в Нижний мир, но Орохин быстро нашел выход — достал из поясного мешочка кольцо с треугольным зеленым камнем.

— Это кольцо эр-шерха, — пояснил он в ответ на удивленные взгляды друзей. — Способно поглощать и отдавать магию. Оно накопило достаточно магии, думаю, самое время этим воспользоваться.

Назначив Орохина ответственным за двенадцатиарочный круг, Цертер подозвал ближе Вортара. Поглядывая на браслет на левой руке, он нарисовал правой в воздухе один из символов — тот остался сиять серебристой нитью; то же самое он сделал с браслетом на правой руке — нарисовал левой в воздухе весьма уверенно, будто это было привычным для него делом. После взял левую руку Вортара в свои. Символы в воздухе сдвинулись, опустились на руку Вортара, обвились вокруг его запястья серебристым браслетом.

— Если что-то пойдет не так, и твоя магия истощится прежде, чем я закончу — вы с Орохином должны будете уйти, — сказал Цертер.

— Если что-то пойдет не так, и моя магия истощится, я прикажу Орохину притащить сюда твою задницу, и мы все вместе вернемся в Нижний мир. — Вортар ласково оскалился.

Цертер нахмурился и следующим обратился к Гейлу. Пришло время разрушить Южную Вершину.

Это оказалось нелегким делом — повернуть силу, призванную защищать Вершину, против нее. Гейл чувствовал ее, как самого себя, и теперь будто пытался сам себя изнутри сломать.

«После, после я все восстановлю», — тяжело дыша, думал он. Это на время. Как только тэйверы воскресят Вик, он тут же восстановит Вершину, вернет все, как было, все исправит.

Он зажмурился, чувствуя связь с замком как никогда раньше, и понимал теперь, как прежние Хранители восстанавливали разрушенные Вершины, и запоминал — чтобы после обратным ходом все отстроить заново.

Дернуть здесь за невидимую нить, разорвать, стереть черные и белые символы, потушить огненные линии — образы мелькали в голове туманными отблесками, казалось, он видел первую магическую формулу (он никогда ее не видел, но почему-то знал, что это ее детали), но тут же видение ускользало. Это все происходило в его голове, в сердцевине замка — он сам был сердцевинной замка, воплощенным в теле разумного существа отражением его в материальном пространстве Срединного мира, удерживающего магическое равновесие.

Первыми рухнули башни: под ужасающим грохотом Гейл чувствовал, как падала первая, вторая, башня Малого Совета... После надломились внутри замка одна за другой множество несущих колонн. Вершина словно содрогалась изнутри, возмущенная предательством, но она должна была знать, как самое себя, что позже Гейл ее восстановит. Это лишь на время, это чтобы вернуть Вик. Тэйверы рисковали жизнями, рисковали больше него, чтобы спасти своего друга, так неужели он не сможет рискнуть ради Вик, отступит, когда цель так близка?! Его чувства, его слова не пустой звук. Он докажет, он все ей объяснит, она поймет, как и всегда, будет рядом, потому что ничто больше не имеет значения...

Гейл напрягся, вдруг осознал, что взмыл в воздух под напором магической силы, что бушевала внутри него, разрывалась на черные лоскутки, опадала потухающими искрами. Все рушилось, книги, полки в библиотеке падали, обваливался третий этаж, первый этаж, невероятным усилием Гейл удерживал библиотеку от разрушения. Обвалился потолок, но не обрушился на них, а стек во все четыре стороны; дрожал пол, но не провалился под ними — опустился вместе с ними на этаж вниз; синий огонь, окружавший замок, медленно переходил в привычный красный цвет.

А потом внутри словно что-то треснуло, и Гейл рухнул на пол, внезапно ослабев до дурноты. Краем глаза он заметил, что тэйверы приступили к делу. Вортар остался стоять в двенадцатиарочном кругу, который Цертер пересек как раз в тот момент, когда Гейл упал. Орохин стоял у треугольника, как Гейл минутами ранее. Кольцо на его пальце ярко светилось зеленым огнем. Цертер провернул одну ладонь вниз и быстро обошел тело Вик по кругу, второй рукой одновременно, не глядя, добавляя какие-то штрихи, символы. Губы его беззвучно что-то шептали. Вокруг Вик образовался круг, который стремительно обрастал какими-то новыми символами. Цертер повернул назад и снова обошел тело по кругу — уже большему. Его серебристые волосы чуть взмыли, колыхнулись под магической мощью, он сам весь серебрился, из его пальцев тянулись магические нити, будто он был магом-пауком. Завершив третий круг, он открыл зеленую шкатулку, достал оттуда несколько мелочей (Гейл никак не мог разглядеть, что именно), разложил по четыре стороны от Вик и снова зашагал, теперь уже рисуя пятиконечную звезду. Закончив, он возложил на четыре конца новые предметы, сам же уселся, идеально выпрямив спину и скрестив ноги, у изголовья Вик — куда смотрел пятый конец звезды. Он прикрыл черные глаза, а когда распахнул, они сияли ослепительным серебром. Он запел песнь на языке богов, из которого были созданы все существующие заклинания. Тело Вик взмыло в воздух, круги заискрились, вспыхнули серебряным огнем.

Гейл с трудом оторвал взгляд от творящегося перед ним безумия, оглянулся на остальных. Те пялились, словно замороженные. Кольцо Орохина продолжало ярко гореть зеленым огнем. Замок продолжал рушиться и содрогаться, но Гейл уже его не чувствовал. С того момента, как он разрушил Вершину, прошло от силы минуты две — столь быстро действовал Цертер.

Сквозь дыру над головой было видно черное небо, половинчатую красную и крупную

белую луны.

— Цертер! — закричал вдруг Вортар.

Он выглядел изможденным и весь вспотел. Узоры на лице словно углубились. Он разъяренно уставился на Орохина.

— Эй ты! Возвращай его!

— Не могу, я должен держать барьер, иначе ты...

— К шмаку барьер! Если... — он умолк на полуслове, шумно вздохнул.

Сияние, из-за которого с трудом можно было различить фигуры Вик и Цертера, стало тускнеть и исчезать. Тело Вик плавно опустилось на пол, символы продолжали светиться, из носа и уголков глаз сосредоточенного хмурого Цертера текла кровь. Вортар громко выругался, бессильно стоя на краю защитного круга. Цертер раскрыл глаза, посмотрел на Гейла и заговорил не своим голосом:

— Твоя подруга жива, но это еще не она. Кто-то прочитал молитву упокоения души, и она уже находится на пути к новой жизни. Ничьих сил не хватило бы ее вернуть.

— Что?.. — беспомощно спросил Гейл.

Неужели... все было зря?..

— Не отчаивайся, король Гейлорд, — монотонно продолжал Цертер, — завершить ритуал ты сможешь сам. Тебе нужно лишь найти ее душу. В поисках поможет тебе древний артефакт — камень истины...

Угаснувшая было надежда вспыхнула с утроенной силой.

— ... после заключи ее тело в пятиконечный круг...

Вортар и Орохин переглянулись со странными лицами. Гейлу и самому было странно, что Цертер назвал звезду так необычно.

— ... помести камень истины у ее сердца и принеси жертву во имя жизни. — Едва договорив, Цертер содрогнулся и упал навзничь. От него, от его волос тянулись черные пылинки.

— Вортар, в Дверь! — неожиданно громко приказал Орохин, вскакивая на ноги.

Гейл проводил его изумленным взглядом. Тот кинулся к Цертеру, одновременно выхватывая рог. Взмахнул им, схватил Цертера и исчез в едва появившейся Двери. Гейл оглянулся, но Вортар тоже исчез. Медленно таяли в воздухе красные Двери. Гейл, кряхтя, кое-как сел и огляделся. Голова болела, тело не слушалось. Он сдавленно зашипел, прижимая руку к виску, откинул волосы со лба, замер. Волосы. Его волосы... Он прижал прядь к лицу, чтобы лучше разглядеть — они побелели. Он опомнился, прислушался.

Где-то далеко-далеко доносились крики, возгласы, продолжал рушиться замок. Огонь медленно подбирался сюда. Вик в центре потухшего круга вздрогнула и шевельнулась.

***

Гейл резко ослабел от облегчения. Голова кружилась. Он почувствовал себя старым и больным, оно и верно — потратил столько магии, что тело почти звенело от непривычной легкости. Он и не подозревал, что носил в себе столько магии, пока полностью не опустошился.

Интересно, сколько понадобится времени, чтобы восстановить и себя, и Вершину?

Боги, сколько понадобится сил и времени, чтобы всем все объяснить?

Гейл хохотнул.

Камень истины. Надо найти его и завершить ритуал. Слова Цертера намертво отпечатались в памяти.

«Твоя подруга жива, но это еще не она».

Что он имел в виду?

Неважно, неважно, главное, она здесь, с ним, она жива, они справятся с этим вместе, как всегда, и не в такие переделки попадали.

Нервно посмеиваясь, Гейл, шатаясь, поспешил к ней.

— Вик! Вик, ты как? — взволнованно спросил он.

Вик, уже сидевшая на полу спиной к нему, медленно обернулась, и улыбающийся Гейл ощутил, как морозом пробрало по позвоночнику. Он замедлился, почти добежав до нее. Вик ощерилась и с пронзительным визгом набросилась на него. Гейл невольно отшатнулся, попятился, споткнулся, упал. Невероятно сильные руки Вик вцепились в его плечи, в шею, клацнули зубы, вцепились в руку, которую Гейл успел вовремя поднять, чтобы защитить лицо. Острые ледяные пальцы впились в кожу до крови. Вик затрясла головой, как разъяренная собака, пытающаяся урвать порцию мяса, и продолжала визжать и рычать.

Гейл свободной рукой врезал ей, этому существу, по лицу раз, другой, пока оно со злобным рычанием не разжало челюсти. Гейл подобрался и мощным пинком отшвырнул его от себя. Существо тут же встало на корточки, угрожающе пригибаясь над землей, опираясь о выставленные вперед руки. Кровь Гейла стекала по его искривленным губам, по подбородку, капала на пол. Гейл, не сводя с него глаз, встал. Существо медленно ходило по кругу, то и дело клацая зубами и делая обманные попытки напасть. Гейл воззвал к магической силе, пытаясь сотворить хотя бы крохотный огонек, но ничего не получалось.

— Вик! — беспомощно позвал он. — Да что, шмак побери, произошло?!

— Она воскресла, как ты и хотел, — внезапно ответил ему полукровка Орохин, и Гейл резко повернулся в его сторону.

Он настолько был захвачен врасплох переменами в Вик, что даже не заметил, когда Орохин успел открыть Дверь и появиться здесь.

Клятва слуги, точно, он обещал, что снимет ее, но...

Только и ожидавшая, когда он отвлечется, тварь тут же накинулась на него, и лишь каким-то чудом Гейл успел среагировать и уклониться.

Это была не Вик. Не его Вик, а какое-то существо. Нужно довести ритуал до конца, найти камень истины, и вот тогда она вернется к нему.

Неожиданная яростная надежда придала ему силы. Он быстро схватил одну из полок обвалившегося книжного шкафа, и когда тварь снова набросилась на него, с размаху обрушил на нее. Существо упало, как подкошенное, и Гейл испугался, что оно умерло — что Вик умерла, — но оно дышало и жалобно поскуливало и стонало. В интонациях, в выражении лица не было ничего разумного — лишь хаос инстинктов.

Таковыми же глазами на него смотрели высшие твари, когда напали в тот роковой день.

Гейл содрогнулся. Ядовитая горечь резко поднялась вверх по пищеводу, и его вывернуло.

— Какого... что за... — кашляя и отплевываясь, пытался сказать Гейл, сам не зная что.

Навалилось слишком много всего.

Он не чувствовал больше Вершину. Связь, которая присутствовала в нем, казалось, все жизнь, исчезла, остался лишь холод. Прежде он часто воображал, как было бы здорово, не будь он повязан с Вершиной, теперь же чувствовал себя так, будто половина его отмерла.

Огонь не слушался. Гейл не слышал больше пения огня, и лишь очутившись в оглушительной тишине понял, что все это время слышал.

Он вцепился в побелевшие волосы, чувствуя, что сходит с ума.

Его сила Хранителя, где его сила Хранителя? Что если он и вовсе остался без магии?

Горячие слезы потекли по лицу, он кое-как утер рот, лицо, выпрямился и посмотрел на полукровку, который с живым интересом наблюдал за скулящей Ви... существом.

— Так вот что это был за ингредиент, — задумчиво сказал он. — Душа. Значит, религия шэйеров верна, и после смерти разумного существа следует перерождение души. А жертва во имя жизни...

Орохин замолчал, нахмурился.

— Что это значит? — спросил Гейл.

Орохин не обращал на него внимания. Он принялся аккуратно собирать в зеленую шкатулку предметы, которые использовал Цертер, и тщательно стирать следы барьеров и самого ритуала.

— Орохин! — крикнул Гейл. — Подойди сюда и объясни, что все это значит! Что это за жертва?!

— Я больше не подчиняюсь тебе, — после небольшой паузы ответил полукровка и положил шкатулку в небольшую сумку, перекинутую через плечо. Посмотрел на свое левое предплечье, взглядом приглашая Гейла сделать то же самое. Гейл рывком поднял руку и замер. Клятва хозяина исчезла.

— Что... как?.

— Ты нарушил клятву, глупый король. — Орохин тихо рассмеялся. — Теперь ты проклят.

— Какую клятву? — в отчаянии чуть не взвыл Гейл.

Боги, как же раскалывалась голова, все тело!

— Клятву Хранителя Вершины, разумеется.

— Я не давал никакой клятвы! — возразил Гейл.

Он совершенно точно помнил, что во время коронации произнес лишь заранее заготовленную речь с обещаниями править мудро и справедливо, защищать Вершину, но точно никакой клятвы не давал! Клятвы же на крови даются, он точно не позабыл бы об этом!

— В этом не было необходимости. Разве ты не знал, ни разу не заинтересовался историей Вершин? Клятва Хранителя повязана с Первой клятвой, она активировалась в тот же миг, когда сила Хранителя перешла к тебе. Существование твое и твоего рода служит одной лишь цели — защищать Вершину, и когда ты своей волей разрушил ее, ты стал клятвопреступником. Отныне ты не можешь заключать ни с кем клятвы, а все прежние клятвы обнуляются. — Орохин вновь тихо, словно сам не мог в это поверить, рассмеялся. — Ты больше не Хранитель Южной Вершины.

Гейл с трудом сглотнул.

— Вы это спланировали?

Орохин пожал плечом.

— Другого способа воскресить твою подругу все равно не было, разве что ты решился бы спуститься с ней в Нижний мир, но не думаю, что мои, хм, друзья так просто отпустили бы тебя. Вортар, однако, взял с меня слово, что я тебя не трону.

Орохин с непритворным огорчением вздохнул и поднял руку с зажатым в ней рогом.

— Подожди! — окликнул его Гейл. Он должен был узнать. — Что не так с жертвой?

Орохин взглянул на него, как на умственно отсталого.

— Душа вселяется в новое тело. Ты должен будешь найти это тело, убить его и вернуть душу в предыдущее. По правде, я не уверен, что случится с ее памятью, но я слышал, что у шэйеров существует заклятие Память Души, которое позволяет вспомнить предыдущие жизни.

Гейл в ужасе попятился.

— Ну как, не передумал еще довести ритуал до конца? — с усмешкой спросил Орохин и собирался уже раскрыть Дверь, как Гейл вновь остановил его.

Какой-то чудом сохранившейся частью рассудка он хладнокровно понимал, что в таком состоянии не сможет уйти и увести безумную Вик незамеченным. Люди, тушившие пожар вокруг замка, заметят его, схватят, и одним богам известно, что с ним и Вик сделают.

— Подожди. Помоги мне.

— Что? — Орохин недоверчиво обернулся.

— Помоги мне, — твердо повторил Гейл. — Открой Дверь на достаточном отдалении от замка. Прошу.

Губы Орохина разъехались в злорадной усмешке.

— Ты? Просишь меня? — ядовито переспросил он. — С чего мне помогать тебе?

Гейл зажмурился.

— Ты прав. Ни с чего. Но я этого не забуду, — уверенно сказал он, открывая глаза, — отплачу добром, если однажды наши пути вновь пересекутся.

— Я буду молиться всем богам, чтобы этого не случилось, и тебе советую.

Гейл упрямо смотрел полукровке в глаза. Что-то в выражении лица Орохина переменилось, взгляд стал задумчивым, чуть затуманенным.

— Хорошо, — наконец, бросил он и резко взмахнул рогом, рассекая Дверь, переливающуюся зелеными всполохами. Тут же взмахнул еще раз, и возникла уже знакомая, красная Дверь. Не оборачиваясь, полукровка шагнул туда, и красная Дверь растаяла.

Гейл растерянно посмотрел на свои руки. Пережитое потрясение понемногу ушло, он успокоился и ощутил в руках знакомое покалывание магии. От облегчения едва не заплакал и, приободренный, огляделся.

Тварь в теле Вик, которую он хорошенько приложил, тем временем попыталась встать. Надо было с ней что-то сделать. Недолго думая, Гейл поспешил к ней, содрал с себя растрепанную, порванную местами рубашку и накрепко перевязал руки и ноги Вик, и завязал рот на всякий случай.

Хорошо. Хорошо, так, теперь нужно шагнуть в Дверь, пока полукровка не передумал и не закрыл ее.

Гейл взвалил яростно извивающуюся Вик себе на плечо и поспешил к Двери. Его скрутило, сжало и разжало, выплюнуло в незнакомом месте, в каком-то проулке между старыми домами с пустыми окнами. Существо жалобно взвыло. Вдали небо озарял красный отблеск пожара. Отлично. Нужно будет замаскировать черты лица, пробраться на руины замка, вызваться работником-добровольцем и отыскать камень Истины. Вспомнить бы, где в последний раз видел его... Ну а временно полоумную Вик лучше всего обездвигить заклинанием. Гейл сжал и разжал руку, довольно чувствуя, что магия восстанавливается.

Что-то было не так, но он не стал об этом задумываться. Нужно было сосредоточиться на делах первостепенной важности. Благо, худшее уже позади. Вик снова с ним, остальное

неважное.

«Ничто не важно», — мысленно повторил Гейл и, спотыкаясь, побрел по грязной улочке.

дневник Цертера: проклятие

Первое Проклятие коснулось меня.

Чувствую, будто с каждым днем все больше рассыпаюсь на части изнутри.

Делаю вид, что в порядке, чтобы не беспокоить зазря остальных.

Не могу поверить, что половина пути пройдена. Падение оставшихся Вершин — дело времени, мы можем даже не вмешиваться, лишь пожинать плоды наших усилий.

С остальным и без меня справятся, но пока могу принести пользу, продолжу работать, в конце концов, нельзя исключать вероятности, что что-то может пойти не так.

Орохин тоже здорово потрепан после всей этой заварушки. Нужно поговорить с Вортаром, чтобы дал ему больше времени на отдых.

Сейчас Вортар должен объединить тэйверов в других городах, и устроить все так, чтобы в нужный момент атаковать Срединный мир. А я продолжу работу над барьером. Испытав его тяжесть и возможности на себе, я многое понял. Знания эти дались мне дорогой ценой, в то же время благодаря этому процесс ускорится. Вопрос в том, что окажется быстрее — я или Первое Проклятие.

Огонь, охвативший Южную Вершину, смогли потушить лишь к утру следующего дня. Никто не знал доподлинно, что послужило причиной катастрофы, сама Лоис могла лишь догадываться, как погибла Вик.

Она не успела вытащить тело учителя. Сумки были слишком тяжелые, она была слишком слаба как физически, так и магически. Никто не откликнулся на призыв о помощи, и Лоис смогла вернуться в замок лишь после того, как позаботилась о сумках с ценностями учителя, но Вершина к тому моменту была разрушена.

На улицах стояла густая черная темень, озаренная всполохами пожара в развалинах, который все тушили, когда Лоис, спотыкаясь, побрела в постоялый двор, где оставила сумки учителя. Очутившись в безопасности — в одной из комнат на четвертом этаже, которую она оплатила деньгами, оставшимися от покупки платья и поездки на экипаже, — Лоис застыла у окна, разглядывая кровавое марево, застилавшее небо. В голове было пусто, тело казалось легким, словно пробка. Лоис отвернулась от окна, села на пол у сумок и бездумно принялась рассматривать их содержимое.

На самом верху первой дорожной сумки она обнаружила кошель, набитый деньгами.

«Как всегда предусмотрительно, учитель», — подумала она. Помедлив, сняла с себя скрывающий плащ и, в мгновение ощутив неприятный холод, тут же вернула назад на плечи. Уселась поудобней, достала из сумки толстые исписанные дневники учителя, закрытую шкатулку, несколько магических колец, браслет... их же носила Вик. Лоис прикусила губу и достала последнее, лежавшее в этой сумке — шлем Дерайны. Теперь, когда учителя больше не было, скрывающие чары развеялись, и шлем предстал в своем истинном виде. Если кто-нибудь увидит этот шлем...

Лоис неприятно поежилась и взялась за вторую сумку. Пальцы нащупали некий предмет, лежавший сверху, завернутый в шелковый платок. Лоис недоуменно его развернула и обнаружила белую чашку, подаренную некогда Локу. Эта чашка стала последней каплей. Лоис зарыдала и в тот же миг расхохоталась, держа перед собой в одной руке уцелевшую чашку, а другой сжимая платок, все еще сохранивший запах душистого мыла, которым пользовался учитель.

Если бы учитель не потратил время на то, чтобы забрать эти никчемные вещи, возможно, сейчас был бы жив! Глупый! Глупый учитель Лок!

Лоис дрожащими руками аккуратно сложила платок и положила его в чашку. Утерла слезы.

Нужно было составить план, понять, что делать дальше.

Перед смертью учитель Лок задался очередной загадкой, и Лоис теперь всерьез задумалась: почему тэйверы оставили ее в живых и при здравом рассудке? Не попытаются ли отыскать ее и схватить, когда обнаружат побег? Что же делать? Кому довериться?

Вик больше нет, в схватке с ополоумевшим Гейлом погиб не только учитель, но и главнокомандующие Стражей, верховный маг Легрей, десятки невинных слуг и Красных Стражей, пытавшихся задержать распространение огня, уменьшить разрушительные последствия. Уцелел ли хоть кто-то, кому она могла доверять? Что если враг затаился среди них? Что если ее вновь надурят, как в прошлый раз? Теперь, когда учителя нет, некому будет ее спасти.

Кусая губы, чтобы вновь не провалиться в истерику, Лоис раздраженно вытерла мокрое лицо ладонями.

Спокойно, сказала она себе. Не спеши.

Нужно осмотреться, разведать обстановку, подумать, а сейчас — разумно воспользоваться обстоятельствами и временем и сделать лучшее, что было возможно — отдохнуть.

Лоис прикрыла глаза, собираясь помедитировать, и не заметила, как провалилась в сон.

***

Проснувшись утром, она привела себя в порядок, плотно позавтракала, тщательно заперла комнату, наложив на всякий случай охранные чары. Силы быстро возвращались, но радость за это омрачалось пережитыми несчастьями. Казалось неправильным радоваться таким пустякам.

Что бы ответил учитель, поделись она своими мыслями?

Лоис, внимательно оглядываясь и прислушиваясь, осторожно направилась в сторону Южной Вершины, узнать последние новости.

Из членов Малого Совета выжили министр финансов граф Уирдон, министр законов барон Шелтен да главный наблюдатель Мос Лейс — они покинули замок, едва обстановка серьезно накалилась. Вместе с заместителями начальников Красных и Синих стражей они собрались в сооруженном на территории замка шатре, чтобы обсудить дальнейшее.

Пожалуй, стоит обратиться к ним с рассказом о случившемся, размышляла Лоис, наблюдая за ними издали, но вновь вспомнила о слуге, что обманул ее — о враге, столь искусно притворившимся ею, что даже учитель ему поверил.

Что если враг сейчас там, среди них?

Что стало с тем слугой, которого они нашли? Где те Красные Стражи, прибывшие ей на выручку вместе с учителем?

Лоис тщетно вглядывалась в лица редких Красных Стражей, встречавшихся ей. Как их осталось мало!

Огонь был такой силы, что некоторые тела не удалось опознать или найти. Учитель Лок избежал этой участи: его останки определили благодаря особому строению костей спины, остаткам остова крыльев. Его кости лежали в стороне от других и были накрыты серым полотнищем. За ним должны были прийти шэйеры — известие о гибели Кор Лока было отправлено в Верхний мир, как и информация о разрушении Южной Вершины. Уже сейчас ее падение отзывалось в магическом пространстве: накладывая охранные чары, Лоис заметила, что для концентрации пришлось приложить больше усилий, чем обычно. Подобное уже случилось несколько лет назад, когда была разрушена Западная Вершина, но она быстро к этому привыкла, и вот опять...

Что же будет, если тэйверы уничтожат оставшиеся две Вершины?

Вновь Лоис пробрал неприятный озноб. Вновь она с тревогой огляделась.

«Спокойно, — приказала она себе. — Если поспешить, можно все испортить».

Для начала нужно связаться с сестрами учителя. Точно. Вот кому она может довериться, вот кто может ей помочь, посоветовать, как поступить. К тому же она обещала учителю передать им его драгоценные дневники. И нужно вернуть шлем Дерайны так, чтобы его пропажа не бросила тень на репутацию учителя. Пожалуй, Софиэла могла бы в этом помочь.

В редких беседах и письмах они с Лоис обнаружили редкостное согласие в мировоззрениях, и обе хотели как можно скорее свидеться воочию.

Лоис отправилась в центр искать штаб пауков, и после долгих мытарств смогла, наконец, связаться с домом учителя Лока в Верхнем мире.

Комната связи была маленькой, в зеркале, поставленном на подставку, умещалась лишь голова да немного плечи. Лоис терпеливо ждала, когда на связь кто-нибудь откликнется, и надеялась, что это будет Софиэла. Увы, ее ожидания не оправдались. В зеркале появилось изображение Эйласенды. Лоис хотела поприветствовать ее, но шэйерка не дала и слова вставить.

— Ученица моего брата, — смерив Лоис уничтожающим ледяным взглядом, промолвила она. Лицо ее оставалось ровным, прекрасным. Ни интонацией, ни жестом не выдала она своей злости, но Лоис все равно пробрало морозом — от ее пугающего взгляда. — Даже не надейся получить что-либо от меня и моей глупой сестры.

— Я не...

— Молчать. Не смей говорить, пока я не позволю.

Лоис прикусила язык. Эйласенда и в прежние времена не отличалась дружелюбием.

— Несколько шэйеров отправились вниз помочь с расследованием вашего дела, — продолжала Эйласенда. — Они доставят останки моего брата и его уцелевшие вещи домой.

Лоис с трудом кивнула.

Шлем Дерайны. Нельзя отдавать им шлем Дерайны, они же поймут, что учитель Лок украл его. Нужно что-нибудь придумать...

— Я была с учителем Локом в последние его минуты, — набравшись мужества, начала Лоис. — Он сказал, что...

— Мне все равно, что он сказал! — с неожиданной злостью крикнула Эйласенда. — Признаться, я ничуть не удивлена его скорой кончиной! Он с самого детства любил с вами, людишками, возиться, и вот к чему это привело!

— Сестра? — раздался словно издали голос Софиэлы. — Сестра, с кем ты разговариваешь?

Связь оборвалась. Лоис выдохнула.

Точно. Нужно отправить с шэйерами письмо Софиэле, договориться с ней о встрече на землях Срединного мира.

Лоис задумчиво побрела в свое временное убежище, купив по дороге принадлежности для письма. Она провела несколько часов, сочиняя послание и раздумывая, что из вещей учителя можно отправить с шэйерами, а что лучше оставить.

Дневники учителя могут здесь пригодиться — он наблюдал за Хранителем Юга, описывая его возможности и способности. Он о многом рассуждал в своих записях, и, читая их, Лоис словно бы наяву слышала его голос. Нет, она не была готова расстаться с его дневникам. Не со всеми, не сейчас.

Ее обучение у верховного мага Кор Лока еще не закончилось. После того, как она выполнит его последнюю волю, нужно будет обратиться в Цитадель Востока, там ее прикрепят к другому наставнику.

Запертая шкатулка оказалась зачарована магией крови. Хм, должно быть, там лежит что-то ценное. Лоис припомнила, что учитель Лок собирался исследовать камень истины, возможно, для сохранности спрятал его там? В любом случае теперь никто не сможет открыть шкатулку, кроме его сестер, потому остается лишь уповать на встречу с Софиэлой.

По итогу мусорная корзина оказалась забита бумажными комками, готовое письмо аккуратно сложено и запечатано, а из ценных вещей учителя в Верхний мир отправлялась лишь парочка его старых дневников и белая чашка.

Шэйеры прибыли к утру следующего дня. Высокие, надменные, они потолковали с остатками Малого Совета, выразили соболезнование из-за случившегося и посоветовали как можно скорее привезти нового Хранителя сюда и восстановить Южную Вершину.

После формальностей их проводили в лучший постоялый двор неподалеку от Вершины и приставили сопровождающего. Лоис по всем правилам приличия представилась им и объяснила причины своего присутствия. Ее вежливость и манеры вызвали одобрение в их желтых глазах. Один из них даже пообещал, что проследит за тем, чтобы вещи погибшего попали лично в руки Софиэле.

Лоис вызвалась помочь в организации Совета, где этим вечером присутствовали шэйеры. Она внимательно разглядывала присутствующих. Ни с кем из них она не была достаточно хорошо знакома, чтобы довериться, многих видела впервые. На собрании обсуждался отчет о произошедшем, который составили заместители начальников Стражей. Отчет этот после проверки и заверения следовало доставить в Цитадель Юга, одну копию оставить здесь, остальные — разослать в другие Вершины и Цитадели. Шэйеры любезно согласились доставить копии отчета Хранителю Восточной Вершины и в Цитадель Востока.

Вечером пришли вести о гибели кузена короля — маркиза Корлина, Серого Стража, служившего на границе с Дикими землями. На его отряд напали лютые ниргены, выжили лишь четверо.

Шэйеры отправились на Восток через три дня, а еще через день разнеслась весть о кончине герцога Мортина, занявшего место герцога Огуста в Восточном Побережье. Его нашли утром в постели — не выдержало сердце, сказали целители, разводя руками. Он всегда был болезненным, похоже, последние новости слишком сильно по нему ударили.

Софиэла получит письмо со дня на день, размышляла Лоис. Если получится связаться с ней через связь паутинку в условленное время, то это будет просто замечательно. Если нет, что ж, Лоис в любом случае собиралась отправиться на Восток, потому написала в письме, где намеревается остановиться. Нужно было предоставить в Цитадель Востока документы о своем неоконченном обучении, благо, учитель Лок и их захватил. Когда только он успел помимо прочих забот еще и об этом подумать?

Ну вот, опять слезы навернулись.

Лоис старательно заморгала, рассеянно глядя по сторонам. Территория замка была неузнаваема, под огнем пострадала часть оранжереи, сад по большей части уцелел, туда она и направилась — хотелось взглянуть напоследок на то, что осталось, от любимого места, где она провела так много славного времени.

— Госпожа Лоис, — неожиданно раздался голос за спиной, и та быстро обернулась.

Поначалу она не узнала его из-за обычной одежды — привыкла видеть постоянно облаченным в форму Красных Стражей, — а узнав, не сдержала облегчения и радости.

— Битти! Битти Ангуста! Ты жив!

Она порывисто подбежала к нему, хотела взять за руку, коснуться плеч, может даже обнять, но что-то в выражении его лица остановило ее. Он медленно приблизился к ней — слишком близко, чем позволяли приличия. Лоис замерла, не дыша, он же напротив, глубоко вдруг вдохнул. Отстранился.

— Это вы, — заключил он.

Он выглядел изможденным, под серыми глазами пролегли глубокие тени, на руках красовались следы от ожогов, на шее висел влажный платок треугольником вперед. Лоис видела такой у рабочих, которые разбирали завалы, вытаскивали трупы.

— Ну, конечно, это я, — подтвердила Лоис и вдруг поняла. — Погоди, так ты...

— Я знаю, — подтвердил Битти. Он был непривычно серьезен, суров. — Кор Лок рассказал мне, что враг затаился под вашей личиной, и что опознать оборот можно по сильному запаху. Я даже ничего не заподозрил, когда говорил с Вик и вами, с врагом, — уточнил он.

Лоис кивнула.

— Ты был там? — спросила она. — С королем, когда все случилось?

Почему-то даже в мыслях не удавалось сопоставить Гейла с тем жутким монстром, который прикончил ее учителя и собирался применить запретное колдовство на Вик. Похоже, у него ничего не вышло, оттого замок и разрушился? Вот только Лоис сильно беспокоило, что тела короля и Вик так и не нашли. Прибывшие Ищейки полагали, что те полностью сгорели, не оставив следов. Скорее всего так оно и было.

— Не совсем. Принцесса Краста вызвала его для важного разговора. Мы с ребятами были за дверью ее комнаты, когда пришли вы, точнее, враг и Вик.

— Вик что-нибудь говорила?

Битти покачал головой и рассказал ей все, что знал.

— Признаться, я не знаю, кому здесь могу довериться, — продолжал он, бросая затравленные взгляды по сторонам. — Что-то ужасное происходит. Я словно бреду по едва видимой тропе в черном лесу, и вокруг меня в зарослях прячутся хищники и выжидают, когда я сделаю неверный шаг.

— Король судя по всем погиб, — заметила Лоис. — Малый Совет решил подождать, пока сила Хранителя не обнаружит себя, и после — помочь новому королю или королеве восстановить Вершину. Все наладится, — добавила она, хоть и сильно в этом сомневалась. Непривычно печального, задумчивого Битти хотелось подбодрить, поддержать, в конце концов, не только она потеряла своих друзей.

Битти в ответ громко, почти весело хмыкнул, что сильно контрастировало с выражением его лица.

— Разрешите задать несколько вопросов, — помедлив, попросил он.

Лоис недоуменно кивнула.

— Кто притворился вами и какую цель он преследует?

— Это долгая история, в которую трудно поверить. К тому же здесь на самое подходящее место для подобных разговоров.

— Да, знаю, — Битти поморщился, — но... Вы, судя по всему, больше никому не рассказывали о том враге. Иначе Малый Совет наверняка бы что-то предпринял, да и вы не разгуливали бы тут так спокойно, без охраны. Почему?

— А ты почему?

— Что?

— Не рассказывал никому о том, что знаешь.

— Мне постоянно кажется, что кто-то еще пробрался сюда, затаился под чьим-то обликом. Чудится, будто кто-то наблюдает, понимаете, это чувство, будто кто-то сверлит спину взглядом? Думаю, я схожу с ума, но если одному из них удалось провести даже Кор

Лока... — Битти устало зачесал грязные волосы назад. — Да еще и смерть герцога Мортина, будь он неладен... Я ведь уже собирался поговорить со членами Совета, рассказать им все, но, поразмыслив, решил понаблюдать еще немного. Мне снятся... В последнее время мне снятся странные сны, — совсем тихо сказал он. — Я места себе не находил, и когда решил подождать еще немного, разом успокоился, словно принял верное решение. И вот сегодня увидел вас. Вы ученица Кор Лока. Думаю, я могу доверять вам.

Лоис смутилась и разволновалась.

— Нам нужно хорошенько обдумать наши дальнейшие действия, — продолжал Битти, — но это еще не все. Идемте, я покажу вам кое-что. Вернее, кое-кого.

***

Он привел Лоис в небольшой домик в центре города, но прежде купил еды в лавке с продуктами. Снял замки, открыл перед ней дверь и тщательно запер, едва сам переступил порог. Глазам Лоис предстала картина простенькой, но уютной комнаты. На большой кровати в углу беспокойно шевелились в зачарованном сне королевские близнецы.

— Они с тобой? — изумилась Лоис. — Боги, все считают их погибшими! Почему ты их тут держишь?

— Сейчас поймете, — мрачно сказал Битти и развеял сонные чары. Близнецы захлопали глазенками, отчаянно зевнули, потянулись, помогая друг другу подняться.

— Хочу пить, — пропищала Клэрия и ткнула пальцем в Лоис. — Я тебя знаю!

— Кэлард, Клэрия, покажите госпоже Лоис то, чему вчера научились.

Близнецы заулыбались, переглянулись, взяли за руки, прикрыли глаза. Тонкий покров огня охватил их, перетекал от одного к другому. Заколыхались тонкие, рыжие с золотом волосы. На лицах вдруг проступили легкие очертания узоров, как на лицах тэйверов, как на лице обезумевшего Гейла, и Лоис вздрогнула.

— Ну все, хватит, — остановил их Битти. Подсел рядом с ними на колени, разъединил их ручки, взял в свои.

— Нам нравится. Так тепло и хорошо, будто мама и папа снова рядом и обнимают нас, — тихо сказал Кэлард.

— Когда мы уже пойдем домой? — спросила Клэрия.

— Когда там будет безопасно, и плохие люди уйдут. Помните, что я говорил вам? Мы должны быть осторожными. А для начала надо умыться и поесть.

Он вручил близнецам увесистый пакет, который они принялись тут же на месте разбирать, и посмотрел на Лоис.

— Так, — Лоис откашлялась, — кто из них Хранитель?

— Кэлард. Пользуясь близнецовой связью, он делится силой с сестрой, хотя вряд ли сам понимает, что и как творит. Теперь понятно, почему я их прячу? Сначала король сошел с ума, убил принцессу Красту и разрушил Вершину, потом погиб маркиз Корлин, герцог Мортин... Члены королевской семьи мрут как мухи, не думаю, что это совпадение. Если враг — кем бы он ни был — поймет, что сила у маленького мальчика, как думаете, что с ним сделают? Если они смогли обдурить даже Кор Лока, не думаю, что у кого-то из королевского Совета хватит сил и умений защитить юного короля. Знать бы, кто враг, можно было бы придумать, как противостоять ему.

— Я знаю, — прошептала Лоис и рассказала Битти обо всем, что с ней случилось.

***

Голова немилосердно трещала, и, как и всегда, Ренлан мысленно поклялся, что больше не будет столько пить, когда на следующий день с утра выходить на смену. Он спал-то от силы два часа, и если бы Шмаков король не спалил замок, не пришлось бы дежурить одному: многих Синих Стражей отправили помочь разгрести завалы, и в некоторых сторожевых башнях (включая этот) теперь дежурили поодиночке.

Бессердечный Роффри, которого он пришел сменить, громко расхохотался и от души шлепнул его по плечу, прежде чем уйти.

Ренлан вздохнул, потянулся, огляделся, полез в сумку. В спешке выходя из дому, он забыл положить еды, зато прихватил фляжку с без преувеличения целебной амброзией.

«Лучше разбавить», — думал он, доставая чистую кружку. Налил дрожащей рукой на два пальца и добавил воды из стоявшего рядом бочонка. Вышел на площадку, глубоко вдохнул холодный утренний воздух. Голова медленно прочищалась. Он медленными глотками выпил приготовленную смесь. Даже будучи разбавленной она словно кипятком прошла вниз по пищеводу. Ренлан закряхтел, зевнул от души, не понимая уже, чего так испереживался и суетился из-за смены, боясь, что опоздает.

Он лениво оперся о перила, разглядывая улицы. Город только просыпался, неторопливо разъезжали экипажи, плелись после ночной смены рабочие, весело переговариваясь, куда-то спешили симпатичные девчушки, ранние пташки. Ренлан усмехнулся, пригладил мизинцем усы, сделал еще пару глотков.

Хорошо.

Взгляд его блуждал дальше, обошел несколько повозок позади крупного магазина, заметил дымку, вьющуюся над пекарней. Один друг рассказывал, что в некоторых пекарнях разжигают дрова в печи, дескать, так хлеб на вкус получается особенным. Так это что же, получалось, у бедняков, у которых не хватает денег на огненные камни, хлеб вкуснее, чем у богачей? Надо же...

А вон и караван торговцев направляется в сторону ворот, не к центру, где расположена Дверь. Судя по сопровождающим и своему внешнему виду, торговцы были не богаты и, скорее всего, направлялись в города помельче, которые встретились бы на пути. В их сторону торопился невысокий молодой мужчина с ребенком. Судя по одежде, это был мальчик. Мужчина, не останавливаясь, подхватил ребенка на руки. Его плащ на секунду распахнулся, и Ренлан с удивлением увидел, что мужчина хорошо вооружен, хотя по тщедушному виду трудно было заподозрить в нем воина. Он что-то говорил мальчику. Мальчик плакал, но согласно кивал. Обнял мужчину за шею и смотрел ему за спину. А потом они скрылись за углом, и Ренлан выбросил их из головы.

Он вспомнил об этой парочке следующим утром, когда пришел на дополнительную смену. Шмаков король! Если бы он не угрохал замок, не пришлось бы работать лишние часы! Что ни день, то новая напасть! Вчера пришлось разбираться с экипажем, извозчик которого не справился с лошадьми, и тяжелый груз опрокинулся на окна магазина дамских туалетов. Вечером вместо Сэлли, обещавшей встретиться с ним у розового фонтана, пришел ее старший брат, и Ренлан лишь каким-то чудом заметил его первым и успел уйти, пока не случился страшный конфуз.

— Ну и как в таких условиях спокойно работать? — бормотал он, украдкой разбавляя амброзию водой.

Свежий утренний воздух приободрил, первые несколько глотков встряхнули. Ренлан буквально чувствовал, как растекается в нем живительная сила чудного напитка.

Он оглядел свои владения, приглаживая усы. Из пекарни, как и во все предыдущие утра, клубился дымок, несколько ранних пташек куда-то спешили, весело размахивая сумками и возбужденно переговариваясь и хихикая. А вон и кучка сброда с повозками, направляющаяся к воротам города. Ренлан ухмыльнулся. Очередная пляска паршивцев ойле-локо-дан в этот раз накрылась решетом в бурный ливень. Они приехали сюда, наверняка ожидая, что будет объявлено о помолвке короля, и за этим последуют празднества, во время которых удастся обобрать славных добрых горожан и набедокурить. Но вот незадача — шмаков король и тут умудрился напакостить.

Ренлан захихикал, сделал очередной глоток и с интересом посмотрел на молодую женщину, которая вела за руку ребенка, девочку. Тут он и вспомнил об увиденной вчера парочке — они шли по этому же проулку. Девочка то и дело опускала капюшон, заглядывала в застекленные витрины магазинов, любуясь собой, иногда подпрыгивая, чтобы увидеть свое отражение. Ее черные волосы, забранные в два хвостика, весело подпрыгивали вместе с ней. Женщина со вздохом останавливалась, поправляла капюшон, в конце концов, взяла девочку на руки. Девочка что-то говорила. Ренлан украдкой огляделся и прошептал заклинание острого слуха. Он иногда развлекался так — то глаз, то слух обострял, хотя после те некоторое время болели. Все равно нечем было заняться, а юркая девчужка была забавной.

— Поскорее бы показать братику мою новую прическу, — сказала она. — Вот он удивится, да?

— Точно.

— Теперь я как папочка, вот бы и мамочке показать. — Девочка погрустнела, всхлипнула, и молодая женщина быстро перевела тему:

— Мне очень понравилось одно имя, которое ты выбрала. Алинор? Элисион?

— Алиция! — возмущенно поправила девочка. — Я принцесса Алиция! Прекрасная принцесса, которая спасла королевство от злых первых тварей!

— Конечно, как я могла забыть.

— Ничего, — важно ответила девочка, преувеличенно вздохнула и посетовала: — в вашем возрасте вам бы только пивка попивать, да дам ублажать, эх, где ваши заслуженные почести?

Ренлан с трудом удержался от хохота. Парочка уже почти скрылась из зоны видимости и слышимости, но он успел расслышать изумленное негодование молодой женщины и ответ защищающейся девочки:

— Это Биттиан так говорит!

Ренлан согнулся пополам и дал волю смеху. А Биттиан-то прав, подумал он и снова расхохотался до слез. Немного успокоившись, он приложился к остаткам напитка, посерьезнел, задумчиво уставился на пустующее место, которое прежде занимала Южная Вершина, и, кряхтя и поглаживая усы, принялся чистить свое оружие.

дневник Лока: о сестрах

Есть вещи, которые невозможно изменить, сколько бы ты ни пытался, касается это в данном случае — темперамента существа, который закладывается еще в утробе матери.

Эйласенда вспыльчива и сурова, ей тяжело признавать свои ошибки. Она с детских лет привыкла быть лучшей: быть примером для нас, привыкла к ответственности, поскольку из-за Доли Старшего ей приходилось приглядывать за мной и Софиэлой. Медитации мало помогают ей: стоит случиться чему-то, что задевает ее, как характер берет верх. Эйласенда привыкла действовать стремительно, порой ее импульсивность бежит впереди нее.

Кажется, для уравнивания жесткого характера Эйласенды мягкость и теплота перешли к Софиэле.

Софиэла бесконечно добра и находит оправдание даже убийцам. В детстве то и дело приносила в дом брошенных крысехваток, летучих буззи, как-то голодала неделю: притворялась, что намеревается поесть в комнате, но вместо этого относила еду всякому отребью, которое постоянно вьется вокруг нее, словно чувствуя ее характер.

Вместе с тем в Софиэле живет некая хитринка, чего в ее наивном добром лице ну никак не заподозрить. Эйласенда же напротив — пряма и не терпит лжи и фальши даже из благих побуждений.

Разумеется, они часто не сходятся во мнении и, будучи бесконечно упрямыми, разрывают дом в криках конфликта.

Разумеется, именно мне приходится мирить их, из-за чего непостижимым образом виноватым во всем остаюсь я, а эти двое, сбив пар (как выражается моя дорогая ученица), спокойно устраиваются за чашечкой чая, оставив меня в ошеломлении.

Эйласенда презирает людей, оттого в последние годы презирает и меня — за мое уважение и интерес к ним. Поначалу мне казалось, что интерес Софиэлы к Срединному миру связан исключительно с желанием насолить Эйласенде, потому я был немало удивлен, узнав, что она делает все, чтобы попасть туда. Также я удивлен и обрадован тем, что она и моя дорогая ученица Лоис нашли общий язык. Воображаю их встречу, наши совместные приключения и исследования... Быть может, и нрав Эйласенды однажды смягчится, и она увидит, что в людях кроется нечто большее, чем кажется на первый взгляд?

На время, пока на месте сгоревшего жилища строили новое, Ороро приобрел дом, щедро уплатив за него хозяйке — строгой пожилой женщине. Молодая служанка приходила сюда прибираться и готовить, и частенько задерживалась ненадолго поиграть с Броном. Ороро платил ей сверх-обещанного, но она, смеясь, говорила, что и без того оставалась бы подольше: дома ее ожидал подвыпивший отец, гора грязной посуды и одежды, постоянно спорящие и дерущиеся младшие братья и сестры...

Ороро привычно открыл Дверь в одном из заброшенных домов на окраине, обернулся человеком и оделся в заготовленную заранее теплую одежду.

Он внимательно оглядел себя в большом треснутом зеркале, расчесал поседевшие волосы, оттянул кожу на скуле к виску. Отпустил. Морщины никуда не исчезли. Боги, он выглядел старше сестры, а когда просыпался, все тело ломило, хрустели суставы. Как бы скоро его не начали называть дедушкой... Ороро невесело ухмыльнулся своему отражению.

Чтобы не вызывать ненужных подозрений, к временному жилищу Брона он обычно добирался на экипаже или пешком, если было настроение и силы для прогулки, как сейчас. Все же клятва слуги, на которую он покусился, оставила слишком глубокие следы. Одна из многих ошибок, о которых он будет всегда сожалеть. Одна из многих, что обошлась дорогой ценой.

«Похоже, я и впрямь дурак, — подумал он, разглядывая улицы. Стремительно светлело. Солнечный день сменял пасмурное утро, людские голоса звучали все оживленней, тархтели колеса экипажей по вымощенной булыжниками мостовой. — Проваливаться каждый раз в одну и ту же яму... Стоит только подумать, что усвоил урок, что ничем уже не проймешь, как приходится платить за свою гордыню».

Благо, все обошлось. Хранитель Южной Вершины больше не властен над ним, да и не Хранитель он больше, да и Южной Вершины больше нет. Осталось лишь проследить, чтобы так оно и оставалось.

Цертер пришел в себя спустя два дня, во время которых Ороро предпочитал не являться на глаза разъяренному Вортару. Игнорируя приказы оставаться в постели и выздоравливать, Цертер велел вызвать Ороро и тщательно его обо всем расспросил: о барьере, который защитил его и Вортара от воздействий Первого Проклятия; о том, что случилось после, когда он потерял сознание; о том, как отразилось разрушение Вершины на Хранителе, на Среднем мире, на магических потоках. Он спрашивал, слушал, одновременно записывал нужные сведения, составлял план новых вопросов — и действий. После он и остальные друзья Вортара долго совещались и раздумывали над дальнейшим. Цертер принял во внимание состояние Ороро и настоял на том, чтобы дать ему больше времени на восстановление, за что Ороро был ему глубоко благодарен.

Что ж, в этот раз ему действительно повезло — с тем, что решил довериться Вортару, что Цертер был в этот момент рядом, что прислушался к интуиции и решил подстраховаться с помощью той девушки по имени Лоис. Повезло, что у короля Гейлорда была слабость. Но нельзя больше быть таким самонадеянным и опрометчивым. Он недооценил врага, когда тот вломился в дом Грэма — и семья его названного брата погибла (что подумал Грэм, увидев его истинный облик?..). Переоценил себя, когда вломился в дом врага — и маленький Брон едва не остался совсем один. Он вырос бы в детском доме, где до него никому не было бы дела, и

каждую ночь просыпался бы от кошмаров в слезах.

Ороро поежился и ускорил шаг. Добравшись до домика, открыл запертую дверь своим ключом, тихо вошел и снял сапоги и обитый мехом плащ.

Гостиная была небольшой, напротив двери находился стол, на котором стоял кувшин со свежими цветами, за ним, напротив камина, располагалось большое старое кресло. По левую руку находилась кухня, а по правую — две комнаты, в одной из которых спал обычно Брон.

Ороро осторожно, чтобы не скрипнула половица, зашагал к комнате Брона, разглядывая лучи солнца, брызжущие из окна на теплые деревянные половицы. Добравшись до нужной двери, он так же медленно и осторожно ее открыл. В комнате было темно — окнами она выходила на северную сторону. Комната была пуста, и Ороро резко огляделся, обернулся к комнате напротив, но та была заперта, точно ведь, он сам ее запер, оставив здесь уцелевшие вещи из дома Грэма.

Он понял, где Брон, прежде, чем повернулся к гостиной и увидел его спящим на кресле, но еще раньше ощутил удушающий ужас, сжавший сердце в ледяной кулак.

(не доглядел)

(вновь провалился, теперь уже окончательно)

(он монстр, монстр, страшное чудовище, пожирающее всех и вся, проклятое отродье, которое не должно было родиться на свет и существовать)

— Дядя? — раздался неуверенный детский голосок.

Проснувшийся Брон настороженно сверлил его зелеными глазенками, пригнувшись у подлокотника кресла, будто затаившийся зверек. Ороро моргнул. Наваждение прошло. Он нахмурился и поспешил к Брону.

— Ты почему спишь здесь? — обескуражено спросил он первое, что пришло в голову.

— Мне кошмар приснился, — пробормотал Брон. — Я звал тебя, но тебе опять не было, а в комнате... — Он сглотнул и тихо добавил: — Здесь лучше.

Ороро вздохнул, подвинул Брона и сел на кресло, усаживая мальчика на себя. Брон тут же прижался к нему и крепко обнял за шею.

— Помнишь сон?

— Мама и папа. — Брон засопел, но, по крайней мере, больше не плакал при их упоминании. — И то чудище. Оно хотело съесть тебя, и я ударил его палкой, а потом... — Брон задрожал. — Оно погналось за мной и укусило вот сюда, — он со слезами показал на свою руку.

Он несколько дней носил специальную лечебную повязку, и теперь ожоги от клятвы почти сошли.

— Вот как, — проронил Ороро.

Брон шмыгнул носом и кивнул.

— Когда ты снова уйдешь?

— Когда у меня появится работа, — помедлив, ответил Ороро.

— Ты можешь взять меня с собой?

— Нет, — громко и резко ответил Ороро и прикусил язык. Глаза Брона знакомо широко раскрылись в испуге. — Но я могу привезти тебе что-нибудь, — поспешил исправиться Ороро. — Какую-нибудь игрушку или сладость... В следующий раз, когда мне снова придется пойти на работу, я принесу тебе что-нибудь, договорились? — воскликнул он, довольный собой, но Брон лишь странно и как-то укоризненно посмотрел на него.

— Дядя Нихроро, просто в другой раз вернись поскорее. Пожалуйста?

Ороро медленно серьезно кивнул.

В другой раз, да?..

Что ж, он больше не имел права рисковать своей жизнью. Точнее, он знал и раньше, что очень ценен — на нем держался план Вортара, от него зависели судьбы тэйверов (что, по правде, его не очень-то беспокоило), судьба сестры. Пусть с годами они отделились, он по-прежнему любил ее и не мог избавиться от мысли, что едва удастся создать абсолютный барьер, как он тут же перенесет ее в безопасное место, на острова, где ей не будут угрожать ни высшие и низшие твари, ни недостойные ее мужланы. Конечно, она ему этого не позволит: с годами она все сильнее доверяла Вортару и его шайке, она была тэйвером, любила свой народ и гневалась за несправедливое проклятие. Она любила и Ороро, но тот не мог избавиться от чувства, что, отчасти, она была рада своему влиянию на него, и что могла помочь благодаря этому Вортару, чьи планы поддерживала.

Теперь же, как и всегда, глядя в доверчивые зеленые глаза, Ороро ощутил, что действительно нужен безо всяких условностей. Юный человеческий мальчишка любил его с простодушной искренностью существа, чья душа еще не была омрачена алчностью, не познала расчетливость, не искала выгоды. Брон хотел, чтобы Ороро был рядом, потому что был привязан к нему, и кем бы тот был, если бы предал столь чистое доверие?

Нет уж, эту миссию он не провалит, твердо решил Ороро. Он выживет и вырастит Брон так, чтобы тот ни в чем не нуждался, стал сильным и научился себя защищать. Он передаст человеческому мальчику свои знания, научит необходимому, вырастит, как если бы Бронн был его собственным сыном.

Ороро часто задышал, задрожал от непонятных волнующих чувств и крепко обнял мальчика.

Перво-наперво нужно восстановить его здоровье и магические пути, после — закалить и укрепить тело тренировками. Не жалеть — жалеть будет он сам, если однажды окажется, что был недостаточно строг, — и в то же время быть добрым и всегда готовым выслушать. Не поддаваться капризам, но и не забывать иногда баловать. Обучить драться без оружия и с оружием, помочь подобрать подходящее — даже если Брон изберет другой путь, он должен будет уметь сражаться, это спасет ему жизнь в случае чего. Обучить контролировать магию, ох, первым делом, конечно же, научить магии исцеления, одно плохо — Ороро сам был в этом бесполезен, так что придется попросить кого-нибудь другого. Показать, как действуют артефакты, заказать и подарить ему несколько, рассказать о магических законах и формулах... Голова закружилась от воодушевления и нетерпения.

Брон тем временем закопошился, засопел, вывернулся из рук Ороро и поспешил на кухню со словами, что хочет пить. Вскоре из кухни донесся грохот и звон, испуганный крик мальчика и вопли с призывом дяди.

Ороро усмехнулся, энергично вскочил, на краткий миг позабыв о непроходящей усталости и боли в теле, и поспешил на кухню разбираться с очередной катастрофой. Кажется, он поспешил с передышкой: судя по всему, задание, которое ему предстояло, было гораздо сложнее, чем он полагал...

Больше книг на сайте - Knigoed.net